С. МЕЛЬГУНОВ

СУДЬБА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

ПОСЛѢ ОТРЕЧЕНІЯ

EDITIONS «LA RENAISSANCE»
ПАРИЖ

С. МЕЛЬГУНОВ — СУДЬБА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II ПОСЛѢ ОТРЕЧЕНІЯ

С. МЕЛЬГУНОВ

СУДЬБА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

ПОСЛѢ ОТРЕЧЕНІЯ

Историко-критическіе очерки

EDITIONS «LA RENAISSANCE»
ПАРИЖ

S. MELGOUNOFF

LE DESTIN
DE
L'EMPEREUR NICOLAS II
APRES SON ABDICATION

Etudes historiques

EDITIONS «LA RENAISSANCE»
73, Avenue des Champs-Elysées.
PARIS

Tous droits de traduction et de reproduction réservés
pour tous pays, y compris l'U.R.S.S.
Copyright 1951 by «La Renaissance»,
73, Avenue des Champs-Elysées, Paris - 8-ème.

ОТ АВТОРА

Предлагаемая читателям книга является *заключительной частью* трилогіи, озаглавленной автором «Революція и Царь». Быть может, надо пояснить нѣсколько необычную внѣшнюю архитектонику печатаемых историко-критических очерков. Читателю, познакомившемуся с процессом работы автора, она, думается, не покажется искусственной, и для него станет понятной необходимость отступленій от основной схемы, придавших всему труду значительно болѣе широкую историческую амплитуду, нежели та, которая вытекает непосредственно из заглавія.

В 1936 г. в Парижѣ бывшим предсѣдателем Совѣта Министров перед европейской войной 14 года, гр. Коковцевым, был прочитан в «Обществѣ ревнителей памяти Императора Николая II» доклад, повидимому озаглавленный так: «Была ли возможность спасти Государя и его семью в условіях между его отреченіем в Псковѣ и роковой развязкой в Екатеринбургѣ?»*).

Выступленіе Коковцева сопровождалось шумной газетной полемикой со стороны бывших членов Временнаго Правительства Керенскаго и Милюкова, не согласных с выводами докладчика; Керенскій выступал и с публичным докладом на эту тему. В спокойном и объективном по формѣ изложеніи Коковцев дѣлал заключеніе, что Временное Правительство вынуждено было уступить перед настояніями Совѣтов в вопросѣ о предполагавшемся отъѣздѣ царской семьи в Англію в первые дни революціи, что, конечно, спасало бы ее от ужасной судьбы в Екатеринбургѣ. Керенскій и Милюков, далеко не согласные между собой, — им в предшествовавшіе годы в связи с опубликованіем в 32 году мемуаров Ллойд-Джорджа приходилось уже высказываться по поставленному Коковцевым вопросу, — единодушно отвѣчали, что помѣшал отъѣзду за-границу отказ со стороны Англіи, которая вынуждена была взять обратно, по требованію премьера (Л. Джорджа), свое согласіе на оказаніе гостепріимства отрекшемуся от престола русскому монарху.

Ни первое заключеніе Коковцева — в силу недостаточнаго знакомства послѣдняго с фактической стороной дѣла (Коковцев отрицал «отказ англійскаго правительства»), ни второе — Керенскаго и Милюкова, в силу их политических тенденцій, не давали

*) В «Посл. Новостях» доклад был почти полностью воспроизведен под другим наименованіем: «Возможен ли был отъѣзд Императора Николая II заграницу?», а в «Возрожденіи» он был назван: «Трагедія царской семьи».

исчерпывающаго отвѣта, ибо факты, если говорить уже об «отвѣтственности», отнюдь не снимали ее с Временнаго Правительства: на разрѣшеніе вопроса об отъѣздѣ повліяло не только «безсиліе» Правительства перед Совѣтами, не только зависимость его от специфическаго напора «совѣтской» общественности, не только хотя бы закамуфлированный запоздалый «отказ» Англіи, но и опредѣленная тактика самого Правительства. Выявить эту тактику и связать ее со всей русской общественностью того времени и является задачей настоящей работы.

И здѣсь было первое препятствіе. Тактику Временнаго Правительства в отношеніи к бывшему Императору приходилось разсматривать в связи со всей позиціей Правительства, которая не могла быть разсмотрѣна внѣ хода самого революціоннаго процесса. Это было неизбѣжно уже потому, что политика Временнаго Правитеьства в отношеніи к Императору Николаю II была тѣсно и неразрывно связана с псковским отреченіем. Пониманіе автором исторіи этих дней со стороны даже установленія простых *фактов* подчас значительно расходится с признаваемым в исторической литературѣ при всем ея различіи в политических оттѣнках. Вот почему первую часть работы пришлось посвятить исторіи «мартовских дней» и дѣятельности Временнаго Правительства перваго состава. Необходимость обосновать свой взгляд и критически просмотрѣть «факты», устанавливаемые другими, привела к значительным отступленіям в изложеніи. В сущности, это исторія как бы первых двух мѣсяцев революціи, правда, неполная, так как далеко не всѣ вопросы, естественно, вошли в кругозор сдѣланнаго историческаго обозрѣнія.

Истинной причиной задержки царской семьи в Россіи являлось существованіе Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи, созданной Временным Правительством для разсмотрѣнія «преступленій» дѣятелей стараго режима, — она должна была произвести разцѣнку и преступной дѣятельности носителей верховной власти. Дѣло о Царѣ было лишь одним из звеньев той многогранной криминализаціи дѣяній стараго порядка, которой занялась так называемая Муравьевская Комиссія. Слѣдствіе о верховной власти фактически велось в предѣлах тривіальной формулы об «измѣнѣ» — другими словами, той легенды о «сепаратном мирѣ» с нѣмцами, которая в годы войны, предшествовавшіе революціи, сыграла такую роковую роль в судьбѣ династіи. Тут встрѣтилось второе препятствіе. Дореволюціонная легенда, рожденная в психологіи или вѣрнѣе психозѣ войны, и послѣ февраля находила своих адептов — разрушить эту иллюзію не могла поверхностная экспертиза Чр. Слѣд. Комиссіи, никогда офиціально не опубликованная. Пришлось довольно детально разсмотрѣть фактическую аргументацію тѣх, кто не только продолжал вѣрить в миф, но и обосновывал его в исторических изысканіях. Для уясненія процесса возникновенія и развитія легенды необходимо было коснуться войны, дѣятельности императорскаго правительства и широкой общественной оппозиціи ему. Автору в свое время пришлось уже касаться этой темы в книгѣ «На путях к дворцовому перевороту», которая

служила как бы введеніем к исторіи революціи 17-го года. В спеціальном обозрѣніи матеріала, на основѣ котораго творилась уже легенда историческая, естественным центром разсмотрѣнія сдѣлалось то, что в «На путях к дворцовому перевороту» являлось аксесуаром, а то, что было там центром, т. е. разсказ о попытках активной борьбы с угрозой или миражем сепаратнаго мира, здѣсь фигурирует лишь, как иллюстрація.

Итак, разбор «легенды о сепаратном мирѣ» явился в текстѣ результатом разсмотрѣнія дѣятельности Чр. Слѣд. Комиссіи, этого неудачнаго дѣтища революціоннаго правительства. Мы должны были вступить в эпоху предреволюціонную и потому, казалось, болѣе логичным этот разросшійся в отдѣльную книгу обзор помѣстить в хронологическом порядкѣ на первом мѣстѣ, ибо пришлось говорить о времени, служившем прелюдіей к мартовским дням. Слѣдовательно, *первая* часть трилогіи фактически сдѣлалась *второй*.

Третья часть, нынѣ печатаемая, посвящена положенію отрекшагося от престола Государя послѣ формальнаго завершенія февральскаго катаклизма. Постановленіем Временнаго Правительства Николай II и Александра Федоровна были арестованы, а фактически, слѣдовательно, и вся семья находилась в Царскосельском дворцѣ. В Англію семья не уѣхала, и по рѣшенію правительства в новом, уже коалиціонном составѣ была переведена в ссылку в отдаленный Тобольск, гдѣ и застал ее большевицкій переворот 25 октября.

Этой новой россійской катастрофѣ автором посвящена особая работа, написанная на основаніи матеріалов, опубликованных самими большевиками за 25 лѣт, — «Как большевики захватили власть» — в данном случаѣ приходится только на нее сослаться (Эта исторія октябрьскаго переворота 17 г. выходит отдѣльной книгой в ближайшее время в изданіи «Посѣва»). Выводы, к которым пришел автор, коренным образом разошлись с установленным трафаретом, и прежде всего в установленіи фактической канвы. Наступила в сущности новая эпоха, не связанная с основными идеями революціи 17-го года. Появились новые люди и создалась новая общественная обстановка. В этой обстановкѣ надлежало разсмотрѣть и «Екатеринбургскую трагедію», закончившую жизненный путь императора Николая II. Но возникало новое затрудненіе — для историка наиболѣе важное. Мы не располагаем еще достаточным количеством провѣренных данных для разсмотрѣнія тѣх «тайн», которыми полны еще страницы драматическаго повѣствованія о «послѣдних днях» пребыванія в «красной столицѣ» Урала несчастнаго Монарха и его семьи. Промолчать — это значит оставить книгу без конца. И автор должен был сознательно ограничить себя преимущественно анализом концепцій других и по крайней мѣрѣ постараться разрушить созданные мифы — в честности тѣм самым слѣдователем Соколовым, который так много сдѣлал для конкретизаціи омерзительной бойни в 18 году в ночь на 17 іюля по новому стилю. Это потребовало и мѣста и отступленій.

«Екатеринбургской трагедіи» в широком смыслѣ этого слова и посвящены послѣднія страницы работы.

Автору слишком часто на протяженіи всего труда приходилось анализировать тѣ или иныя версіи, плохо иногда обоснованныя, поэтому он прибавил к своей работѣ подзаголовок «историко-критическіе очерки». Критик других, сам должен быть неуязвим. Нѣкоторым оправданіем для автора служат совершенно исключительныя, тяжелыя условія, при которых писались в 1939-44 г.г. послѣдующія страницы: ненормальный для научной работы эмигрантскій быт соприкоснулся с новой міровой катастрофой, которую открыла вторая міровая война...

20 Декабря 1944 г.

Вторая часть моей работы («Мартовскіе дни 17 г.»), посвященная анализу революціонных событій, которыя привели к отреченію имп. Николая II, печатается из номера в номер в журналѣ «Возрожденіе», начиная с т. 12-ой 51 г.. К этим статьям я и отсылаю читателей, желающих понять обстановку, которая в извѣстной степени опредѣляла факты, разсказанные в настоящей книгѣ.

ЧАСТЬ I

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЦАРЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

АРЕСТ ЦАРЯ

1. Настроенія в столицах.

Судьба отрекшагося Государя неразрывным узлом была связана с половинчатой и подчас неопредѣленной политикой Временнаго Правительства. В изображеніи мемуаристов из числа членов Правительства поведеніе послѣдняго в отношеніи к бывшему Императору всегда было ясно, опредѣленно и благородно, что особливо подчеркивает Керенскій в книгѣ, изданной для иностранных читателей («La Verité»). В дѣйствительности в лабиринтѣ противорѣчій между фактами, документами и воспоминаніями не так легко разобраться и еще труднѣе объяснить эти противорѣчія даже послѣ тщательнаго изслѣдованія вопроса о судьбѣ Царя слѣдователем Соколовым, из кругозора котораго многое ускользнуло в силу незнакомства его с матеріалом, которым мы можем теперь располагать.

Пойдем в своем обозрѣніи по пути хронологическому. Начальная вѣха на нем встрѣтится в видѣ перваго сохранившагося и напечатаннаго протокола засѣданія Исп. Ком. Совѣта Р. и С. Д. от 3-го марта, в котором нѣсколько неожиданно зарегистрировано рѣшеніе Исп. Ком. арестовать «членов династіи Романовых».

Вот полный текст постановленія, воспроизведеннаго по черновым записям: «1. Довести до свѣдѣнія Раб. Деп., что Исп. Ком. Совѣта Р. и С. Д. постановил арестовать династію Романовых и предложить Врем. Прав. произвести арест совмѣстно с Совѣтом Р. Д. В случаѣ же отказа, запросить, как отнесется Вр. Пр., если Исп. Ком. сам произведет арест. Отвѣт Вр. Пр. обсудить вторично в засѣданіи Исп. Ком. 2. По отношеніи к Михаилу произвести фактическій арест, но формально объявить его лишь подвергнутым надзору революціонной арміи. 3. По отношенію к Ник. Ник., в виду опасности арестовать его на Кавказѣ, предварительно вызвать его в Петроград и установить в пути строгое за ним наблюденіе. 4. Арест женщин из дома Романовых производить постепенно, в зависимости от роли каждой в дѣятельности старой власти. Вопрос о том, как произвести аресты и организацію арестов поручить разработать военной коммиссіи Сов. Р. Д.*). Чхе-

*) Военная Комиссія — это в сущности военная комиссія, офиціально числившаяся при Временном Комитетѣ Гос. Думы.

идзе и Скобелеву поручено довести до свѣдѣнія Правительства о состоявшемся постановленіи Исп. Ком. Совѣта Р. Д.».

Пункт 4-ый постановленія как будто не оставлял сомнѣній в том, что проектируемый арест должен и может распространяться рѣшительно на всѣх членов династіи.

Чѣм было вызвано постановленіе, в протоколѣ ничѣм не мотивированное?... Основываясь на «приложеніи» к напечатанному протоколу, гр. Коковцев в докладѣ своем заключал, что «Совдепу» уже извѣстно было о предполагаемом отъѣздѣ Царя заграницу, и что этот вопрос дебатируется в правительствѣ в «благопріятном смыслѣ». Заключеніе докладчика основано было на явном недоразумѣніи — он принял позднѣйшія неудачныя объясненія комментаторов текста за мотивировку, данную в «приложеніи». Конечно, в «Совдепѣ» 3-го марта не могли знать об отъѣздѣ заграницу, так как на этот день такого проекта еще не существовало: напомним, что Николай Александрович на вопрос делегатов при подписаніи отреченія отвѣтил, что он предполагает пробыть нѣсколько дней в Ставкѣ и затѣм переѣхать к семьѣ в Царское Село. В правительствѣ, которое фактически еще не сконструировалось и, как таковое, еще не собиралось, не мог дебатироваться 3-го марта вопрос о судьбѣ династіи. На другой день косвенно этот вопрос поднялся на первом засѣданіи правительства, как о том свидѣтельствует дошедшій до нас нѣсколько «апокрифическій» протокол засѣданія 4-го марта. В нем значится: «Министр Иностр. Дѣл доложил, что Совѣт высказался за «необходимость выдворить членов императорской фамиліи из предѣлов Россійскаго Государства, полагая эту мѣру необходимой по соображеніям политическим, так и небезопасностью их дальнѣйшаго пребыванія в Россіи». Члены правительства признали, что «распростанить эту мѣру на всѣх членов нѣт достаточных основаній, но такая мѣра необходима для Николая II и Михаила Александровича и их семей. Нѣт надобности настаивать на выдвореніи за предѣлы Россіи — достаточно ограничить их мѣстопребываніе и возможность свободы передвиженія». Мы не имѣем возможности опредѣлить, что в этой информаціи и в этом разговорѣ должно быть отнесено на счет неудачной формулировки наспѣх составленной протокольной записи, но послѣдняя все же обрисовывает контур постановки династическаго вопроса на другой день послѣ завершенія государственнаго кризиса.

Надо отмѣтить, что утвержденіе большевицкаго лѣтописца Шляпникова, что будто бы «вопрос об арестѣ Николая с семьей обсуждался н е о д н о к р а т н о до 3-го марта», т. е. до отреченія, что только пребываніе царя на фронтѣ «ставило Исп. Ком. в полную невозможность предпринять шаги к аресту», и что к аресту царя «стали готовиться с того момента, когда получены были извѣстія о прибытіи Николая на ст. Дно и Псков», относится цѣликом к области мемуарнаго воображенія*). Возможно, что в Выборгском районѣ, гдѣ с самаго начала были сильны большевиц-

*) Памятью мемуариста зафиксирован даже выбор 1-го марта комиссара для ареста, Гвоздева. Все это было 6-го (и скорѣе 8-го) марта.

кія тенденціи, и высказывались уже 28-го февраля пожеланія отдѣльными лицами о преданіи царской семьи «суду революціоннаго народа», но это не могло быть лозунгом для рабочей среды, а тѣм болѣе в Исп. Ком., ибо это было бы слишком несуразно и наивно в тот момент, когда в революціонной столицѣ распространилось извѣстіе, что царь в Ставкѣ подготовляет движеніе войск на подавленіе мятежнаго Петрограда. Внѣшне настроеніе большевиков, членов Исп. Ком., было совсѣм иное. Конечно, не отказ думцев в ночь соглашенія с представителями Совѣта включить в договор пункт о непредрѣшеніи формы правленія побудил Исполн. Ком. принять постановленіе об арестѣ, как то утверждает член «военной комиссіи» Мстиславскій. Этот отказ не нарушил соглашенія*), не нарушила его непосредственно и преждевременная рѣчь Милюкова 2го марта, по существу очень далекая от простой агитаціи в пользу монархіи, так как она пыталась поставить союзников перед фактом продолженія послѣ революціоннаго переворота монархическаго строя (с неимѣющей значенія оговоркой — до Учред. Собранія). Нарушил равновѣсіе тот отклик, который дало населеніе столицы. Позиція Исполн. Комитета окрѣпла. Настойчивость «фактическаго главы» новаго правительства дѣйствительно обезпокоила совѣтских дѣятелей и тогда, когда произошло без осложненій отреченіе, когда отодвинулась надвигавшаяся гроза, явилась мысль изолировать мыслимых конкурентов и пресѣчь в корнѣ возможность реставраціонных попыток. Только так, на мой взгляд, можно объяснить постановленіе Исп. Ком. 3-го марта. Дѣятели революціи из лѣваго крыла общественности не ощущали моральной отвѣтственности перед носителем прежней власти, ибо не принимали непосредственнаго участія в переговорах об отреченіи. Для них император был низложен и, если он представлял опасность, его надлежало изолировать. Руководило чувство цѣлесообразности, а не политической чести. Большой скрупулезности в этом отношеніи они не проявили, так как т о л ь к о ф о р м а л ь н о можно было говорить, что на них не лежала отвѣтственность, которую устанавливал добровольный отказ от власти Императора**). Но справедливость — не символ революціи. Находя опору в настроеніи толпы, они прямолинейно ставили вопрос перед новым правительством.

Прошло два дня. Положеніе как будто бы не измѣнилось. Впослѣдствіи скажут, что Исп. Комитет вынужден был дѣйствовать исключительно под давленіем рабочих, которые настойчиво требовали ареста Николая I. Обер-гофмейстерина Нарышкина, не соприкасавшаяся и по своему возрасту и по своему положенію с массами, занесла в дневник 5-го марта: — «Опасна кровожадная чернь, — отреченіе ее не удовлетворило, жаждет цареубійства». Наблюденіе это — в большой степени книжный анализ, нежели отзвук реальной современности — автор дневника не чужд был исторіи и разсказывал Императору эпизоды из революціи 48-го года.

---

*) См. «Мартовскіе дни 17 г.» — «Возрожденіе», т. т. 13 и 14.
**) См. соотвѣтствующую статью в «Возрожденіи», т. т. 15 и 16.

Мотив подхватили современники и мемуаристы, даже вышедшіе из иной среды, чѣм та, к которой принадлежала Нарышкина, между тѣм довольно трудно подтвердить его достаточным числом фактических иллюстрацій. С большим правом можно сказать, что инициатива ареста отрекшагося Государя исходила из руководящих кругов революціи — не столько из чувства историческаго или революціоннаго возмездія, сколько по соображеніям тактическим. Достаточно характерно, что в спеціальных изданіях, посвященных описанію настроеній рабочих в первые мартовскіе дни, большевицкіе архиваріусы могли собрать весьма незначительное количество матеріала, которым можно было бы подтвердить крайнее волненіе, которое будто бы наблюдалось в рабочей средѣ в связи с фактом пребыванія Царя на свободѣ. К таким изданіям принадлежит собраніе документов о «Рабочем движеніи в 1917 г.», которое вышло в 26 г. в серіи «Архив Октябрьской Революціи». Здѣсь, между прочим, напечатаны резолюціи, принятыя на рабочих собраніях по поводу постановленія Совѣта 5-го марта о необходимости прекратить забастовку и возобновить работу. В нѣкоторых резолюціях, протестовавших против ликвидаціи стачки с «оборонческой» точки зрѣнія, в виду того, что «революціонная волна еще не захватила всей Россіи», что «старая власть еще не рухнула» и «побѣды над врагом еще нѣт», встрѣчается пункт с требованіем устраненія «Дома Романовых»*) для предупрежденія всякой попытки к контр-революціи. Отличительной чертой этих немногочисленных резолюцій (их приведено всего 4) является их однотипность, — даже в терминологіи: — «борьба с царем еще не закончилась», «глава с цѣлой ратью (вар. — «шайкой») еще не изолированы». «даже жертвы борьбы (вар. — «революціи») еще не похоронены», «считаем, что постановленіе (возобновленія работ) преждевременно, но не желая вносить дезорганизаціи в ряды демократіи» и т. д. Резолюція рабочих «Динамо» выражалась болѣе сильно: — «Дом вампиров Романовых», «Кровожадный Николай, отрекшійся, но еще находящійся на свободѣ», «Мы не гарантированы, что этот вампир не сдѣлает попытки снова появиться на аренѣ нашей жизни». Нѣт сомнѣнія, что всѣ эти резолюціи по образцу, заранѣе заготовленному, вышли из большевицкаго источника, при том из «лѣвой» группы данной фракціи. Резолюція рабочих «Динамо» возмущается тѣм, что Совѣт вмѣсто того, чтобы обратиться к народу Германіи с призывом «прекращенія бойни», призывает «приготовлять снаряды» — «понятно, почему мы с ним не пойдем рука об руку».

Указанныя резолюціи завершаются коллективным заявленіем в Исп. Комитет, помѣченным 7-м марта и подписанным нѣсколькими десятками членов Совѣта, с требованіем, чтобы «Времен. Правительство безотлагательно приняло самыя рѣшительныя мѣры к сосредоточенію всѣх членов Дома Романовых

*) В протоколѣ засѣданія членов Совѣта Петроградскаго района (8-го марта), приведенном в обзорѣ Югова (Совѣт в первый період революціи), отмѣчено, что один завод не возобновил занятій, мотивируя это тѣм, что не арестован еще «Дом Романовых».

в одном опредѣленном пунктѣ подъ надлежащей охраной народной революціонной арміи». Мотивомъ этого «сосредоточенія» (терминъ «ареста» не употребленъ) выставляется «крайнее возмущеніе и тревога въ широкихъ массахъ рабочихъ и солдатъ, (ни одной солдатской резолюціи за этотъ день не отмѣчено) тѣмъ, что н и з л о ж е н н ы й с престола Николай II Кровавый, уличенный въ измѣнѣ Россіи, жена его, сынъ его Алексѣй, мать его Марія Федоровна, а также всѣ прочіе члены Дома Романовыхъ находятся до сихъ поръ на полной свободѣ и разъѣзжаютъ по Россіи и даже на театръ военныхъ дѣйствій, что является совершенно недопустимымъ и крайне опаснымъ для возстановленія прежняго режима и спокойствія въ странѣ и въ арміи и для успѣшнаго хода защиты Россіи отъ внѣшняго врага».

Такъ было въ Петербургѣ. Въ другомъ столичномъ центрѣ, въ Москвѣ, еще болѣе опредѣленно проявлялась иниціатива верховъ. Мѣстныя «Извѣстія» № 4, опредѣленно большевицкаго направленія, требовали 5го марта заключенія Царя въ тюрьму. Поставленъ былъ этотъ вопросъ «въ болѣе мягкой формѣ» и вызвалъ «горячіе дебаты» и въ Комитетѣ Обществъ. Организ. 6-го марта. «Хотя нельзя сомнѣваться въ силѣ революціоннаго движенія, — говорилось на собраніи по отчету «Рус. Вѣд.», — но для общественнаго успокоенія необходимо прекратить свободу передвиженія отрекшагося отъ престола Николая II: бывшему Императору должно быть предложено мѣсто жительства безъ права перемѣщенія изъ него». Въ результатѣ преній Комитетъ доводилъ до свѣдѣнія Правительства, что онъ видитъ въ свободномъ передвиженіи бывшаго Царя опасность и проситъ «подвергнуть Царя и членовъ его семьи личному задержанію»*).

Подлинное настроеніе массъ съ достаточной очевидностью сказалось въ Москвѣ на другой день, когда въ Москву прибылъ Керенскій. Мемуаристъ такъ изображаетъ сцену, происшедшую въ засѣданіи Совѣта 7-го марта: «Отвѣчая на яростные крики — «смерть Царю, казните Царя», Керенскій сказалъ: — «Этого никогда не будетъ, пока мы у власти». «Временное Правительство взяло на себя отвѣтственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполнимъ до конца. Царь съ семьей будетъ отправленъ заграницу, въ Англію, я самъ довезу его до Мурманска». — Такъ написано въ русскомъ текстѣ воспоминаній Керенскаго, въ иностранномъ изданіи авторъ подчеркиваетъ, что онъ вынужденъ былъ сдѣлать намекъ и разоблачить правительственный секретъ въ силу настойчивыхъ (avec tant de vehémence) требованій Московскаго Совѣта. — «Вся атмосфера измѣнилась, словно подъ ударомъ хлыста», когда былъ поднятъ вопросъ о судьбѣ Царя. Отвѣтъ Керенскаго вызвалъ, по его словамъ, въ совѣтскихъ кругахъ величайшее негодованіе противъ Временнаго Правительства.

Московскія газеты того времени нѣсколько по иному освѣща-

*) Очевидно, раздраженіе, вызванное отъѣздомъ царя въ Ставку, проявилось не только въ средѣ Испол. Комитета въ Петроградѣ, какъ это представлялось Набокову (см. его воспоминанія).

ют характер собранія, — не только буржуазныя «Русскія Вѣдомости», но и соціалистическо-меньшевицкій «Вперед». — «На эстрадѣ стоит петербургскій гость с широкой красной лентой, весь блѣдный, красный букет в его руках дрожит. Он говорит, что отдал русскому пролетаріату и крестьянству в лицѣ Совѣта свою жизнь и просит довѣрія. Бурные крики: — «Вѣрим, вѣрим...» и новая овація. Затѣм на вопросы, з а д а н н ы е из среды собранія: — «Гдѣ Романовы?», Керенскій отвѣчает; «Николай II покинут всѣми и просил покровительства Временнаго Правительства... Я, как генерал-прокурор, держу судьбу его и всей династіи в своих руках. Но наша удивительная революція была начата безкровно и я не хочу быть Маратом русской революціи... В особом поѣздѣ я отвезу Николая II в опредѣленную гавань и отправлю его в Англію... Д а й т е м н ѣ н а э т о в л а с т ь и п о л н о м о ч і я Новыя овацiи, и Керенскій покидает собраніе.

Позже в засѣданіи Совѣщанія Совѣтов 1-го апрѣля политическій единомышленник министра юстиціи с. р. Гедеоновскій подтверждал, что заявленіе Керенскаго «вызвало цѣлую овацію». Тему о «Маратѣ русской революціи» новый генерал-прокурор затронул и на других московских собраніях, которыя он посѣтил в тот день. В Совѣтѣ присяжных повѣренных, гдѣ ему был поставлен вопрос: «Всѣх безпокоит судьба Николая II». «Судьба династіи в руках Времен. Правит. и в частности генерал-прокурора», отвѣтил Керенскій.— «Никакой опасности для новаго строя члены династіи не представляют. Всѣ надлежащія мѣры приняты». Раздались отдѣльные голоса, спрашивавшіе о правильности слухов, «будто бы Романовы на свободѣ», а Николай II в Ставкѣ, и в собраніи солдатских и офицерских делегатов, министр вновь успокоительно отвѣчал: «Романовы в надежном мѣстѣ под надежной охраной»*). Это заявленіе вызвало новыя «овацiи», но аудиторія сразу «замерла», потому что переутомленному оратору стало дурно. Вѣроятно он сквозь туман воспринимал в этот день дѣйствительность, которая потому и отпечаталась в его памяти в формы, не совсѣм соотвѣтствующія тому, что было. Троцкій, в своей «исторіи» будет увѣрять читателей, что декларація Керенскаго в Москвѣ 7-го марта встрѣчалась восторженно дамами и студентами, но низы всполошились: «от рабочих и солдат шли непрерывныя требованія — арестовать Романовых». Соотвѣтствующія данныя, однако, Троцким не приведены.

Как будто можно сдѣлать опредѣленный вывод — никаких кровавых лозунгов в смыслѣ расправы с династіей никто (развѣ только отдѣльные, больше безымянные демагоги) в первые дни в массу не бросал**).

---

*) В это время царь еще не был арестован.

**) Авторы «Хроники февральской революціи» отмѣчают обращеніе министра юстиціи 6-го марта по поводу имѣвшей мѣсто в Петербургѣ какой-то демонстраціи со знаменем, на котором было написано: «Да здравствует революція. Смерть арестованным». Керенскій, выражая увѣренность, что «граждане свободной Россіи» не омрачат насиліем свѣтлое торжество

В массах не было замѣтно инстинктов «черни», жаждующей мести и эшафота. Призыв к гуманности вызывал энтузіазм. Керенскій совершенно напрасно перед иностранным читателем рисует картину противоположную — как он рисковал потерей авторитета и престижа в глазах масс, противодѣйствуя требованіям жестокой расправы с царем, с павшей династіей и ея слугами. Бывшему руководителю революціонной юстиціи тѣм болѣе слѣдовало бы быть осторожным, что, может быть, в его экспансивном воображеніи, под гипнозом традиціи «великой французской революціи», вспоминать которую он любил в первые дни, вставал образ знаменитаго королевскаго процесса XVIII вѣка и возможная судьба Николая II рисовалась в видѣ судьбы Людовика XVI. Керенскій с негодованіем отвергает «старческій бред» Карабчевскаго, разсказывавшаго, что при первом оффиціальном посѣщеніи 3-го марта Петербургскаго Совѣта прис. повѣрен. министр юстиціи намекал на возможный процесс со смертным исходом для бывшаго вѣнценосца. Сцена, переданная в воспоминаніях стараго адвоката, весьма вѣроятно не соотвѣтствовала той картинности, с которой она изображена. Но дѣло вѣдь не в этой внѣшности. Зарудный, первый товарищ министра юстиціи, человѣк иного лагеря, нежели Карабчевскій, по существу подтвердил позже в публичном докладѣ «Паденіе Врем. Правит.», сдѣланном в Москвѣ в 24 году, разсказ Карабчевскаго. Зарудный утверждал, что Керенскій был первоначально противником декларативной отмѣны смертной казни потому, что считал необходимым смертный приговор в отношеніи Николая II. (Свѣдѣнія о докладѣ Заруднаго заимствую из воспоминаній с. р. Вознесенскаго). Версія Заруднаго объясняет непонятную задержку с опубликованіем только 12-го марта указа об отмѣнѣ смертной казни, задержку, побудившую редакцію петербургской газеты «День» поставить Временному Правительству вопрос — газета указывает на распространившійся слух о том, что на Времен. Правительство оказывается в этом отношеніи вліяніе со стороны. Общественное мнѣніе (далеко не только демократическое) в Россіи издавна и твердо усвоило отрицательный взгляд на смертную казнь, поэтому молчаніе революціоннаго правительства вызвало всеобщее недоумѣніе, о котором 7-го марта в Москвѣ в Комитетѣ Обществ. Организацій говорил извѣстный общественный дѣятель доктор Жбанков, один из самых страстных поборников уничтоженія смертной казни. Понятно, что Керенскій, всегда бывшій среди боровшихся за уничтоженіе смертной казни, легко скинул «тогу Марата», ему дѣйствительно не свойственную *).

великаго народа, писал, что «ни одна из революціонных соціалистических партій ни к каким насиліям и безсудным расправам не призывает» и что «есть основанія утверждать, что подобные призывы являются результатом дѣятельности бывших охранных и провокаторских организацій».

*) Косвенно сам Керенскій подтвердил эту версію, разсказав во французском изданіи своих воспоминаній, что наканунѣ отмѣны смертной казни он сказал одному из членов правительства, что по его мнѣнію единственный смертный приговор, который он мог бы подписать, это приговор Николаю II. В перепитіях, связанных с отмѣной смертной казни, можно имѣть наглядный

Эту легенду в свое время усиленно поддерживали большевики, когда Врем. Правительство сочло себя вынужденным частично возстановить смертную казнь: в резолюціи «Путиловских рабочих» 11 августа прямо говорилось, что правительство отмѣнило в свое время смертную казнь, чтобы спасти жизнь Николаю Романову и его приспѣшникам.

Итак, никакой специфической атмосферы цареубійства в первые дни революціи не было, — это плод досужей фантазіи нѣкоторых мемуаристов. Но, дѣйствительно, было опасеніе (не только в совѣтских кругах), что Царь находится на свободѣ. Неувѣренность, ощущаемая всѣми, — слишком легко дался переворот, а «чудес» в жизни, казалось, не бывает. Даже «Русскія Вѣдомости» осторожно указывали на эту опасность в день, когда революціонное дѣйствіе, свергшее старый режим, формально было закончено: — «Нужно помнить, что реакція раздавлена и безсильна до тѣх пор, пока господствует единеніе. Всякій раскол вдохнет в нее новую жизнь и новыя силы» (статья 3-го марта). Поэтому рѣшительная позиція Петроградскаго Совѣта встрѣчала широкій отклик. Общественное мнѣніе, как мы видѣли, совершенно не отдавало себѣ яснаго отчета, при каких условіях произошло отреченіе Императора.

6-го марта Исп. Комитет выступает уже болѣе рѣшительно, переходя от слов к дѣйствію. В протоколѣ засѣданія этого дня записано: Чхеидзе докладывает о своих переговорах с Времен. Правительством относительно ареста Дома Романовых. Правительство до сих пор окончательнаго отвѣта не дало. От ген. Алексѣева поступило заявленіе от имени Николая Романова о желаніи его прибыть в Царское Село. Времен. Правительство видимо против этого не возражает. Один же из министров заявил, что если Исп. Ком. Совѣта Раб. и Солд. Депутатов окончательно рѣшил арестовать Николая, Времен. Прав. сдѣлает все, чтобы облегчить Исполн. Комитету выполнить эту задачу».

В информаціи Чхеидзе не может не остановить вниманія заявленіе, сдѣланное одним из министров как бы от имени всего правительства. Комментаторы с легкостью подставляют здѣсь имя Керенскаго — «представителя» Совѣта в правительствѣ. Между

примѣр того, как иногда дѣйствительность преломляется в воспріятіи современников.

Проф. Пэрс в предисловіи к книгѣ Керенскаго («La Verité») отмѣчает, (оговорившись, что он не знает насколько это точно), что, как говорят, Царь отдавал себѣ отчет, что одной из причин отмѣны смертной казни было желаніе спасти его, и с присущей ему простотой сказал, что это великая ошибка, и что лучше было не озабочиваться его спасеніем. Творцом этой наивной легенды является, возможно, сам Керенскій, который об этом говорил при первом свиданіи с Царем. Так утверждали члены царской семьи и еще точнѣе: так показал при допросѣ у Соколова гувернер наслѣдника Жильяр, сославшись на слова своего малолѣтняго воспитанника, Керенскій не помнит, но допускает возможность, что он говорил в этом смыслѣ. Если Керенскій не сам создал легенду, то он усвоил ее. В 17-м году он намекал об этом бар. Мейендорфу (его письмо в «Посл. Нов.»). Также связывал он акт 12 марта с судьбой царя в Парижском докладѣ, прочитанном в 36 году.

тѣм. Керенскому не совсѣм свойственна была такая закулисная тактика, гораздо естественнѣе предположить внушеніе со стороны Некрасова, который раздѣлял взгляды радикальной части «цензовой общественности», склонявшейся к необходимости изоляціи отрекшагося Царя. Не будем пока комментировать перспективы, которыя открывались перед Исп. Ком. неизвѣстным нам членом правительства. Согласно протоколу, Исп. Ком. постановил: «Немедленно сообщить военной комиссіи... о принятіи мѣр к аресту Николая Романова».

Суханов нѣсколько по иному освѣщает этот вопрос. В его объясненіях одно должно быть заранѣе отвергнуто — это полученное, будто бы, сообщеніе о том, что «Николай с семьей уже бѣжал заграницу», т. е. мотив, который Шляпников выставил для объясненія постановленія об арестѣ, вынесеннаго еще 3-го марта. Было ясно для всѣх, по мнѣнію Суханова, что пустить монарха, «недоволнаго своим народом», заграницу было бы такой «сверхъестественной близорукостью», которой нельзя было ожидать от Испол. Комитета. Это объясненіе — отзвук позднѣйшаго, о котором предстоит еще сказать. В дѣйствительности, 6-го марта, говоря словами Суханова, шла рѣчь именно о том «обломкѣ крушенія», о том «огрызкѣ величія», который блуждал в страхѣ «без надлежащаго смысла и без всякаго к нему вниманія».

«В виду позиціи, занятой Маріинским дворцом», — повѣствует Суханов, — «было принято очень быстро и единодушно, что дѣло Романовых Совѣт д о л ж е н в з я т ь в с в о и р у к и » *).

Но что же дѣлать с Романовыми?.. Об этом нѣкоторое время спорят и, судя по тому, что в концѣ концов остановились на временной мѣрѣ, истина рождалась здѣсь довольно туго... Как будто, кто-то слѣва требовал непремѣнно Петропавловки для всей семьи, ссылаясь на примѣр собственных министров Николая и на прочих слуг его. Но не помню, чтобы стоило большого труда смягчить рѣшеніе Исполн. Ком. Была рѣшена в р е м е н н а я и з о л я ц і я самого Николая, его жены и дѣтей в Царскосельском Дворцѣ. Больше разговоров возникло по поводу того, что дѣлать с прочими Романовыми... Кажется, было рѣшено заграницу не пускать никого и всѣх по возможности прикрѣпить к каким-нибудь своим усадьбам. Все это должно было быть продиктовано Времен. Правительству на предмет соотвѣтствующих распоряженій... Но этого было недостаточно. Вѣдь по нашим свѣдѣніям Романов был уже в дорогѣ... Ограничиться требованіем, хотя бы и ультимативным к Времен. Прав. было нельзя. Исполн. Ком. без долгих разговоров, без всяких вопросов о своих функціях и правах, постановил дать приказ по всѣм жел. дор. задержать Романовых с их поѣздом, гдѣ бы они не находились и сейчас же дать знать об этом Исп. Ком. А затѣм один из членов Исп. Ком. с подобающей свитой был отряжен для ареста Николая в том мѣстѣ, гдѣ будет остановлен его

*) Обсужденіе вопроса мемуарист относит к утру 6-го марта. В протоколѣ информація Чхеидзе помѣчена пунктом 6-м.

поѣзд, и для водворенія всей царской семьи в Царское Село. Предназначенный для этой цѣли член Исп. Ком. был Кузьма Гвоздев... Выполнить свою миссію Гвоздеву не пришлось. Времен. Прав. быстро и послушно взялось выполнить требованіе Исп. Ком. Еще раньше, чѣм на другой день Керенскій в Москвѣ успѣл «под личным наблюденіем» препроводить Николая в Англію, правительство постановило «лишить его свободы», изолировать в его старой резиденціи, о чем и опубликовать «во всеобщее свѣдѣніе».

2. Николай II в Могилевѣ.

В то время, как в столицах так или иначе рѣшалась ближайшая судьба не только бывшаго императора, но и его семьи, Николай Александрович находился в Могилевѣ, не предвидя, как и вся Ставка, возможности послѣдовавших осложненій. В обычном тонѣ, принятом для своих воспоминаній в иностранных изданіях, Керенскій объясняет читателю, почему правительство предоставило *низложенному* монарху немедленно послѣ подписанія отреченія не только полную свободу, но и «разрѣшеніе» вмѣстѣ со свитой и личной охраной без всякаго наблюденія передвигаться , видѣться с родственниками и даже пріѣхать в Ставку, в этот «мозг» арміи. Правительство это *разрѣшило* потому, что низложенный монарх не представлял никакой политической опасности.

Нужна одна маленькая поправка — никакого разрѣшенія о свободной циркуляціи б. Императора никто никогда не давал. На переѣзд же из Пскова в Могилев не могли спрашивать разрѣшеніе от правительства, которое еще не функціонировало*).

Царь прибыл в Ставку 3-го марта вечером. Для встрѣчи его были приглашены всѣ чины Ставки — около 150 человѣк. С большим тактом Алексѣев сумѣл смягчить тяжелую обстановку для бывшаго монарха, являвшагося для Ставки бывшим Верховным Главнокомандующим. Могилев по внѣшности был городом новаго революціоннаго порядка. Красные флаги, демонстрація Георгіевскаго баталіона с военным оркестром, игравшим марсельезу. Но «как прежде», — записывает в дневникѣ 4-го марта Пронин, «дежурный офицер встрѣчал с рапортом у входа в управленіе генерал-квартирмейстера, который пришел принять оперативный доклад начальника штаба**). Без охраны и без всяких осложненій 5-го марта Царь ѣздил на вокзал встрѣчать мать, прибывшую из Кіева. «Настроеніе мирное и тоскливое» отмѣчает тот же дневник. «Здѣсь совсѣм спокойно» — писал Царь женѣ 7-го марта. Конеч-

*) Правительство ошибочно приняло тактику умолчанія по отношенію пребыванія царя в Ставкѣ, откуда и создалось впечатлѣніе, что царь «разъѣзжает». В газетах было сообщено 5-го марта, что царь выѣхал в Ливадію. Суханов, подчеркивая, что Исп. Ком. 6-го марта был введен в заблужденіе, все же не справился с протоколом, из котораго ясно, что Исп. Ком. вовсе не заблуждался и знал о пребываніи царя в Ставкѣ.

**) Дневник отмѣчает лишь один «гнусный факт», вызвавшій негодованіе: придворный парикмахер отказался брить Царя и пришлось вызвать частнаго парикмахера из города.

но, не так уж спокойно было в Могилевѣ. Недаром Алексѣев признал необходимым «немедленный отъѣзд из Ставки гр. Фредерикса и ген. Воейкова, боясь какого либо рѣзкаго проявленія неуваженія и ареста в силу «недружелюбнаго к ним отношенія значительной части гарнизона, состоящаго, главным образом, из частей, ранѣе подчиненных дворцовому коменданту».

Очевидно, в первый же день пребыванія в Ставкѣ появилась мысль о необходимости Царю с семьей временно уѣхать из Россіи, — так думали окружающіе, так думал и Алексѣев, но едва ли ни ген. Хенбро Вильямс, военный представитель Великобританіи, явился дѣйствительным иниціатором переѣзда в Англію. Иниціатива во всяком случаѣ не принадлежит Времен. Прав., как то утверждали члены правительства. Уже 4-го марта ген. Алексѣев послал кн. Львову телеграмму: «Отказавшись от престола, Император просит моего сношенія с вами по слѣдующим вопросам. Первое. Разрѣшить безпрепятственный проѣзд его с сопровождающими лицами в Царское Село, гдѣ находится его больная семья. Второе. Обезпечить безопасное пребываніе его и семьи с тѣми же лицами в Царском Селѣ до выздоровленія дѣтей. Третье. Предоставить и обезпечить безпрепятственный проѣзд ему и его семьѣ до Романова и Мурманска с тѣми же лицами...»

На другой день, в дополненіе к телеграммѣ, посланной наканунѣ, Алексѣев просил «ускорить разрѣшеніе поставленных вопросов и одновременно командировать представителей правительства для сопровожденія поѣздов отрекшагося Императора до мѣста назначенія».

Керенскій говорит, что Царь обратился к Львову с письмом, в котором просил новое Правительство оказать покровительство его семьѣ, т. е. довѣрял свою судьбу. В письмѣ этом Царь якобы писал, что ѣдет в Царское Село в качествѣ «частнаго гражданина», чтобы жить с семьей. Не ошибся ли мемуарист?.. Никакого намека на такое письмо нельзя найти. По всей вѣроятности под письмом Керенскій разумѣл по-своему интерпретированные «просительные пункты», переданные по телеграфу Львову*).

«Просительные пункты» — этот термин я заимствовал из воспоминаній Бубликова, оказавшагося через нѣсколько дней в числѣ тѣх членов Государственной Думы, которых правительство командировало в Могилев для сопровожденія Царя . И «просительные пункты» и просьба о «покровительствѣ» имѣли относительный характер, ибо в карандашной записи, написанной собственноручно Николаем II и послужившей опросником для Алексѣева было сказано: «потребовать от В. П. слѣд (ующія) гарантіи». Их было четыре, только Алексѣев четвертаго пункта Львову не передал, считая, очевидно, в данный момент его неразрѣшимым, —

---

*) Совершенно естественно, что в отвѣтах слѣдователю Соколову Львов в противоположность Керенскому умалчивал о «письмѣ».

«о пріѣздѣ по окончаніи войны в Россію для постояннаго жительства в Крыму, в Ливадіи»*).

Утром 6-го марта пришел отвѣт из Петербурга: Временное Правительство разрѣшает всѣ три вопроса утвердительно, примет всѣ мѣры, имѣющіяся в его распоряженіи, обезпечить безпрепятственный проѣзд в Царское Село, пребываніе в Царском Селѣ и проѣзд до Романова на Мурманѣ»**).

Вечером того же числа Алексѣев говорил с Львовым и Гучковым по прямому проводу, — это тогда Львов сказал: «догнать бурное развитіе невозможно, событія несут нас, а не мы ими управляем». Львов еще раз подтвердил согласіе правительства на «просительные пункты» и сказал, что сегодня будут командированы представители для сопровожденія поѣзда. «Совершенно убѣжден, — добавил предсѣдатель правительства, — в полной безопасности проѣзда, желательно знать, для еще большей увѣренности в этом, путь дальнѣйшаго слѣдованія из Романова». Поистинѣ, событія несли правительство. Оно не только не управляло, но и не отдавало себѣ отчета. Вспомним, как ставился вопрос в это уже время в Исп. Ком.

О том, что правительство озабочено переѣздом Царя в Англію, (или, как выражался Керенскій в русском изданіи воспоминаній, — «рѣшило... отправить царскую семью за-границу» и принимает соотвѣтствующія мѣры, нѣт ни слова, вѣроятно потому, что этот вопрос в правительствѣ и не ставился***). Это так ясно из записи Палеолога. 6-го марта Милюков, информировав французскаго посла о согласіи Врем. Прав. на «три пункта», выставленные царем, высказал предположеніе, что Николай II будет просить убѣжища у англійскаго короля.

Министр Иностранных Дѣл, не предвидя опасности для жизни царской четы, тѣм не менѣе, по словам Палеолога, благожелательно относился к проэкту отъѣзда в цѣлях избѣжанія ареста и процесса, которые усилили бы затрудкенія правительства. На эту тему, как видно из телеграмм Бьюкенена в Лондон того же 6-го марта, Милюков бесѣдовал и с англійским послом, при чем бесѣда носила скорѣе информаціонный характер. Русскій министр иностранных дѣл спрашивал посла: послѣдовало ли согласіе на проѣзд Императора в Англію, на что посол отвѣтил отрицательно. Иниціативу проявил лишь ген. Вильямс, который 4-го или 5-го марта освѣдомил свое правительство относительно «возможных

---

*) Впервые эти записи Николая II по копіи, случайно снятой мною в период ареста весной 19 года в Особом Отдѣлѣ, который находился в вѣдѣніе совершенно ненормальнаго Кедрова, были мной опубликованы в «На Чужой Сторонѣ», и онѣ были перепечатаны в «Посл. Нов.». Казалось бы, эмигрантским мемуаристам слѣдовало на них обратить вниманіе. В 27 г. записи были опубликованы в «Кр. Архивѣ».

**) В публикаціи Сторожева телеграмма помѣчена: Его Имп. Величеству.

***) «Врем. Прав. в самый момент отреченія Николая II, — пояснял впослѣдствіи Милюков («Посл. Нов.»),—занималось вопросом о возможности его отъѣзда с семьей в Англію, и я в качествѣ мин. ин. дѣл вошел по этому поводу в переговоры с британским послом».

планов государя отправиться в Англію». Точнаго текста телеграммы ген. Вильямса я, к сожалѣнію, не нашел. Очевидно, отвѣтом на нее служит телеграмма короля Георга на имя ген. Вильямса, пришедшая с запозданіем и Государю уже не переданная (при каких условіях — мы скажем позже). Телеграмма не содержала ничего конкретнаго о переѣздѣ царской семьи в Англію и выражала лишь сочувствіе англійскаго короля: «Событія минувшей недѣли меня глубоко потрясли. Я искренно думаю о тебѣ. Остаюсь на вѣк твоим вѣрным и преданным другом, каким, ты знаешь, всегда был».

Телеграмма эта и послужила основаніем для легенды о том, что король Георг предложил убежище Императору Николаю, тогда как, по утвержденію Милюкова, является «безспорным фактом, что иниціатива предложенія исходила от Времен. Прав.» («Кто виноват?» — по поводу доклада Коковцева. «Посл. Нов.» 36 г.). Одну легенду Милюков замѣнил другой. Об иниціативѣ ген. Вильямса мы знаем из им самим записанных бесѣд в Ставкѣ 6-го марта с императрицей Маріей Феодоровной и вел. кн. Александром Михайловичем. Запись была передана Алексѣеву. По мнѣнію Маріи Феодоровны «главным образом в данное время предстоит рѣшить вопрос об отъѣздѣ государя, который отказывается ѣхать куда бы то ни было без государыни». Вильямс сказал, что телеграфировал уже в Лондон, но М. Ф. безпокоил вопрос о морском путешествіи, и она, по впечатлѣнію собесѣдника, предпочитала бы, чтобы «Его Величество поѣхал в Данію». Вел. кн. Александр Михайлович выразил опасеніе, что «какіе-либо революціонеры могут задержать поѣзд или оказать какія-нибудь затрудненія в дорогѣ... Я сообщил ему... что мы, военные представители союзников, готовы сопровождать Государя до Царскаго Села... Великій Князь сказал... что это является необходимым и настаивал весьма энергично, чтобы я настоял на этом даже против желанія Его Величества». Генерал обѣщал телеграфировать своему послу. В заключеніе Вильямс посовѣтовал великим князьям обратиться к народу с манифестом о признаніи новаго правительства в цѣлях обезпеченія продолженія войны. (Совсѣм непрактическій совѣт — сдѣлал отмѣтку Алексѣев).

Начальники союзных военных миссій, дѣйствительно, обратились с коллективным письмом 6-го марта на имя ген. Алексѣева, сообщая ему, что они готовы сопровождать Государя до Царскаго Села, если на то согласится правительство. Алексѣев нашел, что подобный запрос неудобен и стѣснит Царя и вызовет задержку отъѣзда, так как снова придется сноситься с правительством. Начальник штаба, повидимому, был убѣжден, что правительственные посланцы, которые должны были выѣхать в этот день, во-время прибудут в Могилев, и Государь сможет немедленно выѣхать из Ставки.

3. Постановленіе об арестѣ.

7-го марта Временное Правительство постановило: «признать отрекшагося Императора Николая II и его супругу лишенными

свободы и доставить отрекшагося Императора в Царское Село». Событіе, как будто бы, важности исключительной. Стоявшій на лѣвом флангѣ соц. рев. Мстиславскій, изобразившій впослѣдствіи ход февральской революціи ввидѣ описанія «пяти дней», третьим этапом революціи считает именно арест царской семьи. Набоков в своих воспоминаніях выражал убѣжденіе, что этим актом был завязан узел, столь ужасно разрубленный в Екатеринбургѣ: арест б. Императора «имѣл глубокое вліяніе в смыслѣ разжиганія бунтарских страстей» и придавал «отреченію» характер «низложенія», так как никаких мотивов к этому аресту не было указано. Тѣм знаменательнѣе факт, что такая серьезная газета, как «Русскія Вѣдомости», никак не реагировала на рѣшеніе Врем. Прав.. и еще болѣе удивительно, что в «Исторіи революціи» Милюкова нѣт даже упоминанія об арестѣ Царя. Мало того, когда извѣстный слѣдователь Соколов, продолжавшій в эмиграціи свое обслѣдованіе условій, в которых погибла царская семья, производил 23 октября 20 г. и 12 іюля 22 г. допросы бывшаго мин. ин. дѣл, тот отвѣтил полным забвеніем: его память не сохранила абсолютно никаких воспоминаній, когда и как был рѣшен вопрос об арестѣ Царя и Царицы. Припоминая в общих чертах характер пережитого момента, авторитетный член Времен. Прав. мог только сдѣлать предположеніе, что, вѣроятно, Времен. Прав. санкціонировало эту мѣру по предложенію Керенскаго. Явленіе совершенно поражающее, ибо позднѣе быв. мин. ин. дѣл Вр. Прав. едва ли ни себѣ склонен был приписать предусмотрительную инициативу отъѣзда быв. Императора в Англію. Историку само по себѣ не может быть свойственно забвеніе, присущее мемуаристу — и в особенности такому историку революціонных дней, как Милюков, который всегда обладал исключительным умѣніем вести записи в самые бурные моменты своей политической дѣятельности (по истинѣ Милюков являлся сам своим придворным историографом). Не забудем, что в это время вышел первый том его «Исторіи революціи», когда автору по неизбѣжности пришлось уже напречь свою память для воспроизведенія событій дней минувших. Одно из двух: или Милюков хотѣл уклониться от воспоминаній о непріятной для него страницѣ прошлаго*), или его забвеніе свидѣтельствует о глубочайшем равнодушіи, с которым им в свое время был воспринят факт ареста бывшаго монарха.

Не менѣе примѣчательным является то обстоятельство, что вопрос об арестѣ Царя не обсужался в офиціальных засѣданіях правительства. Правда, в нашем распоряженіи нѣт пока протоколов засѣданій правительства, но имѣется категорическое утвержденіе управл. дѣлами Набокова, что «ни в субботу, ни в воскресеніе, ни в понедѣльник (т. е. 4-6 марта) не заходила рѣчь в засѣданіях, гдѣ я присутствовал, о необходимости принять какія либо мѣры (к отъѣзду в Ставку, — замѣчает Набоков, — правительство отнеслос сначала «как-то индеферентно»). Возможно, конечно, до-

*) Такое уклоненіе Соколов усмотрѣл при допросѣ Гучкова 15 сент. 1920 года.

бавляет мемуарист, что вопрос этот уже тогда обсуждался в частных совѣщаніях. В этом сомнѣваться не приходится, так как к правительству была отправлена, как мы знаем, от Совѣта делегація в лицѣ Чхеидзе и Скобелева, для переговоров о принятом Исп. Ком. 3-го марта постановленіи об арестованіи всѣх членов династіи. Но обсужденіе не вышло за предѣлы «частнаго совѣщанія», ибо на тѣх «закрытых засѣданіях», о которых упоминал Милюков в своем показаніи Соколову, сдѣлав предположеніе, что в одном из таких засѣданій, вѣроятно, и было принято рѣшеніе, всегда присутствовал управляющій дѣлами, хотя офиціальнаго протокола засѣданія не велось.

Пагубная тенденція принимать рѣшенія по важнѣйшим вопросам на частных совѣщаніях (при далеко не полном составѣ, а иногда и сознательно укороченном) нарушала единеніе в рядах правительства и являлась впослѣдствіи причиной многих осложненій.

Отсутствіе записи лишает возможности ретроспективно оцѣнить вполнѣ объективно мотив, которым руководилось правительство, принимая рѣшеніе 7-го марта.

Спокойному воспріятію момента мѣшает и та нѣсколько искусственная и вызывающая поза какой то моральной непогрѣшимости, которую склонны без большой надобности занимать, я бы вновь сказал, самооправдывающіеся мемуаристы. Эта черта особенно свойственна воспоминаніям Керенскаго... В книгѣ «La Verité» спеціально написанной для того, чтобы положить конец «инсинуаціям» (интервью в «Посл. Нов.» 16 февр. 36 г.), Керенскій объясняет арест Императора исключительно гуманными соображеніями — это было сдѣлано лишь в интересах царской семьи, при чем арест должен был бы носить временный характер (très provisoire) (курсив у Керенскаго), так как правительство предполагало возможно скорѣе организовать отъѣзд Царя за-границу. Таким образом никакими политическими соображеніями правительство не руководилось. Керенскій правдиво (с нѣкоторой хронологической перестановкой приводимых иллюстрацій) изображает враждебную атмосферу, создавшуюся вокруг прежних носителей верховной власти, но сгущает до чрезвычайности краски, утверждая что на первых порах все вниманіе возбужденной массы сосредотачивалось на личностях Романовых и на судьбѣ династіи. Нѣт, вопрос о династіи все же стоял на заднем планѣ по сравненію с новыми захватывающими перспективами, которыя открывала революція. Характеристику общественных настроеній в отношеніи династіи мы сдѣлаем ниже в соотвѣтствіи с хронологіей событій, которыя мы описываем. Во всяком случаѣ не было в этих настроеніях до вынесенія рѣшенія 7-го марта той остроты, которая могла бы вызвать арест отрекшагося Императора — акт со стороны правительства, не находящій себѣ оправданія. На правительствѣ, принявшем формально добровольное отреченіе от престола императора и юридически преемственно связавшем себя с ушедшей властью, лежало моральное обязательство перед бывшим монархом. Это столь неоспоримо, что доказательств

не требует. Совершенно прав Набоков, когда пишет, что подвергать Николая II отвѣтственности «за тѣ или иные поступки его в качествѣ Императора было бы безсмыслицей и противорѣчило бы аксіомѣ государственнаго права»*). При таких условіях Правительство имѣло, конечно, право, принять мѣры к обезвреженію Николая II, оно могло войти с ним в соглашеніе об установленіи для него опредѣленнаго мѣстожительства и установить охрану его личности».

«Оправданіе» правительственному акту 7-го марта можно было бы найти только в непосредственном давленіи Совѣта и в опасеніи самочиннаго дѣйствія, предотвратить которое правительство было безсильно.

Эту зависимость акта 7-го марта от рѣшенія Совѣта Керенскій склонен отрицать, подчеркивая, что постановленіе правительства было принято за два дня до совѣтскаго постановленія, имѣя в виду окончательное рѣшеніе Исполн. Ком. 9-го марта и почему то игнорируя предшествовавшія рѣшенія 3—6-го марта (отчет о втором докладѣ Керенскаго. «Послѣд. Нов.»). Но вѣдь дѣло шло о формальном постановленіи правительства, лишившаго свободы бывшаго Императора, а не о той «временной изоляціи» царской семьи, которой сочувствовало широкое общественное мнѣніе, и о которой при существовавшей коньюнктурѣ правительству не так трудно было договориться с руководящими совѣтскими кругами.

В сущности версія, данная в «La Verité», противорѣчит показанію, которое дал, в качествѣ быв. министра юстиціи Вр. Пр. Керенскій Соколову при допросѣ 14 - 20 августа 20 г. Тогда он отмѣчал двѣ категоріи мотивов, побудивших правительство принять рѣшеніе об арестѣ. Это, во-первых, настроеніе солдат и рабочих Петербурга и Москвы, возбужденных до крайности против Царя. Поступая так, правительство обезпечивало безопасность Ник. Александ. и Алекс. Федор.... Другіе классы общества, — интеллигенція, буржуазія, частью высшее офицерство — были возбуждены внѣшней и внутренней политикой Царя и в особенности поведеніем Императрицы, ведшими страну к гибели и заключенію сепаратнаго мира и союза с Германіей. Временное Правитель-

*) Первый министр юстиціи Вр. Пр. не согласен, повидимому, с таким логическим построеніем. В интервью, данном сотруднику «Посл. Нов.» 18 февраля 36 г. в связи с докладом гр. Коковцева и своим контр-докладом «Трагедія и гибель царской семьи», он возражал «обличителям»: — «На каком основаніи они полагают, что Вр. Пр., взявшее в свои руки власть послѣ паденія монархіи, должно было выполнять... функціи охраны царской семьи... Революціонная власть могла считать себя в правѣ предать царя и его ближайших сотрудников революціонному суду... Мы этого не сдѣлали и в мартѣ об этом не думали (?!). Почему?... Да потому, что отношеніе Вр. Пр. к царю вытекало не из нашего долга перед павшей династіей, а из тѣх революціонных идей, которыя мы имѣли. Основная идея заключалась в том, чтобы не возбуждать чувства мести, естественной в первый момент в народных массах. Наша задача заключалась в том, чтобы из соображеній простого человѣколюбія охранить жизнь не только государя, но и всѣх бывших сановников». Керенскій был бы, пожалуй, в нѣкоторой степени прав в утвержденіи перваго своего тезиса, если бы революціонное правительство имѣло другое происхожденіе.

ство вынуждено было произвести разслѣдованіе о дѣятельности Царя, Алекс. Фед. и их окруженія. В этих цѣлях была необходима изоляція Ник. Алекс. и Алекс. Фед., почему они и были лишены свободы. В книгѣ, изданной в 23 году (Le Rev. Russe), Керенскій высказался еще болѣе опредѣленно. Если бы юридическое разслѣдованіе, предпринятое Врем. Прав., обнаружило доказательства измѣны Николая II странѣ во время войны, он был бы немедленно судим. Вот почему правительство не приняло немедленно окончательнаго рѣшенія относительно судьбы Царя и его семьи. «Между нами было болѣе или менѣе установлено, что если юридическое разслѣдованіе установит среди происков распутинской клики невиновность прежних владык, то вся семья отправится заграницу».

Нельзя отчетливѣе изобразить дѣло, чѣм это сдѣлал сам Керенскій*). Почти аналогичное объясненіе дал Соколову и предсѣдатель правительства кн. Львов (допрос 6 - 30 іюля 20 г.) — «Временное Правительство не могло не принять нѣкоторых мѣр в отношеніи свергнутаго Императора. Лишеніе свободы прежних властителей было в тот момент психологически неизбѣжно. Необходимо было предохранить Царя от возможных эксцессов революціоннаго водоворота. С другой стороны правительство обязано было разслѣдовать тщательно и безпристрастно всю дѣятельность бывшаго Царя и бывшей Царицы, которую общественное мнѣніе считало пагубной для національных интересов страны».

Что же из этого слѣдует?.. Только одно. Правительство в своем руководящем большинствѣ мало считалось (или не отдавало себѣ отчета) с тѣм моральным обязательством, которое лежало на нем в отношеніи отрекшагося монарха. Иначе оно открыто обратилось бы к общественной чести, к которой так чутка всегда народная масса, вѣдь нравственный авторитет правительства в эти дни был велик. Правительство не имѣло большого внутренняго основанія противиться настояніям, шедшим из революціонных кругов, которые были представлены в Исполн. Комитетѣ и до нѣкоторой степени звучавшим в унисон с широкими общественными настроеніями. Колебанія, очевидно, были, ибо нельзя же предположить, что правительство пассивно плыло только по волнам стихіи. Оно медлило с отвѣтом на запрос, полученный из Исполн. Ком., быть может ,даже склонялось на то, чтобы весь моральный одіум сложить на революціонную среду, пожертвовав своим авторитетом. Колебанія дѣлали тактику правительства неопредѣленной, двойственной и нерѣшительной. Человѣколюбіе сплеталось с «политикой» в клубок противорѣчій, распутать который нѣт никакой возможности**). Остается установить лишь факты.

---

*) Соколов считал, что в желаніи раскрыть «вину» Царя и Царицы и лежит основная причина произведеннаго ареста.

**) Составители «Хроники февральской революціи» одним из поводов заключенія царя под стражу выставляют то соображеніе, что Николай II, находясь в Ставкѣ без «прямого, непосредственнаго надзора», нарушил поставленное ему условіе (кѣм?...) не сноситься по прямому проводу с женой секретным шифром. Слишком поспѣшное заключеніе всегда, болѣе

Керенскій подчеркивает, что постановленіе об арестѣ было принято в его отсутствіе, когда он был в Москвѣ. Формально это так, но только это едва ли вполнѣ соотвѣтстует дѣйствительности. Если бы не было до нѣкоторой степени презумпціи об арестѣ, совершенно непонятными становились бы категорическія заявленія министра юст. в Москвѣ о том, что члены династіи всецѣло в его руках, как лица, выполняющаго функціи генерал-прокурора. Амплитуду колебанія правительства можно установить путем сопоставленія утренней телеграммы предсѣдателя 6-го марта в Ставку и вечерняго разговора того же Львова с Алексѣевым, с показаніями, которыя дал в Сибири (о днях предшествовавших аресту), будущій Царскосельскій комендант полк. Кобылинскій*). Он заявил: «5-го марта поздно вечером мнѣ позвонили по телефону и передали приказаніе явиться немедленно в штаб Петербургскаго военнаго округа. В 11 часов я был в штабѣ и узнал здѣсь, что я вызван по приказанію генерала Корнилова..., к которому и должен явиться. Когда я был принят Корниловым, он сказал мнѣ: «Я Вас назначил на отвѣтственную должность». Я спросил Корнилова: — «На какую»... Генерал мнѣ отвѣтил: «Завтра сообщу». Я пытался узнать у Корнилова, почему именно я назначен генералом на отвѣтственную должность, но получил отвѣт: «Это вас не касается... Будьте готовы». Попрощался и ушел... На слѣдующій день, 6-го марта, я не получил никакого приказанія. Также прошел весь день 7-го марта. Я стал уже думать, что назначеніе мое не состоялось, как в 2 часа ночи мнѣ позвонили на квартиру и передали приказ Корнилова — быть 8-го марта в 8 час. утра на Царскосельском вокзалѣ... Я прибыл на вокзал и увидѣл там ген. Корнилова со своим адъютантом прап. Долинским. Корнилов мнѣ сказал: — «Когда мы сядем с вами в купэ, я вам скажу о Вашем назначеніи». Мы сѣли в купэ. Корнилов мнѣ объявил: «Сейчас мы ѣдем в Царское Село. Я ѣду объявить Государынѣ, что она арестована. Вы назначены начальником Царскосельскаго гарнизона. Комендантом дворца назначен шт. рот. Коцебу. Но Вы будете имѣть наблюденіе и за дворцом и Коцебу будет в вашем подчиненіи**).

Нас совершенно не могут, конечно, удовлетворить объясненія, которыя пытался дать этим колебаніям біограф кн. Львова, к тому же не очень разобравшійся в фактическом положеніи дѣл. Он объяснил молчаніе правительства в теченіе «четырех» дней на запрос Исполн. Ком. тѣм, что правительство желало «выиграть время» для «тайных» переговоров, которые оно вело с англійским послом.

или менѣе, добросовѣстных составителей «Хроники» очевидно: такая шифрованная телеграмма дѣйствительно впослѣдствіи (в маѣ) была обнаружена в царских бумагах, отобранных в Царском Селѣ, и возбудила нѣкое волненіе, пока не была расшифрована и не обнаружилась ея полная политическая безобидность: «Цѣлую крѣпко. Здоров». (Пок. Кобылинскаго).

*) Цитирую по книгѣ ген. Дитерихса: «Убійство царской семьи». В ней невѣроятно много небылиц. Но ген. Дитерихс, на котораго приказом адм. Колчака 17 янв. 19 г. было возложено «общее руководство» по разслѣдованію Екатеринбургскаго убійства, имѣл в руках и подлинныя показанія.

**) Отсюда Дитерихс дѣлает заключеніе, что арест принципіально был рѣшен 5-го марта.

Полнер без критики повѣрил позднѣйшим голословным заявленіям членов правительства*), и весь одіум переносит на «трусливую угодливость и забѣганіе вперед нѣкоторых соціалистических демагогов».

Что же?... Остается только признать сознательное двурушничество?.. Не думаю. Вѣрнѣе — мѣшанина, которую творили «частныя совѣщанія», и в силу этого полное отсутствіе опредѣленности в позиціи самого правительства. Но, очевидно, окончательное рѣшеніе Исполн. Ком. принять энергичныя мѣры возбудило сомнѣніе. Едва ли правительство могло опасаться эксцессов «сепаратных мѣр» Исполн. Ком. — выбор Гвоздева в качествѣ комиссара по выполненію порученія и осуществленія его через «военную комиссію» до нѣкоторой степени гарантировал. Но стоял вопрос о престижѣ власти — слишком было бы подчеркнуто роковое двоевластіе. Думаю, что поздно вечером 6-го марта было принято постановленіе осуществить арест бывшаго Императора своими средствами. Для успокоенія общественнаго мнѣнія (о настроеніях в Москвѣ сообщил прибывшій в Петербург Кишкин) и соотвѣтствующей информаціи был послан в Москву «генерал-прокурор» — свѣдѣнія об его ожидаемом пріѣздѣ появились в московских газетах только в день прибытія. Передать же новое рѣшеніе и его мотивы в Ставку не удосужились или не считали нужным, — утвержденіе Керенскаго, что Алексѣев был освѣдомлен по прямому проводу Львовым, не находит пока никакого документальнаго подтвержденія и опровергается всѣми показаніями (ген. Лукомскій и др.).

Вѣроятно и само рѣшеніе было принято на одном из перманентных «частных совѣщаній». Поэтому и было «большой неожиданностью» для управляющаго дѣлами правительства, когда 7-го марта в служебном кабинетѣ кн. Львова, куда он был приглашен, и гдѣ собрались члены Правительства и спеціально призванные члены Думы, он узнал, что правительство рѣшило лишить Императора свободы и перевезти в Царское Село. — «Мнѣ было поручено редактировать соотвѣтствующую телеграмму на имя Алексѣева. Это было первое, мною скрѣпленное, постановленіе. Врем. Прав., опубликованое с моей скрѣпой»**). Рѣчь шла не о телеграммѣ Алексѣеву, а о том офиціальном текстѣ постановленія, который был опубликован в газетах 8-го марта.

Для выполненія постановленія правительства командировались в Могилев члены Государственной Думы Бубликов, Вершинин, Горбунов и Калинин, в распоряженіе которых поручалось генералу Алексѣеву предоставить воинскій наряд для «охраны отрекшагося Императора». Им вмѣнялось в обязанность «представить письменный доклад о выполненіи ими порученія». Для чего были приглашены члены Думы, мало извѣстные, за исключеніем Бубликова? Подобающую торжественость акту ареста

*) У Полнера и запрос в Лондон и ответ англійскаго правительства (о нем позже) происходят до постановленія об арестѣ царя.

**) Формально на свой пост Набоков был назначен лишь 14 марта.

бывшаго Императора правительство могло придать командировкой в Могилев любого своего члена. Появленіе в Могилевѣ членов Думы отнюдь не золотило горькой пилюли, которая предлагалась Царю и, быть может, лишь обостряло неожиданный эпилог, soi disant, добровольнаго отреченія. Авторитет Думы нужен был для того, чтобы лишь внѣшне ослабить моральную дефективность постановленія 7 марта и показать, что правительство дѣйствует не только в согласіи с Исп. Ком. Совѣта, но и с одобренія Временнаго Комитета. Это было особенно важно для Ставки. Бубликов, на котораго были возложены предсѣдательскія функціи в думской комиссіи, говорит, что он предварительно был вызван к Родзянко. В офиціальном отчетѣ комиссаров прямо уже говорилось, что они посланы были с соотвѣтствующими документами по распоряженію Временаго Комитета для сопровожденія (не ареста) Царя.

Вечером, в 11 часов, с экстренным поѣздом думская делегація в «секретном» порядкѣ выѣхала в Могилев. На вокзалѣ оказалось, что «секретная» миссія разоблачена, и делегатов встрѣтила цѣлая толпа журналистов с просьбой пустить их в поѣзд. Журналистам было отказано, тѣм не менѣе сотрудник «Рѣчи» умудрился как то пробраться в служебное отдѣленіе*).

4. Арест Императрицы.

В часы, когда думская делегація на другой день приближалась к Могилеву, в Царском Селѣ был произведен арест Императрицы. Совершить это дѣйствіе было поручено командующему войсками петербургскаго гарнизона, ген. Корнилову, в вѣдѣніе котораго и поступил Александровскій дворец. Как-то непонятно, почему выполненіе политическаго акта было возложено на военную власть, и главнокомандующему войсками с его штабом была придана несвойственная его обязанностям роль тюремщика.— Инструкція начальнику гарнизона Царскаго Села не оставляет сомнѣнія в том, что превентивный домашній арест означал в дѣйствительности строгое заключеніе, хотя и на льготных привилегированных условіях. Вот основные пункты инструкціи, подписанные Корниловым и его начальником штаба Рубец-Масальским**): ....

4. Допускать выход отрекшагося Императора и бывшей Императрицы на большой балкон дворца и в часть парка, непосредственно прилегающую к дворцу, в часы по их желанію, в промежутках между 8 час. утра и 6 час. вечера. В означенные часы дежурному офицеру находиться при отрекшемся Императорѣ и бывшей Императрицѣ и распоряженіем караульнаго начальника усиливать внѣшнюю охрану дворца.

---

*) В газетах (Рус. Вѣдом.) было сообщено, что о сущности миссіи Бубликова были освѣдомлены и желѣзнодорожники.

**) Едва ли Корнилов принимал участіе в разработкѣ инструкціи. Об этом ниже.

5. Всѣ лица бывшей свиты, означенныя в прилагаемом спискѣ и пожелавшія по своей волѣ временно остаться в Александровском Дворцѣ, не имѣют права выхода из дворца, подчиняясь в отношеніи выхода в парк правилам, установленным настоящей инструкціей.

6. Без разрѣшенія моего никаких свиданій с лицами, содержащимися в Александровском дворцѣ не допускать.

7. Письменныя сношенія со всѣми лицами, находящимися во дворцѣ, допускать только через шт. ротм. Коцебу, которому надлежит подвергать строгому просмотру всѣ письма, записки и телеграммы, пропуская из них самостоятельно необходимыя сношенія хозяйственнаго характера и сообщенія о здоровьѣ, медицинской помощи и т. п. Все остальное подлежит представленію в штаб.

8. Телефон, находящійся во внутренних покоях дворца, снять, телефонныя сношенія допускать только по телефону в комнатѣ дежурнаго офицера в присутствіи послѣдняго или шт. ротм. Коцебу.

9. В случаѣ необходимости вызова врача-спеціалиста из Царскаго Села и Петрограда, таковых слѣдует допускать во дворец при постоянном сопровожденіи дежурнаго офицера.

10. Всѣ продукты, доставляемые во дворец, должны быть передаваемы оставшейся во дворцѣ прислугѣ в присутствіи дежурнаго офицера и шт. ротм. Коцебу, на обязанности которых являлиц дворца...

ется не допускать никаких разговоров относительно внутренних

Новая функція главнокомандующаго могла явиться механическим послѣдсвіем того, что Царь и его семья отдавались под общее наблюденіе министра, в руках котораго в то время была единственная реальная сила. «Рус. Вѣд.» в дополненіе к постановленію правительства о лишеніи свободы Царя и Царицы, сообщали: «Как передают, Николай с членами своей семьи будет отправлен в Англію, гдѣ и будет жить все время. А. И. Гучкову Врмен. Правительством поручено сопровождать Николая II на Мурман и взять в свое вѣдѣніе организацію дѣла отъѣзда бывшаго Императора в Англію»*). Насколько эти слухи были правдоподобны и не являлись лишь одним из варіантов, устанавливаемых на «частных совѣщаніях» правительства — трудно сказать. Соколов в своем разслѣдованіи установил, что военный министр сам посѣтил Царское Село и Александровскій дворец, но ему так и не удалось выяснить, зачѣм собственно Гучков пріѣзжал. Этого не мог разъяснить слѣдователю никто из допрошенных им лиц, из входивших в императорскую свиту. Гучков как бы уклонился от дачи объясненій. Князь Львов утверждал, что Гучков посѣтил Царское Село в качествѣ военнаго министра, но с какой цѣлью — этого Львов не мог вспомнить, как и того: дѣлал ли Гучков какой нибудь доклад правительству... Камеристка Императрицы Занотти показала Соколову, что

*) Сообщеніе это слѣдовательно появилось одновременно с отчетом о рѣчах Керенскаго, гдѣ министр юстиціи говорил, что он самолично отвезет бывшаго царя на Мурман.

Гучков дѣйствительно видѣлся с Алекс. Фед. и что послѣдняя чрезвычайно негодовала на это свиданіе, не имѣвшее, по ея мнѣнію, никакого видимаго основанія. Едва ли Гучков пожелал встрѣчи с женой устраненнаго монарха из любопытства или чувства злобы и мелкой мести в отношеніи человѣка, который, как он знал, не раз выражал свою ненависть к нему. Замѣтка «Рус. Вѣдом.» могла бы внести нѣкоторую ясность в одну из тѣх многочисленных загадок, которыми полна еще исторія этих дней...

Свидѣтельствовавшіе перед слѣдователем отнюдь не связывали посѣщеніе Гучкова с арестом Императрицы (камер-юнгфрау Занотти показывала: «Послѣ, должно быть, пріѣзжал Корнилов»). Но у нас имѣется еще один разсказ, опредѣленно связывающій пріѣзд Гучкова с моментом ареста. Так, офицер 4-го стр. полка Кологривов утверждает, что Корнилов прибыл во дворец вмѣстѣ с Гучковым и в сопровожденіи еще какой-то делегаціи. Разсказ передавал и нѣкоторыя характерныя детали, сопровождавшія свиданіе указанных лиц с Алекс. Фед. Нельзя придавать, однако, большой вѣры этому повѣствованію, уже потому, что Кологривов, присутствуя якобы непосредственно при пріемѣ, вспомнил, как Гучков и Корнилов, украшенные «огромным красным бантом на груди», появились в Александровском дворцѣ (между часом и двумя по полуночи), как они довольно грубо велѣли разбудить «бывшую царицу», причем Корнилов сказал: «Теперь не время спать». Между тѣм мы имѣем, помимо газетных сообщеній, опредѣленное свидѣтельство Кобылинскаго, о котором уже упоминалось и которое опровергает и ночное посѣщеніе и присутствіе Гучкова и сов. делегаціи*).

Сплелась эта версія из того, что Гучков дѣйствительно посѣтил Александровскій дворец вмѣстѣ с Корнилоым, но только это было, как устанавливает дневник гр. Бенкендорфа, 5-го марта и никакого отношенія к аресту Алекс. Фед. не имѣло. Посѣщеніе находилось в прямой связи с возможными осложненіями в гарнизонѣ Царскаго Села в силу того двойственнаго положенія, в котором послѣ отреченія оказались части, охранявшія дворец, и отсутствія у дворцоваго коменданта связи с новым правительством. Поэтому Гучкова и Корнилова сопровождали представители Царскосельскаго гарнизона. В такой обстановкѣ становится понятным и ночной вызов Кобылинскаго. По словам кн. Палѣй, визит к Алекс. Фед. состоялся в 1 час. 30 мин. ночи — она видит в этом желаніе унизить Императрицу, заставить ее прождать представителей революціоннаго правительства. В дѣйствительности, задержка, быть может, объясняется, вызовом вел. кн. Павла, который должен был служить посредником. Свое посѣщеніе военный министр и главнокомандующій войсками, совершавшіе инспекторскій осмотр Царскосельскаго гарнизона, объясняли желаніем выяснить положеніе царской

*) О посѣщеніи Гучковым дворца вмѣстѣ с Корниловым в момент ареста и еще раз послѣ разсказывает и царскій камердинер Волков, но он так явно перепутал всѣ даты и подробности, что его показаніям никакой цѣны придавать нельзя (и самый арест он относит приблизительно к 3-му марта).

семьи во дворцѣ, который с военной стороны охранялся нарядом из состава уже революціоннаго гарнизона.

Всѣ показанія, данныя Соколову, отмѣчают полную корректность Корнилова при выполненіи непріятнаго и тяжелаго порученія и спокойствіе, с которым встрѣтила Алекс. Фед. переданное ей постановленіе правительства. Нѣсколько по другому рисует воспріятіе Алекс. Фед. факта своего ареста тогдашнее газетное сообщеніе, опиравшееся на бесѣду сотрудника «Русской Воли» будто бы с ген. Корниловым. — «Утром», — передавал Корнилов, — «я получил предложеніе военнаго министра Гучкова арестовать бывшую Царицу.— «У меня всѣ больны»,— заявила Алекс. Федор., — «Сегодня заболѣла моя послѣдняя дочь. Алексѣй. сначала было поправлявшійся, опять в опасности. Ради Бога, останьтесь со мной наединѣ». — «Я», — говорил Корнилов, — «приказал всѣм удалиться на нѣсколько минут. Бывшая Императрица заплакала и забилась в истерикѣ. Придя в себя, Алекс. Фед. заявила: — «Я в вашем распоряженіи, дѣлайте со мной все, что хотите». Объявив ей указ об арестѣ*), Корнилов распорядился приставить стражу ко всѣм телефонам и телеграфу во дворцѣ, чтобы изолировать бывшую царицу».

По корниловской инструкціи караул во дворцѣ впредь должны были занимать по очереди всѣ запасные полки и батальоны гарнизона. От бывшаго «собственнаго конвоя» должны были назначаться только конные дозоры для охраны Царскаго Села и его ближайших окрестностей, посты от «дворцовой полиціи» немедленно снимались. Это распоряженіе, повидимому, прошло не совсѣм гладко, — представитель Исполн. Ком., совершившій через день вооруженный рейд в Царское Село (об этом дальше), разсказал в воспоминаніях, со слов царскосельских стрѣлков, что они «чуть не с боя заняли караул», так как «сводный гвардейскій полк ни за что не хотѣл смѣняться». Этот разсказ подтверждает версію, изложенную упомянутым Кологривовым (молодому Маркову Сергѣю) — об этом офицерѣ придется еще говорить. — «сводный батальон готовился встрѣтить ожидавшагося Царя с «подобающими почестями», но был смѣнен за четыре часа до пріѣзда Государя». — «Батальон», — «разсказывал Кологривов, — «как один человѣк отказался впустить их (новую охрану) за рѣшетку дворца и... выкатил пулеметы. Но Царица попросила к себѣ полковника Лазарева (смѣнившаго арестованнаго ген. Рескина) и... пришлось преклониться перед судьбой: «Не повторяйте климата французской революціи, защищая мраморную лѣстницу дворца...»

5. Секретная миссія в Ставку.

Описанное. по сообщенію газет, происходило около 11 час. утра. В это время путешествіе другой «делегаціи» в направленіи

*) По словам Бенкендорфа, Корнилов тут же сказал, что арест является мѣрой охранительной, и что послѣ выздоровленія дѣтей царская семья будет отправлена в Мурманск.

к Ставкѣ превратилось, по словам Бубликова, в «тріумфальное шествіе». — «Нас встрѣчали», — вспоминает предсѣдатель делегаціи, — «на каждой станціи толпы желѣзнодорожных служащих и населенія, говорились привѣтственныя рѣчи, раздавались крики ура»...*). Отвѣчая на привѣтствія, как тогда полагалось, Бубликов лишился голоса. Надо ли говорить, что всѣ эти овацiи не имѣли никакого отношенія к цѣли «секретной миссіи», о которой мѣстное населеніе еще не могло знать.

В Ставкѣ ждали пріѣзда посланцев правительства, которые должны были сопровождать императорскій поѣзд до Царскаго Села. Никто не ожидал, что они привезут с собой мандат об арестѣ. В 10 ½ час. утра всѣ офицеры Ставки и по одному представителю солдату от каждаго отдѣла собрались в большой залѣ управленія для прощанія с Государем. Все происходило с подобающим этикетом**). Солдаты отвѣтили на привѣтствіе: «Здравія желаем Ваше Императорское Величество». Алексѣев скомандовал: «господа офицеры». Царь, сдѣлав общій поклон, «тихим голосом, волнуясь и дѣлая большія паузы, сказал свое прощальное слово, пожелав собравшимся честно служить Родинѣ при новом правительствѣ».

В глазах говорившаго блестѣли слезы. Алексѣев подошел к Государю и глубоко растроганным голосом пожелал Николаю II «счастья в новой жизни». Государь обнял и крѣпко поцѣловал ген. Алексѣева. — «Раздались всхлипыванія», — записывает в дневник полк. Пронин, — «затѣм рыданія... Шт. ротм. Муханов упал в обморок. Потом еще один за другим нѣсколько человѣк... Глубоко взволнованный всей обстановкой Государь, не закончив обхода, пріостановился и, рѣзко поклонившись, направился к выходу, спустился по лѣстницѣ и прошел через сад во дворец»...

Как разительно противорѣчило это прощаніе тому, что произошло через короткій промежуток. Неужели могла быть допущена подобная комедія или подобная демонстрація, если бы Алексѣев дѣйствительно был офиціально предувѣдомлен предсѣдателем правительства о том, что делегаты Временнаго Комитета везут с собой предписаніе об арестѣ...***) Алексѣев, повидимому, узнал ночью частным образом о перемѣнѣ, происшедшей в позиціи правительства. Так разсказывает ген. Тихменев, завѣдовавшій желѣзнодорожными передвиженіями в Ставкѣ: — «Вечером 7-го марта ген.

*) В офиціальном отчетѣ это «тріумфальное шествіе» представлено значительно скромнѣе и упомянута лишь десятиминутная остановка в Оршѣ, гдѣ делегація удостоилась шумнаго привѣтствія толпы.

**) Конфуз вышел только с ген. Цабелем и его адъютантом, снявшими императорскіе вензеля в то время, как солдаты Собственнаго Е. В. полка были в вензелях (Дубенскій).

***) Вольная рука мемуариста, правда, не бывшаго в этот день в Ставкѣ, рисует в весьма образных тонах другую картину. Одинокій, покинутый царь из окна своего рабочаго кабинета наблюдает торжественную церемонію принесенія Ставкой присяги новому правительству. Керенскій не сдѣлал справки — присяга происходила 9 марта, т. е. на другой день послѣ отъѣзда императора.

К... *) (Он занимал в Ставкѣ должность высшаго представителя министерства путей сообщенія). По взволнованному и недоумѣвающему лицу К. я увидал, что случилось что то особенное... — «Вот, я только что получил шифрованную телеграмму от Бубликова... с извѣстіем, что завтра утром пріѣдут в Могилев четыре члена Государственной Думы для того чтобы арестовать государя... Мнѣ воспрещается освѣдомлять об этом кого-либо и приказано приготовить секретно поѣзд и паровоз» (о пріѣздѣ членов Думы было извѣстно раньше, равно, как и об отъѣздѣ Императора. С. М.). Тихменев порекомендовал предупредить Алексѣева о секретной телеграммѣ, который сумѣет с этим секретом распорядиться. В таких условіях торжественное прощаніе дѣлалось законной и показательной демонстраціей.

Дальнѣйшее изложим по отчету, представленному Времен. Ком. Гос. Думы правительственными посланцами: — «Ровно в 3 часа дня поѣзд с комиссарами Государ. Думы прибыл на ст. Могилев... На вокзалѣ собралось большое количество публики... Послѣ кратких привѣтственных рѣчей комиссары отправились в штаб, гдѣ имѣли 20-ти минутную бесѣду с ген. Алексѣевым. Бубликов предъявил ген. Алексѣеву предписаніе Врем. Прав. о лишеніи свободы бывшаго Императора. Ген. Алексѣев сообщил комиссарам, что императорскій поѣзд уже готов к отправленію и ожидает распоряженія комиссаров. Комиссары потребовали, чтобы им был представлен полный список лиц, сопровождающих Николая II. В список был включен, между прочим, флаг-капитан адм. Нилов, которому было предложено оставить поѣзд, что он и исполнил... Отрекшійся Император в это время находился в сосѣднем поѣздѣ вдовств. Импер. Маріи Феодоровны. Ген. Алексѣев сообщил отрекшемуся Императору постановленіе Врем. Прав. По приказу ген. Алексѣева в распоряженіе комиссаров был дан наряд солдат в 10 чел. гвард. жел. дор. батальона.

Когда все было готово, отрекшійся Император перешел из вагона Царицы-матери в императорскій поѣзд. Находившіеся на перронѣ лица хранили полное молчаніе. У окна своего вагона стояла Царица-мать, наблюдая за всѣм происходившим... В 4 час. 50 мин. поѣзд отбыл из Могилева. При отъѣздѣ не было ни привѣтствій, ни враждебных выкриков. Собравшаяся публика молча привѣтствовала стоявших у окна послѣдняго вагона комиссаров Государ. Думы. В пути к комиссарам являлись депутаціи с денежными пожертвованіями в пользу жертв революціи. Явились делегаты от поѣзднаго состава, от кухонной прислуги и от дорцовой полиціи. Всего пожертвованій поступило 380 рублей 50 коп.... С самаго момента отхода поѣзда из Могилева комиссары по всему пути слѣдованія посылали телеграммы предсѣдателю Гос. Думы, который таким образом был освѣдомлен о малѣйших подробностях движенія поѣзда...»

Каждый из современников видит то, что он хочет. Бубликову

*) В книгѣ, изданной в 25 г., автор почему-то сохраняет инициалы, хотя из всего дальнѣйшаго изложенія ясно, что рѣчь идет о ген. Кисляковѣ.

казалось, что всѣ окружающіе были больше взволнованы, чѣм Николай II, — «на лицѣ его совершенно не отражались трагическія событія, которыя им переживались». — «Выскочив из вагона имп. Маріи Фед., он пронесся по перрону, на ходу козыряя небольшой в 2-3 десятка людей, кучкѣ, собравшейся к тому времени на перронѣ» (150 чел. сообщ. Дубенскій). «Трогательная толпа людей проводила»*), запишет сам Николай II, — «тяжело, больно, тоскливо»... Но удивительно, что о лишеніи свободы нѣт и намека в записи 8-го марта — словно «бывшій Императоръ» еще не сознавал того, что произошло, или ему объяснили необходимость фиктивнаго ареста... Поѣзд тронулся... «Люди на перронѣ молча провожали нас глазами, вспоминает Бубликов, и это молчаніе преслѣдовало нас вплоть до Царскаго, куда, «скоро и благополучно», по выраженію царскаго дневника, прибыли в 11 ½ часов 9-го марта. Члены миссіи получили приглашеніе к столу Императора на обѣд, но отказались...

Так как соотвѣтствующія инструкціи начальствующія лица получили, комиссары признали свою миссію оконченной и отбыли в Петербург.

Царь на перронѣ вокзала, как описывает корреспондент газеты «День», молча (смотря вниз и не промолвив ни слова), «добѣжал» до автомобиля.

Ворота Александровскаго дворца по распоряженію дежурнаго офицера открылись, чтобы пропустить автомобиль «бывшаго Царя»....

В дневник Бенкендорфа занесена сцена какого то водевильнаго характера, будто бы происшедшая в этот момент. «Кто здѣсь», — спросил часовой. — «Николай Романов», — послѣдовал отвѣт...

С этого момента Николай II сдѣлался узником, — дворец превратился в тюрьму, но совершенно ложно было сообщеніе тогдашних газет, что Царю, по пріѣздѣ в Царское Село, не разрѣшалось увидаться с женой и дѣтьми...

Много горьких и обличительных слов произнесено по адресу «царских слуг», поспѣшивших покинуть монарха в его несчастіи. Я воздержусь от осужденія. Трудно сказать, как повелѣвает поступить совѣсть и долг в каждом отдѣльном случаѣ, не взвѣсив конкретной обстановки**). Рѣзко обвинял В. А. Маклаков в докладѣ, сдѣланном в Москвѣ 31 марта 17 г. С запоздалым обличеніем выступил Керенскій, вложившій столько пафоса в февральскіе

---

*) В воспоминаніях Вырубовой эта «трогательная толпа людей», со слов, якобы, царя, превратилась в толпу, стоявшую на колѣнях на всем протяженіи от дворца до вокзала.

**) Укажу, между прочим, на один примѣр. Свидѣтельствовавшіе перед Соколовым указывали, что на царя тяжелое впечатлѣніе произвело отсутствіе среди приближенных лично близкаго семьѣ фл. ад. Саблина. Может быть установлен факт, что Саблин находился в это время среди арестованных матросами гвардейскаго экипажа.

дни. Но безпощаднѣе всѣх в отношеніи к служилой аристократіи оказался в дневникѣ вел. кн. Николай Михайлович, суммировавшій свои обвиненія под общим заголовком: «Как всѣ они предали его». Оставим раз навсегда образы, навѣянные чужим прошлым — ссылками на швейцарскую гвардію и Вандею. Оставим в сторонѣ и тѣх «придворных», которые жаловались Полнеру, что «Царь их предал».

В русской дѣйствительности до катастрофы, обрушившейся на страну с момента октябрьскаго переворота, не было дней, когда «вѣрные долгу» должны были жизнью своей защищать неприкосновенность монарха. Историк никогда не имѣет права забывать, что февральская революція (катастрофа в представленіи одних и великое обновленіе страны в представленіи других) совпала с тяжелой годиной войны, когда патріотическое чувство, независимо от оцѣнки правительственных дѣятелей прежней власти и личности монарха, заставляло искать примиренія с тѣм, что стихійно произошло, что органически для многих по внутреннему ощущенію было ненавистно. Русская гвардія, т. е. носители тѣх громких фамилій, имена которых занес в свой криминальный список вел. кн. Николай Михайлович, не слѣдовала завѣту Шульгина служить «не против врагов внѣшних, а против врагов внутренних», — ей чужды были эти квази монархическія тенденціи. Отдадим ей должное: — она героически сражалась с «врагом внѣшним» и гибла на полях брани. «Нѣмцы ликуют на наш счет» — эти слова из записок дневника Нарышкиной 26 февраля могут быть поставлены эпиграфом ко всему дневнику обер-гофмейстрины. И еще одно замѣчаніе по поводу негодующих и пристрастных сужденій, высказанных в дневникѣ мужественно и с достоинством погибшаго в чекистском застѣнкѣ историка, который вышел из великокняжеской среды. Он сам явил собой яркій примѣр того, как человѣка, чуждаго революціонной идеологіи, захватывает окружающая обстановка, как возбуждает порыв и настроеніе, которое рождает своего рода коллективный психоз, именуемый революціей...

Закончим повѣствованіе о послѣдних свободных часах имп. Николая II цитатой из прощальнаго приказа по арміи, отданнаго им в Ставкѣ, в качествѣ бывшаго верховнаго главнокомандующаго. Слова эти произвели сильное впечатлѣніе на англійскаго посла, в общем скорѣе не любившаго Николая II. — «Государь», — записал Бьюкенен, — «показал себя с самой благородной стороны. Всѣ личныя соображенія были отброшены, и всѣ его мысли были направлены на благо родины»... Может ли кто нибудь, прочитав приказ, написанный в ту минуту, когда, утратив свое высокое положеніе, он был арестован*), повѣрить, что Император был лицемѣрен?!!

Вот этот приказ: — «В послѣдній раз обращаюсь к вам, горячо любимыя мною войска. Послѣ отреченія моего за себя и за сына

*) Приказ был написан, конечно, до момента, когда царь узнал, что он лишен свободы. По утвержденію Пронина текст приказа был лично написан Николаем II поздно вечером 7 марта.

моего от престола Россійскаго, власть перешла к Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россію по пути славы и благоденствія. Да поможет Бог и вам, доблестныя войска, отстоять нашу родину от злого врага. В продолженіи двух с половиной лѣт вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сдѣлано усилій, и уже близок час, когда Россія, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремленіем к побѣдѣ, сломит усиліе противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды. Кто думает теперь о мирѣ, кто желает его, — тот измѣнник отечества, его предает. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте нашу великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайте ваших начальников, помните, что всякое ослабленіе порядка службы только на руку врагу. Твердо вѣрю, что не угасла в ваших сердцах безпредѣльная любовь к нашей великой Родинѣ. Да благословит вас Господь Бог, и да ведет вас к побѣдѣ Святой Великомученик и Побѣдоносец Георгій»... Николай.

В ночь на 8 марта, по свидѣтельству полк. Пронина, согласно приказа Алексѣева, текст был передан в армію, но он дошел лишь до штабов армій и только кое-гдѣ до штабов корпусов и дивизій (румынскій фронт), ибо, получив копію этого приказа, военный министр Гучков экстренной телеграммой в штабы фронтов, помимо Ставки, воспретил дальнѣйшую передачу в войска*).

Почему?... Не потому ли, что прощальное слово вступало в рѣзкую коллизію с настроеніем либеральной общественности, воспринимавшей и оправдывавшей переворот, как неизбѣжную реакцію на антипатріотическую позицію старой власти?... Не потому ли, что впечатлѣніе, полученное Бьюкененом, могло совпасть с аналогичным в арміи, которое не могло бы оправдать ни ареста бывшаго Императора, ни юридическаго разслѣдованія его прикосновенности к воображаемой «измѣнѣ»?... Не потому ли, что военный министр боялся волновать войска?... Вспомним, что в одновременном приказѣ по арміи он говорил: «Опасность еще не миновала, и враг может еще бороться»...

Прощальное слово бывшаго верховнаго главнокомандующаго в свободной странѣ, гдѣ была провозглашена свобода печати, не было сообщено и в газетах, хотя Царь призывал войска подчиниться временному революціонному правительству.

*) Среди опубликованных документов нѣт этой «запретительной» телеграммы Гучкова. О запрещеніи говорят и Лукомскій, и Бьюкенен, и другіе.

ГЛАВА ВТОРОЯ.

АНГЛІЙСКІЙ МИРАЖ

1. Рейд Мстиславскаго.

На первый взгляд вызывает лишь недоумѣніе мало-понятная запись, имѣющаяся в протоколѣ Исполн. Комитета 8-го марта: «Рѣшено арестовать всю семью, конфисковать немедленно их имущество и лишить права гражданства. Для ареста послать своего парламентера с той делегаціей, которая будет производить арест» (Далѣе в подлинникѣ вписано: — «Приняты слѣдующіе 7 пунктов», которых не оказалось в черновиках протокольных записей). Это относится ко времени, когда уже было распубликовано постановленіе правительства об арестѣ. В чем дѣло?... Очевидно, Исп. Комитет не был освѣдомлен о том, что к выполненію указаннаго рѣшенія уже приняты срочныя мѣры, и предполагал, что он будет привлечен, как иниціатор, к осуществленію заданій. Вѣроятнѣе всего именно тогда был избран Гвоздев в качествѣ «парламентера», о котором говорит запись протокола. Исполнительный Комитет был поставлен перед совершившимся фактом, потому и отпала необходимость составленнаго для Гвоздева «мандата». Дѣло сразу осложнилось, и «секретная» миссія думских комиссаров представилась в ином свѣтѣ — в свѣтѣ закулисной политики и какой то двойной игры, которую ведет правительство. При содѣйствіи правительства Царь бѣжит в Англію, что может имѣть неисчислимо вредныя послѣдствія для революціи. Таково могло быть заключеніе представителей революціонной демократіи, засѣдавших в руководящем совѣтском органѣ, без какого либо внѣшняго давленія со стороны «человѣка с улицы». Совсѣм напротив из центра, охваченнаго какой-то истеріей, оказывают давленіе на мнѣніе толпы.

Протокол 9-го марта открывается записью: «Ввиду полученных свѣдѣній, что Временное Правительство предоставило Николаю Романову возможность выѣхать в Англію, и что в настоящее время он находится на пути в Петроград, Исп. Ком. рѣшил принять немедленно чрезвычайныя мѣры к его задержанію и аресту. Издано распоряженіе о занятіи нашими войсками всѣх вокзалов, а также командировать комиссара с чрезвычайными полномочіями на ст. Царское Село, Тосно и Званку. Кромѣ того, рѣшено разослать радіотелеграммы во всѣ города с предписаніем арестовать Николая Романова и вообще принять ряд чрезвычайных мѣр. Вмѣ-

стѣ с тѣм рѣшено объявить немедленно Временному Правительству о непреклонной волѣ Исполн. Ком., не допустить отъѣзда в Англію Николая Романова и арестовать его. Мѣстом водворенія Николая Романова рѣшено назначить Трубецкой бастіон Петропавловской крѣпости, смѣнив для этой цѣли командный состав послѣдней. Арест Николая Романова рѣшено произвести во что бы то ни стало, хотя бы это грозило разрывом сношеній с Временным Правительством».

Надо думать, что в момент обсужденія пришло сообщеніе о прибытіи Николая II в Царское Село. Тогда в Царское Село была наряжена спеціальная военная экспедиція в составѣ отряда семеновцев и роты пулеметчиков*) с эмиссаром с. р. Масловским (Мстиславским) для ареста Царя. Разыгралась довольно дикая и глупая трагикомедія, о которой не любят вспомнать «революціонные» историки и мемуаристы, за исключеніем самого главнаго героя. Это замалчиваніе и дало повод Керенскому в сб. «Издалека» назвать рейд Мстиславскаго «самозванной совѣтской делегаціей, ворвавшейся в Царскосельскій дворец с явной цѣлью «увоза Николая»**).

Какая это частная иниціатива, раз в офиціальном засѣданіи кандидатура Мстиславскаго была выдвинута Соколовым, и спеціальному комиссару был дан и соотвѣтствующій мандат такого исключительнаго содержанія: «По полученіи сего немедленно отправиться в Царское Село и принять всю гражданскую и военную власть для выполненія возложеннаго на вас особо важнаго порученія». Оставляя в сторонѣ детали, посмотрим, как живописует свой «революціонный» подвиг сам Мстиславскій.

Директива, данная ему, была, по его словам, крайне неопредѣленная: он должен был выполнить «особо важный государственный акт», опредѣлив уже на мѣстѣ конкретный образ дѣйствій и руководясь лишь «духом» постановленія Исп. Ком. — обезпечить любой цѣной «революцію от возможной реставраціи». — «Чѣм ближе было к Царскому», — вспоминает Мстиславскій, — «мрачнѣли сосредоточенныя лица солдат... Среди жуткой напряженной тишины подъѣхали мы к вокзалу. Солдаты крестились...»

Эмиссар в сопровожденіи шт. кап. Тарасова Родіонова, арестовав начальника станціи, отправился в ратушу для переговоров с начальником гарнизона и комендантом Царскаго Села. Оставшемуся на вокзалѣ отряду было дано распоряженіе в случаѣ, если эмиссар через час не вернется, итти в казармы 2-го стрѣлк. полка,

---

*) Повидимому, свѣдѣнія эти весьма преувеличены. Другіе свидѣтели позже говорили о нѣсколькихъ пулеметах, имѣвшихся в распоряженіи «отряда».

**) В своих книгах Керенскій по-разному изображает совѣтскую экспедицію. В «Rev. Russe» он относит предпріятіе Масловскаго к ночи на 8-ое марта (когда царь был еще в Ставкѣ!) и говорит, что всѣ мѣры подготовлены в величайшем секретѣ с цѣлью поставить правительство перед совершившимся фактом — в смыслѣ ареста императора. В La Verité он вновь называет экспедицію Масловскаго частной инициативой, предпринятой без вѣдома Совѣта и полагает, что из соображеній своего престижа, Совѣт покрыл эту частную иниціативу. Вслѣд за Керенским и слѣдователь Соколов признавал миссію Мстиславскаго актом индивидуальным.

на «революціонность» котораго по имѣвшимся свѣдѣніям можно было положиться, «поднять» стрѣлков и двинуться во дворец для выполненія возложеннаго на них порученія — любой цѣной... смотря по обстоятельствам — или вывезти арестованнаго в Петербург, в Петропавлоскую крѣпость, или л и к в и д и р о в а т ь в о п р о с з д ѣ с ь ж е в Ц а р с к о м*).

В ратушѣ между эмиссаром и «полковником» (очевидно, надо подразумѣвать Кобылинскаго) будто бы произошел такой разговор. Прочитав «мандат», «полковник» отказался выполнить незаконное распоряженіе, так как он подчинен правительству, а не Совѣту и потребовал запросить ген. Корнилова. — «Слушайте, господа», — отвѣчал ему эмиссар, — «Вы знаете, конечно, что мы прибыли сюда с отрядом. Вмѣсто того, чтобы терять время на разговоры с вами, я могу попросту поднять весь гарнизон — одним взмахом руки, одним боевым сигналом. И если я не дѣлаю этого, то потому только, что увѣрен выполнить свое заданіе... один, не вынимая оружія из ножен... Одним именем народа... Если вы вынудите меня силой взяться за винтовки, вы будете отвѣчать за кровь... Послѣдній раз: гдѣ находится бывшій Императоp?..» В концѣ концов, заарестовав «полковников» — все это, само собой, разсказывает сам эмиссар, дѣйствовавшій «именем революціоннаго народа», — совѣтскій посланец отправился во дворец. Часовой «на отрѣз» отказался пропустить его внутрь за ворота. Насилу добились вызова караульнаго начальника, совсѣм еще зеленаго, по дѣтски важнаго и взволнованнаго прапорщика. Несмотря на предъявленный документ и начальник караула отказался пропустить во внутренній двор... Вызвали дворцоваго коменданта, шт. рот. Коцебу, который заявил, что он сейчас протелефонирует Корнилову. Настойчивость эмиссара достигла цѣли, арестованный Коцебу, подчиняясь «силѣ», провел Мстиславскаго во внутренній караул, который нес 2-ой стр. полк. Эмиссар попытался начать с агитаціи солдат, но был отвлечен офицерами, среди которых оказался немолодой прапорщик, знакомый эмиссара по встрѣчам на междупартійных совѣщаніях. Человѣк 20 возмущенных офицеров набросились на него — «опять мутить, опять разжигать...» — «Вы затѣяли игру с огнем»... — сказал ему знакомый прапорщик — «Убить Императора в его дворцѣ... полк не может допустить... Если комендант города, комендант дворца пропустили вас, это дѣло их совѣсти... но наши офицеры...» — «Развѣ у меня вид Макбета или Палена?... И развѣ каждый соцреволюціонер уже обязательно цареубійца?...» — «Но Коцебу говорит... в вашем документѣ...» — «Вот мой документ...» — «Коцебу прав: ваше порученіе.... странно редактировано, странно, иного слова не подберу... В нем есть мандат на цареубійство...» Мстиславскій обратился к офицерам, разъясняя рѣшеніе Исполкома. Младшіе объяснили: — «Вы напрасно тревожитесь так в Исполкомѣ... Стража безоговорчно

*) Автор оговаривается, что такое распоряженіе он отдал только в увѣренности, что отряду не придется двинуться с вокзала, иначе он «никогда и никому не передал бы командованія. Развѣ такія порученія передаются».

примкнула к революціи... Ваше недовѣріе... не может не оскорблять нас...» — «Если бы оно было... я привел бы к вам под дворцовыя стѣны хоть цѣлый корпус: Петербург и Кронштадт не оскудѣли еще... Но насколько арест может быть произведен со всѣми строгостями и здѣсь, без вывоза в Петропавловскую крѣпость...» — «Вывезти «его» мы не дадим...» Мстиславскій на это заявил, что «так как Совѣт не желает дѣлать излишняго шума... то в данный момент в увозѣ нѣт необходимости».

Офицеры дали слово, что, пока полк будет нести караул, Императоръ и его семья не выйдут из стѣн дворца. Но Мстиславскому надо было убѣдиться еще в том, что «звѣрь» дѣйствительно в капканѣ... — «Вам придется предъявить мнѣ арестованнаго» — ...заявил он офицерам. Офицеры вздрогнули: — «Предъявить Императора... вам... Он никогда не согласится... — Да вѣдь это хуже, чѣм... — Безцѣльная жестокость... Мы дадим вам честное офицерское слово, что он замкнут...» Опять звучит в голосах угроза. И мирный исход... начинает подергиваться зловѣщей багрянѣющей дымкой. Сказав о «предъявленіи» почти машинально, чтобы не возвращаться в Петербург, не видѣв арестованнаго, Мстиславскій по этому психологическому протесту офицеров «понял, что этот актъ униженія, — да униженія... необходим, что даже не в арестѣ, а именно в н е м существо... посланничества. Ни арест, ни даже эшафот не может убить... самодержавія...» — «Пусть дѣйствительно он пройдет передо мною, по моему слову, перед лицом в с ѣ х Пусть он станет передо мною, простым эмиссаром революціонных рабочих и солдат... Он... Императоръ... как арестант при провѣркѣ в е г о былых тюрьмах...»

Рѣшают вызвать Бенкендорфа, который отказывает в требованіи Масловскому. Пререканія... Масловскій грозит двинуть семеновцев... «Судьба Времен. Правительства, бывшей династіи, всей Россіи, наконец, снова станет на карту»... Бенкендорф «уступил насилію». Установили что Императоръ пройдет мимо Масловскаго на перекресткѣ двух корридоров. Сам автор воспоминаній признает, что вид у него был «разинскій». «Вѣдь со дня переворота почти не приходилось раздѣваться. Небритый, в тулупѣ, с приставшей к нему соломой, в папахѣ, из которой выбивались слежавшіеся всклокоченные волосы... И браунинг, торчащій из кармана, с котораго стоящій слѣва Долгорукій не сводил глаз... Послышались быстрые шаги, на перекресткѣ появился Царь с измученным лицом, он остановился и постоял, словно в нерѣшительности, затѣм двинулся к нашей группѣ. Казалось, он сейчас заговорит. Мы смотрѣли в упор, в глаза друг другу, сближаясь с каждым его шагом... Была мертвая тишина». Мстиславскій прочел в глубинѣ зрачков Императора словно огнем колыхнувшуюся, яркую смертную злобу. Офицеры снова вздрогнули... «Николай пріостановился и, круто повернувшись, быстро пошел назад...» Я выпростал засунутую за пояс правую руку, приложил ее к папахѣ, прощаясь с придворными и... двинулся в обратный путь. Офицеры молчали. — «Вы напрасно не сняли папахи», — укоризненно сказал один из

них в вестибюлѣ: «Государь видимо хотѣл заговорить с вами, но когда увидѣл, как вы стоите...»

Что правда, что беллетристическій вымысел в картинном изображеніи Мстиславскаго?.. Его разсказу можно противопоставить лишь короткое показаніе Кобылинскаго, разсказ Коцебу в передачѣ Карабчевскаго и отмѣтку в дневникѣ Бенкендорфа.— «Явился ко мнѣ какой то неизвѣстный,» — показывал Кобылинскій позже слѣдователю в Екатеринбургѣ, — «и, назвавшись Масловским, предъявил мнѣ требованіе Петербургскаго Исп. Ком. Совѣта Раб. и Сол. Деп... Человѣк, назвавшій себѣ Масловским, был одѣт в форму чиновника... Требованіе Исп. Ком. было подписано... членом Госуд. Думы Чхеидзе, оно имѣло надлежащую печать. Назвавшій себя Масловским заявил мнѣ, что должен сейчас же взять Государя и доставить его в Петропавловскую крѣпость. Я категорически заявил Масловскому, что допустить этого не могу. Тогда он мнѣ сказал: — «Ну, полковник, знайте, что кровь которая сейчас прольется, падет на вашу голову...» — «Ну, что-же дѣлать, падет... так падет... Исполнить не могу...» — Он ушел... Я думал, что он совсѣм ушел. Но он, оказывается, все-таки отправился во дворец. Там его встрѣтил командир перваго полка капитан Аксюта. Он показал ему требованіе и заявил, что желает видѣть Государя. Осмотрѣв его карманы, Аксюта показал ему Государя так, что он Государя видѣл, а Государь его — нѣт. Об этом я тогда же сообщил в штаб. Мои дѣйствія были одобрены». По отмѣткѣ в дневникѣ Бенкендорфа какой то «Манковскій, прибывшій из Петербурга, желал увидѣть Царя, чтобы увѣрить своих «mandataires» в том, что Царь находится дѣйствительно в Александровском дворцѣ». Тогда Бенкендорф попросил Царя пройти по корридору*).

По словам Коцебу, давняго и хорошаго знакомаго Карабчевскаго, при появленія Масловскаго он переговорил с солдатами караульнаго отряда о том, чтобы в случаѣ надобности с оружіем отразить попытку захватить Царя, но упомянутый прапорщик взялся «уладить дѣло» мирным путем. Масловскій — «как то сразу сдал». Тогда было рѣшено с согласія Коцебу показать Царя для того, чтобы Масловскій убѣдился, что слух об его исчезновеніи ложен. Николай II пересѣк корридор. Как передавал Коцебу, Масловскій, «при появленіи Царя, пока он не скрылся, все время дрожал, как в лихорадкѣ, и весь измѣнился в лицѣ».

Удостовѣрившись, что Государь арестован, Масловскій ушел — заносит в дневник на другой день Нарышкина.

Мнѣ кажется, что из разсказа самого совѣтскаго эмиссара, если отбросить явно революціонныя прикрасы, с полной очевидностью вытекает, что уступчивость самоувѣреннаго эмиссара объясняется тѣм, что произвести арест оказалось фактически для него

*) Наименованіе эмиссара «Манковским» в дневникѣ довольно характерно. Мстиславскій разсказывал, что Бенкендорф негодовал: «И как вы, именно вы, с прошлым вашего рода, могли пойти на такое оскорбленіе Величества... и в таком видѣ». Престарѣлый церемоніймейстер Двора знал отца Масловскаго, он едва ли мог об этом забыть, внося соотвѣтствующія строки о рейдѣ Масловскаго — сына.

невозможным. Встрѣтивши рѣшительный отпор со стороны караула, считавшаго своей обязанностью выполнять приказанія лишь ген. Корнилова (хотя караул и принадлежал к тому составу 2-го стрѣлк. полка, на революціонность котораго возлагали надежды), Мстиславскій нашел выход в компромиссѣ, принятом охраной, «во избѣжаніе кровопролитія». Признав, что Царь находится под надежным караулом, в своем революціонном чувствѣ Мстиславскій был удовлетворен и он счел свою миссію выполненной. Мстиславксій не захватил Царя «только потому, что в послѣднюю минуту он растерялся» — как утверждал Керенскій в своих показаніях Соколову*).

Только под вечер вернулась совѣтская экспедиція в Петербург и в Исполн. Комитетѣ Мстиславскій узнал о состоявшемся с правителством соглашеніи. Смысл его, по докладу Чхеидзе, протокол передал так: — «Тов. Чхеидзе докладывает, что Николай II уже прибыл в Царское Село. Под давленіем Исполн. Ком. Врем. Прав. отказалось от мысли разрѣшить Николаю Романову выѣхать в Англію без особаго на то согласія Исп. Ком. Временно он оставлен в Царском Селѣ. Времен. Правит. и министр юстиціи Керенскій гарантируют, что он никуда не уйдет. Врем. Прав. согласно, чтобы Исполн. Ком. назначил в Царское Село своего комиссара для надзора, дабы Николай II никуда не уѣхал. В дальнѣйшем вопрос о Николаѣ Романовѣ будет разрѣшен по соглашенію с Исп. Ком.. Заслушав этот доклад, Исп. Ком. постановил снять охрану с вокзалов, кромѣ Царскосельскаго вокзала, послать комиссаров в Царское Село и на станцію Тосно, окончательный же вопрос о Николаѣ II обсудить и рѣшить завтра. Кромѣ того, рѣшено принять мѣры, чтобы в будущем можно было быстрѣе производить мобилизацію воинских частей». Комиссаром в Царское Село на этом собраніи был избран Мстиславскій, — так он утверждает. Тут же ему был вручен и мандат на «арест и содержаніе под стражей особ бывшей императорской фамиліи». Мстиславскій с подчеркнутостью говорит, что он отказался от предложенной чести наотрѣз: — «Съѣздить в Царское, как ѣздили мы 9-го марта, и быть комиссаром по арестованію не одно и то же». Отказ Мстиславскаго протокол не зарегистрировал, но и в этом, как и в послѣдующих засѣданіях никаких комиссаров больше не избиралось. Не наступило и того «завтра», о котором говорит протокол. Навожденіе, охватившее Исполн. Ком., прошло**). Получив гарантію от правительства никогда уже впредь Исполн. Ком. не возвращался к судьбѣ царской семьи. Никто не вспоминал, что Исп. Ком. требовал не только ареста Николая II и Алекс. Фед., но и всѣх членов династіи. Во всяком случаѣ офиціальные протоколы этого не отмѣчали.

---

*) Растерянность эмиссара несомнѣнна — этим и объясняется то фанфаронство, которым пронизаны его воспоминанія. Но не одна только «растерянность» опредѣлила неудачу экспедиціи.

**) В газетах на другой день сообщалось, что по Петрограду распространился слух, что царь бѣжал.

Завершеніем совѣтской эпопеи с арестом бывш. Императора надо считать засѣданіе Совѣта 10-го марта, на котором Соколов дал как бы формальный отчет от имени Исполн. Ком. В отчетѣ были черты, заслуживающія вниманія: — «Вчера», — говорил Соколов, — «стало извѣстно, что Временное Правительство изъявило согласіе на отъѣзд Николая II в Англію и даже вступило об этом в переговоры с британскими властями без согласія и без вѣдома Исп. Ком. Совѣта Р. Д.*). При таких условіях мы рѣшили дѣйствовать самостоятельно. Мы мобилизовали в с ѣ, находящіяся под нашим вліяніем воинскія части и поставили дѣло так, чтобы Николай II фактически не мог уѣхать из Царскаго Села без нашего согласія. По линіям жел. дорог были разосланы соотвѣтствующія телеграммы, призывающія желѣзнодор. рабочих и начальников станцій задержать поѣзд Николая II, буде таковой уйдет. На этом мы однако не успокоились, мы командировали своего комиссара на Царско-сельскій вокзал и в Царское Село, отрядив соотвѣтствующее количество воинских сил с броневыми автомобилями и окружили Александровскій дворец плотным кольцом**). Этим путем мы поставили Николая II в невозможность уѣхать из-под нашего надзора. Затѣм мы вступили в переговоры с Врем. Правит., которое санкціонировало наши предпріятія (в другом газетном отчетѣ сказано: послѣ нѣкоторых колебаній). В настоящее время бывшій Царь находится не только под надзором Времен. Прав., но и под нашим надзором. Однако, арестом Николая II не исчерпывается вопрос о династіи. Мы должны обсудить не только политическія права бывшаго Царя, но и его имущественныя права. У Николая II есть цѣлый ряд имуществ в предѣлах Россіи и огромныя денежныя суммы в англійском и других иностраных банках. *Надо перед его высылкой* рѣшить вопрос об его имуществѣ. Когда мы выясним, какое имущество может быть признано его личным и какое слѣдует считать произвольно захваченным у государства, только тогда мы выскажемся о дальнѣйшем».

Послѣ небольших преній собраніе, конечно, одобрило дѣйствія Исп. Ком., но нѣсколько голосов раздалось о заключеніи Царя в Трубецкой бастіон — так вела себя «разнузданная толпа совдепіи» (Коковцев).

Необходимо обратить вниманіе на то, что в докладѣ Соколова не было ни слова о возможности предать революціонному суду бывшаго монарха; не было намека на юридическое разслѣдованіе его «преступленій перед народом» и т. п. Говорилось только о высылкѣ, которая ставилась в связь с разрѣшеніем имущественнаго вопроса.

Как реагировало правительство на совѣтскія претензіи?... Офиціально никак, но в «Бирж. Вѣдом.» появилось сообщеніе о судьбѣ Николая II и его семьи от имени кн. Львова и Керенскаго в день, когда Соколов дѣлал доклад в Совѣтѣ «об арестѣ низложеннаго Императора». — «Вопрос этот», — сказал сотруднику

*) Доклад о постановленіях Исп. Ком. 3, 6 и 8 марта не упомянул.

**) Революціонное творчество Соколова превзошло беллетристику Мстиславскаго.

газеты министр-предсѣдатель, — был подвергнут обсужденію в совѣтѣ министров еще вчера. Большинство склоняется к необходимости отправить бывшаго Царя со всей его семьей в Англію. Вопрос об удаленіи династіи из предѣлов Россіи во всяком случаѣ сомнѣній не вызывает. Окончательнаго рѣшенія вчера вынесено не было, но если самый вопрос рѣшается просто, то порядок его осуществленія должен быть подвергнут детальному разсмотрѣнію. В теченіе ближайших дней вопрос о дальнѣйшем мѣстѣ пребыванія бывшаго Царя и о порядкѣ его слѣдованія из предѣлов Россіи будет вынесен окончательным образом, и тогда Временное Правительство опубликует принятое рѣшеніе во всеобщее свѣдѣніе».

Министр юстиціи со своей стороны заявил, что он располагает «несомнѣнными доказательствами, что значительное число бывших охранных агентов стараго правительства, находящихся еще на свободѣ, спеціально занимается распространеніем всякаго рода нелѣпых слухов, направленных к тому, чтобы волновать русское общество, и что в настоящее время эти господа избрали своей излюбленной темой вопрос о судьбѣ н и з л о ж е н н а г о (термин, входящій в обиход) Царя и пускают по этому поводу самыя невѣроятныя версіи. Он категорически заявляет, что, как бывшій Царь, так и вся его семья находятся под самым строгим и неусыпным контролем Времен. Прав. Вопрос о дальнѣйшей судьбѣ Николая II и его семьи будет выяснен в теченіе ближайших дней, и об его рѣшеніи русскій народ будет немедленно извѣщен офиціальным сообщеніем Временнаго Правительства».

Обѣщаннаго офиціальнаго сообщенія так и не послѣдовало. Показательно, что в первом засѣданіи так называемой «контактной комиссіи» между правительством и совѣтом, собравшейся через день послѣ бурнаго дня 9-го марта, о династіи ничего не было сказано*), — этот вопрос даже не отмѣчен в офиціальном отчетѣ совѣтской делегаціи в Исполнительном Комитетѣ. Реально совѣтская делегація провела лишь перемѣну вѣдомства, в руки котораго были отданы Царскосельскіе узники. Они перешли на усмотрѣніе и попеченіе министра юстиціи, формально состоящаго и товарищем предсѣдателя Совѣта — этим как бы обезпечиналось недреманное око совѣтскаго представительства... «Временное Правительство поручило мнѣ охрану императорской семьи и сдѣлало всецѣло меня отвѣтственным за ея безопасность» — скажет в воспоминаніях Керенскій («возлагая эту тягчайшую обязанность на меня» — в другом варіантѣ). Трудно установить точную дату этой перемѣны — в первый раз Керенскій появился в Царском Селѣ 21-го марта.

Совѣт стал мало интересоваться и постепенно как бы забывать о заключенных в Александровском дворцѣ, живших своей особой жизнью, далеко от столичных треволненій. О них запоз-

*) Или почти ничего, ибо, по воспоминаніям Суханова, Стеклов все-таки «препирался насчет имущества Романовых». В связи с этим разговором о царском имуществѣ, правительство поспѣшило объявить недвижимое имущество и денежные капиталы, находившіеся в вѣдѣніи «Собств. Е. И. В. Кабинета», государственным достояніем (постановленіе 12 марта).

дало и довольно случайно вспомнили через двѣ недѣли на Всероссійском совѣщаніи Совѣтов, когда Стеклов в докладѣ своем об отношеніях совѣта и Времен. Правительства, предварительно не просмотрѣнных и не одобренных Исп. Ком. — пытался оживить интерес к этому вопросу.

Династія Романовых служила лишь одной иллюстраціей к положенію о — «двоевластіи». Стеклов, допуская большія фактическія неточности говорил: «Вы знаете роль, которую играла династія Романовых, вы знаете, что она губила русскій народ, что она ввела у нас крѣпостное право, что она поддерживала себя штыками и нагайками и земскими начальниками, вы знаете, что эта династія, самая зловредная и пагубная для всѣх, обладает колоссальными средствами, награбленными у народа, помѣщенными в заграничных банках, и эта династія послѣ переворота не была лишена своих средств. Мало того, мы получили свѣдѣнія, что ведутся переговоры с англійским правительством о том, чтобы Николая и его семью отпустить заграницу. Товарищи солдаты и рабочіе, вы понимаете прекрасно, какой угрозой было бы для русской свободы, даже для военнаго дѣла русской обороны появленіе Николая Романова теперь заграницей, и вы понимаете с какой энергіей Исп. Ком. должен был протестовать против самой возможности такой идеи. И когда мы однажды от наших товарищей — желѣзнодорожных служащих, рабочих и солдат получили извѣстіе о том, что по Царскосельской дорогѣ движутся два(?) литерных поѣзда с царской семьей в Петроград(?), когда мы подозрѣвали, что ему подготовляется путь через Тосно в Англію или вообще заграницу, — что мы должны были тогда дѣлать: испугаться призрака двоевластія или принять самыя энергичныя мѣры, чтобы избѣжать побѣга этого тирана?.. Исполн. Ком. немедленно мобилизовал часть Петроградскаго гарнизона, занял вокзалы, разослал команды, дал отсюда радіотелеграммы по всей Россіи арестовать и задержать (Голоса «браво». Аплодисменты). Господа, мы исполнили свой долг (голоса: честь и слава вам товарищи) и лишь впослѣдствіи из разговоров с Времен. Правительством узнали, что оно их уже арестовало, правда, не так, как мы хотѣли, но все же арестовало. И когда мы сдѣлали Времен. Прав. от Исполн. Ком. заявленіе, в котором указали, что о т н ю д ь н е и з м о т и в о в л и ч н о й м е с т и, и л и ж е л а н і я в о з м е з д і я, хотя бы и заслуженнаго этими господами, но во имя интересов русской свободы и революціи, столь дорого завоеванной русским народом, мы признали необходимым немедленный арест всѣх без исключенія членов бывшей царской фамиліи, а также конфискацію всѣх их имуществ, движимых и недвижимых и содержаніе их под строгим арестом. Д о т ѣ х п о р, п о к а н е п о с л ѣ д у е т о т р е ч е н і е и х о т к а п и т а л о в, которые они держат заграницей и которых нельзя иначе оттуда достать (бурные аплодисменты), отреченіе их всѣх и их потомков от всяких притязаній на россійскій престол и лишеніе их навсегда россійскаго гражданства (бурные аплодисменты). Разрѣшеніе же вопроса о дальнѣйшей участи лиц бывшей императорской фамиліи

должно послѣдовать не иначе, как по соглашенію с Совѣтом Рабочих и Солдатских Депутатов (голоса: правильно. Аплодисменты). И, наконец, допущеніе комиссара Совѣта Рабочих и Солдатских Депутатов к участію в их арестѣ, содержаніи их под стражей и веденіи с ними переговоров по вопросам, о которых я вам уже говорил. Товарищи, из этого требованія только часть, как вы знаете, осуществлена до сих пор, а остальную своим воздѣйствіем и давленіем мы заставим постепенно осуществить. Пусть же воля ваша, воля всего русскаго народа и русской арміи, скажет опредѣленно, что они с нами солидарны, и тогда мы не с такой энергіей, как сейчас, будем требовать осуществленія всѣх этих требованій».

Мы видим, что и в данном случаѣ демагогія Стеклова не пошла в сущности дальше призыва «содержать... под стражей, пока не послѣдует отреченіе от капитала...»*). Но характерно, что в преніях, никто, несмотря даже на «бурныя» проявленія сочувствія в отдѣльные моменты рѣчи Стеклова, абсолютно никто не поддержал призывов докладчика и они не нашли себѣ о т к л и к а в р е з о л ю ц і и **).

---

*) Молва о колоссальных средствах императорской фамиліи заграницей имѣла самое широкое распространеніе и шла она давно (в дневникѣ ген. Богдановича еще в 1906 г. отмѣчены слова петербургскаго градоначальника Клейгельса, что у Царя «больше милліарда»). Никто из совѣтских «демагогов» 17-го года не считал своим долгом предварительно навести справки и молву сопоставить с дѣйствительностью. Слух о богатствѣ был безконечно преувеличен. Мнѣ трудно за отсутствіем конкретных данных имѣть собственное сужденіе по этому вопросу. Отмѣчу, что в 30 году по иниціативѣ бывшаго посла Гирса в Парижѣ состоялось совѣщаніе (Гирс, Коковцев, Бернацкій и др.) для объясненія появившихся в иностранной печати извѣстій о денежном имуществѣ царской фамиліи внѣ предѣлов Россіи. Совѣщаніе пришло к заключенію, что сколько-нибудь значительнаго имущества заграницей не было, и что, по всей вѣроятности, немногое, что лежало на счетах в Германіи, подверглось послѣдствіям инфляціи («Возрожденіе»). На засѣданіи б. мин. финансов Времен. Прав. послѣдняго состава указывал, что Керенскій в засѣданіи правительства во второй половинѣ іюля на замѣчаніе «нѣкоторых членов правительства — соціалистов, что Николай II, находясь заграницей, при помощи своих средств, там находящихся, может организовать контр-революцію», — отвѣтил: «Всѣ слухи о таких средствах ни на чем не основанная легенда». По словам самого Керенскаго, по свѣдѣніям Времен. Правит. имущество царской семьи в это время опредѣлялось суммой в 13 мил. рублей. Газетныя свѣдѣнія, которыя выяснила и опровергла комиссія, созванная Гирсом, опредѣляла капиталы семьи, находящіеся в англійском банкѣ в 15 мил. фунтов. Газеты сообщали, что юридическій отдѣл англійскаго парламента выдѣлил спеціальную комиссію для выработки компромисснаго рѣшенія. Предполагалось будто бы созданіе высшаго третейскаго суда в составѣ наиболѣе выдающихся международных юристов под предсѣдательством кого-нибудь из царствующих королей (свѣд. 26 г.).

Личные капиталы царской семьи в Россіи по записи Бенкендорфа в концѣ мая 17 г. по выясненіи вопроса правительственным комиссаром Головиным с дворцовым вѣдомством опредѣлялись в 1 мил. у царя и 1½ мил. у царицы.

**) В преніях откликнулся лишь с. р. Гендельман, сказавшій: «Тов. Стеклов сорвал аплодисменты, разсказывая случай о том, как пытались увезти Николая II заграницу и считал это тоже одним из тревожных симптомов. Товарищи, я должен напомнить, что, когда министр Керенскій

Только предсѣдатель Совѣта Чхеидзе, человѣк незлобивый, желая проявить остроуміе, вспомнил довольно неумѣстно о Царѣ, привѣтствуя появившагося на засѣданіи Плеханова: «Товарищи, десяток лѣт дорогой наш учитель и товарищ Георгій Валентинович был в изгнаніи. Послѣ революціи само собой возник вопрос о том, что дорогой наш товарищ вернется в наши ряды, и как раз в тот самый момент случилась очень любопытная исторія: Кровавый Николай захотѣл быть изгнанником, захотѣл, чтобы его отпустили в Англію или еще куда-нибудь подальше. Мы сказали: — «Нѣт, подожди. Пусть это будет здѣсь. когда пріѣдет Георгій Валентинович и на свободѣ будет обсуждать интересующіе нас вопросы и бороться за интересы народа и вести в наших рядах ту борьбу, которая давно начата. И вот он сидит там, товарищи, а Георгій Валентинович сидит свободный перед нами, вот здѣсь...»

Можно ли согласиться послѣ всего сказаннаго, что совѣтскіе демагоги с «энергіей» настаивали на заключеніи Царя в Петропавловскую крѣпость, как это утверждает Керенскій во французском изданіи своих воспоминаній?... Я не нашел данных, подтверждающих и положеніе Коковцева, что послѣ 9-го марта агитація лѣвых элементов росла и обострялась, принимая форму прямой угрозы со стороны рабочих.

2. Инициатива правительства.

Составителям «хроники февральской революціи» в 24 году была не ясна роль правительства в вопросѣ, который вызвал конфликт 9-го марта. «Существующіе матеріалы не проливают достаточно свѣта на этот момент» — писали они. — «Дѣйствительно была ли такая опасность отъѣзда Николая, при чем правительство выступало прямым пособником, и соотвѣтствовали ли мѣропріятія Исполн.

был у нас в Москвѣ — еще до того, как пытались увезти Николая Романова заграницу, он об этом говорил, слѣдовательно тайны из этого не дѣлалось. Керенскій сказал — что вот я вернусь в Петроград и в особом поѣздѣ лично, еще с кѣм-то, отвезу Николая Романова в один из приморских городов, откуда его отправят в Англію, и что это заявленіе вызвало шумные аплодисменты, цѣлую овацію. Я тоже за то, чтобы Николай Романов оставался здѣсь под арестом. Но если Московскій Совѣт Р. Д. не усмотрѣл большой опасности в отвозѣ заграницу, то толковать это, как тревожный симптом, как тактику Врем. Прав. помимо Совѣта Раб. Деп. продѣлать то, что является преступным, недопустимо. Затѣм докладчик говорил, что нужно арестовать всѣх великих князей, пока они добровольно не отрекутся от принадлежащих им капиталов в Англіи, — опять-таки шумно ему аплодировали, а это, я говорю, не так просто. Вѣдь англійское правительство, которому придется выдавать эти капиталы русскому правительству, может быть, скажет: — сомнительна добровольность такого отреченія, которое сдѣлано под угрозой, что иначе из-под ареста не освободят. Может быть, есть и другіе шаги к полученію этих капиталов: просто вступить в переговоры с Англіей, установить, что — деньги народныя, что правительство русское требует, чтобы эти деньги были возвращены, а не скрываться за этой юридической, я бы сказал казуистикой, требуя такого сомнительнаго отреченія на бумагѣ, о котором говорил тов. Стеклов. Вот все такіе были мелкіе факты. Вообще мнѣ представляется, что это не был дѣловой анализ: то был какой-то фельетон (голоса: правильно, рукоплесканія), которым он увеселял нас...»

Комитета реальной обстановкѣ, или опасность, порожденная ложным слухом, приняла в представленіи дѣятелей Совѣта призрачно грозныя формы — трудно установить». Отвѣт, как будто, ясен из всего изложеннаго. «Неоспоримым фактом» является утвержденіе, что до ареста Николая II никаких реальных шагов к содѣйствію вывозу царской семьи в Англію правительство не предпринимало и ни в чем не проявляло своей инициативы. Оно не противилось этому, не скрывало такой возможности и как то странно полагало, что этот отъѣзд совершится сам собой. Для управляющаго дѣлами правительства так и осталось неясным, были ли приняты в первые дни какія нибудь мѣры для отъѣзда царской семьи в Англію. — «Думается, что нѣт», — писал он в воспоминаніях.

Заявленія Керенскаго в Москвѣ были больше декламаціоннаго характера (по его словам он сдѣлал лишь намек (allusion), а большая пресса приняла этот намек за рѣшеніе); газетныя сообщенія о миссіи Гучкова заставили связать мысль об отъѣздѣ царской семьи в Англію с подготовительными мѣрами, уже принятыми, якобы, правительством. Лишь 8-го марта, в день ареста Царя, конкретно был поставлен этот вопрос министром иностр. дѣл перед англійским послом и вот в какой обстановкѣ, разсказывает Бьюкенен:— «Я спросил Милюкова, правда ли, как передают в печати, что Государь арестован. — Он отвѣтил, что это не вполнѣ правильно: «Его Величество только лишен свободы», — болѣе мягкое выраженіе, — «и будет перевезен в Царское Село под конвоем, присланным ген. Алексѣевым». Я тут же напомнил ему, что Государь — близкій родственник и интимный друг Короля, который будет рад получить завѣреніе, что будут приняты всѣ мѣры предосторожности к его охранѣ». Милюков дал мнѣ подобное завѣреніе. Он сказал, что не стоит за то, чтобы Государь отправился в Крым, как он сначала предполагал сдѣлать, а предпочел бы, чтобы он оставался в Царском Селѣ, пока дѣти не выздоровѣют от кори, послѣ чего императорская семья может уѣхать в Англію. Он спросил меня, дѣлаем ли мы приготовленія к их пріему. На мой отрицательный отвѣт, он сказал, что очень бы хотѣл, чтобы Государь, как можно скорѣе, покинул Россію. В виду этого, он был бы очень благодарен, если бы правительство Его Величества предложило ему пріют в Англіи, и если бы сопровождало это предложеніе завѣреніем, что Государю не будет разрѣшено покинуть Англію во время войны».

Процитированное мѣсто в воспоминаніях посла являлось как бы отвѣтом на статью кн. Палѣй, напечатанную в Revue de Paris 15-го марта 23 г. Излагая свиданіе с русским министром ин. дѣл, англійскій посол использовал свое тогдашнее донесеніе в Лондон*), — его, как и послѣдующія донесенія, привел в своих воспоминаніях Л. Джордж.

---

*) Того же 8 марта посол между прочим сообщил, что он выразил пожеланіе, чтобы англійскому военному представителю было разрѣшено сопровожденіе Государя для бо́льшей безопасности (Вильямс об этом непосредственно телеграфировал послу). «Я получил отвѣт, — доносил Бьюкенен: «в этом нѣт ни малѣйшей надобности, и правительство предпочитает, чтобы этого не было».

В тот же день Милюков был у Палеолога. Тот записал: — «Арест Императора и Императрицы сильно волнует Милюкова... Он просит Бьюкенена немедленно телеграфировать в Лондон и настаивать на срочном отвѣтѣ (d'extrême urgence).. Для нас это послѣдній шанс спасти свободу, и, быть может, жизнь этих несчастных». Подобный пессимизм не совсѣм соотвѣтствовал тогдашним настроеніям министра иностр. дѣл, как можно судить по другим сопоставленіям — сам Милюков склонен был впослѣдствіи возражать против преувеличеній в оцѣнкѣ совѣтской энергіи, и объяснял это преувеличеніе болѣзненным состояніем (наприм. Гучкова): — на дѣлѣ вожди «совдепа» прекрасно сознавали свою тогдашнюю неготовность к серьезной борьбѣ с только что создавшейся властью («Кто виноват?»).

Настойчивость министра иност. дѣл слѣдует скорѣе объяснить впечатлѣніем, которое он получил от разговора с англійским послом, — довольно ясно сказалось, что акт ареста встрѣтил крайне неблагопріятное отношеніе в дипломатических кругах и лишь осложнил международныя отношенія. Поэтому министр и «счел своим долгом вступить в переговоры»: — «Категорически утверждаю», — показывал Милюков Соколову, — «что таково было желаніе Временнаго Правительства». «Желаніе» не означает еще рѣшенія. Это подтвердил Соколову министр-предсѣдатель. — «В виду внутренняго положенія отъѣзда представлялся желательным. Говорили объ Англіи и Даніи. Вопрос не был поставлен на рѣшеніе Времен. Правит. но, к а ж е т с я, министр иностран. дѣл и з у ч а л этот вопрос». — «Не знаю почему ничего из этого не вышло», — характерно добавлял кн. Львов. — «Времен. Прав. сдѣлало попытку о с в ѣ д о м и т ь с я перед англійским правительством относительно в о з м о ж н о с т и перевода царскаго семейства в Англію», — с своей стороны утверждал министр юстиціи, которому были поручены правительством заботы об арестованных.

— «Я сразу протелеграфировал в мин. иностр. дѣл за необходимыми полномочіями», — вспоминает Бьюкенен. — «23-го марта (т. е. 10-го по старому стилю), я увѣдомил Милюкова. что Король и правительство Е. В. счастливы присоединиться к предложенію Времен. Правительства о предоставленіи Государю и его семьѣ убѣжища в Англіи, которым Их Величества могут пользоваться в продолженіи войны. В случаѣ принятія этого предложенія русское правительство естественно озаботится обезпеченіем их необходимым содержаніем. Увѣряя меня, что им будет дана щедрая пенсія, Милюков в то же время просил не придавать гласности того, что Врем. Прав. взяло на себя в этом дѣлѣ иниціативу*). Я затѣм выразил надежду, что, не теряя времени, будет при-

*) В донесеніи в Лондон Бьюкенен отмѣчал, что опасенія Милюкова заключались в том, что «лѣвое крыло может возстановить общественное мнѣніе против выѣзда из Россіи, хотя министр питал надежду, что правительству удастся справиться с оппозиціей, оно еще не приняло окончательнаго рѣшенія».

ступлено к приготовленіям к отъѣзду Их Величеств в порт Романов».

В своих воспоминаніях Бьюкенен передавал лишь официальный документ, препровожденный в мин. инос. дѣл и сообщенный лично Милюкову при свиданіи*). В донесеніи в Лондон посол подчеркивал, что в своем отвѣтѣ. он просил министра «особенно отмѣтить, что наше приглашеніе дѣлается исключительно в отвѣт на указаніе его правительства». Очевидно, боялись упреков во вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла страны**) и своих «лѣвых». В воспоминаніях Бьюкенен писал: — «Мы также имѣли своих крайних лѣвых, с которыми приходилось считаться, и мы не могли взять на себя почина без того, чтобы нас не заподозрили в видах на дальнѣйшее. Интересно в официальном донесеніи посла и поясненіе, касающееся финансовой стороны проекта о предоставленіи Царю гостепріимства в Англіи — оно расходится с указаніем в воспоминаніях на согласіе Милюкова дать «щедрую пенсію»; в донесеніи Бьюкенен сообщал, что «по свѣдѣніям министер. иностр. дѣл Царь имѣет достаточныя личныя средства; во всяком случаѣ финансовый вопрос будет улажен на широких основаніях...»

Хотя Бьюкенен телеграммой в Лондон 11-го марта говорил, что «по вопросу о безопасности, нѣт повода для какого либо опасенія», он в своем официальном отношеніи в русское министерство счел долгом засвидѣтельствовать, что «всякое оскорбленіе, нанесенное бывшему Императору или его семьѣ уничтожит симпатіи, вызванныя мартом, ходом революціи и унизит новое правительство в глазах міра»***).

11-го же марта в Петербург в англійское посольство дошла присланная из Ставки запоздавшая первая телеграмма англійскаго короля на имя ген. Вильямса, текст которой был приведен выше. — «В это время, — поясняет Бьюкенен, — Государь уже был плѣнником в своем дворцѣ, и мнѣ и моим коллегам было запре-

---

*) Это не была только «вербальная нота», как утверждает Керенскій. Со свойственной ему небрежностью мемуарист согласіе англійскаго правительства относит на 8-ое марта. Если письмо Бьюкенена 10-го марта ссылается на бесѣду с Милюковым 8-го марта, то потому только, что в этот день вопрос был затронут впервые, — как бы вообще в информаціонном порядкѣ.

**) В этом отношеніи характерна телеграмма Извольскаго из Парижа, приводимая в документах, опубликованных Сторожевым в журналѣ «Дѣла и Дни» в 1921 году. Журнала у меня нѣт под рукой, и я цитирую по статьѣ Бойкина, приводящаго телеграмму из перевода статьи Сторожева «Дополненія к революціи» в журналѣ: «Nachrichtenblatt über Ostfragen». Извольскій телеграфировал Милюкову 19 марта: — «Косвенным путем я узнал, что здѣсь есть нѣсколько лиц, которыя стараются побудить французское правительство обратиться в Петроград с дружественным представленіем о необходимости охраны бывшаго императора и его семьи от угрожающей им опасности. Я счел своим долгом в частной бесѣдѣ с г. Камбоном предостеречь его от подобнаго шага. В настоящем составѣ врем. правительства, — сказал я, — подобныя опасенія являются совершенно неосновательными и потому подобное представленіе могло бы показаться у нас не только ненужным, но даже оскорбительным...»

***) Отмѣчу запись Палеолога, не давая ей вѣры. Милюков будто бы сказал печально: «Увы, боюсь, что это уже поздно».

щено поддерживать какія либо сношенія с ним. Единственно возможным для меня путем было просить Милюкова передать ее немедленно Его Вличеству. Посовѣтовавшись с кн. Львовым, Милюков согласился сдѣлать это. Однако на слѣдующій день (25-го марта), он сказал, что, к сожалѣнію, не может сдержать своего обѣщанія, так как крайніе лѣвые сильно воспротивились мысли, что Государь уѣдет из Россіи, и правительство боялось, что слова короля будут неправильно истолкованы и послужат поводом для его задержанія!!! Я возразил, что нельзя придавать никакого политическаго значенія телеграммѣ Короля: вполнѣ естественно, что Е. В. желает передать Государю, что он думаст о нем, и что постигшее его несчастье никоим образом не повліяет на их чувства дружбы и взаимной привязанности. Милюков сказал, что он лично прекрасно понимает это, но другіе могут истолковать дѣло иначе, а потому в данное время лучше телеграммы не передавать. В виду этого мнѣ было поручено ничего больше не предпринимать по этому вопросу».

Соколову Милюков дал иное объясненіе: министр. иностр. дѣл вернул телеграмму по формальным основаніям — она была отправлена Государю Императору, а Николай II им уже не был... Вильтон, постоянный петербургскій корреспондент «Таймс», неосновательно утверждает, что задержка телеграммы Георга V, заключавшей в себѣ будто бы приглашеніе Царя в Англію, лишила царскую семью «послѣдняго способа спасенія».

На другой день, 13-го марта, с нѣкоторым удивленіем посол узнал, что представители правительства «еще не говорили с Государем о предполагаемом путешествіи, так как им необходимо преодолѣть оппозицію Совѣта*), а Их Величества все равно не могут уѣхать до выздоровленія дѣтей». Однако, никаких мѣр для преодолѣнія оппозиціи в Совѣтѣ правительство не предпринимало, если не считать гипотетическаго разсчета на время, о котором говорит Милюков — «предстояло вѣдь введеніе дѣятельности Совѣта в болѣе нормальныя рамки» (статья «Кто виноват»).

Фактически Царь был освѣдомлен об отсрочкѣ отъѣзда и, не отдавая себѣ отчета, был даже рад этой отсрочкѣ. 11-го марта он занес в дневник: «Утром принял Бенкендорфа, узнал от него, что мы здѣсь останемся еще довольно долго. Это пріятное сознаніе. Продолжаю сжигать письма и бумаги» (этим автор занимался и наканунѣ). Отсрочка в сознаніи заключенных, очевидно, связывалась лишь с оппозиціей, которую встрѣтил проект отъѣзда в совѣтских кругах. Нарышкина так и записывает 13-го марта: — «Революціонныя партіи не согласны отпустить Государя, опасаясь интриги с его стороны и предательства тайн». В книгѣ, имѣвшей спеціальное назначеніе покончить с легендами и дать «фотографическое» изображеніе того, что было, Керенскій, игнорируя обязательство, принятое правительством перед Исполн. Ком. 9-го марта, считая его словно не бывшим, объясняет задержку в отправкѣ

*) В офиціальном донесеніи в Лондон. сначала было сказано: — «справиться с оппозиціей лѣваго крыла».

царской семьи необходимостью в первые революціонные дни дождаться момента наиболѣе благопріятнаго в психологическом отношеніи, когда можно было бы практически: организовать поѣздку — «во всеобщем хаосѣ, который царил в первые дни революціи, правительство не было еще окончательно хозяином в административной машинѣ: пути жлѣзнодорожнаго сообщенія в особенности находились в полном распоряженіи всякаго рода союзов и совѣтов. Было невозможно перевезти Царя в Мурманск, не подвергая его серьезной опасности. В теченіе переѣзда он мог попасть в руки «революціонных масс» и оказаться скорѣе в Петропавловской крѣпости и, еще хуже, в Кронштадтѣ, чѣм в Англіи. Могло быть еще проще: вспыхнула бы забастовка в момент отъѣзда и поѣзд не отошел бы от станціи. «Первые дни» затянулись и превратились в недѣли. Англійскому послу на его настойчивые запросы*) отвѣчали: «по состоянію здоровья больных великих княжен нельзя предпринять рѣшительно ничего» по поводу выѣзда, и посол сообщает в Лондон, что еще «ничего не рѣшено относительно отъѣзда в Англію» (19-го марта). «Здоровье великих княжен» становится почти формальной отпиской, как об этом можно судить по дневнику Царя. По существу вопрос остается открытым. Жильяр со слов, правда, Наслѣдника, записал, что Керенскій при первом свиданіи с Царем 1-го марта очень обще говорил об отъѣздѣ семьи: «Когда, как, куда? Он сам об этом хорошенько не знал и просил, чтобы об этом не говорили».

23-го марта Царь записывает: «Разбирался в своих вещах и в книгах, и начал откладывать все то, что хочу взять с собой, е с л и придется уѣхать в Англію». 27-го марта Бьюкенен освѣдомляет Лондон о своем разговорѣ с Керенским, который просил его не производить давленія с цѣлью ускорить возможность отъѣзда, так как «Царь не в состояніи выѣхать в Англію в теченіе ближайшаго мѣсяца, пока не будет окончен разбор взятых у него документов». Нельзя не признать, что заявленіе Керенскаго находится в полном противорѣчіи с той цитатой из «La Verité», которая была приведена. Здѣсь, слѣдует остановиться и предварительно расшифровать заявленіе министра, сдѣланное англійскому послу в достаточно дипломатической формѣ. Только раскрытіе всѣх внутренних связей может объяснить затяжку с отъѣздом царской семьи, котораго так желало Времен. Правит., и на котором так настаивало правительство англійское.

В изображеніи быв. министра иностр. дѣл нить переговоров неожиданно оборвалась, и проект переѣзда царской семьи за границу сразу падает потому, что измѣнилась точка зрѣнія англійскаго правительства.

Когда Милюков «через нѣкторое время» (мы видим, что за истекшее время министр иностр. дѣл был в довольно оживленных сношеніях с послом, вызванных настойчивой инициативой именно посла) спросил Бьюкенена, что дѣлается для посылки услов-

*) Бьюкенен говорил проф. Пэрсу, что он не будет спокоен, пока Царь не покинет Россію.

ленного крейсера для перевозки царской семьи, он услышал от него неожиданный отвѣт: «Англійское правительство не настаивает больше на своем предложеніи. — «Память не могла мнѣ измѣнить в этом случаѣ» — писал Милюков, в 36 г. возражая Коковцеву*). Весь вопрос, когда именно и при каких условіях произошел этот отказ. Именно этого самаго важнаго память Милюкова не зафиксировала. Он поспѣшно присоединяется к версіи, устанавливаемой разоблаченіем дочери Бьюкенена, которая утверждала в книгѣ «Развал Имперіи» (32 г.), что отец ея получил сакраментальную телеграмму из Лондона 10-го апрѣля новаго стиля, т. е. 28-го марта по русскому счету — таким образом на другой день, когда коллега министра иностр. дѣл освѣдомил англійскаго посла, что Царь не сможет выѣхать раньше мѣсяца. (Зачѣм нужно было мин. иностр. дѣл при таких условіях настаивать на скорѣйшем прибытіи «условленнаго крейсера»?... Эта телеграмма, как передает дочь посла, не заключала прямого отказа — рекомендовалось лишь послу «отговорить императорскую семью от мысли пріѣхать в Англію...»

Всей этой исторіи мы еще коснемся, и с большой очевидностью увидим, что в дѣйствительности правительство при своей колеблющейся политикѣ само оставалось как бы в невѣдѣніи относительно окончательнаго рѣшенія, которое всецѣло ставилось в зависимость от результатов разслѣдованія, предпринятаго учрежденной при генерал-прокурорѣ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи**).

Министр иностр. дѣл, очевидно, счел тогда свои функціи по выполненію моральнаго обязательства правительства законченными. Никаких попыток выяснить вопрос и воздѣйстовать на англійское правительство проявлено не было. Факт этот, как нельзя больше. оттѣняет ошибочность впечатлѣнія французскаго посла о взволнованности в день ареста бывшаго Императора министра иностр. дѣл революціоннаго правительства, видѣвшаго в отъѣздѣ царской семьи не только послѣдній шанс для ея спасенія, но чуть ли не всей революціи.

Чрезвычайно характерная черта отмѣчена в воспоминаніях исполнявшаго обязанности русскаго посла в Англіи Набокова (брата управляющаго дѣлами Времен. Правительства).

«О том, что происходило в Россіи и в частности в Петроградѣ, несмотря на мои повторныя просьбы, мы узнаем только из газет и от случайных проѣзжих русских, но не от министров... Ни одного письма я от министров не получал... Тѣснаго контакта, откровеннаго обмѣна мыслей, таким образом не установилось...»

Довольно любопытный итог, который подвел впослѣдствіи сам министр иностр. дѣл. По его мнѣнію «Времен. Правит. могло

---

*) Об этой бесѣдѣ с Бьюкененом Милюков говорил еще в 21 г. в «Послѣд. Нов.» в связи с напечатанными в нѣмецком журналѣ документами из архива рус. мин. ин. дѣл. Эта публикація и послужила началом к полемикѣ о судьбѣ царской семьи, в которой принял участіе и Керенскій.

**) В апрѣлѣ министр юстиціи не разрѣшил вел. кн. Павлу выѣхать заграницу, сославшись в бесѣдѣ с женой его на препятствія со стороны Совѣта.

бы до момента отказа и должно было бы сыграть болѣе активную роль. Этому помѣшал его состав». С себя Милюков снимает, конечно, отвѣтственность. Тот, кто будет опираться на дѣйствительность «безспорных исторических фактов», присоединится ли, однако, к индивидуалистическому подходу мемуариста?..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

РЕВОЛЮЦІОННОЕ ПРАВОСУДІЕ

1. Общество и народ.

Вырубова разсказывает, что Государь вечером в день возвращенія в Царское, окончив свою скорбную повѣсть о пережитом за истекшіе дни, сказал с горечью: «Нѣт правосудія среди людей». Я взял эту цитату из стилизованных воспоминаній Вырубовой только потому, что ею воспользовался Троцкій для того, чтобы произнести весьма рискованную для себя, как адепта «краснаго террора», сентенцію: «Эти слова», — написал он, — «непреложно свидѣтельствуют, что историческое правосудіе, хотя и позднѣе, но существует». Историческое правосудіе, если таковое существует, никогда не сопоставит с нравственной стороны облик человѣка, своей ужасной смертью искупившаго всѣ, подчас невольные, грѣхи перед страной и народом, со зловѣщей фигурой сознательнаго палача — пусть даже «идейнаго».

Смерть Троцкаго от мстительной руки убійцы — прежняго единомышленника — не может быть моральным искупленіем.

Николай II имѣл право с своей точки зрѣнія говорить о людской несправедливости. В жизни он пытался руководиться «совѣстью», — так, как ее понимал. Ему казалось, что он сам ушел от власти и, быть может, он искренно вѣрил в возможность для себя спокойной, новой частной жизни в кругу семьи*). Эта личная двойная драма не могла быть воспринята современниками — обстоятельство, которое положило опредѣленный отпечаток на отношеніе к бывшему Императору и его судьбѣ. Революція произошла, как было отмѣчено, в атмосферѣ глубокой враждебности к Николаю II и к его женѣ, — далеко не только в либеральной и демократической средѣ. И было бы грубым нарушеніем исторической перспективы эту психологію момента подлаживать под наше позднѣйшее воспріятіе. Историк должен, конечно, нарисовать иной облик, далекій от непосредственнаго представленія о нем, какое было до революціи. Из воспоминаній Керенскаго видно, как личныя сношенія с заключенным измѣнили взгляды революціонера на Царя: «Для меня, по крайней мѣрѣ, он не является тѣм не человѣческим

*) Коцебу разсказывал Карабчевскому, что царь подчеркивал, что войска должны присягнуть временному правительству, а Жильяр разсказывал, что он набожно крестился, когда священник поминал правительство.

чудовищем, каким он мнѣ представлялся прежде». Керенскій различил человѣческое существо подъ маской Императора «La Verité» Быть можетъ, это сказано слишком сильно, но передаетъ суть того, что въ большей или меньшей степени испытывалъ каждый изъ насъ, современниковъ погибшаго Императора, при ознакомленіи съ раскрывавшимися передъ нами историческими документами. В этомъ человѣкѣ было какое то личное обаяніе (Троцкій, конечно, знал, что только «льстецы» называли его «шармером»). Керенскій могъ непосредственно подчиниться этому гипнотическому вліянію. Об удивительныхъ, синихъ глазахъ говорила не только жена въ письмахъ, но и многіе другіе, въ томъ числѣ и Керенскій. Бьюкенен отмѣчалъ необычайное природное обаяніе Императора.

Труднѣе попасть подъ гипнозъ, отвлеченно изучая матеріалы въ видѣ интимныхъ писемъ, дневниковъ, воспоминаній и т. д., въ такомъ изобиліи появившихся послѣ революціи. До переворота наши сужденія о личности царствовавшаго монарха опирались на формальное воспріятіе фактовъ, проходившихъ передъ нашими глазами, и на субъективно толкуемое, — на слухи, легенды и т. п. Многіе изъ нихъ, при изученіи документовъ, разсѣялись, какъ дымъ. Исключительно достойное поведеніе Царя въ теченіе всего періода революціи заставляетъ проникнуться къ нему и уваженіемъ и симпатіей. Впрочемъ, я готовъ заранѣе признать, что нашимъ современникамъ непосильно объективное начертаніе облика послѣдняго русскаго Императора (по крайней мѣрѣ — императора-самодержца) — на наше воспріятіе всегда слишкомъ сильно будетъ давить мученическій вѣнецъ, пріятый царской семьей въ ночь екатеринбургскихъ ужасовъ...

Иностранцу, воспитанному въ англійской парламентской традиціи, можетъ показаться, что если во время революціи — въ моментъ коллективной истеріи—люди знали бы то, что мы знаемъ теперь о вмѣшательствѣ верховнаго властителя въ управленіе Имперіей, вѣроятно его судьба была бы предрѣшена гораздо раньше. Это — заключеніе проф. Пэрса, написавшаго предисловіе къ книгѣ Керенскаго. Русскій историкъ и современникъ не можетъ не притти къ выводу противоположному: то, что мы знаемъ теперь, только смягчаетъ и значительно ослабляетъ мрачную картину дореволюціоннаго прошлаго, которую современники воспринимали съ большой, подчасъ болѣзненной остротой. С этимъ заостреннымъ чувствомъ враждебности къ династіи современникъ вошелъ въ революціонную полосу. Мимо его сознанія прошло и то, что сдѣлавшійся ненавистнымъ Царь отрекся отъ престола добровольно. Моральное обязательство, которое передъ нимъ приняло на себя правительство, было совершенно чуждо воспріятію подавляющей части либеральной и демократической общественности. Почему?... В самой формѣ, въ которой былъ опубликованъ актъ отреченія, какъ бы отсутствовалъ моментъ добровольнаго согласія, манифестъ, контрасигнованный подписью министра двора Фредерикса, былъ помѣченъ 12 часами 2-го марта вопреки псковскому соглашенію. Правда, въ разсказѣ депутата Шульгина, напечатанномъ въ газетахъ черезъ нѣсколько дней и данномъ въ порядкѣ частнаго освѣдомленія, упоминалось о томъ, что Государь согласился на отреченіе до пріѣзда делегатовъ отъ Временнаго Комитета.

Но это не было сообщеніе официальное. Правительство не сочло нужным, ни тогда, ни позже подчеркнуть добровольное отреченіе бывшаго Императора — факт, который несомнѣнно облегчил бы новому правительству заботы об охранѣ царской семьи. И психологически отреченіе воспринималось, как низложеніе. Как выше указывалось, через нѣсколько уже дней стало мѣняться понемногу и словоизображеніе: термин «низложеніе» замѣнил термин «отреченіе», и не только в органах революціонной печати, но и на столбцах буржуазной повседневной печати (даже в такой корректной газетѣ, как «Русскія Вѣдомости»). Термин «свергнутый царь» фигурирует даже в разных воззваніях, выпущенных от имени Государствен. Думы.

По всей совокупности арест царской фамиліи не произвел отрицательнаго впечатлѣнія в обществѣ, которое отнеслось к этому акту по меньшей мѣрѣ равнодушно, — скорѣе сочувственно. «Царь арестован», — вот все, что записано в дневникѣ писательницы, для которой вопросы морали и чести, казалось бы, стояли на первом мѣстѣ (Дневник Гиппіус). На другой день она прибавила: — «Он молчаливо, как всегда, проѣхал ночью в Царскосельскій дворец, гдѣ его и заперли...» Арест Царя — это временная изоляція в тревожную, при неустановившихся порядках, эпоху. Это — гарантія от всевозможных попыток реставраціи, ибо царь есть символ стараго порядка, опора монархических кругов. С такой точки зрѣнія разсматривался и вопрос об отъѣздѣ царской семьи заграницу. Полным искаженіем общественной психологіи того времени является попытка отнести опасенія, возникавшія в совѣтских кругах, к числу изолированных дѣйствій демагогов, возбуждавших дурныя инстинкты толпы. Настойчивость Исполнит. Ком. скорѣе вызывала одобреніе, — к тому же широкое общественное мнѣніе не проводило еще рѣзкой грани между правительственной политикой и совѣтской в вопросѣ о ближайших судьбах династіи. Иллюстрацію мы видим в настроеніи Московскаго Комитета общественных организацій. Ее можно найти в болѣе позднем публичном выступленіи (в маѣ) лидера той группы соціалистов, которую относили по терминологіи того времени (иногда иронически) к «государственно-мыслящим». Мякотин, столь враждебный претензіям совѣтских вождей говорить от всей демократіи, противник контроля профессіональных организацій над Времен. Правит., превращавшаго общественное «мнѣніе» в недвусмысленную опеку, а идеологическія директивы политических партій в постулат реальной политики, в докладѣ («Завоеваніе революціи»), очень опредѣленно подчеркнул положительное значеніе в проведеніи рѣшительных мѣр в отношеніи династіи.

Обозрѣвая прошлое ретроспективным взглядом, легко сказать, что в «первой стадіи» революціонный процесс в Россіи не имѣл «никаких видимых врагов» и что долгое время ссылка на «контрреволюціонную» опасность оставалась лишь демагогическим пріемом, лишенным реальнаго основанія, если не считать, что «контр - революція» существовала потенціально. Этот вывод русскаго историка (Милюков в «Россіи на переломѣ»), к которому историк-ино-

странец с своей стороны поспѣшит присоединиться, опираясь на авторитетное свидѣтельство человѣка, являвшагося одной из главных дѣйствующих пружин в февральскіе дни. В предисловіи к книгѣ Керенскаго, Пэрс пишет: «Керенскій доказывает с большой очевидностью в своем трудѣ, что никогда не было ни малѣйшаго намека на возстановленіе монархіи в лицѣ Николая II, даже в случаѣ, вещь невозможная, если бы реакціонеры посредством настоящаго чуда могли вновь притти к власти». Допустим, что этот, скорѣе соціологическій, вывод объективно правилен, но такой не могла быть психологія современников в первые недѣли революціи. «Контр-революція», существовавшая потенціально в мартовскіе дни, кажется не «чудом», а «возможной» «конкретной опасностью». Гораздо больше «чудом» была сама по себѣ «безкровная» революція. Казалось, идиллія должна кончиться. Не будем чрезвычайно обольщаться официальными славословіями революціонной романтики, подчас, может быть, и не всегда искренней. Вѣрил ли Гучков в то, что он говорил 8-го марта в военно-промышленном комитетѣ о переворотѣ?.. По утвержденію Набокова рѣчь военнаго министра, произнесенная наканунѣ в засѣданіи правительства, звучала полной безнадежностью, — мемуаристу кажется, что уже тогда Гучков в глубинѣ души считал дѣло проигранным! «Этот переворот был подготовлен не нами, кто его сдѣлал, а тѣми, против кого он был направлен. Заговорщиками были не мы, русское общество и русскій народ, заговорщиками были представители власти. Этот переворот является не результатом какого-нибудь умнаго и хитраго заговора, какого-нибудь комплота, каких-нибудь замаскированных заговорщиков, которых искали во тьмѣ агенты охраны. Этот переворот явился зрѣлым плодом, упавшим на землю. Он явился результатом стихійных сил, которыя вышли из русской разрыхленной почвы. В том, что наш переворот явился результатом исторической необходимости, прямая гарантія его незыблемой почвы. Не людьми переворот сдѣлан, поэтому не людьми он может быть нарушен. И вот мы должны... внѣдрить в общественное сознаніе, что наша позиція прочна, и никто, никакіе заговорщики не могут нас сбить с нея... Конечно, первая стадія в этом историческом явленіи — р а з р у ш е н і е с т а р о й в л а с т и. Обломки ея валяются повсюду. Подмести их и вынести из нашей русской жизни необходимо (бурные аплодисменты). Но это мелкая, черная работа, а перед нами открывается другая работа, работа творческая, для которой потребуются всѣ геніальныя силы, заложенныя в душѣ русскаго народа».

В этом «стихійном» переворотѣ, — в том, что он был подготовлен не тѣми, кто его совершил, и крылась опасность его непрочности. Событія пошли не путем, предсказываемым скептиками. Но это не доказывает, что прогноз сам по себѣ был неправилен, что опасенія были необоснованы; это свидѣтельствует лишь о том, что профилактическія мѣры возымѣли свое актуальное воздѣйствіе, т. е. что с точки зрѣнія торжества революціи онѣ были примѣнены болѣе или менѣе цѣлесообразно, несмотря на уродливыя формы, в которых подчас онѣ примѣнялись.

Были прозорливые люди, которые с перваго дня переворота поняли, что главная опасность — «слѣва»: к ним принадлежал, будто бы, депутат Маклаков. Сдѣлалась даже популярной ссылка на крылатую фразу, им брошенную при посѣщеніи на второй день революціи министерства юстиціи в качествѣ комиссара от Временнаго Правительства. Не скрывая своих опасеній за будущее, думскій депутат, оглянувшись на вошедшаго товарища курьера, сказал по французски: — Le danger est à gauche. Попало это предсказаніе в историческую литературу со страниц воспоминаній проф. Завадскаго, слышавшаго от свидѣтеля — мужа своей сестры, занимавшаго должность директора второго департамента министерства. Не очень правдоподобен эпизод, вставленный в довольно фальшивую раму. Во внѣ Маклаков во всяком случаѣ высказывался по иному, чѣм это рисуется в приведенном скорѣе анекдотѣ. В московском докладѣ 31-го марта Маклаков, подчеркнув, что «наступило время, когда не только можно, но и необходимо говорить только правду и договаривать ее до конца», указал на двѣ опасности, стоящія перед революціей: опасность германская и реакція. «Реакція неизбѣжна», — говорил оратор, — «Каждый подъем сопровождается упадком. Важно, чтобы реакція не перешла извѣстной грани. Если в настоящій момент не оказать поддержки арміи в ея героическом усиліи в борьбѣ с врагом, то мы этим самым будем способствовать развитію реакціи в арміи, которая по окончаніи войны может привести к ликвидаціи свободы».

— «Реакція неизбѣжна...» Очень скоро на столбцах «Рус. Вѣд.» (№ 72) лѣвый публицист Петрищев отмѣтил, как характерное явленіе для провинціи, «спад вешних вод» и назрѣваніе «неизбѣжнаго перехода от революціоннаго подъема к общественной реакціи». В первые дни революціи (3-го марта) газета заканчивала свою передовую статью словами: — «Реакція безсильна лишь до тѣх пор, пока господствует единеніе. Всякій раскол вдохнет в нее новую жизнь и новыя силы». — «В настоящее время революція достигла апогея и неизбѣжна реакція», — доносит в Токіо со слов, слышанных от русских, японскій посол виконт Усида 15-го марта. — «Сейчас нельзя предвидѣть, откуда она произойдет, от крайних лѣвых или крайних правых...», но, добавляет через нѣсколько дней посол —по авторитетному свидѣтельству графа Коковцева, — «ни в коем случаѣ не будет контр-революціи старых монархическихъ партій» — «Не пройдет и трех мѣсяцев, как монархія будет возстановлена», — убѣждал Палеолога бывшій московскій губернатор гр. Муравьев 18-го марта (и посол доносил в Париж, что невозможно сдѣлать какого либо логическаго заключенія о будущем: для одних неизбѣжна республика, для других столь же неизбѣжно возстановленіе монархіи). Болѣе осторожный Гурко отчасти, вѣроятно, в утѣшеніе отрекшагося монарха писал 4-го марта Николаю II, что страна может вновь вернуться к своему законному Царю. Націоналист Балашов ставил по иному вопрос. Царь мог отречься только за себя — писал он Родзянко 6-го марта. Законным царем остается Алексѣй, до совершеннолѣтія котораго должно управлять «избранное Временное Правительство». — «Число моих

сторонников, — заканчивает автор письмо, — «в наст. время очень велико в Россіи»*).

Что же,— это все голоса из загробнаго міра?.. Но вот голос члена Исполн. Комитета трудовика Станкевича. Он вспоминает:— «Со всѣх сторон постоянно слышались опасенія, что революція не дойдет до Учр. Собранія. Помню таинственную увѣренность, с которой Березин (видный трудовик, член 2-ой Госуд. Думы) не раз говорил, что Учред. Собранія не будет, и я с трудом могу припомнить, с какой стороны он опасался взрыва — справа или слѣва». Сегодня масса, повинуясь своему внутреннему ирраціональному чувству идет за комитетом, но кто поручится, что завтра она «не пойдет за каким-нибудь бравым генералом, который сумѣет увлечь ее за собой?». — «Это сознаніе, — утверждает мемуарист, — питало все время опасенія перед контр-революціей». Ту же мысль, по словам Станкевича, высказывал и Щеголев, наблюдавшій в Таврическом дворцѣ «безстрастным оком историка» происходившее: — «будет монархія... Русскій народ не мыслит правопорядка, не вѣнченнаго короной».

«Обзор положенія Россіи за три мѣсяца революціи», составленный отдѣлом сношеній с провинціей Временнаго Комитета, опровергает всѣ подобныя догматическія положенія. Представители Думы вынесли иное впечатлѣніе от своих поѣздок — в отчетѣ оно формулировано так: — «Широко распространенное убѣжденіе, что русскій мужик привязан к царю, без царя не может жить, было ярко опровергнуто той единодушной радостью, тѣм видимым облегченіем, когда он узнал, что будет жить без того, без кого он «не мог бы жить». Может быть, с своей стороны, «догматику» в отчет, подводившій итоги индивидуальных впечатлѣній, ввел завѣдовавшій отчетно-делегатским отдѣлом Романов, именем котораго и подписан отчет. Настроеніе в деревнѣ, из которой на войну ушло в значительной степени молодое грамотное поколѣніе, конечно, не было столь однотипным, как изображает его отчет. Делегат Вологодскаго Совѣта — из губерніи с развитой кооперацией — на совѣщаніи Совѣтов обращал вниманіе на необходимость учесть консервативный элемент деревни, в средѣ этого старшаго по возрасту поколѣнія сохранились слѣды старой психологіи: — «Тѣ, кто работают в деревнѣ, знают, — говорил делегат, — что женщины, принимающія непосредственное участіе в деревенской общественной жизни, на деревенских сходах, «в большей части до сих пор еще плачут, что нѣт на престолѣ царя». Онѣ говорят, что — «Хорошо, чтобы был царь, хот плохенькій, но царь». Лукомскій разсказывает, что казачки под половицей и при большевиках сохраняли портреты царской семьи. О будущем образѣ правленія крестьяне вообще «мыслят плохо». — «Не знаем, куда стучать, что дѣлать», — пишут во Временный Комитет из далекой Сибири. Представленіе об Учредит. Собраніи «смутное». Здоровый инстинкт крестьянскаго ума ищет «ощупью дорогу». Го-

*) Такая тенденція признанія Алексѣя царем проявилась на югѣ в арміи.

родская «ненаисть» к династіи не захватывает мужицкую Русь*). Газеты революціоннаго времени, — и при том газеты соціалистическія — зарегистрировали совершенно удивительный факт: представители нѣсколькихъ волостей Саратовской губерніи отправили в Тобольск Царю жалобу на Времен. Правит. (Народное Слово). Один из наблюдавших деревню в большевицкую эпоху отмѣтил в Тамбовской губ. на территоріи, гдѣ происходило знаменитое в лѣтописях борьбы с коммунистической властью Антоновское возстаніе, — распространенную легенду, гласившую, что землю крестьянам дал Царь, за что его министры Керенскій, Ленин и Троцкій сослали в Сибирь, а потом убили (Окнинскій).

Вся гамма этих разнообразных настроеній на необъятном пространствѣ Россіи не давала возможности современникам с такой упрощенностью разрѣшать вопрос о несбыточности реставраціонных мечтаній, как это мог сдѣлать историк пост-фактум. Видимаго врага не было. Вѣдь это можно сказать лишь весьма относительно. Не отошедшая еще в прошлое монархія легко могла сдѣлаться идейным бродилом в неоформившемся народном сознаніи. Это не та «контр-революція», которая могла родиться на почвѣ развала и анархіи, о чем много раз предупреждал впослѣдствіи Плеханов. Это была не та «контр-революція», которая, дѣйствительно, превратилась в навязчивую идею, и страх перед которой парализовал плодотворную борьбу с разлагающей пропагандой большевиков, хотя сознаніе говорило, что именно через большевиков эта контр-революція может притти.

В мартѣ это был страх не окрѣпшаго государственнаго организма, и он находил себѣ естественное, если не оправданіе, то объясненія. Массовое народное мнѣніе не могло руководиться отвлеченными соображеніями о «потенціальной» реакціи, оно ежедневно в первые дни революціи слышало конкретные призывы к борьбѣ за неокрѣпшую политическую свободу с угрожающим призраком не отошедшаго еще в небытіе - прошлаго. Оно слышало это в правительственных декларацiях, в воззваніях «цензовой общественности», а не только в демагогических прокламаціях всякаго рода адептов «перманентной революціи», стремившихся народное движеніе довести до высшей точки бурленія соціальной перетурбаціей. Что может быть характернѣе обращенія Государственной Думы за подписью Родзянки к «офицерам и командам» судов в Николаевѣ, опубликованнаго в «Вѣстникѣ Времен. Правительства» 9-го марта. — «Граждане офицеры и матросы, — говорилось в этом обращеніи, — помните, что мы окружены страшной опасностью, и только нечеловѣческое напряженіе сил может нас спасти... Множество тайных кроющихся врагов среди вас, которые пускают темные

*) В «Записках о революціи» Наживин разсказывает, как во Владимірѣ при большевиках уже бабы отстояли памятник имп. Александру II — его удалось только через полгода снять ночью «обманом», а в с. Боголюбском он был цѣл еще и осенью 18 г. В «Записках» Наживина заключается не мало бытовых черт для характеристики монархических настроеній, но ими все же рискованно пользоваться, ибо быт деревенскій автор слишком уже опредѣленно подводит под свои измѣнившіеся политическіе взгляды.

слухи, стремятся натравить одну часть населенія на другую, солдат на офицеров, надѣясь, что смута поможет им возстановить старый порядок». Воззваніе имѣло в виду агентов внѣшняго врага, ибо говорило: — «Уже многіе годы Германія использовала свое вліяніе, всѣ родственные связы своих правителей с свергнутым Царем, чтобы поддерживать в Россіи самодержавіе, которое душило и убивало внутреннія силы страны*).

Но вывод почти неизбѣжно должен был получиться расширенный в соотвѣтствіи с пропагандой соціалистических демагогов: — выпукло выступала тѣнь Царя и его приспѣшников.

Единственным дѣйствительным средством борьбы против всякаго рода поползновеній к монархической реставраціи, помимо законодательнаго творчества революціоннаго правительства, могло явиться политическое просвѣщеніе. Только оно могло бросить луч свѣта в «темноту трудового крестьянства», которая являлась страшным врагом революціи, и о которой говорили представители демократіи (Руднев, Мартюшин) в Московском Государственном Совѣщаніи. Русское общество в различных своих развѣтвленіях продѣлало в этом отношеніи колоссальную работу в революціонные мѣсяцы. Когда-нибудь будет написана исторія этой культурно-просвѣтительной работы. Будут отмѣчены всѣ ея достиженія. Но было в этой работѣ и много отрицательнаго, ибо политическое просвѣщеніе, требовавшее усвоенія и времени, замѣнялось подчас довольно грубой и упрощенной политической пропагандой. Примитивная демагогія всего легче усвоялась — она создавала особый тип мартовских соціалистов, которые брали на себя привиллегію говорить от имени народа. Этот распространенный тип заполнял собой революціонныя организаціи и вліял на событія. Принесло ли в таких условіях политическое просвѣщеніе пользу русскому народу?.. И не большаго ли бы достиг здоровый инстинкт крестьянскаго ума, искавшій «ощупью дорогу», — предоставленный самому себѣ, он, может быть, легче нашел бы правильный путь?.... Жизнь творила свои формы из того людского матеріала, который имѣлся на лицо. Откровенный максимализм соціальных фантастов не нашел достаточнаго отпора в средѣ демократической интеллигенціи, которая призвана была вести за собой народныя массы. Надо сказать, что меньшинство этой интеллигенціи, пытавшееся итти против теченія и ввести в рамки государственности «революціонное правотворчество», было посталено в смыслѣ пропаганды в гораздо худшее положеніе. Причудливым образом «просвѣтительные фонды» всякаго рода американских и иных иностранных комитетов, сыгравшіе значительную роль в революціонной пропагандѣ, дѣлали ставку на болѣе сильных, или казавшихся таковыми, в дни коллективнаго психоза. Эти основные кадры «совѣтской» демократіи, далеко не чуждые лозунга «выше поднимай революціонную волну» и потакавшіе инстинктам масс, в концѣ концов облекали

*) Воззваніе дѣлало такой историческій экскурс: — «В 1905 году нѣмцы оказывали всяческую поддержку прежнему правительству в борьбѣ с народом. Когда в Польшѣ развилось движеніе, ген.-губерн. грозил войсками имп. Вильгельма. За царем на всякій случай был прислан нѣмецкій миноносец».

лишь внѣшней демократической плотью скелет «соціалистов с улицы». «Революція была «легким налетом», а под ним остался «вчерашній раб и насильник» — скажет в Парижѣ в 18 г. доклад с. р. Ракитниковой среди разочарованных служителей народу. — «Сѣяли пшеницу, а взошла горькая полынь» — с горечью признается марксист-публицист Потресов. Но, может быть, было бы правильнѣе присоединиться к мнѣнію Плеханова: — «Что посѣяли, то и пожали». Поэтому не получилось той муки, из которой можно было выпечь «пшеничный хлѣб соціализма».

Плевелами демагогіи усѣяна была, конечно, вся кампанія против монархіи, которая при свободѣ широкаго изъявленія мнѣній, в больших размѣрах повелась с момента торжества революціи. Она не могла не коснуться личностей низвергнутой монархіи. Справедливость требует отмѣтить, что в революціонной печати, даже в ея крайних выраженіях, в гораздо меньшей степени затрагивалась интимная жизнь носителей власти, нежели в общей печати. Разоблаченіе скандальных «тайн» стало удѣлом уличных листков и той «буржуазной» печати, которая строила свой успѣх и благосостояніе в извѣстной степени на подлаживаніи к вкусам любопытствующей толпы. Никогда, однако, наша даже заборная литература не доходила до той гнусности и клеветы, которыми отмѣчена демагогія эпохи «великой французской революціи». — Отвратительныя формы, в которыя выливалась в 17 г. эпидемія разоблаченій, шедшая рука об руку с разнузданной свободой, которая развращала столичную толпу*), вызвала протест в литературных кругах печати в первые же дни революціи.

Но по существу можно ли было и нужно ли было в корнѣ пресѣчь эту кампанію разоблаченій**).

Пресловутая «распутиніада» — это был как бы символ павшаго режима, по крайней мѣрѣ в представленіи большинства современников. Раскрыть подоплеку отходящаго в прошлое политическаго строя, обнаружить его гниль и маразм, казалось самым вѣрным средством отвратить возможность реставраціи, по крайней мѣрѣ в ея отживших формах в л а с т и. В сущности это был главнѣйшій результат, который мог быть в то время реально и безболѣзненно достигнут опасной хирургической операціей, именуемой революціей. Установленіе хотя бы формально народовластія могло обезпечить дальнѣйшую нормальную эволюцію соціальных

---

*) См. воспоминанія Кельсона, отмѣчающія, напр., порнографическія пьесы и т. д., которыя стали открыто и безконтрольно занимать значительное мѣсто в репертуарѣ низкопробных театральных представленій. Ни министерство народнаго просвѣщенія, ни общественное самоуправленіе не пытались бороться со злом, разъѣдающим неокрѣпший народный организм. Не боролась и печать — каррикатурами, описанными Кельсоном, жизнь отвѣчала на требованіе обновленія театральнаго репертуара пьесами с революціонным духом (статья Философова в «Рѣчи»).

**) Правительство не создало ни особаго министерства пропаганды, ни соотвѣтствующих отдѣлов при министерствѣ народнаго просвѣщенія, которые могли бы руководить и нѣсколько облагородить пропаганду. Такую цѣль отчасти преслѣдовал «политическій» отдѣл, образованный военным министерством.

и экономических отношеній без тѣх катаклизмов, которые влекли на путь разрушенія государственнаго организма. Каждый демократ и соціалист, не завороженный утопическим «бредом», мог бы присоединиться к программѣ, начерченной тогда правым кадетом Маклаковым: народоправство и широкія соціальныя реформы.

В этом раскрытіи политической «распутиніады» не играла никакой роли лживая легенда об «измѣнѣ», которую до революціи муссировали в либерально-политических кругах русскаго общества. В дни революціи ее подхватила, конечно, желтая пресса, стоустая обывательская молва, но совершенно не касалась революціонная пресса за ничтожным исключеніем. (В цѣлях демагогических этой легендой иногда пользовались большевики) Очень знаменательно — и это должно быть отмѣчено, — что самое тяжелое обвиненіе родилось отнюдь не в революціонной средѣ. Совершенно удивительна та наивность, с которой, напримѣр, боевой генерал Селивачев заносит в свой дневник всѣ подобные слухи со слов пріѣхавших из Петербурга офицеров. Воспроизводить этот вздор не стоит. Если вѣрить разсказу тов. петербугскаго городского головы Демкина, вся рѣчь гласнаго Думы Пуришкевича в одном из первых собраній Думы послѣ революціи была посвящена злому генію Россіи — Царицѣ Алекс. Фед., которая якобы была в сношеніях с Германіей. Эта тема усиленно развивалась в дни, послѣдовавшіе за арестом Царя, и оправдывала в глазах общественности правительственный акт. — «Арестом», утверждал в «Русской Волѣ» (12-го марта) извѣстный публицист Николай Ашешов, связанный еще тогда с радикальными кругами, — устранена «государственная опасность» — нанесен смертельный удар шпіонажу, ибо сношенія «августѣйших пораженцев с Германіей не вызывают никаких сомнѣній». Протопоповскій орган, облекшись в патріотически-революціонную тогу, сдѣлал своей спеціальностью разоблаченіе прежней дѣятельности «заядлых измѣнников», засѣдавших на русском тронѣ. «Нѣмкин муж» и Алекс. Фед. больше заботились об улучшеніи участи нѣмецких плѣнных в Россіи, чѣм о русской арміи и побѣдѣ. В дворцѣ своем они свили себѣ гнѣздо предательства и шпіонажа. — «В 1914 году, — утверждала газета в день, когда было опубликовано распоряженіе об арестѣ бывшаго Императора, — военная развѣдка, отыскивая потаенную радіотелеграфную шпіонскую станцію, пришла к выводу, что нѣмецкая станція — в Царском Селѣ, тогда ей пришлось прекратить разслѣдованіе». — «Временное Правительство распорядится с бывшим Царем по своему, пусть никто не смѣет требовать правосудія» — патетически восклицает на другой день «Русская Воля».

Было хуже, когда подобные намеки исходили от членов самой династіи или лиц, им родственно близких. Простой элементарный такт должен был заставить вел. кн. Кирилла, герц. Лейхтенбергскаго, кн. Юсупова и др. воздержаться от каких-либо газетных интервью в критическіе для царской семьи дни. Надо было молчать, или рѣзко и рѣшительно защищать личность павших монархов, когда, как стали утверждать позднѣе, им грозила непосредственная опасность от разъяренной толпы. Но они давали свои интер-

вью в «Биржевыя Вѣдомости», «Петербургскую Газету», «Русскую Волю» и в органы, подобные им. В момент, когда Государь не был арестован, быть может, предусмотрительно, цѣлесообразно и даже почти партіотично было выступленіе вел. кн. Кирилла с гвардейским экипажем 1-го марта. Быть может, прав был будушій «блюститель престола», высказывая удовлетвореніе по поводу совершившагося переворота сотруднику «Русской Воли» Сѣвскому 8-го марта (Мой дворник и я могли видѣть одинаково, что со старым правительством Россія теряла все). Быть может, довольно безобиден был тот факт, что на дворцѣ великаго князя развивался красный флаг, а на груди владѣльца — красивый красный бант; нѣчто гораздо худшее заключалось в сомнѣніях, которыя вел. кн. выражал словами: — «Я не раз спрашивал себя, не сообщница ли Вильгельма II бывшая Императрица, но всякій раз я силился отогнать от себя эту страшную мысль»*).

Во всѣх как будто бы газетах тѣх дней прошло явно вздорное сообщеніе о том, что в императорском поѣздѣ на ст. Тосно подымался вопрос об открытіи «фронта нѣмцам». Сообщеніе это позднѣе подверглось разслѣдованію даже в Чрезвычайной Слѣдствен. Комиссіи. Повидимому первой пустила такой слух петербургская «Русская Воля», связав его с быв. дворцовым комендантом ген. Воейковым, который был арестован в это время в Вязьмѣ и доставлен в Москву. 7-го марта отсюда в поѣздѣ, с которым возвращался министр юстиціи, Воейков был отправлен в Петербург.

Со слов, сопровождавшаго арестованнаго, подп. Висневскаго корреспондент «Рус. Вѣд.» разсказывал нѣкоторыя подробности. В дорогѣ, в купэ, гдѣ находился Воейков, вошел Керенскій и показал ему московскую газету, в которой сообщалось, что Воейков совѣтовал Николаю II «открыть минскій фронт, чтобы нѣмцы проучили русскую сволочь». Ген. Воейков заявил будто бы, что приписываемыя ему в статьѣ слова принадлежат Императору, который находился в «состояніи сильнаго опьяненія», почему этим словам не слѣдует придавать значенія. Арестованный не мог, конечно, опровергнуть газетнаго сообщенія. Протест появился со стороны Главнокомандующаго западным фронтом ген. Эверта**). Вся несуразица подобной версіи совершенно ясна теперь, пожалуй, она ясна была и в момент напечатанія. Вызовом войск с фронта распоряжалось военное командованіе в Ставкѣ и на фронтѣ, вызваны были войска до выѣзда Царя из Ставки с разсчетом не затронуть интересов фронта, и слѣдовательно вопрос не мог даже возникнуть

*) Французскій журналист Анет, отмѣчая, что вел. кн. Кирилл исподьволь готовит себя на императорскій трон, тогда же записал, что легитимный кандидат в русскіе монархи говорит о прошлом имперіи с манерой «вызывающей отвращеніе».

**) В позднѣйших воспоминаніях Воейков передает, что бесѣда с Керенским в поѣздѣ длилась нѣсколько часов. Керенскій был корректен, предложил ему чай и закуску, и говорил, что арест имѣет цѣлью оградить его от народнаго гнѣва. (Сам Воейков отмѣчает враждебное отношеніе к нему в Москвѣ со стороны офицеров. На вокзалѣ в Петербургѣ, по словам автора воспоминаній, разыгралась почти растопчинская сцена с Верещагиным по толстовской эпопеѣ «Война и мир»).

в обстановкѣ, которую неожиданно встрѣтил бы императорскій поѣзд в Тосно или на другой какой-нибудь станціи во время продвиженія из Могилева в Царское.

Герцог Лейхтенбергскій, несшій при Царѣ обязанности флигель-адъютанта в дни государственнаго переворота, дал 15-го марта интервью в «Биржев. Вѣдом.». В нем он коснулся описаннаго эпизода, но в таких осторожных формах: — «Ген. В. приписывается страшная, задуманная им мысль, будто бы он при обмѣнѣ мнѣніями о создавшемся положеніи, сказал: — «Что же, надо открыть двинскій фронт, революція тогда будет потушена». Л и ч н о я такой фразы не слышал, как не слышал ее от Царя и других членов совѣта и м н ѣ к а ж е т с я, что если и был такой факт, то он был произнесен в совершенно ином смыслѣ... — «Революцію можно подавить силой оружія, но откуда взять войска?... С сѣвера — но тогда будет открыт двинскій фронт...» Юсупов в интервью, напечатанном в тот же день в «Биржев. Вѣд.», отрицал, что бывшій Царь злоупотреблял спиртными напитками, о чем ходила усиленная молва, отмѣченная даже в «Исторіи» Милюкова, но говорил, что его спаивали болѣе сильной отравой: «Мнѣ лично пришлось слышать в одном из распутинских кружков, что приближенные дѣлали спеціальный сильный настой из тибетских трав и этим настоем спаивали Царя. Послѣ этого бывшій Царь впадал в меланхолію, чувствительность атрофировалась...*) И в этот момент царедворцы преступно пользовались слабостью бывшаго Царя для осуществленія своих злых и подлых государственных дѣл». Юсупов добавлял, что «роковую роль в жизни династіи сыграла бывшая Государыня», которая для Распутина и его приближенных «жертвовала народным благом и народными интересами». «Но довольно счетов и личных дрязг», — патетически заключал свое газетное интервью Юсупов, — «народная воля — закон. Возьмемся всѣ дружно за работу, за обновленіе родины и новое строительство. Будем всѣ граждане и будем жить одной чистой правдой...»

Это — только «интервью», возможно в нѣсколько вольной передачѣ газетнаго репортера. И все-таки лучше было бы родственникам арестованнаго Государя в эти тяжелые для него дни молчать...

Жестока и цинична поговорка — лѣс рубят, щепки летят, в примѣненіи к политической жизни. Справедливости мало бывает в дни революціоннаго катаклизма. Предоставим о ней говорить философам-моралистам. Объективно же «общая ненависть», которая окружала Николая II, по замѣчанію в дневникѣ Нарышкиной 21 іюля, дѣлала невозможной в то времн монархическую реставрацію. «Общее неуваженіе к династіи Романовых так велико в массѣ, что сказать трудно»,— записал ген. Селивачов, отмѣтившій, что даже нѣмцы прекратили свою монархическую пропаганду. И так естественно, что ген. Корнилов, — как то утверждает ген.

*) Подобное интервью заставляет повѣрить свидѣтельству Вырубовой, что побочная сестра вел. кн. Дим. Павл., Дерфельден, косвенно замѣшанная в убійствѣ Распутина, распространяла до революціи слухи, что Императрица спаивает Государя.

Деникин, — категорически заявил Гучкову, пріѣхавшему в іюнѣ на фронт с идеей переворота и возведенія на престол в. к. Дм. Пав., что он ни в какую авантюру с Романовыми не пойдет*).

Когда мы говорим о «всеобщей ненависти», то не будем все-таки переходить границы, которыя устанавливают реальные факты, поскольку рѣчь идет о внѣшних формах проявленія этой ненависти. Когда солдаты на сѣверном фронтѣ узнали от депутатов Янушкевича и Филоненко, что арестован Романов со своей семьей, то кричали ура и качали думских делегатов, но это вовсе еще не значит, что в арміи требовали примѣненія драконовских мѣр к арестованным. Между тѣм вольная рука отвѣтственнаго мемуариста дает картину, которая мало соотвѣтствует дѣйствительности. Мы знаем уже, как в изображеніи Керенскаго народныя массы, возбужденныя агитаціей крайних, требовали от правительства заключенія Царя в Петропавловскую крѣпость или перевода его в Кронштадт под охрану матросов, требовали революціоннаго суда и немедленнаго выполненія приговора над низлож. монархом. То, что происходило в первые дни, было в своем мѣстѣ уже разсказано с почти исчерпывающей полнотой. Тогда конкретнаго проявленія «злобы» не было. Рука мемуариста и далѣе рисует гиперболу. Она достигла совершенно невѣроятных размѣров в первой статьѣ, написанной Керенским в 21 году в опроверженіе легенды об отношеніи Времен. Правит. к покойному Императору и его семьѣ («Отъѣзд Николая II в Тобольск». — «Воля Россіи»). Он писал тогда: — «Смертная казнь Николаю II и отправка его семьи из Александровскаго дворца в Петропавловскую крѣпость или Кронштадт — вот яростное, иногда изступленное требованіе с о т е н всяческих делегацій, депутацій и резолюцій, являвшихся и предъявляемых Времен. Парвит. и в частности ко мнѣ, как вѣдавшему и отвѣчавшему за охрану и безопасность царской семьи». Повѣрим на момент мемуаристу... Чѣм можно объяснить в таком случаѣ совершенно невѣроятное для революціоннаго времени явленіе, что эти сотни депутацій и резолюцій к Временному Правительству не нашли никакого или почти никакого отклика в печати?.. Как могли исчезнуть из кругозора революціонных общественных организацій, всякаго рода рабочих и солдатских депутатов, эти «яростныя, иногда изступленныя требованія»?.. Как могли их замолчать офиціальные протоколы совѣтских и иных учрежденій?..**) Тщетно я искал подтвержденія слов мемуариста — я их не нашел, или вѣрнѣе, нашел только в воспоминаніях другого мемуариста —

---

*) Самые убѣжденные монархисты не могут не признать, что подобное предпріятіе в 1917 г. иначе, как авантюрой, нельзя было назвать, и что кадров для его подготовки и исполненія невозможно было найти ни в странѣ, ни в арміи», — писали «Посл. Нов.» по поводу воспоминаній Гучкова.

**) До свѣдѣнія правительства подчас доходили даже резолюціи «летучих» митингов. Так в Москвѣ на Тверском бульв., у памятника Пушкина, в революціонные дни происходил перманентный митинг. Напр., 27 марта в 7 час. веч. начался очередной митинг. Выступают десять ораторов из разных партій. В 5 час. утра выносится резолюція, выражающая полное довѣріе правительству и признаніе необходимости обороны страны против яростной оппозиціи большевиков. Резолюція по телефону была передана кн. Львову.

молодого Маркова, который слышал «повсюду требованія судить, а чаще, просто убить бывшаго царя». Вѣроятно, только чрезмѣрная монархическая преданность заставляла его слишком обостренно воспринимать дѣйствительность. Не сотни, и даже не десятки, а только единичныя требованія (и не в таких кровавых формах) придется отмѣтить дальше в их хронологической послѣдовательности в соотвѣтствіи с рамками настоящаго повѣствованія.

С момента соглашенія делегатов Исп. Комитета с правительством об условіях изоляціи царской семьи (вѣрнѣе Царя и Царицы) в Александровском дворцѣ и о невывозѣ ея без согласія Исп. Ком. за-границу — такое соглашеніе рисовалось, по крайней мѣрѣ в представленіи совѣтских дѣятелей — формальная агитація, как было указано, прекратилась. Во всяком случаѣ не было требованій ни мести, ни расплаты, ни требованій заключенія в Петропавловскую крѣпость, ни революціоннаго суда. Вопрос о династіи в центрѣ как бы сошел со сцены. В мартѣ, кромѣ выступленія Стеклова на совѣщаніи Совѣтов, не поддержаннаго съѣздом, можно отмѣтить лишь статьи в «Правдѣ» (12-го марта о благопріятных условіях содержанія Царя. — Раньше, 9-го марта, в момент обсужденія вопроса в Совѣтѣ, орган большевиков требовал не только ареста, но и преданія «справедливому суду народа») и в «Извѣстіях», вѣроятно того же Стеклова, в которой ставился вопрос о свободѣ, предоставленной членам династіи. (В правинціальном отдѣлѣ той же «Правды» зарегистрировано постановленіе Совѣта Константиновскаго завода в Донецком бассейнѣ об арестѣ Романовых.) Это абсолютно не касалось царственных узников, да и великіе князья были привлечены, так сказать, между прочим.

Поводом для бури в стаканѣ воды послужило освобожденіе Керенским ген. Иванова и заключеніе его «под домашній арест». В сущности никакого правового и моральнаго основанія для привлеченія к отвѣтственности и содержанія в тюрьмѣ, как уже указывалось, потенціальнаго «усмирителя» Петербурга не было*). Крикливыя заявленія Стеклова с требованіем объявить преступнаго генерала «внѣ закона» находили, однако, нѣкоторый отклик, и «кучка солдат», по выраженію Суханова, «говорила об этом». В Исполн. Комит. «лѣвые» предлагали «офиціально» вызвать генерал-прокурора и потребовать от него «отвѣта». Керенскій легко разрубил узел, по обыкновенію своему обратившись непосредственно к «массам», минуя Исполн. Комитет. Явившись 26-го на общее собраніе солдатских секцій Совѣта, он произнес патетическую (скорѣе демагогическую) рѣчь, «пожал бурю аплодисментов» и уѣхал, не заглянув на происходившее тут же в Таврическом дворцѣ засѣданіе Исполн. Комитета. Газеты излагали рѣчь Керенскаго так: — «Я

*) Это признает и «лѣвый» мемуарист, подчеркивая психологическую сторону вопроса. — «Допустим даже», — пишет Сухонов, — «что этого господина слѣдовало освободить, но вѣдь не больше же было основаній, чѣм для освобожденія многих и многих сидящих в Петропавловкѣ и в других мѣстах... А затѣм (вѣдь надо считаться с психологіей учитывающих характер преступленія и болѣзненно реагировавших именно на Иванова. Если его слѣдовало освободить, то слѣдовало сначала убѣдить в этом...»

слышал, что среди вас ходят слухи, будто бы я дѣлаю послабленія старому правительству и лицам царской фамиліи. Я слышал, что в вашей средѣ появились люди, которые осмѣливаются выражать мнѣ недовѣріе. Я предупреждаю всѣх, кто так говорит, что я не позволю не довѣрять себѣ и в моем лицѣ оскорблять русскую демократію. Я вас прошу или исключить меня из вашей среды или мнѣ безусловно довѣрять (бурные аплодисменты). Вы обвиняете Времен. Правительство и меня в том, что мы дѣлаем послабленія лицам царской фамиліи, что мы оставляем на свободѣ их и поступаем с ними снисходительно. Но знайте, что я был в Царском Селѣ, я видѣлся с начальником гарнизона. Я говорил с солдатами. Комендант Царскосельскаго дворца — мой хорошій знакомый, которому я довѣряю вполнѣ. Гарнизон обѣщал мнѣ исполнять только мои приказанія. На вас наводит сомнѣніе, что на свободѣ остались нѣкоторые (?) лица царской фамиліи. Но на свободѣ т о л ь к о тѣ, кто вмѣстѣ с вами протестовал против стараго режима и против царизма. Дмитрій Павлович оставлен на свободѣ, так как он боролся до конца со старой властью. Он подготовил заговор и убил Гришку Распутина, и он имѣет полное право оставаться простым офицером в рядах русской арміи в Персіи. Ген. Иванова я освободил, но он находится все время под моим контролем на частной квартирѣ. Я освободил его, так как он болен и стар, и врачи утверждают, чт он не проживет и трех дней, если останется в той средѣ, куда он был помѣщен»... Прерываю рѣчь Керенскаго. Его слова: — «Я хочу знать, вѣрите ли вы мнѣ или нѣт», — прерываются овацiей. Крики: «Вѣрим, просим, вѣрим...» С мѣста поднимается депутат и заявляет: — «Вся многомилліонная армія вѣрит вам, Александр Федорович...» Керенскій: — «Я пришел сюда не оправдываться и не извиняться перед вами. Я хотѣл только сказать, что не позволю себѣ и всей демократіи быть в подозрѣніи»... Министра вновь прерывает шумная овацiя. Керенскій, «пошатываясь, блѣдный» с помощью солдат и офицеров опускается на стул и пьет воду. На рѣчь министра официально отвѣчает предсѣдатель собранія: «О недовѣріи, как об этом говорил А. Ф., не может быть и рѣчи. Об этом говорят только отдѣльныя лица, которых мы тотчас же пресѣкаем. Армія вам вѣрит, как вождю всей русской демократіи»... (Оглушительное «ура» раздается под сводом зала засѣданія, Керенскаго подхватывают на руки и на стулѣ выносят из зала).

Инцидент и с великими князьями и с Ивановым тѣм самым был исчерпан. Исп. Ком. никак не реагировал на выступленіе министра юстиціи*). Приведенная рѣчь дает типичный образец тактики Керенскаго революціонера. Совершенно очевидно, что содержаніе ген. Иванова под стражей он считал неправильным, но этого он не скажет перед толпой, которая продолжает находиться под гипнозом революціоннаго ореола вдохновителя февральских дней. Его авторитет в массах еще непререкаем, он многаго может

*) Впрочем, с 24 марта по 4 апрѣля имѣется перерыв в черновых протокольных записях.

достигнуть своим экстатическим словом. Он якобы подготовляет благопріятную психологическую обстановку для выполненія рѣшенія Времен. Правительства вывезти Царя с семьей в Англію и скажет лишь о том, что царская семья под крѣпким запором в царскосельской золоченой тюрьмѣ — под его непосредственным наблюденіем. Он не думает, вѣроятно, об арестѣ великих князей, находящихся на свободѣ, но эту свободу будет мотивировать тѣм, что Дмитрій Павлович — убійца Распутина. Глубокой ошибкой представляется подобная тактика и, думается, гораздо большаго Керенскій мог бы достигнуть, говоря перед послушной аудиторіей только правду*) и пытаясь воздѣйствовать не на ея инстинкты, а на сознательное чувство.

На дѣлѣ получились глубочайшія противорѣчія в дѣятельности самого «вождя» демократіи. Когда Керенскій говорил в солдатской секціи Совѣта о великих князьях, в дѣйствительности была арестована лишь вел. кн. Марія Павловна (старшая) на далеком от центра Кавказѣ и формально по иниціативѣ «гражданскаго исполнительнаго комитета в Пятигорскѣ», т. е. органа полуправительственнаго. Поводом для ареста послужило частное письмо на англійском языкѣ, направленное в секретном порядкѣ через ген. лейт. Чебыкина вел. княгиней из Кисловодска сыну Борису в Ставку. По существу в письмѣ, в котором можно было при желаніи найти нѣкоторые косвенные намеки на какія то ожиданія, ничего страшнаго и криминальнаго не заключалось**), хотя по данным тогдашних газет письмо это было столь компрометирующее, что опубликовать его не представлялось возможным. (Как сообщала «Русская Воля», иниціатива этого рѣшенія принадлежала будто бы Гучкову). — «Я посылаю это письмо через вѣрныя руки этого хорошаго и вѣрнаго, стараго генерала***), — писала Марія Павловна, — «Мы естественно должны надѣяться, что Н. Н. возьмет все в свои руки, так как послѣ Миши в с е и с п о р ч е н о****). Наши всѣ надежды на возможное будущее остаются с ним». Мать просила сына сообщить с «вѣрным человѣком», что дѣлается, так как «мы здѣсь положительно ничего не знаем», — и добавляет: — «Сожги это письмо, прошу». Арест Маріи Павловны произошел 14-го марта*****). В телеграммѣ П. Т. А., напечатанной в газетах 28-го марта от имени «гражданскаго исполнительнаго комитета», разъяснялось, что у Маріи Павловны и Андрея Владиміровича были произведены «обыски» в виду найденнаго при арестѣ ген. Чебыкина письма, в котором Марія Павл. высказывает мысль, что «надежда на возможное будущее Дома Романовых связана с вел. кн.

*) Позже на совѣщаніи делегатов фронта 29-го апрѣля Керенскій говорил: «Я не умѣю и не знаю, как народу говорить неправду, когда этот народ спрашивает правду...» — «Да здравствует гордость Россіи...» — воодушевленно кричали солдаты.

**) Перевод даю по тексту офиціальной телеграммы, присланной в центр и помѣщенной в приложеніи у Шляпникова.

***) Чебыкин командовал гвардейским корпусом.

****) Чей курсив?

*****) Тел. П. Т. А. об арестѣ Чебыкина, нач. кисловодской полиціи полк. Тулузанова, его помощника и других лиц сообщала 17-го марта.

Николаем Николаевичем, которому необходимо стоять во главѣ командованія». Ничего компрометирующаго не обнаружено. Сообщенія газет, что в домѣ княгини обнаружен радіо-телеграф и найдены компрометирующіе документы невѣрны, как и сообщеніе, что арестованная Марія Павловна доставлена в Петербург. Она находится в Кисловодскѣ». Из сообщенія П. Т. А. оставалось неясным: ограничилось ли дѣло обыском у великой княгини или она была арестована. В дѣйствительности она была подвергнута «домашнему аресту».

Правительство было телеграфно освѣдомлено тотчас же послѣ инцидента. Никакого давленія со стороны еще не успѣло сказаться, как распоряженіем военнаго министра, т. е., Гучкова, в Ставкѣ уже 15-го марта был произведен ряд арестов (Ген. для пор. при походн. атам. Сазонов, войск. старш. Греков, офицер для пор. бар. Унгерн, пом. уполн. каз. организ. Шен и личный секр. вел. кн. Бориса, занимавшаго должность походнаго атамана). По истинѣ у страха глаза были велики! Через день в официальном порядкѣ газеты давали фантастическое разъясненіе о том, что «правительство было освѣдомлено относительно готовящагося заговра против новаго строя и о том, что вел. кн. Марія Павловна стояла во главѣ этого заговора. За ней был установлен надзор... Марія Павл. совѣтовала Ник. Ник. использовать состоявшееся назначеніе верховным главнокомандующим в том смыслѣ, чтобы он был провозглашен Государем... Времен. Правит. отстранило Ник. Ник. от верховнаго командованія. Произведенный в Кисловодскѣ во дворцѣ Маріи Павл. обыск дал возможность найти компрометирующіе документы... В захваченных бумагах говорилось м н о г о (курсив мой) о Ник. Ник., как о единственном лицѣ, которое могло бы возстановить монархическій строй в Россіи... Чебыкин выѣхал из Петербурга по вызову Маріи Павловны... Он был освѣдомлен о заговорѣ...» Газеты сообщали, что всѣ арестованные в Ставкѣ тоже были освѣдомлены о заговорѣ и по распоряженію министра юстиціи будут доставлены в Петербург. Сам походный атаман, вел. кн. Борис, «пока» оставлен на свободѣ, но 30-го марта и он был арестован, доставлен в Царское Село и «сдан», как удивительно выражается официальное П. Т. А. под охрану Царскосельскаго гарнизона*). Ясно было, что заговору правительство придало серьезное значеніе. Не законно ли задать вопрос: — кто же в данном случаѣ являлся толкачем и возбудителем общественнаго мнѣнія — только улица.... или само правительство?.. В такой обстановкѣ даже пресловутая демагогія Стеклова пріобрѣтает иной характер.

Дѣло тянулось, хотя интерес к внезапно вспыхнувшему дѣлу,

---

*) Вел. кн. Борис был арестован по пути из Ставки. Как утверждает Половцев, он был «вывезен из Ставки» по просьбѣ Алексѣева и содержался в Царском под арестом в собственном дворцѣ.

В «Биржев. Вѣдом.» сообщалось о постановленіи арестовать Кшесинскую и вел. кн. Сергія Михайловича, предложено было расшифровать телеграммы и смысл писем, посылаемых его женой. Эти письма теперь напечатаны, и курьезно то, что они заключают в себѣ восхваленіе заслугами Керенскаго.

как и все в эти быстро протекавшіе дни, скоро остыл*). Через 1 ½ мѣсяца, 29-го апрѣля, Марія Павловна и ея сын Андрей обратились к министру юстиціи и к министру-предсѣдателю с телеграфной просьбой освободить вел. княгиню, так как ей не предъявлено «никакого обвиненія». Прошел еще мѣсяц и лишь 7-го іюня гражданскій комитет увѣдомил жалобщицу, что министр юстиціи разрѣшил ей переѣхать из Кисловодска в другой, «менѣе многолюдный» курорт, одновременно и караул покинул дачу, гдѣ жила Марія Павл. Освобожден был и Борис Владимір., защиту интересов котораго принял на себя Карабчевскій. Послѣдній разсказывает, что в министерствѣ юстиціи ему сообщили, что вел. кн. арестован «по недоразумѣнію»: — постарались какіе то добровольцы. Тѣм не менѣе освобожденіе произошло только в маѣ, когда Керенскій смѣнил пост министра юстиціи на министра военнаго. Половцев, занявшій одновременно с этим пост командующаго войсками Петербургскаго округа, говорит, что он послѣ посѣщенія Царскаго поднял вопрос об основаніях для содержанія вел. кн. под караулом и предлагал снять караул, а с вел. кн. взять подписку о невыѣздѣ. Керенскій на это долгое время не соглашался и будто бы предлагал командующему для облегченія караульной службы посадить вел. кн. с его гражданской женой в Александровскій дворец под один караул с Государем. Впрочем, сам Половцев — мемуарист с большой фантазіей...

За апрѣль при довольно тщательных обслѣдованіях я не мог найти ни в центрѣ, ни на периферіи ни одного факта, который подтверждал бы картину, набросанную Керенским. Вѣроятно, на всякаго рода митингах было сказано не мало слов на подобіе тѣх, которыя услышали депутаты Масляников и Шмаков, объѣзжавшіе в серединѣ мѣсяца фронт Особой Арміи. На соединенном засѣданіи Комитетов 1 и 2 гв. дивизіи, как было уже упомянуто, наряду с «прекрасными рѣчами», думскіе делегаты в своем отчетном дневникѣ отмѣчали и призывы «крайне лѣваго большевицкаго толка»: удалив «вон» правительство, если оно не пойдет об руку с Совѣтом, заключить Николая II в Петропаловскую крѣпость («пусть испытает сам то, что заставлял испытывать других»). Но это только отдѣльныя, безотвѣтственныя в сущности «рѣчи», даже не резолюціи. Напротив, депутаты заявляли, что их возраженія встрѣчали «полное сочувствіе». Показательно, что только на одной из своих остановок на протяженіи недѣльной командировки делегаты могли зарегистрировать подобныя сужденія.

Едва ли к категоріи «яростных» требованій можно отнести заявленіе, поступившее в Испол. Ком. 4 апрѣля от каких то делегатов 12-ой арміи, прибывших в столицу. Они нашли, что пребываніе

*) При возникновеніи дѣла «Русская Воля» производила усиленныя изысканія в области шпіонской дѣятельности вел. кн. Маріи Павл., поѣздки которой на фронт совпадали с перемѣнами не в нашу пользу. Прикрываясь личиной сердобольной матери раненых, бывшая корреспондентка Бисмарка занималась чѣм-то другим: «Марія погибла от Маріи», писала газета 18-го марта, сопоставляя гибель дредноута с пребываніем Маріи Павл. в Севастополѣ.

Царя в Ц. С. не гарантирует от «возможности попыток к возстановленію царской власти» и настаивали на переводѣ его в Петербург в Петропавловскую крѣпость. Мотивом выставлялось спаиваніе караула и возможность организовать среди послѣдняго «группу сочувствія» («День») *). Газеты сообщали, что Исп. Ком. рѣшил послать своего представителя для провѣрки обстановки содержанія Царя. Но, очевидно, то была простая отписка для успокоенія слышком ретивых революціонеров — в протоколах она даже не отмѣчена. Все дѣло свелось к протесту представителей царскосельскаго гарнизона против непрошеннаго вмѣшательства фронтовиков и к протесту со стороны Испол. Ком. Совѣта 12-ой арміи, заявлявшаго, что никто не уполномачивал «делегатов» провѣрять царскую охрану: это были или «самозванцы», или представители отдѣльных частей, сдѣлавшіе «сепаратные шаги» **). Не знаю, можно ли отнести к числу тѣх же «яростных» требованій, обращенных в адрес правительства, и вопросы, которые были заданы Керенскому на совѣщаніи фронтовых делегатов в Петербургѣ 29 апрѣля. В этот день была произнесена нашумѣвшая рѣчь Керенскаго о «взбунтовавшихся рабах». Представителям этих «взбунтовавшихся рабов» послѣ патетических слов вождя предложено было в письменной формѣ задать вопросы. Керенскій отвѣчал на анонимные вопросы и, как всегда, отвѣты его имѣли шумный успѣх. Любопытствующіе фронтовики спрашивали генерал-прокурора: строго ли содержаніе представителей старой власти в Петропавловской крѣпости, можно ли побывать в крѣпости и посмотрѣть, как живет Царь. «Нельзя» — отвѣчает генерал-прокурор. Если что случится, придется отвѣчать ему. Нельзя же, наконец, превращать Петропавловскую крѣпость в «звѣринец». Тѣм дѣло и кончилось. Никаких послѣдствій запросы не имѣли.

К послѣдним дням апрѣля относится эпизод, чрезвычайно схожій с вышеописанной пятигорско-кисловодской эпопеей. Отвѣчать в данном случаѣ пришлось тѣм членам великокняжеской семьи, которые к этому времени собрались в своих имѣніях в Крыму в окрестностях Ялты. Они подверглись повальным обыскам на основаніи слухов, пущенных «бульварной прессой», о том, что в Ялтѣ подготовляется б. великими князьями и придворными «контрреволюція». («Русская Воля», напримѣр, передавала, что правительство получило сообщеніе тифлисскаго совѣта о том, что вокруг в. кн. Н. Н. в Ялтѣ группируются аристократы и бюрократы с контр-революціонными цѣлями). Опишем эпизод со слов корреспондента «Рус. Вѣд.», Качанова, передавшаго по телеграфу докладъ, который был сдѣлан вольноопредѣляющимся Сафоновым в севастопольском собраніи делегатов черноморскаго флота и воинских частей. Докладчик сообщал небезинтересныя детали. Оказывается, что какая-то «секретная комиссія севастопольскаго воен-

*) Нарышкина записала 13-го по слухам: «явилась какая-то военная депутація, которую пріѣзжал Керенскій уговаривать».

**) Очевидно, к этому инциденту надлежит отнести воспоминанія Пѣлей о встрѣчѣ в Ц. С. с солдатами, которые шли на митинг для рѣшенія вопроса об отправкѣ Царя в ссылку

наго центральнаго комитета» еще задолго до обысков имѣла за членами царствовавшаго дома негласное наблюденіе. На Пасху нѣсколько лиц из «секретной комиссіи» ѣздили в Ялту для производства тайнаго разслѣдованія по поводу появившихся в «бульварной прессѣ» сообщеній о каких-то съѣздах и совѣщаніях в Ялтѣ и в окрестностях «партіи 33-х». Двум членам комитета было дано секретное порученіе съѣздить в Петербург и изложить Временному Правительству всѣ эти обстоятельства. «Командированные — как утверждал докладчик — п р и в е з л и м а н д а т от Врем. Прав. на имя севастопольскаго центральнаго военнаго комитета, в коем комитету вмѣстѣ с правительственным комиссаром поручалось принять надлежащія мѣры к предотвращенію попыток контр-революціи. Между тѣм агитація уличной прессы разрослась во всю; появились на сцену какіе-то таинственные автомобили, появились разсказы о том, что Н. Н. появляется запросто в Ялтѣ, угощает мальчишек конфетами(!!), всячески заигрывая с населеніем»... Комитетом был «разработан план внезапнаго обыска на виллах членом дома Романовых». Этот обыск и был произведен 27 апрѣля. Кромѣ «Гагры», имѣнія Ник. Ник., «Дюльбер» — имѣнія Петра Н. и «Ай-Тодор», гдѣ жила Марія Фед., Алекс. Мих. с семьей и Романовскіе, были обысканы дома нѣсколькихъ частных лиц, главным образом с нѣмецкими фамиліями, названных в газетных сообщеніях. Общее количество отобранной переписки равнялось приблизительно 20 пудам. Докладчик не скрыл от делегатов собранія, что во время обысков имѣли мѣсто печальные случаи похищенія часовыми цѣнных вещей. По его распоряженію обыскивавшіе в свою очередь были обысканы, при чем почти все пропавшее было найдено. Ялта в день обысков была страшно возбуждена. Являлась масса добровольных доносителей, которые требовали обысков в различных домах, заявляя, что там будут открыты нити заговора. По распоряженію руководителей отряда эти обыски, не давшіе никакого результата, были прекращены. Послѣ обыска «члены царствовавшаго дома» были объявлены не то под домашним арестом, не то под «сильным гласным надзором». Обо всем вышеизложенном было доведено до свѣдѣнія правительства, и военный комитет выжидал соотвѣтствующих указаній из центра. Конца эпопеи мы в точности не знаем. Извѣстно, что англійскій посол, освѣдомленный имп. М. Фед. через одного швейцарца об обыскѣ, сдѣлал, по его словам, «серьезное представленіе нѣкоторым членам правительства по поводу этого возмутительнаго случая». Посол утверждает, что по его настоянію в Ялту был послан спеціальный комиссар по разслѣдованію всего дѣла. Дѣло о контрреволюціи «партіи 33» кануло в Лету. Великіе князья продолжали спокойно жить в своих имѣніях и, повидимому, их никто больше не безпокоил...

Прошло почти три недѣли. На новом совѣщаніи в Петербургѣ делегатов с фронта 17 мая неожиданно всплыл вопрос об условіях, в которых содержится бывшій Царь. Собрались представители 90 частей. И вот делегат 4-го стрѣлковаго полка царскосельскаго гарнизона, солдат Бѣлянскій, представлявшій «фронт», но по

заявленію предсѣдателя, не представившій удостовѣренія, что он дѣйствительно является уполномоченным частей, несущих охрану, выразил недовольство тѣм, что надзор за Николаем II ослаблен — заключенные гуляют по парку, Императрицу вывозит в колескѣ матрос, караул солдат пребывает в 20 шагах от заключенных, пищу Царь получает самую лучшую («развѣ только птичьяго молока нѣт»). Выступавшій затѣм делегат потребовал заключенія Царя в Петропавловскую крѣпость. Ему возражали, указывая, что у делегатов нѣт полномочій «кого бы то ни было судить и кому бы то ни было мстить». Член Исп. Ком. Добраницкій пояснил собранію, что Исп. Ком. рѣшил «не переводить Николая Романова в Петропавловскую крѣпость, чтобы не сдѣлать его мучеником. Только тогда, когда вся организованная революціонная Россія выразит желаніе, чтобы Царь был заключен в тюрьму, Исп. Ком. осуществит это желаніе». На вопрос, не оказывают ли послы иностранных держав давленіе на Комитет, Добраницкій отвѣтил отрицательно. В результатѣ споров совѣщаніе постановило при «большом количествѣ воздержавшихся» «требовать от предстоящаго всероссійскаго съѣзда совѣтов заключенія бывшаго Царя Николая Романова в Петропавловскую крѣпость». Боюсь, что на совѣщаніи делегатов вопрос поднялся только потому, что и. д. командующаго войсками петербургск. округа поручик с. р. Козьмин, человѣк уже близкій к новому военному министру, издал перед тѣм неосмотрительный приказ о том, что караульная служба в Александровском дворцѣ стоит не на должной высотѣ. «Прошу помнить — писал К. в приказѣ — что мы охраняем в Александровском дворцѣ главнаго представителя и виновника того невыносимаго гнета, произвола и насилія, которые с таким трудом сбросил с себя наш народ. Мы отвѣтственны за охрану этих узников перед всей страной»...

24 мая условія содержанія Царя обсуждались, по иниціативѣ большевиков, в рабочей секціи Петроградскаго Совѣта. Обсужденію вопрос, в сущности, не подвергался, так как большинством голосов пренія были отклонены. Попросту большевики внесли предложенія: 1. перевести Царя немедленно в Петропавловскую крѣпость, 2. перевести его семью в Кронштадт, 3. перевести с семьей на золотые пріиски в Сибирь. Представители «народническихъ групп» и меньшевиков о т к а з а л и с ь у ч а с т в о в а т ь в г о л о с о в а н і и в виду «несерьезности» предложеній, — голосовали, слѣдовательно, большевики и им сочувствующіе, присудили перевести Царя с семьей в Кронштодтскую крѣпость.

Это была демонстративная, пустая резолюція, никого и ни к чему не обязывающая. Естественно, что подобныя резолюціи (как и резолюція фронтового совѣщанія) никогда до свѣдѣнія членов правительства не доводились, в Исп. Ком. не поступали. Для того, чтобы опредѣлить объективную цѣнность их, достаточно сказать, что на іюльском съѣздѣ совѣтов вопрос о царской семьѣ не поднимался, хотя тов. предс. Совѣта Анисимов в засѣданіи рабочей секціи 24 мая и говорил, что вопрос о судьбѣ бывшаго Царя должен быть передан на обсужденіе съѣзда и в уличной демонстраціи 10 іюня, как замѣтил Половцев, был плакат: «Царя в крѣпость».

Это умолчаніе тѣм болѣе знаменательно, что съѣзд имѣл повод высказаться, так как предсѣдатель Чрез. Слѣд. Комиссіи выступил на нем с особым докладом о дѣятельности комиссіи. Только Ленин попутно упомянул о Царѣ, когда дѣлал 4 іюня свое знаменитое предложеніе: «арестуйте 50 или 100 крупнѣйших милліонеров». «Достаточно продержать их — по мнѣнію Ленина — нѣсколько недѣль, хотя бы на таких льготных условіях, на каких содержится Николай Романов, с простой цѣлью заставить вскрыть козни, обманныя продѣлки, грязь, корысть, которыя и при новом правительствѣ тысячи милліонов ежедневно стоят нашей странѣ». Извѣстен и «литературный» и парламентскій отвѣт Керенскаго: «что же вы — соціалисты или держиморды стараго режима?»

В маѣ впервые на авансцену выступил и страшный Кронштадт. Это вольная «республика» была ахилесовой пятой не только Правительства, но долгое время и Совѣта. Кронштадт, конечно, сам по себѣ был страшен для заключенных в прославленных казематах, но не для Царскаго Села. Постановленія перманентных митингов на Якорной площади о том, что «Николай Кровавый» должен быть отправлен с «вѣрными холопами» в Кронштадт, оставались наряду с требованіем немедленной конфискаціи земель и непризнанія Временнаго Правительства специфической чертой мѣстной анархо-большевицкой словесности. Кронштадтская демагогія находила отклик и в Гельсингфорсѣ. Так команды линейных кораблей «Республика», «Гангут» и «Діана» 26-го мая постановили добиваться перевода Царя в Кронштадт «для окончательнаго суда над ним» и грозили тѣм, что не намѣрены «шутить» и будут дѣйствовать «открыто силой». Но Кронштадт еще не был Россіей, и поэтому у Керенскаго не было основанія всю главу об арестѣ царской семьи символистически озаглавливать: «La menace de Cronstadt».

С нѣкоторой, быть может, излишней даже скрупулезностью старался я отмѣтить все то, что я мог найти в литературѣ. Думаю, что читатель сможет сам сдѣлать объективный вывод — соотвѣтствовала или нѣт дѣйствительность изображенію, которое дали нам отвѣтственные дѣятели февральской революціи. Конкретных «страшных замыслов» в отношеніи царской семьи не было в то время даже у «крайних элементов совдепа».

2. В позолоченной тюрьмѣ.

Ознакомившись с общественной атмосферой, окружавшей царскосельскій дворец с заключенной в нем царской семьей, вѣрнѣе можно оцѣнить и то, что происходило за позолоченными тюремными рѣшетками внутри дворца (термин «La prison dorée» употреблен Керенским). В книгѣ, изданной в 36 году в цѣлях установленія истины и опроверженія легенд, Керенскій, как мы видѣли, пытается провести положеніе, что в глазах членов правительства «б. Император и его семья не были больше политическими врагами, но лишь человѣческими существами», отданными под их

покровительство. «По мнѣнію кн. Львова, как и по моему, — утверждает автор, — низложенный Императоръ и его семья ни в каком случаѣ не должны были испытывать лишенія и ограниченія в своей частной жизни, если этого не требовала серьезная необходимость, напр., в цѣлях их же собственной безопасности или для успокоенія бурлящих казарм и заводов в Петербургѣ и в Царском Селѣ». Заключеніе в Ц. С. должно было быть временным (très provisoire — подчеркивает автор воспоминаній) до момента отъѣзда семьи в Англію, о котором всемѣрно озабочивалось правительство. Никогда («ни минуты» — скажет Кер. в одном из интервью в «Посл. Нов.») правительство не думало о революціонном судѣ, о возможности политическаго процесса, в котором будет фигурировать в качествѣ обвиняемаго Царь... Подобное утвержденіе, как было указано, находится в рѣшительном противорѣчіи с показаніями самого Керенскаго слѣдователю Соколову, которыя были им даны за 15 лѣт перед изданіем книги, предназначенной для ознакомленія иностранцев. Косвенное противорѣчіе, как увидим, имѣется и в самой книгѣ, посколько рѣчь идет о Царицѣ. В жизни противорѣчіе сказывалось с перваго же момента, когда генерал-прокурор вступил в отправленіе обязанностей по охранѣ царской семьи, возложенной лично на него правительством.

Керенскій ставит порученіе, данное ему, в непосредственную связь с рейдом Мстиславскаго — при нем (отмѣчает мемуарист) таких эскапад больше не было («Издалека»). Ему слѣдовало бы, как будто, упомянуть о соглашеніи Исп. Ком. с правительством, послѣ котораго в совѣтских кругах наступило успокоеніе — об этом нѣт ни слова в воспоминаніях. Порученіе Керенскому, как представителю Совѣта, охраненія царской семьи само по себѣ было логично и цѣлесообразно. Но очевидно в мотивах, вызвавших передачу функціи наблюденія министру юстиціи, было нѣчто и другое. Когда Керенскій вступил в отправленіе этих обязанностей? Отнюдь не непосредственно послѣ возвращенія из Москвы, послѣ инцидента 9 марта и соглашенія между Совѣтом и Правительством. Прошло 10 дней. Генерал-прокурор появился в Александровском дворцѣ впервые 21 марта, а наканунѣ был уволен комендант дворца Коцебу все еще приказом военнаго министра.

Увольненіе Коцебу нѣсколько пріоткрывает закулисную сторону. По словам Кобылинскаго, через лакеев солдаты узнали, что Коцебу подолгу засиживается у Вырубовой, жившей во дворцѣ, разговаривая с ней по англійски. Замѣчено было, что Коцебу передает письма нераспечатанными, вопреки инструкціи. «Боясь эксцессов со стороны солдат,— показывал Кобылинскій — я доложил об этом Корнилову», который отстранил коменданта, возложив эту обязанность временно на Кобылинскаго. Причина отставки, очевидно, была сложнѣе. Возьмем нѣсколько выписок из дневника Нарышкиной, находившейся тоже во дворцѣ, 18-го: «Начался процесс Сухомлинова; боюсь, что он вызовет тяжелыя обвиненія против них, так как они его защищали, насколько могли. Императрица дала неосторожно знать Нинѣ Воейковой, что в чем бы ея мужа ни обвиняли, она ни слова не повѣрит»... «Аня Вырубова привле-

кает к себѣ Коцебу и хочет склонить его к своим интересам, но я думаю, что он не будет введен в обман и извлечет пользу из ея разсказов, потому что он умен и тонок». 19-го... «Опубликованы послѣднія телеграммы Императрицы Государю. Императрица возмущена и, кажется, искренно». 20-го, повторяя, что Вырубова старалась «овладѣть Коцебу», Нарышкина добавляет: «Императрица тоже, по ея совѣту». Вѣроятно, Коцебу попустительствовал тому, что Царица, при содѣйствіи Вырубовой, сожгла нѣкоторыя бумаги. Сжег бумаги и письма и Царь, как он сам отмѣчает в дневникѣ 10 и 11 марта. Слухи эти вышли за предѣлы дворца, как подтверждает Керенскій. Говорили, что во дворцѣ уничтожена масса документов, свидѣтельствовавших об «измѣнѣ и сношеніях с непріятелем». Когда Керенскій посѣтил Дворец 21-го, ему было доложено, по его словам, одним из служащих о сжиганіи бумаг, что показалось подозрительным. Совершенно ясно, что Керенскій до пріѣзда был освѣдомлен об этих слухах, и по его приказу был произведен тщательный обыск в печах и обнаружено большое количество золы. Подверглись допросу служители. По дневнику Бенкендорфа визит Керенскаго носил еще болѣе демонстративный характер. Керенскій был нарочито небрежно одѣт — имѣл по внѣшности вид рабочаго*). Особенно шокировало царедворцев, что министр революціоннаго правительства прибыл в автомобилѣ, принадлежавшем лично Императору и с шофером из прежняго императорскаго гаража (Жильяр). Он прибыл в сопровожденіи 15 человѣк. Начал обход дворца с кухни, гдѣ сказал, что на обязанности слуг слѣдить за тѣм, что происходит во дворцѣ. Сопровождавшіе Керенскаго осмотрѣли подвал, открывали всѣ шкапы В показаніи Соколову Керенскій, не упомянув об обысках, говорил: «я осмотрѣл помѣщеніе дворца, провѣрил караул, дал нѣкоторыя указанія руководящаго характера».

В этот же пріѣзд Керенскаго была арестована и полубольная Вырубова. Арест ея нельзя не сопоставить с бывшим перед тѣм обыском у Бадмаева, совпавшим с интервью Юсупова о том, как

---

*) Этот нарочито-пролетарскій вид Керенскій принял с первых дней революціи — раньше он никогда не ходил в черной тужуркѣ и был «элегантен». Набоков разсказывает, как в его присутствіи Керенскій отодрал углы крахмальнаго воротничка рубашки. Быть может, это было проявленіе той потери «душевнаго равновѣсія», о которой говорит мемуарист. По словам Карабчевскаго на другой день Керенский явился в Совѣт прис. пов. в «рабочей куртке, застегнутой наглухо без всяких признаков бѣлья»... Послѣднее, очевидно, преувеличено. Но и московскій городской голова Челноков, довольно пристрастный в своих пореволюціонных оцѣнках, дает такой «революціонный» облик Керенскаго. Челноков разсказывает, как министр в свой первый пріѣзд в Москву появился у него на квартирѣ «чрезвычайно щегольски одѣтый» — в реденготѣ с атласными отворотами, франтоватом галстукѣ и в высоком воротничкѣ. Имѣл он нѣсколько даже «фатоватый вид» (обычную элегантность Керенскаго отмѣчает и Гиппіус). На другой день утром революціонный министр переодѣлся в грязную, потрепанную, глухо застегнутую куртку австрійскаго образца: «это моя форма» — сказал он (Письмо в «Возрожденіи» 17 авг. 28 г., опубликованное Чебышевым). Как все же не вспомнить слова самого Керенскаго, что не достаточно носить кэскетку, чтобы быть истинным демократом.

Царя опаивали распутинцы настойкой из тибетских трав. Настроеніе против Вырубовой было довольно напряженное: Нарышкина отмѣтила, что послѣ эскапады Мстиславскаго нѣкоторые придворные настаивали на удаленіи Вырубовой из дворца. Но все-таки нельзя присоединиться к мнѣнію современника, что Керенскій ѣздил в Царское арестовывать Вырубову и «спасать ее от самосуда» (Гиппіус). Недаром на другой день послѣ посѣщенія Керенским дворца в газетах появилось сообщеніе, в котором было сказано, что министру юстиціи в качествѣ генерал-прокурора поручено Чрез. Сл. Ком. обратить «особое вниманіе на дѣло Царя».

Не имѣем ли мы права на основаніи изложеннаго опредѣленно заключить, что изъятіе охраны царской семьи из военнаго вѣдомства и передача ея заботам министра юстиціи было не только вызвано политическими мотивами, но что в это время уже намѣчалось «дѣло Царя»? Одна хронологическая поправка, которую необходимо внести в воспоминанія Керенскаго и показанія, данныя им Соколову, сразу вносит ясность в этот вопрос. Во время разслѣдованія дѣятельности окруженія Царицы («Вырубовой, Распутина, Воейкова и др.»), в силу доклада предсѣдателя Слѣдственной Комиссіи о возможном допросѣ императорской четы, министр юстиціи по «собственной иниціативѣ» в цѣлях безпристрастности разслѣдованія рѣшил раздѣлить мужа и жену и изолировать их друг от друга: он вынужден был прибѣгнуть к такой мѣрѣ для того, чтобы не дать возможности им договориться или скрыть что-либо, вѣрнѣе в цѣлях избѣгнуть вліянія А. Ф. на мужа. В теченіе всего разслѣдованія они могли встрѣчаться только в часы ѣды в столовой и в присутствіи посторонних, т. е. в присутствіи дежурнаго офицера. Надо прибавить, что разрѣшалось говорить за столом только по русски и на общія темы (Жильяр). Распоряженіе это, по словам Керенскаго, было сдѣлано в началѣ іюня и имѣло силу в теченіе мѣсяца. За Керенским послѣдовал и Соколов, не имѣвшій в своем распоряженіи достаточнаго матеріала. Между тѣм дневник Николая II устанавливает совсѣм иную дату — а именно 27 марта, т. е. во второй пріѣзд Керенскаго. Запись гласит: «Начали говѣть, но для начала не к радости началось это говѣніе. Послѣ обѣдни прибыл Керенскій и просил ограничить наши встрѣчи временем ѣды и с дѣтьми сидѣть раздѣльно; будто бы ему это нужно для того, чтобы держать в спокойствіи знаменитый С.Р.С.Д. Пришлось подчиниться во избѣжаніе какого-нибудь насилія». Запись Царя подтверждает и запись гофмейстерины, которую Керенскій предварительно вызвал к себѣ: «он мнѣ говорил, что нужно отдѣлить Государя от Государыни. Хочет оставить дѣтей Государю. Я сказала, что Императрицѣ будет слишком тяжедо, если ее разлучат с дѣтьми. Это безусловно необходимо в виду найденных у Ани важных бумаг. Вѣроятно, под вліяніем окружающих ее негодяев глупенькая сдѣлала какую-нибудь неосторожность». Очевидно, под вліяніем Нарышкиной министр юстиціи нѣсколько измѣнил свое первоначальное рѣшеніе. Небезъинтересно сопоставить с послѣдними словами, имѣющимися в записи Царя по поводу свиданія с Керенским, мемуарное заключеніе самого Керенскаго.

Он говорит, что объяснил Царю мотивы этой «жестокости» («dureté» — кавычки мемуариста) и просил Царя, с своей стороны, сдѣлать так, чтобы эта мѣра была осуществлена с минимумом непріятности и посторонняго вмѣшательства.... В одной из своих книг («Révolution») Керенскій говорит, что раздѣленіе мужа с женой произошло на случай, если им придется быть свидѣтелями. «Все прошло спокойно» и «всѣ, с кѣм я разговаривал», отмѣчали благопріятное вліяніе, которое оказало это раздѣленіе на Царя*). «Он стал болѣе оживленным, болѣе счастливым (!) и болѣе довѣрчивым». Узнав от ген.-прокурора, что будет разслѣдованіе и может быть процесс против Императрицы, Царь принял это извѣстіе совершенно спокойно и сказал: «Я не думаю, что Аликс может быть в чем-нибудь замѣшана... Имѣете ли вы какія-либо доказательства»? «Я не знаю — отвѣтил Керенскій — пока еще нѣт».

Память Керенскаго не удержала даты 27 марта, но зафиксировала «начало іюня» для времени, когда Императрица подвергалась изоляціи. Эта дата отпечатлѣлась потому, что в это время у Царя вновь, согласно докладу предсѣдателя Слѣд. Комиссіи, происходила выемка бумаг. 3 іюня Ник. Ал. записал: «послѣ утренняго чая неожиданно пріѣхал Керенскій. Остался у меня недолго: попросил послать Слѣдственной Комиссіи какія-то бумаги, имѣющія отношеніе до внутренней политики. Послѣ прогулки до завтрака помогал Коровиченко (новый дворцовый комендант) в разборѣ этих бумаг. Днем он продолжал э т о в м ѣ с т ѣ с Кобылинским». К лаконической записи дневника Кобылинскій сдѣлал такое добавленіе: «Бумаг было очень много; всѣ онѣ были разложены по отдѣльным группам в порядкѣ. Указывая на бумаги и на группы, по которым онѣ были там уложены, Государь взял одно письмо, лежавшее в ящикѣ, со словами: «Это письмо частнаго характера». Он вовсе не хотѣл изъять это письмо от выемки, а просто взял его, как отдѣльно лежащее, и хотѣл его бросить в ящик. Но Коровиченко порывисто ухватился за письмо, и получилась такая вещь: Государь тянет письмо к себѣ, Коровиченко — к себѣ. Тогда Государь, как это замѣтно было, разсердился, махнул рукой со словами: «ну, в таком случаѣ я не нужен. Я иду гулять». Он ушел. Коровиченко отобрал бумаги, какія счел нужным отобрать, и доставил их Керенскому».

Приведенные факты показывают, что «лишенные свободы» представители старой династіи должны разсматриваться, как политическіе заключенные, как подслѣдственные, которым еще не предъявлено обвиненіе. При таком положеніи условія их заключенія, весьма возможно, должны быть признаны неизбѣжными и, быть

---

*) Несуразная (рѣшительно во всѣх отношеніях) мѣра, придуманная министром юстиціи, в дѣйствительности длилась очень недолго. Мемуарист ошибся, когда говорил о мѣсяцѣ. Дневник Царя устанавливал, что уже 4-го апрѣля Царица вышла на общую прогулку, а Бенкендорф отмѣчает ликвидацію этой мѣры 12 апрѣля послѣ новаго появленія Керенскаго в Ц. Селѣ. Было, повидимому, намѣреніе изолировать Царя другим путем, по крайней мѣрѣ Бьюкенен со слов Милюкова сообщил Бальфуру, что Царь переведен в Петроград.

может, цѣлесообразными. Они не могут быть признаны логическими и вытекающими из сущности дѣла, если на «лишеніе свободы» представителей династіи смотрѣть с точки зрѣнія гуманной, охраны их интересов и их безопасности, так как ссылки на народную стихію явно преувеличены и в силу этого неубѣдительны. Керенскій сам себѣ противорѣчит, когда разсказывает о демонстраціи, которая была устроена в страстную пятницу в Царском Селѣ в день похорон жертв революціи. Церемонія должна была происходить в одной из больших аллей царскосельскаго парка, недалеко от дворца, как раз против аппартаментов, занятых царской семьей, так что Царь из окон своей «позолоченной тюрьмы» не мог не увидѣть, как его охрана с красным знаменем отдает послѣдній долг павшим в борьбѣ за свободу. Это должно было явить собой манифестацію, исключительную по силѣ драматизма (poignante et dramatique). В это время гарнизон был еще хорошо дисциплинирован, и бояться каких-нибудь безпорядков не приходилось. Керенскій ссылается на постановленіе царскосельскаго совѣта об организаціи, по примѣру Петербурга, офиціальнаго торжества похорон жертв революціи, но повсюду говорит «мы», из чего приходится предполагать, что показательная демонстрація произошла, ссли не по иниціативѣ, то при ближайшем участіи членов правительства. Царь был взволнован — разсказывает мнистр, на котораго была возложена забота о заключенных, и просил устроить похороны внѣ дворцовой территоріи или, по крайней мѣрѣ, не в день Великой пятницы («La Révolution»).

Министр юстиціи, которому была поручена забота о заключенных в царскосельском дворцѣ, утверждает, что им лично была разработана и инструкція, которой должна была руководиться охрана, и которая имѣла цѣлью избѣжать всѣх ненужных ограниченій*). В показаніи слѣдователю и в воспоминаніях он приводит и основанія, на которых базировалась инструкція. В сущности это в основном дословное повтореніе инструкціи, подписанной Корниловым. Слѣдовательно, надо предположить, что первая инструкція лишь формально была подписана главнокомандующим, и что она разработана была в министерствѣ юстиціи — другими словами, очевидно, до отъѣзда Керенскаго в Москву. А это означает, если слѣдовать воспоминаніям Керенскаго, что рѣшеніе об арестѣ Царя правительством фактически, дѣйствительно, было принято раньше, чѣм состоялось формальное постановленіе. Слѣдователь Соколов не знал инструкціи, подписанной Корниловым, и воспроизводил дѣйствовавшую инструкцію по показаніям Керенскаго и по экземпляру, который в «разорванном видѣ» случайно попал ему в руки в Екатеринбургѣ. Он утверждал, очевидно, со слов Керенскаго — что эту инструкцію министр составил «лично». В ней заключались, между прочим, дѣйствительно, «совершенно излишнія» подробно-

*) По дневнику Бенкендорфа, «инструкція» столь строго соблюдалась, что ген. Корнилов не разрѣшил даже переправку писем Бенкендорфа кн. Кочубею и ген. Волкову, касающихся регламентаціи частнаго императорскаго имущества, в силу чего Царь настаивал через Коцебу о вызовѣ Львова или Гучкова.

сти, вплоть до перечисленія блюд, которыя может употреблять семья, вплоть до требованія воздержаться от употребленія «горячих закусок». Внушалось, что Царь в заключеніи должен быть «скромен».

Эти обрывки бумаги с остатком текстов приказов по царскосельскому дворцу с каким-то подобіем «табеля о рангах» для кушаній видѣл в Екатеринбургѣ и проф. Диль, которому пришлось принять в Сибири участіе (до передачи дѣла Соколову) в охраненіи «царских бумаг». Я не увѣрен, однако, что эта инструкція дѣйствительно февральскаго происхожденія (так она несуразна для этого времени), возможно, что она происхожденія тобольскаго, когда, по словам коммиссара Врем. Прав. при царской семьѣ, Панкратова, в Тобольскѣ начались жалобы на скупку продуктов царской кухней.

Своею цѣлью генерал-прокурор ставил полную изоляцію арестованных от внѣшняго міра — превратить их в «музейныя фигуры», помѣщенныя под стекло, как выражается он в воспоминаніях. В такія «музейныя фигуры» правращалась не только царская семья, но и вся свита — даже «представители правительства», находившіеся во дворцѣ. Выполнялось это со столь педантической точностью, что даже увольненіе «поваров и лакеев» не могло произойти без санкціи министра юстиціи. Переписка не только перлюстрировалась, но и подвергалась большому ограниченію — Царь не мог, напр., переписываться с матерью (Керенскій отказал англійскому послу в просьбѣ переслать даже М. Ф. нѣсколько писем от сестры ея — англійской королевы, с трафаретной ссылкой на давленіе со стороны «крайних элементов»). Керенскій считает необходимым подчеркнуть, что в стѣнах дворца жизнь вѣнценосцев не подвергалась никаким ограниченіям — скрупулезно сохранялся со всѣми деталями установленный традиціонный этикет. Даже тогда, когда министр Керенскій являлся во дворец, вначалѣ в качествѣ министра юстиціи, а позже в качествѣ предсѣдателя правительства, о пріѣздѣ его предварительно лакей докладывал церемоніймейстеру, послѣдній сообщал Царю, и тот «милостиво» соглашался принять посѣтителя, который и направлялся в рабочій кабинет Императора, сопутствуемый одним из камергеров и скороходами.

Вѣроятно, для царской семьи было бы гораздо лучше, если бы она с самаго начала была помѣщена в болѣе скромныя условія быта (что, повидимому, даже вообще соотвѣтствовало личным вкусам царской четы), ибо вызывающій внѣшній этикет, на каждом шагу входившій в коллизію с дѣйствительностью тюремнаго обихода, с одной стороны лишь подчеркивал специфичность изоляціи «лишенных свободы», а с другой раздражал «революціонное» чувство тѣх, кто должен был охранять виновника того «невыносимаго гнета», который с таким трудом сбросил с себя «народ»... Все это вело к неизбѣжным конфликтам.

Для воспоминаній революціоннаго «генерал-прокурора» характерно, что он свои заботы о «поварах и лакеях» и т. п. пытается представить в видѣ мѣр, диктуемых только гуманными соображе-

ніями, хотя слишком очевидно, что здѣсь политика стояла на первом планѣ. Мемуаристъ доходитъ до такого фантастическаго преувеличенія въ разсказѣ о томъ, какъ всѣ «вѣрноподданные» оставили царскую семью, что утверждаетъ, что даже больныя дѣти оказались безъ присмотра, и что Времен. Прав. вынуждено было принять на себя заботу по оказанію необходимой медицинской помощи. На одномъ изъ своихъ публичныхъ докладовъ 36 года Керенскій, по словамъ газетнаго отчета, выразился сильнѣе и сказалъ, что Царь очутился въ такомъ жутком одиночествѣ, что «революціонеры бѣгали въ аптеку» для больныхъ дѣтей... Тутъ мемуаристъ забываетъ объ инструкціи, имъ разработанной и запрещавшей выходъ изъ дворца всѣмъ попавшимъ въ золотую клѣтку... На такой «гротескъ» не стоило бы обращать вниманія, если бы онъ красной нитью не проходилъ въ объясненіи, которое «ген.-прокуроръ» мартовскихъ дней 17 г. даетъ для будущей исторіи.

Если мемуаристъ вспомнилъ, какъ почти всѣ придворные оставили царскую семью, слѣдуетъ напомнить, въ какихъ формахъ была произведена эта изоляція. По разсказу Кобылинскаго, Корниловъ при посѣщеніи 8 марта предложилъ всѣмъ бывшимъ тамъ по желанію раздѣлить судьбу арестованныхъ или немедленно покинуть дворецъ. Однако черезъ три дня въ военномъ министерствѣ состоялось совѣщаніе, на которомъ участвовалъ Гучковъ, гдѣ происходила чистка и сортировка придворнаго штата, причемъ, какъ сообщали газеты, часть подлежала аресту и заключенію или въ царскосельской тюрьмѣ или въ Петропавловской крѣпости. Газеты передавали, что отдано уже распоряженіе о переводѣ въ крѣпость гр. Татищева, кн. Путятина и полк. Герарди. Сортировка подолжалась въ теченіе трехъ недѣль. По крайней мѣрѣ Царь занесъ въ дневникъ въ страстную субботу 1 апрѣля: ... «Вчера мы простились с 46 нашими, которых, наконец, выпустили из Александровскаго дворца к их семьям в Петроград». Но и послѣ этого штатъ прислуги былъ довольно значительный. Царь записалъ 2-го: «Перед завтраком христосовались со всѣми служащими, а Аликс давала им фарфоровыя яйца, сохранившіяся изъ прежнихъ запасовъ. Всего было 135 человѣкъ». Насколько строго соблюдалась изоляція, показываетъ тотъ фактъ, что англичанинъ Гибсъ (состоявшій на ролях воспитателя при наслѣдникѣ), отсутствовавшій въ моментъ ареста, не былъ допущенъ во дворецъ, несмотря на свои настойчивыя ходатайства: отказъ правительства, какъ показывалъ Гибсъ Соколову, былъ подписанъ пятью министрами.

Реальныя условія содержанія тюремныхъ сидѣльцевъ при всѣхъ политическихъ режимахъ зависятъ не столько отъ формальныхъ инструкцій, сколько отъ людей, выполняющихъ обязанности кустодовъ и начальства, надъ ними поставленнаго. Въ смыслѣ личной корректности министръ юстиціи, посѣтившій, по его словамъ, заключенныхъ 8-10 разъ, былъ внѣ упрековъ. Объ этомъ единодушно говорятъ всѣ окружавшіе царскую семью въ заключеніи. По «долгу чести перед Вр. Прав.» онъ считалъ необходимымъ въ обращеніи с Царемъ и его се-

мьею проявлять «черты джентельменства». Нельзя это поставить даже в заслугу министру юстиціи — по другому не мог поступить демократ, принадлежавшій к кругу квалифицированной интеллигенціи. Наблюдавшіе непосредственно взаимныя отношенія Царя с министром революціоннаго правительства свидѣтельствуют, что если в первое свое посѣщеніе Керенскій держался болѣе или менѣе холодно и офиціально, то потом отношенія смягчились и приняли характер большей мягкости с одной стороны (Керенскій перестал принимать «позу судьи», по выраженію Жильяра), и «довѣрія» — с другой. Нарышкина 12 апрѣля записывает отзыв Императрицы: «Керенскій симпатичный, прямой, с ним можно сговориться»*).

«Око» генерал-прокурора в Александровском дворцѣ, военный юрист Коровиченко, смѣнившій на посту коменданта отставленнаго Коцебу и связанный личными отношеніями с министром, оставил по себѣ двойственное впечатлѣніе: «семья не очень любила его — показывал Кобылинскій, — хотя я по совѣсти должен засвидѣтельствовать, что Коровиченко в общем хорошо относился к семьѣ и дѣлал все, что мог, чтобы облегчить ея положеніе. Он, напр., выхлопотал позволеніе им работать в огородѣ, кататься на лодках». «Какой милый комендант» — скажет про него Нарышкина. И тѣм не менѣе «никто не жалѣет об его уходѣ» — запишет Царь 27 мая. Причиной, повидимому, была нѣкоторая грубоватость и безтактность, свойственная коменданту.

Как держал себя караул среди взбаламученнаго моря революціонных страстей, от которых по порученію Времен. Прав. охранял царскую семью министр юстиціи? Дать правдивую картину здѣсь труднѣе всего, ибо всякій мемуарист излагает свои впечатлѣнія под опредѣленным углом зрѣнія. И все же лица из царскаго окруженія дадут болѣе правдивую картину, чѣм нарисует ее мемуарное перо генерал-прокурора, наблюдавшаго жизнь царскосельских узников со стороны. Мемуаристы из свиты, отмѣчая разнузданность революціонной солдатчины, охотно будут говорить о каждом проявленіи простого человѣческаго чувства в этой средѣ и подчеркивать всѣ случаи, свидѣтельствующіе о непринужденности, которая постепенно устанавливалась между заключенными и стражей, — для того, чтобы опровергнуть «ненависть» к династіи: это явленіе наносное, порожденное только пропагандой и исчезавшее при непосредственном соприкосновеніи с жертвами людской несправедливости. Генерал-прокурор имѣл другую цѣль в своих воспоминаніях: подготовить читателя к объясненію, почему правительство, лишившись возможности отправить царскую семью в Англію, вынуждено было выбрать для ея мѣстожительства Сибирь. Как для объясненія самаго факта ареста Царя, он ударял по клавишам прошлаго, совершенно не считаясь с резонансом, который

*) Почти в тѣхъ же словах передавал Соколову отзыв Царицы и камердинер Волков: «он славный человѣк. С ним можно говорить». Нарышкина, очевидно, со слов доктора Деревѣнко, говорит, что Керенскій в присутствіи делегатов напускал на себя грубость, а наединѣ даже титуловал заключенных.

от этого получается, так поступает он и для объясненія условій, в которых протекало заключеніе, и которыя настоятельно требовали во имя безопасности заключенных от Правительства тобольской мѣры. В полное отрицаніе собственной концепціи революціи, которая должна свидѣтельствовать о том, как правительство постепенно одерживало верх над разбушевавшейся стихіей и вводило ее в рамки порядка и законности, в отношеніи Царскаго Села он склонен форсировать вліяніе этой стихіи. Только рѣшительность и опредѣленность правительства охраняли царскую семью от всѣх эксцессов, им грозивших от народной ненависти, и дѣлали временное заключеніе в царскосельской золоченой клѣткѣ спокойным, а для Царя, быть может, даже пріятным. Он спокойно смѣнил скипетр на лопату садовника. Всѣ, кто наблюдал Царя в дни «плѣненія», единодушно утверждают — пишет Керенскій — что в теченіе всего этого періода бывшій Императоръ был по большей части в спокойном настроеніи и даже веселым; как будто новыя условія жизни являлись для него источникам благоденствія. Он пилил дрова, работал в саду или огородѣ, катался на лодкѣ с дѣтьми, вечером громко читал семьѣ. Тяжелое бремя пало с его плеч, он был болѣе свободен, не чувствовал стѣсненія. И это было все, что ему было надо».

Может быть, Керенскій был бы во многом прав, если бы не прибѣгал к методу, присущему его воспоминаніям — к крайнему преувеличенію. Когда он ссылается на мнѣніе всѣх, наблюдавших Царя в заключеніи, он, вѣроятно, имѣет в виду Нарышкину, с которой имѣл повод говорить послѣ отъѣзда царской семьи в Тобольск. Нарышкина, дѣйствительно, отмѣтила однажды в своем дневникѣ (27 апрѣля), что Царь ей сказал, что он вполнѣ доволен своим положеніем. «Было ли искренне сказано?» — задает себѣ вопрос гофмейстерина*)... Царская чета, как отмѣчает она, обладала прямо «непостижимым» самообладаніем. В сущности сам Николай II дал опредѣленный отвѣт своей записью в дневник 9 мая — в день своего рожденія: «тяжело быть без извѣстія от дорогой мамы, а в остальном мнѣ б е з р а з л и ч н о Мнѣ кажется, безразличіе к окружающим уколам самолюбія вѣрнѣе передает психологію отрекшагося Императора в період заключенія, нежели утвержденіе, что Царь послѣ отреченія почувствовал «вкус к жизни» (так передавал Гибс проф. Пэрсу, написавшему предисловіе к книгѣ Керенскаго). Труднѣе переживала заключеніе Ал. Фед. Она говорила Нарышкиной (25 марта), что «Государь должен был отречься для блага родины. Если бы он этого не сдѣлал, началась бы гражданская война — это бы вызвало осложненія в военное время. Самое главное это благо Россіи»**). Царица надѣялась на контр-революцію — как не раз отмѣчает в дневникѣ Нарышкина.

---

*) Эти именно слова Нарышкина передала Керенскому. В изложеніи Керенскаго все получает болѣе категорическую форму — Нарышкина уже опредѣленно утверждает, что в «устах Царя приведенныя слова отнюдь не были внѣшней позой».

**) Жильяр записывает 20 марта: когда священник молился об успѣхѣ русской и союзной арміи, Царь и Царица и всѣ спускались на колѣни.

Спокойная и мирная жизнь во дворцѣ была как бы искусственно создана, и поэтому установленный порядок много раз нарушался все сильнѣе и сильнѣе поднимавшимися волнами бурлящаго революціоннаго океана. Населеніе собиралось у рѣшеток в парк, гдѣ гуляла царская семья и выло (hurlait) и свистѣло при появленіи Царя. Прогулки царских дочерей сопровождались фривольными комментаріями. В самом паркѣ стража, нарушая регламентированный порядок, толпилась около плѣнников, выказывая грубо им свое презрѣніе. Не будем, однако, очень преувеличивать. Негодующія толпы, грубость охраны, и т. д., о чем разсказывает Керенскій — все это обобщеніе отдѣльных случаев. И, быть может, не всегда это было так грубо и страшно. В первых числах апрѣля, в дни пасхальной недѣли, Царь отмѣтил в дневникѣ «большую толпу зѣвак» за рѣшеткой, которая «упорно» наблюдала за гуляющими. Жильяр разсказывает (также в дневникѣ), что караульный офицер подошел и сказал, что «опасается враждебных демонстрацій» и просил уйти. «Государь отвѣтил ему, что совершенно не боится, и что эти добрые люди ему нисколько не мѣшают». Очевидно, офицер настаивал, и Царь записал: «пришлось уйти и скучно провести остальное время в саду». Допустим, что истина, как часто это бывает, находится гдѣ то посерединѣ. И все-таки назойливое любопытство зрителей, улюлюканіе скорѣе уличных хулиганов, легко, а иногда даже с охотой разгоняемых стражей*), — явленіе нѣсколько иного порядка, чѣм негодующія толпы народа. Разсказам о грубости охраны в паркѣ, выявлявшей свое презрѣніе бывшим властелинам, мы можем противопоставить фотографическую пленку (их не мало было сдѣлано в Ц. С.), зафиксировавшую сантиментальную сцену поднесенія букетика цвѣтов караульным начальником одной из царских дочерей.

Как ни скуден своими отмѣтками дневник самого главы семьи, он дает, пожалуй, наиболѣе вѣрное указаніе для характеристики положенія заключенных. Каждый, побывавшій в тюрьмѣ, знает, какое огромное значеніе для заключенных имѣет состав караульнаго наряда — бывают наряды хорошіе и плохіе; строгое соблюденіе всякой «инструкціи» может отравить существованіе заключенных. Это общее правило подтверждают систематическія отмѣтки в дневникѣ с первых же дней: «пакостный караул», «хорошій караул»... когда караул «пакостный», тогда всегда возможны придирки, грубость, недоразумѣнія по всяким поводам, тогда «инструкція» толковалась ограниченно, тогда за заключенными на прогулкѣ по пятам ходит «цѣлый конвой», и режим становится строже; когда караул «хорошій» — ни один стрѣлок не шляется по парку, гуляющих сзади сопровождает лишь дежурный офицер, караул (и офицеры и солдаты) нерѣдко сами помогают в работѣ по огороду, по пилкѣ дров и т. д. Худшіе держат себя вызывающе, курят, разваливаются; хорошіе, привыкшіе к семьѣ,

*) О таком показательном случаѣ разгона улюлюкающей толпы в 50 человѣк разсказывает кап. Булыгин, удаленный за свой «монархизм» из запаснаго батальона и оказавшійся в рядах царскосельской охраны.

если и держат себя непринужденно, сгруживаются на землѣ около Царицы, которая сидит тут же в креслѣ возлѣ работающих в саду, добродушно бесѣдуют (разсказ Волкова). Замѣтное улучшеніе состава караула — «разницу огромную» Царь отмѣчает в іюлѣ (обратим на это вниманіе), когда из Царскаго Села на фронт ушли маршевыя роты и взамѣн с фронта от каждаго полка было прислано по 300 человѣк. Характеристику, сдѣланную Керенским, караула, в значительно смягченном видѣ подтверждают показанія Кобылинскаго. Он разсказывал о постепенной деградаціи дисциплины в царскосельском гарнизонѣ и слѣдовательно в царской охранѣ. Кобылинскій, замѣнившій Коровиченко послѣ его ухода, тепло относился к узникам, своей мягкостью снискал довѣріе и привязанность всей семьи, и должен быть признан достаточно авторитетным свидѣтелем. Однако, для опредѣленія объективной цѣнности показанія, мы должны учесть психологію момента, когда давались показанія, и то, что в воспріятіи Кобылинскаго нѣсколько перепутались хронологическія даты фактов, им отмѣченных. «Я разсказал все, что мог припомнить о царскосельском періодѣ заключенія августѣйшей семьи» — заявил он, в своем показаніи 6 апрѣля 19 г. Приведем in extenso ту часть его показанія, гдѣ отмѣчаются отрицательныя стороны быта царскосельских узников, поскольку онѣ зависѣли от караука. «Один из офицеров напился как-то пьяным. Когда подошла Пасха, по установившемуся уже издавна обычаю, дежурному офицеру выдавалась на день полбутылка столоваго вина. Так было и на этот раз. Узнав об этом, солдаты подняли цѣлую исторію. Пришлось тогда же вылить 50 бутылок водки. Как то они обвинили пр. Зеленаго в том, что он поцѣловал у Государя руку. Из-за этого вина и из-за послѣдняго случая возникло тогда цѣлое «дѣло» и производилось цѣлое разслѣдованіе. Распускаясь все болѣе и болѣе, совсѣм уже одурманенные лживым пониманіем «свободы», солдаты стали выдумывать всякія небылицы. Недостойно вел себя преимущественно 2-ой полк, причем отличались не одни солдаты, но и офицеры*). Однажды кѣм то из офицеров второго полка было заявлено: «мы их должны сами видѣть. А то они арестованы, а мы их не видим». Очевидно, желаніе причинить напрасныя моральныя муки, может быть даже просто «мѣщанское» любопытство видѣть августѣйшую семью прикрывалось якобы опасностью, что семья сбѣжит**). Напрасно я уговаривал не дѣлать этого, так как от больных дѣтей никуда не убѣгут родители. Опасаясь, что в концѣ концов, все это

*) Отмѣтка Царя 16 мая, что и во втором батальонѣ были хорошіе караулы.

**) Весьма возможно, что это требованіе явилось формальным исполненіем новой инструкціи. Не имѣя ея в полном видѣ, мы не можем установить, как по ней должна была происходить провѣрка заключенных. В газетах были сообщенія (Рус. Вѣд. 19 марта), что по новой инструкціи предполагается охранѣ вмѣнить в обязанность в теченіе дня 2-3 раза удостовѣриться в присутствіи заключенных. Коменданту поручается совмѣстно с Бенкендорфом выработать соотвѣтствующую форму. Жильяр отмѣтил, что распоряженія мѣняются ежедневно, и что каждый из караула толкует инструкціи на свой лад.

может случиться и помимо меня, я обратился за разъясненіями к ген. Половцеву, смѣнившему тогда Корнилова*). Было рѣшено сдѣлать таким образом: когда придет новый караульный офицер для смѣны кончившаго караула, они оба будут у Государя в присутствіи Государыни, причем смѣнявшійся с караула будет прощаться, а новый здороваться. Чтобы выходило это менѣе всего тягостно, рѣшено было всю эту процедуру продѣлывать перед завтраком, когда обыкновенно семья сходилась вмѣстѣ**). Но вот однажды, когда второй полк смѣнил первый, и оба офицера отправились к Государю, Государь простился с уходившим из караула офицером перваго полка, подав ему руку. Когда же он протянул руку караульном офицеру второго полка, тот отступил шаг назад и не принял руки Государя. Его рука повисла в воздухѣ. Чрезвычайно страдая, вѣроятно, от скорби, Государь подошел к этому офицеру, взял его за плечи обѣими руками и со слезами на глазах сказал ему: «голубчик, за что же?» Снова отступив шаг назад, этот господин сказал Государю: «Я из народа. Когда народ вам протягивал руку, вы не приняли ее. Теперь я не подам вам руки». Об этом я передаю вам со слов офицера перваго полка, бывшаго очевидцем всей этой возмутительной исторіи***).

Разложеніе, по мѣрѣ углубленія революціи, шло все далѣе и далѣе. Солдаты не знали, к чему придраться, и изыскивали под разными серьезными предлогами разные поводы причинить какую-либо непріятность царской семьѣ. Однажды они увидѣли в руках Алексѣя Ник. маленькое ружье. То была винтовка модель, сдѣланная спеціально для него на каком-то русском заводѣ. Она была совершенно безопасна, так как из нея можно было бы стрѣлять только особыми патронами, которых не было. Сейчас же они потребовали отобранія винтовки. Это были солдаты все того же второго полка; офицер ... тщетно доказывал им нелѣпость их требованій, но, чтобы избѣжать насилія, котораго вполнѣ возможно было ожидать от них, он взял у Ал. Ник. ружье. Когда я пришел послѣ этого во дворец, Жильяр и Теглева разсказывали мнѣ об этом инцидентѣ и сообщили, что А. Н. «плачет». Тогда я взял к себѣ винтовку и по частям перенес ее ему****). В концѣ концов солдаты, а через них и мѣстный царскосельскій совдеп, окончательно перестали мнѣ довѣрять и назначили выбраннаго ими мнѣ в помощники прап. армянина Домодзянца. Это был грубый человѣк. Он всячески домогался как нибудь втиснуться во дворец, куда я его упорно не допускал. Тогда он стал постоянно торчать в паркѣ

*) То-есть в концѣ мая.

**) По тогдашним газетным свѣдѣніям установился порядок, что Ник. Ал. и А. Ф. в 12 час. дня и 7 час. вечера подходили к окну с цѣлью показать себя карсульному начальнику.

***) Случай этот был, как можно установить, с прапорщ. Яронима 24 апрѣля, когда Кобылинскій не выполнял еще функціи коменданта дворца. Очевидно, в воспріятіи Кобылинскаго смѣшивалось, что было при нем и что он слышал раньше. Бенкендорф занес этот эпизод на страницы своего дневника, но отмѣтил его 21 апрѣля нов. ст. По его словам это был «любитель» из совдепа, нарядившійся в одѣяніе стрѣлка.

****) Инцидент этот был 3 іюня.

в то именно время, когда семья выходила на прогулку. Однажды, когда Государь, проходя мимо него, протянул ему руку, он не принял руки Государя и заявил, что он не может по должности пом. коменданта подавать руку Государю. Поставленный в извѣстность об этом происшествіи Керенскій как-то прибыл в Царское и пригласил к себѣ предсѣдателя мѣстнаго совдепа (не по поводу этого инцидента, а по какому то другому поводу). Послѣдній в разговорѣ сказал Керенскому: «позвольте вам доложить, г. министр, что мы выбрали в помощники коменданта прап. Домодзянца». Керенскій отвѣтил: «Да, я знаю. Но неужели же вы не могли выбрать другое лицо, а не такое?» Но осталось так, как было: власти не было и у самого Керенскаго. Вот этот то Домодзянц и научил солдат не отвѣчать Государю на его привѣтствіе, с которым он обыкновенно обращался к солдатам. Тѣ, конечно, и продѣлали подобную вещь. Это, конечно, были солдаты второго полка. Пришлось мнѣ просить Государя не здороваться с солдатами, так как по тѣм временам ничего нельзя было подѣлать с ними, и Государь перестал привѣтствовать солдат»*).

Немного эпизодов мог припомнить дворцовый комендант за пятимѣсячное пребываніе в Царском Селѣ. Если мы прибавим еще два эпизода, проходящіе в различных варіяціях через всѣ воспоминанія, то это будет почти все болѣе или менѣе яркое, что отмѣтили современники. На одном из этих эпизодов останавливается Керенскій, относя его к первым дням. В дневникѣ Царя и Жильяра он отмѣчен под 10 іюня: «Вечером около 11 часов — записал Царь — раздался выстрѣл в саду. Через ¼ часа караульный начальник попросил войти и объяснил, что часовой выстрѣлил, так как ему показалось, что из окна дѣтской спальни происходят сигнализаціи красной лампой. Осмотрѣв расположеніе электрическаго свѣта и увидя движеніе Анастасіи своей головой, сидя у окна, один из вошедших с ним унтер-офицеров догадался, в чем дѣло, и они, извинившись, удалились». Жильяр назвал этот случай «забавным», «нарушившим однообразіе нашего заключенія». Другой эпизод, дѣйствительно, относящійся к первым дням, разсказан Жильяром (запись 19 марта): «Нѣсколько дней тому назад, выходя от Ал. Н., я встрѣтил человѣк десять солдат, бродивших по корридору. Я подошел к ним и спросил, чего они хотят. — Мы желаем видѣть Наслѣдника. — Он в постели и его видѣть нельзя. — А остальные? — Они тоже больны. — А гдѣ Царь? — Я не знаю. — Пойдет он гулять? — Я не знаю. Но послушайте, не стойте тут, не надо шумѣть, вѣдь здѣсь больные. — Они вышли на цыпочках и разговаривая шопотом»...**).

---

*) Это было 21 іюня. О Домодзянцѣ в дневникѣ Царя ничего нѣт. Упоминается общій нелюбимец прап. Шумович 2-го полка. О Домодзянцѣ имѣется упоминаніе в «дневникѣ» Наслѣдника с соотвѣтствующим браннымэпитетом, который комментатор «Посл. Нов.» назвал «мѣтким русским словом». «Дневник» наслѣдника от имени его вели попеременно Жильяр и Гибс. (См. Свидѣтельство Диля).

**) Можно пройти мимо полуистерическаго разсказа Вырубовой от 8 марта — день пріѣзда Царя. Царь вышел гулять вмѣстѣ с кн. Долгоруким.

Мнѣ кажется, что с нѣкоторым правом можно сказать, что царская семья в общем жила в условіях своей своеобразной политической изоляціи довольно спокойно в Царском Селѣ, и что царскосельских узников стали забывать; никакой опасности им не грозило и «menace de Cronstadt», которая так страшила Нарышкину (запись 18 мая), фактически не существовала, поскольку крѣпко держалось само Временное Правительство. Была права Нарышкина в своей записи 14 апрѣля: «Нашему заключенію не видно конца, пока Керенскій тут, можно быть увѣренным, что мы останемся. как теперь». Но едва ли правильна оцѣнка, которую дала та же Нарышкина за двѣ недѣли перед тѣм: «правительство дѣлает, что может». Правительству не было основанія создавать тюремную обстановку для царской семьи уже потому, что только в мемуарном воспріятіи революціоннаго генерал-прокурора толпы солдат осаждали ворота дворца и кричали: «распните их».

«Их окружало 6 солдат, которые все время толкали Государя то кулаками, то прикладами, приговаривая: «туда нельзя ходить, г. полковник, вернитесь, когда вам говорят»...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

МУРАВЬЕВСКАЯ КОМИССІЯ*)

1. Двойственная задача.

Министр юстиціи, которому Врем. Прав. вручило судьбу царской семьи, имѣл нѣкоторую слабость к красивым, показным и декларативным формулам не только в воспоминаніях, но и в жизни. Революціонную практику, независимо от личных свойств блюстителя начал свободы, порядка и законности при новом политическом строѣ, трудно было уложить в рамки этих отвлеченных формул. Отсюда возникала коллизія между теоріей и практикой. «Даю слово — сказал по газетному отчету новый министр, посѣтив впервые свое вѣдомство 4 марта — что, когда я оставлю пост... ни один злѣйшій врагъ новой свободной Россіи не осмѣлится сказать, **что во время управленія Керенскаго... право, законъ, и справедливость оставались в этом вѣдомствѣ пустым словом».** Искренній демократ по своим убѣжденіям в теоріи, дѣйствительно, хотѣл «поднять правосудіе на недосягаемую высоту», как сказал он предсѣдателю Совѣта сословія, к которому принадлежал, — извѣстному адвокату Карабчевскому. **Но жизнь ставила сложныя политическія проблемы, которыя ежечасно почти неизбѣжно требовали компромисса****). Не всегда их удачно (рѣчь идет, конечно, не о «технических промахах») умѣл разрѣшить революціонный генерал-прокурор. И далеко не «злѣйшій врагъ» новой свободной Россіи сенатор-цивилист Завадскій написал в воспоминаніях: «в лицѣ Керенскаго судебное вѣдомство пріобрѣло лѣваго Щегловитова». **Приговор несправедлив, ибо мемуарист пытается осудить «микроб революціоннаго насилія» с точки зрѣнія того отрѣшеннаго «юридическаго идеализма», послѣдовательно провести который он сам не мог, соприкоснувшись в своей должности в качествѣ тов. пред-**

*) Эта глава занимает нѣсколько непропорціональное мѣсто в текстѣ. Автор печатает ее без сокращенія не только потому, что дѣятельность Комиссіи в литературѣ освѣщена еще очень мало, но и потому, что характер ея работы оказывал большое вліяніе на судьбу Государя.

**) Революціонная фразеологія была свойственна эпохѣ — так, наряду с декларативными заявленіями министра юстиціи, тов. министра вн. д. Урусов в интервью с сотрудником «Бирж. Вѣд.» заявлял, что политическій сыск отнынѣ изгоняется из государственнаго обихода — и это было в то время, когда старыя тюрьмы стали наполняться новыми политическими заключенными, слугами ушедшаго в небытіе режима.

сѣдателя учрежденной правительством Чрез. Слѣд. Комиссіи с революціонной стихіей. Всѣ абсолютныя истины в революціонное время становятся относительными. Безконечны споры, которые велись в различных правительственных комиссіях и которыми в первое время заполнялись газетные столбцы либеральной печати — о правѣ внѣсудебных арестов, о несмѣняемости судей и т. д., свидѣтельствовали, быть может, о добросовѣстности «юридическаго мышленія», о благородных, но и утопических стремленіях «без замедленія покончить навсегда с позорным наслѣдіем жестокаго времени» («Рус. Вѣд.»), но не о глубоком пониманіи того, что происходило. Конечно, лишь правовое сознаніе, органически связанное с подлинным демократизмом, могло быть прочной гарантіей против злоупотребленій, которыя в зародышѣ нес в себѣ «микроб революціоннаго насилія», и могло положить предѣл ограниченіям, так или иначе оправдывавшимся в переходное время необходимостью защиты новаго, неокрѣпшаго еще, свободнаго режима. Надо признать, что крайне неудачно министр юстиціи мотивировал лишеніе свободы слуг и адептов стараго строя ссылкой на то, что он держит их «под стражей, не как министр юстиціи, а на правах Марата», — так Керенскій отвѣтил, по словам Завадскаго, на его недоумѣніе. «Право» Марата, это — насиліе во имя демагогіи, насиліе ради возбужденія революціонных страстей и народной ненависти. 7 марта в Москвѣ Керенскій гордо говорил, что никогда не будет Маратом русской революціи — по справедливости он им и не был.

Учитывая всю необычайную сложность и трудность позиціи власти, все же надлежит еще раз сказать, что опредѣленной тактики она не сумѣла выработать и в сферѣ революціоннаго правосудія. Двойственность, как вездѣ, отразилась и на дѣятельности созданной уже 4 марта при министрѣ юстиціи, «в качествѣ генерал-прокурора», Верховной Слѣдственной Комиссіи — «для разслѣдованія, как говорилось в указѣ, противозаконных по должности дѣйствій бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц» стараго строя*). Акты окончательнаго разслѣдованія Комиссіи должны были представляться ген.-прокурором для доклада Правительству. Кто будет судить привлеченных в качествѣ обвиняемых, и на основаніи чего будет происходить самое привлеченіе к отвѣтственности — об этом в «положеніи» не говорилось. Косвенное указаніе, конечно, давалось термином — «противозаконныя по должности дѣйствія». Как будто бы сама Комиссія должна была установить на практикѣ предѣлы своей компетенціи. Получалось учрежденіе sui generis, не имѣвшее прецедентов в прошлом, — с весьма неопредѣленными функціями и правами. Предсѣдатель Комиссіи — им был назначен с правами тов. министра московскій прис. повѣренный Муравьев — в позднѣйшем докладѣ на Съѣздѣ Совѣтов в іюнѣ опредѣлил основную

*) Склонный к персонификаціи министр юстиціи говорил в Москвѣ: «Я организую» верховную комиссію «явочным» порядком. Министр потом переименовал верховную комиссію в «чрезвычайную» — очевидно, в цѣлях избѣгнуть аналогіи с дѣлом декабристов.

задачу Комиссіи, как ликвидацію «прегрѣшеній стараго режима». «Эта работа — говорил он — в такой обстановкѣ могла бы оказаться безбрежной и поэтому, болей неволей, нужно было ограничить задачи... По необходимости Слѣдственная Комиссія... взяла в сферу своего вѣдѣнія... только лиц первых трех классов, только высших сановников павшей Имперіи(?)». Функціи Комиссіи, как будто, ограничены. Это «мечь правосудія», как выразились «Русскія Вѣдомости». Но судить представителей стараго режима будут со всѣми «гарантіями правосудія». «Такой акт высокой гражданственности вносит свѣтлую страницу в начавшуюся исторію обновленной Россіи» — писала «профессорская» газета, сравнивая положеніе 17 г. с тѣм, что было послѣ первой революціи — «не будет ни самосуда, ни мести». Комиссія «в высшей степени легко и довольно убійственно для врагов русской свободы и русскаго революціоннаго народа, писал в докладѣ ея предсѣдатель, разрѣшила вопрос о принципѣ привлеченія представителей стараго порядка к отвѣтственности: Было в высшей степени важно этих лиц стараго режима ударить их же собственным оружіем, поставить их в такое положеніе, чтобы они не могли сказать революціонной демократіи, что их судят за то, что не было запрещено в их времена, и что стало запретным с того момента, когда вы вышли на арену міровой исторіи»...*) «Оказалось совершенно возможным цѣликом встать на точку зрѣнія того закона, который существовал в п о с л ѣ д н і е д н и и м ѣ с я ц ы стараго режима. Можно сказать: тѣ законы, которые вы написали, вы же в лицѣ высших и центральных ваших представителей их и нарушали»...

В виду крайней расплывчатости «положенія» предѣлы дѣятельности Комиссіи опредѣлялись толкованіем инструкціи предсѣдателем или закулисным соглашеніем его с министром юстиціи. «Мы разслѣдуем неправильныя по должности дѣйствія... министров, но также ведем разслѣдованіе их политической дѣятельности по основным линіям, вытекающим из манифеста 17 октября в отношеніи к народу, Гос. Думѣ и общественным организаціям и тѣх прав, которыя даны были этим манифестом народу (право собраній, союзов и т. д.)» — разъяснял предсѣдатель Комиссіи б. моск. гор. головѣ Челнокову, вызванному в Комиссію в качествѣ свидѣтеля (допрос 28 іюля). «Мы выясняем неправильныя дѣйствія властей стараго порядка не только с точки зрѣнія уголовной, но и с точки зрѣнія государственной... Народное правительство заинтересовано в том, чтобы знать правду отношенія власти послѣдних лѣт стараго режима к Польшѣ» — расширил рамки разслѣдованія Муравьев при допросѣ свидѣтеля гр. Велепольскаго 14 іюля.

В теоріи говорилось о преступленіях, совершенных в п о с л ѣ д н і е д н и и м ѣ с я ц ы стараго режима», на дѣлѣ Комиссія или ея руководитель склонны были в своем разслѣдованіи отмѣнить принцип «давности» и обращались к столыпинским

*) Упоминаніе о «революціонной демократіи», очевидно, слѣдует объяснить тѣм мѣстом, гдѣ Муравьев дѣлал свой доклад.

временам: быв. мин. юстиціи Щегловитову прямо был поставлен вопрос, как он мог оставаться министром в кабинетѣ Столыпина и продолжать нарушеніе закона*). Здѣсь страдал политическій здравый смысл, ибо патріотическій порыв начала великой войны покрыл, как бы пеленой забвенія, прошлое**) и политическая совѣсть могла бы ставить вопрос о «преступленіях» за годы войны, приведших к разрухѣ, которая вызвала революцію. Но все шире и шире раздвигались рамки — Комиссія не избѣгла опаснаго пути формулировать обвиненіе в преступленіях по должности и в отношеніи тѣх, кто стоял во главѣ борьбы с революціонным движеніем февральских дней. Это было уже наперекор юридической логикѣ, ибо революція была отрицаніем закона, который должны были блюсти представители власти. Составители указа об амнистіи 6 марта прекрасно сознавали это; поэтому они и ввели особый пункт: «предать навсегда забвенію воспрещенныя угол. закономъ дѣянія, совершенныя по политическим побужденіям (за исключеніем побужденій измѣнническаго свойства) в теченіе времени с 23 февраля до изданія указа». Вполнѣ послѣдовательны были тѣ революціонныя организаціи, которыя полагали, что и. I амнистіи ликвидирует всѣ послѣдствія, связанныя с февральскими днями для обѣих сторон: так нарымскіе ссыльные на основаніи указа об амнистіи выпустили арестованных полицейских чинов. Преступленія против мифической «воли народа» нельзя было облечь в соотвѣтствующія юридическія формулы. Преслѣдованіе за содѣянное могло быть проявленіем только политической мести.

В докладѣ, представленном Съѣзду Совѣтов, Муравьев пытался изобразить картину п о с т е п е н н а г о осложненія «скромных» задач, первоначально возложенных на Комиссію, — как бы вопреки волѣ самой Комиссіи: «скромная» работа по выясненію «преступленій» стараго режима превращалась в «громадную изслѣдовательскую задачу». Это не соотвѣтствует дѣйствительности, ибо с первых дней своего существованія Комиссія, вопреки непосредственному смыслу правительственнаго указа 12-го марта, далеко вышла за предѣлы разсмотрѣнія преступленій, совершенных «сановниками нашей Имперіи». Ни тибетскій врач Бадмаев, у котораго постановленіем Комиссіи был произведен обыск 11 марта, ни фрейлина Вырубова, арестованная лично министром юстиціи, не принадлежали к числу должностных лиц «первых трех классов». Еще меньше к числу их могли быть отнесены сами носители верховной власти, на разслѣдованіе дѣйствій которых, по цитированному уже газетному сообщенію, ген.-прокурор 22 марта предписал Комиссіи обратить особое вниманіе.

В показаніях Соколову б. министр юстиціи Врем. Прав. пояснял, что Комиссіи дано было заданіе «обслѣдовать роль Николая II и Царицы по вопросу о наличіи в их дѣйствіях 108 ст. уг. улож., т. е., государственной измѣны». В производствѣ Комиссіи это именовалось туманным названіем «обслѣдованія дѣятельности темных сил».

*) Этот вопрос был поставлен членом Комиссіи Родичевым.

**) См. мою книгу «На путях к дворцовому перевороту».

Только через 2 ¼ мѣсяца так или иначе было оформлено право Комиссіи так широко толковать свою компетенцію. «Положеніе» 12 марта, указом Правительства 27 мая, было дополнено пунктом: «Чр. Сл. Ком. предоставляется право разслѣдовать преступныя дѣянія, учиненныя лицами перечисленными в отд. I сего положенія, хотя бы во время их совершенія лица эти и не состояли в указанных в отд. I должностях и вообще на службѣ, а также и иныя преступныя дѣянія, учиненныя должностными и частными лицами, если Комиссія признает, что преступныя дѣянія имѣют тѣсную связь с дѣяніями, подлежащими разслѣдованію Комиссіи согласно от. I».

«Мы развертываем всю картину послѣдних мѣсяцев и годов павшаго режима» — объяснял в докладѣ Муравьев,— «с извѣстной точки зрѣнія мы ведем широкую разслѣдовательскую работу; другая часть нашей Комиссіи занимается криминализаціей этой работы, а именно: по мѣрѣ развертыванія общей картины, по мѣрѣ объективнаго установленія преступленій, совершенных должностными лицами, смотрит — не подходят ли они под дѣйствіе того или другого уголовнаго закона. Тѣ преступленія, которыя они совершили и совершали в большом количествѣ — эти преступленія очень не сложны в своем юридическом выводѣ. Если вы обратите вниманіе только на заключительныя строки будущих обвинительных актов, вы разочаруетесь — вы скажете: это формула обычнаго злоупотребленія власти, формула бездѣйствія и еще чаще типичная формула превышенія этой власти. Но дѣло не в этом... если вы просмотрите историческія страницы будущих обвинительных актов, вы увидите, что эти, по необходимости схематическія формулы, наполнены таким глубоким и жизненным содержаніем, что нам представляется не важным, что столь незначителен, и сух, и короток, и обычен этот самый наш вывод. Важен тот жизненный комплекс дѣяній данных лиц, та историческая картина правящаго класса и правительственной власти в послѣдніе дни существованія стараго режима, которая предшествует и будет предшествовать на страницах обвинительнаго акта этому краткому, сухому и в сущности такому ненужному даже объективному выводу». «В результатѣ наших разслѣдованій — утверждал докладчик — как бы их ни ограничивать, как бы ни запираться в скромных рамках уголовнаго преступленія, получается документальное доказательство одной тезы, что русской революціи не могло не быть, что русская революція неизбѣжно должна была придти и неизбѣжно должна была побѣдить. Наш матеріал, когда он будет опубликован всецѣло, быть может, покажет и перед вами и перед всѣм міром, что нѣт возврата к прошлому, что мечты о прошлом, если забредают в отдѣльныя головы, разбиваются о тот матеріал, который постепенно стекался в нашу Комиссію».

Но все-таки основным стимулом было созданіе и постановка «процессов», которые «не могут не имѣть мірового значенія». В этом отношеніи гора родила мышь — таков вывод всѣх, имѣвших ту или иную причастность к дѣятельности Комиссіи. В существующей литературѣ нельзя встрѣтить ни одного отзыва, одобрительно

высказывающагося о работѣ муравьевскаго дѣтища. Почему? *) Маклаков, написавшій политическое предисловіе к французскому изданію опубликованных матеріалов Слѣд. Комиссіи и намѣчавшійся первоначально на пост предсѣдателя Комиссіи (он отказался), считает главной причиной неуспѣха то, что в основу разслѣдованій Комиссіи был положен парадокс, что революція может судить своих врагов во имя законов, которые она разрушила — это абсурдная идиллія в революціонную бурю. Маклаков оспаривал таким образом именно то положеніе, которое особливым образом выдвигал предсѣдатель Комиссіи. Логичными Маклакову представлялись лишь два положенія. Правительство могло бы преслѣдовать в таком порядкѣ виновных в преступных дѣяніях по строгости существоваших законов лишь в том случаѣ, если бы революція ограничилась возстановленіем конституціонной законности, нарушенной старым режимом. В противном случаѣ, правительство, пришедшее к власти революціонным порядком, могло бы принять против своих врагов репрессивныя мѣры, не думая об их законности и руководясь только соображеніями общественной безопасности. (Парадокс создался в силу того, что двусмысленно было само положеніе правительства, соединявшаго в себѣ двѣ противоположныя концепціи. Власть попала в руки «умѣренных», которые сдѣлали революцію вопреки своему желанію и разрушили порядок, который пытались защитить). Думается, что не в этой, довольно абстрактной предпосылкѣ лежит причина того, что дѣятельность Чрез. Сл. Ком. никого не удовлетворила.

С другой точки зрѣнія в оцѣнкѣ итогов дѣятельности Комиссіи подошел непосредственный участник ея работы историк Щеголев, редактор и автор предисловія к опубликованным матеріалам Комиссіи: «Созданная революціей Комиссія, писал он, не имѣла сил, да, пожалуй, и не чувствовала охоты возвыситься до революціоннаго отношенія к объекту своих разслѣдованій. Отбросив в сторону средних и низших агентов режима, Комиссія сосредоточила свое вниманіе на особах первых трех классов и обошла молчаніем Царя, «представителя верховной власти». Из двух задач, поставленных Комиссіей, не была выполнена основная задача — собрать слѣдственный матеріал, достаточный для изобличенія и осужденія высших сановников Имперіи. И не потому не была выполнена эта, можно сказать, священная и первая задача Слѣдст. Комиссіи, что работа ея была прервана октябрьской революціей, а потому, что в своей дѣятельности Комиссія была связана по рукам и ногам существовавшим сводом законов и отточенным и ухищренным юридическим мышленіем почти всѣх ея членов. Примѣняя к дѣятельности стараго режима созданные им же законы, Комиссія оказалась стѣсненной законами об амнистіи, изданными Врем. Прав., ибо оказалось, что амнистія, которая по смыслу революціи должна была освободить от отвѣтственности за

*) Конечно, в отзывах значительно сказались точки зрѣнія писавших, которыя преломлялись ими в призмѣ или эмигрантской или большевизанской психологіи.

преступленія, совершенныя во имя борьбы за революцію против правительства, покрыла и преступленія, совершенныя во имя борьбы с революціей за правительство против народа... Связывал дѣйствія Комиссіи и закон о давности. Ни одного процесса (кромѣ Сухомлиновскаго, матеріал для котораго был собран до Комиссіи) Комиссія не поставила, да и жалѣть об этом не приходится: как ни доказывал в своей рѣчи на съѣздѣ Совѣтов предсѣдатель Комиссіи правильность юридческаго подхода, процессы, почти всѣ сводившіеся к «превышенію и бездѣйствію» власти, были бы в революціонное время просто смѣшны. Общее содержаніе преступленій сановников первых трех классов — обман народа, и вдруг это огромное содержаніе оказалось бы замкнутым в формулы бездѣйствія и превышенія власти.

Но не чувствуя ни сил, ни возможности выполнить основную слѣдственную задачу, Комиссія направила свою дѣятельность в область, подвѣдомственную скорѣе ученому историческому обществу, а не Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи — область историческаго разслѣдованія, подбора письменных и устных свидѣтельств к исторіи паденія режима. В этой области работа Комиссіи была много плодотворнѣе, чѣм в криминальной».

Повидимому, редактору «Былого», принявшему сильно большевизанскій облик послѣ октябрьскаго переворота, рисовалось торжественное революціонное судилище, обставленное старинными декораціями эпохи французскаго Конвента, выносившее смертный приговор россійскому Людовику Капету. Подобная декорація была, однако, совершенно чужда мартовским дням, мало соотвѣтствуя настроеніям руководящих кругов демократіи и массы. Яркое подтвержденіе можно найти в том фактѣ, что освѣдомительный доклад Муравьева на съѣздѣ Совѣтов 16 іюня не вызвал, повидимому, каких либо значительных преній (в моем распоряженіи, к сожалѣнію, не было стенографическаго отчета). Никто на съѣздѣ не поднял вопроса, котораго касался в своих комментаріях Щеголев, о том, что Слѣдственная Комиссія оставляла яко-бы внѣ поля своего зрѣнія самого «носителя верховной власти». Съѣзд остался равнодушен к призыву создавать на мѣстах разслѣдовательскія ячейки*). Тот, кто познакомился с докладом Муравьева, хотя бы в приведенных выдержках, должен будет признать, что доклад должен был остаться непонятным для рядовой совѣтской массы. Докладчику на съѣздѣ казалось, что работа Комиссіи «не пропадет» и матеріал, собранный Комиссіей получит «правильную оцѣнку» только в том случаѣ, если он пройдет через суд представителей «широких демократическ их слоев русскаго революціоннаго народа» (Муравьев говорил о необходимости «демократизаціи суда присяжных»). «Толстый осиновый кол на могилу павшаго самодержавія» будет вбит только тогда, когда на скамью подсудимых

*) От министра юстиціи, между прочим, было объявленіе, приглашавшее всѣх граждан нести изобличающіе документы. Мы не имѣем никаких данных, указывающих, что в Слѣд. Ком. поступали соотвѣтствующіе документы со стороны, но зато возможно зарегистрировать расхищеніе документов при обысках, которые производились добровольцами.

будут посажены министры («пусть только они пойдут хотя бы в арестантскія роты»). Докладчик утверждал, что «подавляющее большинство носителей старой власти будет привлечено к отвѣтственности». Когда родственники арестованных спрашивали, почему привлекается один министр и не привлекается другой, «нам приходилось их успокаивать: погодите, до всѣх дойдет очередь»...

Беру смѣлость утверждать, что широким демократическим кругам гораздо ближе была точка зрѣнія, высказанная в свое время лично мною в московской «Власти Народа» по поводу дѣятельности муравьевской Комиссіи. Нас объединяло тогда лишь убѣжденіе, что надо вбить «толстый осиновый кол на могилу павшаго самодержавія», но мы рѣшительно расходились в методах вбиванія этого кола. По мнѣнію профессіональных юристов по самому своему свойству работы Комиссіи не могли быть «гласными», ибо это была предварительная работа коллективнаго слѣдователя для постановки политическаго процесса. На мой взгляд общественный смыслъ Чрезв. Слѣдственной Комиссіи лежал в плоскости противоположной. «Шесть мѣсяцев — писал я — прошло со дня революціи. И надо сказать, что мы в сущности очень мало сдѣлали для того, чтобы раскрыть перед русским обществом в конкретных образах и фактах преступленія старой правительственной власти. За шесть мѣсяцев мы ничего не имѣем от Чрез. Слѣдст. Ком....» «Для русскаго общества безразлично, может ли быть привлечен к уголовной отвѣтственности по той или иной статьѣ идейный провокатор*), »безразлично» совершило ли преступленіе тѣм или иным дѣйствіем Охранное Отдѣленіе. Быть может, еще болѣе безразлично самое возмездіе. Для нас важен государственный быт и возможная для него м о р а л ь н а я о ц ѣ н к а. И мы должны требовать опубликованія д о к у м е н т о в, ввода нас в тайники самодержавнаго лабиринта. Не теряем ли мы, однако, постепенно ключ к этому лабиринту».

Я привел эти выдержки из статьи, современной эпохѣ, потому что они характеризуют третью возможную позицію в оцѣнкѣ работы Чр. Сл. Комиссіи. Общественное значеніе ея лежало, конечно, не в сферѣ «криминальной», которая могла, пожалуй, казаться цѣлесообразной в первый момент революціи, но интерес к этой «криминальной» сторонѣ рѣшительно потускнѣл через шесть мѣсяцев. Всѣ уже были равнодушны к тому, что на скамью подсудимых будут когда-то посажены бывшіе царскіе министры. Это прошлое их уже не интересовало**). Через шесть мѣсяцев гораздо болѣе

*) По словам Завадскаго, Муравьев предполагал привлекать и провокаторов за «превышеніе власти».

**) В августѣ даже такой громкій процесс, как обвиненіе бывшаго военнаго министра в «измѣнѣ» протекал при общем к нему безразличіи. «Вопреки ожиданіям, — писали «Рус. Вѣд.» 11 авг., — в первый день на процессѣ собралось народу «очень мало». «Бѣлый зал Арміи и Флота почти пуст, — сообщал петербургскій «День» 11 авг. — Присутствующіе говорят о злобѣ дня, а не о Сухомлиновѣ». «Никогда за всю мою судебную дѣятельность, — утверждает Чебышев, — мнѣ не приходилось присутствовать на таком скучном процессѣ. Так к нему относилась и публика». Коковцев вспоминает, что когда его допрашивали по дѣлу Сухомлинова зал был «почти пуст» —

интересовались вопросом: будут ли посажены на скамью подсудимых большевики?

Криминалистическая сторона работ Комиссіи служила скорѣе препятствіем к полному расшифрованію тайн и легенд, связанных с ушедшим в прошлое режимом. Совершенно прав, конечно, Маклаков, указывающій на то, что подслѣдственные знали, что непосредственной задачей допрашивавших является не столько выясненіе причин событій, сколько отысканіе виновника, и интересовались в большей степени собственной судьбой, нежели историческими поясненіями. Предсѣдатель Комиссіи при допросах пытался — естественно, безуспѣшно — отдѣлить общественное разслѣдованіе от «криминализаціи» дѣйствій допрашиваемых. Он обращался к ним с трафаретным заявленіем: если бы вы были обвиняемым, если бы вы были свидѣтелем, то имѣли бы право умолчать о нѣкоторых обстоятельствах, но сейчас вы должны совершенно исчерпывающе давать объясненія». Но допрашиваемый, даже не арестованный, знал, что послѣ допроса может послѣдовать «любезное» предложеніе зайти к судебному слѣдователю. Вот характерный діалог (с разными варіаціями повторявшійся не раз) при допросѣ б. мин. вн. д. Хвостова 17 іюля*). Дѣло идет об израсходованіи Хвостовым 1.300.000 р. — грубо говоря, на подкуп печати.

Пред.: Какую же вы газету купили и какое издательство пріобрѣли? *Хв.:* Это — вопрос, который я должен обойти молчаніем. *Пр.:* Это вам не придется сдѣлать. Вы перед Комиссіей, которая должна потребовать от вас отвѣта по должности мин. вн. д. Потрудитесь объяснить, на что вы тратили эти деньги. *Хв.:* Я указал в общем, на что онѣ тратились. *Пр.:* Простите, Ал. Ник., будем говорить, как дѣловые люди... Подумайте, какая и формальная и моральная вина на вас в этом ложится. *Хв.:* Я признаю, что на меня эта вина ложится в смыслѣ так сказать, нарушенія вашего права провѣрки. Но я не вижу, в чем тут вина, если мы дѣйствуем по уставу судопроизводства. Всякій обвиняемый имѣет право не отвѣчать на тот вопрос, который считает невозможным. *Пр.:* Вы здѣсь не обвиняемый... *Хв.:* Но я уже привлечен в качествѣ обвиняемаго. *Пр.: Это дѣло слѣдователя* и вашего разговора с ним. *Хв.:* Называть письменно, кому я давал, не могу. *Пр.:* Почему? *Хв.:* Вслѣдствіе того, что на мой взгляд вы при обратном допросѣ тоже не назвали бы мнѣ лиц... *Пр.:* Мы люди взрослые, Ал. Н., и вы не можете не понимать, что на вас, таким образом, падает подозрѣніе, даже не в денежной растратѣ, а в присвоеніи этих денег... И вы не склоняетесь под тяжестью этого падающаго подозрѣнія? *Хв.:* Не склоняюсь, потому что, по моему убѣжденію, всю массу людей, которая, собственно, ничѣм особым не виновата, опять будут тащить сюда. *Пр.:* Если они не виноваты, почему же их тащить сюда? *Хв.:* Я не хочу просто выдавать сорок или пятьдесят человѣк, которые несомнѣнно пострадают.

были заняты только передніе ряды. «Пустой зал» наполнился только в день рѣчи обвинителя, Носовича. Газеты отмѣчали «эпидемическую неявку» свидѣтелей, успѣвших заболѣть «всѣми человѣческими болѣзнями».

*) В момент допроса Хв. носил званіе члена Думы, нормально охранявшее его «неприкосновенность».

При допросѣ б. предсѣдателя правительства Штюрмера 31 марта, только на допросѣ узнавшаго о существованіи Врем. Пр., признаннаго иностранными державами (об отреченіи ему сообщил комендант крѣпости) и спросившаго предсѣдателя: будет ли достояніем гласности его показаніе, Предсѣдатель отвѣтил: «нѣт, это не станет достояніем гласности». «Мы дѣлаем дѣло большой государственной важности». «Мы всѣ перед громадной отвѣтственностью, которая на нас ляжет. С этой точки зрѣнія... всѣ секреты отмѣняются»...

Двойственныя заданія, которыя были поставлены перед Комиссіей, и привели к тому, что дѣятельность ея мало кого удовлетворила. Разные люди и различные методы изслѣдованія требовались для выполненія каждаго из этих заданій, почти несовмѣстимых друг с другом.

2. Историческое разслѣдованіе.

В области «историческаго разслѣдованія» работа Комиссіи, по мнѣнію Щеголева, была «много плодотворнѣе, чѣм в криминальной. В своих засѣданіях она допросила не только цѣлый ряд подлежащих слѣдствію сановников трех классов, но и цѣлый ряд общественных дѣятелей разнаго калибра: от Родзянко и Гучкова до Бурцева и Чхеидзе. Всѣ допросы были застенографированы. Конечно, показанія и объясненія, данныя в Комиссіи, — разной искренности и разной значительности, но в совокупности они дают богатѣйшій матеріал по исторіи паденія режима, дают подробности и краски для широкаго полотна и дѣйствительно дают разнообразную аргументацію на тему о рѣшительной необходимости русской революціи. И даже тѣ допросы, на которых «особа высших классов», какой либо министр, явно старается отмолчаться и дать минимум фактических свѣдѣній, цѣнны тѣм, что дают характеристику героя допросов. В этих показаніях, допросах и объясненіях встают во весь рост ничтожныя в своей ничтожности зловѣщія фигуры дѣятелей стараго режима, министров и проходимцев, рисуется картина гнуснѣйшаго и отвратительнаго развала. Наканунѣ революціи мы жили не поддающимися провѣркам слухами и разсказами о необыкновенных подвигах этих дѣльцов и, правду сказать, не вѣрилось этим чудесным разсказам и приходилось в умственном представленіи процентов пятьдесят относить за счет сплетнических вымыслов, но прочтите допросы Хвостова, Протопопова, Белецкаго, и вы увидите, что дѣйствительность не только подтверждает разсказы на всѣ сто процентов, но идет и дальше этих «сплетен». С этой точки зрѣнія допросы читаются, как роман».

С выводом Щеголева, на мой взгляд, трудно согласиться, уже потому, что многія наши представленія должны были измѣниться послѣ всего пережитаго за послѣднія двадцать пять лѣт: в дни

стараго порядка мы слишком остро реагировали на то, что рисовалось нам общественным преступленіем*).

Если примѣнить статистическій метод Щеголева, то скорѣе наполовину слѣдует понизить процент достовѣрности, выявленной разслѣдованіем Комиссіи, по сравненію с «чудесными разсказами» и «сплетническим вымыслом», которыми вынуждено было питаться дореволюціонное общественное мнѣніе. (Не так трудно это доказать. Ниже я коснусь одного вопроса — дѣло об «измѣнѣ» представителей высшей власти). Произвести такую сравнительную оцѣнку может только спеціальная работа, которая, вѣроятно, со временем историками будет выполнена при обслѣдованіи всѣх уже матеріалов, прошедших перед Комиссіей, а не только опубликованных пока стенограмм допросов тѣх 52 человѣк, которые давали свои показанія в пленумѣ Комиссіи. Огромное большинство стенограмм этих «опросов» не только не читается, «как роман», но их трудно преодолѣть, так как все цѣнное, что в них имѣется, потонуло в том, что Маклаков назвал «petites choses» — это юридическое крючкотворство подчас имѣет весьма малое общественное значеніе. Я вовсе не хочу преуменьшать историческое значеніе ни документов, попавших в поле зрѣнія Комиссіи, ни интереса, который представляют отдѣльныя показанія, как, напримѣр, откровенная записка б. тов. мин. в. д. Белецкаго. Но для меня сомнительна сравнительная цѣнность обличеній «искренне-раскаявшагося» в своем прошлом темнаго полицейскаго дѣльца стараго режима, недолго предварительно просидѣвшаго в темном карцерѣ за нежеланіе говорить (об этом ниже), и вольно написанных воспомина-

*) Приведем лишь одну иллюстрацію, характеризующую положеніе печати **в эпоху войны.** При допросѣ арестованнаго по ордеру Керенскаго 1 марта тов. мин. вн. д. Плеве в Комиссіи произошел такой діалог: **Предсѣдатель:** По какому поводу вами была запрещена слѣдующая выписка из газеты «Русская Воля»: «Рѣшительно ни о чем писать нельзя. Предварительная цензура безобразничает чудовищно. Положеніе плачевнѣе нежели 30 лѣт назад... Протопопов заковал нашу печать в колодки и болѣе усерднаго холопа реакція еще не создавала (писал это Амфитеатров). Страшно и подумать, куда он ведет страну. Его власть — безумная провокація, рев революціоннаго урагана». Так вот, каким образом возможно было запрещеніе такого мѣста обосновать требованіями закона о военной цензурѣ? Почему указаніе на безумную политику Протопопова... почему это несомнѣнно правильное указаніе подведено было под понятіе свѣдѣній, могущих повредить интересам государства? **Плеве:** Потому что тут, собственно, брань по адресу министра вн. д. Такого рода брань в газетах, конечно, не допускалась военной цензурой. **Предсѣдатель:** Но вы изволите быть юристом. Мнѣ кажется, здѣсь не было того, что понимается под словом «бранъ». Здѣсь рѣзкая критика пригодности Протопопова. **Плеве:** Нѣт, извините, названіе человѣка холопом, названіе человѣка «безумным орудіем реакціи», это — брань. Это, во всяком случаѣ, опороченіе должностного лица. **Предсѣдатель:** Таким образом, свое запрещеніе вы подводили под понятіе вреда для военных интересов государства? **Плеве:** Это вносит разруху во внутреннее управленіе государством»... При «криминализаціи» дѣйствій представителей дореволюціоннаго режима неизбѣжно примѣненіе метода сравненія с административной критикой демократических стран. Эти строки пишутся в дни второй «великой европейской войны» (во Франціи: «Можно ли себѣ представить, что запрещенныя строки Амфитеатрова могли бы появиться в парижской печати по адресу министра-президента Даладье?»

ній. Я совершенно убѣжден, что гораздо большаго можно было достигнуть, если бы «подобныя письменныя и устныя свидѣтельства к исторіи паденія режима» добывались не в «чрезвычайной слѣдственной комиссіи», которая должна была не только зарегистрировать, но и «криминализировать» эти свидѣтельства. Скамья подсудимых не могла служить стимулом к искренности. Судьба судила так, что многіе из допрошенных в Комиссіи погибли, и записки и показанія их в слѣдственной Комиссіи остались единственными документами, от них непосредственно исходившими. Среди этих показаній на первое мѣсто в смыслѣ разоблачительном надлежит поставить письменныя показанія (записки) Белецкаго. Это своего рода нимфа Эгерія для Комиссіи. Предсѣдатель Комиссіи настолько ясно это сознавал, что его отношеніе к «Степану Петровичу» рѣзко выдѣлялось по сравненію с отношеніем к другим подслѣдственным. «Если вы ничего не имѣете, я к вам зайду (в камеру), и вы мнѣ передадите, что вы написали»... — вот тон, принятый в отношеніи Белецкаго Муравьевым. «Я все равно, как священнику, говорю» — свидѣтельствовал Белецкій; «Ничего не пишите, а спите» — рекомендует предсѣдатель, давая Белецкому инструкціи, что он должен освѣтить в своих показаніях. В общем и предсѣдатель и члены Комиссіи были корректны (это отмѣчает Маклаков), но они немедленно огрызались, когда встрѣчали нѣкоторую, по их мнѣнію, вольность со стороны допрашиваемых. Так, одна из реплик б. тов. мин. вн. д. Плеве вызвала отпор Муравьева: «Я вам дѣлаю замѣчаніе. Здѣсь присутственное мѣсто, и я прошу вас мнѣ подчиняться и никаких неумѣстных предположеній больше не дѣлать». Плеве в другом случаѣ позволил себѣ сказать члену Комиссіи ген. Апушкину, что если бы он был товарищем министра, то, вѣроятно, поступил бы так же, как он. «Предположеніе о том, как бы я поступил, здѣсь совершенно неумѣстно» — оборвал Апушкин. И представители «общественности» в Комиссіи, принадлежавшіе к столь различным политическим кругам, как Родичев и Соколов, одинаково держались на позиціи офиціальных судей, выяснявших криминальную сторону событій. Сторона психологическая и, слѣдовательно, историческая могла только от этого страдать.

Дѣятельность Комиссіи не ограничивалась лишь «опросом» в пленумѣ Комиссіи, т. е. тѣми 88 допросами, стенограммы которых включены в семитомное печатное изданіе «Паденіе царскаго режима». Много лиц, прошедших через Комиссію и не подлежавших даже обслѣдованію со стороны «криминальной», давали свои показанія слѣдователям, ведшим дѣлопроизводство по отдѣльным вопросам изслѣдованій, которыя находились в сферѣ интересов Комиссіи*). Может быть, там собран первоклассный историческій матеріал — мы этого не знаем или, вѣрнѣе, знаем об этом мало.

*) Кромѣ слѣдователей, опрашиваемые подвергались допросу и со стороны самого министра юстиціи (напр., нѣсколько раз Керенскій допрашивал Протопопова, также Хабалова). За три дня до допроса Хвостов 18-го марта был допрошен Коровиченко. В качествѣ кого дѣйствовал будущій комендант Александровскаго дворца, мнѣ неизвѣстно.

Поэтому приходится пока воздерживаться от окончательнаго сужденія о цѣнности восьмимѣсячной работы Комиссіи в смыслѣ собиранія ею матеріалов для характеристики стараго порядка. О работѣ этих слѣдователей мы имѣем лишь воспоминанія, прошедшія через «эмигрантскую призму» (воспоминанія Коренева, Романова и Рудиева) и дающія очень плохое представленіе о том, что ими было сдѣлано*). Если послѣдовать за текстом этих воспоминаній, придется признать, что слѣдователи совершенно не разобрались в обстановкѣ, которую разслѣдовали, и что работа их в историческом отношеніи почти безполезна. Быть может, они сами на себя возвели клевету. Писали они свои воспоминанія по памяти, и «память» у них оказалась очень плохая, вѣрнѣе они слишком приспособлялись к измѣнившейся психологіи мемуаристов. Что бы ни говорили впослѣдствіи, центром о б щ е с т в е н н а г о разслѣдованія в 17-м году должна была явиться «распутиновщина» в широком значеніи этого слова — не в смыслѣ оцѣнки личности и дѣяній самого Распутина, что само по себѣ являлось вопросом второстепенным**), а той моральной атмосферы разложенія

*) Слѣдственный матеріал опубликован в самых незначительных размѣрах. В каких предѣлах он сохранился — неизвѣстно.

**) Здѣсь слѣдователи разобрались очень мало. Руднев, напримѣр, проявил поразительную недальновидность и отсутствіе элементарнаго критическаго чутья, приняв изданную в 1911 г. книгу «Мои мысли и размышленія» («краткое описаніе» путешествія по святым мѣстам и вызванных им размышленій на религіозные вопросы) за произведеніе «старца» (Гурко в книгѣ «Царь и Царица» напрасно увѣровал в «экспертизу», которая установила «подлинность» распутинскаго творчества). Слѣдователь нашел эту книгу преисполненной «дѣтской наивности, простой, задушевной искренности». Без соотвѣтствующей справки в своем б. «московском архивѣ» я не могу в точности указать, кто составил эту явную поддѣлку, опубликованную, как скромно говорит Белецкій, с «вѣдома» Распутина. В свое время это было опредѣленно установлено.

Такую же наивность проявил слѣдователь, повторяя в воспоминаніях вѣрсію Вырубовой, как Илліодор просил свою жену продать царской семьѣ его рукопись «Святой Чорт», как департамент полиціи за свой риск и страх вступил в переговоры с женой Илліодора о пріобрѣтеніи книги, за которую автор требовал 60 т., как дѣло было представлено Ал. Феод., которая с негодованіем отвергла гнусное предложеніе. Это было, по словам Вырубовой, в Ставкѣ в 1916 г. И Белецкій, и Хвостов по-своему разсказали всю эту шумную исторію, но самое пикантное в ней было то, что, когда представители Деп. Полиціи гонялись за рукописью, она давно уже лежала в архивѣ «Голоса Минувшаго» и была пріобрѣтена всего за 2.000 руб. Слѣдователь ничего этого не знал... Кстати, о книгѣ «Святой Чорт». О ней говорит в воспоминаніях Романов — член Комиссіи. Имѣл ли он сам непосредственное отношеніе к разслѣдованію вопроса — неизвѣстно, но он утверждает, что Комиссіей книга была провѣрена «документально». У Комиссіи даже не явилась мысль заглянуть в подлинник рукописи, изданной с сокращеніями, и познакомиться с условіями, при которых редакція «Голоса Минувшаго» сдѣлалась владѣльцем рукописи... Правда с большим запозданіем я был допрошен у себя на квартирѣ судебным слѣдователем по особо важным дѣлам, который явно был не в курсѣ дѣла. Это была бесѣда за чашкой чая. Не помню даже, чтобы я подписывал протокол допроса... Насколько помню, и Пругавин выражал удивленіе, что к нему не обращались или запросили только формально. Ни у кого не было собрано столько матер'ала для характеристики распутинской эпопеи, — страницы из исторіи общественной патологіи, как у покойнаго знаменитаго изслѣдователя русскаго сектантства. Архив его

государственной власти, которая создавала непереносимое противорѣчіе между общественным сознаніем в період войны и существующим политическим режимом. Именно это роковое противорѣчіе — как бы патологія государственнаго аппарата — привело Россію к преждевременной революціи. Офиціальные допросы безспорно дали богатый матеріал для сужденія — тѣнь «святого старца» дѣйствительно бродит по всѣм страницам, и его не может опорочить оговорка, сдѣланная впослѣдствіи офиціальным членом Комиссіи, что «будущій изслѣдователь» должен отнестись к этим стенограммам с «особой осторожностью»: они никѣм не подписывались, никому из допрашиваемых предъявлены не были и редактированы четырьмя литераторами, в числѣ коих был и Блок, впослѣдствіи «пѣвец большевизма, написавшій гнусную поэму «Двѣнадцать».

Но что пытается установить слѣдователь Руднев, производившій не только дознаніе, но и изслѣдовавшій архивы министерства вн. д., Царскосельскаго и Петербургскаго дворцов, личную переписку Царя и Царицы, великих князей, бумаги, отобранныя у еп. Варнавы, гр. Игнатьевой, документы Бадмаева, Воейкова и других «высокопоставленных лиц»? Слѣдователь брал на себя смѣлость утверждать, что «не было найдено ни одного документа, указывающаго на вліяніе Распутина на внѣшнюю или внутреннюю политику»... Никакой роли не играла и не могла играть Вырубова в силу своего «чисто женскаго отношенія ко всѣм политическим событіям». Слѣдователь утверждал, что «всѣ ея объясненія на допросах... при провѣркѣ их на основаніи п о д л е ж а щ и х документов всегда находили себѣ полное подтвержденіе и дышали правдой и искренностью... Единственным недостатком показаній Вырубовой являлось чрезвычайное многословіе, можно сказать, болтливость и поразительная способность перескакивать с одной мысли на другую, не отдавая себѣ в том отчета, т. е. опять такое качество, которое не могло создать из нея политической фигуры». По словам Вырубовой, Руднев ее допрашивал 15 раз по 4 часа. Достаточно сравнить единственное показаніе Вырубовой 6 мая перед Комиссіей с приведенной характеристикой слѣдователя для того, чтобы категорически опровергнуть его слова. Вырубова принадлежала к числу немногих «свидѣтелей», с поразительной скупостью отвѣчавших на допросы. Ея тактикой являлось отрицаніе всего, что о ней говорилось: она совершенно не интересовалась политикой, но к ней «лѣзли со всякими вопросами» люди. Она изо-

---

безвозвратно погиб и употреблен был в большевицкія времена на завертку пищевых продуктов соотвѣтствующими петербургскими правительственными распредѣлителями.

Чр. Сл. Ком. чрезвычайно интересовалась вопросом: принадлежал ли Распутин к сектѣ так называемых хлыстов. В качествѣ экспертов были привлечены к работѣ даже спеціалисты, проф. Дух. Академіи Громогласов и Коновалов. Если строго православные и церковные люди, как Самарин, Гучков, Родзянко, изучали произведенное синодом изслѣдованіе этого вопроса, это было естественно, но совершенно не подходили миссіонерскія функціи к Чр. Сл. Ком. Вопрос мог представлять бытовой интерес, но не общественно-политическій.

бражала из себя совершенно исключительную наивность: «когда ей предъявляли письма на имя Танѣевой, она говорила: «Я не Танѣева». Как бы не опростилась фрейлина под вліяніем «старца», все же трудно повѣрить искренности ея в обращеніи к предсѣдателю: «Ой, милый, правда, не могу сказать», или заявленій, что Распутин «очень такой неаппетитный для поцѣлуев» или про Мануса — «жид какой то». На каждом шагу, говоря явную неправду, она признавала перед Комиссіей, что «врать» — «очень большой» недостаток. Слѣдователю, обслѣдовавшему будто бы личную царскую переписку (член Комиссіи Смиттен увѣрял позже Наживина в Екатеринославлѣ, что в их распоряженіи были всѣ письма и дневники Ник. Ал. и Ал. Фед.), совершенно нѣт дѣла до того, что в письмах А. Ф. к мужу за время войны красной нитью проходит утвержденіе, что вся опора Царя только в тріо, которое составляют Царица, Аня и «наш друг». Руднев или не читал писем или не знал англійскаго языка, ибо элементарно добросовѣстный человѣк не мог бы указать в краткой своей сводкѣ, что в этой перепискѣ п о ч т и н ѣ т никаких указаній или разсужденій на политическія темы» (!!) *).

Сами слѣдователи, таким образом, дискредитировали методы своего разслѣдованія. Опровергать их мемуарныя показанія не стоит — это задача легкая. Мемуаристы, преслѣдуя цѣль опроверженія клеветы на царскую семью — цѣль законная и справедливая, ибо вліяніе Распутина было явленіем психопатологическим — не подумали о том, что они выполненіе своей цѣли сводят на нѣт, отвергая дѣйствительность, и подрывают довѣріе ко всему изысканію, которое, как мы знаем, в основѣ имѣло заданіе выяснить «дѣло» Царя и Царицы. Для Комиссіи, которая ставила своей цѣлью выясненіе преступности с точки зрѣнія уголовнаго кодекса, совершенно вообще исчезала психопатологическая сторона дѣла. Только этим можно объяснить совершенно несообразное с юридической, да и общей точки зрѣнія содержаніе в тюрьмѣ, допросы слѣдователем и самой Комиссіей завѣдомо больного человѣка, находящагося на грани религіознаго помѣшательства («впавшаго в безуміе и идіотизм», по характеристикѣ члена Комиссіи Щеголева) — генеральши Лохтиной, нѣкогда близкой царской семьѣ, заслужившей немилость своей настойчивой приверженностью к опальному монаху Илліодору Труфанову и жившей в послѣдніе годы в кельѣ женскаго монастыря в Верхотурьѣ**). Не зная всего

*) Сама Комиссія, очевидно, совершенно не была знакома с перепиской —иначе она не останавливалась бы в недоумѣніи—кто такой Калинин (Протопопов). Приходится только пожалѣть об этом — и не только потому, как отмѣчает совѣтскій изслѣдователь Семенников, что «одна строка переписки разрѣшает многіе вопросы, которым посвящены десятки страниц протоколов Сл. Комиссіи». Как мог убѣдиться читатель из нашего изложенія, «кощунственно» опубликованная переписка являѣтся лучшей реабилитаціей от возведенной на погибшую Царицу клеветы... Нарушеніе законов общественной морали, запрещающих касаться интимной переписки, в данном случаѣ сыграло положительную роль.

**) Щеголевым она отнесена почему-то в разряд «проходимцев», прошедших через Комиссію.

дѣлопроизводства, как было указано, приходится воздержаться от окончательнаго сужденія о разслѣдовательской работѣ Комиссіи. Из предисловія Щеголева можно узнать, что предполагалось составить «обширный отчет» для доклада правительству. Общая редакція была возложена на историка Тарле. Из множества отдѣльных глав этого «историческаго изслѣдованія» была готова только одна работа поэта Блока на тему: «Послѣдніе дни режима», напечатанная в 20 г. В сущности это скорѣе заключительная глава, чѣм вводная, так как по своему содержанію она выходила далеко за предѣлы основных задач, которыя преслѣдовала Комиссія — половина этой «общей работы» удѣлена освѣщенію самого февральскаго переворота. В свое время она представляла несомнѣнный и значительный интерес и по своему объективному «спокойному тону» и по новизнѣ матеріалов, в ней заключающихся — теперь она является лишь схемой, требующей мѣстами со стороны фактической существенных видоизмѣненій.

3. «Криминализація преступленій».

Еще неопредѣленнѣе стоял в Комиссіи вопрос о «криминализаціи» стараго режима, как выразился Муравьев в своем докладѣ. Предсѣдатель Комиссіи увѣрял на съѣздѣ Совѣтов, что Комиссія постарается закончить свое разслѣдованіе до 1 сентября. Комиссія выяснит «все то, что имѣет политическое значеніе из злоупотребленій всѣх вѣдомств и поставит их на суд с обвинительным актом, полным содержанія, но и с обвинительными формулами, вытекающими непосредственно из содѣяннаго, без всяких натяжек... пусть на весь мір огласится все содѣянное ими и пусть они понесут ту кару, которая им отмѣрена по тѣм законам, которые они сами написали и которые сами же не соблюдали». Предсѣдатель Комиссіи говорил, что и до 1 сентября будут поставлены «отдѣльные процессы». Он развертывал перед аудиторіей картину не только мірового процесса, поставленнаго в центрѣ, но и грандіознаго плана созданія какого-то всероссійскаго судилища в видѣ созданных по образцу Чрезв. Сл. Комиссіи мѣстных комиссій, которыя разрабатывали бы и ставили процессы параллельно центру. «Только при этих условіях мы криминализируем то, что подлежит криминализаціи из прошлаго режима, только при этих условіях мы станем до извѣстной степени на путь, у с п о к а и в а ю щ і й народную совѣсть». Надо ли говорить, что это была демагогія чистой воды, пожалуй, недостойная политическаго прошлаго Муравьева*). Вѣроятно, ни министр юстиціи, ни состоящая при нем Чрез. Комиссія никогда не думали о мѣстных судилищах, как не думали о привлеченіях всѣх представителей старой власти к уголовной

*) Муравьев примыкал к кружку «беззаглавцев», возглавляемому Кусковой и Прокоповичем, которые вновь примкнули в 17 г. к соц.-дем. меньшевикам — впрочем для того только, чтобы вскорѣ быть исключенными из партіи. Вступил ли формально в партію Муравьев — не знаю.

ответственности, как о том говорил Муравьев в том же докладѣ*). Мемуарист скажет, что это было говорено в угоду толпѣ, которая требовала «Распните их», и перед которой защитники безпристрастія почти без боя сдавали свои позиціи (воспоминанія Коренева). Тот факт, что на съѣздѣ призывы Муравьева не встрѣтили отклика, показывает, что в данном случаѣ демагогія была не «сдачей» позицій, а ненужным забѣганіем вперед.

Соединив в одной комиссіи двѣ противоположныя задачи, созидатели ея добросовѣстно, однако, полагали, что криминальная сторона будет обсуждаться с полной гарантіей всѣх правовых норм. Эту гарантію подчеркнул самый состав Комиссіи и разслѣдовательскій аппарат, ею созданный. Говорить здѣсь о специфическом «подборѣ» лиц, «проникнутых ненавистью к обвиняемым» не приходится**). В первоначальный состав Комиссіи, помимо предсѣдателя, вошли в качествѣ его товарищей сенатор Иванов, сен. Завадскій (быв. прокурор пет. суд. пал.), в совокупности составлявшіе президіум. Членами Комиссіи состояли ген. Апушкин, назначенный гл. воен. прокурором, прокурор харьков. суд. пал. Смитген и «доктор философіи» Зензинов (послѣдній был в Комиссіи непродолжительно — двѣ, три недѣли). В апрѣлѣ в Комиссію вошел прокурор моск. окруж. суда Олышев (оставался один мѣсяц), непремѣнный секретарь Ак. Наук Ольденбург (его замѣнял в теченіе мѣсяца проф. Гримм — юрист) и прокурор вилен. суд. пал. Романов, участвовавшій в работах Комиссіи до 1 сентября. С учрежденіем дополнительной особой комиссіи по разслѣдованію дѣятельности департамента полиціи в состав вошел Щеголев. Постоянным делегатом от Временнаго Комитета Гос. Думы состоял Родичев и от Испол. Ком. Совѣта — Соколов (его замѣстителем был меньш. Крохмаль). Повидимому официальный историк Комиссіи, т. е. Щеголев, дал неполный состав Комиссіи, ибо из воспоминаній Завадскаго, ушедшаго из Комиссіи 11 мая, мы узнаем об активном участіи в работах прис. пов. Грузенберга, голосовавшаго на равных правах с другими в отвѣтственных вопросах. Организаціонная структура громоздкой Комиссіи, насчитывающей чуть ли не 150 человѣк, остается не совсѣм еще ясной. По газетным свѣдѣніям в качествѣ свѣдующих лиц и экспертов к работѣ Комиссіи в том или ином видѣ привлекались многіе видные юристы — упоминались имена Кони, Нольде, Лазаревскаго, Жижиленко и др. При Комиссіи работали 25 слѣдователей-техников, подобранных в значительной степени по указаніям Завадскаго (и слѣдовательно, можно думать, с достаточным безпристрастіем); при этих слѣдователях состояли своего рода комиссары от общественности — «молодые присяжные повѣренные», как назвал их Муравьев в

*) Комиссія на практикѣ очень опредѣленно выдѣляла тѣх, кто имѣл в то время либеральную репутацію или состоял в оппозиціи к правительственной политикѣ послѣдняго времени и был как бы в немилости (напр. Джунковскій, Коковцев).

**) Об этом говорит член комиссіи Романов, ставшій горячо молиться «за вѣру, Царя и отечество» в эмиграціи.

докладѣ, слѣдившіе за тѣм, чтобы не пропустить чего-либо общественно-интереснаго.

Единство в Комиссіи не создалось. Само по себѣ, быть может, это было и не плохо — «политиков» сдерживали люди, вмѣнившіе себѣ в обязанность «не сходить с судейской точки зрѣнія». Равнодѣйствующая давала гарантію «раскрытія правды». В дѣйствительности одно общее дѣло должны были творить люди совершенно разной политической психологіи...

Оставим в сторонѣ члена Комиссіи Романова. Его воспоминанія столь тенденціозны, столь явно имѣют цѣлью показать только «лицемѣріе Муравьева и его единомышленников», оказывавших по своим революціонным соображеніям давленіе на судейскую совѣсть членов Комиссіи, и вмѣстѣ с тѣм столь необоснованны со стороны фактической, что их приходится по существу игнорировать и удивляться тому, как мог только при таком настроеніи б. прокурор войти в состав Комиссіи, разслѣдовавшей «преступленія» сановников. Но у нас имѣются другія воспоминанія, написанныя с большой искренностью и правдивостью, — тов. пред. Комиссіи, проф. Завадскаго. Его положеніе в Комиссіи было не из легких. По своим политическим взглядам либеральнаго консерватора он был чужд міра, вынесеннаго революціонной волной, и по прежнему служебному положенію и по личным связям он сам себя относил к людям с другого берега — как никак к «обломкам того стараго режима», который собирались «судить». Но он не счел себя в правѣ отклонить предложеніе министра юстиціи, когда тот заявил ему, что он ждет от него только «строгаго судейскаго отношенія к дѣлу». Он предчувствовал «холодное отчужденіе» той среды, в которой жил, обвиненія в «черной измѣнѣ», но считал своим долгом испить эту горькую чашу. Свою позицію Завадскій охарактеризовал так: «задачи Муравьева были безбрежны: он думал об исторіи. Мои — гораздо скромнѣе; я думал о правосудіи и о судьбѣ лиц, уже лишенных свободы в ожиданіи нашего разслѣдованія». Так как у тов. предсѣдателя Комиссіи не было, по собственному его выраженію, «вкуса» посадить на скамью подсудимых Протопопова, Щегловитова и всѣх тѣх, за кѣм оказывались «дѣйствительныя преступленія»; так как у него не было и «власти освободить тѣх, которые провинились только в том, что не угодили новым правителям» и для незаконных арестов которых он не находил никаких оправданій — естественно у Завадскаго должно было появиться ощущеніе «тяжести безсмысленной работы», совершенно независимо от пріемов слѣдствія, которые шокировали будто бы судейскую совѣсть, и убѣждали, что между реакціонным и революціонным «правосудіем» нѣт разницы. Чрез. Слѣд. Комиссія, в которой Завадскому предстояло играть столь значительную роль, что, по его словам, министр юстиціи говорил ему, что именно его считает «фактическим предсѣдателем», отнюдь не была комиссіей по разгрузкѣ тюрем от «незаконных» и без надобности арестованных — этим занимались другіе органы при мин. юстиціи. Ложное положеніе Завадскаго должно было сказываться на каждом шагу, при всякой встрѣ-

чѣ с бывшими сослуживцами, в глазах которых он читал «упрек», и стало, вѣроятно, совершенно непереносимо, когда Комиссія столкнулась с невозможными условіями содержанія заключенных (об этом ниже).

К сожалѣнію, Завадскій не избѣг специфической черты всѣх самооправдывающихся мемуаристов — становиться в благородную позу и изобличать других*).

Объективность требует сказать, что в тѣх рѣдких случаях, когда за отсутствіем Муравьева в Комиссіи предсѣдательствовал Завадскій, характер допроса ни в предметном отношеніи, ни в методах, ни в тонѣ ничѣм не отличался по сравненію с тѣм, что было при Муравьевѣ. Развѣ только болѣе экспансивный Муравьев имѣл нѣкоторую склонность вступать в теоретическіе споры с допрашиваемыми и не мог удержаться от моральных сентенцій, к которым, впрочем, в большей или меньшей степени склонны были почти всѣ члены Комиссіи — лица судейскаго званія, и лица, представлявшія «общественность». Противорѣчіе, в которое попадал сам Завадскій, можно показать на примѣрах. Перед нами отчет допроса Щегловитова 24 апрѣля, прерваннаго в силу, быть может, справедливых, но «совершенно неумѣстных» нападок Муравьева. Дѣло касалось убійства в Одессѣ революціонера Ишера. То был самый тяжелый момент в допросѣ б. министра юстиціи, ибо в этом дѣлѣ Щегловитов выступил как бы сознательным «укрывателем убійцы». Ишер был убит ночью, когда его, по распоряженію врем. ген. губ. Толмачева, переводили из одной тюрьмы в другую; сопровождавшій арестанта конвой донес, что убійство вызвано было попыткой арестованнаго бѣжать, но в скорости один

---

*) Когда воспоминанія пишутся без документов и справок, память слишком часто дѣлает уклоны в сторону, желательную мемуаристу и далекую от дѣйствительности. Так подчас происходит и с мемуарами Завадскаго. Он разсказывает, как чаша терпѣнія переполнилась желаніем Муравьева снять, секретно от автора, копіи с воспоминаній Вырубовой, которыя она начала писать, освободившись от заключенія, при участіи жены доктора Манухина. От послѣдней и узнал о воспоминаніях Муравьев. Завадскій пришел в нетодованіе, «лишній раз убѣдившись, как близки пріемы реакціоннаго и революціоннаго правосудія», рѣшил окончательно, что Муравьеву с ним «не по пути». Что-то очевидно, было не так, ибо в момент оставленія Завадским своего поста Вырубова не только не вышла из заключенія, но даже не была еще переведена из Петропавловской крѣпости в арестный дом, гдѣ совершенно измѣнились условія тюремнаго заключенія. В Петропавловской крѣпости Вырубова не могла писать воспоминаній при участіи «жены доктора Манухина», которая, кстати сказать, отрицает самый факт своего участія в этой работѣ. По словам Вырубовой, ея воспоминанія были написаны заграницей («писать в Россіи было невозможно») — она в Россіи показала только Горькому нѣсколько страниц. Может быть, Муравьев и не был достаточно скрупулезен в использованіи интимных матеріалов, попавших в Комиссію при обысках. Напр., он допрашивал Крыжановскаго по поводу его автобіографических записок. Никто в Комиссіи не возражал против использованія «замѣчательнаго литературнаго произведенія», как охарактеризовал предсѣдатель записки государственнаго секретаря. «Вы мнѣ льстите», — замѣтил Крыжановскій, котораго Витте называл «головой Столыпина». — «Все это сырой матеріал, который написан и отложен на позднѣе годы». Допрос ген. Дубенскаго велся пункт за пунктом в соотвѣтствіи с его «Дневником», попавшим в распоряженіе Комиссіи.

из полицейских чинов явился с повинной, заявив, что Ишер был убит по распоряженію Толмачева, приказавшаго отдѣлаться от революціонера. Слѣдствіе подтвердило его объясненія, и был возбужден вопрос о привлеченіи к отвѣтственности Т., дѣло котораго было прекращено по высочайшему повелѣнію. На заявленіе предсѣдателя, что Комиссіи было «тяжело читать всеподданнѣйшій доклад министра юстиціи по дѣлу Ишера, Щегловитов отвѣтил: «Это я понимаю, это кошмарное дѣло»... *Пред.* Вы только теперь пришли к убѣжденію, что это кошмарное дѣло? *Щ.* Нѣт, и тогда оно казалось чудовищным... *Пред.* Но почему же по дѣлу, которое чудовищно и кошмарно, вы находите нужным представить о его прекращеніи?... *Щ.* Мнѣ казалось, что вскрытіе такого ужаса произведет потрясающее впечатлѣніе... *Пр.* Ну, а вы не думали тогда и не думаете теперь, что невскрытіе такого ужаса потрясет еще болѣе и произведет еще болѣе потрясающее впечатлѣніе? *Щ.* Я думаю, вы правы... в концѣ концов»... С именем Ишера войдет в исторію и имя министра Щегловитова — заключил предсѣдательствовавшій на этом засѣданіи Завадскій.

Отказавшись присутствовать на допросѣ Маклакова, с которым он был лично связан еще с гимназических лѣт и был на «ты», и Макарова, Завадскій взял на себя подготовку допроса Щегловитова, хотя и считал, что нѣт законнаго повода держать его под арестом. Роль сыграло глубоко отрицательное отношеніе Завадскаго к бывшему министру юстиціи, как к какому то «дубликату» тов. мин. вн. д., завѣдующему полиціей. Что значило взять на себя «подготовку» к допросу? Это значит отыскать «уголовно наказуемые поступки», т. е. «криминализировать» дѣло, чѣм в отношенія других подслѣдственных занимались коллеги Завадскаго. Дѣло, слѣдовательно, сводилось к субъективным, т. е. спорным соображеніям, а не принципіальным. Керенскій и Муравьев не раздѣляли оцѣнки, которую давал Завадскій б. министру юстиціи и внутренних дѣл Макарову — он считал его «неподкупным слугой закона» и поэтому Завадскаго «угнетали» споры в президіумѣ Комиссіи о преданіи суду Макарова.

Субъективный подход с большей наглядностью обнаруживается в сужденіи Завадскаго по поводу дѣла Сухомлинова, поступившаго в вѣдѣніе Комиссіи. Матеріал был собран до революціи и слѣдствіе закончилось внѣ дѣятельности Комиссіи *). Прокурор, ведшій дѣло, Носович, доложил в президіумѣ составленный им обвинительный акт, и Комиссія обсуждала лишь обвинительные пункты. «Я держусь того мнѣнія, — теоретизирует автор воспоминаній — что составить себѣ окончательное убѣжденіе в чьей либо виновности или невинности можно только, прослушав и, я бы сказал, выстрадав цѣльностью все судоговореніе по дѣлу, а сколько нибудь основательно предположить о виновности обвиняемаго нельзя с чужого голоса без личнаго и притом внимательнаго слѣд-

*) Прохожденіе обвинительнаго акта Сухомлинова через Комиссію, которой не было придано значеніе судебной инстанціи, впослѣдствіи на судѣ вызвало возраженіе защиты.

ствія». И Кузьмин (сенатор, производившій слѣдствіе) и Носович (обер-прокурор уголовнаго касац. департ. Сената) усматривали в поведеніи военнаго министра «бездѣйствіе власти», президіум Комиссіи высказался за «измѣну». Среди подавших голос за составленіе обвинительных пунктов по признакам «измѣны» был и сенат. Завадскій, высказавшійся так «послѣ большого раздумья». И хотя эту нелогичность автор воспоминаній пытается объяснить тѣм, что у него не было основанія считать Сухомлинова не свѣдующим в военном дѣлѣ, крайне ограниченным или поразительно легкомысленным, слѣдовательно оставалось лишь «предательство» — неудовлетворенность от объясненія остается, и к судейской совѣсти автора может быть предъявлено обвиненіе не в «запросѣ»*), а в подчиненіи настроеніям момента, т. е. в том самом, в чем он систематически посылает упрек «свободолюбящему» революціонному «правосудію». Завадскій подал голос и за преданіе суду жены Сухомлинова: «Она была оправдана, и я не отрицаю, что улики против нея были невелики... но внутренній голос говорил мнѣ против непричастія ея к винѣ мужа, и высказаться за ея оправданіе до гласнаго разбирательства я не рѣшался».

Я не очень вѣрю показаніям мемуаристов, пытающихся провести рѣзкую грань между двумя группами в составѣ Комиссіи: «одну — по мнѣнію Романова — стремившуюся со свойственной судейской профессіи привычкой, к объективному выясненію истины, и другую, возглавлявшуюся Муравьевым, — желавшую всѣми правдами и неправдами, во что бы то ни стало, установить преступность всѣх и вся и отомстить всѣм дѣятелям стараго режима. Ни о каком правовом руслѣ у лиц этого направленія не было и рѣчи. Муравьев хватался в отчаяніи за голову, когда я и сен. Смитен доказывали отсутствіе в том или ином дѣлѣ указаній на признаки преступленія со стороны прежней власти. Эта группа, к которой принадлежали почти всѣ наблюдавшіе, выискивала преступленія, гдѣ только могла и, надо отдать им справедливость, нѣкоторые на этом пути проявили фанатическое рвеніе, не считаясь ни с чѣм и усматривая преступленіе чуть ли не в самом фактѣ существованія прежней власти». И на примѣрѣ Завадскаго читатель видѣл, что для такого скептическаго отношенія к подобным показаніям современников есть основаніе.

«Изначальная нелѣпость», которая лежала в основѣ Чрез. Сл. Ком., породила величайшія нелѣпости в ея дѣлопроизводствѣ — именно то, что можно назвать юридической казуистикой. Но тот факт, что для обвиненія приходилось «нащупывать» уголовно-

*) Автор считал, что присяжные неизбѣжно присоединятся к мнѣнію Носовича и Кузьмина.

На процессѣ Носович поддержал обвиненіе в «измѣнѣ», правда, сдѣлав оговорку о дефективности основных показаній Гучкова о Мясоѣдовѣ, которыя тяжелой гирей ложились на чашу вѣсов, гдѣ взвѣшивалась судьба Сухомлинова. Гучков отказался назвать источники, откуда исходили его свѣдѣнія. «Если свѣдѣнія Г не исходят из абсолютно достовѣрнаго источника, — говорил Носович, — то он совершил тягчайшее преступленіе. Я лично этого не допускаю». В дѣйствительности это «тягчайшее преступленіе» Гучков совершил.

наказуемые поступки или пытаться «наскоблить», по болѣе циничному выраженію Коренева, какую-нибудь уголовщину, показывает, что Комиссія строго держалась намѣченных рамок, и предсѣдатель ея никогда не форсировал самый закон, как в том склонны его упрекать всѣ, писавшіе до сих пор о Комиссіи. Не чужд этого даже Маклаков. Было бы «скандалом», как выражается он, если бы дѣятельность Комиссіи свелась к привлеченію отдѣльных представителей власти за злоупотребленія, и Муравьев, по мнѣнію перваго кандидата на пост предсѣдателя Комиссіи, должен был употребить свой адвокатскій опыт, чтобы превратить политическія разногласія в юридическую отвѣтственность. Маклаков останавливается на роспускѣ Думы по заранѣе заготовленным бѣлым бланкам, т. е. по указам, подписанным Императором без обозначенія точных дат, которыя должен был проставить предсѣдатель совѣта министров, и о примѣненіи ст. 87 в текущем внѣ-думском законодательствѣ. Вопросы эти оживленно дебатировались, и не раз, в Слѣдственной Комиссіи. Но слѣдует имѣть в виду, что рѣчь здѣсь может итти о нѣкоторых репликах, которыя подавал предсѣдатель Комиссіи при допросах, и о личной, пожалуй, тенденціи, а отнюдь не о сформулированном обвиненіи. А это — существенная разница. При двойственности задачи, поставленной себѣ Комиссіей, процесс «криминализаціи», неизбѣжно связанный с юридической казуистикой, трудно иногда отдѣлить от выясненія обстановки, т. е. от разсмотрѣнія вопроса с точки зрѣнія «общественной совѣсти». Маклакову представляется, что ничего ненормальнаго не было в этих «бланковых указах». Он вспоминает, что был так удивлен, когда ему подобный вопрос поставил слѣдователь, что позволил себѣ в письменном отвѣтѣ нѣсколько подсмѣяться и разсказать, как ему на положеніи адвоката не раз приходилось такіе бѣлые бланки давать своему коллегѣ Муравьеву и получать таковые от Муравьева, текст которых заполнялся в зависимости от надобности. Как будто бы небольшая разница все-же имѣется между гражданскими дѣлами, которыя вели московскіе адвокаты, и государственной жизнью. Для характеристики политическаго строя эти бланки были довольно показательным явленіем и предсѣдатель Комиссіи, оставляя вопрос о криминализаціи в сторонѣ, имѣл до нѣкоторой степени право во много раз уже цитированном докладѣ отмѣтить «интересное наблюденіе», вытекавшее из матеріалов Комиссіи: еще до момента роспуска Думы, «каждый раз за послѣдніе годы (здѣсь Муравьев обобщал)... до ея функціонированія в ту или иную сессію министры стараго режима уже озабочивались получить подписи Царя под текстом незаполненным на бланках, которыми этим министрам предоставлялось право распустить Гос. Думу. Сперва это нѣсколько вуалировалось... сперва испрашивалось разрѣшеніе распустить Гос. Думу и Гос. Совѣт, по соглашенію с предсѣдателями этих учрежденій, тогда, когда этого потребуют обстоятельства». Термин «роспуск Думы» способен вызвать недоразумѣніе — рѣчь шла или о временной отстрочкѣ засѣданій, которой правительство пользовалось для того, чтобы «творить законодательство в порядкѣ ст. 87», «стремясь всемѣрно к одному

— к осуществленію такого строя, который предшествовал строю 1905-1906 г. г.»... «Стали искусственно не созывать Гос. Думу, стали искусственно укорачивать ея сессіи. Дошли до того, что вырабатывали проэкты для Думы и выработанные проэкты держали в портфелях, пока Дума существует, для того, чтобы внести их без Думы... в этот період бездумья». С точки зрѣнія «общественной» едва ли предсѣдатель Комиссіи значительно уклонялся от истины; с точки зрѣнія «криминализаціи режима» дѣло оказывалось сложнѣе уже потому, что и правительство и Дума оказывались как бы в заколдованном кругѣ. Этот заколдованный круг Милюков в показаніях о примѣненіи ст. 87 охарактеризовал словами: «Я считаю, что наше законодательство не могло существовать, когда существовали эти два тормозящіе друг друга органа, когда правительство было глубоко враждебно самой идеѣ сколько нибудь серьезнаго законодательства... Так как мы старались заниматься основным законодательством, то мы этого н о р м а л ь н а г о з а к о н о д а т е л ь с т в а н е м о г л и в е с т и и вермишель нас не интересовала»... Послѣдній предсѣдатель Гос. Думы разсказал в своих воспоминаніях характерный эпизод, как он убѣждал носителя верховной власти пріобрѣсти «пять сверхдредноутов» в період бездумія. «Ну, а как же Дума, вѣдь она распущена» — сказал Царь: «придется эту покупку провести по 87-ой, с Думой выйдут непріятности». «Ваше Величество — отвѣчал Родзянко — я вам ручаюсь, что Дума будет только апплодировать». Во время войны подобная практика примѣненія ст. 87 становилась «необходимостью». Так и «Особое Совѣщаніе», которое привѣтствовала общественность, было создано в исключительном порядкѣ. Сама Гос. Дума «никогда» не возражала на «традиціонную систему» (показанія Милюкова, Родзянко, Чхеидзе) — «бланки» существовали при всѣх премьерах, за исключеніем, быть может, Коковцева, который в этом отношеніи был «педантом», как выразился Родзянко. Но и в показанія предсѣдателя Думы надлежит ввести ограниченіе — в дни сенсаціонной ноябрьской сессіи Гос. Думы 16 г. ненавистный общественности Штюрмер дѣйствовал не на основаніи имѣвшагося заранѣе «бѣлаго бланка», а испрашивал особое высочайшее повелѣніе (оно было получено послѣ открытія Думы).

С правововой точки зрѣнія вопрос сводился к оцѣнкѣ дѣйствовавшей конституціи — здѣсь были двѣ діаметрально противоположныя концепціи. Для одних царское самодержавіе не было ограничено, и Царь конституціи не присягал; для других основные законы 1906 г. вводили нормальный конституціонный строй, ставившій предѣлы самодержавію и устанавливавшій отвѣтственность министров за нарушеніе конституціи. Муравьев, конечно, становился на вторую позицію — и не он один в Комиссіи (Родичев предъявлял Штюрмеру обвиненія массоваго пользованія ст. 87, вопреки основным законам). «Представитель верховной власти является лицом безотвѣтственным, отвѣтственным является тот министр, который докладывает ему» — поучал Муравьев Щегловитова. «Предсѣдателю Совѣта Министров принадлежит право, а, может быть, вмѣняется в обязанность заботиться о том, чтобы

акты верховной власти были правовѣрны» — говорил он Горемыкину. «Может быть» — отвѣчал бывшій премьер. — «Нѣт, это даже навѣрно». И министрам вмѣнялось в отвѣтственность, что они не говорили: «non possumus», тогда как в Россіи «деспотіи» не было. Они были виноваты в том, что дѣлали доклады Императрицѣ, тогда как никакой «связи законной» между министрами и Императрицей по конституціи быть не могло... и министры должны были отвѣчать Императрицѣ на ея запросы, что они не относятся к ея «компетенціи».

Но мы можем оставить совершенно в сторонѣ эти вопросы, ибо никаких формулированных Комиссіей обвиненій мы не имѣем. Да и были ли в дѣйствительности произедены эти формулировки в отношеніи кого-либо из подслѣдственных? Мы знаем о реальных обвиненіях только из случайных газетных сообщеній, из постановки обвинительных пунктов во время допросов и воспоминаній членов Комиссіи, передающих скорѣе разговоры, которые велись в Комиссіи. Очень ярким примѣром может служить то, что разсказывает Завадскій по поводу обсужденія вопроса о привлеченіи к отвѣтственности «одного из героев... войны», престарѣлаго генерал-адъютанта Иванова — вопроса, который испортил автору воспоминаній много крови: «В вину ему ставилось то, что он принял от Государя порученіе усмирить мятежный Петроград... Спрашивалось: какого преступленія признаки заключались в этом поступкѣ? Порученіе было дано 28 февраля, т. е. за два дня до отреченія Царя, генерал Иванов обязан был повиноваться Императору, как главѣ государства, в законности власти котораго не могло быть ни тѣни сомнѣній, а дѣятели революціи в то время были явно государственными преступниками... Ген. Иванов ничьей крови не пролил и вслѣд за отреченіем Государя*) остановился со своими войсками... не дойдя до Петрограда... Гдѣ же тут хоть намек на преступленіе с точки зрѣнія закона, существовавшаго в момент дѣйствій, предпринятых Ивановым во исполненіе высочайшаго повелѣнія, т. е. — с единственной точки зрѣнія, которая доступна для всякаго, кто не забывает, что он судья? Были в Комиссіи мои единомышленники, но нашлись, во главѣ с предсѣдателем, и возражатели. Указывалось, между прочим, что... ген. Иванов обнажил фронт и мог способствовать нѣмецкому прорыву. Этого я уже окончательно не понимал: ген. Иванов несомнѣнно способствовать нѣмецкому прорыву не имѣл ни малѣйшаго поползновенія, да и прорыва не послѣдовало, — так о чем же говорить? Находились и такіе (в числѣ их и новый сенатор О. О. Грузенберг), которые вмѣняли Иванову в вину слѣдующее (дальше идет извѣстный разсказ Иванова, как он поставил на колѣни двух встрѣчных солдат)...**) Обвинители ген. Иванова признавали, что он был в правѣ их разстрѣлять, но приходили в ужас от того надругательства над личностью солдата, которое допустил старик-генерал, и высказывались за преданіе его суду. Я полюбопытствовал узнать,

*) Фактически раньше.

**) См. мою статью «Кровавое подавленіе революціи», «Возр.» т. 11.

подали ли оскорбленные солдаты на Иванова жалобу, хотя бы уже послѣ торжества революціи. Оказывается, что нѣт, за них обижаются Муравьев и Грузенберг». Неоспоримо Завадскій прав, что «не дѣло верховной Комиссіи» было предавать суду «за расправу с двумя солдатами, прошедшую безслѣдно и не вызвавшую никакого нигдѣ волненія»; нельзя отрицать, что в поисках криминала нѣкоторые члены Комиссіи шли гораздо дальше, чѣм этого могли требовать заданія, стоящія перед ними, и дискредитировали серьезность работы, но все-таки все это были внутренніе разговоры в средѣ членов Комиссіи, не выходившіе за предѣлы обмѣна мнѣній. Прошло 1 ½ мѣсяца прежде, чѣм допрошен был сам Иванов. Потребовалось вмѣшательство ген. Алексѣева, приславшаго свое заключеніе по дѣлу. При допросѣ Иванову и не ставились даже тѣ вопросы, которые так волновали Завадскаго. 24 іюня Иванов давал объясненія, касающіяся его похода на Петербург, и причин, почему он попал в ряды «бездѣйствующих» в послѣдніе мѣсяцы стараго режима. Предсѣдатель Комиссіи арестованнаго генерала характеризовал, как «боевого генерала, ни в чем не запятнаннаго, политикой не занимающагося». Ларчик открывался просто. Иванова молва связывала с Распутиным, а в дѣйствительности оказывалось, что полуотставка Иванова была произведена под вліяніем яко бы «нѣмецкой партіи» и Распутина, поддерживавшаго Сухомлинова... Члѣн Комиссіи Романов утверждает, что «убѣдившись в безплодности дальнѣйшей борьбы с Муравьевым, я и сен. Смитѣн вышли из состава Комиссіи, предварительно внеся предложеніе ликвидировать Комиссію и прекратить всѣ возбужденныя ею дѣла по незначительности предъявленных обвиненій. В нашем предложеніи мы прямо указали, что всѣ обвиненія прежней власти в тяжких преступленіях добытыми Комиссіей матеріалами рѣшительно опровергнуты». Если слова Романова соотвѣтствуют дѣйствительности, то это свидѣтельствует вовсе не о том, что «революціонным дѣятелям эпохи Врем. Прав. не удалось не только осудить дѣятелей прежней власти, но, несмотря на самое горячее желаніе и энергію, даже обнаружить хотя бы намек на тѣ тяжкія преступленія, которыя приписывались ей так называемым общественным мнѣніем и обманутым народом» — это доказывает лишь то, что в дѣлѣ «криминализаціи», вопреки утвержденію Романова, они были педантично щепетильны (это соотвѣтствовало и личным свойствам предсѣдателя Комиссіи — Карабчевскій охарактеризовал Муравьева словами Керенскаго: «докопается, пока не выскребет яйца до скорлупы»), и потому, естественно, Вырубова была освобождена, и Комиссія ей выдала за подписью Муравьева удостовѣреніе, что она «в качествѣ обвиняемой не привлекалась и... не привлечена». Вѣроятно, без каких-либо юридических натяжек Комиссія могла создать ряд громких процессов и прежде всего посадить на скамью подсудимых представителей Департамента Полиціи, дѣятельность котораго, по выраженію Муравьева, представляла собой «сплошное преступленіе». Судьба этих процессов, очевидно, была бы аналогична процессу Сухомлинова. Осужденіе стараго режима могло быть вынесено не в залѣ суда.

Со стороны общественно-политической было бы совершенно абсурдно, если бы «криминализація преступленій стараго режима» свелась бы на практикѣ к привлеченію министра юстиціи Щегловитова по дѣлу Ишера, министра вн. д. Хвостова за присвоеніе сумм рептильнаго фонда или послѣдняго министра юстиціи сенатора егермейстера Добровольскаго за взятки*) и предсѣдателя Совѣта министров Штюрмера за растрату... Не имѣя в своем распоряженія матеріалов слѣдственнаго производства, мы лишены возможности пока вынести приговор по поводу реальности или иллюзорности «подозрѣній», которыя падали на старых министров. В самом дѣлѣ, растратил ли деньги Хвостов, сам очень богатый человѣк, или дѣйствовал согласно обычаю Департамента полиціи, гдѣ расписок не брали (показанія Белецкаго). Протопопов свидѣтельствовал, что он докладывал Царю о растратѣ свыше милліона, произведенной Хвостовым. «Какая гадость» — сказал Николай II. Протопопов находил, что «не время заводить скандал». Несомнѣнно одно — для выявленія подобных «преступленій» дѣятелей стараго порядка не было надобности в созданіи особой «верховной комиссіи». Занимаясь «криминализаціей» прошлаго, Комиссія тонула в мелочах и посвящала не мало времени разслѣдованію таких вопросов, как вопрос о виновности военнаго министра Бѣляева, переведшаго сына Распутина в санитары по просьбѣ Императрицы, или министра Двора Фредерикса, содѣйствовавшаго освобожденію от несенія военных обязанностей зачисленіем лиц на фиктивную службу. В итогѣ естественно, что общественно-политическое разслѣдованіе не могло дать тѣх результатов, которые от него ожидались.

4. Революціонная тюрьма.

Была в дѣятельности Чрез. Сл. Ком. одна сторона, остро затрагивавшая общественную честь и, судя по воспоминаніям Завадскаго, чрезвычайно волновавшая нѣкоторых членов Комиссіи. «Одним из наиболѣе бередящих душу вопросов — вспоминал он — для меня представляется вопрос... арестантскій, касавшійся лиц, сидѣвших в Петропавловской крѣпости, хотя они были взяты под стражу не нами и не за нами числились, но разслѣдованіе предполагаемых их преступленій было возложено на нас и это, по моему, нас обязывало. Всѣ вокруг считали, что арестантов держит Комиссія и выраженіем общаго мнѣнія в моих глазах являлось прошеніе Н. П. Карабчевскаго, в котором... было поставлено нам в вину содержаніе под стражей лиц, остающихся без допроса цѣлые мѣсяцы... Я понимал или, вѣрнѣе, чувствовал, что Комиссія должна поставить принципіально вопрос о недопустимости дальнѣйшаго содержанія людей под замком без привлеченія их к отвѣту в законном порядкѣ. Но дни шли, а прошеніе это лежало

*) Корыстное испрошеніе высочайшаго помилованія для осужденных при первоначальных о том переговорах через Распутина.

на столѣ перед Н. К. Муравьевым без движенія: насколько помню, Карабчевскому мы так ничего и не отвѣтили, даже не отписались формальным отвѣтом, что за нами числится только сен. Добровольскій, уже привлеченный к допросу в качествѣ обвиняемаго. И вѣдь я был не одинок со своим мнѣніем: если подсчитать, то, пожалуй, моих сторонников оказалось бы больше; но всѣ мы были, видимо, лишены заговорщических наклонностей и способностей, так что не догадались сговориться тайком и, дѣйствуя скопом, заставить нашего предсѣдателя уступить волѣ большинства, а потому и рѣшали только тѣ вопросы, которые он вносил на общее обсужденіе. Чѣм дальше отходит от меня это мое прошлое, тѣм отчетливѣе я сознаю, что в таком вопіющем беззаконіи и сам я не без вины: и моего дегтю тут есть капля, дегтя слишком легкаго подчиненія данному положенію вещей. Во мнѣ все болѣло при мысли о моем безсиліи, и я ежедневно мучился и в Зимнем Дворцѣ и в Петропавловской крѣпости. В Зимнем Дворцѣ нас осаждали жены арестованных»... «Допросы производились в зданіи Трубецкаго бастіона, гдѣ нам отведена была особая комната. Очень скоро стали доходить до нас свѣдѣнія, что караул бастіона, захлестываемый, видимо, волнами «кронштадтскаго углубленія революціи», грубо притѣсняет заключенных, как контр-революціонеров, и даже морит их голодом, значительную часть арестантских порцій направляя в свои, вѣрные революціи, желудки. Свѣдѣнія были точныя: их подтверждал и доктор при крѣпости, апатичнаго вида человѣк в формѣ военнаго врача; равнодушным голосом говорил он, что все это правда, и еще равнодушнѣе добавлял, что он не может ссориться с караулом и наживать себѣ врагов... а мы то, мы? Но и Муравьев как то жался и только разводил руками, говоря на мои взволнованныя рѣчи, что и заключенные не наши, и караул не в нашей власти*). Мои слова звучали будто в пустом пространствѣ, не находя отклика, и волненіе мощно нарастало в душѣ, пока не перелилось через край на допросѣ вице-директора Департамента полиціи К. Д. Кафарова... Я знал Кафарова, когда он еще был тов. прокурора моск. суд. пал.: веселый собесѣдник, несравненный тулумбаш на дружеских пирушках... Это была тѣнь прежняго Кафарова.... А когда он на вопросы кого то из нас, замѣтившаго его изможденность, осторожно сказал о положеніи заключенных и смолк, опустив голову и сдѣлав рукою движеніе покорной безнадежности, я свое сердце услышал в висках. Едва удалился Кафаров, я, обращаясь к Муравьеву, взволнованно заговорил, что мы не можем долѣе без протеста терпѣть дикій произвол караула, который позорит новый режим... Помню, что завѣрил, что при Царѣ едва ли бы нашелся прокурор, который бы допустил хотя бы отдаленный намек на подобнаго рода поступки со стороны тюремной стражи. Муравьев на это мнѣ отвѣтил требованіем, чтобы я взял назад свои слова, унижающія новый режим и восхваляющія старый. Я возразил, что если бы я был врагом

*) Шингарев в своем тюремном дневникѣ записал: «сколько раз мы поднимали вопрос об ускореніи суда или освобожденіи, если нѣт улик».

новаго режима, меня бы здѣсь он не увидѣл... Тон моего возраженія был не из сдержанных; Муравьев кипятился не менѣе моего, и чѣм бы все это кончилось, кто может знать? Но выручил меня представитель из лагеря революціонной общественности. С нами на сей раз в крѣпость пріѣхал состоявшій при Комиссіи революціонер, фамилію котораго, к стыду моему, я забыл, а помню только литаратурный псевдоним — Невѣдомскій*); лицо его стоит передо мною, как живое: блѣдный, дрожащій шагнул он ко мнѣ и со слезами на глазах пожал мою руку, говоря, что ему больно за себя и за своих при видѣ, какія безобразія могут теперь твориться. Немного спустя, подошли ко мнѣ и стенографисты с изъявленіем своего сочувствія, но и до этого я по лицам и выраженіям окружающих удостовѣрился, что большинство присутствующих оказалось на моей сторонѣ».

Для того, чтобы вставить повѣсть Завадскаго в соотвѣтствующія хронологическія рамки, надо имѣть в виду, что допрос Кафарова происходил 11 апрѣля, а обращеніе Карабчевскаго, на которое раньше ссылается автор, послѣдовало далеко не в первые дни функціонированія Комиссіи — это было через два мѣсяца, когда произошла уже смѣна министерств и министром юстиціи был Переверзев. В своих воспоминаніях Карабчевскій разсказывал: «Жены почти всѣх заключенных перебывали у меня, прося защиты, при чем справедливо жаловались на то, что их мужей держат уже мѣсяцами без допроса, без предъявленія им каких-либо обвиненій. Всѣ указывали при этом на крайне дурное, во всѣх отношеніях, содержаніе в крѣпости и грубость и своеволіе команд». Карабчевскій, в связи с обращеніем к нему матери Вырубовой, поговорил с новым прокурором суд. пал. прис. пов. Каринским, который признал правильность обвиненій: «Не знаю, как это повелось, но я застал такую картину. Караул крѣпости своевольничает. Он считает себя призванным не только охранять заключенных, но и контролировать распоряженія судебных властей... Ваше сообщеніе я очень приму к свѣдѣнію, но к этому надо подойти очень осторожно. Как только удастся смѣнить караульный состав, я тотчас же возбужу уголовное дѣло». Каринскій рекомендовал Карабчевскому переговорить с Муравьевым. «Я имѣл неоднократные с ним разговоры, встрѣчаясь в разных законодательных комиссіях и в адвокатской», в которой предсѣдательствовал Муравьев и которая засѣдала в квартирѣ Карабчевскаго. Муравьев соглашался, что все это очень печально, и, ссылаясь на Кронштадт, также говорил, что поневолѣ должен дѣйствовать крайне осторожно.

«Как то повелось» с первых дней революціонной неразберихи, что в Петропавловской крѣпости установилась полная «неразбериха». В протоколах Исп. Ком. от 8 марта занесено довольно изумительное заявленіе революціоннаго коменданта крѣпости (им был шт. кап. Кривцов) о том, что они не знают, кому они подчинены, что они сами выбрали себѣ министерство Керенскаго

*) Миклашевскій.

и просят воздѣйствовать на военную комиссію, чтобы «даны были хоть какія-нибудь директивы». Можно было бы предположить, что неразбериха оставалась и в дальнѣйшем, и что в крѣпости руководились в значительной степени лишь самоучрежденным порядком, который приводил к своеволію комендантской власти, неизбѣжно развращавшему караул. Однако, в это предположеніе приходится внести существенный корректив. На другой день послѣ заслушенія в Исп. Ком. «заявленія» коменданта крѣпости и рѣшеніе Комитета «предложить представителям солдатских депутатов и офицерам-республиканцам отправиться в Петропавловскую крѣпость для личных переговоров» в связи с постановленіем об арестѣ Царя и назначеніем мѣстом водворенія его Трубецкого бастіона, Исп. Ком. постановил смѣнить «для этой цѣли командный состав» в крѣпости. Вся дальнѣйшая закулисная сторона пока лежит внѣ доступнаго нам кругозора, — мы знаем только, что в крѣпости установился новый тюремный режим.

В первые дни заключенія всѣ арестованные отмѣчали хорошее содержаніе в камерах Трубецкого бастіона и отсутствіе «озлобленности» и «грубости» у стерегущих: «стража оставалась прежняя равно как и завѣдывавшій бастіоном гвардіи полк. Иванишин, поспѣшившій нацѣпить на себя красный бант» — пишет Курлов. «Нам было предоставлено имѣть собственное бѣлье, постельныя принадлежности, табак и книги, а также получать за свой счет стол из крѣпостного офицерскаго собранія»*). Утверждает Курлов, что 13 марта посѣтил крѣпость министр юстиціи и, собрав всѣх заключенных в камерах в корридор, подчеркнул, обращаясь к Щегловитову, что новая власть не будет подражать прежнему режиму при содержаніи арестованных. Но «через нѣсколько дней» стража потребовала перевода заключенных на «солдатское довольствіе» и лишенія их «собственных постелей и бѣлья». Из дневника, который вел первые дни Протопопов в крѣпости, и который был отобран новым комендантом и передан в Чрез. Ком., видно, что перемѣна эта произошла около 20 марта, когда стала дѣйствовать новая инструкція, выработанная или утвержденная министром юстиціи: еще 15-го Протопопова посѣтила жена и принесла «чай, сахар, булки суш., масло и сыр». Перемѣну режима не приходится объяснять буйством солдат, отмѣченным в дневникѣ Гиппіус. Скорѣе «буйство» явилось результатом перемѣны режима. Мы не знаем новой «инструкціи», но, очевидно, она не отличалась революціонной гуманностью. Топором не вырубить из исторіи революціонных дней факта, засвидѣтельствованнаго будущим ангелом-хранителем заключенных доктором Манухиным (о его миссіи ниже). Манухин разсказывал мнѣ, что когда он в первый раз пріѣхал в крѣпость (это было в концѣ уже апрѣля, т. е. послѣ вопіющей сцены, зафиксированной воспоминаніями Завадскаго), он застал Белецкаго в карцерѣ, куда его посадили по распоряженію министра юстиціи. Карцер представлял собой темную клѣ-

*) См. аналогичное показаніе Воейкова, переведеннаго в Трубецкой бастіон 9-го.

тушку, гдѣ нельзя было ни лечь, ни сѣсть; давали заключенному кусочек хлѣба и воду. Так Белецкій провел недѣлю. Когда его вывели из карцера, он весь опух, слезы наполняли глаза от свѣта. Манухин запротестовал, как врач, против того, что «мучают» заключенных*). Разсказчик утверждал, что Муравьев, с покровительством и снисходительностью позже относившійся к «Степану Петровичу», отнесся скорѣе положительно к такому методу воздѣйствія, который заставил бы Белецкаго развязать язык. И Белецкій заговорил. Нельзя не повѣрить тому, что видѣл сам Манухин. Будем думать, что Керенскій поступал так не из-за присущей ему «жестокости» и что он не знал, что его распоряженіе приведено в исполненіе в таких жестоких формах. Это, однако, не снимает отвѣтственности ни с министра юстиціи, ни с его сотрудников. Власть высшая направляла неразумную волю низших...

Когда читаешь воспоминанія Вырубовой, хочется думать, что она в силу своей истеричности чрезвычайно преувеличила издѣвательства, которыя над нею совершались в дни заключенія в крѣпости. Истерики способны измышлять факты и в них увѣровать. Хочется думать, но так ли это было в дѣйствительности? Со всѣх сторон (и в частности со стороны доктора Манухина) идут подтвержденія того, что разсказы Вырубовой отнюдь не вымысел. Возможно, что мрачныя краски сгущены в разсказѣ о пережитых днях скорби и отчаянія, но это отнюдь не смягчает позорной страницы «революціоннаго правосудія». Вот первый день в описаніи Вырубовой с момента, когда ее «толкнули» в темную камеру № 70 Трубецкого бастіона. По приказанію коменданта, от котораго зависѣло, по его словам, установленіе режима для заключенных, солдаты сорвали тюфячек с кровати и начали срывать с Вырубовой образки и золотыя кольца, глубоко поранив шею. От боли Вырубова вскрикнула, тогда один солдат ударил ее кулаком и, «плюнув в лицо», они ушли. А толпа солдат, собравшись у наблюдательнаго окошка, с насмѣшками и улююканіем наблюдала за заключенной. Впослѣдствіи — замѣчает Вырубова — комендант назвал свою фамилію: Кузьмин, пробывшій на каторгѣ в Сибири 15 лѣт. Упоминает она и об «ужасном Чхоніи», который завѣдывал бастіоном. «В один из первых дней пришла какая то женщина, которая раздѣла меня до нага и надѣла на меня арестантскую рубашку... Раздѣвая меня, женщина увидѣла на моей рукѣ запаянный золотой браслет, который я никогда не снимала. Помню, как было больно, когда солдаты стаскивали его с руки. Даже черствый каторжник Кузьмин, присутствовавшій при этом, увидя, как слезы текли по моим щекам, грубо замѣтил: «оставьте, не мучьте! Пусть она только отвѣчает, что никому не отдаст!» Я буквально голодала... Два раза в день приносили полмиски какой-то бурды, вродѣ супа, в который солдаты часто плевали, клали стекло. Часто от него воняло тухлой рыбой, так что я затыкала нос, проглатывая немного, чтобы только не умереть с

*) Этот термин употревляет и Вырубова, вспомнная, как в камеру по корридору доносились стоны заключеннаго в темный карцер — «об его мученіях надзирательница и даже солдаты говорили с содроганіем».

голода; остальное же выливала в клозет, выливала по той причинѣ, что, раз замѣтив, что я не съѣла всего, тюремщики угрожали убить меня, если это повторится. Ни разу за всѣ эти мѣсяцы мнѣ не разрѣшили принести ѣду из дома... Всякія занятія были запрещены в тюрьмѣ»... «Я была очень слаба послѣ только-что перенесенной кори и плеврита. От сырости в камерѣ я схватила глубокій бронхит... Температура поднималась до 40°. Я кашляла день и ночь; приходил фельдшер и ставил банки... От слабости и голода у меня часто бывали обмороки. Почти каждое утро, поднимаясь с кровати, я теряла сознаніе. Солдаты, входя, находили меня на полу. От сырости от кровати до двери образовалась огромная лужа воды. Помню, как я просыпалась от холода, лежа в этой лужѣ и весь день послѣ дрожала в промокшем платьѣ. Иные солдаты, войдя, ударяли ногой, другіе же жалѣли и волокли на кровать. А положат, захлопнут дверь и запрут»... «Главным мучителем» был тюремный доктор Серебрянников — тот самый, о котором упоминал Завадскій. «Он сдирал с меня при солдатах рубашку — разсказывает Вырубова — нагло и грубо насмѣхаясь, говоря: «вот эта женщина хуже всѣх, она от разврата отупѣла». Когда я на что-нибудь жаловалась, он бил меня по щекам, называя притворщицей и задавая циничные вопросы об «оргіях» с Николаем и Алисой... Даже солдаты, видимо, иногда осуждали его поведеніе»... «Самое страшное — это были ночи. Три раза ко мнѣ в камеру врывались пьяные солдаты, грозя изнасиловать и я чудом спаслась от них. Первый раз я встала на колѣни, прижала к себѣ икону Богоматери и умоляла во имя моих стариков родителей и их матерей пощадить меня. Они ушли... Наше положеніе было тѣм ужаснѣе, что мы не смѣли жаловаться»...

Вѣроятно, положеніе Вырубовой, которую Комиссія впервые допрашивала 6 мая, было безконечно хуже других в силу концентраціи вниманія толпы на ея личности и роли в распутинской эпопеѣ*). И все же с удивленіем останавливаешься перед наивностью, которую проявляла Комиссія при столкновеніи с жестокой дѣйствительностью... Стенограмма 31 марта допроса гр. Фредерикса занесла по истинѣ классическій діалог между предсѣдателем Комиссіи и престарѣлым б. министром Двора (ему было уже 79 лѣт). Больной Фредерикс был из Петропавловской переведен во французскую больницу. Отмѣтив, что он служит уже с 1856 г. (т. е. болѣе 60 лѣт), Ф. указал, что жизненныя условія, в которыя он поставлен, для него «ужасно тягостны».

Пред.: "Граф, я должен сказать, что мы не имѣем отношенія к вашему содержанію под стражей. Вы арестованы по распоряженію Временнаго Правительства. Мы можем довести до свѣдѣнія министра юстиціи о том, что с нашей стороны не имѣется препятствій, но сами освободить вас не можем". *Ф.*: "...только, чтобы он не принял это в дурную сторону. чтобы мнѣ не было хуже, не дай Бог. Я хочу только сказать, какого рода мое состояніе. Ко мнѣ приставили 4-х человѣк. Дверь моя должна

*) Сухомлинова также нѣсколько раз раздѣвали догола, также приходили «смотрѣть», подсыпали однажды битаго стекла в пищу и т. д.

быть открыта постоянно. В дверях сидит часовой с ружьем со штыком. Сидит и смотрит, когда я лежу в кровати. Я всю ночь дверь не могу закрыть. Одѣваясь, я должен всѣ детали моего туалета дѣлать при нем, всегда перед этим человѣком, который стоит и смотрит, как я одѣваюсь" *Пр.:* Граф, позаботьтесь о том, чтобы ваша супруга и дочь хлопотали перед министром юстиціи. *Фр.:* Онѣ уже это сдѣлали. Моя жена очень серьезно больна сердцем и не может ко мнѣ пріѣхать и я не могу видѣть ее. За что? Что я сдѣлал? *Пр.:* Граф, это будет сдѣлано. *Фр.:* Пожалуйста, только, чтобы не стало хуже. Хуже трудно, чтобы сдѣлали. Вообще ужасная грубость этих людей, они — на "ты" *Пр.:* Граф, нужно пожаловаться их начальству. *Фр.:* Ради Бога, чтобы меня не перевели еще в крѣпость. Я не выживу там недѣли, умру. Они говорят так: "Ну слушай, тебѣ вот до этого мѣста ходить" Я говорю: помилуйте, чтобы с генералом так говорил нижній чин. Я, как старый военный... Развѣ вас не возмущает подобное обращеніе? *Пр.:* Да, конечно. Вы должны были сказать начальству, и это было бы прекращено. *Фр.:* Я сообщил, но никакого результата нѣт... *Пр.:* Граф, мы сообщим министру юстиціи"...

. Прошли мѣсяцы, а старый министр Двора оставался в заключеніи.

Волненіе члена Комиссіи Завадскаго «перелилось через край» только тогда, когда он на допросѣ встрѣтился со старым сослуживцем. Завадскій с благодарностью вспоминает Врем. Прав. за свободу слова. И остается только подивиться, что никто из присутствовавших в нѣдрах Комиссіи против творившихся «безобразій» не попробовал даже обратиться к сободной печати. Никто не счел своим долгом публично протестовать против того, что подслѣдственные находятся на положеніи худшем, чѣм каторжане, что в казематах Трубецкого бастіона Петропавловской крѣпости призраки ненавистнаго прошлаго приняли вновь реальныя очертанія и, может быть, при отсутствіи бюрократической регламентаціи пріобрѣли стократ худшія формы. В свободной печати не только не появилось разоблаченій, но, наоборот, подчеркивалось нѣчто противоположное. Напр., в «Рѣчи» 30 апрѣля говорилось, что караул в Петропавловской крѣпости «исключительно надежный». Отношеніе к арестованным корректное и гуманное — «об издѣвательствах и глумленіях стараго режима нѣт и помину». Мало того, в газетах можно было прочитать рѣчь занимавшаго тогда офиціальное положеніе в революціонной администраціи Сватикова на съѣздѣ делегатов фронта 4 мая о том, как у заключенных в Петропавловской крѣпости «мѣняется тон» и они становятся т р е б о в а т е л ь н ы м и », ибо чувствуют, что анархія влечет Россію к такой диктатурѣ, при которой пожалѣют и о старом самодержавіи. Буквально в тѣх же выраженіях повторяет утвержденіе «Рѣчи» в воспоминаніях б. комендант Таврическаго Дворца полк. Перетц, — вѣроятно, также говорил он и в момент своего посѣщенія Петропавловской крѣпости. Поверхностный ген. Половцев, посѣтившій в маѣ Трубецкой бастіон в качествѣ командующаго войсками, нашел, что «условія жизни там совсѣм не плохи: пища и санитарныя условія немного хуже, чѣм в гостиницѣ Асторія». Это он сам раз-

сказал в воспоминаніях... Может быть, при таких условіях и не слишком приходится удивляться наивности современников, не представлявших себѣ условій содержанія арестованных, установившихся в революціонной тюрьмѣ, в одной из русских Бастилій.

Этих условій коснулся и Муравьев в докладѣ на съѣздѣ — тогда уже тюремный быт в крѣпости подвергся нѣкоторому измѣненію. «Товарищи — говорил предсѣдатель Чр. Сл. Комиссіи — много распространяют легенд относительно содержащихся под стражей. Одни говорят — и эта версія поддерживается родственниками, близкими и знакомыми арестованных и, быть может, находит себѣ сочувствіе в части прессы — одни говорят, что положеніе арестованных страшно плохо, что их чуть не мучают, истязают и т. д. Товарищи, нужно это опровергнуть совершенно твердо и опредѣленно. Этим не только никто не занимается, но мы считаем, что это не нужно и это было бы позорно для русскаго свободнаго народа. Нужно отгородиться в этом отношеніи от прежняго, нужно сказать, что вы — старые люди, старая власть дѣйствовала такими пріемами, какими мы дѣйствовать не желаем, и которые мы принципіально отвергаем. Но, товарищи, отвергните также и другое. Другіе говорят, что им живется легко, что мы чрезмѣрно им потакаем. Товарищи, нужно стать в этом отношеніи на дѣловую почву, нужно отмѣнить всякую маниловщину. Товарищи, мы дѣлаем серьезное дѣло — криминальную оцѣнку лиц, нарушивших законы, которые при них существовали, и было бы также скверно дѣлать в этом отношеніи какія-либо поблажки. Тут я должен сказать: их режим строг и суров, он почти такой же, какой был при старом режимѣ. Я говорю: почти такой же, с тѣм лишь измѣненіем, что они ѣдят теперь из солдатскаго котла. Но это, конечно, мы примѣняем к тѣм из них, которые здоровы. В нашем вѣдѣніи не находятся тюрьмы — онѣ находятся в вѣдѣніи министерства юстиціи, в вѣдѣніи прокурора палаты, — но мы сносимся с арестованными и всегда обращаем вниманіе на то, что говорят врачи: если врач говорит, что что-либо разрушает их здоровье, то это должно быть устранено. Им не дают лакомств, но раз возникает вред для их здоровья, им дают необходимые пищевые продукты, им дают улучшенную пищу, хлѣб, молоко и яйца. Комиссія позаботилась о том, чтобы за этим слѣдил врач, который пользуется, я думаю, всеобщим довѣріем демократіи, это доктор Манухин, ученик Мечникова, друг Горькаго, апробированный в этой должности петроградским Совѣтом Р. С. Д., и мы считаем, что мы правильно ведем в данном случаѣ эту среднюю линію не по пути стараго режима и без всякаго, так сказать, розоваго отношенія к тѣм людям, которые погрѣшили перед русским народом».

Политическая честность и чувство собственнаго достоинства должны были заставить предсѣдателя Комиссіи говорить по поводу болѣзненных явленій эпохи по другому и вспомнить слова Карабчевскаго, что нельзя оставаться предсѣдателем Слѣдственной Комиссіи, не будучи в правѣ распоряжаться судьбой заключенных. Какой-то самогипноз мѣшал выступить с правдивым разска-

зом, общественные предразсудки цѣпко держали совѣсть — та же психологія, только навыворот заставляла Щегловитова покрывать «ужасное» дѣло убійства революціонера Ишера*). Здѣсь уже не приходится говорить об «юридическом идеализмѣ» — то была демагогическая тактика, ошибочная в своем основаніи.

Подобная тактика нашла себѣ яркое примѣненіе при разрѣшеніи безконечно затягивавшейся трудной проблемы о заключенных в тюрьмѣ кронштадтских офицерах. Вр. Пр. перваго состава не смогло окончательно урегилировать этот вопрос, хотя в Кронштадт выѣзжала спеціальная слѣдств. комиссія во главѣ с Переверзевым, занявшим пост прокурора палаты. При новом правительствѣ вопрос об арестованных офицерах всплыл в связи с общим вопросом, поставленным в Совѣтѣ 22 мая о Кронштадтѣ. 17 мая кронштадтскій совѣт 210 гол. против 40 при 18 воздержавшихся постановил взять в свои руки фактическую власть, объявить Кронштадт не признающим Временное Правительство и обращаться непосредственно в Петроградскій Совѣт. 22-го в присутствіи делегатов из Кронштадта позиція послѣдняго подверглась довольно рѣзкому осужденію со стороны Петроградскаго Совѣта. На предложеніе Церетелли передать в руки правосудія офицеров, которых кронштадтцы без суда держат в крѣпостных казематах, представитель кронштадтских делегатов Рошаль отвѣтил, что офицеров они выдадут только тогда, когда Петроградскій Совѣт возьмет к себѣ всѣх арестованных реакціонеров из всей Россіи. В концѣ концов привительство предложило своим министрам Церетелли и Скобелеву, бывшим и представителями Совѣта, поѣхать непосредственно в Кронштадт, чтобы уладить конфликт. Договориться с кронштадтцами посланцы сумѣли, и мѣстный совѣт уже 195 голосами против 21 при 22 воздержавшихся принял резолюцію: «Согласуясь с рѣшеніем большинства революціонной демократіи Петроградскаго Совѣта Р. и С. Д., признавшаго нынѣшнее Временное Правительство облеченным полнотой государственной власти, общей для всей революціонной Россіи, мы с своей стороны вполнѣ признаем эту власть... Мы надѣемся, что путем идейнаго воздѣйствія на мнѣніе большинства демократіи нам удастся склонить это большинство на путь, признаваемый нами единственно правильным (т. е. созданія новой организаціи центральной власти, «передав всю власть в руки совѣтов»)... По вопросу об арестованных офицерах**) Совѣт... заяв-

*) Предразсудки не так легко искореняются. Манухин разсказывал, что в эмиграціи, когда он захотѣл возразить на утвержденіе Керенскаго в «Днях» о хорошем положеніи заключенных в дни революціи, редактор «Пос. Нов.», т. е. Милюков, отказался помѣстить его письмо по тому мотиву, что нельзя дискредитировать в період большевицкаго террора Временное Правительство.

**) Правительственная делегація, как видно из доклада Церетелли в Исп. Ком. указала кронштадтцам, что «в интересах демократіи вынести этот вопрос на свѣт тласности, что борьба с контр-революціей, во имя которой эти аресты были произведены, может быть успѣшно поставлена, если от нея будет отметено все, что может бросить хоть какую-нибудь тѣнь на формы, в которых она ведется... Нужно устранить возможность обвиненія и упреков, что в дѣлѣ офицеров допущены отступленія от общих норм содержанія под стражей и что не приняты всѣ гарантіи для установленія виновности заключенных.

ляет, что он окажет содѣйствіе слѣдственной комиссіи, назначенной высшей судебной инстанціей, при совмѣстной работѣ с ней представителей мѣстной слѣдственной комиссіи от Совѣта... Кронштадта, при производствѣ предварительнаго слѣдствія в Кронштадтѣ, с тѣм, чтобы лица, которых эта комиссія предаст суду, направлялись для суда в Петроград с вызовом из Кронштадта представителей заинтересованной команды при разборѣ дѣла... В виду распускаемых нѣкоторыми органами печати ложных свѣдѣній, будто бы арестованные офицеры находятся в исключительно тяжелых условіях — подвергаются истязаніям со смертными случаями, Совѣт приглашает представителей партій, общественных организацій и печати путем посѣщенія заключенных и личнаго осмотра убѣдиться в неосновательности подобных слухов»...

Давая 28-го в Исп. Ком. отчет о своей поѣздкѣ в Кронштадт, Церетелли говорил (по отчету в протоколах) о том «тягостном впечатлѣніи», которое он вынес при посѣщеніи крѣпостных казематов: «условія ужасны... но объясняются они характером самой тюрьмы, а не злой волей, умышленным желаніем причинить страданія, как это изображается в б у р ж у а з н о й печати». Таким образом и здѣсь не было произнесено суровое слово осужденія революціонному насилію и революціонному беззаконію, хотя тогдашній лидер совѣтскаго большинства и провозглашал в Кронштадтѣ истину: «вожди не в правѣ угождать демократіи, т. е. толпѣ»... Приходится очень сожалѣть, что никто не воспользовался «приглашеніем» кронштадтцев. Так или иначе цѣль была достигнута, и значительное число арестованных послѣ разбора дѣл слѣдственной комиссіей под предсѣдательством прис. пов. Жданова было в серединѣ іюля переведено в Петербург в арестный дом и содержалось по крайней мѣрѣ, в человѣческих условіях: вѣдь среди «кронштадтских мучеников» далеко не всѣ были прежними «мучителями»...

Петропавловская крѣпость, конечно, не была «кронштадтской республикой», хотя, допустим, и находилась под тлетворным вліяніем особняка Кшесинской. И здѣсь при обнаружившейся «злой волѣ» и «умышленном желаніи причинить страданія» ссылка на необходимость осторожности в виду настроенія караула и пр., означали бездѣйствіе и равнодушіе, почти преступное для носителей званія революціонной власти. Прослѣдим судьбу Вырубовой, хотя бы по ея собственному разсказу с добавленіем нѣкоторых подробностей, приходящих со стороны, — и перед нами вскроется довольно отчетливо картина того, что было*).

В докладѣ Съѣзду Совѣтов предсѣдатель Сл. Комиссіи, как мы видѣли, подчеркнуто выставил, как особую заслугу Комиссіи, привлеченіе к наблюденію за арестованными в Петропавловской крѣпости доктора Манухина, пользующагося «общим довѣріем демократіи». Явилось ли это результатом «побѣды» Завадскаго или

*) По словам матери Вырубовой, она в своих ходатайствах о дочери доходила лично до министра юстиціи, — но он встрѣтил ее «грубо» и сказал, что «ничего сдѣлать нельзя».

инициативы самого Муравьева — безразлично. «Доктора Манухина — вспоминает Завадскій — я любил и считал его своим другом; человѣк безупречной порядочности и полнаго безкорыстія, он в соотвѣтствіи с требованіями момента имѣл «лѣвое» прошлое в видѣ «политической судимости»... Конечно, смѣна врача еще далеко не все, но хоть что-нибудь и то хорошо. Поэтому я горячо убѣждал И. И. Манухина не отказываться от предложенія, в котором, конечно, ничего заманчиваго не было»*). Когда назначеніе Манухина состоялось, заключенные почувствовали облегченіе: он внимательно обходил камеры, тщательно осматривал больных, прописывал усиленное питаніе для тѣх, кто в нем нуждался, и рѣшительно осаживал караульных при малѣйшей их попыткѣ «свое мнѣніе имѣть». И дѣйствительно, как луч солнца, проникшій в подземелье, отмѣчается появленіе в казематах Трубецкого бастіона Манухина, обошедшаго в первый раз камеры 23 апрѣля. Смѣнили не только врача, но и коменданта — по требованію Керенскаго, как вспоминает Половцев. Комендантом был назначен в серединѣ мая один из офицеров 4-го стрѣл. полка, инвалид Апухтин, который сумѣл взять «правильный тон» и наладить дѣло**). «Понемногу — вспоминает Вырубова — положеніе мое стало улучшаться. Многіе солдаты из наблюдательной команды стали хорошо ко мнѣ относиться... жалѣли меня, защищали от грубых выходок своих товарищей». Нашлась и «добрая» надзирательница и «добрые караульные начальники» и хорошіе «старшіе» и простые солдаты, дѣлившіе с заключенной сахар и хлѣб. Нашелся и «поваренок», подкладывавшій мясо в суп, и завѣдующій библіотекой бастіона, за «небольшое вознагражденіе» приносившій заключенной из дома бѣлье и письма и т. п.***). «Послѣднее время моего заключенія они никогда не запирали двери и час или два заставляли меня рисовать... их портреты». Послѣднія замѣчанія Вырубовой показывают, как относительно должно быть понимаемо утвержденіе слѣдователя Руднева, что «грубое издѣвательство» над арестованной побудило Слѣд. Комиссію перевести ее в арестный дом при быв. губ. жанд. управленіи. Вырубова переведена была из крѣпости лишь в серединѣ іюня, когда разслѣдованіе ея дѣятельности пришло к концу, и когда, по распоряженію Комиссіи, в концѣ мая она была подвергнута медицинскому освидѣтельствованію, установившему, что Вырубова дѣвственница. Вѣроятно, это было сдѣлано только в интересах заключенной. и все-таки как то трудно примириться с таким фактом — какое отношеніе имѣла Слѣд. Комиссія, разсматривавшая преступныя дѣянія министров,

*) По словам Манухина Муравьев просил его порекомендовать кого-либо на мѣсто Серебрянникова. Манухин предложил себя при условіи, что ему не будут платить жалованья.

**) Половцев всю одіозность переносит на помощ. коменданта пор. Берса, который-де заявил, что он назначен в крѣпость Совѣтом и командующему не подчинен (в воспоминаніях Вырубовой Берс фигурирует нѣсколько в ином видѣ). Смѣна коменданта произошла легко, без всяких осложненій, послѣ «миролюбиваго разговора» с Берсом.

***) Людей «с человѣческим сердцем» отмѣчает и Сухомлинов при описаніи своих тюремных переживаній.

к интимной обстановкѣ частной жизни? Письма Вырубовой к родителям из тюрьмы, помѣченныя послѣдними числами мая (они приведены в приложеніи к воспоминаніям), еще болѣе рѣшительно опровергают слова Руднева и подчеркивают совершенно непонятную двойственную тактику Комиссіи... «Предсѣдатель Сл. Ком. объявил мнѣ, что я уже больше вѣдѣнію их не принадлежу, так что теперь должна просить министра о пресѣченіи мѣр заключенія. Я уже послала бумагу и просилась к вам под домашній арест. Я боюсь вѣрить этому счастью. Теперь все дѣло в руках министра... Если к вам нельзя, то в лазарет... Мнѣ все кажется, что здѣсь умру». «Не вѣрь — пишет она в другом письмѣ матери — когда говорят, что мнѣ безопаснѣе здѣсь — вѣдь всякая женская тюрьма лучше этого ада. Во-первых, все ложь: Муравьев, напримѣр, вчера опять приходил, говоря: «Вы знаете, вѣдь от меня не зависит, а от министра юстиціи, у него могут быть высшія соображенія... (многоточія автора). Конечно, если спросят Комиссію, мы отвѣтим, что ничего против вашего освобожденія не имѣем». Нельзя ли попросить министра юстиціи перевести хоть меня арестованной в лучшія условія, — хоть окно, а не форточку у потолка... Меня *опять* (курсив мой) допрошивал судебный слѣдователь 4 часа»... В дальнѣйшем: «Умоляла увеличить прогулки хоть на 10 минут, но не разрѣшили. Вѣдь Трубецкой бастіон — самая ужасная тюрьма в Россіи... Вчера приходила ко мнѣ Слѣдст. Ком., так как доктор находит меня слабой. Муравьев говорил мнѣ, что ты была у него — сказал: «вы сами виноваты, что не так отвѣчали на допросѣ» (не правда), указал мнѣ еще раз написать все подробнѣе и подал надежду, что тогда скоро выйду»... «Буду писать для комиссіи, но послѣ двух мѣсяцев тюрьмы, тяжелой кори, у меня голова почти не соображает... Я только что вернулась с допроса: меня допрашивали приблизительно по тѣм же вопросам 4 часа... Я устала до слез, иду спать, еле есть силы»*). Самый вывоз Вырубовой из крѣпости отнюдь не сопровождался тѣми преувеличенными трудностями, которыя изображает Вырубова, и которыя, повидимому, предвидѣл Манухин, как видно из воспоминаній Суханова — к нему обратился взволнованный Манухин за содѣйствіем. Не понадобилось принимать никаких особых предосторожностей («чрезвычайных мѣр») против возможнаго противодѣйствія гарнизона, готовившаго «самочинную расправу» с «знаменитой царской фрейлиной». Пригласив с собой члена президіума Совѣта Анисимова, Суханов с Манухиным пріѣхали в крѣпость и без большого труда выполнили свое заданіе. Часовые. по показанію Суханова, смотрѣли «подозрительно», но не задержали. Экспедиція обошлась «совершенно благополучно»**) — никаких переговоров с гарнизоном не пришлось вести,

---

*) «Допросы», о которых пишет Вырубова, показывают, какое неполное представленіе дают нам напечатанныя «стенограммы», воспроизводящія лишь допрос Вырубовой 6 мая.

**) Отмѣчу хорошее впечатлѣніе Суханова от «свѣтлых и чистых камер Трубецкого бастіона».

злоумышлявшіе заговорщики*), предполагавшіе «убить Вырубову», на сценѣ не появились, а присутствовавшіе солдаты по словам Вырубовой жали ей руки и поздравляли. И мнѣ кажется, что «рѣшеніе» гарнизона, объявившаго, что «никому не позволит вывозить из крѣпости царских слуг», что он не довѣряет правительству и не видит никаких гарантій правосудія для своих палачей, кромѣ содержанія их в крѣпости под охраной своих штыков (так формулирует Суханов и скажет: «знаменіе времени») — плод нѣсколько преувеличеннаго страха или воображенія мемуариста, навѣяннаго заявленіем коменданта крѣпости, появившимся в газетах 14 іюля, о том, что им приняты рѣшительныя мѣры против частных выступленій и имѣвших мѣсто «недоразумѣній». Должен, однако, оговориться, что Манухин всецѣло подтверждает разсказ Суханова. Он говорит, что большевицки настроенный гарнизон дѣйствительно противодѣйствовал вывозу арестованных и в одном из таких случае залег на землю цѣпью и начал обстрѣливать автомобиль. Непосредственный караул в Трубецком бастіонѣ, набранный из всѣх частей столичнаго гарнизона и находившійся в «контактѣ» с гарнизоном крѣпости**), также допускал вывоз только больных по удостовѣренію доктора Манухина, и послѣднему приходилось предварительно убѣждать караул в необходимости такой мѣры, прибѣгая даже к инсценировкѣ симмуляцій: так он порекомендовал Белецкому громко стонать, когда наблюдательная солдатская комиссія будет обходить казематы. Тогда наблюдатели согласились на отправку больного Белецкаго в больницу — нельзя «мучить» людей.

«Знаменіем времени» нельзя не признать того обстоятельства, что «вывоз» Вырубовой из Петропавловской крѣпости произведен был не членами министерства юстиціи, а доктором Манухиным при содѣйствіи представителей Совѣта, дѣйствовавших как бы ex officio. Это яркій примѣр того, как правительственная власть на практикѣ создавала пагубное для своего авторитета двоевластіе. По словам Манухина к такому совѣтскому представительству приходилось прибѣгать всякій раз — если не к Суханову, то к Гоцу. Позже для большаго авторитета стали обращаться к Луначарскому. Представители министерства и Слѣдственной Комиссіи не появлялись и вліянія не имѣли.

Формально тюремный режим в крѣпости не измѣнился: то же арестантское платье***), тѣ же 10-минутныя прогулки, запрещеніе передач с воли, кратковременныя (также 10 минут) строгія свиданія с соблюденіем всѣх худших правил стараго режима (по словам

*) О «заговорѣ» со слов Манухина говорил Суханов. В гарнизонѣ будто «окончательно оформилось настроеніе в пользу самочинной расправы с заключенными. Избіенія можно было ожидать с часа на час, и Вырубова намѣчена была, как «первая жертва».

**) Может быть, в данном случаѣ весь сыр-бор загорѣлся из сообщенія самой Вырубовой, услышавшей разговор в корридорѣ солдата Кулакова, говорившаго, что надо Вырубову убить, и укравшаго для этой цѣли два револьвера.

***) Теорія и практика не всегда совпадают: перед слѣдователем Кореневым б. военный министр Бѣляев предстал в генеральских погонах.

Манухина, Макаров был, напримѣр, лишен свиданія за то, что сын бросился на шею к отцу) и т. д., и т. д. К сожалѣнію, мы не имѣем возможности установить, что здѣсь являлось выполненіем «инструкцій», и что зависѣло от мѣстнаго усмотрѣнія. Для объективности историческаго впечатлѣнія необходимо отмѣтить тѣ условія, в которых содержалась Вырубова в арестантском домѣ, формально все еще находясь под слѣдствіем. Она была, по ея словам, единственной женщиной — кромѣ нея здѣсь находились ген. Бѣляев и 80-90 морских офицеров из Кронштадта. Комендант Наджаров обращался со всѣми заключенными «предупредительно и любезно». Вырубова помѣщалась в отдѣльной комнатѣ. Так как Вырубова был в нервном состояніи, то разрѣшили с ней спать кому-нибудь из сестер милосердія из бывшаго лазарета Вырубовой, — сестра ложилась на полу на матрацѣ. К Вырубовой допускалась для помощи прислуга из дома. Караул появлялся раз в день при смѣнѣ. Свиданія были разрѣшены по 4 часа в день без посторонних свидѣтелей; в день рожденія Вырубовой в походной церкви лазарета была отслужена обѣдня при стройном хоровом пѣніи солдат. Из дома Вырубовой была доставлена одежда, книги и «многое множество цвѣтов». 24 іюля, наконец, Вырубова была освобождена — в газетах было сказано, что Вырубова была освобождена по болѣзненному состоянію на поруки матери — ее провожали арестованные и солдаты. Не так, очевидно, все уже было плохо и жестоко при революціонном правительствѣ.

Тѣм ярче выдѣляется черным пятном Петропавловская крѣпость. Сопоставленіе быта двух тюрем, одинаково охраняемых одними и тѣми же солдатами гарнизона, довольно наглядно показывает, что территоріальныя условія зависѣли не только от революціонной стихіи и что во всяком случаѣ с этой «стихіей» можно было бороться и даже устранить ее. Условія быта в этой вдвойнѣ знаменитой теперь «русской Бастиліи» при новом комендантѣ все же значительно измѣнились. Самовластіе караула, конечно, не было устранено, как мы видѣли из разсказа Манухина. Оно ярко проявилось, напримѣр, в дни сухомлиновскаго процесса. Корреспондент «Русск. Вѣд.» отмѣчал в своем отчетѣ, что Сухомлинов в послѣдніе дни имѣл совершенно измученный вид — «еле держался на ногах». Причина лежала не только в моральных переживаніях, но и в физических, ибо по требованію караула Сухомлинов в крѣпости подвергался особо строгому режиму — заставляли спать на соломѣ и т. д. Караул был возбужден обстановкой процесса и той газетной травлей, которая велась вокруг процесса — опять, как говорили, создавалась атмосфера «самосуда». Одно из газетных сообщеній передавало, что к зданію суда 2 сентября явились три роты Преображенскаго полка и потребовали «выдать» им подсудимаго. Время процесса совпало с «временной» замѣной кап. Апухтина другим лицом. Может быть, в этом и была главная причина разнузданности караула. Но обратил ли вниманіе кто-либо из прокуратуры на ненормальное положеніе подсудима-

го? Намеков на это я не нашел*). Имѣющіе власть не реагировали на злоупотребленія революціоннаго времени. В этом корень зла. Думаю поэтому, что в разсказы тѣх мемуаристов, которые склонны отвѣтственность возложить на «стихію», как и тѣх, кто отвѣтственность перелагает на «демагогов», надо внести существенныя ограниченія. Напримѣр, Романов утверждает, что «для освобожденія из-под стражи не достаточно было преодолѣть сопротивленіе нѣкоторых членов комиссіи и правительства, но необходимо было еще получить согласіе коменданта и самочиннаго гарнизона Петропавловской крѣпости. Тѣ просто брали взятки и до полученія их постановленія комиссія нерѣдко не приводились в исполненіе. Об этом тогда же было сообщено министру юстиціи и военному с требованіем возбудить уголовное преслѣдованіе против виноватых, но власть так трепетала перед всякими самочинными организаціями, что не было даже назначено слѣдствія». Слѣдствія, дѣйствительно, не было, но болѣе, чѣм сомнительно, что его требовали члены Комиссіи — в том числѣ Романов. Возможно, что находились такіе караульные «офицеры», которые вымогали у матери Вырубовой деньги, о чем разсказывает Карабчевскій, вымогали и у родственников других арестованных. В составѣ «гарнизоннаго комитета числились такіе авантюристы, как, напримѣр, «поручик Чхонія» (вѣроятно тот самый Чхонія, котораго упоминает Вырубова), носившій или присвоившій себѣ званіе «адъютанта Петропавловской крѣпости», а в дѣйствительности вольно-опредѣляющійся грузин Арчил Чхонія, «дезертир из полка», личность с темным прошлым, извѣстная уголовной полиціи по клубным дѣлам, скандалам и безобразіям в пьяном видѣ на улицах (об его похожденіях упоминает Кельсон). Половцев, знавшій по слухам, что дѣлалось в Петропавловской крѣпости до назначенія его командующим войсками, упоминает также о том, что «гарнизонный комитет» не выпускал подлежащих освобожденію арестованных (дѣло шло о переводѣ из крѣпости в другое соотвѣтствующее узилище), пока нѣкій «вольноопредѣляющійся не получал соотвѣтствующей мзды (сенатор Добровольскій, кажется, заплатил 5 т., Вырубова 2 ½). Доктор Манухин, непосредственно наблюдавшій жизнь Петропавловской крѣпости, отрицает эти факты. Конкретно мы не можем установить ни одного факта из области криминальных дѣйствій «гарнизона», о которых в слишком суммарной формѣ повѣствует Романов. Случаи такіе могли имѣть мѣсто — может быть, в нѣсколько иной коньюнктурѣ — напр., люди типа Арчила Чхонія могли вымогать деньги угрозой, что гарнизон окажет противодѣйствіе переводу из крѣпости заключенных, и вести соотвѣтствующую агитацію**).

*) Впослѣдствіи это отмѣчалось даже с преувеличеніем. Так б. прокурор Моск. суд. палаты Чебышев, числившійся в рядах судей по сухомлиновскому процессу, писал: «За колоннами, как хор древне-греческой трагедіи, безпрерывно дежурил отряд измайловцев, грозившій перебить весь состав суда, если подсудимые не будут присуждены к смертной казни».

**) Молва и иные мемуаристы широко использовали тему о взятках. Есть такой мемуарист, которому по праву можно было бы дать литературный псевдоним из фонвизинскаго «Недоросля» — это придворный маклер по

От б. прокурора, участника Слѣдственной Комиссіи, можно было бы требовать большей точности в изложеніи. Между тѣм он не отдает себѣ отчета (в воспоминаніях) даже в формальной сторонѣ освобожденія подслѣдственных лиц, желая только всемѣрно обвинить во всѣх смертных грѣхах предсѣдателя Комиссіи, представлявшаго собой, как бы «так называемую общественность». Как «типичный образчик уваженія новых дѣятелей к самостоятельности и независимости суда» — он приводит случай «освобожденія» послѣдняго министра юстиціи стараго режима сенатора егермейстера Добровольскаго. Добровольскій обвинялся во взяточничествѣ, но — утверждает Романов — «всѣ первоначально выдвинутыя против него улики были на слѣдствіи рѣшительным образом опровергнуты». Дѣло предполагалось направить на прекращеніе. Против освобожденія были, конечно, сам Муравьев, Соколов, Щеголев, но большинством голосов было постановлено Добровольскаго освободить. Тогда Муравьев недовольно-капризным жестом бросает переписку секретарю со словами: «ну так и запишите, но пока не исполняйте». По настоянію моему и сен. Смиттена Добровольскій был, однако, на слѣдующій день освобожден, на наше требованіе объяснить, как он позволил себѣ единолично пріостановить постановленіе Комиссіи, Муравьев, в концѣ концов, проговорился, что хотѣл предварительно узнать, как к освобожденію отнесется министр юстиціи» (этот министр юстиціи, конечно, Керенскій, хотя в дѣйствительности в августѣ министром был Зарудный). Допустим, что против Добровольскаго, дѣйствительно, не было «улик» для привлеченія его к уголовной отвѣтственности, но если это так, то до привлеченія заключенные находились в вѣдѣніи министра юстиціи, и Комиссія не могла их освобождать своим постановленіем. (Если бы Романов указывал на абсурдную дефективность такого порядка, он был бы прав в своем негодованіи). В дѣйствительности все было по иному. По разсказу Завадскаго Добровольскій был в его уже время (он ушел в серединѣ мая) единственным подслѣдственным, привлеченным к отвѣтственности*). По газетным сообщеніям послѣдних дней іюля можно установить, что дѣло Добровольскаго предполагалось поставить третьим (первым было

брилліантам и распутинскій «секретарь» Симанович. Он разсказал, как был заключен в Петропавловскую крѣпость в качествѣ «заложника» и освобожден за 200 т., врученных министру юстиціи Переверзеву адв. Фейтельзоном для организаціи «фиктивнаго бѣгства», и как остался в Петербургѣ, уплатив через адв. Хвольсона члену Совѣта Соколову 40 т. Фантазія ничѣм не ограничена. Болѣе интересно сообщеніе, которое сдѣлал на основаніи того, что он слышал от «организованных матросов» в Кронштадтѣ соц.-дем. инт. Ерманскій на конференціи циммервальдцев 2 сентября: большевики Рошаль и Раскольников брали деньги за освобожденіе офицеров. Факт этот зарегистрирован в протоколѣ петерб. комитета большевицкой партіи за 24 сентября.

*) Другой примѣр Романова не болѣе убѣдителен. «Когда мы рѣшили настоять на освобожденіи Штюрмера», то Керенскій, прослышав об этом, «прибѣжал» в Комиссію и увѣрял, что освобожденіе произведет тяжелое впечатлѣніе на «широкія демократическія массы» и «может взорвать правительство». Опять-таки по іюльским газетам Штюрмер был привлечен за «растрату». Он был переведен в больницу в момент припадка уреміи и умер 20 августа.

дѣло Сухомлинова, вторым предполагалось дѣло Макарова, Виссаріонова, Белецкаго по связи с провокаціей члена Думы большевика Малиновскаго). Освобожденіе Добровольскаго мотивировалось старостью и болѣзненным состояніем, и тѣм, что нѣкоторыя обстоятельства в дальнѣйшем слѣдствіи разъяснились в его пользу — это было измѣненіе мѣры пресѣченія преступленія*).

Я остановился на этих индивидуальных случаях для того, чтобы еще раз показать тенденціозность мемуаристов, которые по своему офиціальному положенію в Комиссіи, казалось бы, могли быть компетентными свидѣтелями. Комиссія неизбѣжно отражала в себѣ отрицательную сторону дѣятельности министерства юстиціи и всего правительства, совершенно подчас запутывавшагося в своей двойственной политикѣ комбинаціи постулатов свободы, права и законности с революціонным насиліем и согласованности с настроеніями революціонной демократіи**). Судьба заключенных в этом отношеніи, конечно, представляет очень наглядную иллюстрацію. Послѣ постановленія правительства о ликвидаціи внѣсудебных арестов (26 іюля) логически требовалось освобожденіе всѣх, кому не предъявлено обвиненія. Но слово разошлось с дѣлом***). 1 августа правительством было издано постановленіе: 1. «предоставить министру вн. д. по соглашенію с министром юстиціи постановлять о заключеніи под стражу лиц, дѣятельность которых является особо угрожающей завоеванной революціей свободѣ и установленному нынѣ государственному порядку. 2. Подвергнуть этих лиц высылкѣ в особо указанныя для сего мѣстности, предлагать указанным лицам покинуть в особо назначенный для сего срок предѣлы Россійскаго государства с тѣм, чтобы в случаѣ невыбытія их в теченіе этого срока за границу (это во время войны!), они принудительно водворялись на жительство в особо указанных для сего мѣстах Россійскаго государства. Дѣйствіе этого постановленія прекращается со дня открытія Учред. Собранія». «Отходной» революціи назвала московская либеральная газета это правительственное мѣропріятіе. «Русскія Вѣдомости» сомнѣвались в том, что правительство не может обойтись без отмѣны основных гарантій неприкосновенности личности для того, чтобы охранять завоеванія революціи: «Основной причиной развала и разрухи («летаргіи правосудія», как писала газета в другом мѣстѣ) была слабость власти, ея безсиліе, но это безсиліе было обусловлено не тѣм, что у власти не было достаточных полномочій, а тѣм, что эти полномочія не использовались». Газета напоминала, что «кронштадтскіе офицеры до сих пор сидят в тюрьмѣ без суда и слѣд-

*) Завадскій приводит любопытныя бытовыя детали для характеристики этого «безшабашнаго свѣтскаго вивера», по характеристикѣ Карабчевскаго, — либеральнаго распутинскаго протеже.

**) В воспоминаніях Суханова можно встрѣтить рѣшительное осужденіе политики мин. юст. Переверзева, стремившагося к ликвидаціи революціонных процессов и распоряжавшагося об освобожденіи «самых гнусных дѣятелей стараго режима». Мемуарист не возвысился над сознаніем большевизанствующих путиловцев, протестовавших в началѣ августа против подобных освобожденій.

***) Почему это произошло, будет показано ниже.

ствія». Газета указывала на опасный прецедент: «отступленіе от великих завѣтов права никогда не проходит безнаказанно»...

Была создана еще новая инстанція (какая по счету!) — особая комиссія по внѣсудебным арестам, которая накладывала свое вето на освобожденіе. Напр., Чр. Сл. Ком. постановила в августѣ освободить Дубровина, но он был оставлен в тюрьмѣ еще на 3 мѣсяца, так как другая комиссія признала вредным освобожденіе этого извѣстнаго дѣятеля Союза Русскаго Народа с точки зрѣнія общественнаго спокойствія; такая же судьба позже постигла ген. Спиридовича. Беззаконіе было облечено в законныя формы и неисповѣдимыми путями судьбы было возстановлено, по выраженію «Рус. Вѣд.», «одно из самых ненавистных воспоминаній стараго режима: административные аресты и высылки».

Все это отражалось на закономѣрности в дѣятельности Чр. Сл. Ком., Завадскій вспоминает, как он в нервном состояніи, в котором находился в період дѣятельности своей в Чрез. Сл. Ком., раздраженно сказал женѣ одного заключеннаго, выступавшей просительницей за мужа, б. директора деп. полиціи, и заявившей, что при старом режимѣ никогда не держали под стражей 24 часа без допроса, — что как раз ея муж повинен в таких арестах. Может быть, нравственное чувство не очень возмущалось перед формальной несправедливостью, сдѣланной в отношеніи Дубровина и Спиридовича — все же это было справедливое, по мнѣнію широких общественных кругов, возмездіе за старые грѣхи. Может быть, психологически было понятно, хотя по существу довольно абсурдно с точки зрѣнія пресловутой «криминализаціи», нахожденіе среди «петропавловцев» вплоть до октябрьскаго переворота ген. Ренненкампфа, привлеченнаго или привлекаемаго ни болѣе, ни менѣе, как по статьѣ, преслѣдующей мародерство. Психологически понятно, ибо с именем Ренненкампфа связывалось представленіе о «свирѣпом усмирителѣ революціонеров» 1905-6 г.г. и о «безславных» дѣйствіях в Восточной Пруссіи во время войны*). Формально Ренненкампфу предъявлялось обвиненіе в том, что штаб генерала будто бы присвоил незаконно имущество частных лиц и вывез его в Россію. По утвержденію Коренева, это обвиненіе касалось самого Ренненкампфа только «краем» — лично он взял себѣ на память какой-то дешевый альбом с карточками Вильгельма, одно-два старых ружья и какое-то знамя. Не за мародерство содержался Ренненкампф в Петропавловкѣ, а потому, что другой слѣдователь, прокурор Иркутской судебной палаты, в это время ворошил старое дѣло усмирителя Сибири. «Жалкій» человѣк в арестантской рубахѣ, завязанной бичевкой, с придушенными рыданіями говорил слѣдователю, что он «политикой» не зани-

*) Характеристики я взял из воспоминаній слѣдователя, полк. Коренева, ведшаго разслѣдованіе дѣла Ренненкампфа. Слѣдователь Комиссіи, ex abrupto, высказывавшій категорическія сужденія («глупый», «бездарный»), не представлял себѣ даже в період писанія воспоминаній, что военная историографія по-другому будет оцѣнивать безславныя страницы кампаніи в Восточной Пруссіи.

мался и был уже в отставкѣ, когда его арестовали*). Но полное отсутствіе здраваго смысла представляет исторія заключенія гр. Фредерикса. Допрос Фредерикса, человѣка «честнаго, кристальнаго», по выраженію Родзянки, «рыцарски-благороднаго», по отзыву Волконскаго (тов. мин.) — такой перл, что нельзя на нем не остановиться. Над Фредериксом тяготѣло подозрѣніе, что он стоял во главѣ «нѣмецкой партіи» и родственныя отношенія с дворцовым комендантом Воейковым, затемняя декоративную роль, которую играл при дворѣ преданный царской семьѣ престарѣлый генерал, дѣлали его проводником распутинскаго вліянія — негласным совѣтником Императрицы. На допросѣ Фредерикса 2 іюня довольно ясно опредѣлилось, что он в «дѣла государственныя» почти не вмѣшивался (конечно, Фредерикс в своем отрицаніи нѣсколько преувеличивал: так напр., в дневникѣ Царя от 11 сент. 15 г. опредѣленно сказано: «Фредерикс уговаривал меня держаться Горемыкина») и во всяком случаѣ перед революціей, в силу явной уже старческой дряхлости, вліянія имѣть не мог **).

Итак, Комиссія интересовалась вліяніем его на "дѣла государственныя". "Он (т.е., Императоръ) со мной об этом не совѣтовался" — отвѣчал Фредерикс... "Я ему часто говрил, чтобы он, ради Бога, Распутина прогнал, на это Е. В. угодно было мнѣ сказать: "Вы, граф, мнѣ неоднократно говорили, что у вас и без вмѣшательства в дѣла политическія достаточно дѣла, вы этого вопроса не касайтесь, это мое дѣло" Государь не любил, когда к нему без спроса обращались, и я мог мало принести ему пользы в виду того, что я не был в курсѣ дѣл. Я ни разу не был в Совѣтѣ министров, я даже не знаю, гдѣ он собирался... Если вы меня, что спросите, что же я вам отвѣчу, когда я не знаю. *Пр.:* Как вы смотрите на войну? *Фр.:* Как на большое несчастье. *Пр.:* Но вы считали, что ее слѣдовало вести. *Фр.:* Этого я не могу вам сказать... Кто начал — Государь наш или германскій императоръ — не знаю; я люблю, когда о чем-нибудь сужу, быть в курсѣ дѣла" Муравьев указывает, что составилось мнѣніе о Фредериксѣ, как о сторонникѣ "так называемой нѣмецкой партіи". *Фр.:* ..."Я всегда говорю, что кто это про меня разсказывал, говорил величайшую ложь... Что набралось много нѣмцев у двора — я Государю говорил, что это нежелательно; на это он говорил: "что же вы их держите?" Я сказал Е. В., что все это люди порядочные. Напримѣр, граф Бенкендорф: как же я ему скажу: "Вы всю жизнь служили, а теперь должны уйти, потому что война?" Вѣдь это — оскорбленіе для человѣка. Грюнвальд, который по конюшенной части, не мной взят.

---

*) Б. тов. синод. обер-прокурора кн. Жевахов, арестованный в первые дни революціи, как «германофил», изображает Ренненкампфа в министерском павиліонѣ совсѣм в иномъ видѣ — в противоположность всѣм остальным заключенным, не чувствовал себя подавленным... держал себя свободно, увѣренно. Жевахов разсказывает о похвалах, которыя воздал генерал геройству унт. оф. Волынскаго полка Кирпичникова, получившаго Георгіевскій крест.

**) «Наш милый Фредерикс» — «старый выжившій из ума болтун», «ему нельзя говорить ничего серьезнаго или чего-либо секретнаго», — давала ему характеристику А. Ф. в ноябрѣ 15 г. «Утром он в сознаніи, а к вечеру в «рамольности», — опредѣлял его состояніе б. мин. вн. д. Щербатов.

Штакельберг, придворным оркестром завѣдывал, также нѣмецкая фамилія: вы помните одно, что я не нѣмец. Наш род — шведскій... Мы пришли в Россію при Петрѣ Великом" На предложеніе припомнить вкратцѣ событія, предшествовавшія отреченію, Фредерикс отвѣчает: "Я чистосердечно говорю — не помню" "С тѣх пор, как я хвораю, это ужасно отразилось на моей памяти" *Пр.:* Какое ваше отношеніе к надвигающимся событіям?... *Фр.:* "Могу вам только сказать, что Государь со мной почти не говорил. Он только сказал: "Опять этот толстяк Родзянко мнѣ написал разный вздор" Когда же я хотѣл узнать, что он сказал, Государь говорит: "Это не касается министерства двора" Он всегда так говорил... Если меня спросите, что теперь дѣлать, то я заявил бы одно: чтобы дали мнѣ спокойно умереть"

Пр.: Граф, скажите, у вас много было прислуги в домѣ? *Фр.:* В домѣ, т.е., когда его еще не сожгли?.. И все, что там есть. Это громадной цѣнности... все это сожжено... всѣ мои документы, всѣ мои бумаги, всѣ портреты семейные, все, что у меня было, все сожжено... *Пр.:* Мнѣ интересен вопрос о прислугѣ... Не принимали вы мѣр к тому, чтобы укрыть от воинской повинности ряд людей из числа вашей прислуги? *Фр.:* Чтобы я, старый солдат, это сдѣлал. Я бы его выдал немедленно. *Пр.* напоминает о поварѣ Еремѣевѣ и управляющем Ктитаревѣ. *Фр.:* Это до меня не касается. Я человѣк больной. У меня есть главноуправляющій, который, к сожалѣнію, совершенно самовластно ведет мои дѣла, что для меня совершенно непрактично... Затѣм слѣдует вопрос о Сухомлиновѣ, привлеченном по обвиненію в государственной измѣнѣ. *Фр.:* Я слышал. Только, насколько он дѣйствительно виноват — не знаю... Оглашается документ-записка, на которой рукою Фредерикса помѣчено: получено от Сухомлинова 17 февраля 16 г. *Фр.:* Вот видите-ли, какіе могут быть наговоры. Вот говорят, что я говорил то-то и то-то, а я в первый раз слышу. Я вам могу сказать, что по сходству оно похоже мой почерк. Но чтобы я такую вещь написал, я могу поклясться, что я бы не сдѣлал. Я бы поклялся, что я этого не писал, но я не могу поклясться. *Пр.:* Это только похоже на ваш почерк, или это ваш почерк? *Фр.:* Я говорю: похоже, что не я писал. Я готов поклясться, что не писал: *Пр.:* Вы готовы поклясться, что не писали? *Фр.:* А сходство есть безусловное. *Пр.:* Граф, вы, может быть, желаете отдохнуть, я вас утомил? *Фр.:* Разрѣшите мнѣ сдѣлать вам заявленіе. Позвольте мнѣ сидѣть или стоять, потому что я иногда больше сидѣть не могу, а в другой раз больше стоять не могу... Очень много дѣйствует на мое здоровье тот образ жизни, который мнѣ создан. *Пр.:* Позвольте вас допросить, а потом мы об этом потоворим...*) Чѣм объясняется, что вы ходатайствовали перед предсѣдателем Совѣта министров Штюрмером, чтобы Сухомлинову дали нѣсколько больше удобств в крѣпости, чтобы его перевели в другую комнату, так как, по заявленію г-жи Сухомлиновой, в помѣщеніи есть клопы? *Фр.:* Это я сдѣлал бы для всякаго, для того, чтобы не пытать людей. Ну, он дрянь — это дѣло его совѣсти. Если я увижу, что этот Сухомлинов будет тут тонуть, то, конечно, постараюсь его вытащить. Нельзя же мнѣ сказать: "Послушайте, как же вы такую дрянь спа-

*) Я пропускаю ряд вопросов, на которые в сущности Фр. отвѣчает: «ничего вам не могу сказать, потому что не помню».

састе? — Да потому, что он — человѣкъ"... *Пр.:* В каких отношеніях вы были с Андрониковым? *Фр.:* Кто он такой Андроников? Он военный? *Пр.:* Ни военный, ни штатскій, неопредѣленных занятій был человѣк. Занимался тѣм, что писал письма и проводил всякія дѣла. *Фр.:* Ах, знаю! Ни в каких отношеніях, насколько я могу вспомнить. Я всегда отказывал ему в пріемах. Он всегда вмѣшивался в дѣла, до него не касающіяся, очень много болтал, и я всегда его просил меня не впутывать в дѣла. Он очень краснорѣчив, хотѣл объяснить, что это моя обязанность. Мосолов этого Андроникова ненавидѣл, выходил обыкновенно и прямо его выставлял из моего дома. Я припомнил теперь — такой толстый бѣлокурый... *Пр.:* Вот телеграмма, в которой вы благодарите его за поздравленіе. Так что вы не только принимали письма, но в нѣкоторой степени и отвѣчали. *Фр.:* Это, может быть, связано с моими именинами... Я всегда вѣжлив. Если меня кто-нибудь поздравлял — я всегда отвѣчаю...

Колоритность этого «собесѣдованія» сохраняется и в приведенной выдержкѣ из стенограмм. (Не один Фредерикс был в таком положеніи — не то же ли самое происходило и с Горемыкиным: у него был удар, ему трудно было говорить, и он часто, очень часто отвѣчал: «очень может быть, но только я ничего не помню»)... Мы знаем, что предсѣдатель сказал, что Комиссія не встрѣчает препятствій к его освобожденію. И тѣм не менѣе старик продолжал сидѣть. 3 августа в «Рус. Вѣд.», вѣроятно, и в других газетах, можно было прочитать замѣтку, излагающую жалобу графини Фредерикс министру юстиціи Зарудному на Чрезв. Сл. Комиссію. В жалобѣ указывалось, что около двух недѣль тому назад предсѣдатель Комиссіи офиціально объявил графинѣ Фр., что Комиссія признает возможным удовлетворить ходатайство жалобщицы об измѣненіи мѣр пресѣченія, принятых по отношенію к ея мужу в виду его болѣзненнаго состоянія. Газета сообщала, что гр. Фредерикс освобождается из под стражи под залог в 50 т. руб. Этот залог женою на другой день был внесен, но старый граф продолжал оставаться под стражей. Оставался он под арестом и послѣ жалобы министру юстиціи. И только 24 сентября Фредерикс был освобожден под внесенный залог*).

Объяснить и понять перепитіи злоключеній стараго министра Двора невозможно. И невольно еще раз хочется поставить вопрос: что в дѣйствительности затягивало работу Чр. Сл. Ком. — «историческое» разслѣдованіе или «криминализація» преступленій, т. е. сторона общественная или судейская? Общественная сторона не требовала ни арестов, ни содержанія в Петропавловской крѣпости, ни юридическаго «крючкотворства», ни многомѣсячнаго заключенія в тюрьмах. Со стороны общественной совершенно было безразлично, что читал бы в своем казематѣ привлекаемый к уголовной отвѣтственности министр стараго режима Щегловитов.

---

*) В книгѣ своей «Золотой нѣмецкій ключ к большевицкой революціи» я неосновательно предположил, что в газетном сообщеніи о суммѣ залога вкралась опечатка.

Между тѣм, по предложенію министра юстиціи в іюлѣ Президіум Чр. Сл. Ком. разсматривал ходатайство Щегловитова о разрѣшеніи ему читать спеціальные юридическіе журналы и извѣстный московскій орган «Вопросы Философіи и Психологіи». Препятствій не нашлось — и то хорошо.

5. Дѣло об измѣнѣ

Я сознательно поставил при разсмотрѣніи работы Чрез. Слѣд. Комиссіи на послѣднее мѣсто вопрос, наиболѣе тѣсно соприкасающійся с основной темой, которой посвящена моя книга. Мнѣ казалось, что дѣло царской четы яснѣе выявится на общем фонѣ дѣятельности Комиссіи. В сущности это «дѣло», как мы знаем из показаній самого перваго министра юстиціи Временнаго Правительства, должно было сводиться только к выясненію дѣятельности имп. Николая II и имп. Алекс. Федор. со стороны заключающагося в ней криминала, устанавливаемаго статьей 108 Уг. Улож. Постановка была, очевидно, туманна и неясна, как это достаточно отчетливо видно из воспоминаній тов. предсѣдателя Комиссіи Завадскаго. Он пишет: «Мнѣ тогда же говорили со ссылкой на Н. П. Карабчевскаго, что А. Ф. Керенскій думал о преданіи суду даже отрекшагося Императора*). От Керенскаго я этого ни разу не слышал, но в нашей Комиссіи Н. К. Муравьев бродил вокруг да около этого вопроса, не поднимая, а, так сказать, шевеля его по разным поводам».

Одним из поводов для шевеленія были упоминавшіеся «бланковые указы» предсѣдателя Совѣта Министров о роспускѣ Гос. Думы — вопрос, возникшій при допросѣ кн. Голицына 21 апрѣля. Муравьев, по словам Завадскаго, считал, что Царь не имѣл права «отчуждать таким образом в другія руки свою верховную власть». Завадскій возражал и указывал, что вопрос этот лишен значенія, ибо по русским законам Царь «суду за свои дѣйствія во всяком случаѣ не подлежит»**). «Вопрос был брошен, но не оставлен» — заключает мемуарист. Дѣйствительно, он вновь всплыл при повторном допросѣ Штюрмера 14 іюля. Под вліяніем ли предшествовавших споров или в цѣлях разъясненія предсѣдатель совершенно опредѣленно уточнил вопрос, указывая, что «беззаконіе» в том, что предсѣдатель Совѣта Министров позволил себѣ брать эти бланки: «Царю принадлежало право роспуска законодательных учрежденій, а Царь предоставил это право вам. Он безответственен по дѣйствовавшему закону, а вы ответственны». Очевидно, Муравьев не очень настаивал на первой своей концепціи о личной ответственности Царя, так как преемник Керенскаго на посту ми-

*) Ссылка на Карабчевскаго по откликам 17 г. как бы подтверждает правильность сообщеннаго Карабчевским в воспоминаніях.

**) Можно отмѣтить, что пункт о неответственности Императора, как видно из бумаг Витте, был внесен в конституцію 1906 г. по иниціативѣ представителей прогрессивных русских кругов — членов партіи к. д., ведших в свое время переговоры с премьером.

нистра юстиціи Переверзев, наблюдавшій ex officio за дѣятельностью Чрез. Сл. Комиссіи, в показаніях Соколову весьма категорически засвидѣтельствовал, что предсѣдатель Комиссіи дѣлал ему нѣсколько раз доклад о «винѣ» Царя и находил его виновным единственно в том, что он по доклаам Щегловитова иногда прекращал разныя дѣла, на что он не имѣл права даже по той конституціи, которая существовала в Россіи до революціи, так как это право не принадлежит монарху даже самодержавному, имѣющему право лишь помилованія, но не прекращенія дѣла*).

«Большой вины, говорил Переверзев, не было обнаружено и о его виновности в «измѣнѣ» Россіи в смыслѣ готовности заключить сепаратный мир с Германіей н и р а з у не было рѣчи». Слово «измѣна» Переверзев заключал в кавычки. Боюсь утверждать, что этим б. министр юстиціи хотѣл подчеркнуть невозможность соединять понятіе «измѣны» с идеей сепаратнаго мира — соединеніе, которое слишком часто и слишком много дѣлали политическіе дѣятели, претендовавшіе на безошибочное опредѣленіе національных интересов страны только в соотвѣтствіи со своей догмой. Сепаратный мир и измѣна не могут быть синонимами. Из п о л и т и ч е с к а г о лексикона слѣдовало бы совершенно исключить подлое слово «измѣна», препятствующее объективной оцѣнкѣ отношенія современников к войнѣ. Умирающій Витте не был, конечно, одинок к средѣ правящей бюрократіи, когда говорил о необходимости ликвидировать «нелѣпую авантюру»**). Набоков (дипломат) вспоминает, как член Гос. Совѣта бар. Розен, бывшій посол в Вашингтонѣ, в Лондонѣ в 1917 г. с «горячей убѣжденностью» доказывал ему, что «Германіи побѣдить нельзя», что «мечта о Константинополѣ — мираж», что союз Россіи с Англіей и Франціей «фатальная ошибка» и что «Америка права, воздерживаясь от участія

---

*) Принципіальное признаніе «недопустимости прекращенія уголовных дѣл «верховной властью до суда» не остановило само Врем. Прав. нарушить этот принцип на первых же шагах своей дѣятельности. 4 марта министр юстиціи отдал распоряженіе о прекращеніи дѣла об убійствѣ Распутина. Завадскій считает, что убійство Распутина подходило под политическую амнистію. (По утвержденію Маклакова, член Гос. Думы Керенскій высказывался в свое время крайне отрицательно об убійствѣ 17 декабря 16 г. и отказывался видѣть в этом фактѣ сторону политическую). Допустим, но дѣло было прекращено до изданія общаго акта об амнистіи 6 марта. Мѣра министра юстиціи была демагогическая, явно ошибочная и с точки зрѣнія агитаціонной, так как очевидно, при настроеніях первых мартовских дней публичное разсмотрѣніе дѣла об убійствѣ Распутина явилось бы только демонстраціей маразма стараго режима — даже со стороны отвратительной внѣшней обстановки, в которой было совершено возмездіе.

**) Палеолог со слов японскаго посла виконта Монтано записал 3 ноября 16 г. такую версію.В декабрѣ 14 г. Витте посѣтил посла и предупреждал об опасности посылки японских войск на континент. Витте будто бы говорил о неизбѣжности побѣды Германіи и «гибели царизма». Логически такую концепцію должны были естественно развивать крайне правые «германофильскіе» круги, для которых самый союз с демократической Антантой всегда являлся «по существу своему противоестественным союзом» (записки Дурново в февралѣ 14 г.). В дѣйствительности в жизни появилось нѣчто другое — крайній шовинизм, борьба с нѣмецким засиліем сдѣлалась для крайне-правых лозунгом дня.

в безсмысленной бойнѣ, которая ни к чему, кромѣ крушенія Европы, привести не может». Это был человѣк, в котором Набоков «цѣнил и уважал... живость ума, огромный опыт и убѣжденность». Но, однако, всѣ подобныя оцѣнки, реалистичныя в своей основѣ, могли быть глубоко ошибочны и наивно непредусмотрительны. Маклаков (депутат) с тѣм же искренним упорством говорил с кафедры Гос. Думы 3 ноября 16 г., что русскій народ никогда не простит мира позорнаго — мира в ничью. Маклаков вмѣстѣ с тѣм был убѣжден, что будущій мир сдѣлает такую Европу, что война будет невозможна (рѣчь в городской думѣ 3 мая 16 года на чествованіи французских делегатов Вивіани и Тома). Очевидно, однако, что в разсужденіях Розена не было признаков того «измѣнническаго» элемента, который с такой упрощенностью изыскивали во время войны шовинистическія чувствованія. Если одних ход войны увлекал в сторону настроеній Маклакова, то других он должен был толкать к пессимизму Розена. Никакая страна не может итти на самоубійство во имя выполненія принятых на себя союзных обязательств. Исторія послѣдних двадцати пяти лѣт с чрезвычайной наглядностью подтвердила правильность тезиса, нѣкогда выставленнаго Бисмарком, — рыцарская жертвенность несовмѣстима с національными интересами уже в силу того, что международная политика, даже облеченная в форму отвлеченных принципов права и свободы, руководится до днесь в большей степени реалистическими соображеніями національнаго эгоизма. Вовсе не надо быть «марксистом», прошедшим большевицкую школу, для того, чтобы признать незыблемость подобнаго утвержденія — автократическіе режимы и режимы демократическіе мало в чем различаются в этом отношеніи. Война 1914 г., положившая начало европейской катастрофѣ, дает безконечное количество примѣров. Подневныя записи французскаго посла Палеолога и дневник министерства ин. дѣл (составленный, очевидно, начальником канцеляріи, бар. Шиллингом) непосредственно вводят в ту дипломатическую кухню, гдѣ каждодневно дѣлится шкура не убитаго еще медвѣдя, гдѣ выдают «призы» за участіе в міровом катаклизмѣ, компенсируют территоріальными подарками возможных союзников в борьбѣ (как то было на Балканах) и т. д. Трудно найти болѣе яркую иллюстрацію, чѣм та, которую представляет собой обращеніе бельгійскаго посланника 11 іюля 15 г. в русское министерство ин. дѣл за поддержкой против домогательств Франціи присоединить к себѣ в будущем Люксембург, грубое нарушеніе нейтралитета котораго нѣмцами вызвало в началѣ войны общественное негодованіе и сдѣлало маленькую герцогиню с ея символическим протестом даже героиней дня*).

В плоскости этих грубых матеріальных отношеній и надлежит разсматривать вопрос о сепаратном мирѣ. Стоял ли он, однако,

*) Бельгійскій посланник сообщал лишь о «слухах», идущих из вліятельных французских кругов и обезпокоивших его правительство, так как они противорѣчили заявленію президента Пуанкарэ, сказавшаго «однажды» бельгійскому послу в Парижѣ, что он признает давнишнія права Бельгіи на это герцогство, оторванное от нея в 1839 г.

перед Россіей в сознаніи носителей верховной власти? Если вслушаться в рѣчи оппозиціонных режиму дореволюціонных политиков (по крайней мѣрѣ, нѣкоторых из них), то может показаться на первый поверхностный взгляд, что страна дѣйствительно находилась на краю пропасти. Такое настроеніе символически можно представить словами, будто бы сказанными лидером «октябристов» Гучковым в августѣ 15 г. — с большим волненіем и со слезами на глазах: «Россія погибла. Нѣт больше надежд». Так записал Палеолог со слов Брянчанинова, говорившаго ему о государственном переворотѣ, как о послѣднем шансѣ спасенія... Надо ли еще раз оговорить, что подобный пессимизм, вызванный обостренными чувствами современников и, вѣроятно, преувеличенный в бесѣдѣ с французским послом, не соотвѣтствовал реальной обстановкѣ. Во всяком случаѣ он был совершенно чужд Николаю II вплоть до трагических для власти мартовских дней: ему всегда казалось, что в Россіи все благополучно: «единственным исключеніем — как выразился он в письмѣ к женѣ 9 сент. 15 г. — являются Петроград и Москва — двѣ крошечныя точки на картѣ нашего отечества». При таком настроеніи не могла в мозгу родиться даже мысль о сепаратном мирѣ — «позорном» для престижа верховной власти, которой руководит Божественное Провидѣніе. В мистической концепціи Ал. Фед., сливавшей національный интерес с династическим, честь и «прерогативы самодержца» стояли еще выше: «это должна быть т в о я война, т в о й мир, слава твоя и нашей страны» — писала она 17 марта 16 г.

И тѣм не менѣе вокруг этих имен сплелась паутина сепаратнаго мира. Чрез. Сл. Комиссія должна была в ней разобраться: поскольку данныя о ея работѣ опубликованы, можно сказать, что она не сумѣла этого сдѣлать — может быть, и не могла. За нее произвел такую работу совѣтскій историк Семенников, пользуясь в значительной степени тѣм «романовским архивом», который фактически был в распоряженіи муравьевской Комиссіи. Семенников собрал почти исчерпывающій матеріал о сепаратном мирѣ в дореволюціонное время*), но далеко не со всѣми его выводами, подчас слишком прямолинейными и узко догматическими, можно согласиться — правильнѣе было бы сказать, что из матеріалов, собранных Семенниковым и использованных им в документальном отношеніи в общем добросовѣстно, слѣдуют выводы противоположные. Разсмотрѣніе этих матеріалов выводит меня далеко за рамки изложенія, так как приходится углубиться в эпоху, предшествовавшую революціи. По существу я ничего не могу прибавить к тому, что сказано о «сепаратном мирѣ» в книгѣ «На путях к дворцовому перевороту», но я должен остановиться хотя бы на суммарном обзорѣ тѣх фактов, которые создали легенду. Тѣм болѣе это необходимо, что член того состава Временнаго Прави-

*) В книгах «Политика Романовых» и «Крушеніе монархіи». В эмигрантской литературѣ матеріалы и выводы Семенникова изложил Чернов в «Рожденіи революціонной Россіи», пользуясь, однако, позднѣйшим сокращенным изданіем первой книги Семенникова: «Романовы и германское вліяніе».

тельства, при котором разсматривалось царское дѣло, в своей книгѣ о происхожденіи революціонной Россіи без критики подошел к матеріалам и выводам совѣтскаго изслѣдователя. Чтобы не перебивать изложенія, я отношу спеціальное разслѣдованіе этого вопроса в особое «приложеніе»*), которое составляет первую часть моей работы. Здѣсь же я ограничиваюсь разсмотрѣніем вопроса в тѣх предѣлах, в которых он проходил в Чрез. Сл. Комиссіи.

В опубликованном матеріалѣ, который воспроизводит допросы в общих засѣданіях Комиссіи, мы не найдем никаких указаній на производство в Комиссіи какого-либо дѣла об «измѣнѣ» верховной власти. Прямо это нигдѣ не ставится даже в отношеніи Императрицы, хотя Керенскій, не имѣя еще никаких доказательств, по собственным словам, предупредил Императора, что возможен процесс против его жены. Дѣло сосредоточено было в секретном производствѣ предварительнаго слѣдствія, которое нам пока неизвѣстно. Из того немногаго, что проскользнуло в печать, нетрудно заключить, что разслѣдованіе шло отнюдь не по линіи выясненія возможности подготовки сепаратнаго мира — возможности, как было отмѣчено, отнюдь не связанной обязательно с каким-то специфическим «германофильством» или «измѣной**). Изслѣдовалась наличность «измѣны» в прямом смыслѣ слова. Комиссія изучала вопрос фактически с точки зрѣнія провѣрок тѣх безчисленных сплетен, которыми стоустая общественная молва расцвѣтила военное время, т. е., она не выходила за предѣлы той «отвратительной и неимевѣрно глупой заразы», которую рѣзко осудил Шульгин в воспоминаніях. Только мемуарист напрасно источником «сумасшедшей шпіономаніи», от которой мутились головы в Гос. Думѣ, считает фронт***) — в отношеніи верховной власти первородство принадлежало, конечно, настроеніям тыла — «гнилому петербургскому болоту», как выражалась в своих интимных письмах Императрица. Стоит проглядѣть фронтовой дневник ген. Селивачева, чтобы получить наглядную иллюстрацію. В Комиссіи оглашались выдержки из дневника ген. Дубенскаго, касавшіяся Петербурга. Напр., 23 декабря он записывал: «Драматичность положенія в том, что Императрицу опредѣленно винят в глубочайшем потворствѣ нѣмецким интересам. Всѣ думают, что она желает мира, желает не воевать с Германіей. Создает такія партіи внутри Россіи, которыя опредѣленно помогают Вильгельму воевать с нами. Я лично этому не вѣрю, но всѣ убѣждены, что она, зная многое, помогает врагу. Распутин был, будто

*) См. «Легенда о сепаратном мирѣ».

**) Это отмѣчено было довольно справедливо представителем Совѣта Раб. Деп. в Комиссіи прис. пов. Соколовым при допросѣ б. мин. вн. дѣл Хвостова о германофильских тенденціях Распутина: «Х в о с т о в: «Этого мнѣ не удалось узнать... Я считаю, что он был несознательным шпіоном». С о к о л о в «Независимо от шпіонства можно отстаивать программу, что надо прекратить войну в интересах Россіи, в интересах династіи».

***) Шульгин в данном случаѣ говорит о шпіономаніи относительно евреев.

бы, опредѣленный наемник нѣмцев»... «Трудно было этому противорѣчить, и я счел долгом записать, что всѣ говорят» — пояснил придворный историограф из свитскаго поѣзда: «Тогда, вы сами помните, какіе были всюду разговоры. Придешь из своего кабинета в семью, к дѣтям, гдѣ сидят люди, принадлежащіе к обществу, все-таки болѣе, позвольте так сказать, высшему обществу: мой сын — лицеист, окончил, у него была масса лицеистов; второй сын... конногвардеец, у него была масса конногвардейцев, и тогда всѣ это говорили. Я мог бы это и не записывать, но я наврал бы в моем дневникѣ, я не для вас писал, а для себя, я не могу указать, кто говорил, всѣ говорили»... Довольно безцѣльное и безнадежное занятіе устанавливать или опровергать правдоподобіе фантастики даже квалифицированных представителей той общественности, которая фигурирует в процитированном дневникѣ. Можно было бы предположить, что Комиссія, сама не довѣряя глупым сплетням и легендам, не считала себя в правѣ оставить без разсмотрѣнія тѣ, что укоренились даже в обывательском мірѣ. Такую догадку совершенно разбивает серьезность, с которой производится разслѣдованіе, вниманіе, которое удѣляется этому вопросу, если не в отношеніи верховной власти непосредственно, то всего ея окруженія и правительственнаго аппарата. Не подлежит сомнѣнію, что патріотическій психоз, примѣняя выраженіе Щульгина, продолжал «мутить головы». На руководителѣ Комиссіи это сказалось весьма опредѣленно, хотя Муравьев и принадлежал к тѣм демократическим группировкам, которыя, казалось бы, были далеки в дореволюціонное время от настроеній, порождавших повышенную чувствительность общественнаго мнѣнія в отношеніи легенд об «измѣнѣ». Предсѣдатель в приведенной выше записи Дубенскаго справедливо увидал «нѣчто особое», заставляющее «внимательно относиться», но оно было показательно, конечно, только для настроеній перед революціонной бурей тѣх слоев общества, которые считались исконной опорой трона. Провѣрять запись Дубенскаго не было надобности, ибо сам автор дневника признал в Комиссіи всѣ записанныя слова и предположенія безсмысленными: «Вѣдь она (А. Ф.) была матерью будущаго русскаго Императора».

Постановку вопроса в Комиссіи (у меня нѣт основанія приписывать всю иниціативу только предсѣдателю) можно наглядно иллюстрировать исторіей разслѣдованія пресловутой легенды о существованіи особаго телеграфнаго провода, по которому Императрица имѣла возможность сноситься из Царскосельскаго дворца непосредственно с Германіей и переговаривать чуть ли не с самим Вильгельмом. Охочіе люди усердно распространяли подобную галиматью. Это не была только обывательская болтовня, — нѣкоторыя газеты спѣшили сообщить фантастическія свѣдѣнія, что в бумагах бывшей Императрицы найден «проект» сепаратнаго мира с Германіей. «Насколько я мог понять — утверждает Завадскій — Муравьев считал правдоподобными всѣ глупыя сплетни, которыя ходили о том, что Царь готов открыть фронт нѣмцам, а Царица сообщала Вильгельму II о движеніях русских войск».

«Помню: заговорили у нас о датском кабелѣ, по которому будто бы Императрица сносилась с врагами. Оказалось, что кабель этот в началѣ войны перерѣзали сами нѣмцы, а когда мы его исправили, они испортили его вторично, послѣ чего мы его уже так и бросили. Стало и для легковѣрных ясно, что по перерѣзанному кабелю ни о чем не переговоришь даже с Вильгельмом, и что нѣмцы не перерѣзали бы кабеля, если бы до этого он служил им такую вѣрную службу». Я не знаю, откуда заимствовал Завадскій свои свѣдѣнія о существованіи какого-то «датскаго кабеля», перерѣзаннаго нѣмцами. Им в Комиссіи спеціально интересовался б. прокурор харьковской суд. палаты Смиттен, просившій послѣдняго директора департамента полиціи Васильева разъяснить, что «такое за учрежденіе датскій кабель». Васильев отвѣтил незнаніем, и объяснил, что с заграницей деп. полиціи сносился «обыкновенным порядком» — шифрованными телеграммами. Добросовѣстность или недовѣрчивость Комиссіи была, однако, столь велика, что для провѣрки слухов о существованіи в «царских покоях прямого провода в Берлин» слѣдователем Рудневым, по его словам, «были произведены тщательные осмотры помѣщеній императорской семьи, при чем никаких указаній на сношенія Императорскаго Дома с нѣмцами во время войны установлено не было»*). В крайне схематическом повѣствованіи Руднева нѣт указаній на то, когда и как было произведено само обслѣдованіе «царских покоев». Удивительно, что такой необычайный факт не вызвал никаких отмѣток в извѣстных нам дневниках и воспоминаніях находившихся в заключеніи в Царскосельском Дворцѣ**).

Завадскій разсказывает еще об одной, скорѣе анекдотической, попыткѣ изобличить Ал. Фед. в «государственном преступленіи». В одном газетном листкѣ — из тѣх, что «республиканскія убѣжденія» смѣшивали с «грубой развязностью», появился ряд телеграмм за подписью «Алиса», с зашифрованными мѣстами отправленія и назначенія, содержаніем своим указывающих на измѣну. Аляповатость поддѣлки бросалась в глаза, но Муравьев так и взвился. Возбуждено было особое предварительное слѣдствіе, которое производил... харьковскій судебный слѣдователь Г. П. Гирчич. «Слѣдствіе»... с первых же шагов выяснило жалкую подклад-

*) Вырубова разсказывает, как по выходѣ из тюрьмы она узнала, что в тѣх же цѣлях обыскивали ея «домик» в Царском Селѣ — поднимали пол и пр.

**) Пожалуй, в данном случаѣ можно прослѣдить и источник легенды, пріукрашенной обывательским домыслом. В письменных показаніях Протопопова, служивших отвѣтом на какіе-то заданные ему вопросы и поданных 27 іюля, т. е. по прошествіи болѣе трех мѣсяцев послѣ того, как Комиссія обсуждала вопрос о «датском кабелѣ», и для «легковѣрных», по словам Завадскаго, стала ясна вся безсмысленность легенды, — разсказывается нѣчто, возможно косвенно относившееся к «датскому кабелю»: «Государь вручил мнѣ для разбора прошеніе, переданное ему его матерью... и полученное ею от датских подданных, служивших в Россіи на телеграфной сѣти датскаго общества в Петроградѣ. Они были удалены вслѣдствіе предупрежденія, полученнаго от англійскаго правительства. Они просили о возвращеніи на службу или возмѣщеніи убытков... В просьбѣ датчанам было отказано, исполнить ее оказалось нельзя».

ку появленія этих телеграмм... Сотрудник упомянутой газеты, молодой человѣк, ухаживавшій за барышней, служившей на телеграфѣ, посулил ей, в поисках за сенсаціонным матеріалом коробку конфет за что-нибудь из ряда вон выходящее; барышня, спустя нѣсколько дней, передала ему пачку телеграмм... Молодой человѣк с торжеством показывал слѣдователю, как он раздобыл эти драгоцѣнные документы, но барышня на допросѣ смутилась и созналась в поддѣлкѣ. Да поддѣлка была установлена с несомнѣнностью и помимо ея сознанія: номера телеграмм не отвѣчали дѣйствительным номерам того телеграфнаго отдѣленія и за тот період времени, которые были выставлены на телеграфных бланках... Тѣм не менѣе глава нашей Комиссіи еще не успокоился, и его опять было подняла попытка злополучной барышни взять свое сознаніе назад»...

Подобныя «попытки» «вялыя и безсознательныя» — оговаривается мемуарист — оказались «покушеніем с негодными средствами». Не надо ли отнести к числу таких «негодных средств» и момент, когда, напримѣр, Комиссія интересовалась сужденіями Манасевича-Мануйлова об отношеніи Царя и Царицы к войнѣ — правда, в «передачѣ Распутина», с которым был связан этот прожженный авантюрист: «Распутин говорил, что А. Ф. «стоит страшно за продолженіе войны», а вот Царь не надежен и «скорѣе может уступить». Предсѣдатель так заинтересовался этим мнѣніем, что попросил свидѣтеля остановиться на затронутом вопросѣ, и свидѣтель показывал: «Он (т .е. Распутин) давал вообще такую характеристику Царю, что он врет: «Он тебѣ перекрестится, будет креститься 10 раз, и соврет. Его слову вѣрить нельзя. Он — говорит — меня двадцать тысяч раз обманывал. По одному дѣлу, которое мнѣ нужно было, я ему сказал: «Ты, парень, перекрестись», и он перекрестился. Я ему сказал: «Вѣдь ты опять соврешь». Я позвал княжен... и сказал ему: «Вот ты при них перекрестись, и он при них перекрестился. И тут, дѣйствительно, исполнил то, что я его просил». Едва ли стоит даже пояснять*), что возможные разсказы другу в интимной обстановкѣ за бутылкой мадеры о бесѣдах с Царем весьма мало соотвѣтствовали обстановкѣ, в которой «старец» появлялся во дворцѣ, и которую легко воспроизвести по царской перепискѣ.

Слѣдует отмѣтить, что «вялыя и безсмысленныя» попытки продолжались до послѣдних допросов Комиссіи, которые относятся к августу. 7 августа давал свои показанія Милюков. В связи с рѣчью 1 ноября его показанія могли быть особо авторитетны, но свидѣтель был осторожен и разочаровал ожиданія. Он говорил больше об общей «атмосферѣ сочувствія Германіи», касаясь личнаго вліянія А. Ф.: «Были лица, которыя пріѣзжали регулярно, говорилось, что эти поѣздки за лѣкарствами, вѣроятно, были личныя сношенія с родственниками»... «Я узнал — фамиліи их — утверждал Милюков. — Я узнал фамилію лица, которое ѣздило регу-

*) Приходится это дѣлать, ибо Керенскій, напримѣр, увѣровал в то, что «Распутин кричал на Царя» («La Verité»).

лярно заграницу за лѣкарствами, но теперь не могу ее вспомнить. Были ходатайства, которыя передавались, несомнѣнен случай ходатайства о похоронах вліятельнаго офицера, убитаго здѣсь, ходатайство немедленно дошло и было немедленно исполнено, благодаря личному воздѣйствію; был ряд маленьких случаев, которые показывают, что была симпатія, сочувствіе и непосредственность контакта. Я не дѣлаю вывода, что были политическіе переговоры, но это вызывало сочувствіе, для меня это несомнѣнно»... На вопрос предсѣдателя, не помнит ли, по крайней мѣрѣ, свидѣтель: «кто ему об этом говорил», если он забыл фамилію («Нам очень важно — пояснил предсѣдатель — кто из окружающих их (т. е. Ник. Ал. и Ал. Ф.) в этом принимал участіе»), свидѣтель отвѣчал: «Я знал раньше, но теперь не помню», пообѣщав сказать, если вспомнит. Исполнил ли свое обѣщаніе Милюков — мы не знаем. Но думается, что в дѣйствительности до лидера думской оппозиціи доходили лишь слухи, искажавшіе то, что подлинно было: регулярными, таинственными поѣздками были офиціальныя поѣздки в Швецію представителей Комитета А. Ф. по попеченію о русских военноплѣнных, напр. о прибытіи в Стокгольм в октябрѣ 15 г. Маркова, б. офицера Уланскаго полка, гласнаго Петербургской Думы и члена Совѣта Комитета А. Ф., для свиданія с Максом Баденским, говорит в воспоминаніях посол в Швеціи Неклюдов, или посѣщенія Императрицы, отмѣчаемыя в ея письмах, представителями американскаго Краснаго Креста, проѣзжавшими Германію (таким был представитель Рокфеллеровской организаціи Харт, прибывшій в Петербург в мартѣ 16 г. с рекомендаціей Неклюдова).

Отнюдь не «вяло и безсмысленно», но, напротив, с большой настойчивостью Комиссія стремилась установить «германофильство» при императорском Дворѣ — опредѣленно в качествѣ доказательства тезы о шпіонствѣ. Богатую пищу давали попавшія в руки Комиссіи наивныя записи из дневника злосчастнаго историографа императорскаго поѣзда, характеризовавшаго себя, как одного «из страшных противников нѣмцев». Автор был человѣком довольно примитивнаго склада ума. Ненавидѣл он нѣмцев, вѣрнѣе «разных баронов с нѣмецкими фамиліями», потому что «они тѣснили их, русских, не давали хода»*). Но предсѣдатель все-же втунѣ пытался направить показанія ген. Дубенскаго в сторону признаній, что дѣло идет «не просто о людях с нѣмецкими фамиліями», а о соединеніи русских нѣмцев в «нѣчто единое» — о «сильнѣйшей нѣмецкой партіи» (этот термин Дубенскій употреблял в дневникѣ), которая имѣла оплот при Дворѣ в лицѣ Фредерикса и Воейкова. «Хотѣлось бы — говорил предсѣдатель — чтобы вы совершенно откровенно, прямо, в виду важности задач Комиссіи, которая должна выяснить истину... ради интересов государства сказали все, что вам извѣстно»... *Дубенскій:* «Я могу сказать,

*) Дубенскій не был одинок в своей «враждебности к нѣмцам» при Дворѣ — исконная тема эмигрантской публицистики герценовских времен! Палеолог разсказывает о церемоніймейстерѣ Е., который забавлял посла своим крайним націонализмом и при офиціальных даже свиданіях говорил, что «исконно-русскіе» свернут голову послѣ войны «балтійским баронам».

что они всегда поддерживали друг друга, у них был тѣсный комплот. Они приходили в министерство Двора, получали придворные чины, всѣ они поклонники большой нѣмецкой культуры. Они нас, русских, до извѣстной степени презирали, но я убѣжден, что ни один офицер конной гвардіи, носящій нѣмецкую фамилію, не измѣнит, хотя вы его четвертуйте. Точно также не могу себѣ представить, чтобы Фредерикс мог измѣнить Россіи. Он приносит, может быть, большой вред тѣм, что вмѣсто того, чтобы на том же мѣстѣ сидѣл Петров, Кочубей, сидѣл Фредерикс. Что он нѣмец по происхожденію, это так, но сказать про него, что он сознательный предатель, этого не могу. Если бы сидѣл русскій человѣк, если бы это Воронцов был, он бы на наших с вами клавишах глубже играл бы. А этот старый 78-лѣтній человѣк — сколько раз я приходил к нему с негодованіем, сидит кукла»... *Прод.:* «Укажите реальные признаки нѣкоторой организованности, вѣкоторой сплоченности, дайте показанія, которыя бы позволили нащупать партіи». *Дуб.:* «Я долгом совѣсти счел бы доложить нѣсколько реальных фактов, но у меня нѣт ничего, кромѣ подозрѣнія и непріятных чувств к нѣмцам». Подробно о «нѣмецкой партіи», группировавшейся вокруг Вырубовой, Комиссія допрашивала и ген. Иванова — тот с прямотой опредѣлил ее нѣсколькими «жидовскими фамиліями» во главѣ с банкирами Рубинштейном и Манусом.

Изысканіе корней германофильства интересовало Комиссію не с точки зрѣнія «нѣмецкаго засилія» в культурной и экономической жизни страны, как о том говорили націоналисты правых кругов*), интересовали не с точки зрѣнія оцѣнки роли «балтійских баронов» в придворной жизни и выясненія причины, почему «мальчишка Штакельберг» в придворном рангѣ был выше ген. Дубенскаго — Комиссія изыскивала эти корни для обличенія того «злостнаго германофильства» во время войны, которое приводило к сознательному попустительству врагу, вплоть до шпіонажа. Подобныя обвиненія примѣнительно к установившейся легендѣ мѣтили, в концѣ концов, непосредственно в царицу-нѣмку. В этом отношеніи удивительно характерен допрос послѣдняго военнаго министра ген. Бѣляева, считавшагося креатурой Ал. Фед. В роли иниціатора здѣсь выступал не предсѣдатель Комиссіи, а член ея ген. Апушкин. Я остановлюсь только на одном вопросѣ, совершенно второстепенном в циклѣ задач, поставленных перед Комиссіей, между тѣм, ему было удѣлено не мало мѣста при допросѣ бывшаго военнаго министра. Его довольно не прозрачно обвиняли в попустительствѣ под воздѣйствіем Императрицы в отношеніи нѣмецких военноплѣнных и излишнем неестественном покровительствѣ нѣмецким сестрам милосердія, прибывшим в Россію и якобы занимавшимся шпіонажем. Военнаго министра, подчиненнаго «главѣ государства» — Императору, а не Императрицѣ, обвиняли прежде всего в том, что он допустил вмѣшательство Императрицы, состоявшей предсѣдательницей Комитета по попеченію о русских военноплѣнных в Германіи, в дѣла военнаго вѣдом-

*) Показанія Хвостова (см. «Легенда о сепаратном мирѣ»).

ства. Оставим в сторонѣ формальную сторону — она, правда, малоинтересна; согласимся, что секретарь Ал. Фед., гр. Ростовцев, дѣйствительно, не имѣл права передавать военному министру офиціальную бумагу, в которой значилось, что Императрица «повелѣла» гр. Ростовцему «просить... не отказать в распоряженіи» и т. д.; допустим, что военное вѣдомство вслѣд затѣм еще болѣе неудачно «по приказанію Государыни-Императрицы А. Ф.» обращало вниманіе на зависимость положенія русских военноплѣнных в Германіи от отношенія к нѣмецким военноплѣнным в Россіи. По существу военный министр логично разъяснил Комиссіи, что каждое мѣропріятіе, которое принималось в отношеніи плѣнных в Россіи, «естественно вселяло надежду, что оно сказывается на положеніи наших плѣнных в Германіи и Австро-Венгріи». Крайняя тенденціозность допроса выступает тогда, когда допрашивавшіе пытались доказать, что военное вѣдомство как-бы замалчивало «нѣмецкія звѣрства», — воспрещалось, напр., «дѣлать публичныя сообщенія тѣм, которые пережили нѣмецкія звѣрства». «Я первый раз от вас слышу об этом» — возразил Бѣляев; «мнѣ извѣстен другой факт... у нас установлен был обмѣн инвалидов. Так вот, по поводу этого обмѣна Ставка писала нам, что желательно командировать в войска вернувшихся инвалидов с тѣм, чтобы они живым словом непосредственно перед своими товарищами раскрыли бы ужасы германскаго плѣна... Я лично не знаю, чтобы кому-нибудь запрещалось читать лекціи относительно ужасов германскаго плѣна. Напротив, распространялись брошюры — есть, напримѣр, брошюра штаба Главнокомандующаго, присланная нам для разсылки во внутренніе округа, нам подвѣдомственные»*). Бѣляев приводил характерное письмо ген. Алексѣева, в котором он признавал «всякое широкое ознакомленіе публики с предпринимаемыми у нас мѣропріятіями по облегченію положенія наших военноплѣнных нежелательным, ибо оно приводит к тому, что у нижних чинов постепенно слагается точка зрѣнія: значит о плѣнных заботятся и нечего бояться сдаваться в плѣн». «Это письмо — утверждал б. военный министр — нѣсколько раз обсуждалось в Совѣтѣ Министров. Ген. Алексѣев просил не печатать отчета Комитета Имп. А. Ф. относительно сбора пожертвованій. Между тѣм Императрица желала, чтобы отчет печатался»**). Историку приходится быть только комментатором и отмѣтить, что в общественном сознаніи того времени было удѣлено скорѣе слишком много мѣста и вниманія «нѣмецким звѣрствам».

Столь же поверхностны были и обвиненія в излишнем покровительствѣ со стороны военнаго вѣдомства нѣмецким сестрам милосердія. Сыр-бор в Комиссіи загорѣлся в связи с разсмотрѣніем

---

*) Бѣляев мог бы сослаться на безчисленную литературу, порожденную обостренным шовинизмом войны — офиціальную и неофиціальную, на разныя «Черныя книги» о звѣрствах «нѣмецких варваров» и т. д., издаваемыя и комиссіей сен. Кривцова, и Скобелевским Комитетом, и Alliance Française.

**) Педагогическая мѣра воздѣйствія, отстаиваемая Алексѣевым, в жизни выливалась в уродливую форму задержки пищевых посылок, направляемых в Германію для русских плѣнных, — и они там голодали.

предложенія ген. Бѣляева, вызваннаго обращеніем гр. Ростовцева, «не производить на ст. Торнео таможеннаго досмотра» возвращавшихся в Германію по окончаніи своей миссіи нѣмецких сестер милосердія. Бѣляев признавал «подобный досмотр недопустимым» и сказал исп. обязанности нач. ген. штаба ген. Занкевичу, что «эти безобразія... нужно прекратить». Между тѣм имѣлись свѣдѣнія, что нѣмецкія сестры вступали в Петербургѣ в «тайныя сношенія с извѣстными лицами», и что в отношеніи их имѣются «подозрѣнія в собираніи таких свѣдѣній, которыя могут вредить... государственной оборонѣ». Бѣляев пояснил, что пріѣзд нѣмецких сестер, равно как и соотвѣтствующая поѣздка русских сестер произошли по взаимному соглашенію, по которому таможенные осмотры были взаимно исключены. Каждая партія состояла из сестер милосердія, датскаго уполномоченнаго и русскаго офицера, который «неотступно» должен был находиться при опекаемых им сестрах милосердія. Свѣдѣнія, которыми располагала Комиссія, относились или к обычным сплетням («так говорили» — термин, нерѣдко употребляемый допрашивающими), или к данным контр-развѣдки, весьма часто не отличавшимся от ходячих слухов*). «Мнѣ лично — заявил Бѣляев — извѣстно только два случая, которые свидѣтельствуют о некорректном отношеніи сестер милосердія. Во всяком случаѣ к ним относились с извѣстной осмотрительностью, потому что онѣ все-таки нѣмки, затѣм война и, конечно, склонны были подозрѣвать в них шпіонскія наклонности»... «Германская шпіонская сѣть — пояснил в дальнѣйшем допрашиваемый — так умно и разсчетливо раскинута, что она достигает чрезвычайных цѣлей, и поэтому для них этот шпіонаж сестер милосердія есть номер тысячный какой-нибудь сравнительно со средствами, которыми они располагают. Я вынес такое впечатлѣніе, что дѣло контр-развѣдки и борьбы со шпіонажем у нас поставлено совершенно не умно. Нам не удалось раскрыть ни одной серьезной нѣмецкой организаціи. Много мнѣ пришлось портить крови... по этому поводу».

Совершенно очевидно, что удар Комиссіи, направленный против ген. Бѣляева**), мѣтил выше и имѣл цѣлью изобличить главным образом германофильство Императрицы, как это было и в момент созданія легенд. «У мама» — записывал в. кн. Андрей 11 сентября 15 г. — «был недавно гр. Пален (б. министр юстиціи). Он передавал о возмутительных преслѣдованіях, которым подверглись «бароны» в балтійских губерніях. Он увѣрен, что главная цѣль этих преслѣ-

*) Характеристику петербургской контр-развѣдки см. в «Золотом нѣмецком ключѣ к большевицкой революціи»...

**) Допрос Бѣляева, «чрезвычайно слабаго человѣка», который всегда уступает, по характеристикѣ А. Ф., производит тяжелое впечатлѣніе. Это какой-то клубок казуистических придирок. «Из тысячи берут отдѣльный факт и меня шельмуют», — нервно заявляет б. военный министр при допросѣ 19 апрѣля. Бѣляев «плачет», — отмѣчает стенограмма — и регистрирует реплику предсѣдателя: «Генерал, будем относиться к этому серьезно». «Извините, что я разнервничался... Вы должны разбирать дѣянія преступных лиц... Преступленія я не совершил. Я даю честное, благородное слово, вы не можете назвать ни одной вещи, которая подходит под категорію преступленія».

дованій направлена против Аликс. Преслѣдуя нѣмецкій дух, мѣтят выше. Удивительно, как непопулярна бѣдная Аликс. Можно безусловно утверждать, что она рѣшительно ничего не сдѣлала, чтобы дать повод заподозрѣть ее в симпатіи к нѣмцам, но вот стараются утверждать, что она им симпатизирует». Но в данном случаѣ объективно симпатіи каждаго, кто не был заражен психозом своего рода зоологическаго національнализма, должны были склоняться к позиціи Ал. Фед. Переписка ея с мужем отчетливо вскрывает сложность той бытовой психологической обстановки, в какую она невольно попадала. Мы видим, как волновали ее всѣ эти вопросы, но Комиссія, которая создавала обвинительные акты, мало интересовалась выясненіем обстановки. Указывая на необходимость содержать плѣнных хорошо, А. Ф. пишет 5 сентября 15 года:... «не слѣдует быть жестокими, что не благородно, и надо, чтобы послѣ войны хорошо об нас отзывались. Мы должны доказать им, что стоим выше их «культуры»... Это не вредит войнѣ и не означает мира»... 7 сентября: «Я жажду, чтобы про нас говорили, что мы всегда благородно поступали». В началѣ войны А. Ф. называет «возмутительным» факт, ей сообщенный, что три военных госпиталя с плѣнными в ожиданіи посѣщенія первопрестольной Царем в «ужасных условіях» были отправлены в Казань. Еще болѣе возмутительным должен был бы показаться ей дикій эпизод, имѣвшій в это время мѣсто в той же Москвѣ: в одном военном госпиталѣ, который должен был посѣтить Царь, больные плѣнные просто были замуравлены наспѣх возведенной известковой стѣнкой. А. Ф. хлопочет о разрѣшеніи причастія военноплѣнным католикам, не представляя себѣ, что мѣстные помпадуры придут в негодованіе, когда Волконскій, по собственной иниціативѣ, организует у себя в помѣстьѣ в Тамбовской губ. для плѣнных обѣдню; она не знала, что в Сибири мѣстные военноплѣнные были вынуждены ѣсть «собачье мясо» и т. д. и т. д.

Но вот пріѣзжает первая партія нѣмецких сестер милосердія. А. Ф. не знает, как поступить — может ли она принять их: «Если меня спросят, что мнѣ отвѣчать? Всякая любезность, им оказанная, заставит их быть добрѣе с нашими, и онѣ никогда не смогут понять, если я отклоню их просьбу и не приму их. Здѣсь же, несомнѣнно, будут возмущены мною, хоть, мнѣ кажется, что с сестрами Краснаго Креста совсѣм другое дѣло. Что ты об этом думаешь... По-моему, я могу — вѣдь это женщины, и я знаю, что Эрни или Онор*) примут наших — также, вѣроятно, и великая герцогиня Баденская»... При свиданіи с вел. кн. Маріей Павловной Императрица «горько жаловалась» — записывает в дневник Андрей Вл. 6 сентября, на то, что все, что бы она ни дѣлала, все критикуется: «Пріѣхали теперь из Германіи сестры милосердія, для пользы дѣла мнѣ слѣдовало бы их принять, но я этого не могу сдѣлать, так как это снова будет истолковано против меня». «Ты спрашиваешь моего совѣта насчет пріема 3-х германских сестер», — отвѣчал Царь: «Я думаю, конечно, да, особенно, если мама прини-

*) Великій герцог и герцогиня Гессенскіе.

мает их. Такія вещи здѣсь кажутся гораздо болѣе простыми и ясными». А. Ф. в сентябрѣ не приняла сестер милосердія, потому что их не приняла Марія Федоровна. Пріем состоялся в концѣ ноября*). С какой неестественной и раздражающей осторожностью приходилось дѣйствовать А. Ф., показывает слѣдующая отмѣтка из письма 29 ноября: «М-м Оржевская (попечительница Житомирской общины сестер милосердія) хочет предложить твоей мама послать ее осмотрѣть здѣшних военноплѣнных. Я нахожу это прекрасным, потому что есть вещи, в которыя надо входить. Наше правительство отпускает достаточно денег на пищу, но, кажется, она не получается, как слѣдует, — безчестные люди задерживают. Я рада, что у ней и у меня была та же мысль — я не имѣю права вмѣшиваться, а она может давать совѣты». Наряду с этим А. Ф. негодует на тенденціозность сообщеній нѣмецкой прессы: «прочла вырѣзку, присланную Маврой (в. кн. Елиз. Мавр.) — пишет от 15 сент. 16 г. — пишет об ѣдѣ для германцев и австрійцев, принужденных работать на нас, написано сенсаціонно и, мнѣ кажется, очень лживо».

Итог в смыслѣ криминала, устанавливаемаго Сл. Комиссіей, был подводен еще во всеподданнѣйшем докладѣ Штюрмера 1 августа 16 г. (Штюрмер составлял сам краткія формулировки своих докладов Царю): «Доложено о причинах отказа германским и австрійским сестрам милосердія о проѣздѣ в Сибирь: неувѣренность в зорком наблюденіи за ними со стороны сопровождающих их представителей Краснаго Креста, найденныя в их вещах при осмотрѣ в таможнѣ брошюры, восхваляющія германскія мѣропріятія во время войны. Е. И. В. изолил указать, что не слѣдует пускать германских сестер, но для астрійских можно сдѣлать исключеніе»...

Так элементарно и подчас аляповато протекала вся работа по разслѣдованію Комиссіей того гнѣзда «измѣны», которое свила в верхах «нѣмецкая партія». «Что вам извѣстно... самому или через членов Думы об указаніях на измѣнническую дѣятельность когонибудь из Совѣта Министров или их окружающих?» — напрямик задает вопрос предсѣдатель Комиссіи Родзянко. «Абсолютно ничего» — отвѣтил послѣдній: «Я очень рад, что до меня не доводились даже слухи. Про Сухомлинова говорили, но у меня подлинных документов и данных не было». *Пр.:* А о Штюрмерѣ? *Род.:*

---

*) Между прочим, сестры просили «отпустить из Сибири в Германію стариков и дѣтей, которых наши перевезли из Восточной Пруссіи, когда были наши войска». «Скажи мнѣ — писала А. Ф. 28 ноября — могу ли я об этом просить? (Дѣло идет о Бѣляевѣ и Хвостовѣ). Конечно, только совсѣм старых людей и крохотных дѣтей». «Я распорядился, чтобы их отправили в Германію» — сообщил немедленно Царь. Между тѣм исторія с этими выселенцами из Восточной Пруссіи такова. Кудашев сообщил 30 октября 14 г. Сазонову о «необычайном образѣ дѣйствій», придуманном в Ставкѣ перед наступленіем: «всѣм мужчинам в рабочем возрастѣ будет приказано выселиться немедленно в глубь страны. Старики же, женщины и дѣти будут оставаться на мѣстах под защитой наших войск. Этой мѣрой надѣются обезпечить себя от подстрѣлов и пр. непріязненных дѣйствій franc-tireur'ов, а главное, произвести соотвѣтствующее впечатлѣніе (панику) на населеніе впереди путей нашего наступленія». На практикѣ в Сибирь попали и старики, и дѣти....

Ничего. *Пр.:* А о Протопоповѣ? *Род.;* О Протопоповѣ — это исторія с Варбургом, но она кончилась довольно неприлично, так как оказалось, что В. — есть подставное лицо и даже, что он ничего общаго с германским правительством не имѣл. Я бы ничего не скрыл, но даже слухов об измѣнѣ не было. Говорили, что Шт. получает какія то деньги из заграницы, но это ничего не доказывает»...

Допрос Родзянко происходил 4 сентября. Перед Комиссіей прошел ряд лиц, прямо или косвенно выяснявших вопрос об «измѣнѣ». Бѣлецкій, откровенныя показанія котораго удовлетворили Комиссію, получил особое заданіе «ради интересов родины, ради интересов истины» отмѣтить «малѣйшія проникновенія шпіонажа и измѣны» в «верхах правительства». «Чудодѣй» кн. Андронников, о котором нач. штаба в. кн. Н. Н. Янушкевич выражал сожалѣніе, что он не вздернут на веревку вмѣстѣ с Мясоѣдовым, также должен был выяснять слѣды «соприкосновенія со шпіонажем», с «нѣмецкой организаціей» тѣх лиц, с которыми он встрѣчался*). «Никакого не было подозрѣнія» — только и мог отвѣтить, конечно, кандидат на висѣлицу. Для Комиссіи или ея предсѣдателя Штюрмер — измѣнник, как то доказала рѣчь Милюкова 1 ноября. Протопопов «укрывал» измѣнников, воспрещая печатать что-либо о Штюрмерѣ в то время, как измѣна подлежала изъятію в интересах родины». «Кто этому вѣрил, что он измѣнник, кто это знал?» — спрашивал на допросѣ Протопопов. «Этому вѣрила страна, но не вѣрили министры» — отвѣчал предсѣдатель. *Пр.:* «Я Штюрмера за измѣнника не считал, и мнѣ это в голову не приходило». Процитированное мѣсто относится к допросу 21 іюня. Через мѣсяц Протопопов подал письменное добавленіе, в котором готов был заподозрѣть всѣх, окружающих его, в шпіонажѣ. «Теперь у меня является мысль» — писал Протопопов по поводу нѣкоего Виткупа, «богатаго человѣка», у котораго иногда обѣдал Распутин: «не причастен ли Виткуп к шпіонажу. Прежде я этого, конечно, не думал и основаній утверждать что-либо подобное не имѣю. Мысль эта явилась у меня под вліяніем узнаннаго уже в крѣпости. Мнѣ тоже приходит в голову — не измѣнник ли Симанович, и не был ли таковым Распутин? Подозрѣваю А. Н. Хвостова, Татищева, кн. Тарханову, Мануйлова, Мануса, Штюрмера; прежде этого не подозрѣвал, а теперь невольно думается. Подозрѣваю фрейлину Никитину, кн. Андронникова... полковника Рѣзанова (т. е. слѣдователя в контр-развѣдкѣ), хотя положительных тому основаній не имѣю, также думается... и Софья Лунц не видалась ли она в Копенгагенѣ с Перреном**) или кѣм другим причастным к шпіонажу, хотя и это есть лишь предположенія, здѣсь пришедшія мнѣ на мысль». Продиктовано ли было такое показаніе, почти граничащее с издѣвательством над шпіономаніей Комиссіи, разстроенным воображеніем дѣйствительно неуравновѣшеннаго человѣка или со-

*) Облик этого великосвѣтскаго авантюриста обрисован мною в книгѣ «Легенда о сеп. мирѣ».

**) Анекдотическая исторія с хиромантом Перреном, очень интересовавшим Комиссію, разсказана там же.

знательным подлаживаніем под настроенія допрашивавших, при чем сам допрашиваемый притворно принимал личину, которая подтверждала его психическую ненормальность?*)

В такой обстановкѣ, естественно, дѣло Сухомлинова, «измѣнническая» дѣятельность котораго в Комиссіи не возбуждала сомнѣнія, хотя со слѣдствіем она не была знакома, становилось какой-то лакмусовой бумагой для выясненія вообще измѣннических тенденцій министров и их вдохновителей. Штюрмеру было поставлено «конкретное обвиненіе» в попыткѣ «затушит» дѣло Сухомлинова. Не будем обслѣдовать сложной эпопеи подготовки сухомлиновскаго процесса при старом режимѣ и всѣх посторонних вліяній, так или иначе связанных с процессом. В сущности, никакой защиты Сухомлинова не было со стороны тѣх, кто при Дворѣ был озабочен судьбою опальнаго военнаго министра, и кто не вѣрил в его «измѣну». Позиція этих защитников Сухомлинова, как нельзя лучше, опредѣляется докладной запиской начальника канцеляріи Министерства Двора Мосолова, разсмотрѣнной Фредериксом совмѣстно с Штюрмером 21 января 16 года и переданной на усмотрѣніе министра юстиціи. «Ожиданіе рѣшенія по дѣлу Сухомлинова во всѣх слоях общества и населенія волнует умы» — констатировала записка. «Общій голос народный высказывается за то, чтобы его судили по всей строгости закона... народныя массы требуют суда, ища виновника временных неудач на войнѣ, приписывая их исключительно недостаточности снабженія арміи оружіем и боевыми припасами. Он является для толпы виновником гибели массы солдатских жизней, требующей возмездія. Из политических партій благомыслящіе монархисты желают суда для справедливаго наказанія за совершенныя преступленія, если таковыя будут доказаны безпристрастным судом. Эти элементы сравнительно малочисленны, но другая часть политических партій, именно та, которая особенно энергично агитирует в народных массах, это антимонархическіе элементы, которые хотят взвинтить суд над Сухомлиновым во всесвѣтный скандал, дискредитирующій правительство и могущій нанести сильный удар монархическому принципу. Вопрос о преданіи суду Сухомлинова по закону подлежит разсмотрѣнію департамента Государственнаго Совѣта. При утвержденіи Государем Императором рѣшенія департамента Сухомлинов подлежит преданію верховному суду. Этог

*) Хорошо еще, что члены Комиссіи не имѣли возможности познакомиться с дневником секретаря французскаго посольства в Петербургѣ гр. Шамбрэна, который впослѣдствіи был им опубликован под видом писем к своей невѣстѣ в Париж. Из этих записей они узнали бы, что в Петропавловской крѣпости, находившейся в вѣдѣніи военнаго министерства, нѣмецкіе шпіоны (вспомним, их там было 300 человѣк!), пользовались исключительным покровительством — получали даже свѣжіе номера германских газет и проводили в камерах время за русским самоварным чаепитіем... Все это гр. Шамбрэн узнал 4 марта от освободившагося в дни революціи заключеннаго в одном из равелинов «русской Бастиліи», нѣкоего Шубина-Поздѣева. В эту отсебятину сотрудник эмигрантских «Посл. Нов.» увѣровал. Еще бы! — вѣдь Петропавловская крѣпость была в вѣдѣніи ген. Никитина, дочь котораго была ярой поклонницей знаменитаго «старца». Мы видѣли, что в другом случаѣ аналогичное легковѣріе проявили и члены Слѣдственной Комиссіи.

вполнѣ законный порядок казался бы наиболѣе соотвѣтствующим .. но раньше, чѣм на него рѣшиться, слѣдует принять во вниманіе послѣдствія, вызванныя преданіем Сухомлинова верховному суду, а именно: 1. дѣло затянется на мѣсяцы. 2. Сухомлинов...притянет к дѣлу массу лиц и неминуемо дискредитирует правительство... что неминуемо не только в Думѣ, но и в народѣ нанесет чувствительный удар правительственной власти, не говоря уже о впечатлѣніи... на наших союзников. 3. За тайну производства верховнаго суда ручаться нельзя... когда сужденіе даже в Совѣтѣ министров на слѣдующій же день комментируется уже в клубах и биржевых кругах. 4. Слѣдствіем... может явиться и огласка военных тайн. 5. Суд над Сухомлиновым неминуемо разрастется в суд над правительством. 6. ...Допустимо ли признать гласно измѣну военнаго министра... Казалось бы, что по изложенным причинам верховный суд над Сухомлиновым недопустим. Непреданіе С. суду тоже немыслимо... Если было бы возможно передать дѣло о нем в военно-полевой суд, то этим сократилось бы время, возможно бы до минимума уменьшить огласку происходящаго на судѣ... и весь этот суд остался бы в размѣрах личных поступков и преступленій Сухомлинова... Если бы преданіе военному суду оказалось невозможным, то, казалось бы, общественное мнѣніе могло бы быть вполнѣ удовлетворенным, если вопрос о преданіи суду будет теперь же рѣшен в положительном смыслѣ, но самый суд будет отложен до окончанія войны. Теперь же для удовлетворенія того же общественнаго мнѣнія, не ожидая предстоящаго суда, если данныя Слѣдственной Комиссіи в достаточной мѣрѣ доказывают виновность Сухомлинова, то представлялось бы необходимым испросить высочайшаго указанія о лишеніи Сухомлинова званія ген. адъютанта и заключеніи его до суда в крѣпость или же разжалованія его в солдаты с отправленіем его на Персидскій фронт — послѣднее, конечно, лишь в том случаѣ, если Его Величество не признает в дѣяніях Сухомлинова измѣны. Во всяком случаѣ напряженность ожиданія рѣшенія вопроса о Сухомлиновѣ теперь так велика, что для правильнаго теченія дѣл государственных необходимо возможно безотлагательно принять то ило иное рѣшеніе».

Трудно назвать приведенную докладную записку «защитой» Сухомлинова и во всяком случаѣ относительное затушеваніе дѣла приписать пособничеству в «измѣнѣ». В наивных, быть может, иногда соображеніях Мосолова многое должно быть признано правильным, независимо от оцѣнки специфических интересов «престола». Общественная оппозиція того времени в какой то слѣпотѣ не отдавала себѣ отчета в тѣх роковых послѣдствіях, которыя должно было имѣть обвиненіе военнаго министра в измѣнѣ, — в них был один из источников трагедіи фронта в дни революціи. Фактически никаких реальных шагов в соотвѣтствіи с запиской Мосолова не было сдѣлано; а министр юстиціи, приложившій свою руку к возбужденію преслѣдованія против Сухомлинова*), считал,

*) Это был А. А. Хвостов. Он показывал в Комиссіи: «Слѣдствіе по дѣлу Сухомлинова шло ....под моим руководством и принятая мѣра пресѣченія — содержать под стражей и заключеніе в крѣпости — исходили так-

что вопрос об изъятіи дѣла Сухомлинова из вѣдѣнія гражданской юстиціи и передача его военно-полевому суду был поднят не для того, чтобы «этим путем вывести изслѣдованіе за предѣлы гласнаго разсмотрѣнія и этим закончить дѣло», а для того, чтобы подвергнуть Сухомлинова смертной казни. «Мнѣ это говорили тѣ, которые были наиболѣе возмущены и которые находили, что для него мало гражданскаго суда» — показывал Хвостов в Комиссіи.

Ал. Фед. не возражала против преданія суду Сухомлинова, и через двѣ недѣли послѣ обсужденія записки Мосолова писала (4 марта): «Эта война перевернула все вверх дном и взбудоражила всѣх. Я узнала из газет, что ты приказал отдать Сухом. под суд; это правильно — вели снять с него аксельбанты. Говорят, что обнаружились скверныя вещи, что он брал взятки, это, вѣроятно, ея вина — это очень грустно! Дорогой мой, как не везет! Нѣт настоящих «джентльменов» — вот в чем бѣда, ни у кого нѣт приличнаго воспитанія, внутренняго развитія и принципов, на которые можно было бы положиться... Горько разочаровываться в русском народѣ — такой он отсталый; мы столько знаем, а когда приходится выбирать министров, нѣт ни одного человѣка, годнаго на такой пост. Не забудь про Поливанова».

Гораздо больше А. Ф. была обезпокоена сообщеніем об арестѣ Сухомлинова, о чем Царь сообщил женѣ в письмѣ от 30 октября: «Заточеніе бѣднаго С. очень меня волнует. Хвостов (юстиція) меня предупредил, что это, вѣроятно, должно случиться по приказанію того сенатора, в чьих руках это дѣло. Я ему заявил, что, по моему, это несправедливо и ненужно; он отвѣтил мнѣ, что это произведено, чтобы воспрепятствовать бѣгству С. из Россіи, и что кѣм то уже распространяются слухи об этом с цѣлью возбудить общественное мнѣніе. Во всяком случаѣ это отвратительно». По словам Хвостова, Императрица была встревожена больше всего тѣм, что Сухомлинов заключен в крѣпость: «Я был у Императрицы больше часу; Императрица говорила: «ну, если бы в тюрьму, а то в крѣпость, там, гдѣ постоянно заключались враги Царя». Я докладывал Императрицѣ, что она ошибается, что иногда крѣпость служила мѣстом заключенія для лиц других преступных категорій, и что, кромѣ того, содержаніе старика в крѣпости для него гораздо легче, чѣм содержаніе под стражей. Мнѣ указывалось на полное невѣроятіе самого обвиненія... Когда я старался разъяснить невѣрное предположеніе о правдивости Сухомлинова, Государыня даже схватилась за голову и сказала: «Боже мой, Боже мой, кто

же от меня. Принята эта мѣра была не столько в видах безопасности, сколько в видах соблюденія достоинства судебной власти. Преступленіе было также тяжелое, и улики были настолько сильны, что мѣра пресѣченія — содержаніе под стражей — была несомнѣнно необходима». Тут же, однако, Хвостов, в противорѣчіе со сказанным, говорил: «Сухомлинов находился в нравственной зависимости от жены, и можно было всегда опасаться, что она поможет ему принять мѣры к побѣгу(!!) Если бы такой побѣг случился, никто бы не повѣрил, что правительство об этом не знало». Отношеніе Штюрмера — добавлял свидѣтель — «было, как и всегда на словах согласно с моим, отчасти, пожалуй, потому, что я нѣсколько напугал его возможностью побѣга».

бы мог это подумать!» Говорила, не ошибаюсь ли я, что она вѣрит мнѣ, но что, может быть, меня обманывают». Под сильным воздѣйствіем со стороны «Друга», к которому сумѣла проникнуть жена Сухомлинова, А. Ф. добивается перевода Сухомлинова из тюрьмы под домашній арест. Для А. Ф. мотив основной тот, что «старик умрет в тюрьмѣ, и это останется навѣки на нашей совѣсти» (27 сент.). Правда, в дальнѣйшем А. Ф. начинала требовать пріостановки дѣла, прекращенія слѣдствія: «Ты должен вытребовать отсюда (дѣло), чтобы все это не попало в Гос. Совѣт, иначе бѣднаго Сухомлинова нельзя будет спасти... Почему должен пострадать он, а не Коковцев (который не хотѣл давать деньги), или Сергѣй, который, что касается ея (т. е. Кшесинской), ровно столько же виноват». А. Ф. казалось, что она требует только справедливости; она защищала Сухомлинова от петли, которую общественное мнѣніе готово было накинуть на его шею (Муравьев так и выразился: покровители Сухомлинова мѣшали его «повѣсить»), защищала, не вѣря в измѣну «легкомысленнѣйшаго в мірѣ господина», как охарактеризовал в воспоминаніях Коковцев. В этом отношеніи А. Ф. сто крат была права. К сожалѣнію, Мякотин был не совсѣм прав, когда писал тоже по поводу воспоминаній Сухомлинова, что обвиненіе б. военнаго министра в измѣнѣ «не встрѣчало ни довѣрія, ни сочувствія в серьезных кругах общества».

Пришпилить этикетку «измѣны» к имени А. Ф. не смогли. Всѣ попытки, пусть даже «вялыя и безсистемныя», дѣйствительно оказались покушеніем с негодными средствами. Керенскій перед слѣдователем Соколовым засвидѣтельствовал, как бы офиціально, что «в результатѣ работ» Комиссіи ему было доложено, что в дѣйствіях Николая II и его супруги не нашлось состава преступленія по ст. 108 Уг. Ул. «Об этом — добавил бывшій предсѣдатель правительства — я тогда же докладывал Временному Правительству». На основаніи цитированных выше показаній Переверзева, покинувшаго пост министра юстиціи послѣ іильскаго мятежа, организованнаго большевиками, слѣдует, что вопрос этот выяснился до того времени, когда Керенскій сдѣлался предсѣдателем правительства, т. е. до завершенія работ Комиссіи, что и подтвердил со своей стороны первый предсѣдатель правительства кн. Львов Соколову: «Работа Сл. Комиссіи не была закончена. Но один из самых главных вопросов, заключавшійся в том подозрѣніи, а может быть, убѣжденіи у многих, что Царь под вліяніем своей супруги, нѣмки по крови, готов был и дѣлал попытки к сепаратному соглашенію с врагом, Германіей, был разрѣшен. Керенскій дѣлал доклад правительству и совершенно опредѣленно, с полным убѣжденіем утверждал, что невинность Царя и Царицы в этом отношеніи установлена». Касаясь доклада предсѣдателя Комиссіи на съѣздѣ Совѣтов 17 іюня, Суханов в своей мемуарной исторіи революціи пишет: «В своем докладѣ Муравьев, между прочим, опроверг не заслуживавшую опроверженія убогую либеральную басню о германофильствѣ царскаго двора и об его стремленіи к сепаратному миру. Ни в каких бумагах не было найдено ни намека на что-либо подобное — к великому огорченію наших убогих сверх-патріотов».

Муравьев ни одним словом в докладѣ не коснулся той «басни», о которой говорит Суханов. Вопрос о верховной власти просто был обойден в докладѣ, и чрезвычайно показательно, что никто рѣшительно в лѣвых кругах на это не обратил вниманія, никто не поинтересовался вопросом об «измѣнѣ». Вѣроятно, память Суханова сдѣлала непроизвольный скачек. Он разсказывает, что перед своим выступленіем на съѣздѣ Муравьев дѣлал предварительное сообщеніе в «небольшом (новожизненском) кругу на квартирѣ у Горькаго. Он собрал нас, собственно, для того, чтобы посовѣтоваться и подѣлиться своими мнѣніями. Положеніе его было, дѣйствительно, не из легких. Революція стерла с лица земли старых царских палачей и душителей Россіи. Всѣ они были живы-здоровы — частью в заключеніи, частью на свободѣ, частью в эмиграціи. Их нельзя было не судить. Но нельзя было судить их всѣх. Кого же судить было можно — должно? И по каким же таким законам? Судить за одни злоупотребленія, за одни нарушенія царских законов было безсмысленно. Судить за исполненіе царских законов против народа — было трудно «юридически». Можно предполагать, что на квартирѣ Горькаго Муравьев и касался «либеральной басни о германофильствѣ царскаго двора и об его стремленіи к сепаратному миру». В кружкѣ «новожизненцев», может быть, обсуждался и вопрос о судьбѣ представителей верховной власти. Как раз в это время неистовый Бурцев, не всегда отдававшій себѣ отчет в резонансѣ, который могут имѣть его слова, в № 2 «Будущаго» довольно одиноко требовал: «Николай II должен быть предан суду». Итак признаем, что в серединѣ іюня Временное Правительство было уже достаточно освѣдомлено о «невинности» царскосельских заключенных — по крайней мѣрѣ в самом тяжелом обвиненіи. Еще раз Керенскій сказал Бьюкенену, что не найдено ни одного компрометирующаго документа, подтверждающаго, что Царица и Царь «когда-либо собирались заключить сепаратный мир с Германіей». Но «дѣло» еще не было закончено — Комиссія продолжала свое разслѣдованіе, как могли мы удостовѣриться по позднѣйшим допросам Милюкова и Дубенскаго в августѣ и Родзянко в сентябрѣ*). Улик не было, но презумпція возможной виновности оставалась. Формула умолчанія, в которую облекались предварительные выводы Чр. Сл. Комиссіи, приводила к тому, что в общественном сознаніи дореволюціонныя легенды продолжали жить — даже такой чуткій публицист «Рус. Вѣд.», как Бѣлоруссов (Белевскій), не завороженный революціонным психозом, счел возможным говорить в одной из своих статей (26 іюля), что Николай II был свергнут «за сношенія и тайный сговор с непріятелем, за ожидавшуюся измѣну союзникам, а слѣдовательно Россіи». Во втором варіантѣ своих воспоминаній, вышедших на французском языкѣ и послѣ показаній, данных им слѣдователю Соколову, Ке-

*) В воспоминаніях свое показаніе в Комиссіи, желавшей во что бы то ни стало найти крамолу в дѣйствіях Царя, Родзянко охарактеризовал словами, что он 5 часов подряд защищал Николая II. Не всегда это было так.

ренскій заявил, что не может сказать опредѣленно, принимала ли участіе А. Ф. в выработкѣ плана сепаратнаго мира, хотя он, Керенскій, сдѣлал все, чтобы выяснить это*). Такая презумція не могла не вліять на послѣдующую судьбу царской семьи. К этим заключительным страницам мы и переходим.

*) Для большевицкаго историка Покровскаго «не только возможно, но даже несомнѣнно, что Николай II сжег всѣ бумаги, касающіяся сепаративнаго мира, воспользовавшись попустительством, которое дѣлало ему Временное Правительство». Ни на чем не основанное апріорное убѣжденіе Покровскаго, конечно, не может служить доказательством того, что бумаги, подлежавшія сожженію, дѣйствительно существовали.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВМѢСТО АНГЛІИ—ТОБОЛЬСК

1. Ставка Л.-Джорджа.

На основаніи прошедших перед нами фактов мы имѣем право сказать — даже без оговорок — что несостоявшійся в весенніе мѣсяцы отъѣзд царской семьи в Англію сам по себѣ ни в коей степени не стоял в связи с измѣненіями, которыя произошли к концу марта во взглядах англійскаго правительства на цѣлесообразность предоставленія Царю права убѣжища в Англіи. Формальной отвѣтственности за то, что царская семья осталась в Россіи, на англійское правительство возлагать нельзя. Поскольку рѣчь может итти об этой отвѣтственности, вопрос в отношеніи англійскаго правительства должен быть поставлен по иному. Если бы англійское правительство проявило и в дальнѣйшем ту настойчивость, какой была проникнута нота 11 марта, когда, как мы знаем, англійскій посол в Петербургѣ получил предписаніе указать Врем. Прав. на «величайшую важность» скорѣйшаго переѣзда императорской фамиліи в Англію, не измѣнилась ли бы нѣсколько двойственная с самаго начала позиція революціоннаго правительства и не разрѣшился ли бы вопрос об отъѣздѣ совершенно независимо от разслѣдованія дѣла о верховной власти в Чрез. Слѣд. Комиссіи? Если бы вопрос так принципіально разрѣшился, то историческая оцѣнка из сферы политической морали, т. е. нравственной отвѣтственности, переходил бы в область весьма субъективнаго учета тогдашней конкретной обстановки в Россіи — могло ли бы Вр. Правительство при содѣйствіи англичан фактически вывезти царскую семью из Россіи? Однако, нѣт никакого сомнѣнія, англійское правительство моральную проблему откинуло и встало, под вліяніем бывшаго тогда премьером Л. Джорджа, на путь реалистической политики интересов дня, как они рисовались тогда руководителям парламентскаго общественнаго мнѣнія.

Дочь Бьюкенена в своих, повидимому, нашумѣвших в Англіи воспоминаніях относительно телеграммы «10 апрѣля» (нов. ст.) дала такія поясненія: взволнованный посол разсказал своей семьѣ, что в Лондонѣ находят теперь «предпочтительным оттоворить императорскую семью от мысли пріѣхать в Англію». «Правительство опасается, как бы это не вызвало внутренних волненій. Идут какіе-то революціонные разговоры в Гайд-Паркѣ; рабочая партія заявляет, что она заставит рабочих бросить работу, если Импера-

тору будет разрѣшен въѣзд. Мнѣ предписано отмѣнить соглашеніе с Времен. Правительством». Впослѣдствіи посол сообщил дочери, что намѣченный план переѣзда царской семьи был разрушен Л. Джорджем, сообщившим королю свѣдѣнія о враждебных настроеніях в странѣ и убѣдившим короля, что опасность, грозящая императорской семьѣ в Россіи, крайне преувеличена британским посольством в Петербургѣ, которое излишне прислушивается к мнѣнію бывших придворных.

В дополненіе к разсказу мисс Бьюкенен Діонео в «Посл. Новостях» привел выдержку из передовой статьи, появившейся в «газетѣ премьера» (т. е. «Daily Telegr.») и озаглавленной «Почтительный протест»: «Мы искренне надѣемся, что у британскаго правительства нѣт никакого намѣренія дать убѣжище в Англіи Царю и его женѣ. Во всяком случаѣ, такое намѣреніе, если оно дѣйствительно возникло, будет оставлено. Необходимо говорить совершенно откровенно об этом. Если Англія теперь даст убѣжище императорской семьѣ, то это глубоко и совершенно справедливо задѣнет всѣх русских, которые вынуждены были устроить большую революцію, потому что их безпрестанно предавали нынѣшним врагам нашим и их. Мы жалѣем, что нам приходится говорить это об экзальтированной дамѣ, стоящей в столь близких родственных отношеніях к королю, но нельзя забыть теперь про один факт: Царица стала в центрѣ и даже была вдохновительницей прогерманских интриг, имѣвших крайне бѣдственныя послѣдствія для нас и едва не породивших безславный мир. Супруга русскаго Царя никогда не могла забыть, что она нѣмецкая принцесса. Она погубила династію Романовых, покушаясь измѣнить странѣ, ставшей ей родной послѣ замужества. Англійскій народ не потерпит, чтобы этой дамѣ дали убѣжище в Великобританіи. Царица превратит Англію в мѣсто новых интриг. Вот почему у англичан нынѣ не может быть никакой жалости к павшей Императрицѣ, ибо она может предпринять шаг, который будет имѣть гибельныя для Англіи послѣдствія. Мы говорим теперь совершенно откровенно и прямо: об убѣжищѣ не может быть рѣчи, так как для нас опасность слишком велика. Если наше предостереженіе не будет услышано, и если царская семья прибудет в Англію, возникнет страшная опасность для королевскаго дома».

В той же статьѣ Діонео был приведен отвѣт Л. Джорджа, напечатанный «во всѣх англійских газетах», на вопрос журналистов по поводу разоблаченій мисс Бьюкенен — б. премьер признал, что «по всей вѣроятности, я посовѣтовал королю не давать разрѣшенія на пріѣзд в Англію Николая II. Мой совѣт вызван был тѣм, что в то время мы пытались убѣдить Керенскаго продолжать войну с германцами. Позволив Царю пріѣхать в Англію, мы повредили бы нашему ходатайству у Керенскаго». «Отвѣт» Л. Джорджа в связи с полемикой Милюкова, что «объясненіе это звучит нѣкоторым анахронизмом, но оно весьма вѣроятно», вызвал большое негодованіе Керенскаго, протестовавшаго письмом в редакцію «Пос. Нов.» и заявившаго, что объясненія Л. Джорджа «ни в малѣйшей степени не соотвѣтствуют дѣйствительности». Несуразный

контекст «отвѣта» Л. Джорджа, с указаніем имени Керенскаго, котораго англійскій премьер должен был якобы убѣждать «продолжать войну», и нежеланіе Керенскаго считаться с датой, к которой должно быть отнесено указаніе Л. Джорджа, затемнили простое и, дѣйствительно, «вѣроятное». Не без присущаго «маленькому валійцу» лукавства Л. Джордж, конечно, умолчал о мотивах, выдвинутых в свое время в «предостереженіи», которое дѣлал «Daily Telegraf». Суть дѣла была в том, что волненія «лѣвых» в Англіи, явившіяся отзвуком оппозиціи совѣтских кругов в Россіи отъѣзду быв. Императора, могли помѣшать военной акціи в Россіи в представленіи премьера*). Англійскій премьер, конечно, не очень хорошо разбирался в русских дѣлах и в русских общественных теченіях; для него имя Керенскаго было синонимом только «заложника демократіи» в правительствѣ — своего рода совѣтским представителем в этом правительствѣ; это было имя лица, которое может в создавшейся обстановкѣ воздѣйствовать на совѣты и «заставить Россію воевать» (так считал Бьюкенен, как видно из его полудневника).

В выпущенных затѣм воспоминаніях Л. Джордж рѣшительно умолчал о «совѣтѣ», который он давал королю и о посылкѣ Бьюкенену телеграммы, скрывшей за завѣсой преждевременности опубликованія всѣх документов, относящихся к этому дѣлу. Точный текст телеграммы «10 апрѣля» остается нам неизвѣстен, но самый факт посылки телеграммы не подлежит сомнѣнію. Милюков до извѣстной степени прав, указывая, что первоначальное объясненіе Л. Джорджа, свидѣтельство дочери Бьюкенена и разговор самого посла с русским министром ин. дѣл сходятся друг с другом, как «обрывки одного и того же листа разорванной бумаги» (даты остаются, конечно, на отвѣтственности дочери Бьюкенена и Милюкова), — осторожнѣе было бы сказать, что их роднит общій дух. Умолчал б. англійскій премьер и о послѣдующем, имѣвшем в судьбѣ вопроса об отъѣздѣ царской семьи гораздо большее значеніе, нежели телеграмма «10 апрѣля», которая, очевидно, не имѣла характера окончательных директив, ибо письмо Бьюкенена в Лондон, помѣченное 15 апрѣля (н. ст.) и цитированное в воспоминаніях Л. Джорджа, все еще говорило о предпочтительности отъѣзда в Англію, хотя и отмѣчалась возможность отъѣзда царской семьи в Ливадію, куда желал бы выѣхать сам Царь. Писалось сообщеніе это со слов кн. Львова. Можно было бы разсматривать указаніе посла, как средство воздѣйствія на англійское правительство: он информировал своего министра, что кн. Львов опасается задержки поѣзда рабочими по пути и обезпокоен угрозой, которую это может представить для царской семьи. Однако, тут же он указывает, что «Керенскій совершенно не подготовлен принять на себя отвѣтственность за выѣзд царской семьи, и отмѣчает рост враждебнаго отношенія лѣвых элементов к отъѣзду, т. е. под-

*) Так же думали и в Парижѣ, как доносил в Лондон англійскій посол во Франціи — Берти.

крѣпляет позицію перваго министра*). На этом письмѣ обрывается публикація относящихся к вопросу документов в мемуарах Л. Джорджа. Перед нами до извѣстной степени бѣлый лист. Довольно характерно, что русскій министр ин. д., ведшій первые переговоры, до самаго послѣдняго времени оставался увѣренным, что в предѣлах его управленія министерством «было начато и закончено дѣло об отъѣздѣ бывшаго Императора» (Статья «Март-апрѣль 1917»). Несмотря на заявленіе Керенскаго, сдѣланное в «Волѣ Россіи» еще в 21 г., что переговоры об отъѣздѣ были возобновлены преемником Милюкова, и что в іюнѣ был получен «окончательный отвѣт», Милюков требовал еще в 32 г. подтвержденія со стороны Терещенко, так как «по существу дѣла эта вторая просьба и второй отказ» казались ему «нѣсколько сомнительными». В спеціальном письмѣ в ред. «Пос. Нов.» (21 іюня 32 г.) Терещенко формально подтвердил. По его словам вопрос о выѣздѣ царской семьи в Англію был «вновь возбужден Врем. Прав. в маѣ 1917 г.». «Наши усилія — писал Терещенко, — закончились столь же неудачно, как и шаги, предпринятые... в мартѣ 17 г. В концѣ іюня или началѣ іюля, точно не помню, получился окончательный отказ».

Терещенко оказался краток и скуп в своем сообщеніи**). В силу этого приходится пользоваться только показаніями Керенскаго, непосредственно не ведшаго переговоры с послом, и по возможности не считаться со всѣми тѣми неточностями, которыя изобилуют, как не раз было указано, в его воспоминаніях в силу черт, присущих ему, как мемуаристу. Совершенно очевидно, что майскіе переговоры Терещенко с Бьюкененом, поскольку они имѣли мѣсто, могли носить в сущности тот же предварительный характер, какой они имѣли и при его предшественникѣ — согласно формулѣ Керенскаго о возможности выѣзда, если «дѣло» о верховной власти можно будет ликвидировать за отсутствіем состава преступленія. Красивыя рамки, в которыя хочется Керенскому вставить это продолжавшееся зондированіе почвы, не больше, как цвѣты политическаго краснорѣчія, облеченнаго в мемуарно-литературную форму, — их можно оставить в сторонѣ. Недаром Жильяр записал 12 апрѣля (у Жильяра новый стиль) по поводу посѣщенія министром Царскаго Села: «ни слова о нашем отъѣздѣ», т. е. Керенскій, естественно, не счел нужным довести до свѣдѣнія царственных узников об отвѣтѣ Англіи 10 апрѣля. Инструкцію,

---

*) Было выше указано, что это не соотвѣтствовало дѣйствительности, поскольку рѣчь идет о концѣ марта.

**) Интервьюеру «Возрожденія» Терещенко заявил: «Послѣднія 14 лѣт я совершенно уклонился от каких-либо политических выступленій. Так же намѣрен поступать и впредь». Мнѣ неизвѣстны мотивы молчанія в тѣх случаях, когда дѣло идет о разъясненіи прошлаго, что нельзя назвать «политическим выступленіем». Однако, только обмѣн мнѣніями современников может разъяснить то, что для историка подчас не может быть установлено документами. Вѣроятно, Терещенко, как человѣк, занимавшій отвѣтственный пост в революціи, подготовлял мемуары, которыя для него являются своего рода общественной отчетностью.

полученную Бьюкененом из Лондона, которая должна была отразиться на переговорах, Керенскій резюмирует словами: «надо взять приглашеніе назад, но сохранить апарансы и дѣйствовать таким образом, чтобы инициатива отказа исходила от представителей русскаго правительства». Надо думать, что это лишь позднѣйшее умозаключеніе, сдѣланное на основаніи знакомства с опубликованными документами, в значительной степени под вліяніем разсказа дочери Бьюкенена. Керенскій вмѣстѣ с тѣм увѣряет, что под вліяніем Лондона Бьюкенен стал сам развивать идею, что крайне лѣвыя партіи и нѣмецкіе агенты воспользуются отъѣздом Царя для того, чтобы возбудить русское общественное мнѣніе против Англіи, и что предпочтительнѣе поэтому перевезти Николая II и его семью в Крым».

Но правительство не пошло на удочку, заброшенную «коварным» планом Ллойд-Джорджа, побудить его принять на себя инициативу отказа от вывоза царской семьи в Англію. «К сожалѣнію, пишет он в книгѣ, подводящей итоги его выступленій по этому поводу, — намѣреніе русскаго Временнаго Правительства отправить Царя заграницу не зависѣло от взглядов англійских либералов и рабочей партіи. Вопрос рѣшался нашим внутренним политическим положеніем, и мы не могли ничего измѣнить. Продолжить пребываніе плѣнников (captifs) в непосредственной близости с Петербургом нельзя было думать. Обитатели Александровскаго дворца сами только и ожидали часа отъѣзда. Император постоянно возвращался в разговорах со мной, — особенно тогда, когда я приносил ему новости от его родственников в Англіи»*). Между тѣм положеніе улучшилось в Россіи. Административное колесо наладилось в руках правительства и в хорошем состояніи. «Человѣк улицы» начинал интересоваться значительно меньше судьбой Царя, потому что вставали другія проблемы, безконечно болѣе важныя. Это был благопріятный момент для того, чтобы организовать путешествіе царской семьи из Петербурга в Мурманск, не подвергая ее никакой опасности. С согласія кн. Львова, наш новый министр ин. д. Терещенко освѣдомился у сэра Дж. Бьюкенена о времени, когда англійскій крейсер сможет взять низложеннаго монарха и его семью**). Одновременно, при содѣйствіи датскаго министра Сковеніуса, было получено обѣщаніе нѣмецкаго правительства, что никакая подводная лодка не нападет на судно, везущее изгнанников. Сэр Дж. Бьюкенен и всѣ мы ждали с нетерпѣніем отвѣта из Лондона».

Не будем вдаваться в разсмотрѣніе гипотез о фактической возможности выѣзда царской семьи. Лѣтом 17 г. нам (субъективно) технически он не представляется дѣйствительно возможным. Конечно, Керенскій преувеличивает, когда говорит, что новый административный аппарат, находившійся в распоряженіи правитель-

*) Думаю, что читатель на основаніи приведенных раньше фактов, сам введет необходимыя поправки в противорѣчивыя изложенія Керенскаго.

**) Припомним, что в мартовскіе-апрѣльскіе дни этот вопрос задавал Милюков.

ства, был «en bon état de marche»*), но он все-таки ближе подходит к реальной оцѣнкѣ «атмосферы», которая окружала заключенных в Царском Селѣ, чѣм в тѣх случаях, когда эту атмосферу рисует раскаленной (противорѣчіе неразрѣшимое у мемуариста) «Равнодушіе» в общественных кругах к заключенным могло совершенно переродиться при попыткѣ измѣнить установившееся status quo. Мы не знаем и того, как отнеслось бы к самому факту далеко не однородное коалиціонное правительство, в состав котораго входил однопартіец Керенскаго, но его рѣзкій антагонист, Чернов, державшійся лѣваго курса в политикѣ. Много раз Керенскій отмѣчает, что всѣ разговоры о судьбѣ царской семьи почему то велись в значительной степени в тайнѣ от всего состава правительства, и знало о них лишь трое, помимо Керенскаго, т. е., кн. Львов, Некрасов, Терещенко. Таким образом, Временное Правительство, как таковое, никаких рѣшеній не принимало. Это приходится подчеркнуть.

Гораздо важнѣе установить точную дату момента, когда новым составом правительства был в конкретной формѣ еще раз поставлен вопрос об отъѣздѣ царской семьи и получен «окончательный отказ» из Англіи. Дѣло в том, что до появленія в печати письма Терещенко, Керенскій систематически — и в статьях и в интервью — фиксировал эту дату серединой іюня, и даже болѣе точно: «за нѣсколько дней до начала наступленія», т. е. 18 іюня. Впослѣдствіи Керенскій дату измѣнил примѣнительно к указаніям Терещенко — в книгѣ он говорит, что не помнит того, было ли это в концѣ іюня или в первые дни іюля. Послѣдняя дата — ее пока примем — логически примыкает к той тенденціи, которая стала намѣчаться в работах Чр. Сл. Комиссіи в смыслѣ направленія «дѣла» о судимости верховной власти, и которая уже открывала возможность для «спора» (термин Керенскаго) Врем. Правительства с Л. Джорджем. О самом отвѣтѣ, пришедшем из Лондона, Керенскій разсказыает: «В глубоком волненіи Бьюкенен принес Терещенко письмо одного высокаго чиновника из Foreign Office, который был в тѣсных отношеніях со Двором. Со слезами на глазах, едва подавляя свое волненіе, сэр Дж. сообщил русскому министру ин. дѣл, что англійское правительство отказывалось предоставить убѣжище бывшему Императору. Я не могу процитировать точный текст письма, прочитаннаго сэром Джоржем Терещенко. Я его не читал сам. Но я могу утвердительно сказать, что этот отказ вытекал исключительно из соображеній внутренней англійской политики. Письмо заключало даже нѣкоторую ироническую остроту по адресу Временнаго Русскаго Правительства, объясняя невозможность для перваго министра посовѣтовать Его Ве-

*) В своих интервью он высказывался еще болѣе рѣшительно. Даже о первых днях революціи в связи с выступленіем в московском совѣтѣ 7 марта он говорил сотруднику «П. Н.»: «Я обладал полнотой власти, мог дѣйствовать вполнѣ свободно и ни с кѣм не собирался играть в прятки». Современники склонны к аберраціям.

личеству предложить гостепріимство людям, прогерманскія симпатіи которых хорошо были извѣстны»*).

Вся сцена и содержаніе отвѣта, описанныя Керенским все-же с чужих слов, способны вызвать нѣкоторый скепсис, начиная с той исключительной взволнованности англійскаго посла, которую отмѣчает мемуарист. Через три мѣсяца повторяется как бы сцена, зарисованная уже дочерью посла при полученіи телеграммы «10 апрѣля». Между тѣм тот же Керенскій отмѣтил раньше новую аргументацію в устах посла, до нѣкоторой степени исключающую не совсѣм понятную взволнованность при полученіи повторнаго отказа, который мог ожидать Бьюкенен. Наш скепсис не доходит до предѣлов недовѣрія Милюкова, высказавшаго в комментаріях к письму Терещенко предположеніе, без всякаго к тому основанія, что Бьюкенен повторил лишь отвѣт, ранѣе данный предшествовавшему министру ин. д. («если слѣдов этих переговоров не оказалось бы в британских документах, то пришлось бы заключить, что послѣдніе переговоры дальше Бьюкенена не пошли»).

Внѣшняя оболочка, приданная повѣствованію об іюньских переговорах, имѣет цѣлью, словно нарочито, подчеркнуть личную отвѣтственность англійскаго премьера. Керенскій так и заканчивает изложеніе іюньскаго эпизода: «таким образом, вопреки первоначальным намѣреніям Временнаго Правительства и собственному горячему желанію жить в Англіи**), Царь и его семья вынуждены были направиться на восток, в Тобольск»...***) Коковцеву, сдѣлавшему обзор печатной литературы по вопросу о проектѣ выѣзда царской семьи в Англію, кажется невѣроятной возможность отказа со стороны англійскаго правительства... «Мы не имѣем ни права, ни основанія, пока нам не будут даны болѣе точныя данныя — говорил в своем парижском докладѣ Коковцев — допускать самую мысль о том, что Король Георг, хотя бы по совѣту своего перваго министра — мог взять назад свое предложеніе о гостепріимствѣ его другу и родственнику, нашему Государю в постигшей его участи. У нас нѣт на это права по самому характеру их взаимных отношеній и в виду положенія царской семьи перед лицом грозившей ей опасности... Мы знаем, что приглашеніе цар-

*) В показаніях Соколову Керенскій отвѣт излагал так: «англійское правительство не находит возможным оказать гостепріимство б. Царю — впредь до окончанія военных дѣйствій». Пэрс, соединяя воедино два момента, в предисловіи к книгѣ Керенскаго этот отвѣт относит к мартовскому (по старому стилю)) эпизоду, разсказанному дочерью Бьюкенена.

**) Его не было (см. дневник Нарышкиной).

***) Діонео пошел еще дальше: «Судя по всѣм обнародованным уже фактам, Л. Джордж хотѣл жизнью семьи Николая II купить популярность не у русских, которые его совершенно не интересовали, а у «лѣвой» Англіи. Л. Джордж страшно преувеличивал тогда силы англійских коммунистов... Когда русскіе коммунисты поставят памятник екатеринбургским убійцам, то на пьедесталѣ непремѣнно должна быть изображена фигура «маленькаго валійца». Без него дѣти Николая II были бы теперь в безопасности в Англіи». Не говоря уже о публицистической гиперболѣ, заключающейся в приведенных строках, самая постановка вопроса, связывающая революціонныя событія с екатеринбургской драмой, представляется неправильной.

ской семьѣ найти убѣжище в Англіи исходило не только от Короля, но и от его правительства, послѣ обсужденія в военном кабинетѣ, и передано через мин. ин. д. лорда Бальфура. При таких условіях не только Король Великобританіи, но и простой человѣк, а тѣм болѣе правительство великой страны не могло взять назад своего приглашенія. У нас нѣт основанія допустить возможность такого акта по его безцѣльности и ненужности... налагать самим на себя, хотя бы перед лицом будущей исторіи, клеймо отказа в правѣ убѣжища, оставалось просто ждать неизбѣжнаго хода событій». Оставим в сторонѣ политическую мораль, осложненную в данном случаѣ взаимоотношеніями короны и правительства в парламентарной монархіи*): «в нашей конституціонной странѣ, — сказал нѣкій Гладстон, родственник Асквита, Маргуліесу в Лондонѣ — чувства придворных кругов в политикѣ никакой роли не играют». Пусть англійскій премьер будет прав в своем утвержденіи, что его правительство никогда не брало назад своего предложенія. Л. Джордж так окончательно формулировал вопрос**): «Мы предложили Императору убѣжище, согласно обращенной к нам просьбѣ Временнаго Правительства, но сопротивленіе Совѣта, которое оно не имѣло силы превозмочь, все росло и углублялось. Правительство не рѣшилось взять на себя отвѣтственности за отъѣзд Императора и отказалось от первоначальнаго намѣренія. Оно взяло на себя иниціативу просить нас оказать гостепріимство и убѣжище царской семьѣ. Мы изъявили нашу готовность и настаивали на ускореніи выѣзда и большаго мы сдѣлать не могли. Наше предложеніе оставалось открытым, и мы его не взяли назад. Если это преимущество не было использовано, то только потому, что Временное Правительство не могло справиться с оппозиціей Совѣта... Конец событій был по истинѣ трагическим, и его подробности наполнят ужасом грядущія поколѣнія человѣчества. Но за эту трагедію наша страна не может нести какой-либо отвѣтственности». Поскольку мы не знаем точнаго текста всѣх документов, заключавшихся в перепискѣ Лондона с Петербургом, легко допустить, что ф о р м а л ь н о прав Л. Джордж — его правительство никогда не отказывало царской семьѣ в политическом гостепріимствѣ. Рѣшали дѣло нюансы заключительных аккордов, облеченных, возможно, всей мудростью дипломатической тактики. Формальная сторона не может измѣнить сути. Неправда воспоминаній «перваго министра» заключается в другом — в заявленіи, что британское правительство настаивало на ускореніи выѣзда (это было только в первые дни) и «больше ничего сдѣлать не могло». Показательно, что тот же правительственный «офиціоз» в полемикѣ с первой статьей Керенскаго, появившейся в 21 г. в «Волѣ Россіи», опровергая тезу о «проблематическом» отказѣ англійскаго правительства, однако, говорил о желаніи англійскаго правитель-

*) Мораль всегда отступает на задній план в политикѣ. Только этим возможно объяснить противоестественное явленіе, что участник убійства в Екатеринбургѣ был допущен в Польшу в качествѣ совѣтскаго посла.

**) Выдержки из воспоминаній Л. Джорджа привожу в переводѣ Коковцева.

ства «отсрочить выѣзд плѣнников» ввиду опасности от германских подводных лодок у Мурманска и высказывал сомнѣніе — «согласился ли бы Николай II покинуть Россію и смог ли бы Керенскій, в случаѣ благопріятнаго отвѣта, вывезти своих плѣнников за-границу». В обстановкѣ того времени убѣжденіе отложить отъѣзд в сущности было почти равносильно отказу.

Думается, что Коковцев был прав в своем осторожном отношеніи к «положительным данным» разоблаченій мисс Бьюкенен. Безоговорочно их принять едва ли возможно. Дочь посла утверждала, что ея отец не мог в воспоминаніях сказать «всей правды», ибо ему в министерствѣ сказали, что, «если он это сдѣлает, то ему не только предъявят обвиненіе в нарушеніи закона о государственной тайнѣ, но лишат пенсіи». И посол по соображеніям матеріальным и карьеры вынужден*) был держаться офиціальной версіи, что он и выполнил в своих воспоминаніях, остановившись только на эпохѣ самых первых переговоров с Милюковым. Посол и премьер говорили почти одними словами: «Мы предложили Государю убѣжище, согласно требованій Временнаго Правительства» — пишет Бьюкенен: «но так как оппозиція Совѣта, которую оно напрасно надѣялось преодолѣть, все возростала, оно не рѣшилось взять на себя отвѣтственность и отступило от своей первоначальной позиціи. Мы также имѣли своих крайних лѣвых, с которыми приходилось считаться, и мы не могли взять на себя почин без того, чтобы нас не заподозрили в видах на дальнѣйшее. Кромѣ того**) для нас было безполезно настаивать на разрѣшеніи Государю пріѣхать в Англію, послѣ того, как мы узнали, что рабочіе угрожают развинтить рельсы впереди его поѣзда. Мы не могли предпринять каких-либо шагов, чтобы охранять его во время путешествія к порту Романов. Эта обязанность лежала на Временном Правительствѣ. Так как оно само не было хозяином в собственном домѣ, весь проект провалился». В 23 г. в «Revue de Paris», возражая Милюкову, Бьюкенен еще раз подтвердил в тѣх же словах, как впослѣдствіи Л. Джордж в воспоминаніях, версію, что англійское согласіе никогда не было взято обратно. Карьерныя соображенія могли бы побудить дипломата к молчанію, но трудно себѣ представить, чтобы он настойчиво повторял нѣчто противоположное. Бьюкенен говорил, как свидѣтельствует Пэрс в предисловіи к книгѣ Керенскаго, что «будет спокоен только тогда, когда она (семья Царя) покинет Россію». Быть может, и говорил в первые дни. Но едва ли энергично дѣйствовал в этом направленіи. Приходится скорѣе заключить, что сэр Дж. Бьюкенен в общем раздѣлял позицію своего перваго министра и лѣвых общественных кругов в Англіи***).

---

*) Милюков говорит, что об этом ему в Лондонѣ намекал сам Бьюкенен.

**) Это «кромѣ того» всегда покрывает в мемуарах противорѣчія.

***) Мы ниже приведем русское свидѣтельство, показывающее, что то особое дружественное отношеніе к Царю, которое Бьюкенен подчеркивает в воспоминаніях, преувеличено мемуаристом: в дѣйствительности посол был довольно равнодушен к личной судьбѣ Николая II.

Общественная совѣсть была слишком остро затронута чудовищной екатеринбургской драмой, и поэтому были естественны невольные мотивы самооправданія, которые звучали в показаніях людей, в руках которых была дирижерская палочка в событіях первых мѣсяцев революціоннаго времени. Эту сторону отмѣтил один из первых обозрѣвателей судьбы царской семьи послѣ переворота. Дипломат Боткин, принадлежащій к кругу знаменитой семьи, писал в «Русской Лѣтописи» в статьѣ «Что было сдѣлано для спасенія имп. Николая II»: «Никакого суда еще нѣт и обвинительный акт еще не составлен, а обвиняемые уже спѣшат занять мѣста на скамьѣ подсудимых, и каждый хочет нас увѣрить, что он не виноват». В историческом обозрѣніи самую постановку об отвѣтственности приходится отбрасывать. Если «весь мір выказал невѣроятное равнодушіе» к судьбѣ царской семьи, то вѣдь это объяснялось прежде всего увѣренностью в безопасности семьи при Врем. Правительствѣ и, слѣдовательно, ненужностью вмѣшательства, которое могло только повредить дѣлу. Было, пожалуй, только цѣлесообразно со стороны быв. мин. ин. д. и посла Извольскаго (его революція захватила на посту посла в Парижѣ) предостеречь французское правительство от «дружественнаго представленія» в пользу Царя, о чем в Парижѣ хлопотала группа лиц, которая считала, что Царю угрожает опасность. «Я счел своим долгом — телетрафировал 19 марта Извольскій Милюкову — в частной бесѣдѣ с г. Камбон предостеречь его от подобнаго шага. При настоящем составѣ Временнаго Правительства — сказал я — подобныя опасенія являются совершенно неосновательными и могли бы имѣть мѣсто только в случаѣ побѣды радикальных элементов, и поэтому подобныя представленія могли бы показаться у нас не только ненужными, но даже оскорбительными».

Иниціатива и настойчивость в смыслѣ вывоза из Россіи царской семьи могла исходить только от Временнаго Правительства. Керенскій и утверждал в письмѣ в редакцію «Пос. Нов.» (32 г.), что «Временное Правительство сдѣлало все, чтобы свое обязательство выполнить до конца». Одновременно появилось и письмо его в «Ивнинг Стандарт», в котором Керенскій объяснял, что отъѣзд Царя «не мог состояться немедленно» послѣ полученія согласія со стороны англійскаго правительства «только потому, что административный аппарат, разрушенный в первые дни революціи, еще не был в достаточной мѣрѣ возстановлен и укрѣплен для того, чтобы можно было рѣшиться на предпріятіе, связанное со столь серьезной отвѣтственностью»*).

Эта версія, противорѣчащая собственным словам Керенскаго, документально нами опровергнута. В іюнѣ, когда административный аппарат был возстановлен, когда Временное Правительство стало «подлинной властью», когда правительственное разслѣдованіе дѣятельности распутинской клики сняло вину с Царя, тогда семья не могла быть вывезена в силу отказа Англіи предоставить

*) Керенскій здѣсь повторял лишь то, что писал в «Волѣ Россіи» в 1921 г.

гостепріимство во время войны членам «русской императорской фамиліи». Дѣло было не только в этом отказѣ — пояснял Керенскій в интервью, данном сотруднику «Возрожденія». Царская семья не могла быть отправлена заграницу, так как только Англія могла «обезпечить перевоз царской семьи». Такими поясненіями Керенскій впереди отвѣчал на возраженія, сдѣланныя ему впослѣдствіи на публичном докладѣ в 36 г. — почему при отказѣ Англіи правительство не отправило царскую семью в Данію или Испанію*).

Хотя Керенскій и подчеркивал еще в «Волѣ Россіи» в 21 г., что Терещенко «может быть, с еще большей настойчивостью», чѣм его предшественник, вел переговоры об отправкѣ царской семьи в Англію, мы имѣем всѣ основанія считать, что переговоры не выходили из стадіи предположеній Временнаго Правительства и не носили характера каких то настойчивых обращеній к англійскому правительству. Обратим вниманіе на тот факт, что в дни іюньских переговоров в Петербургѣ находился с особой миссіей, аналогичной с миссіей французскаго соціалиста Тома, посланец англійскаго правительства — «заложник» демократіи в кабинетѣ Л. Джорджа, Гендерсон. Было бы естественно через него разъяснить положеніе и воздѣйствовать на англійскаго премьера. Конечно, это не могло быть сдѣлано в обстановкѣ, когда отъѣзд Царя был рѣшен лишь группой членов Времен. Прав. и о нем ничего не знали**) тѣ члены правительства, которые могли считаться в той или иной степени единомышленниками великобританскаго соціалистическаго дѣятеля. Полемизируя с Керенским в 32 году, Милюков высказал сомнѣніе, что «только рѣшительный отказ» Англіи заставил Керенскаго в іюнѣ отказаться от плана вывоза Царя (эти позднѣйшія сомнѣнія Милюкова, как мы видим, с тѣм же правом могут быть

*) Данія выплыла на сцену, очевидно, потому что о ней, как о возможном убѣжищѣ было упомянуто Львовым в показаніях Соколову. Естественно, о маленькой Даніи, находившейся в непосредственной близости к Германіи, не могло быть рѣчи. Что касается испанскаго предложенія, то Керенскій на докладѣ процитировал отвѣт Терещенко на его спеціальный запрос: «Испанскій посол с большим участіем от имени короля справлялся о царской семьѣ, но предложенія об убѣжищѣ не помню». Такого предложенія и не было, как видно из воспоминаній Неклюдова, со стокгольмскаго поста в дни революціи перемѣщеннаго в Мадрид. Когда Неклюдов вручал свои довѣрительныя грамоты, Альфонс XIII просил передать правительству его «горячую просьбу» об освобожденіи царской семьи — король был бы крайне счастлив, если бы знал, что семья находится в полной безопасности. «Мнѣ положительно извѣстно — отвѣтил Неклюдов — что Временное Правительство только и мечтает о том, чтобы разрѣшить Государю-Императору выѣхать заграницу. Если оно этого не дѣлает, то только из-за крайних элементов. Мое офиціальное вмѣшательство, идущее из заграницы. несомнѣнно раздражит эти крайніе элементы и агитація, которая будет вызвана этим выступленіем, скорѣе может повредить несчастным тобольским изгнанникам». Нѣкоторая неряшливость мемуариста, говорившаго будто бы испанскому королю о т о б о л ь с к и х узниках, может ввести в заблужденіе — не надо забывать, что вручение вѣрительных грамот происходило в дни премьерства Львова, когда Императора и его семья находились в заключеніи в Царском Селѣ (в Мадрид Неклюдов был назначен в апрѣлѣ, т. е. еще при Милюковѣ).

**) Absolument — говорит Керенскій в книгѣ «La Vérité».

отнесены к періоду, когда сам Милюков входит в состав Вр. Прав.). Для рѣшительных дѣйствій Вр. Пр-ву нужна была сочувственная общественная атмосфера. Ея не было — и не только в специфической «совѣтской» средѣ. Измѣнить настроенія м о г б ы е д и н с т в е н н о т о л ь к о а к т п р а в и т е л ь с т в а — о п у б л и к о в а н і е в о в с е о б щ е е с в ѣ д ѣ н і е о п р о в е р ж е н і я к л е в е т ы о б «и з м ѣ н ѣ» и укрѣпившихся в сознаніи слухов о подготовкѣ верховной властью сепаратнаго мира. Газеты революціонных дней не опровергали ходячей версіи — скорѣе онѣ ее подтверждали. Работа Чр. Сл. Комиссіи шла болѣе или менѣе потаенно — особенно в части, касающейся разслѣдованія криминала верховной власти. Раз Чр. Сл. Комиссія, как утверждают мемуаристы из состава Времен. Правительства, почти офиціально отказалась от обвиненія в отношеніи представителей верховной власти, этот вывод надлежало опубликовать. Вопрос иной — политически оправдывался ли бы для революціоннаго правительства при неустановившемся еще режимѣ и при наличіи демагогіи «крайне-лѣвых» такой акт благороднаго безпристрастія? Не рискован ли был для временной власти дон-кихотскій жест преждевременной реабилитаціи старой монархіи? Независимо от вопроса о политической морали, едва ли это могло бы быть цѣлесообразно в отношеніи к заключенным в Александровском дворцѣ. Их спокойное пребываніе в Царском Селѣ, измѣненіе в их положеніи «плѣнников» в значительной мѣрѣ зависѣло от степени забвенія о «старом деспотѣ» в эпоху смѣняющихся волн революціонной бури.

У нас нѣт никаких данных, говорящих о том, что в нѣдрах Временнаго Правительства появлялась даже мысль о возможности опубликованія итогов разслѣдованія Чр. Слѣд. Комиссіи, которые реабилитировали бы ушедшую со сцены верховную власть*).

2. С с ы л к а и л и у б ѣ ж и щ е ?

Итак Императору и его семьѣ п р и ш л о с ь ѣхать на восток — в Тобольск... В схему, начерченную при выступленіи Керенскаго в 36 году, довольно рѣзким диссонансом врывается утвержденіе мемуариста, что довѣренные люди, Макаров и Вершинин, посланные им в Тобольск для обслѣдованія города с точки зрѣнія пригодности его к поселенію царской семьи, возвратились уже в серединѣ іюня. «Их доклад — пишет Керенскій в «La Vérité» — был благопріятен, и тотчас началась подготовка переѣзда». Если память мемуариста не сдѣлала, быть может, непроизвольнаго скачка, то вѣдь это означает, что задолго сравнительно до «окончательнаго отказа» Англіи был намѣчен Тобольск, как очередной этап пребыванія царской семьи. Я охотно признал бы здѣсь описку со стороны мемуариста (іюнь вмѣстѣ іюль), если бы он настойчиво не подчеркивал, что вопрос о переѣздѣ царской

*) Непонятно, о каком «всенародном покаяніи» Керенскаго, объявившаго, что «Царь чист», говорит Вильтон.

семьи в Тобольск был рѣшен в дни львовскаго премьерства. Подтвердил это и кн. Львов в показаніях Соколову, слабо припоминавшій точныя даты и всю обстановку того времени: «Лѣтом в первой половинѣ іюля правительство пришло к убѣжденію, что нахожденіе царской семьи около Петрограда стало абсолютно невозможным. Страна явно шла под уклон. Нажим на правительство со стороны совѣтов дѣлался все сильнѣй... Ясно было, что царскую семью для ея благополучія нужно было куда-то увезти из Царскаго. Обсужденіе всѣх вопросов, связанных с этой необходимостью, было поручено Керенскому. Он дѣлал тогда доклад правительству. Было рѣшено перевезти ее в Тобольск... Рѣшеніе вопроса о перевозѣ семьи в Тобольск с о с т о я л о с ь при мнѣ». Но Львов ни одним словом не обмолвился о связанности тобольской проблемы с англійским отказом, о котором он вообще не упоминал (о каком рѣшеніи в дни еще премьерства кн. Львова «в первой половинѣ іюля» — Львов сложил свои полномочія 7 іюля — может итти рѣчь, будет видно в дальнѣйшем).

Так как вопрос никогда не обсуждался в офиціальном засѣданіи правительства, то возникающее недоумѣніе не разъяснил бы протокол, если бы он был в нашем распоряженіи*). Конечно, может быть точно установлена дата поѣздки Макарова и Вершинина в Тобольск, но для нас в настоящее время это невыполнимо. Впрочем, быть может, нѣт надобности откапывать логическую послѣдовательность там, гдѣ ея не было. Противорѣчія в воспоминаніях, которыя не всегда можно увязать, могут соотвѣтствовать как раз тому, что было в двойственной жизненной дѣйствительности того времени, когда не было опредѣленных рѣшеній, а были лишь многообразныя предложенія. Среди этих ранних предложеній могли быть и тѣ, о которых разсказывает Керенскій в воспоминаніях и в показаніях слѣдователю. «Было рѣшено (в сскретном засѣданіи) — показывал Керенскій Соколову — изыскать для переселенія царской семьи какое-либо другое мѣсто и все разрѣшеніе этого вопроса было поручено мнѣ. Я стал выяснять эту возможность. Предполагал я увезти их куда-нибудь в центр Россіи, останавливаясь на имѣніях Мих. Ал. и Ник. Мих. Выяснилась абсолютная невозможность сдѣлать это. Просто немыслим был самый факт перевоза Царя в эти мѣста через рабоче-крестьянскую Россію**). Немыслимо было увезти их на Юг (т. е. в Крым). Там уже проживали нѣкоторые из великих князей и Марія Феодоровна, и по этому поводу там уже шли недоразумѣнія. В концѣ-концов я остановился на Тобольскѣ». Таким образом и Керенскій не связывал тобольскую проблему с англійским миражем.

В изображеніи Керенскаго, как отмѣчалось, обитатели Александровскаго дворца мечтали о часѣ отъѣзда в Англію. Царь воз-

*) Слѣдовательно, теперь вѣдь только один Терещенко мог бы подтвердить или опровергнуть утвержденія Керенскаго.

**) В воспоминаніях Керенскій говорит, что этот проект он обсуждал с в. кн. Ник. Мих. Его пришлось оставить в силу возбужденія, которое наблюдалось у крестьян.

вращался к этой темѣ постоянно в разговорах с лицами, в руки которых ближайшим образом была отдана судьба заключенных. Дневник главы семьи довольно скуп в отмѣтках, опредѣляющих настроенія семьи в «позолоченной тюрьмѣ». По этим отмѣткам скорѣе приходится заключить, что особой радости перед заграничным путешествіем семья не проявляла — да и сам Керенскій признает, что Царь предпочитал бы поселеніе в Крыму. 11 марта, то есть в момент первоначальнаго согласія англійскаго правительства на оказаніе гостепріимства, Царь записал: «Утром пришел Бенкендорф, узнал от него, что мы останемся здѣсь довольно долго. Это пріятное сознаніе Через двѣ недѣли, 23 марта, мы имѣем такую запись: «начал откладывать все то, что хочу взять с собой, если придется уѣзжать в Англію Больше нѣт ничего относительно заграничной поѣздки в подневных записях. Заключенные в «золоченой тюрьмѣ» оставались в полном невѣдѣніи. Через день по полученіи Бьюкененом предполагаемой телеграммы «10 апрѣля» министр юстиціи посѣтил Александровскій дворец для «допроса» А. Ф. Все это относилось к концу марта стараго стиля. Естественно, что в дневникѣ Жильяра появляется запись: «ни слова о нашем отъѣздѣ заграницу». В первых своих воспоминаніях «La Revolution Russe» Керенскій, быть может, наиболѣе точно изобразил фактическое положеніе: «Временное Правительство не приняло немедленно окончательнаго рѣшенія относительно судьбы Императора и его семьи. Было болѣе или менѣе договорено между нами, что если юридическое разслѣдованіе дѣятельности клики Распутина установит невинность бывших носителей верховной власти, вся семья отправится заграницу, вѣроятно в Англію». Через 10 дней записывает Жильяр: «Керенскій опять пріѣхал во дворец. Доктор Боткин воспользовался этим случаем, чтобы спросить его, нельзя ли переправить императорскую семью в Ливадію ради здоровья дѣтей. Керенскій отвѣчает, что в данное время это совершенно невозможно... Однако ни слова о нашем отъѣздѣ заграницу...» Почти одновременно, 14 апрѣля (ст. ст.) Нарышкина записывает, что «об отъѣздѣ нечего думать, так как Керенскій признал отъѣзд невозможным».

Когда же Царь был освѣдомлен об «окончательном отвѣтѣ» англійскаго правительства, он произвел на него, по выраженію, употребленному Керенским, или приписанному ему в одном из интервью («Ил. Рос.» 34 г.), перепечатанном в газетах, «ошеломляющее» впечатлѣніе: Царь находился в таком же подавленном состояніи, как в момент отреченія, и, казалось, повторит сейчас ту же фразу: «Вездѣ предательство, трусость и измѣна». Это не совсѣм соотвѣтствует тому, что Керенскій говорил в текстѣ книги, отвѣтственность за которую автор принимает на себя. Из воспоминаній 36 г. вытекает, что Царь был освѣдомлен об англійском отказѣ только тогда, когда была болѣе или менѣе опредѣлена дата отъѣзда в Тобольск (это было в двадцатых числах іюля, как отмѣчает Керенскій в воспоминаніях 28 г.): «Я ему изобразил всю трудность положенія в петербургском округѣ и извѣстил, что надо

приготовиться к отъѣзду. Я, естественно, сообщил ему об отказѣ британскаго правительства, но не сказал, куда он будет отправлен. Я ограничился лишь совѣтом захватить большое количество теплой одежды. Он выслушал меня очень внимательно. Но когда я начал ему объяснять, что этот переѣзд не заключает ничего, что могло бы вызвать его безпокойство, и необходим в его интересах и семьи, он бросил на меня проникающій взор и сказал: «Я не боюсь. Мы имѣем довѣріе к вам. Если вы мнѣ говорите, что необходимо уѣзжать, так и должно быть».

Дневник Николая II в воспоминанія Керенскаго вносит существенный корректив и большую точность. Под 11 іюля записано: Керенскій «в разговорѣ... упомянул о вѣроятном отъѣздѣ нашем на ю г в виду близости Царскаго Села к неспокойной столицѣ». На другой день: «Всѣ мы думали и говорили о предстоящей поѣздкѣ. Странным кажется отъѣзд отсюда послѣ 4-мѣсячнаго затворничества». Но прошло десять дней, не внесших ясности в положеніе: «Утром — записывает Царь 21-го — почему то поджидал Керенскаго, хочется, наконец (знать), куда и когда мы отправимся?» 22-го: «Вчера вечером Керенскій внезапно пріѣхал из города и остановился в лицеѣ. Оказывается, все правительство развалилось, он сам подал в отставку и ожидает рѣшенія, к которому должно притти совѣщаніе разных партій, засѣдающее в Зимнем дв.» И только 28-го семья узнала от Бенкендорфа, что «нас отправляют не в Крым, а в один из дальних губернских городов, в трех или четырех днях пути на восток! Но куда именно, не говорит — даже комендант не знает. А мы всѣ так разсчитывали на долгое пребываніе в Ливадіи!»

Вмѣсто произвольных толкованій сопоставим запись в дневникѣ Николая II с тѣм, что телеграфировал своему правительству англійскій посол на основаніи сообщенія, сдѣланнаго ему мин. ин. дѣл 12 іюля: «Керенскій, который видѣл вчера Императора, у с л о в и л с я относительно его отъѣзда в Тобольск во вторник (12). Е. В. предпочел бы уѣхать в Крым, но, повидимому, остался доволен предложеніем перемѣнить мѣсто жительства. (О рѣшеніи правительства перемѣстить царскую семью в Тобольск посол «конфиденціально» был освѣдомлен мин. ин. д. еще 7 іюля, равно как и французскій посол. Чрезвычайно характерно пожеланіе, высказанное послом в бесѣдѣ с Терещенко и упомянутое им в указанной офиціальной телеграммѣ: «Я выразил надежду, что в Сибири свобода Императора не будет так ограничена, как в Царском Селѣ, и что ему разрѣшат свободу передвиженія. Несмотря на то, что он совершил много ошибок и несмотря на слабость его характера, он не преступник, и к нему должно относиться с возможно большим вниманіем. Мин. ин. д. отвѣтил, что Керенскій вполнѣ раздѣляет это мнѣніе, готов всецѣло итти навстрѣчу желаніям Е. В. Он дал ему разрѣшеніе выбрать лиц, которыя будут сопровождать его. Возможность для него свободы передвиженія будет зависѣть от общественнаго настроенія в Тобольскѣ. В Царском Селѣ это было для него опасно». Как-то мало подходят подобныя пожеланія со стороны невольнаго, допустим, исполнителя директив англій-

скаго премьера в обстановкѣ «отказа» в гостепріимствѣ, который должен был он с исключительным волненіем, как разсказывал Керенскій, незадолго перед тѣм передать русскому правительству.

Мотивы, побудившіе правительство принять мѣры к удаленію царской семьи из окрестностей Петербурга, Керенскій во французском изданіи своих воспоминаній о революціи излагает так: «С начала лѣта вопрос о судьбѣ царской семьи привлекал к себѣ слишком общественное вниманіе и причинял нам большія безпокойства. Начинали вспоминать забытые эпизоды царствованія Николая II и по мѣрѣ того, как укрѣплялись надежды революціонеров, у противников их возростало чувство ненависти и мести. Дисциплина ослабѣвала в Царскосельском гарнизонѣ, и я боялся, что Александровскій дворец не был в безопасности в случаѣ новых волненій в Петроградѣ (очевидно, рѣчь идет о большевицком выступленіи 3-5 іюля). Кромѣ того, агенты-провокаторы начали распространять слухи о контр-революціонных заговорах и попытках увоза Царя, и слухи об этом распространились в гарнизонѣ. Безпокойные слухи не прекращались, и я окончательно рѣшил отправить временно Императора и его семью в отдаленное мѣсто, в какой-нибудь спокойный уголок, гдѣ они привлекали бы меньшее вниманіе... Мой выбор в концѣ-концов пал на Тобольск, мѣсто, дѣйствительно удаленное, которое не лежало на желѣзнодорожной линіи и которое было зимой почти цѣликом отрѣзано от міра». Так же представил дѣло и кн. Львов в показаніях слѣдователю: «Сибирь тогда была спокойна, удалена от борьбы политических страстей, и условія жизни в Тобольскѣ были хорошія: там удобный, хорошій губернаторскій дом». Показанія окружавших Царя лиц, данныя слѣдователю, мы можем оставить в сторонѣ — они повторяли слова Ник. Ал. и А. Ф., воспроизводивших, в свою очередь, лишь то, что говорил им Керенскій.

Нельзя отрицать, что одним из мотивов могли быть соображенія, которыя в преувеличенном видѣ выставил Керенскій*). Но эти соображенія не могли быть рѣшающими даже для іюля, не говоря уже об іюнѣ. Мы видѣли, что положеніе в Царском Селѣ до нѣкоторой степени стабилизировалось, и ничего угрожающаго новаго не было. Если отбросить непосредственыя свидѣтельства самого Керенскаго, то мы не найдем данных, подтверждающих взбудораженность Царскосельскаго гарнизона слухами о попыткѣ освободить Царя, которая ставила правительство перед дилеммой невозможности дальнѣйших выжиданій. В «La Vérité», говоря о пропагандѣ большевиков среди воинских частей, охранявших заключенных, Керенскій пишет, что, как он мог убѣдиться во время своих посѣщеній казарм, гарнизон постепенно охватывали чувства подозрѣнія. Положеніе осложнялось тѣм, что большевицкая пропаганда нашла себѣ поддержку в агитаціи монархистов. Послѣдніе стали посылать А. Ф. таинственныя записки с намеками на скорое освобожденіе. Неопытность и дѣтская наивность в этих любительских начинаніях перемѣшивалась с злой

*) В послѣдней его книгѣ эта экспрессія еще болѣе была усилена.

насмѣшкой и измѣной. Гарнизон в Царском начинал говорить о заговорах. «Однажды — разсказывает Керенскій — автомобиль врѣзался в рѣшетку сада, примыкавшаго ко дворцу. Можно и не говорить, что все Царское Село было взволновано и кричало об измѣнѣ: были сдѣланы попытки устройства побѣга Царя». Правда, «слухи» эти, как мы можем теперь установить, могли имѣть нѣкоторыя под собой основанія, но трудно опредѣлить, на основаніи слов Керенскаго, насколько дѣйствительные слухи о реальных предположеніях того времени могли дойти до правительственной власти (не говоря уже о гарнизонѣ) и насколько Керенскій, упоминая о них, говорит уже, не как мемуарист. Тѣм болѣе, что реальныя очертанія подобныя предположенія, поскольку до нас дошли свѣдѣнія о них, стали пріобрѣтать лишь в іюлѣ, когда вопрос о Тобольскѣ принципіально был рѣшен. Болѣе естественно поэтому сказать об упомянутых попытках в другой коньюнктурѣ, ибо тогда онѣ могли дѣйствительно форсировать вопрос о фактическом удаленіи царской семьи из окрестностей Петербурга. Не такія случайности могли вызвать осложненія в Царском Селѣ*). Правительство могло бояться общаго выступленія большевиков для захвата власти, намѣчавшагося еще 10 іюня, и осуществленнаго 3-4 іюля. Правда, о Царском Селѣ в іюльскіе дни, кажется, никто не вспомнил, но теоретически можно было предполагать, что подобныя выступленія могли быть связаны с осложненіями в Царском Селѣ. Этими именно соображеніями, между прочим, Керенскій объяснил Соколову перевоз Царской семьи в Тобольск — причиной, побудившей правительство сдѣлать этот шаг «была все болѣе обострявшаяся борьба с большевиками»**).

Так объяснял Керенскій, по словам Жильяра, необходимость отъѣзда Царя: «Временное Правительство рѣшило принять энергичныя мѣры против большевиков; это должно было... повлечь за собой полосу смуты и вооруженныя столкновенія, первой жертвой которых могла сдѣлаться царская семья»...

Признаем справедливость всѣх этих соображенiй — и все-таки ими далеко не все можно объяснить. Не только соображенія без-

---

*) Отмѣтим, что ген. Половцев, в качествѣ главнокомандующаго посѣщавшій царскосельскій гарнизон в іюнѣ, вынес иное впечатлѣніе, — он говорит о здоровой атмосферѣ и порядкѣ, с которым ему пришлось встрѣтиться. То же он повторяет и про дни большевицкаго выступленія, объясняя это тѣм, что большинство гарнизона составляли «украинцы». Послѣдующее поведеніе «охраны» в Тобольскѣ служит доказательством преувеличенія сужденій о разложеніи царскосельскаго гарнизона.

**) Не будем все-таки преувеличивать возможныя опасенія и не послѣдуем за автором предисловія к книгѣ Керенскаго проф. Пэрсом, склонным утверждать, что «революціонное населеніе Петербурга могло в любой момент прикончить (massacrer) царскую семью». Ворвавшаяся банда в Ц. С. могла бы привести к таким же результатам. Это так будто бы волновало Керенскаго, что он однажды в поѣздѣ, будучи уже во главѣ правительства, т. е. послѣ іюльских дней, как передает Мордвинов из первых рук, со слов людей из Ставки, воспроизводивших разсказ зятя Керенскаго полк. Барановскаго, «как изступленный» бѣгал по коридору в вагонѣ и в неописуемой тревогѣ выкрикивал: «нѣт, их убьют... убьют... Их надо спасти, во что бы то ни стало»...

опасности семьи руководили правительством или той правительственной группой, которая вершила судьбу царской семьи. В нашем распоряженіи имѣется документ (не мемуарнаго происхожденія), который на первый взгляд, как будто, подтверждает основную версію, данную Керенским. 7 іюля Бьюкенен телеграфировал «лично» Бальфуру: «Министр ин. д. сообщил мнѣ сегодня конфиденціально, что Императора и его семью рѣшено для большей безопасности отправить в Сибирь, по всей вѣроятности в Тобольск или в ...ск, гдѣ они будут жить в и будут пользоваться большей личной свободой. Причиной, побудившей правительство сдѣлать этот шаг, было опасеніе, что в случаѣ нѣмецкаго наступленія или какой-нибудь контр-революціонной попытки их жизнь может подвергнуться опасности». Через пять дней в новой телеграммѣ, посланной Бальфуру и уже упоминавшейся выше, посол так комментировал рѣшеніе правительства: «Истинной причиной переѣзда Императора является растущая среди соціалистов боязнь контр-революціи. Я сказал мин. ин. д., что, по моему мнѣнію, эта боязнь неосновательна, поскольку дѣло идет о династіи. Правда, существует движеніе в защиту порядка и сильной власти, но.. это совершенно другое дѣло. Мин. ин. д. вполнѣ с этим согласился»*).

Da ist der Hund begraben. Исторія послѣдующаго мѣсяца революціи весьма отчетливо показывает, что главным основным мотивом вывоза царской семьи все-таки был несомнѣнно преувеличенный страх перед контр-революціонным бродилом, которое представляла собой (особенно в іюлѣ) «позолоченая тюрьма» в Царском Селѣ. Устранить это бродило, не допустив при измѣненіи вошедшаго в обиход status quo эксцессов, и было цѣлью руководящаго ядра в правительствѣ. Так и объяснил впослѣдствіи (6 августа) почти официально в бесѣдѣ с представителями газет замѣститель предсѣдателя, член правительственнаго «тріумвирата», Некрасов: «рѣшеніе было принято Врем. Прав. в серединѣ іюля в то время, когда прорыв на фронтѣ мог угрожать Петрограду. Временное Правительство признало, что для большей изоляціи б. царской семьи от контр-революціонных сил, а равно и от эксцессов революціи, лучше, чтобы б. царская семья находилась в болѣе отдаленном от Петрограда мѣстѣ»**). Довольно показательна дата — 7 іюля, когда член правительства почему-то крайне спѣшно счел нужным

*) Забыв о своей телеграммѣ 12 іюля, Бьюкенен по иному толкует вопрос в воспоминаніях, написанных послѣ торжества большевиков: «Перевод Е. В. в Тобольск... был, главным образом, вызван желаніем защиты их от опасности, которой они могли подвергнуться в случаѣ успѣшности большевицкаго возстанія и, конечно, нѣт никакого сомнѣнія, что, если бы они остались в Царском, они не на много пережили бы октябрьскую революцію».

**) Еще раньше, 2 августа, в такой же бесѣдѣ Некрасов указал, что вопрос о переводѣ был поднят по военно-политическим соображеніям и в секретном засѣданіи правительства был разрѣшен в положительном смыслѣ.

в день отставки премьера освѣдомить иностранных дипломатов о принятіи рѣшенія относительно Царя. Самый факт освѣдомленія не служит ли доказательством того, что англійскіе разговоры по существу не были завершены? Очевидно, рѣшеніе могло быть принято только по возвращеніи Керенскаго, прервавшаго свою поѣздку по фронту в связи с событіями, разыгравшимися на улицах столицы — он вернулся в 6 час. веч. шестого іюля. Трудно уяснить себѣ непосредственныя причины, вызвавшія столь экстренное рѣшеніе. Предусмотрительность была чрезмѣрная. О возможности приближенія к Петербургу нѣмцев, только что начавших свое наступленіе в отвѣт на русское, не могло еще быть рѣчи. (В представленіи современников нѣмцы могли использовать коньюнктуру для реставраціи старой монархіи и заключенія мира). В обстановкѣ, при которой произошла ликвидація іюльскаго большевицкаго мятежа, нельзя было думать о возможности, по крайней мѣрѣ, немедленнаго рецидива: даже орган интернаціоналистов, горьковская «Новая Жизнь», писал 7 іюля, что прибывшія с фронта войска были так «звѣрски» настроены, что рвались броситься на заводы и фабрики с цѣлью расправиться с бунтовщиками. Объясненіе скорѣе приходится искать в том впечатлѣніи, которое произвел на лидеров демократіи размах волны поднявшихся антибольшевицких настроеній*). Боязнь, что размѣры движенія сыграют на руку контр-революціи, помѣшала впослѣдствіи вскрыть большевицкій гнойник на русской революціи и привела к палліативам которые не устранили заразы. Глава новаго правительства «Спасенія революціи» в своих исторических изысканіях и воспоминаніях рѣшительно отстраняет лично от себя — едва ли основательно — обвиненіе в подчиненности охватившему демократію гипнозу контрреволюціи. Этот призрак очень реально стоял перед самим Керенским и давил на его сознаніе. Лишь в подобной атмосферѣ становится понятной смѣна декорацій, когда захудалый Тобольск смѣняет комфортабельное Царское Село и неожиданно англійскій мираж перевоплощается в сибирскую тайгу.

Не дошел ли, дѣйствительно, до тѣх, кто рѣшал вопрос в ночь с 6-го на 7-ое, слух о проектѣ, быть может, совершенно фантастическаго похищенія Царя, который был разсказан кн. Палѣй Нарышкиной, к этому времени уже покинувшей Александровскій дворец и записавшей разсказ в дневник от 4-го іюля: «Только что ушла кн. Палѣй. Сообщила по секрету, что партія молодых офицеров составила безумный проект: увезти их ночью на автомобилѣ в один из портов, гдѣ их будет ждать англійскій пароход. Боюсь, как бы не повторился Varennes. Нахожусь в несказанной тревогѣ. Да и куда бѣжать, когда всюду разставлены мины?» Могла ли информація Палѣй относиться к тому случаю, о котором разсказывает Керенскій? Едва-ли, тѣм болѣе, что мемуарист в своих болѣе ранних показаніях Соколову отмѣчал порчу ограды, как простой случай «неосторожности ѣзды шоффера, вызывавшій лишь нѣкоторые «разговоры» в Царском Селѣ».

*) См. главу ««Русская Дрейфусіада» в книгѣ «Золотой нѣмецкій ключ к большевицкой революціи».

В послѣдующіе дни подобные проекты освобожденія Царя, связанные с помыслами о возможности реставраціи, уже занимают опредѣленное мѣсто, если не в дѣйствіях, то в разговорах нѣкоторых монархических кругов. Рождается конспираціа и устанавливается связь с Царским Селом... Тайное не стало тогда явным. Но неопредѣленные слухи все-таки ползли и вліяли на ускореніе реализаціи рѣшенія, сообщеннаго 7-го иностранным дипломатам. Поэтому, вѣроятно, Некрасов и говорил, что рѣшеніе было принято в серединѣ мѣсяца. Заслуживает вниманія факт, что в появившихся на другой день послѣ отъѣзда царскосельских узников полуофиціальных сообщеніях, которыя опирались на данныя, полученныя в «надлежащих учрежденіях» и в бесѣдах журналистов с представителями правительства, подчеркивалось, что реально вопрос о «переводѣ Николая Романова» был поставлен событіями 3-5 іюля: «Вопрос о переводѣ Николая II с семьей из Ц. С. поднимался неоднократно. Цѣлый ряд организацій, в том числѣ фронтовые комитеты выносили резолюціи о необходимости перевести Николая Романова в Петропавловскую крѣпость или в какое-либо другое мѣсто, ибо Александровскій дворец при благопріятных условіях мог бы стать цитаделью контр-революціи. Петроградским совѣтом и с. д. получены свѣдѣнія о том, что б. Царь получает тайную корреспонденцію, которая доходила до него, минуя цензуру, и всѣ попытки разслѣдованія обстоятельств полученія б. Царем тайной корреспонденціи ни к чему не приводили. Особенно усиленно надлежащія учрежденія стали думать о переводѣ Николая Романова из Ц. С. послѣ событій 3-5 іюля. П о с л ѣ о б н а р у ж е н і я п и с ь м а г е н. Г у р к о к б. Царю вопрос о переводѣ царской семьи был поставлен на очередь. Несмотря на строгую охрану Александровскаго Дворца, в парк, гдѣ гуляет б. царская семья, в послѣднее время стали часто проникать постороннія лица; так, три дня назад, в паркѣ были обнаружены три солдата, которые, как потом выяснилось, проникли в парк из простого любопытства взглянуть на «господина полковника», котораго они никогда раньше не видѣли. Все это, вмѣстѣ взятое, заставило Временное Правительство поставить на очередь вопрос о переводѣ Николая Романова и его семьи из Царскаго Села в болѣе спокойное и отдаленное мѣсто»*).

На чем базировались эти слухи? Из воспоминаній, показаній слѣдователю Соколову и взаимной полемики в эмиграціи двух Марковых — извѣстнаго Маркова 2-го и «Маркова-маленькаго», как, повидимому, Ал. Фед. называла корнета Крымскаго полка (шефом его была Императрица), ѣздившаго позднѣе в Сибирь в цѣлях организаціи освобожденія царской семьи, немного пріоткры-

*) Газетныя сообщенія оговаривались, что «на всѣ вопросы о мотивах, побудивших правительство принять рѣшеніе о переводѣ б. царской семьи, министры отвѣчают уклончиво, общими фразами, всячески подчеркивая, что этот вопрос продолжает оставаться чрезвычайно секретным, что рѣшеніе о переводѣ было принято еще правительством прежняго состава, что мѣсто, куда отправлены Романовы, остается пока никому неизвѣстным».

вается завѣса. Марков «маленькій» разсказывает, что по иниціативѣ его пріятеля и отчасти его самого в Петербургѣ в первые дни революціи была сдѣлана попытка создать тайную организацію по «масонскому принципу с примѣненіем іезуитских методов работы и борьбы» из представителей офицерской, гвардейской молодежи, и что об этих начинаніях через лицо, близкое А. Ф., Дэн, было доведено до свѣдѣнія заключенных в Царском Селѣ. В дѣйствительности это были дружескія интимныя бесѣды небольшого кружка лиц в ожиданіи «дальнѣйшаго развитія событій». Большевицкое выступленіе и наблюденіе за ходом возстанія, когда революціонные казаки проявили спайку и не ударили лицом в грязь, возбудили надежды мечтателей на приближеніе дня, когда «старый русскій императорскій орел снова сможет широко расправить свои могучія крылья». По словам мемуариста, в десятых числах іюля*) состоялось в его присутствіи конспиративное знакомство Маркова 2-го с Дэн на дачѣ послѣдней в Келломяках. Через нѣсколько дней послѣ встрѣчи с Марковым 2-м, «когда в Петербургѣ нѣсколько успокоилось»**), Дэн ѣздила в Петербург, чтобы переслать в Царское Село «кое-какія вещи, письма и книги». «Вернулась Ю. А. из Петербурга сіяющая и радостная. Оказалось, что она на одной конспиративной квартирѣ видѣлась с Н. Е. (Марковым) и его дѣятельным помощником, В. П. Соколовым, извѣстным петербургским дѣятелем «Союза Русскаго Народа». Ю. А. была посвящена в детали организаціи... Она разсказала мнѣ, что Марков 2-й, проживавшій неподалеку от нас, около ст. «Канерва», гдѣ он скрывался на одной из дачек... довольно часто бывал по организаціонным дѣлам в Петербургѣ. В данный момент идет тайная мобилизація всѣх сочувствующих возстановленію монархіи и вѣрных присягѣ людей. Организован военный отдѣл, который вербует офицеров. Организація построена на самых конспиративных началах, при чем проводится в жизнь система троек... Вся работа направлена к тому, чтобы создать мощный аппарат, который сможет совершить в Петербургѣ переворот, освободив Государя... К большевицкому выступленію и движенію Марков относился сочувственно, придерживаясь пословицы: чѣм хуже — тѣм лучше. Я отчетливо помню, что Ю. А. говорила мнѣ, что предполагается отчасти использовать большевиков в том смыслѣ, чтобы дать им возможность свергнуть Врем. Прав., а потом придушить их самих. Во всяком случаѣ среди большевиков Марков 2-ой имѣл большое количество своих приверженцев... Словом, Ю. А. вынесла впечатлѣніе, что работа идет полным ходом, и все постепенно налаживается, а главное — пока бояться нечего, и ничто их Величествам не грозит. Напротив того, она будет счастлива сообщить Ея В., что, наконец, нашелся человѣк, беззавѣтно им преданный, способный дѣйствительно помочь им и взявшій на себя отвѣтственность вернуть им утраченное ими положеніе и права». «В цѣлях

*) В текстѣ явная опечатка, когда говорится об «іюнѣ».

**) По контексту как будто бы выходит, что свиданіе было непосредственно послѣ большевицкаго выступленія.

конспираціи Марков 2-й стал именоваться «тант Ивет» — под этой кличкой он был извѣстен в Царском Селѣ».

Приходится оставлять на отвѣтственности повѣствователя детали изложенія планов Маркова 2-го. Нельзя забывать, что это изложеніе дается по памяти в воспоминаніях, изданных в 1928 г. и написанных, судя по помѣткѣ автора, в 1923 г., когда налет от чужих сужденій мог нѣсколько ретушировать воспоминанія, как ретушировал он во многих мѣстах отклики на прошлое кн. Палѣй — она также утверждает, что многіе монархисты надѣялись на захват власти большевиками для того, чтобы низвергнуть «ненавистнаго Керенскаго». Правдоподобно, что заговорщики могли думать о том, чтобы использовать выступленіе большевиков в своих цѣлях*). «Из слов Ю. А. явствовало — добавляет Марков С — что большевики, укрывшіеся в Кронштадтѣ, не дремлют, и можно скоро ожидать их рѣшительнаго в т о р о г о в ы с т у п л е н і я В показаніях Соколову Марков 2-й подтвердил в общих чертах разсказ «маленькаго Маркова» о свиданіи с Дэн: «В період царскосельскаго заключенія Августѣйшей семьи я пытался вступить в общеніе с Государем Императором... В запискѣ, которую я послал при посредствѣ Ю. А. Дэн... и одного из дворцовых служителей, я извѣщал Государя о желаніи послужить царской семьѣ, сдѣлать все возможное для облегченія ея участи, прося Государя дать мнѣ знать через Дэн, одобряет ли он мои намѣренія. Условно: посылать иконы. Государь одобрил мое желаніе: он прислал мнѣ через Дэн образ Николая Угодника». В полемикѣ с Марковым С**) он весьма скромно описывал свою тогдашнюю дѣятельность: «В то время наша работа состояла в собираніи осколков до тла разгромленнаго Союза Русскаго народа и в посильном созданіи новой организаціи монархистов. Пока императорская семья находилась в Царском Селѣ, никаких планов насильственнаго их освобожденія мы не составляли, не составляли уже потому, что по этому вопросу имѣли опредѣленое и несомнѣнное свѣдѣніе, что Государь Император на такія дѣйствія своего соизволенія не дает. Мысль о непосредственной опасности, грозившей их жизни, была в то время еще далеко от Е. И. В. Правда, отдѣльные фантазеры, С. Марков в том числѣ, предлагали нам разные проекты «увоза» царской семьи даже помимо их воли. Один из таких вздорных, если не преступных планов, описан в книгѣ С. Маркова, который, повидимому, и по сей день не понимает, почему его «план» со стрѣльбой по часовым отравленными стрѣлами, штурмом Царскосельскаго дворца с ручными гранатами и поддѣльным смертным приговором царской семьѣ — не вызвал моего сочувствія. Повторяю, вопрос о насильственном освобожденіи Государя и его семьи до сентября 1917 г. серьезно у нас не поднимался. И всякій здравомыслящій человѣк понимает, что в тогдашней обстановкѣ войны и революціи подобное освобожденіе, если бы оно даже удалось в Цар-

*) Мысль, что правые через большевиков хотѣли свергнуть Временное Правительство, — idée fixe Керенскаго. См. мою книгу «Как большевики захватили власть».

**) «Двуглавый Орел», 29 г.

ском Селѣ, неизбѣжно привело бы к новому и опаснѣйшему плѣненію, ибо вывезти их из Россіи без прямого содѣйствія Англіи было явно невозможно»*).

Надежды на возможность новаго выступленія большевиков, если только дѣйствительно возлагались на таковое надежды в марковском окруженіи, были эфемерны. Іюльская неудача — ликвидація «почти мгновенная», как характеризовал ее Керенскій в показаніях по «дѣлу Корнилова» — на п е р в ы х порах нанесла чувствительный удар по престижу большевиков. Это — несомнѣнный факт, признанный Троцким. Но этим «коротким моментом» усиленія авторитета власти и ослабленія большевицкаго напора правительство «не сумѣло» воспользоваться, и тогдашнія благопріятныя условія были пропущены. Не сумѣло — по мнѣнію Набокова, но, быть может, и не посмѣло, принимая во вниманіе настроенія вождей революціонной демократіи, зараженных модной болѣзнью страха перед контр-революціей. Поэтому чрезвычайно преувеличено утвержденіе Керенскаго в книгѣ «L'éxperience Kerenski», что в іюлѣ была вырыта пропасть между большевизмом и революціей, что вліяніе большевиков в совѣтах было равно приблизительно нулю: они исчезли со всѣх командных постов. Автор идет дальше и в воспоминаніях о концѣ августа по поводу слухов о готовящемся выступленіи большевиков, которое выставлялось одним из мотивов Корниловскаго движенія на Петербург, говорит, что это была выдумка заговорщиков — большевики, скрывшіеся в подполье, не замышляли и не могли замышлять в эту эпоху возстанія (Rev.). Не касаясь совершенно существа вопроса, отмѣтим только гиперболичность завѣренія Керенскаго, переведшаго большевиков на нелегальное положеніе. В концѣ іюля открыто в Петербургѣ происходил большевицкій съѣзд, державшійся по отношенію к власти довольно агрессивно. Газеты сообщали, что в средѣ правительства рѣшено к съѣзду примѣнить репрессивныя мѣры, но никаких мѣр в дѣйствительности не предпринималось. В докладѣ на съѣздѣ Сталин, выступившій от имени цетр. комитета партіи, говорил об увеличеніи числа членов партіи на 2500 человѣк послѣ іюльской эпопеи и хвастливо заявлял, что партія представляет «весь петербургскій пролетаріат». Это свидѣтельствовало о том, что большевики к августу стали поправляться от іюльскаго удара**), и тогдашнему обозрѣвателю общественной жизни в первых числах новаго мѣсяца приходится констатировать несомнѣнный успѣх большевиков в Петербургѣ при выборах рабочих в больничныя кассы***). «Итак — заключал с. р. Воронов статью в «Рус. Вѣд.» — послѣ іюльских дней, послѣ позора на фронтѣ,

*) Сам Марков С. изображает план, изложенный им Маркову 2-му, в видѣ налета на дворец, инсценировки убійства царской семьи группой анархистов-террористов, что даст возможность скрыть до времени бѣглецов в заранѣе приготовленном мѣстѣ.

**) См. «Золотой Ключ».

***) Воронов в «Русских Вѣдомостях» приводил нѣкоторыя показательныя цифры: на заводѣ Лесснер из 100 уполномоченных — 80 большевиков, на заводѣ Эриксон на 60 уполномоченных — 39 большевиков, на «Треугольникѣ»—70 большевиков на 100 уполномоченных...

считающій себя авангардом революціи петроградскій пролетаріат отдает свои симпатіи большевикам, этому проявленію узко-классоваго эгоизма, этому началу разложенія русской революціи».

Несомнѣнно неправильно заключеніе Керенскаго, что выступленіе Корнилова оживило разлагающійся труп большевизма. Но также несомнѣнно, что в серединѣ іюля, когда окончательно рѣшалась ближайшая судьба императорской семьи, большевицкія выступленія никакой опасности для царской семьи не представляли, и поэтому немногія требованія, которыя в порядкѣ нѣкотораго трафарета изрѣдка доходили еще до правительства, большой роли не могли играть в рѣшеніи вопроса.

С большей серьезностью и тревогой правительство смотрѣло на контр-революціонную опасность. Дѣло было, очевидно, не столько в тѣх смутных слухах, которые доходили до «надлежащих учрежденій», а в тѣх общих настроеніях, которыя стали намѣчаться и которыя муссировались со всѣх сторон. Если одни (монархисты) с чувством удовлетворенія и радостью подмѣчали явленія, в которых можно было усмотрѣть пробивающіеся через революціонный туман лучи реставраціи, то другіе (демократы) реально боялись этих внѣшних признаков назрѣвающей реакціи в обывательской толщѣ. Часто (у либералов) грядущая контр-революція, о которой начинают говорить слишком много и несоотвѣтственно с общим настроеніем страны, становится педагогическим средством воздѣйствія на правительство — средством обоюдоострым, ибо запугиваніе «великим сфинксом» не только не способно было сдвинуть правительство в сторону недвусмысленной борьбы с большевизмом, но скорѣе усиливало его половинчатую политику. Наглядную иллюстрацію можно найти в статьях, которыя стали появляться, напримѣр, в тѣх же «Русских Вѣдомостях». Остановимся на двух из них — обѣ онѣ относятся к болѣе позднему времени, к началу августа, но подводят с большой субъективностью итог іюльских настроеній. Воронов в статьѣ «Грядущая реакція» (2 августа) видит кругом наростающее «безразличіе и апатію». «Послѣ іюльских дней в Москвѣ временно воспрещены уличные митинги. Теперь их не надо и запрещать, ибо, видимо, никому нѣт охоты снова начинать былыя всенощныя бдѣнія у Пушкина и у Скобелева. Надоѣло... Всѣм и все надоѣло. Надоѣли программы и партіи. Надоѣли брошюры и книги. Надоѣли митинги и дискуссіи. Все стало прѣсным, сѣрым, скучным, ко всему относятся, как к толченію в ступѣ воды»... «Реакція, пока еще духовная реакція, — внѣ всяких сомнѣній... И на творческую положительную реакцію, на здоровое движеніе и созданіе вмѣсто утопических Châteaux d'Espagne новой государственной жизни, нѣт у нас, видимо, сил... Разбал и апатія, банкротство не достаточно развившейся до революціи общественности и продолжающаяся разруха — таков итог анархическаго періода русской революціи, такова та почва, на которой чрезвычайно легко может распуститься махровым цвѣтом доподлинная политическая реакція»... «И, быть может, недалек день — заканчивал публицист свои пессимистическіе прогнозы — когда національное правительство спасенія родины

и революціи увидит вокруг себя пустыню равнодушія и безсильное падет от удара, нанесеннаго каким-нибудь предпріимчивым авантюристом».

Другой публицист, «народник» Бѣлоруссов в статьѣ «Тѣнь, выступающая из тумана» (6 авг.) знакомил с письмами, которыя он стал получать от читателей с почти открытым выраженіем «монархических идей» и с разговорами, которые стало возможно слышать в трамваѣ, в вагонѣ жел. д. и т. д. «Сегодня стали возможны уличныя сценки, когда «бравый волынец», активный участник первых дней революціи, громогласно заявлял в вагонѣ трамвая: «никакого порядка нѣт, одно безобразіе... без Императора не обойтись, надо назад поворачивать». Важно то, что эти «трамвайные открытые разговоры никого в трамваѣ не возмущают». «Были ли они возможны мѣсяца два тому назад?» «Пять мѣсяцев назад — отвѣчал в Гос. Думѣ Щульгин — того, кто осмѣлился бы сказать против революціи, растерзали бы на части». Другая бытовая сцена на перегонѣ из Петербурга в Москву, когда в вагонѣ при участіи чуть ли не всѣх пассажиров публика обсуждала вопрос о возстановленіи монархіи. И один прямо сказал: «идем к N N и назвал... имя, которое теперь у многих на устах».

В свою очередь обер-гоф. Нарышкина записывает 12 іюля: «Вечером был Рохлин, сказал, что монархическое движеніе крѣпнет и что, вѣроятно, вскорѣ произойдут перемѣны». Сама Нарышкина не очень вѣрит такой возможности: «Монархическая реакція — записывает она 22-го — по моему, сейчас невозможна; нѣт ни кандидата, ни организаціи. Лишь даром прольются потоки крови. Позднѣе да»*). Но кандидат уже подготовляется в нѣкоторых кругах коституціонных монархистов, не склонных реставрировать на престолѣ Николая II. Подготовляется и соотвѣтствующня «организація». Деникин разсказывает, что в интимной бесѣдѣ при посѣщеніи им Ставки в концѣ іюля ему было Корниловым сообщено: «Ко мнѣ на фронт пріѣзжал Гучков. Он все носится со своей идеей переворота и возведенія на престол в. кн. Дмитрія Павловича. Что-то организует и предложил совмѣстную работу. Я ему заявил категорически, что ни на какую авантюру с Романовым не пойду»**). Не трудно опредѣлить и «организацію», которую пестовал б. военный министр революціоннаго правительства. Это были тѣ «кружки фрондирующих молодых людей», по выраженію Деникина, «играющіе в заговор», которые в концѣ іюля объединились в военно-политическую группу под названіем «Республиканскій центр». Этот «центр» первоначально ставил своей цѣлью «помощь Временному Правительству», а потом, убѣдившись «в полном безсиліи правительства, перешел на стезю борьбы с ним, участвуя в «подготовкѣ переворота». В іюльскіе дни — авторитетно

*) Эту запись Нарышкина дѣлает послѣ встрѣчи с Керенским в саду Зимнаго Дворца. Нарышкина с большой надеждой смотрѣла тогда на Керенскаго. Керенскій и Корнилов, они «вдвоем сыграют роль Наполеона — один в арміи, другой во внутреннем управленіи, и спасут страну».

**) Статья «Об исправленіи исторіи». В «Очерках русской смуты» Гучков значится под титлом Н.

свидѣтельствует Деникин — «Республиканскій центр» получил денежную поддержку от «банковской и торгово-промышленной знати» — то был негласный комитет, возникшій по иниціативѣ Путилова и при непосредственном содѣйствіи Гучкова. О нем упомянул Гучков в воспоминаніях, печатаніе которых в «Пос. Нов.» послѣ начавшейся полемики неожиданно было прервано. «Чтобы офиціально оправдать наше существованіе — говорил Гучков — мы назвали себя «Обществом экономическаго возрожденія Россіи». На самом дѣлѣ мы поставили себѣ цѣлью собрать крупныя средства на поддержку умѣренных буржуазных кандидатов при выборах в Уч. Собраніе, а также для работы по борьбѣ с вліяніем соціалистов на фронтѣ. В концѣ-концов, однако, мы рѣшили собранныя нами средства передать цѣликом в распоряженіе ген. Корнилова для организаціи вооруженной борьбы против Совѣта р. с. депутатов». Это было уже в августѣ. Роль «путиловскаго» комитета в предкорниловскіе дни теперь болѣе или менѣе выяснена. В іюлѣ, конечно, все было в зачаточной еще формѣ*). В «Республиканском центрѣ» и психологическія и политическія настроенія переплетались довольно своеобразно и поэтому едва ли умѣстно говорить об «Азефах» и предателях, как это дѣлает Денкин. Сомнительный метод регистраціи, примѣненый автором**), едва ли соотвѣтствовал реальному положенію дѣл. Патріотическія заданія организаціи внѣшне во всяком случаѣ прикрывали закулисную сторону и привлекали не только «фрондирующую молодежь», возможно идейно и находившуюся в той или иной связи с «Республиканским центром», помышлявшую о «заговорѣ», но и элементы, которые не отталкивались от революціи. К этому центру, чтобы быть в курсѣ «господствовавшаго... настроенія», приписался и «маленькій Марков» «по порученію» Маркова 2-го: «так я сдѣлался — вспоминает он — членом Союза Георгіевских кавалеров, членом Военной Лиги, членом Союза воинскаго долга, членом Демокр.-Респуб. центра, секретарь котораго, между прочим, при первом знакомствѣ со мной сказал: «Подождите, корнет, скоро и на нашей улицѣ будет праздник, скоро, скоро запоем мы — «Боже, Царя храни»...» Я был зачислен еще к цѣлому ряду болѣе мелких организацій, не имѣвших особаго наименованія и считавших себя конспиративными». Монархическое знамя оставалось, конечно, свернутым, поскольку намѣчавшаяся «конспирація»***) монархистов выходила на публичную арену общественной борьбы. «Духовная реакція», отмѣченная нѣкоторыми наблюдателями тогдашней

*) Первое засѣданіе объединеннаго центра, повидимому, произошло 31 іюля.

**) Деникин на основаніи одного из «коллективных обращеній» к ген. Корнилову 31 іюля перечисляет 10 организацій, весьма разнокалиберных по своему удѣльному вѣсу, вошедших в состав военной секціи «Республиканскаго центра»: Военная лига, Союз георгіевских кавалеров, Союз воинскаго долга, Союз чести Родины, Союз добровольцев народной обороны, Добровольческая дивизія, Батальон свободы, Союз спасенія Родины, Общество 1914 г., Республиканскій центр».

***) Нарышкина тѣм не менѣе отмѣтила 31 іюня (конечно, по слухам) какія-то монархическія прокламаціи в Ялтѣ.

общественной жизни, все же была еще далека от реальнаго сочувствія монархической реставраціи. Можно согласиться с Деникиным, писавшим впослѣдствіи по поводу планов Гучкова: «Самые убѣжденные монархисты не могут не признать, что подобное предпріятіе 1917 г. иначе, как авантюрой, нельзя было назвать, и что кадров для ея подготовки и исполненія невозможно было найти ни в странѣ, ни в арміи»*). В военной средѣ, наиболѣе затронутой крушеніем фронта и находившейся больше всего во власти психологіи «оскорбленнаго патріотизма» (выраженіе, употребленное Керенским в показаніях по «дѣлу Корнилова»), іюльскія настроенія выливались в признаніи спасительной формы военной диктатуры. Призрак «генерала на бѣлом конѣ» висѣл в воздухѣ. «Страна искала имя» — нѣсколько сильно сказано у Деникина. С назначеніем Корнилова верховным главнокомандующим «всѣ исканія» прекратились — «страна» назвала имя диктатора. Но не будем переходить грани, отдѣляющія нас от дней, предшествовавших «корниловскому мятежу», когда на сцену выступила организующая роль Главнаго Комитета Офицерскаго Союза в Ставкѣ, Совѣта Казачьих Войск и т. д.. Нас вѣдь интересуют настроенія до 1 августа, поскольку они могли сыграть рѣшающую роль в переводѣ царской семьи в Тобольск.

Со своей стороны и Керенскій post factum заявлял, что опасность «справа» была «ничтожна». В своих показаніях по «дѣлу Корнилову» он давал совсѣм иную характеристику общественных переживаній по сравненію с тѣм, что отмѣчал цитированный выше наблюдатель из «Рус. Вѣдомостей» (однопартіец Керенскаго). Керенскій усматривал «чрезвычайное единодушіе всѣх слоев русскаго общества и единство пониманія условій момента в руководящих правительственных и общественных кругах... Начиналось время чрезвычайнаго отрезвленія народных масс, быстраго роста в них государственнаго сознанія и чувства отвѣтственности, время небывалаго паденія в массах вліянія анархо-большевизма». Не будем оспаривать ни той, ни другой точки зрѣнія — вѣрнѣе, субъективных воспріятій. Во всяком случаѣ, офиціальные представители «революціонной демократіи» опасность справа видѣли и считали военную диктатуру переходной стадіей к монархической реставраціи, тѣм болѣе, что тогдашніе яростные защитники «сильной власти» в формѣ военной диктатуры (органы сыновей Суворина — «Народная Газета», «Русь», «Вечернее Время»), при всем своем демократическом опереніи, по части демократизма не грѣшили и довѣрія в этом отношеніи к себѣ не вызывали. Рѣзко выразил настроенія руководящих кругов «революціонной демократіи» эсеровскій лублицист С. А-нскій (в статьѣ «Спасители Россіи», нач. августа), не принадлежавшій к крайнему теченію, в партійном органѣ «Дѣло Народа»: «Контр-революція... с каждым днем все болѣе наглѣет. В е з д ѣ уже чувствуется ея зловонное дыханіе. Из всѣх щелей уже глядят ея алчные взоры».

---

*) Если только повѣрить показаніям Завойко, то в нѣкоторых кругах, близких ему, предполагалось предать суду Ал. Фед. за «измѣну»

Объективное положеніе вещей, как нельзя лучше, можно охарактеризовать телеграммой, посланной Бьюкененом Бальфуру 21 іюля, на основаніи бесѣды с Терещенко, который «выразил очень пессимистическій взгляд на положеніе и заявил, что он впервые совершенно не в состояніи сказать, что может случиться...*) Ждать психологическаго момента, прежде чѣм настаивать на принятіи правительством чрезвычайных шагов, но теперь момент этот наступил и, если правительство не сдѣлает их, оно будет вынуждено уступить мѣсто к о н т р - р е в о л ю ц і о н е р а м». Приблизительно в это время, как утверждает Керенскій, он уже получил «точныя свѣдѣнія об офицерском заговорѣ». В это время на очередном частном совѣщаніи членов Гос. Думы раздалось требованіе «созыва настоящаго засѣданія Государственной Думы», а не какого-то «подпольнаго», на котором правительство явилось бы «цѣликом и доложило о состояніи страны. И тогда уже Гос. Дума укажет этому правительству, что дѣлать». На казачьем съѣздѣ Милюков говорил про большевиков, что «пора с этими господами покончить», а на фронтѣ уже распространились слухи, что Керенскій арестован казаками (дн. Селивачова).

Мы имѣем полное право сказать, что в эти іюльскіе дни глава правительства и, вѣроятно, большинство членов его большую опасность для себя усматривали со стороны контр-революціонной (в смыслѣ реставраціи), нежели выступленія большевиков-коммунистов. Недаром Керенскій в объединенном засѣданіи ВЦИК и И. К. Кр. Деп. еще 13 іюля «от имени Временнаго Правительства» давал «торжественное обѣщаніе, что всякая попытка возстановить в Россіи монархическій образ правленія будет подавлена самым рѣшительным образом»**). В концѣ іюля (опубликовано было в газетах лишь 2 августа) особым постановленіем правительства в цѣлях прекращенія враждебной революціи агитаціи, как отмѣчалось уже выше, было предоставлено министру вн. дѣл, по соглашенію с министром юстиціи, заключать под стражу лиц, дѣятельность которых является особо угрожающей завоеваніям революціи, свободы и установившемуся государственному порядку, и высылать этих лиц в особо указанныя для сего мѣстности и заграницу. Против кого направлена была эта мѣра? В полуофиціальных, так сказать, комментаріях газет, с ссылкой на мнѣнія членов правительства, как обычно тогда дѣлалось, указывались как бы двѣ категоріи лиц, на которыя должен был распространяться закон: 1) представляется совершенно необходимым примѣнить к большевицкому съѣзду репрессивныя мѣры, так как установлено, что большевицкій съѣзд находится в постоянном контактѣ с лицами, привлеченными к суду по обвиненію в государственной измѣнѣ; 2) правительство обезпокоено все усиливающимся числом случаев проявленія контр-революціонных тенденцій и считает необходимым принять самыя строгія мѣры к прекращенію безотвѣтственной агита-

*) К сожалѣнію, телеграмма плохо расшифрована, но смысл цитат понятен.

**) Он приблизительно повторил то же в засѣданіи ВЦИК 4 августа.

ціи нѣкоторых органов печати, а также дѣятельности вѣкоторых общественных дѣятелей, которая угрожает новому строю. Предполагается не только закрыть ряд изданій, но и примѣнить по отношенію к активным руководителям этих газет закон об изгнаніи заграницу лиц, признанных враждебными новому строю. Тот же закон, как передают, будет примѣнен к цѣлому ряду лиц, имена которых часто упоминались в связи с послѣдними совѣщаніями Гос. Думы». Опубликованіе правительственнаго распоряженія и офиціальные комментаріи к нему не удовлетворили тогда представителей «революціонной демократіи», и дѣятельность правительства подверглась рѣзкой критикѣ в засѣданіи бюро ВЦИК 4 августа в связи с обсужденіем вопроса об участіи в созываемом в Москвѣ Государственном Совѣщаніи. «Мощь Совѣта ослабляется — говорил докладчик Богданов. — Правительство ведет какую то непонятную политику, не выполняет принятых на себя обязательств... Юстиція дѣйствует односторонне: вся твердость власти примѣняется к большевикам*), а реакціонные элементы получают послабленіе... Правительство не проявляет достаточной твердости по отношенію к контр-революціонной агитаціи». Коалиціонное правительство, дѣйствительно, занимало, или вынуждено было занять ту же балансирующую позицію, что и Временное Правительство перваго состава. Но факт остается фактом. Большевицкій съѣзд никаким репрессіям не подвергся, никто из большевиков не был выслан по новому закону, но этот закон в августѣ был примѣнен к монархической группѣ лиц (правда, как увидим, в очень странной комбинаціи)...

Все описанное в совокупности заставляет предполагать, что приведеніе в исполненіе рѣшенія правительства об отправкѣ царской семьи в Тобольск было вызвано в большей степени опасеніями выступленія монархической контр-революціи, нежели большевицкой. Нѣкоторые послѣдующіе факты, касающіеся Царя и относящіеся ко времени тобольскаго періода, подтверждают вполнѣ такое предположеніе. Версія Коковцева, что правительство озаботилось отъѣздом Николая II потому, что «крайніе элементы совдепа не скрывали своих страшных замыслов», должна быть отброшена.

3. Случайность ли?

Почему мѣстом новаго жительства для императорской семьи был избран Тобольск? «Если я выбрал Тобольск — пишет Керенскій в своей книгѣ, посвященной судьбѣ династіи, — то исключительно потому, что это было мѣсто совершенно изолированное... с маленьким гарнизоном, без промышленнаго пролетаріата и с населеніем, благоденствующим и довольным своей участью... Я узнал, что климат в этом краѣ великолѣпный, город спокойный, в котором царская семья сможет жить в сравнительно комфортабельных условіях. Кромѣ того — подчеркивает Керенскій, — Тобольска мож-

*) Как раз в этот день был освобожден Каменев.

но было достигнуть сѣверным путем, минуя области, густо населенныя»*). Только ли этими соображеніями руководился правительственный тріумвират или лично Керенскій? Сообщая о мотивах, изложенных Керенским при свиданіи с Царем, Жильяр добавляет, что «утверждали, что это было проявленіем слабости в отношеніи к крайним лѣвым, которые были обезпокоены в виду зарождавшагося в арміи движенія, благопріятнаго Государю, — и т р е б о в а л и с с ы л к и в С и б и р ь Случая подобнаго требованія в лѣвых кругах мы отмѣтить не можем, если не считать тѣх безотвѣтственных сужденій, которыя были упомянуты. Инициатива всецѣло принадлежала правительству или руководящему в нем ядру. Можно было бы предположить, что правительство проявило лишь большую психологическую предусмотрительность, «благоразуміе», как выразился корреспондент «Times» Вильтон, учитывая, что в «лѣвых» кругах переѣзд императорской семьи в С и б и р ь не вызовет реакціи, ибо этот переѣзд будет разсматриваться, как ссылка**). (Так в дѣйствительности и произошло). Цѣль будет достигнута — царская семья будет гарантирована от эксцессов, а потом явится возможность перевезти ее заграницу. Послѣднее утверждал Керенскій в своем парижском докладѣ 36 г. и в одновременном интервью, данном сотруднику «Пос. Новостей»: «Я думал, что в е с н о й Царя можно будет вывезти из Россіи дальним путем через Японію и Америку. К сожалѣнію, в результатѣ сверженія Временнаго Правительства м н ѣ не удалось осуществить этот план». Утвержденіе нѣсколько странное и болѣе чѣм самоувѣренное, — Керенскій как то забывал, что в промежуткѣ должно было собраться Учред. Собраніе. «Хозяину Русской Земли» надлежало уже разрѣшить вопрос и отнюдь не предуказано было ходом событій, что выполнителем велѣній Учр. Собр. будет та же исполнительная власть во главѣ с Керенским, которая вывезла царскую семью в Тобольск. В инструкціи Врем. Правит., данной 21 августа шлиссельбуржцу Панкратову, который был назначен «комиссаром по охранѣ бывшаго Царя Ник. Ал. Романова, его супруги и их семейства, находящихся в г. Тобольскѣ», ничего не было сказано о срокѣ дѣйствія инструкціи, но сам Панкратов не сомнѣвался, что «отвѣтственность перед родиной на него возложена до Учр. Собранія, которое рѣшит дальнѣйшую судьбу Царя» (его рѣчь «отряду особаго назначенія» по прибытіи в Тобольск). С нетерпѣніем ждали Учред. Собранія и «царственные плѣнники», как называет в воспоминаніях Панкратов заключенных в тобольском губернаторском домѣ. В своем дневникѣ Бенкендорф утверждает, что в день отъѣзда из Царскаго Села Керенскій яко бы сказал ему, что по окончаніи Учр. Собранія императорская семья сможет вернуться в Царское Село или куда за-

*) Здѣсь Керенскій как бы отвѣчает на недоумѣніе Соколова, почему царскую семью нельзя было перевезти в Крым, но можно было это сдѣлать по отношенію к Тобольску.

**) Припомним разсужденія Мстиславскаго на тему, что мистика монархіи в народном сознаніи может быть уничтожена лишь униженіем. «Какое униженіе» — записала Нарышкина 1 августа.

хочет: «он не открывал истинную свою мысль» — добавляет автор дневника.

Думаю, что никаких реальных предположеній об отвозѣ царской семьи в е с н о й 18 г. у правительства не было в момент, когда оно отправляло бывшаго монарха фактически в сибирскую ссылку. Являлась ли у него мысль этой «ссылкой» по существу парализовать пропаганду монархистов*) или только внѣшней формой предупредить возможную оппозицію со стороны совѣтов к выѣзду из Царскаго Села? При не вполнѣ искренних и не откровенных мемуарных показаніях Керенскаго, конечно, с полной категоричностью сказать нельзя. Вѣроятно, позиція правительства была нѣсколько двойственная. Трудно в Тобольскѣ видѣть только «случайность», как выражался Керенскій. Слѣдователь Соколов пришел именно к тому выводу, который Керенскій приписывает «нѣкоторым монархистам». Если это была «случайность», то она показывает, как необдуманно принималась мѣра, продиктованная якобы необходимостью и подвергавшаяся неоднократному обсужденію. Тобольск был тихим, захолустным городом, но Тобольск был и родиной прославленнаго «старца», слишком тѣсно в недавнем прошлом связаннаго с царской семьей. Элементарный такт требовал выбора другого города, если, дѣйствительно, нарочито не хотѣли подчеркнуть былую связь**). С Тобольском оказалась связана и другая «случайность» (singulière coincidence — по выраженію Керенскаго), которая могла способствовать осложненіям — епископом Тобольска был в это время знаменитый Гермоген, страстный ненавистник «Гришки», подвергшійся за это опалѣ, но и фанатик монархизма, человѣк бурно-пламеннаго темперамента, в своем лицѣ воплощавшій в 20-м вѣкѣ образ Никиты Пустосвята. Даже Ал. Фед. показалось «странным, что Гермоген здѣсь епископом» (позднѣйшая запись Вырубовой).

4. О т ъ ѣ з д.

В ночь на 1 августа царская семья в большом секретѣ, по крайней мѣрѣ по внѣшней обстановкѣ, под непосредственным руководством министра-предсѣдателя была вывезена из Царскаго Села. Керенскій пишет: «Мы сдѣлали всѣ приготовленія к отъѣзду

*) Керенскій отстраняет, конечно, утвержденія «нѣкоторых монархистов», что единственным мотивом выбора Тобольска было желаніе правительства заплатить Царю той же монетой и отправить его в Сибирь, куда раньше ссылали революціонеров. Дѣло шло не о проявленіи «чувства мести», ибо в случаѣ желанія отомстить, вовсе не надо было организовать тобольское предпріятіе, когда под рукой была Петропавловская крѣпость, или еще проще — Кронштадт». Замѣчаніе Керенскаго, может быть, и правильно, но ему можно возразить, что правительство ни при каких условіях не могло пойти на такую комбинацію, шедшую вразрѣз с европейским общественным мнѣніем.

**) Для Маркова С., передавшаго, очевидно, сужденія круга, в котором он вращался, выбор Тобольска объясняется желаніем унизить отправкой на родину Распутина, с именем котораго связывалась «грязная, возмутительно-лживая легенда».

в самом большом секретѣ, так как малѣйшая гласность могла породить всякаго рода препоны и осложненія. Мѣсто назначенія для императорской семьи не было извѣстно даже всѣм членам Временнаго Правительства. На дѣлѣ было только пять или шесть человѣк во всем Петербургѣ, которые знали его. Легкость и успѣх, с которым мы подготовили и осуществили отъѣзд, служит доказательством, насколько положеніе Временнаго Правительства укрѣпилось к августу. В мартѣ или апрѣлѣ было бы невозможно измѣнить мѣстопребываніе Царя без безконечных споров с совѣтами и т. д. Напротив, 1 августа Император и его семья уѣзжали в Тобольск по моему личному рѣшенію и с согласія Временнаго Правительства. Ни совѣты, ни кто-либо другой не были освѣдомлены, они узнали об отъѣздѣ послѣ совершившагося факта» (Rev.). Описаніе, данное Керенским, вызывает одновременно и большія недоумѣнія и сомнѣнія в точности того фотографическаго снимка, который он дал в воспоминаніях. В отношеніи увозимых по не совсѣм понятной причинѣ секрет сохранялся, дѣйствительно, почти полный. Мы знаем уже, что впервые 28-го Царь от Бенкендорфа узнал, что семья направляется не в Ливадію, а в один из губернских городов в трех или четырех днях пути на восток. Об этом сам Бенкендорф, предувѣдомленный о времени отъѣзда еще 25-го, узнал только в тот же день, когда его вмѣстѣ с комендантом посѣтил Макаров. Бенкендорф из «намеков» понял, что имѣется в виду Тобольск. До этого момента Бенкендорф сперва был убежден, что семья будет переправлена в Крым, так как Керенскій 11-го, по словам Бенкендорфа, признал такой проект осуществимым и просил даже Царя готовиться к нему. Правда, сомнѣніе было, так как комендант 16-го говорил ему об отправкѣ на Урал, и Нарышкина записала в дневник: «30-го — «у меня был Боткин... Не знает, ни куда их отправляют, ни когда», 31-го — «сегодня их увозят. Просила разрѣшенія проститься — отказали. Кажется, ѣдут в Тобольск, хотя никто ничего не знает, и всѣ молчат. 1 августа — ...Их увезли... Выяснилось окончательно: их везут в Тобольск... Никому, даже Государю, не сообщили, куда их везут. Был раньше разговор о Крымѣ, соотвѣтственно чему и у п а к о в а л и с ь, но за два дня до отъѣзда было объявлено, что ѣдут не на юг и что надо взять с собой все теплое. Сказано было также, что надо запастись провизіей на пять дней. Только по этим признакам можно было догадаться, что цѣль путешествія — Сибирь»... По словам Жильяра, 30-го Кобылинскій сообщил ему «под большим секретом», что семью переселяют в Тобольск.

В день отъѣзда или наканунѣ («все уложено, пустыя комнаты») Ал. Фед. написала Вырубовой прощальное письмо, в котором говорила: «Нам не говорят, куда мы ѣдем(узнаем только в поѣздѣ) и на какой срок, но мы думаем, что туда, куда недавно ѣздили — Святой зовет нас туда и наш друг». Это предчувствіе заставляло Ал. Фед. вѣрить в «будущія хорошія времена». «Императрица владѣет собой и продолжает надѣяться» — записывает Нарыш-

кина. «Несмотря ни на что, рада ѣхать в домашнюю сферу их dear friend. Ничего не измѣнилось в ея mentalité»*).

В дѣйствительности увоз семьи и даже самое мѣсто назначенія было до нѣкоторой степени секретом полишинеля, как это видно хотя бы из того же дневника Нарышкиной. Еще 16 іюля она отмѣтила свѣдѣнія, полученныя ею через кн. Палѣй. Послѣдняя сказала, что «обычно хорошо освѣдомленный англичанин сообщил им вчера, будто обитатели Александровскаго Дворца в ночь с четверга на пятницу взяты и увезены в Тобольск!» «Я энергично возражала, но подобные слухи доказывают, что эта идея носится в воздухѣ». На другой день: «Оказывается, извѣстіе об увозѣ Государя идет из Яхт-Клуба, об этом сообщил Урусов, адъютант. Это доказывает, что это был рѣшенный план». В момент, когда приблизился реальный срок отправки, слухи, хотя и противорѣчивые и неопредѣленные, распространяются достаточно широко. Нарышкина отмѣчала 28-го: «вся прислуга (в госпиталѣ Зимняго Дворца) толкует об отъѣздѣ Государя. Попросила к себѣ Гебеля. Он был очень сдержан, но слух подтвердил. Говорят, их перевозят в понедѣльник в 2 часа по полуночи и отправляют в Ипатьевскій монастырь в Кострому».

В таких условіях довольно трудно себѣ представить, что только 5-6 человѣк во всем городѣ знали о мѣстѣ, куда перевозят царскую семью — это знали, по словам Керенскаго, даже далеко не всѣ министры**). В противорѣчивом изложеніи Керенскаго остается совершенно неясной роль правительства в его цѣлом. С одной стороны, вывоз произошел по личному рѣшенію министра-предсѣдателя, но с согласія правительства («La Rev. Russe»), с другой — утверждает тот-же Керенскій — «вопрос об императорской семьѣ никогда не обсуждался в совѣтѣ министров» («La Vérité»). О первоначальном рѣшеніи знали только Львов и «тріумвират». В «тобольскій план», сообщенный иностранным дипломатам, «абсолютно» не было посвящено большинство министров; послѣ ухода кн. Львова и преобразованія кабинета все осталось в том же положеніи. Политики, вошедшіе в состав министерства послѣ іюльскаго кризиса, проявили удивительное отсутствіе любопытства, граничащее с пассивностью. Принимая 1 августа представителей печати, новый министр юстиціи Зарудный объяснил эту странную черту весьма своеобразно: «Распоряженіе о переводѣ состоялось по постановленію прежняго правительства в его старом составѣ, поэтому я точно не знаю мотивы. Так как мы считаем, что правительство едино, и что между всѣми составами правительства есть преемственность, то постановленіе прежняго правительства приводится в исполненіе. Во всяком случаѣ я считаю постановленіе о переводѣ по существу правильным. Перевод б. царской семьи правительство поручило министру-предсѣдателю».

---

*) Вспоминая впослѣдствіи «ужасное 17 число» (т. е. убійство «старца») А. Ф. высказывала глубокую убѣжденность, что «и за это тоже страдает Россія» (Письмо Вырубовой 10 декабря).

**) Марков 2-ой говорил, что их организація также предупредила Царя о готовящемся увозѣ его в Тобольск.

Об отъѣздѣ царской семьи не было извѣстно никому в Совѣтах — утверждает Керенскій. И опять это представляется весьма сомнительным. В упоминавшемся газетном сообщеніи 2 августа, составленном «на основаніи бесѣд с министрами» и пр. и в силу этого, конечно, неточном, отмѣчалось, что «день и час отъѣзда держались в строжайшем секретѣ, и только немного лиц из царскосельской охраны и представителей Исполнительнаго Комитета Совѣта Р. С. Д. знали о предстоящем отъѣздѣ». Тогдашняя газетная информація подтверждалась послѣдующим показаніем Кобылинскаго слѣдователю Соколову, нарисовавшаго картину, которая наглядно показывала, что «строжайшій секрет» в сущности был пуфом. «Приблизительно за недѣлю до отъѣзда семьи из Царскаго к нам пріѣхал Керенскій, — повѣствует Кобылинскій, — вызвал меня, предсѣдателя Совѣта и предсѣдателя военной секціи Царскосельскаго гарнизона пр. Ефимова (он был в составѣ второго полка). Керенскій сказал нам слѣдующее: «прежде, чѣм говорить вам что-либо, беру с вас слово, что все это останется секретом». Мы дали слово. Тогда Керенскій объявил нам, что по постановленію Совѣта министров вся царская семья будет перевезена из Царскаго; что правительство не считает это секретом от демократических организацій... что с царской семьей поѣду я, Кобылинскій. Послѣ этого я ушел и Керенскій вел какіе то свои разговоры с представителем совдепа и Ефимовым. Приблизительно через час я увидѣл Керенскаго и спросил его, куда же мы поѣдем. При этом я сказал, что нужно же предупредить семью, чтобы они могли уложиться. Керенскій отвѣтил мнѣ, что это сдѣлает он сам и отправился во Дворец. Там он один на один разговаривал с Государем. Мнѣ же на мой вопрос, куда и когда мы ѣдем, Керенскій так и не дал отвѣта. Послѣ этого перваго раза я видѣл Керенскаго 2-3 раза и каждый раз спрашивал его, куда же мы ѣдем, какія вещи брать семьѣ. Керенскій не отвѣчал на мой вопрос и сказал только: «передайте, что надо побольше брать теплых вещей». Приблизительно дня за два до отъѣзда Керенскій вызвал меня к себѣ и приказал мнѣ составить отряд из перваго, второго и четвертаго полков, которые несли охрану, и назначить офицеров в роты. «Назначеніе» нужно было понимать в то время в особом смыслѣ. Конечно, «мы» назначить уже не могли... Боясь, что в офицерскій состав попадет элемент недостойный, я просил Керенскаго разрѣшить мнѣ самому выбрать на каждую роту по 5 офицеров, а из них 2... пусть выбираются солдатами... В тот же день вечером я позвал к себѣ полковых командиров и предсѣдателей полковых комитетов. Я сказал им: «предстоит секретная и очень важная командировка; мѣсто и цѣль ея мнѣ неизвѣстны. Пусть каждый полковой командир выберет роту в 48 рядовых при двух офицерах». При этом я передал список офицеров, составленный мною, из числа коих надлежало сдѣлать выбор... Командиры полков и полковых комитетов перваго и четвертаго полка отвѣтили: «слушаюсь!» Предсѣдатель же полкового комитета второго полка... солдат... сказал мнѣ: «Мы уже выбрали. Я знаю, какая предстоит командировка... Мы уже выбрали пр. Деконскаго». Этот самый

прапорщик Д. офицерами был изгнан из состава четвертаго полка; это рѣшеніе офицеров подтвердили и солдаты своим рѣшеніем. Тогда второй полк принял в свою среду этого Деконскаго. Уже тогда это был несомнѣнный большевик*). Когда я услышал, что именно он выбран, я сказал предсѣдателю Комитета, что Деконскій ни в коем случаѣ не поѣдет. Он мнѣ отвѣтил: «нѣт, поѣдет». Я принужден был отправиться к Керенскому и сказал ему категорически, что, если поѣдет Деконскій, я не поѣду; что он, Керенскій, как военный министр, может предупредить эту возможность. Керенскій пріѣхал в Царское, вызвал предсѣдателя Комитета и пошли у них пререканія. Керенскій стоит на своем, предсѣдатель отвѣчает военному министру: «Деконскій поѣдет». Разсердившись, Керенскій прикрикнул: «я вам приказываю». Тот подчинился и ушел. Но, когда назначенные уже солдаты узнали, что Деконскій не поѣдет, они тоже отказывались ѣхать»... «29 іюля я был у Керенскаго... Я застал у него Макарова. Из их разговора я впервые только и узнал тогда, что семья переводится в Тобольск. В тот же день Макаров послал распоряженіе... приготовить состав поѣзда к 2 часам ночи на 1 августа... 30 іюля ко мнѣ прибыл командующій войсками округа прап. Кузьмин, какой то полковник и какой-то штатскій чин. Под видом провѣрки караула Кузьмин с полковником пошли ко дворцу и, спрятавшись в комнатѣ, обращенной дверью в корридор, имѣли терпѣніе цѣлый час ждать, когда кончится служба (молебен по случаю рожденія наслѣдника), чтобы посмотрѣть царскую семью, когда она пойдет к себѣ корридором... В тот же день была у меня Маргарита Хитрово и закатила мнѣ истерику, обвиняя меня в том, что я скрываю, что хотят сдѣлать с семьей, что ее хотят заточить в крѣпость и т. д. В этот же день мнѣ телефонировал Керенскій, что в 12 час. ночи на 1 августа он будет в Царском и скажет отряду прощальное слово».

Всѣх этих черт Керенскій не счел нужным отмѣтить в воспоминаніях, хотя книга его «La Verité» появилась через нѣсколько лѣт послѣ опубликованія показаній Кобылинскаго, которыми он пользуется лишь для того, чтобы воспроизвести свою рѣчь солдатам, входившим в охрану, которая должна была сопровождать отъѣзжавшую семью. Но, быть может, важнѣе то, что Керенскій замолчал факт сопровожденія царскаго поѣзда в Тобольск, наряду с назначенными правительственными комиссарами Вершининым и Макаровым, и прапорщиком Ефимовым «для того, чтобы он, по возвращенію из Тобольска, мог доложить совдепу» о перевозѣ царской семьи в Сибирь**). Этот именно факт привел слѣдователя Соколова к слишком категорическому выводу, что «был только один мотив перевоза царской семьи в Тобольск» — «далекая холодная Сибирь, тот край, куда нѣкогда ссылались другіе».

Обстановка, в которой происходил отъѣзд, конечно, была напряженная. Автор предисловія к книгѣ Керенскаго, основываясь

*) То был примкнувшій к лѣвым с.-р., близкій Спиридоновой человѣк, сказавшійся агентом-провокатором Охр. Отдѣленія при старом режимѣ.

**) Кобылинскій отмѣчает, что Ефимов помѣщался в отдѣльном купэ, так как с ним «никто не изъявил желанія ѣхать вмѣстѣ».

исключительно на показаніях этого мемуариста, рисует эту напряженность, как слѣдствіе настроенія революціонных масс в Петербургѣ и Царском Селѣ. Для проф. Пэрса несомнѣнно, что Керенскій своими личными дѣйствіями (он провел всю ночь в Царском, наблюдая за отъѣздом) сохранил царскую семью надолго послѣ своего собственнаго паденія. Оставим в сторонѣ кровожадныя чувствованія революціонных масс — англійскій ученый в подтвержденіе своего тезиса не мог ничего привести другого, кромѣ описанія, со слов Керенскаго, посѣщенія Царскаго «бандой солдат» — эпизода с Мстиславским. Боялся ли Керенскій дѣйствительно появленія какой-либо революціонной банды, которая сорвала бы рѣшеніе правительства, ожидал ли он противодѣйствія большевицки настроенной части гарнизона и желѣзнодорожных рабочих при реализаціи предпріятія, о котором не был освѣдомлен руководящій орган революціонной демократіи? Не играло ли значительной роли в напряженности, с которой организовался отъѣзд, опасеніе какой-нибудь монархической эскапады, которая могла бы подвергнуть семью реальной опасности? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, прослѣдим фактическую канву, насколько мы ее знаем.

«31 іюля — продолжал в своих показаніях Кобылинскій — прошел у меня в приготовленіях к отъѣзду. Память мнѣ не сохранила ничего выдающагося за этот день... В 12 час. ночи пріѣхал Керенскій. Отряд был готов. Поѣхали мы с ним в первый батальон. Керенскій держал к солдатам такую рѣчь: «вы несли охрану царской семьи здѣсь. Вы должны нести охрану и в Тобольскѣ, куда переводится царская семья по постановленію Совѣта Министров. Помните: лежачаго не бьют. Держите себя вѣжливо, а не по хамски. Довольствіе будет выдаваться по петроградскому округу. Табачное и мыльное довольство — натурой. Будете получать суточныя деньги»... «Я не могу утверждать — добавляет сам Керенскій — что люди в казармах были всѣ удовлетворены. Слухи об отъѣздѣ уже распространились, и многим новость эта абсолютно не нравилась. Нѣкоторыя части гарнизона были под сильным вліяніем пропаганды крайних и считали, что правительство относится слишком терпимо к бывшему Царю». Казалось бы, министру-предсѣдателю надлежало свое умѣлое краснорѣчіе направлять как раз в сторону тѣх, кто был распропагандирован большевицкой агитаціей и скептически относился к политикѣ правительства в отношеніи заключенных. Произошло нѣчто противоположное. Почему? Сказав рѣчь в первом и четвертом батальонѣ, Керенскій не пошел во второй — т. е. в тот, который входил в состав полка, избравшаго прап. Деконскаго и в который попали, по мнѣнію Кобылинскаго, «наиболѣе дурные элементы». «Считаю нужным отмѣтить — пояснял Кобылинскій — что условія, в которыя были поставлены солдаты перваго и четвертаго полков были иныя, чѣм условія, поставленныя для солдат второго полка. Первые были одѣты с иголочки, и обмундированіе у них было в большом количествѣ; солдаты второго полка, вообще-то худшіе по своим моральным свойствам, ...были в грязной одеждѣ и обмундированія у них было

меньше. Эта разница... имѣла впослѣдствіи большое значеніе»*).

В то время, как Керенскій обходил казармы, во дворцѣ дѣлались послѣднія приготовленія к отъѣзду. Тогда под своей «личной отвѣтственностью» Керенскій разрѣшил (кто же мог разрѣшить, кромѣ Керенскаго, который распоряжался совершенно самовластно?) Царю свиданіе с братом. «Я должен был присутствовать при их прощаніи» (происходившем в рабочем кабинетѣ Царя) — поясняет Керенскій. В. кн. Михаил выразил желаніе увидѣть дѣтей, «но я не мог разрѣшить» — говорит Керенскій: «посѣщеніе продолжалось уже д о л г о, и не было времени». Свиданіе продолжалось «минут 10» — утверждает Кобылинскій, остававшійся в пріемной в продолженіи свиданія. «В это время выбѣжал Алексѣй Николаевич и спросил меня: «это дядя Миша пріѣхал?» Я сказал, что пріѣхал он. Тогда Алексѣй Ник. попросил позволенія спрятаться за дверь: «я хочу его посмотрѣть, когда он будет выходить». Он спрятался за дверь и в щель глядѣл на Мих. Ал., смѣясь, как ребенок, своей затѣѣ»**). Непонятное в поведеніи Керенскаго можно объяснить только его исключительным возбужденіем в этот день, граничащим с «пароксизмом», по опредѣленію наблюдавшаго министра-предсѣдателя художника Лукомскаго***). Возбужденный сам, Керенскій нервировал других: «внѣ себя тиранил всѣх» — записала со слов очевидцев Нарышкина. Вѣроятно, это состояніе сказалось и на воспріятіи событій, отразившемся впослѣдствіи в воспоминаніях.

Сам Царь записал в дневник: «Около 10 ½ часов (это соотвѣтствует и записи Бенкендорфа. Кобылинскій, ѣздившій за Мих. Ал., относит ко времени послѣ полуночи) милый Миша вошел в сопровожденіи Керенскаго и к а р а у л ь н а г о н а ч а л ь н и к а. Как пріятно было встрѣтиться, но разговаривать при посторонних было неудобно». Очевидно, Керенскій не «затыкал себѣ уши», как значится в дневникѣ Нарышкиной. В своих воспоминаніях Керенскій передает тѣ незначительныя фразы, которыми обмѣнялись взволнованные братья.

«Минуты шли... Все было готово, а Николаевская не отправляла поѣзда. Повидимому, в теченіе всей ночи происходила тревога, сомнѣнія и колебанія. Желѣзнодорожники задерживали составленіе поѣзда, давали таинственные телефонные звонки, ставили вопросы»... Никаких данных, подтверждающих предположенія Керенскаго, я не нашел, кромѣ довольно голословнаго утвержденія

---

*) Почему не была назначена команда из третьяго полка, доброжелательность котораго особливо отмѣчалась в дневникѣ Николая II?

**) Это дало повод Керенскому отмѣтить, что царевич был исключительно «весело» настроен в эту безсонную ночь. Сравним с ремаркой Царя, приведенной ниже.

***) Лукомскій, занимая пост хранителя музейных цѣнностей большого Царскосельскаго дворца, встрѣтился с Керенским 31-го на обѣдѣ у коменданта дворца, бар. Штейнгеля, у котораго министр имѣл обыкновеніе обѣдать со «всѣми сопровождающими» в дни своего пріѣзда в Царское. Эти завтраки и обѣды у Штейнгеля в большом Дворцѣ, на которые требовались из царскаго погреба «лучшія вина», вызывали большое негодованіе Бенкендорфа (его дневник).

Мстиславскаго, что «рабочіе петроградскаго паровознаго депо, узнав о назначеніи поѣзда, отказались дать паровозы, и Керенскому пришлось долгое время уговаривать их согласиться на выпуск; инцидент был разрѣшен только при содѣйствіи исполнительнаго комитета». Поэтому болѣе правдоподобным мнѣ представляется объясненіе, данное Царем в его дневникѣ. Несмотря на всю лаконичность записи за 31 іюля — «послѣдній день нашего пребыванія в Царском Селѣ» — записи эти как будто бы отчетливѣе намѣчают фактическую канву: «послѣ обѣда ждали назначенія часа отъѣзда, который все откладывался». Послѣ свиданія с братом «стрѣлки из состава караула начали таскать наш багаж в круглую залу*). Мы ходили взад и вперед, ожидая подачи грузовиков. Секрет о нашем отъѣздѣ соблюдался до того, что моторы и поѣзд были заказаны послѣ назначеннаго часа отъѣзда. Извод получился колоссальный**). Алексѣю хотѣлось спать — он то ложился, то вставал. Нѣсколько раз происходила фальшивая тревога, надѣвали пальто, выходили на балкон и снова возвращались в зал. Совсѣм разсвѣтало... Наконц, в 5 ¼ появился Керенскій и сказал, что можно ѣхать».

Выѣхали с великими предосторожностями: «казаки открывали кортеж, казаки его заключали». Не знаю, вольно или невольно, Керенскій выставил казаков, как охранителей кортежа, т. е. тѣ части петербургскаго гарнизона, которыя в іюлѣ были настроены наиболѣе агрессивно в отношеніи большевиков — вѣдь со стороны послѣдних, по смыслу изложенія Керенскаго, можно было ожидать противодѣйствія. Царь, достаточно разбиравшійся в воинских частях, отмѣтил просто: «какая-то кавалерійская часть скакала за нами от самаго парка»... Соколов установил, что эскорт принадлежал к 3-му драгунскому балтійскому полку (в газетах он назывался финляндским). В дневникѣ Нарышкиной, изданном нѣмецким писателем Ф. Мюллером***), вѣрнѣе в систематизированном им (иногда совершенно фантастически и произвольно) разсказѣ, основанном якобы на записях в особой тетради Нарышкиной, которой не было в распоряженіи ред. «Послѣдних Новостей», когда в газетѣ он печатался, очищенный от измышленій романсированной исторіи нѣмецкаго автора, говорится, что царскую семью нельзя было вывезти через главныя ворота — у рѣшетки дворца стояла огромная толпа, которая шумѣла и выкрикивала угрозы — и автомобили пришлось направить через парк к станціи Александровская. По словам Керенскаго, «солнце сіяло во всем своем блескѣ, когда мы выѣхали из парка, но, к счастью, город был еще погружен в сон». Современник корреспондент «Рус. Вѣд.» писал: «город не подозрѣвал о происходящем — даже в ратушѣ стал извѣ-

*) У Бенкендорфа отмѣчено, что за переноску багажа стража потребовала по 3 рубля на человѣка. Со слов того же Бенкендорфа Палей говорит, что Царь дал от себя по 50 коп. на человѣка.

**) Керенскій передает, что при отъѣздѣ из Царскаго А. Ф. «плакала» — это как-то не соотвѣтствует настроенію, с которым А. Ф., судя по дневнику Нарышкиной, уѣзжала на родину «Григорія».

***) Он получил его от самой Нарышкиной в Москвѣ.

стен факт отъѣзда лишь около 4 час. пополудни». Вот и еще свидѣтельство очевидца — «маленькаго» Маркова, попытавшагося подойти ко дворцу, что ему не удалось, так как дворец был оцѣпленъ сильным отрядом войск: «До 6 часов утра — вспоминает Марков — я простоял на облюбованном мною мѣстѣ, но мнѣ ничего не пришлось увидѣть. Около половины шестого мимо меня пронеслось нѣсколько закрытых автомобилей, окруженных всадниками третьяго Прибалтійскаго коннаго полка. Я видѣл, как нѣсколько мужчин, стоявших около меня, вытирали набѣгавшія слезы, а женщины плакали». О настроеніях Марков передавал, конечно, то, что хотѣл видѣть.

В видах той же предосторожности отправляемые были посажены в поѣзд не на станціи, а на переѣздѣ — в «нѣкотором удаленіи», на «пятом запасном пути», как выяснили газетчики. «Подъем на ступеньки вагона был затруднителен, А. Ф. Керенскій помог бывшему Царю войти в вагон, предложив ему опереться на свою руку, такое же вниманіе было оказано Керенским и в отношеніи Ал. Фед.»*). «Поѣзд — говорилось в газетных сообщеніях — был подвергнут самому тщательному осмотру»...

Продолжим и дальше наше повѣствованіе — оно может дать нѣкоторыя интересныя детали. Для отъѣзда было предоставлено два поѣзда. В одном находилась царская семья (в международных вагонах), свита, отряд из перваго батальона; в другом — прислуга, багаж, стрѣлки 2-го и 4-го бат. Свита и прислуга составляли персонал в 40 с лишним человѣк. «Особый отряд» включал 337 солдат при 7 офицерах. Поѣзд, минуя большія пункты, останавливался на маленьких станціях, иногда в полях — семья выходила на прогулки в 30 минут, ни болѣе, ни менѣе. Все это предусматривалось регламентом, установленным министром предсѣдателем. На всѣх станціях завѣшивались окна: «глупо и скучно» — реагировал Царь на это своей записью в дневникѣ. Слѣдователь Соколов устанавливает, что оба поѣзда проходили «под японским флагом» — повидимому, это — обобщеніе: по словам Кобылинскаго, под японским флагом царскій поѣзд проходил через Вологду (очевидно, боялись каких-нибудь осложненій в губернском городѣ). Правительственные комиссары Вершинин и Макаров составили подробный отчет о переѣздѣ, контрассигнированный Царем. Этот «историческій документ», как выражается Керенскій, производит нѣсколько своеобразное впечатлѣніе, и значеніе его только в том, что «путешествіе через рабоче-крестьянскую Россію прошло благополучно» (слова Соколова). Отмѣчались в этом отчетѣ каждый день своевременность подачи завтрака, обѣда, утренняго и дневного чая и т. д. и ничего из того, что являлось наиболѣе важным. Как реагировало населеніе на проѣзд? Косвенный отвѣт мы, конечно, находим — в сущности осложненій никаких не было. Кобылинскій в показаніях мог указать только одно мѣсто — в Перми, гдѣ были

*) Со слов Бенкендорфа Палѣй передает, что А. Ф., влѣзая в вагон, упала. Для публики сообщалось, что в. кн. Михаил Ал. находился в Александровском дворцѣ до самого отъѣзда, поѣхал затѣм на вокзал, гдѣ оставался до отхода поѣзда.

попытки произвести нѣкоторый контроль: «Перед самой станціей в Перми наш поѣзд остановился. В вагон, в котором находился я, вошел какой-то человѣк, видимо из каких-нибудь маленьких желѣзнодорожных рабочих, заявил, что товарищи рабочіе желѣзнодорожные желают знать, что это за поѣзд слѣдует и, пока не узнают, они не могут пропустить его дальше. Вершинин с Макаровым показали ему бумагу за подписью Керенскаго. Поѣзд пошел дальше»... Поэтому слѣдует думать, что лишь в воображеніи большевизанствующаго лѣваго с. р. Мстиславскаго на пути слѣдованія поѣзда в «нѣсколькихъ мѣстах» находились заставы вооруженных крестьян, намѣревавшихся остановить поѣзд и покончить с Николаем самосудом». Своеобразная «революціонная» честь не могла примириться с дѣйствительностью и заставляла утверждать, что только случайно, будто бы, удалось избѣжать народной расправы.

Поздно вечером 4-го невольные путешественники в Сибирь достигли Тюмени, откуда надлежало уже рѣчным путем доѣхать до Тобольска, 6-го достигли мѣстоназначенія*). «На берегу стояло много народа» — отмѣтил Царь: «значит, знали о нашем прибытіи»... Неожиданно обнаружилось, что губернаторскій дом не готов для пріема заключенных. «Помѣщенія пустыя, без всякой мебели, и переѣзжать в них нельзя» — записал Царь 6-го. «Пошутил насчет удивительной неспособности людей устраивать даже помѣщенія»... Может быть, дѣло было не в «неспособности людей», а в том, что осуществленіе тобольскаго плана в окончательную форму вылилось значительно позже, чѣм намѣтилось первоначальное рѣшеніе, о котором преждевременно были увѣдомлены англійское и французское посольства.

5. Заговор монархистов.

В день, когда царская семья прибыла в Тобольск, опубликовано было лаконическое правительственное сообщеніе: «По соображеніям государственной необходимости Вр. Прав. постановило находящихся под стражей бывшаго Императора и Императрицу перевести в мѣсто новаго пребыванія. Таким мѣстом назначен Тобольск, куда и направлены бывшіе Император и Императрица с соблюденіем всѣх мѣр надлежащей охраны. Вмѣстѣ с бывшими Императором и Императрицей на тѣх же условіях отправились в Тобольск по собственному желанію их дѣти и нѣкоторыя приближенныя к ним лица». Свиту составляли ген. ад. Татищев, гофм. кн. Долгоруков, лейб-медик Боткин, воспитатель наслѣдника Жильяр, фрейлина гр. Гендрикова, гофлектрисса Шнейдер (позднѣе прибыли преп. анг. языка Гибс, доктор Деревенко и фрейлина бар. Буксгевден). Нѣт никаких данных, подтверждающих свидѣтельство Бьюкенена, что «дѣти, которым было предложено на выбор жить с имп. Маріей Фед. в Крыму или сопровождать своих

*) Временно пришлось остаться на пароходѣ. Лишь 13-го совершился переход с парохода в губернаторскій дом.

родителей в Тобольск, выбрали послѣднее, хотя их предостерегали, что им придется подчиниться режиму, установленному для Государя и Государыни».

Почему правительство промедлило пять дней с офиціальным опубликованіем своего рѣшенія? Фактически никакого секрета, по крайней мѣрѣ для Петербурга, не было и никакого протеста со стороны «крайне-лѣвых» отъѣзд императорской семьи не вызвал. И не вызвал потому, как опредѣленно явствует из замѣток в большевицких газетах (петербургской и московской «Правды» и «Соц. Дем.»), появившихся уже 1 августа, что этот выѣзд разсматривался, как прямая с с ы л к а Царя в Сибирь. Большевицкая печать лишь негодовала на условія, при которых проходит эта «ссылка»: «Не страшно ѣхать в ссылку, имѣя в своем распоряженіи 4-х поваров и 15 лакеев»... «Рабочіе и солдаты голодные сидят в Крестах, а во избѣжаніе продовольственных затрудненій за царской семьей ѣдут два поѣзда с провизіей» и т. д. Для большевицкой печати нѣт сомнѣнія в том, что «формально» Царь направлен в Тобольск для болѣе строгаго заключенія.

Посѣ отъѣзда из Царскаго, как уже было указано, во всѣх газетах появилось нѣсколько запоздалое описаніе, не всегда точное: отъѣзд императорской семьи из Царскаго Села в изложеніи бесѣд журналистов с министрами, включая и главу правительства, помѣчался сутками позже (т. е. в ночь на 2-ое августа). «Министры не скрывают своего недовольства» — сообщал корреспондент «Рус. Вѣд.» — по поводу появившихся в нѣкоторых газетах сообщеній о переводѣ б. Императора из Ц. С.*), находя оглашеніе этих свѣдѣній преждевременным, могущим внести нѣкоторыя затрудненія в исполненіе данной мѣры. На всѣ вопросы о мотивах, побудивших правительство принять рѣшеніе о переводѣ б. царской семьи, министры отвѣчают уклончиво, общими фразами, всячески подчеркивая, что этот вопрос продолжает оставаться ч р е з в ы ч а й н о с е к р е т н ы м».

Очевидно, правительство боялось возможности осложненій не только в пути, но и в самом Петербургѣ. Столь же очевидно, что со стороны большевиков этих осложненій не приходилось ждать. В чем же дѣло? Не даст ли объясненія сопоставленіе записи Нарышкиной 5 августа с одновременным опубликованіем в газетах своеобразнаго сообщенія о нѣсколько странной инициативѣ, проявленной министром-предсѣдателем в этот день. «Все еще нѣт извѣстій о прибытіи в Тобольск» — записывает Нарышкина... «Была сегодня утром в саду, гдѣ встрѣтила нѣсколько офицеров (очевидно, из лазарета в Зимнем Дворцѣ). Всѣ они страшно возмущены и о т к р ы т о говорили о реставраціи в лицѣ Алексѣя Ник. Я им посовѣтовала быть осторожными в рѣчах»... 5 августа в газетах можно было найти сообщеніе, что министр-предсѣдатель (очевидно, в качествѣ военнаго министра) н о ч ь ю удосужился л и ч н о провѣрить караул в Трубецком бастіонѣ Петропавловской крѣпости, т. е. той тюрьмы, гдѣ содержались заключенными представители стараго порядка. В данном случаѣ дѣйствовал, мож-

*) Такія свѣдѣнія появились в вечернем выпускѣ «Русской Воли».

но предполагать, закон, формулированный пословицей: у страха глаза велики...

Причины этого преувеличеннаго страха (у правительства, или у тріумвирата, или у министра-предсѣдателя) не приходится искать во вліяніи, шедшем из совѣтских кругов, которые никакого воздѣйствія в эти дни на правительство в смыслѣ требованія отправки в ссылку бывшаго монарха не оказывали, — по крайней мѣрѣ никаких письменных слѣдов такого воздѣйствія до сих пор не обнаружилось. Приходится довольно рѣшительно возражать на категорическое заключеніе, сдѣланное Коковцевым еще в статьѣ, напечатанной в 29 году, что, направляя царскую семью в Тобольск, правительство выполняло «болю Совѣта». Суханов, довольно добросовѣстно передающій в «записках» свои впечатлѣнія и настроенія по поводу «сенсаціоннаго подвига» Керенскаго, как он выражается, говорит, что никаких подробностей отъѣзда царской семьи не знает: «Совѣта эти дѣла нынѣ уже не касались» — «говорили, что эта операція была предпринята ввиду происков и спекуляціи контр-революціонеров и монархических групп». В совѣтском офиціозѣ указывалось лишь на необходимость разъяснить мѣру правительства, так как в Ц. С. Император был в полной гласности. Правительство — утверждал в одном из отрывков воспоминаній Савинков, бывшій в то время управляющим военным министерством — опасалось «переворота справа не менѣе, чѣм революціи слѣва». Скорѣе надо думать, что переворота справа боялись больше, нежели революціи слѣва, хотя глава правительства позднѣе в показаніях по дѣлу Корнилова и говорил: «реальное соотношеніе сил было таково, что всякая попытка повторить 3-5 іюля была заранѣе обречена на полный провал. Тѣм болѣе совершенно ничтожна была реальная опасность для существовавшаго тогда порядка вещей от всякой попытки справа. Правый большевизм никогда не был опасен сам по себѣ. Это был не пороховой погреб, взрыв котораго разрушает все кругом до основанія, а только спичка, которая могла попасть в склад взрывчатых веществ и тогда...» Объективный анализ не всегда, однако, совпадает с субъективными ощущеніями*).

Маловажный инцидент, происшедшій вскорѣ послѣ водворенія царской семьи в Тобольскѣ и раздутый в окруженіи Керенскаго до гиперболических размѣров, может служить самой яркой иллюстраціей. Дѣло идет о поѣздкѣ во второй половинѣ августа молодой фрейлины Маргариты Хитрово в Тобольск. Это был «дѣтскій заговор для увоза царской семьи» — утверждал Керенскій в книгѣ, напечатанной в 36 г. Хитрово участвовала не одна. Можно думать, что это была группа неопытных, наивно увлеченных молодых людей. До правительства дошли разоблаченія, значитель-

*) Любопытен отклик, который можно найти в письмѣ в. кн. Сергѣя Мих., которое приводит Воейков в воспоминаніях: «Самая сенсаціонная новость — это отправка полковника с семьей в Сибирь. Считаю, что это очень опасный шаг правительства — теперь проснутся всѣ реакціонныя силы и сдѣлают из него мученика... На этой почвѣ может произойти много безпорядков».

но преувеличенныя, и оказалось необходимым разслѣдовать обстоятельства «заговора». Слѣдствіе не обнаружило ничего опаснаго, и дѣло было ликвидировано. Когда автор говорит, что правительство вынуждено было разслѣдовать дѣло, то здѣсь он примѣняет обычный для себя, как мемуариста, пріем. Правительство само создало это смѣхотворное политическое дѣло, о котором в общественных кругах никто не знал, — и никакого давленія, слѣдовательно, со стороны не было оказано. И это дѣло типично не столько для молодых энтузіастов монархической идеи, которых дѣйствительность (полная изоляція царской четы и равнодушіе к ним населенія — так изображает Керенскій) должна была жестоко обмануть, сколько для подозрительности правительства в предкорниловскіе дни.

Прелюдія дѣла разыгралась в кулуарах московскаго Государственнаго Совѣщанія именно тогда, когда глава правительства имѣл уже «точныя свѣдѣнія» об офицерском заговорѣ, имѣвшем опорные пункты в Петербургѣ и Ставкѣ и ставившем своей задачей провозглашеніе военной диктатуры (а не возстановленіе низвергнутой династіи), когда Керенскому окончательно стало ясно, что «ближайшей попыткой удара будет справа, а не слѣва», когда он слѣдил за «малѣйшими измѣненіями в заговорщических кругах» для того, чтобы быть готовым дѣйствовать*), и знал, гдѣ, что и как, когда в дѣйствительности, по злому выраженію дневника Гиппіус, Керенскій представлял собой «вагон, сошедшій с рельс». И в полном противорѣчіи с этим признаніем стояло тут же дѣлаемое Керенским заявленіе в объясненіе того, что произошло послѣ Московскаго Совѣщанія: «оказалось, мы сознательно были направлены на ложный путь». В дни Московскаго Совѣщанія был раскрыт «монархическій заговор». Не имѣя перед собой офиціальных документов, связанных с раскрытіем заговора, трудно сказать, чья здѣсь была иниціатива. Возможно, что в нездоровой атмосферѣ подозрѣній, рожденных на почвѣ реальной подготовки, которую вели сторонники военной диктатуры, в одно была объединена двухсторонняя информація, не имѣвшая ничего общаго между собой, причем одна из них, дѣйствительно, была «сознательно» пущена в оборот для того, чтобы направить вниманіе правительства «на ложный путь». Согласно показаніям слѣдственной комиссіи по Корниловскому Дѣлу правительственным комиссаром при Верховной Ставкѣ Филоненко, еще в концѣ іюля он был освѣдомлен «ординарцем» ген. Корнилова (т. е. Завойко), вращавшимся в самом центрѣ интриги, которая плелась вокруг Ставки, о «монархическом заговорѣ с вел. кн. Павлом Александровичем во главѣ». Другим источником информаціи явилось донесеніе прокурора московской суд. палаты Стааля об обнаруженных им нитях монархическаго заговора в казачьих общественных кругах. Московскому прокурору, без освѣдомленія о том министра юстиціи, находивша-

*) Офиціально предъявить обвиненіе по негласным свѣдѣніям Керенскій не мог — «я бы показался тогда общественному мнѣнію человѣком, страдающим маніей преслѣдованія» («Дѣло Корнилова»).

гося в Петербургѣ, и было поручено министром-предсѣдателем дальнѣйшее разслѣдованіе — с «исключительными полномочіями». В результатѣ были произведены аресты — между прочим, в ночь на 21 августа были подвергнуты домашнему аресту вел. князья Павел Ал. и Михаил с семьями*). На вопрос англійскаго посла о причинах ареста министр ин. дѣл сообщил, что «они скомпрометированы интригами кн. Палѣй и ея сына, направленными к возвращенію Императора или возведенію на престол в. кн. Дмитрія... Были найдены ея многочисленныя шифрованныя телеграммы и письма» (сообщеніе Бьюкенена Бальфуру 23 августа). Корреспондент «Рус. Вѣд.» обратился к членам правительства, принадлежавшим к партіи к. д., и получил в отвѣт, что им ничего не извѣстно о причинах ареста великих князей. Освѣдомлены о происходившем лишь нѣкоторые министры, близкіе к главѣ правительства, который непосредственно руководит нитями возникшаго дѣла, помимо какого-либо участія со стороны министра юстиціи**). «Близкіе», по выраженію корреспондента, лица к Керенскому объясняли арест великих князей тѣми с а м ы м и с о о б р а ж е н і я м и», которыя привели Керенскаго к рѣшенію п е р е в е с т и Ц а р я в Т о б о л ь с к, а именно опасенія концентраціи общественных и военных кругов вокруг имени Царя и боязнь возможных эксцессов... Если повѣрить сообщенію «Извѣстій» 22 августа, правительственный синклит развел чрезвычайно «энергичныя мѣры» к раскрытію заговора и раскрыл его «полностью»***). Ведшій дѣло Стааль «каждыя два часа» дѣлал доклад лично Керенскому о «ходѣ слѣдствія, результатах опросов и именах арестованных, число которых все возрастает». Каждую ночь будто бы Стааль дѣлал сообщеніе в засѣданіи правительства. С своей стороны в показаніях будущей слѣдственной комиссіи по дѣлу Корнилова Керенскій

---

*) В газетах называлось и имя Дмитрія Павловича. В воспоминаніях Никитина приведена копія с предписанія 21 авг. главнокомандующему военным петербургским округом, касающагося ареста в. кн. Михаила и подписанное управд. воен. министерством Савинковым (газеты говорили о «личном» распоряженіи Керенскаго). Приказывалось «задержать бывш. вел. кн. Мих. Ал., как лицо, дѣятельность котораго представляется особо угрожающей оборонѣ государства, внутренней безопасности и завоеванной революціей свободѣ, при чем такового надлежит содержать под строжайшим домашним арестом, с приставленіем караула, коему будет объявлена особая инструкція». Кн. Палѣй арест в. кн. относит к 27 и цитирует приказ Савинкова, приводя свои цитаты в кавычках, гдѣ мотивом ареста великих князей выставляется опасность реставраціи в связи с продвиженіем корниловских войск. Она увѣряет, что из 18 офицеров, охранявших Павла Ал., 14 были за «старый режим».

**) Это послужило причиной конфликта между Зарудным и Стаалем (оба принадлежали к партіи нар. соц.) и привело, в концѣ концов, к рѣшенію Зарудnаго выйти из состава правительства.

***) Недовольны были только большевики. Московскій «Соц.-Дем.» 24 августа писал: «Арестовать пару безмозглых кукол из семейки Романовых и оставлять на свободѣ их главную опору в арміи — военную клику из командных верхов во главѣ с Корниловым — это значит обманывать народ, это значит входить в открытую сдѣлку с монархическими заговорщиками». Московскій орган большевиков полагал, что «главный штаб контр-революціи», «духовные вожди заговора» — это «партія народной свободы».

утверждал, что он «держал Врем. Прав. в курсѣ» событій. Как будто бы это мало соотвѣтствовало дѣйствительности, если только подъ коалиціонным правительством не подразумѣвать «тріумвирата» и какія-то особыя частныя совѣщанія «министров-соціалистов», которыя отмѣчали за эти дни газеты. Аресты были произведены в Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, гдѣ якобы происходили какія-то таинственныя совѣщанія лиц с «титулованными фамиліями», и в других городах. Арестовано было, по газетным сообщеніям, около 30 лиц. Свѣдѣнія об арестованных сообщались скупо: проскользнуло имя Пуришкевича, ген. Фролова (быв. командующаго петербургским округом), матери фрейлины Хитрово, арестованной в Елатьмѣ, ея братьев — гвардейских офицеров, ст. дамы Нарышкиной (не обер-гофмейстерины) и др.

Правительство дѣйствовало быстро и было скоро на рѣшенія. Через нѣсколько дней (24 августа), на основаніи іюльскаго закона о высылкѣ заграницу по принципу «в 24 часа», была отправлена своеобразная по своему составу партія «конспираторов». В показаніях по «дѣлу Корнилова» Керенскій говорил: «Взвѣсив всѣ стороны этого заговорщицкаго движенія*), я рѣшил, что внѣсудебные аресты и высылки за-границу выдающихся конспираторов будут самой цѣлесообразной мѣрой «предупрежденія и пресѣченія»... Однако, органы розыска технически были так несовершенны, что мы не смогли своевременно ликвидировать руководящіе центры»... «Странная была наша компанія «контр-революціонеров», не знавших друг друга» — вспоминает Вырубова, оказавшаяся в центрѣ «выдающихся конспираторов». Группа, высылаемая через Финляндію, состояла из слѣдующих лиц: «стараго редактора Глинки Янчевскаго, доктора Бадмаева — пресмѣшного божка в бѣлом балахонѣ с двумя дамами и маленькой дѣвочкой с черными киргизскими глазками, Манусевича-Мануилова и офицера с георгіевской ленточкой в петлицѣ и в нарядном пальто нѣкоего Эльвенгрена». К этим будущим эмигрантам надо присоединить ген. Гурко, высланнаго также заграницу**), но поѣхавшаго через Архангельск (до высылки ему было отведено помѣщеніе в Петропавловской крѣпости). Очевидно, то была лишь первая группа высылаемых. Начавшееся Корниловское выступленіе отвлекло вниманіе в другую сторону. По газетным сообщеніям того времени, намѣ-

*) Перед этим Керенскій сказал: «с несомнѣнностью выяснилось одно — цѣлью переворота не было возстановленіе низвергнутой династіи».

**) Дѣло ген. Гурко разсматривалось почему-то военной контр-развѣдкой —учрежденіем, вѣдавшим шпіонажем. Тогдашній начальник этого учрежденія полк. Никитин утверждает в воспоминаніях, что в этом дѣлѣ по привлеченію ген. Гурко по ст. 126 Уг. ул. находился «только один лист бумаги — письмо генерала Царю 4 марта». Контр-развѣдка, по словам полк. Никитина, «состава преступленія» не нашла. В газетах того времени мотив, по которому дѣло ген. Гурко прекращалось и арестованный подлежал освобожденію, опредѣлялся по-иному: инкриминируемое письмо может свидѣтельствовать о подготовкѣ к совершенію дѣйствія, но это дѣйствіе покрывалось изданным послѣ 4 марта актом об амнистіи. Вина ген. Гурко заключалась в том, что он выражал восхищеніе великодушным поступком отреченія Царя и выражал надежду, что «по истеченіи цѣлаго ряда лѣт грозных испытаній взоры обратятся к наслѣднику».

чались к высылкѣ упомянутые великіе князья, Хвостов, Воейков, Штюрмер*).

Реальная подоплека о «монархическом заговорѣ», поскольку она существовала, пока скрыта от нас. В свое время она держалась в «строжайшем секретѣ». И никакого офиціальнаго объявленія, как о том говорилось, не послѣдовало — может быть, потому, что «дѣло Корнилова» совершенно заслонило «заговор», порожденный мыслею, направленной на «ложный путь». В воспоминаніях Демьянова, замѣнившаго Заруднаго в качествѣ временно управляющаго министерством юстиціи, дѣло изображается в слѣдующем видѣ: «до правительства дошли слухи, что производится какой-то денежный сбор на освобожденіе Николая II, что существовала какая-то переписка по этому поводу, что ѣздила куда-то какая-то дама, которую посвятили в эту тайну, и которая, испугавшись отвѣтственности, эту тайну кому-то разгласила... Керенскій поручил

*) Новыя злоключенія Вырубовой, ею описанныя, являют собой яркую страницу для комментированія цѣлесообразности плохо продуманной правительством мѣры высылки «контр-революціонеров» заграницу в дни войны — в революціонное время, когда в распоряженіи власти не было налаженнаго административнаго аппарата. Вмѣстѣ с тѣм здѣсь нельзя не увидѣть запоздалаго предзнаменованія возможных перепитій, которыя, может быть, пришлось бы пережить царской семьѣ при попыткѣ отправить ее заграницу, наперекор господствующему общественному мнѣнію. Если в Бѣлоостровѣ, гдѣ узнали, что в вагонѣ находятся высылаемые «контр-революціонеры», собравшіеся на платформѣ еще только «свистѣли и кричали», то в Рихимляковѣ толпа уже «в нѣсколько тысяч солдат», держала себя болѣе агрессивно и с «дикими криками» окружила вагон, отцѣпила его от паровоза и требовала выдачи «великих князей и ген. Гурко». Спасли положеніе пріѣхавшіе на автомобилѣ матросы — делегаты гельсингфорсскаго совѣта. Мѣстный совѣт получил от кого-то из Петербурга телеграмму с предписаніем задержать высылаемых. «Царская наперсница» и ея спутники представляли «малую добычу», но их все-таки задержали до выясненія причин высылки. В Гельсингфорсѣ арестованные были помѣщены в трюмѣ бывшей царской яхты «Полярная Звѣзда», гдѣ просидѣли пять суток под угрозой, что с ними будет покончено самосудом. Затѣм послѣдовала Свеаборгская крѣпость. Здѣсь заключенных продержали больше мѣсяца. В данном случаѣ привлекает вниманіе не привычное уже описаніе (вѣроятно, нѣсколько стилизованное), в котором фигурируют «озвѣрѣлые матросы» и добрые геніи в их средѣ, спасающіе арестованных от произвола и насилія... Это были страшные во флотѣ дни реакціи на корниловское выступленіе. Родители Вырубовой напрягли всѣ силы и связи для спасенія дочери. В печатном повѣствованіи дочери и в разсказѣ матери, приведенном в воспоминаніях, проходят имена министра-предсѣдателя, военнаго министра Верховскаго, морского министра адм. Вердеревскаго, финл. ген.-губ. Стаховича, тов. мин. вн. дѣл Салтыкова, предсѣдателя Совѣта Чхеидзе, лидера эс-эров Чернова, кн. Львова, Родзянко и др. Всѣ они или дѣйствуют формально (кто и не отвѣчает), или безсильны помочь в «безвыходном положеніи». Пріѣзжают в Гельсингфорс безрезультатно из Петербурга и представители совѣтскаго центра Каплан, Соколов, Іоффе. Тогда по совѣту доктора Манухина обращаются к большевикам. Восходящая большевицкая звѣзда — Троцкій, в предкорниловскіе дни бывшій в «Крестах», уже предсѣдатель петроградскаго Совѣта. Достаточно было его телеграммы, чтобы «узники Врем. Правительства» были немедленно направлены из Свеаборга в Петербург. Вырубова попадает прямо в Смольный и освобождается Каменевым. Офиціальные органы правосудія во всем этом повѣствованіи отсутствуют. Эта, быть может, вынужденная «летаргія правосудія» — дѣйствительно, знаменіе времени.

разслѣдованіе... А. Ф. Стаалю... Выяснилось, что контр-революціонный сбор дѣйствительно производился, но что дѣло было чисто мошенническое, основанное на эксплуатаціи патріотическихъ чувствъ приверженцевъ стараго режима. Гора родила мышь и настолько маленькую, что прокуроръ Стааль былъ нѣсколько сконфуженъ результатами разслѣдованія; ему казалось, что онъ допустилъ ошибку, приняв съ самаго начала шутовское дѣло за серьезное. Я его утѣшилъ, сказавъ, что даже въ такомъ видѣ дѣло требовало разслѣдованія. Меня это дѣло заинтересовало, не потому, конечно, что оно было связано, хотя бы и внѣшне, съ идеей контр-революціи, а потому, что мнѣ казалось, что за такое дѣло могли взяться только мошенники довольно высокой пробы. Изъ дѣла было видно, что заправилы его находились гдѣ-то близъ Москвы (одинъ изъ нихъ и былъ обнаруженъ), но что въ дѣлѣ замѣшаны были еще какіе-то почтенные чины, имѣвшіе мѣстопребываніе на Минеральныхъ Водахъ. Мнѣ очень хотѣлось всѣхъ лицъ, замѣшанныхъ въ вымогательствѣ, обнаружить. Я стоялъ за то, чтобы дѣло продолжать и послать на югъ опытнаго слѣдователя для разслѣдованія всей сути дѣла. Объ этомъ поговорили, но изъ этого ничего не вышло — обрадовались, что контр-революціонный заговоръ оказался пуфомъ». Надо сдѣлать оговорку: воспоминанія Демьянова не отличаются точностью въ изложеніи фактовъ, поэтому, вѣроятно, необходимы существенные коррективы. Но общее впечатлѣніе въ то время отъ дѣла было именно такимъ, каким оно осталось въ памяти Демьянова*). Въ тѣ дни Стааль въ секретномъ порядкѣ дѣлалъ соотвѣтствующій докладъ въ московскомъ партійномъ комитетѣ нар. соц., къ числу которыхъ онъ принадлежалъ. Докладъ былъ вызванъ необходимостью, какъ бы отчитаться передъ партійными единомышленниками, которые съ великимъ неодобреніемъ относились къ конфликту въ министерствѣ юстиціи между двумя членами одной и той же политической группировки. Впечатлѣніе отъ доклада можно охарактеризовать тогдашней записью, сдѣланной секретаремъ партіи въ дневникѣ: «Стааль изъ ничего создалъ контръ-революціонный заговоръ съ великими князьями».

В эту заговорщическую кашу, болѣе воображаемую или воображеніемъ сильно сгущенную, и попала молоденькая «Рита» Хитрово изъ окруженія «Ани», испытывавшая чувство «обожанія» къ царской семьѣ, во время заключенія въ Царскомъ служившая связью семьи съ внѣшнимъ міромъ. Вѣроятно, что рѣшеніе поѣхать въ Тобольскъ было въ значительной степени результатомъ личнаго порыва. Какъ передаетъ дочь Боткина (по разсказу отца) и «маленькій» Марковъ (со словъ, повидимому, самой Хитрово), она вела себя съ наивной простотой и откровенностью: «Уѣзжая — разсказываетъ Боткина-Мельникъ — она вся закуталась въ пакеты со всевозможной корреспонденціей, а съ пути посылала открытки родственникамъ слѣдующаго содержанія: «Я теперь похудѣла, такъ какъ переложила все въ подушку» или «населеніе относится отлично, все подготовляется

*) 28 августа самъ Стааль заявлялъ московскимъ журналистамъ, что арестованные властями фрейлина Хитрово, ея мать и завѣдующій архивомъ Имп. Двора Кологривовъ являются «жертвами» вольноопредѣляющагося Скакунова, представителя организаціи, созданной для похищенія царской семьи.

с успѣхом». Пріѣхав в Тобольск, она моментально направилась в дом, гдѣ помѣщалась свита, и натолкнулась на гр. Гендрикову, которая провела ее в свою комнату. Затѣм туда прошел мой отец, и они всѣ мирно разговаривали, когда появился Кобылинскій и объявил, что он вынужден арестовать Хитрово. Корреспонденція была отобрана*), у гр. Гендриковой сдѣлан обыск и ее, моего отца и Хитрово допрашивали, при чем послѣдняя, говорят, держала себя очень вызывающе. Комендант ко дню пріѣзда Хитрово имѣл уже детальное телеграфное распоряженіе Керенскаго, адресованное внѣ очереди мѣстному прокурору**). Телеграмма приведена у Дидерихса, и у Соколова (у послѣдняго есть нѣкоторый дефект в текстѣ): «Расшифруйте лично и, если комиссар Макаров или член Думы Вершинин в Тобольскѣ, (в) их присутствіи. Предписываю установить строгій надзор за всѣми пріѣзжающими на пароходѣ в Тобольск, выясняя личность и мѣсто, откуда выѣхали, равно путь, которым пріѣхали, а также остановки. Исключительное вниманіе обратите (на) пріѣзда Марг. Сер. Хитрово, молодой свитской дѣвушки, которую немедленно на пароходѣ арестовать, обыскать, отобрать всѣ письма, паспорт и печатныя произведенія, всѣ вещи, не составляющія личнаго дорожнаго багажа, деньги. Обратите вниманіе на подушки; во-вторых, имѣйте в виду вѣроятный пріѣзд десяти лиц из Петрограда, могущих, впрочем, прибыть и окольным путем. Их тоже арестовать, обыскать указаным порядком. В виду того, что указанныя лица могли уже прибыть в Тобольск, произведите тщательное дознаніе, и в случаѣ их обнаруженія арестовать, обыскать тщательно, выяснить, с кѣм водились. У всѣх, кого видѣли, произвести обыск и всѣх их впредь до распоряженія из Тобольска не выпускать, имѣя бдительный надзор. Хитрово пріѣдет одна, остальные, вѣроятно, вмѣстѣ. Всѣх арестованных немедленно под надежной охраной доставить в Москву прокулату (т. е. прокурору суд. палаты). Если она или кто-либо из них проживал уже в Тобольскѣ, произвести тотчас обыск в домѣ, обитаемом бывшей царской семьей, тщательный обыск, отобрав переписку, возбуждающую малѣйшее подозрѣніе, а также всѣ не привезенныя раньше вещи и всѣ деньги лишнія. Об исполненіи пердписанія по мѣрѣ осуществленія дѣйствій телеграфировать мнѣ и прокурору Москвы, приказанія котораго подлежат исполненію всѣми властями».

Соколов не указывает даты этого документа***), но она выясняется уже по тому, что Вершинин и Макаров выѣхали из Тобольска 14-го и докладывали Временному Правительству 21 августа о выполненіи своей миссіи по отвозу царской семьи. К этому промежутку времени, а не к концу мѣсяца, как говорят мемуаристы,

---

*) Выяснилось, в концѣ концов, что это все письма сестер милосердія, работавших в госпиталях с членами царской семьи.

**) Слѣдовательно, отпадает утвержденіе, что Хитрово была арестована по требованію «солдатскаго комитета» (утвержденіе Булыгина, принимавшаго участіе в разслѣдованіи в Сибири дѣла об убійствѣ царской семьи).

***) Приведя этот изумительный для революціоннаго времени документ, Дитерихс (он правильно относит его к серединѣ мѣсяца) не без основанія вспоминает «полицейскій режим» времен Плеве.

слѣдовательно, относится появленіе Хитрово, пробывшей в Тобольскѣ всего лишь один день. По дневнику Николая II дата может быть установлена совершенно точно. 18 августа он записал: «Утром на улицѣ появилась Рита Хитрово, пріѣхавшая из Петрограда, и побывала у Настеньки Гендриковой. Этого было достаточно, чтобы вечером у нея произвели обыск. Чорт знает что такое». На другой день: «Вслѣдствіе вчерашняго происшествія Настенька лишена права прогулки по улицам в теченіе нѣскольких дней, а бѣдная Рита должна была выѣхать обратно с вечерним пароходом». Это уже неточно: Хитрово была арестована и препровождена в Москву. Может ли быть установлена какая-нибудь связь между пріѣздом Хитрово и появленіем в Тобольскѣ скорѣе всего мифических пятигорцев — мы не знаем. Сам Керенскій в показаніях Соколову, смягчая вещи и умалчивая об арестѣ Хитрово (также и в «La Verité»), заявляет: «Дѣйствительно, по поводу пріѣзда в Тобольск Маргариты Хитрово было произведено по моему требованію телеграфному разслѣдованіе. Вышло это таким образом. Во время Моск. Гос. Совѣщанія были получены свѣдѣнія, что к Царю пытаются проникнуть десять человѣк из Пятигорска. Это освѣщалось, как попытка увезти царскую семью. В силу этого и производилось разслѣдованіе. Однако, эти свѣдѣнія не подтвердились. Ничего серьезнаго тут не было». Дѣло не представляло ничего «серьезнаго» и через мѣсяц было ликвидировано, о чем Стааль телеграфировал тобольскому прокурору 21 сентября. Одновременно было ликвидировано и все разслѣдованіе о монархическом «заговорѣ». Офиціально все дѣло называлось «дѣлом по обвиненію М. Хитрово и др. по ст. 101 Угол. Улож.»*). 13 сентября великіе князья были освобождены из под домашняго ареста. Монархическій заговор был замѣнен заговором корниловским, к чему была подготовлена почва разслѣдованіем прокурора Стааля, который, по словам, напр., «Русской Воли», попутно выяснил «контрреволюціонность нѣкоторых организацій, на которыя могла бы опереться военная диктатура».

Нам пришлось нѣсколько искусственно выдѣлить и поставить обособленно страницу, характеризующую ту «волну заговоров», о которой говорил Керенскій слѣдственной комиссіи Шабловскаго. Тот факт, что правительственное ядро с такой легкостью восприняло в августѣ идею наличности «монархическаго заговора», опредѣляет наилучшим образом его психологическое настроеніе и выясняет довольно точно особые мотивы, побудившіе изолировать царскую семью в Тобольскѣ. Царя увезли в Тобольск; не «гидры ли боятся» — записала Гиппіус в дневник.

*) Мы видим, что отнюдь нельзя сказать, что «весь сыр-бор загорѣлся из-за нѣскольких выраженій в перехваченном письмѣ фрейлины Хитрово (Милюков). Дѣло началось до поѣздки Хитрово.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

В ТОБОЛЬСКѢ

Оцѣнка условій, в которых оказались тобольскіе «плѣнники», будет всецѣло зависѣть от опредѣленія основного положенія, повлекшаго арест отрекшагося Императора. Если временное лишеніе свободы бывшаго монарха со стороны правительства было вызвано, дѣйствительно, только соображеніями личной его безопасности в исключительной обстановкѣ революціоннаго времени, то естественно, что с момента, когда новая исполнительная власть сдѣлалась хозяином в странѣ и смогла вызволить царскую семью из «очага» политической борьбы и направить ее (столь же временно) в «тихое», спокойное мѣсто, гдѣ не бушевали народныя страсти, положеніе заключенных должно было существенно измѣниться к «лучшему». In spe возможно это отчасти предусматривалось.

Как мы видѣли, в телеграммѣ Бьюкенена в Лондон 12 іюля, довольно опредѣленно подчеркивались соотвѣтствующія пожеланія, выраженныя англійским послом министру ин. д., и отвѣтныя завѣренія Терещенко, что «свобода передвиженія будет зависѣть исключительно от общественных настроеній в Тобольскѣ» — в Царском Селѣ подобная свобода была бы «опасна для Императора». Через мѣсяц англійскій посол имѣл бесѣду с одним из правительственных комиссаров, сопровождавших царскую семью в Тобольск. Этот разговор с Макаровым был сообщен послом в Лондон в письмѣ к лорду Стемфоргаму, которое Бьюкенен цитирует в воспоминаніях. Все в этом разсказѣ нѣсколько преувеличено вплоть до такой мелочи, что предусмотрѣнныя остановки для прогулок во время путешествія из Москвы в Тобольск превращены в часовыя... Макаров разсказал, что он постарался улучшить внѣшнюю обстановку в губернаторском домѣ, не вполнѣ удовлетворительную для тѣх, кто «привык жить во дворцах», доставил впослѣдствіи «ковры, фамильные портреты, вина и т. п. из Царскосельскаго Дворца». Это соотвѣтствовало дѣйствительности. «Самым непріятным» было то, — продолжает Бьюкенен — что при домѣ был только «маленькій сад», но как раз напротив находился «большой парк, гдѣ члены императорской семьи получили разрѣшеніе гулять». Это было уже невѣрно. Семьѣ позволено было присутствовать на богослуженіи в церкви (значительно позже), а Государю было даже «разрѣшено охотиться, если он этого пожелает».

Возможность охотиться подразумѣвает уже право довольно свободнаго передвиженія. Как мог Макаров, человѣк добросовѣстный, сдѣлать подобное утвержденіе? Остается предположить, что Макаров, дѣйствительно хорошо относившійся к «плѣнникам» и старавшійся облегчить условія «ссылки», излагал послу возможное в его представленіи будущее, а посол возможное принял за сущее, тѣм болѣе, что по впечатлѣніям Макарова, как разсказывал он своему другу Демьянову, бесѣда носила довольно формальный характер и производила впечатлѣніе, что по существу посол мало интересуется судьбою монарха, который не вызывал в нем симпатіи. Отсюда, может быть, тот розовый оттѣнок, который пріобрѣло донесеніе посла в цѣлях, собственно, успокоенія Лондона, гдѣ, вѣроятно, ощущалось нѣкоторое внутреннее неудовлетвореніе реалистичной политикой Л. Джорджа. «Он говорил, — передавал Бьюкенен слова Макарова — что Тобольск маленькій город приблизительно с 27.000 жителей и расположен на таком разстояніи от желѣзной дороги, что Государь находится в полной безопасности. Земля кругом принадлежит татарским крестьянам-собственникам, которые искренне ненавидят революцію, боясь, что у них отнимут землю в случаѣ ея перераспредѣленія. Многіе крестьяне — говорил он — устраивали паломничество в Тобольск, чтобы посмотрѣть дом, гдѣ живет Государь. Что касается климата, то, по словам Макарова, он хотя иногда бывает и сырым, но в общем здоровый, и зиму там легче перенести, чѣм в Петроградѣ, так как там не бывает таких пронизывающих вѣтров, как у нас здѣсь. Разставаясь с Е. В., он просил Государя немедленно дать ему знать, если у него будет на что жаловаться, но Государь завѣрил его, что он вполнѣ доволен. Оба, Государь и Государыня, дружески простились с ним. Государь не раз говорил с ним о политическом положеніи и о своей готовности умереть за Россію. Макаров прибавил, что он был увѣрен, что Е. В. говорил совершенно искренно».

Дѣйствительность была куда прозаичнѣй! С переѣздом в Тобольск юридическое положеніе «царственных плѣнников» не измѣнилось — осталась та же «позолоченная тюрьма», только золото Царскаго Села смѣнилось сусальной позолотой провинціальнаго захолустья, весьма, впрочем, относительной, поскольку рѣчь идет о пребываніи без права выхода за предѣлы небольшой территоріи губернаторскаго дома, отгороженнаго от улицы высоким забором*). «Прогулки в садикѣ дѣлаются невѣроятно скучными» — записал Царь уже 26 августа: «здѣсь чувство сидѣнія взаперти гораздо сильнѣе, нежели было в Царском». Дѣти часами сидѣли на балконѣ и смотрѣли на тихую уличную жизнь.

Большевицкій автор исторіи «Послѣдних дней Романовых» («активный работник уральскаго областного и екатеринбургскаго совѣта, бывшій в курсѣ всѣх перепитій с перевозом Романовых из

*) Газеты через нѣкоторое время сообщали, что под арестом в «домѣ свободы» (только иронически можно продолжать так называть б. губернаторскій дом) в Тобольскѣ находятся лишь Царь и Царица, а семья под надзором (напр., сообщеніе «Рус. Сл.» 17 авг.).

Тобольска в Екатеринбург, а впослѣдствіи подготовившій и выполненіе над ними наказанія» — так характеризуется автор в предисловіи) изображает дѣло так, что строгая изоляція в Тобольскѣ осуществлена была по требованію солдатской охраны. «В первый день пребыванія семьи в Тобольскѣ — разсказывает он — произошел инцидент, сразу обострившій отношенія между охраной и заключенными. Днем вся семья со «свитой» и с представителями Временнаго Правительства Вершининым и Макаровым, без всякой охраны ушли в дом Корнилова, гдѣ и пробыли довольно долго, осматривая помѣщенія дома *). В связи с этим состоялось собраніе отряда. На нем от Вершинина и Макарова потребовали объясненій — почему они разрѣшили свободныя прогулки бывш. царской семьѣ. Испугавшіеся представители Врем. Прав. оправдывались, ссылаясь на инструкцію, утвержденную правительством об охранѣ бывш. Царя и его семьи. В их объясненіи сущность инструкціи сводилась к охраненію семьи Романовых исключительно лишь в цѣлях их личной безопасности, а не как арестованных. Среди солдат охраны это вызвало сильное недовольство. Вынесено было постановленіе — с инструкціей Врем. Прав. не считаться. Вершинину и Макарову было предложено заключить Николая Романова под строгій надзор охраны, для чего кругом дома и внутри поставить часовых, ночью выставлять добавочные посты и назначить три смѣны патруля для обхода прилегающих к губернаторскому дому улиц. Кромѣ того, рѣшено было немедленно приступить к постановкѣ высокаго забора около дома и огородить мѣсто, куда Николай и его семья могут выходить гулять два раза в день: от 10 до 12 и от 2-х до 4-х. Далѣе постановлено было представить Романовым право раз в недѣлю посѣщать под конвоем церковь под названіем «Покрова Богородицы», расположенную вблизи дома. Требованія, предъявленныя общим собраніем, были приняты представителями Временнаго Правительства».

Откуда заимствовал Быков эти данныя, совершенно не соотвѣтствовавшія реальности? Можно думать, из неизданной рукописи одного из солдат охраны Матвѣева, принадлежавшаго к кадрам 2-го полка и сдѣлавшагося «офицером» послѣ октябрьскаго переворота («Царское Село — Тобольск — Екатеринбург»). Нигдѣ подтвержденія таких требованій со стороны охраны не имѣется. Вѣроятно, в воспріятіи большевика Матвѣева эти требованія появились задним числом — в доказательство революціоннаго сознанія охраны. Какую «инструкцію» получили правительственные комиссары, мы не знаем. Дочь Боткина утверждает со слов отца, что

*) В дневникѣ Николая II записано 6-го: «Как только пароход пристал, начали выгружать наш багаж. Валя (т. е. Долгоруков), комиссар-комедант отправились осматривать дома, назначенные для нас и свиты. По возвращеніи первых узнали, что... перѣзжать... нельзя». И 13-го: «В 10½ я с дѣтьми сошел с комендантом и офицерами на берег и пошел к нашему новому жилищу... Пошли осматривать дом, в кот. помѣщается свита. Многія комнаты... имѣют непривлекательный вид. Затѣм пошли в так называемый садик, скверный огород, осмотрѣли кухню и караульное помѣщеніе. Все имѣет старый заброшенный вид».

дѣло ограничилось «устным постановленіем», что было довольно естественно при спѣшкѣ, которой сопровождался выѣзд из Царскаго. Но какая-то «инструкція» впослѣдствіи была дана. В воспоминаніях Панкратова опредѣленно говорится, что изоляціи должны были подвергнуться всѣ, прибывшіе с царской семьей, — свита и прислуга: «проживаніе на вольной квартирѣ по инструкціи, данной мнѣ Вр. Прав., совершенно воспрещалось. Но хорошо было составлять инструкціи в Петроградѣ, не зная мѣстных условій. С несостоятельностью данной мнѣ инструкціи при первом же знакомствѣ с послѣдними я столкнулся и тотчас же сообщил об этом Керенскому. Часть прислуги пришлось размѣстить на вольных квартирах. Свита тоже была поселена в другом домѣ, против дома губернатора»*). В силу таких бытовых условій и неопредѣленности переходнаго положенія свита и получила нѣкоторую свободу передвиженія — право «прогулок по городу». «Тихо и мирно потекла жизнь» — говорил Кобылинскій в показаніях Соколову, касаясь первых переходных недѣль тобольскаго житья. «Режим был такой же, как и в Царском, пожалуй свободнѣе. Никто не вмѣшивался во внутреннюю жизнь семьи. Ни один солдат не смѣл входить в покои. Всѣ лица свиты и вся прислуга свободно выходили из дома, когда и куда хотѣли... Августѣйшая семья, конечно, в этом правѣ передвиженія была, как и в Царском, ограничена. Она выходила лишь в церковь». Здѣсь память нѣсколько измѣнила свидѣтелю, желавшему подчеркнуть своего рода идилличность переходнаго времени, когда «над охраной и домом» временно власть сосредоточилась в его руках. Как устанавливают воспоминанія Панкратова и дневник Императора, впервые в церковь семья пошла 8 сентября. «Тихой, мирной жизни» способствовала благожелательность к семьѣ Кобылинскаго: «Ко времени переѣзда нашего в Тобольск — показывал он — семья привыкла ко мнѣ и, как мнѣ кажется, не могла имѣть против меня какого-либо неудовольствія. Сужу об этом по тому, что перед нашим отъѣздом из Царскаго Государыня пригласила меня к себѣ и благословила меня иконой». Кобылинскій считал, что «правительство Керенскаго», исключительно желая добра семьѣ, вывезло ее из «очага политической борьбы» и «старалось обставить жизнь ея так, как приличествовало ея положенію». Кобылинскій вспоминал, что Керенскій перед отъѣздом ему сказал: «не забывайте, что это бывшій Императоръ; ни он, ни семья ни в чем не должны испытывать лишеній».

Власть коменданта носила временный характер**) и распространялась только на переходное время между отъѣздом правительственных комиссаров, сопровождавших императорскій поѣзд, и

*) Панкратов воспроизводит инструкцію, им полученную 21 августа, но эта инструкція опредѣляла права комиссара и лишь в п. 2 говорила о какой-то инструкціи, «данной Вр. Пр.». Не была ли это та самая «инструкція», отрывок которой случайно попался слѣдователю Соколову?

**) Насколько неправомочен был комендант в установленіи внутренняго режима для заключенных показывает тот факт, что даже вопрос о посѣщеніи церкви мог быть разрѣшен лишь по пріѣздѣ постояннаго комиссара.

пріѣздом постояннаго комиссара. Болѣе чѣм сомнительны показанія мемуаристов, участников разслѣдованія Соколова, что Кобылинскій, формально начальник «отряда особаго назначенія», получил при отъѣздѣ из Царскаго на руки какую то бумагу за подписью Керенскаго: «слушайте распоряженія полк. Кобылинскаго, как мои собственныя». Из показаній самого Кобылинскаго явствует, что в пути и по прибытіи в Тобольск фактически распоряжались правительственные комиссары, снабженные соотвѣтствующими письменными полномочіями. Отношеніе к Кобылинскому в Петербургѣ было «двоякое» — вспоминал Панкратов: «с одной стороны ему довѣряли и полагались на него, с другой — открыто высказывались сомнѣнія под вліяніем различных, часто ни на чем не основанных навѣтов завистников и мелкотщеславных карьеристов-офицеров». «Комиссаром по охранѣ бышаго Царя и его семьи» надлежало быть лицу, авторитетному для революціоннаго сознанія. Таким лицом с самаго начала был намѣчен шлиссельбуржец Панкратов, которому в началѣ августа, по его собственным словам, было предложено Врем. Прав. занять указанный пост *). Панкратов сначала отказался, не желая разстаться с «культурно-просвѣтительной работой» в петербургском гарнизонѣ, которой придавал большое значеніе, но подчинился «общему мнѣнію», настаивавшему на его поѣздкѣ, так как «больше послать некого». Убѣдила окончательно Панкратова Брешко-Брешковская: «Ты сам много испытал и сумѣешь выполнить задачу с достоинством и благородно. Это обязанность перед всей страной, перед Учр. Собраніем». Любопытен разсказ Панкратова о том, как он был инструктирован правительством перед отъѣздом. «Подробно поговорить» с министром-предсѣдателем ему «не удалось»: «всякій раз, когда я являлся к нему, его буквально каждую минуту отрывали то по дѣлам фронта, то с докладами из разных министерств... Его отрывали и по весьма несложным дѣлам, которыя могли бы рѣшить и сами секретари... Послѣ Московскаго Совѣщанія, когда я дал свое согласіе ѣхать в Тобольск и явился к Керенскому, чтобы получить всѣ необходимыя бумаги и инструкціи, он вдруг задал мнѣ вопрос: Вы еще не уѣхали?.. «Как же мнѣ уѣхать, когда ни бумаг, ни инструкцій мнѣ не выдали» — возразил я. Он удивился, сказав: «Их вам выдадут. Уѣзжайте. Зайдите к секретарю сейчас же. Обо всем остальном получите свѣдѣнія от Макарова и поѣз-

*) Отсюда ясна произвольность заключенія нѣкоторых мемуаристов, приписывавших инцидент с Хитрово смѣнѣ правительственнаго комиссара. Макаров, который якобы был отозван за попустительство, уѣхал, как мы знаем, из Тобольска 14-го, т. е. за четыре дня до появленія злосчастной фрейлины. Ея пріѣзд, вызвавшій стихотворную сатиру Гендриковой по поводу переполоха властей, значительно усложнил положеніе в Тобольскѣ, в котором начались необычайныя для захолустья строгости. К пріѣзжающим стали относиться с такой «подозрительностью», что слишком демократическій правительственный комиссар, не показавшій всѣх своих документов, по прибытіи чуть не попал для «выясненія личности» в милицію и с милиціонером был препровожден в дом Корнилова, гдѣ проживал начальник особаго отряда полк. Кобылинскій.

жайте, пожалуйста, скорѣе поѣзжайте... Торопить-то меня торопили, а о документах забыли»...

Забывчивость, проявленная представителями власти, характерна для психологической позиціи правительства. С того момента, как символ, носящій в себѣ угрозу монархической реставрації, был скрыт в глубинѣ сибирских дебрей, воображаемый призрак смѣнился в сознаніи руководящаго правительственнаго центра реальной опасностью «республиканской реакціи», как не совсѣм точно выразился в своих показаніях комиссіи Шабловскаго Керенскій*). Царская семья вышла из орбиты зрѣнія правительства, и судьба ея была заслонена жгучими интересами текущей политической борьбы. Произошло это настолько прочно, что о «царственных плѣнниках» в Тобольскѣ почти забыли. Согласно инструкціи новый правительственный комиссар два раза в недѣлю посылал министру-предсѣдателю «срочныя донесенія» — и отвѣтов не получал. В теоріи заключенные жили на собственный кошт, но фактически деньги шли через правительство. «Деньги уходили, а пополненій мы не получали» — вспоминал Кобылинскій. Приходилось жить в кредит. В концѣ-концов обратились к займам под векселя Кобылинскаго, Татищева и Долгорукова. Правительство забыло даже солдат, находившихся в охранѣ, и до своего паденія не удосужилось прислать обѣщанныя Керенским перед отъѣздом «суточныя». Конечно, здѣсь не было злого умысла. Спрошенный Соколовым, отвѣтственный глава правительства мог только сказать: «конечно, Врем. Прав. принимало на себя содержаніе самой царской семьи и всѣх, кто раздѣлял с ней заключеніе. О том, что они терпѣли в Тобольскѣ нужду в деньгах, мнѣ никто не докладывал».

Фактически распорядителем обихода царской семьи сдѣлался правительственный комиссар, которому по инструкціи всецѣло подчинен был и начальник отряда особаго назначенія. Самый выбор лиц, призванных наблюдать за заключенными, показывает, что революціонная власть отнюдь не собиралась отягощать заключеніе: «Панкратов был человѣк, умный, развитой, замѣчательно мягкій» — характеризует правительственнаго комиссара Кобылинскій. Воспоминанія самого Панкратова, нашедшаго, по его словам, в лицѣ Кобылинскаго, «лучшаго, благороднаго, добросовѣстнаго сотрудника»**), подтверждают такую характеристику: комиссар довольно благожелательно относился к «царственным плѣнникам» и всегда готов был облегчить их положеніе в предѣлах полученной инструкціи (на него удручающее впечатлѣніе произвело то, что при представленіи ему в первый раз члены семьи выстроились в «стройную шеренгу, руки по швам — так выстраивают

---

*) При несомнѣнном наличіи извѣстных реставраціонных моментов в общественном движеніи августовских дней, контр-революціонныя настроенія широких кругов, готовых поддерживать требованія верховнаго главнокомандующаго, все же в общем были далеки от того, что можно назвать политической реакціей.

**) «Я быстро сблизился с ним и от души полюбил его. Взаимныя наши отношенія с ним установились самыя искреннія».

содержащихся в тюрьмѣ при обходѣ начальства»). «Панкратов сам лично не был способен совершенно причинить сознательно зло кому-либо из семьи, но тѣм не менѣе выходило, что семья страдала» — показывал Кобылинскій. Отчасти это объясняется узкой и прямолинейной демократичностью выбраннаго Панкратовым себѣ в помощники прап. Никольскаго, с которым старый шлиссельбуржец сошелся еще в дни ссылки в Якутской области.

«Никольскій — характеризует его Кобылинскій — грубый бывшій семинарист, лишенный воспитанія человѣк, упрямый, как бык, направь его по одному направленію, он и будет ломиться, не взирая ни на что». Дѣло было, конечно, не в наружной «вульгарности» Никольскаго, отмѣчаемой Боткиной-Мельник («рабочій или бѣдный учитель» — записал Царь свое впечатлѣніе 1 сентября), а, повидимому, в том, что этот партійный с. р. (одно время он был пресѣдателем тобольскаго совѣта), человѣк, вѣроятно, очень идейный («смѣлый и безкорыстный друг» — называет его Панкратов), но не очень умный, с упрямой настойчивостью пытался соблюдать до нѣкоторой степени внѣшнюю форму тюремнаго содержанія для тобольских «плѣнников»*). Здѣсь сказывалось роковое основное противорѣчіе, которое заключалось в двойственном положеніи заключенных: политическая изоляція (ссылка) и охрана семьи от эксцессов революціи. В качествѣ иллюстраціи настойчивости помощника Панкратова Кобылинскій разсказывает, как по его настоянію были сдѣланы спеціальныя фотографическія карточки с подписью и номерами для членов свиты и служебнаго персонала для выходов на волю: «нас бывало заставляли сниматься и в профиль и в лицо» — мотивировал Никольскій свое требованіе. Он же поднял «цѣлую исторію», когда наслѣдник выглянул из своего заключенія через забор. Одна из свидѣтельниц показывала Соколову (вѣроятно, преувеличивая), что Никольскій имѣл терпѣніе и «глупость» (добавляла она) из окна своей комнаты наблюдать за тѣм, «чтобы ребенок не позволял себѣ такой вольности». Может быть, отсутствіе такта и преувеличивало сильно сознательную злонамѣренность Никольскаго**).

*) Если для Жильяра Панкратов — тип «сектанта-фанатика», но человѣк «мягкій», то Никольскій — «настоящее животное»: «ограниченный и упрямый, он ежедневно изощрялся в измышленіи новых оскорбительных притѣсненій». Такую же приблизительно характеристику дал и Гибс в показаніях перед слѣдователем.

**) Соколов на основаніи нѣкоторых показаній иниціативѣ Никольскаго приписывает инцидент, разыгравшійся с тѣм вином (бутылка Рафаэлевскаго вина), о котором, со слов Макарова, особо упомянул в своем донесеніи в Лондон Бьюкенен. Когда вино прибыло в Тобольск, будто бы Никольскій собственноручно разбивал топором ящики и бутылки. Впрочем, здѣсь всѣ повѣствователи разсказывают по-разному. Так, в изображеніи Мельник ящик не раскупоренным был спущен в Иртыш послѣ долгих споров в солдатском комитетѣ отряда особаго назначенія. Совсѣм по-другому разсказал эту «сквернную» исторію, которая чуть-чуть не разыгралась в драму, Панкратов... При перегрузкѣ с жел. дороги на пароход в гор. Тюмени, один ящик разбился и из него запахло вином. Один из пассажиров, солдат тыловик, сразу «унюхал», как он потом разсказывал, и сообщил своим товарищам. По прибытіи в Тобольск они пустили утку, что вино везется для офицеров отряда особаго назначенія... Ко мнѣ явилось нѣсколько солдат

Возможно, прямолинейность Никольскаго оказывала вліяніе на мягкаго Панкратова. В первое свиданіе с Панкратовым Царь поднял вопрос: «почему нас не пускают в церковь, на прогулку по городу? Неужели боятся, что я убѣгу?...» «Я полагаю, что такая попытка только ухудшила бы ваше положеніе и вашей семьи — отвѣтил Панкратов. В церковь водить вас будет возможно. На это у меня имѣется разрѣшеніе, что же касается гулять по городу, пока это вряд ли возможно». «Почему»? — спросил Николай Ал... — «Для этого у меня нѣт полномочія, а впослѣдствіи будет видно. Надо выяснить окружающія условія. Бывшій Царь, вѣроятно, недоумѣвал. Он не понял, что я разумѣю под окружающими условіями. Он понял их в смыслѣ изоляціи — и только». Вопрос о посѣщеніи церкви был разрѣшен очень скоро. 8 сентября Царь записал: «Первый раз побывали в церкви Благовѣщенія. Но удовольствіе было испорчено для меня той дурацкой обстановкой, при которой совершалось наше шествіе туда. Вдоль дорожки городского сада, гдѣ никого не было, стояли стрѣлки, а у самой церкви была большая толпа. Это меня глубоко извело». «Дѣло заключалось в том — поясняет Панкратов, — что я не столько опасался

тыловиков... в сопровожденіи нѣскольких из нашего отряда... «Я распорядился послать офицера со взводом солдат охранять кладь. Унюхавшему тыловику очень это не понравилось. Он начал агитировать тут же против нашего отряда — особенно против офицеров... Толпа растет все болѣе и болѣе, все из пришлых солдат (может быть, даже и не солдат), которых за послѣднее время в Тобольскѣ скоплялось до 2.000. Это все демобилизованные, пробиравшіеся домой. Порой они осаждали губернскій комиссаріат и городскую управу, требуя отправки, подвод и продовольствія... Чтобы быстрѣе добиться их успокоенія, я... послал за городским головой и начальником милиціи; явился и предсѣдатель тобольскаго исполкома, врач Варнаков». Панкратов просил милицію принять на храненіе вино до офиціальнаго выясненія, кому оно назначалось. Начальник милиціи запротестовал: «народ узнает, нас разгромят». За пять недѣль до того в Тобольскѣ был уже «винный погром». Отказалась и городская управа, и Варнаков, предложившій оставить вино на дворѣ дома, гдѣ помѣщалась свита: «у вас свой отряд». Панкратов отказался послѣдовать этому совѣту: «около нашего дома и губернаторскаго будет скопляться горючій матеріал и приманка... скорѣе прикажу уничтожить вино». «Повторил свое предложеніе (передать в больницы) с большей настойчивостью, ибо по собравшейся толпѣ и по растущему недовольству против наших офицеров ясно вижу, что надо дѣйствовать рѣшительнѣе, иначе придется разогнать оружіем... Собравшаяся уже толпа, сѣрая и темная, ждала наступленія вечера... Надо было выбирать между уничтоженіем вина и уничтоженіем людей. Выбор ясен. Был составлен протокол, который я подписал. И все вино в присутствіи начальника милиціи, городского головы и под наблюденіем моего помощника и одного офицера было выброшено в Иртыш. Недовольная толпа растаяла». Обѣ версіи соединил Царь в своей записи 23 сентября: «...послѣ долгаго убѣщеванія (солдат «здѣшней дружины») со стороны комиссара и др. было рѣшено все вино отвезти и вылить в Иртыш. Отход телѣги с ящиками вина, на котором сидѣл пом. комиссара с топором в руках и с цѣлым конвоем вооруженных стрѣлков сзади, мы видѣли из окна перед чаем»... Конечно, по-своему разсказал Быков для совѣтскаго читателя. При перегрузкѣ ящиков в Тобольскѣ солдатами отряда особаго назначенія «один из этих ящиков разбился. В нем оказалось 20 четвертей спирта. Солдаты охраны тогда рѣшили вскрыть и другіе. В одном из них оказался также спирт, а в остальных вино. Это вызвало возбужденіе среди солдат охраны и мѣстных тобольских жителей. Все вино и спирт тут же на пристани было вылито в Иртыш».

попытки побѣга или чего-нибудь в этом родѣ, я старался предотвратить возможность выпадов со стороны отдѣльных тобольцев, которые уже успѣли адресовать на имя А. Ф., Николая II и даже его дочерей самыя нецензурныя анонимныя письма, мною задержанныя. Вся кореспонденція к бывшей царской семьѣ проходила через мои руки. А что, как кому-нибудь из авторов подобных писем придет в голову во время прохода в церковь выкинуть какую-либо штуку? Бросить камнем, выкрикнуть нецензурную похабщину и т. п. Пришлось бы так или иначе реагировать. Лучше заблаговременно устранить возможность подобных исторій. И мы с Кобылинским старались принять всѣ мѣры против такой возможности». «Вот почему, для того, чтобы имѣть возможность водить Николая II с семьей в церковь, необходимы были нѣкоторыя приготовленія. Разстояніе от губернаторскаго дома до Благовѣщенской церкви не превышало 100-120 сажень, причем надо было перейти улицу, затѣм пройти городским садом и снова перейти другую улицу. При проходѣ б. царской семьи в Благовѣщенскую церковь этот путь охранялся двумя цѣпями солдат нашего отряда, разставленными на значительном разстояніи от дорожки, а переход через улицу Свободы охранялся болѣе густыми цѣпями стрѣлков, чтобы из толпы любопытных, которых в первое время собиралось человѣк до 100, кто-либо не выкинул какую-нибудь шутку. Со священником было условлено, чтобы обѣдня для б. царской семьи происходила раньше общей обѣдни для прихожан, т. е. в 8 час. утра, и что во время этой службы в церковь допускались только священник, діакон, церковный сторож и пѣвчіе... В одну из ближайших суббот Николаю Ал. было сообщено, что завтра обѣдня будет совершена в церкви. Плѣнники настолько были довольны этой новостью, что поднялись очень рано и были готовы даже к семи часам... Николай II, дѣти, идя по саду, озирались во всѣ сторны и разговаривали по французски о погодѣ, о садѣ, как будто они никогда его не видѣли. На самом же дѣлѣ этот сад находился как раз против их балкона, откуда они могли его наблюдать каждый день. Но одно дѣло видѣть предмет издали и как бы из-за рѣшетки, а другое — почти на свободѣ... Помню, когда меня перевозили из Петропавловской крѣпости в Шлиссельбуржскую усыпальницу, закованнаго в цѣпи по рукам и ногам, с полубритой головой, окруженнаго гайдуками-жандармами — увидав лѣс, я чуть не потерял сознаніе от радости, что я вижу деревья по бокам дороги... Не было ли аналогичнаго самочувствія у царственных плѣнников, когда проходили по саду? Правда, положеніе их ни чуть не походило на то положеніе, в каком был я, но тѣм не менѣе по выраженію лиц, по движеніям можно было предполагать, что они переживали какое-то особенное состояніе... Одна только А. Ф. сохраняла неподвижность лица. Она величественно сидѣла в креслѣ и молчала. При выходѣ из сада и она встала из кресла. Оставалось перейти улицу, чтобы попасть в церковь. Здѣсь стояла двойная цѣпь солдат, а за этими цѣпями — любопытные тобольцы и тоболячки. Первые молчаливо провожали глазами своих бывших повелителей. Тоболячки же громко оцѣнивали наружность, костюмы, походки».

Никаких осложненій фактически не было, тѣм не менѣе семьѣ позволяли ходить в церковь только в воскресеніе, когда и можно было ожидать скопленіе народа. Напримѣр, 5 октября, в день именин Алексѣя, «не попали к обѣднѣ в церковь из-за упрямства г. Панкратова» (запись Царя). Не показывает ли это, что дѣло заключалось не только в опасеніях, которыя выдвигал Панкратов — вѣдь в тюрьмѣ арестантов полагается водить только в воскресеніе*). Может быть, под вліяніем Никольскаго Панкратов усвоил это положеніе, не будучи, однако, слишком ригоричным и уступая по мягкости своей просьбам семьи.

Из разсказа Панкратова видно, что Царь много раз при личных свиданіях и через приближенных возвращался к вопросу о возможности осмотрѣть город и о прогулках за город. «И каждый раз приходилось отказывать ему в этом» — говорит правительственный комиссар. — «Лично я ничего не имѣл против удовлетворенія просьбы б. Царя посмотрѣть город, но, во-первых, инструкція, данная мнѣ Врем. Прав., а, во-вторых, складывающіяся условія — а это было самое главное препятствіе — всего болѣе отнимали эту возможность». Каковы же были эти «складывающіяся обстоятельства»? Панкратов не раз возвращается к описанію тѣх опасеній, которыя у него возникали в связи с окружающей атмосферой. Разсказывает Панкратов о потокѣ анонимных писем, которых иногда получалось так много, что «цѣлое утро тратилось» на их посмотр, возложенный инструкціей на комиссара. «Никогда в жизни не приходилось мнѣ читать такія отвратительныя порнографическія письма»; («даже в Америкѣ нашлись такіе писатели, и оттуда приходили письма на англійском языкѣ на имя дочерей»). «Было много писем, заклеенных в революціонных красных конвертах с революціонным девизом: «Да здравствует русская революція!» «Всѣ письма приходилось тщательно просматривать и бросать в печку». Так как Панкратов их сжигал, то мы никогда не узнаем о числѣ этих писем. Десятки или сотни? — вѣдь, в этом все дѣло, хотя, сколько бы таких отвратительных анонимных писем не было, они не характеризовали тобольскую обстановку. «Но не мало получалось писем «угрожающаго характера» от тѣх, кто был недоволен «гуманным заключеніем» Царя в губернаторском домѣ». «Ко мнѣ сыпались с разных концов запросы, особенно из дѣйствующей арміи, от Омскаго областкома, с которым... я не имѣл никаких дѣл. Керенскому я телеграфировал еженедѣльно два раза обо всем происходящем и просил принять мѣры против газетнаго вранья. Надо сказать, что ни одна мѣра не достигала цѣли. Пока появится опроверженіе, газетныя выдумки успѣют облетѣть всю Россію и даже весь фронт. От послѣдняго неоднократно приходили по моему адресу даже угрозы — «пришлем дивизію для расправы с комиссаром, с отрядом и самой царской семьей»**). Вооб-

*) В воскресенье 24-го, послѣ исторіи с вином — отмѣтил Царь — не пришлось итти в церковь, «опасаясь чьей-то возбужденности».

**) Мемуарист усматривает даже злостную безцеремонность чиновников почт.-тел. вѣдомства, которые возвращали иногда телеграммы с опроверженіем газетных уток и басен за ненахожденіем адресатов.

ражаю, что получилось бы, если бы я, не ожидая разрѣшенія Врем. Прав., вздумал повести плѣнников гулять за город или по городу. Без уличных скандалов, конечно, не обошлись бы эти прогулки. Дѣло в том, что в это время в мѣстном рабочем клубѣ нѣкоторыми членами его велась опредѣленная политика против меня и против отряда о котором распускали слухи, что он «ненадежен» и пустили даже в обращеніе идею: бывшаго Царя с семьей надо свести на положеніе простых уголовных и переселить в тюрьму. Нѣкоторые из солдат нашего отряда готовы были поддержать эту идею, но задерживало их и оскорбляло то, что отряд называли «ненадежным». Клубисты из всѣх сил старались через «рабочій клуб» враждебно настраивать тобольское населеніе. При такой обстановкѣ нечего было и думать о прогулках «за город».

Насколько опасенія Панкратова соотвѣтствовали реальной обстановкѣ? Мы много раз видѣли примѣры того, как память post factum гиперболически увеличивает переживанія мемуаристов и единечные факты превращает в факты, так сказать, массовые. Не всегда здѣсь сказывается тенденція и происходит это безсознательно. Так ли были многочисленны угрозы с фронта, доходившія до Тобольска и не оставившія слѣдов ни в центральных совѣтских учрежденіях, ни в совѣтской прессѣ. Из слов Панкратова вытекает, что эти угрозы были «анонимными». Посколько дѣло идет об анонимах, важно опредѣлить время, к которому они относятся. Большим недостатком воспоминаній Панкратова, равно как и всѣх воспоминаній и показаній о тобольской жизни царской семьи в період существованія Временнаго Правительства является обобщеніе пережитаго. Этого недостатка не избѣгла и сводная работа позднѣйшей слѣдственной комиссіи. В силу этого иногда очень трудно разграничить то, что было в эпоху Временнаго Правительства, от того, что наступило послѣ октябрьскаго переворота — в новый переходный період, когда большевицкая власть офиціально не распространяла еще своей компетенціи на отдаленное захолустье, но когда тлетворное дыханіе побѣждающаго большевизма подготовлялось исподволь, потому и рѣзкой грани между двумя періодами нѣт. «Что-то грозное надвигалось на Россію послѣ исторіи с ген. Корниловым» — пишет Панкратов: «русская революція вступила в новую фазу». Но корниловское движеніе никакого отклика в Тобольскѣ не могло получить. Опредѣляли реальное положеніе в Тобольскѣ не медленно происходящій внутренній процесс, а тѣ измѣненія в психикѣ или завоеваніе ея торжествующим разнузданным «хамом революціи», которыя на первых порах были мало замѣтны в патріархальной жизни отдаленнаго захолустья. При детальном анализѣ возможно установить, что значительное, по крайней мѣрѣ, большинство фактов, как бы подтверждающих основательность опасеній правительственнаго комиссара, надлежит отнести на тот именно період, когда Временнаго Правительства уже не существовало, когда маленькій уголок Россіи, совершенно оторванный от центра, по инерціи еще жил самостоятельной жизнью, — когда Тобольск существовал, как бы сам по себѣ. Сам Панкратов засвидѣтельствовал, что именно тогда

от военнаго комиссара Омскаго Совѣта получилось приказаніе «перевести б. Царя с семьей в каторжную тюрьму и арестовать губернскаго комиссара». Естественно, что правительственный комиссар «абсолютно» не видѣл «необходимости прибѣгать к такой мѣрѣ».

Было бы ошибочно психологію, создавшуюся в переходное время (Панкратов оставил свой пост 24 января), переносить на тѣ первые мѣсяцы, когда существовала старая революціонная власть, формально опредѣлявшая юридическое положеніе «царственных плѣнников» в Тобольскѣ. Панкратова «крайне тревожило» непониманіе положенія дѣл со сторны Царя и свиты, настаивавших на прогулках. Но удивительным образом он не считал нужным сообщить Царю свои опасенія («сообщать обо всем этом бывшему Царю не приходилось» — говорит он). Почему?*) Заключенные не раздѣляли этих опасеній и дѣлали ответственным за неразрѣшеніе прогулок только Панкратова, тѣм болѣе, что на этой почвѣ создалось непонятное недоразумѣніе. Очевидно еще в началѣ комиссарства Панкратова при очередном разговорѣ о прогулках с доктором Боткиным и трафаретной ссылкѣ Панкратова на опасность прогулок и на то, что ему «и права» на это «не дано», Боткин сказал: «тогда я сам буду ходатайствовать перед Врем. Правительством». «Я не протестую. Хлопочите» — отвѣтил Панкратов. И вот в записи Николая II 29 октября читаем: «на днях Е. Р. Боткин получил от Керенскаго бумагу, из которой мы узнали, что прогулки за городом нам разрѣшены. На вопрос Боткина, когда онѣ могут начаться, Панкратов, наконец, отвѣтил, что теперь о них не может быть рѣчи из-за какой-то непонятной боязни за нашу безопасность. Всѣ были этим отвѣтом до крайности возмущены». Полученіе такой бумаги Боткиным очень невѣроятно, хотя дочь Боткина, прибывшая в Тобольск 14-го и тщетно добивавшаяся разрѣшенія посѣщать семью под благовидным предлогом «общих уроков», это подтверждает, — впрочем, в качествѣ мемуариста она достаточно безотвѣтственна. Невѣроятно, чтобы Панкратов умолчал о таком разрѣшеніи, тѣм болѣе, что при своей природной мягкости, имѣя разрѣшеніе, он, конечно, уступил бы настояніям семьи и преоборол бы и свои больше теоретическія опасенія и противодѣйствіе своего помщника, если таковое было бы и, возможно, оппозицію солдатскаго «комитета». Человѣк, пережившій всю томительную тоску многолѣтняго одиночнаго тюремнаго заключенія и не озлобившійся, как никто другой, мог понимать радость жизни и воспріятіе свободы.

Панкратов сознавал, что он сам отчасти провоцировал Царя на повторныя просьбы о прогулках за город своими разсказами о красотѣ сибирской природы — разсказами, которые с особым вни-

---

*) По словам Панкратова, он разсказал о своих мотивах Боткину для того, чтобы избавиться от «безконечных разговоров», так как Боткин, как врач, настаивал на этих прогулках. Это было уже тогда, когда «толпа неизвѣстных лиц» в солдатских шинелях бродила по Тобольску и с особым удареніем кричала: «кровушку проливали».

маніем слушали дѣти*). «Каждый раз приходилось ему отказывать» — констатирует Панкратов. Такое упорство было бы непонятно, если бы в руках Панкратова было распоряженіе Коренскаго, хотя бы даже в частном письмѣ к Боткину. И особенно был удивлен Панкратов, когда уже послѣ октябрьскаго переворота со стороны узников, не считавшихся с осложнившейся обстановкой, стали поступать повторныя просьбы о «прогулках»: «О, как мало знал Николай о том, что творилось кругом, несмотря на то, что я передавал ему всѣ газеты, из которых было видно, что Временное Правительство уже пало и разсыпалось, что его замѣнили Совѣты» — замѣчает Панкратов. «Меня крайне поражало непониманіе положенія дня со стороны свиты — кн. Долгорукова, Боткина и др. Они не переставали просить о том же в то время, когда прогулки их самих по городу вызывали негодованіе наших солдат...»

Пожалуй, нѣкоторую наивность в данном случаѣ проявил уже мемуарист. Мнѣ думается, что можно установить, как безспорный факт: в період существованія Временнаго Правительства в Тобольскѣ ни у кого из членов царской семьи не являлась мысль о «бѣгствѣ». Никаких реальных планов освобожденія извнѣ в монархических кругах не создавалось. Может быть, была нѣкоторая словесность в этой области — и притом больше заграницей, как о том в до нельзя преувеличенном видѣ, на основаніи довольно случайной информаціи, передавал в серединѣ октября «весьма секретный доклад» о контр-революціонном движеніи заграницей комиссара Врем. Прав. Сватикова. В Швеціи, Англіи, Франціи, Швейцаріи, Италіи различные кружки монархистов и даже тайное общество «Святая Русь» обсуждали план «реставраціи Романовых» — одни высказывались за Дмитрія Павл., другіе за возстановленіе Николая II. Сторонники послѣдняго были в «восторгѣ» от перевода Царя в Тобольск, потому что бѣгство оттуда будет гораздо легче, чѣм из Царскаго Села. В этом отношеніи уже предприняты шаги — сообщал доклад. Тут шли намеки на связь с Германіей и на полученіе оттуда соотвѣтствующих денежных сумм**). Не видно, однако, чтобы этот в потенціи русскій Кобленц, работающій

*) Панкратов разсказывал и о своем заключеніи в Шлиссельбургѣ, о хожденіи по этапам, о жизни в ссылкѣ. Семья прочитала воспоминанія Панкратова «Возвращеніе в жизнь» — о выходѣ из Шлиссельбургской крѣпости послѣ 14-лѣтняго заключенія. Зубной врач Кострицкій, пріѣхавшій в Тобольск для леченія семьи, разсказывал Панкратову, что всѣ были в восторгѣ от воспоминаній, но не вѣрили в возможность такого долгаго заключенія. И хотя Царь в раздраженіи назвал в дневникѣ комиссара «поганцем» и хотя А. Ф. в позднѣйшей перепискѣ называла «наш ужасный комиссар», в дѣйствительности отношенія были иныя. Недаром, прослышав о занятіях Панкратова с солдатами, о лекціях в Народном Домѣ, родители через Кострицкаго щупали почву: не согласен ли он преподавать дѣтям... Панкратов отказался, считая это несовмѣстимым с занимаемым им положеніем. Едва ли это не было послѣ октябрьскаго переворота — Кострицкій прибыл в Тобольск 17 октября.

**) Возможно, что в этих эмигрантских слухах и сплетнях, получаемых от русских и иностранных агентов контр-развѣдки, и в частных разговорах, и была извѣстная доля истины.

на возстановленіе монархіи и имѣвшій, будто бы, два съѣзда в Лозаннѣ, находился в каких-либо налаженных организаціонных отношеніях с единомышленниками в Россіи...

Эти единомышленники были готовы отчасти привѣтствовать удаленіе царской семьи из «огнедышащаго вулкана», каким представлялся Петербург. Никаких шагов для освобожденія заговорщики из Австріи, группировавшіеся вокруг «Tante Yvette», не предпринимали, считая, очевидно, что пока существует Временное Правительство безопасность царской семьи в Тобольскѣ обезпечена и что форсировать освобжденіе, сопряженное с риском, не было надобности. Автор плана нападенія на Царскосельскій дворец под видом анархистов и увоза царской семьи скрывается на 4 ½ мѣсяца в Кременчуг, в деревню той Дэн, которая была главной посредницей в Петербургѣ между заключенными и внѣшним міром. Это не мѣшало работѣ монархических организацій развиваться «нормально» и «весьма успѣшно». Шла «организація боевых монархических сил», производился «учет» вѣрных и надежных людей и т. д. и т. д.*).

Повѣрим всему этому, но отзвуки этой работы (преувеличенные разсказы сам Марков 2-й назвал «баснями») до Тобольска в то время еще не доходили. И поэтому надо думать, что в первоначальных домогательствах «царских плѣнников» прогулок и загородных поѣздок не было никаких задних цѣлей. С момента переворота должен был произойти перелом. У заключенных в «домѣ свободы» постепенно установилась возможность нелегальных сношеній с внѣшним міром. Такими посредниками первоначально были священник Благовѣщенской церкви, исправлявшій службу на дому для заключенных, о. Васильев и квартировавшій у него царскій служащій Кирпичников, который имѣл доступ в бывшій губернаторскій дом. Пользовалась А. Ф. и другими путями для пересылки писем — позже в письмах к Вырубовой А. Ф. упоминала о «маленькой Н.», о «М. Е. Г.» и др., которыя служили ей передатчицами. Со второй половины октября началась переписка с Вырубовой, которая приняла болѣе или менѣе систематическій характер; стали прибывать вещи, продовольственныя посылки и деньги из Петербурга**). Появился спеціальный посланный Вырубовой — Соловьев, женатый на одной из дочерей Распутина и таким образом сдѣлавшійся как бы сибиряком. Главной посредницей стала

---

*) «Маленькій» Марков повѣствует, как он на югѣ организовывал в цѣлях сокрытія конспираціи «клуб темных сил» — безшабашную компанію 12 офицеров, проводившую время за бутылкой вина.

**) А. Ф. сжигала письма Вырубовой и просила также поступать и с ея письмами. «Только обѣщай мнѣ сжечь всѣ мои письма, так как это могло бы тебѣ безконечно повредить, если узнают, что ты с нами в перепискѣ» (10 дек.) — «они не должны догадаться, что мы их обманываем, а то это повредит хорошему коменданту, и они его уберут». Вырубова сохранила нѣкоторыя письма, и теперь мы должны быть ей за то благодарны. Нѣкоторыя письма А. Ф. тщательно конспирировала и писала от имени «грѣшной сестры Феодоры» и «возлюбленной сестрицы Серафимы». Конспираціа была очень наивна и прозрачна, ибо иногда А. Ф. тут же в письмѣ проговаривалась: напр., как «у меня в Ливадіи».

одна из «горничных», которая попала в Тобольск с опозданіем, не была допущена к непосредственному обслуживанію семьи и поселилась на частной квартирѣ — с ней семья сносилась через камердинера А. Ф. — Волкова.

С этого момента возможность выхода с ограниченной территоріи губернаторскаго дома могла получить особое значеніе — облегчить сношенія с пріѣзжавшими из Петербурга «друзьями». Вѣроятно, в тѣх же цѣлях Н. А. и А. Ф. просили Панкратова разрѣшить о. Алексѣю, приходившему в дом заключенія для совершенія богослуженія, преподавать Закон Божій младшим дѣтям. Это было в началѣ декабря («священника для уроков не допускают» — писала А. Ф. 10 декабря). Панкратов отказал: «По существу я сознавал, что просьба самая невинная и нельзя бы не допустить. Но, помня все происходящее кругом, я никак не мог удовлетворить просьбу»*).

В данном случаѣ просьба, возможно, и не была уже так невинна. Повидимому, семья возлагала большія надежды в смыслѣ своего освобожденія на Учредительное Собраніе. Царь неоднократно спрашивал Панкратова: «А скоро ли будет созвано Учредительное Собраніе»? Панкратов отвѣчал «уклончиво», ибо сам «не имѣл точных свѣдѣній». «Да и кто тогда мог отвѣтить на этот вопрос» — добавляет мемуарист. Падали надежды на Учредительное Собраніе — возростали упованія на то, что освобожденіе как-то может притти от подавших о себѣ вѣсть «друзей». Это была мистика, связанная с вѣрой в «будущія хорошія времена», о ко-

*) «Все происходившее кругом» заключалось, надо думать, в безтактном поведеніи о. Алексѣя. Он «своими выходками оказывал медвѣжьи услуги августѣйшей семьѣ», как выразился Кобылинскій. «Первая его выходка» имѣла мѣсто 21 октября в день восшествія на престол Государя: «когда семья вышла из церкви, раздался звон и продолжался до самаго входа ея в дом». (Это могло быть лишь на другой день — в воскресенье 22-го). 25 декабря дьякон провозгласил «многолѣтіе Государю». Панкратов говорит, что это было 6-го декабря, т. е. в день тезоименитства Царя. Он явно ошибается, так как в письмѣ к Вырубовой прямо сказано: «6 был молебен, не позволили итти в церковь (боялись чего-то)». То же отмѣчено в дневникѣ Николая Ал., который поминаніе «с титулом» относит на 25-ое: «узнали с негодованіем, — записывает он 28-го — что нашего добраго о. Алексѣя притягивают к слѣдствію, и что он сидит под домашним арестом. Это случилось потому, что за молебном 25 декабря дьякон помянул нас с титулом, а в церкви было много стрѣлков 2-го полка, как всегда оттуда и загорѣлся сыр-бор, вѣроятно, не без участія Панкратова и присных». Среди солдат начался ропот. Священника солдаты хотѣли арестовать и даже «убить», но еп. Гермоген (в началѣ декабря он был в Москвѣ на Церковном Соборѣ) отправил его временно в Аболанскій монастырь. «Вѣсть о происшедшем моментально облетѣла весь город и, попав в Рабочій Клуб, превратилась здѣсь в величайшее событіе» — добавляет Панкратов. Была организована слѣдственная комиссія, в которой о. Алексѣй признался, что этим способом он хотѣл «скопнуть» Панкратова. Солдаты постановили (это было уже в серединѣ января): «в церковь совсѣм семью не пускать», и Кобылинскому едва удалось выхлопотать, чтобы семья посѣщала церковь хоть в двунадесятые праздники. С рѣшеніем же, чтобы солдаты присутствовали за домашним богослуженіем Кобылинскій был безсилен бороться. «Таким образом, безтактность о. Васильева привела к тому, что солдаты всетаки пробрались в дом, с чѣм до того времени мнѣ удалось благополучно бороться». Резонанс исторіи с «многолѣтіем» 25 декабря мемуаристами не-

торых А. Ф. говорила в письмах к Вырубовой. Читая интимныя письма, иногда почти проникновенныя по своему искреннему чувству, начинаешь почти вѣрить в то, что в годину несчастья и страданій властолюбивая и гордая Царица дѣйствительно «внутренне совсѣм смирилась». Тут не только христіанское смиреніе перед «тяжелой школой страданія» и всепрощеніе, «безконечная вѣра» в благость Провидѣнія. С неподдѣльной любовью, с какой-то экзальтаціей говорит А. Ф. о Россіи. В каждом письмѣ она возвращается: «хотя я стала старая, но чувствую себя матерью страны и страдаю, как за своего ребенка, и люблю мою родину, несмотря на весь ужас теперь и на всѣ согрѣшенія». «О, Боже, спаси Россію! Это крик души и днем и ночью и все в этом для меня — только не этот постыдный ужасный мир» (10 декабря)*) Панкратов разсказывает, что одна из великих княжен задала ему однажды вопрос: «Неужели правда, что Учредительное Собраніе вышлет нас

сомнѣнно преувеличен, как показывает тот факт, что о. Алексѣй из Аболана был возвращен уже 5 января (дневник Шнейдер). Быков в статьѣ, напечатанной в сборникѣ «Рабочая революція на Уралѣ, не то цитирующей документы из дѣла слѣдствія, не то устное свидѣтельство современника, приводит отвѣт, якобы данный на поступившій Гермогену запрос: «так как по данным Священнаго Писанія, государственнаго права, канонов и каноническаго права, а также по данным исторіи, находящіеся внѣ управленій своей страной бывшіе короли, цари, императоры и т. п. не лишаются своего сана, как такового, и соотвѣтственнаго ему титулованія, то поступок о. Алексѣя Васильева не могу считать преступным». Очевидно, отказ правительственнаго комиссара допустить законоучителя во внутреннія комнаты губернаторскаго дома не может быть поставлен в непосредственную связь с инцидентом о многолѣтіи. 10 декабря А. Ф. пишет: «священника для уроков не допускают». Священник Васильев по возвращеніи из Аболана не был допущен к служенію в ц. Благовѣщенія. В дневникѣ Шнейдер 28 января значится: «о. Алексѣю все еще не разрѣшено служить (солдатским комитетом?!) даже в его церкви»). Еще меньше можно повѣрить фантастическому сообщенію, переданному тѣм же Быковым на основаніи «бесѣд с товарищами», что в ноябрѣ в соборѣ раздавались и распространялись листки с призывом «помочь царю-батюшкѣ постоять за вѣру русскую и православную» — это был «пробный шар» отыскать тот общественный слой, на который можно было опереться для созданія около имени Николая II смуты. Вѣроятно, колебанія и осторожность Панкратова при недовѣрчивом отношеніи к лояльности свящ. Василѣева объяснялись фактом, отмѣченным за эти дни (18 декабря) в записях Царя: «утром за прогулкой видѣли двух солдат 1-го полка, пріѣхавших из П. С., чтобы провѣрить правильность слухов, ходящих о нас и о здѣшнем отрядѣ».

*) При сопоставленіи этих выписок из писем А. Ф. с тѣм, что написал о ней Панкратов, выступает с большой ясностью вся несправедливость предвзятых сужденій современников о погибшей Императрицѣ. При глубокой внутренней порядочности и добросовѣстности, старый шлиссельбуржец сохранил в себѣ много «революціонной» наивности и «революціонных» предразсудков. Он разсказывает, как глубоко его возмутила «скупость» семьи, подписавшей в Тобольскѣ на листѣ сбора пожертвованій на фронт «только 300 рублей, имѣя только в Русских банках свыше ста милліонов». «Мнѣ много приходилось наблюдать — пишет мемуарист — во всѣх вопросах А. Ф. имѣла рѣшающій голос... И сумма была назначена А. Ф. И это еще не значит, что она была скупа во всѣх случаях — нѣт. Извѣстны ея пожертвованія на германскій красный крест, уже во время войны» (Sic!). «Да, Аликс была скупа для Россіи. Она могла быть в союзѣ с людьми, которые готовы были жертвовать Россіей»...

Керенскій, претендующій на знаніе психологіи людей, также

всѣх заграницу?» «Мало ли что пишут в газетах» — отвѣтил Панкратов: «Уч. Собраніе еще не созвано, никто не знает, как оно рѣшит этот вопрос». «Лучше пусть нас вышлют еще дальше куданибудь в Сибирь, но не заграницу» — замѣтила княжна...

Вернемся, однако, к начальному періоду пребыванія царской семьи в Тобольскѣ, т. е. к тѣм дням, когда существовала вышедшая из признаннаго страной февральскаго переворота власть, на которой так или иначе лежала отвѣтственность за судьбы отрекшагося Императора. В предѣлах, установленных ея инструкціями, формально должны были дѣйствовать правительственные агенты, опекавшіе царскую семью. Свобода, которая могла быть предоставлена «плѣнниками», зависѣла от сибирских общественных настроеній. Оцѣнка послѣдних неизбѣжно была субъективна. Современники по разному опредѣляют настроенія тобольчан — в зависимости от своих политических взглядов и отчасти от той среды, которая входила в орбиту их наблюденій. Каждый с своей точки зрѣнія будет прав, и поэтому едва ли вполнѣ соотвѣтствует дѣйствительности утвержденіе Керенскаго, что молодые энтузіасты типа фрейлины Хитрово, являвшіеся из Петербурга и Москвы для снасенія заключенных (в первые мѣсяцы этих пріѣзжих вообще не было) в увѣренности встрѣтить в Тобольскѣ монархическія настроенія, будут испытывать глубочайшее разочарованіе, наткнувшись на полный индеферентизм к судьбѣ монархов: еще раз Царь и Царица оказались в полном одиночествѣ.

Рядовая масса встрѣтила пріѣзд невольных гостей с чувством естественнаго любопытства, но без всякой вражды. «Отношеніе коренного населенія города к августѣйшей семьѣ — передает свое первое впечатлѣніе Кобылинскій — было хорошее. Когда мы подъѣзжали к Тобольску, город высыпал к пароходам, стоял и глядѣл на них. Когда семья слѣдовала на жительство в губернаторскій дом, чувствовалось, что населеніе хорошо относится к ней. Оно, видимо, боялось открыто тогда проявлять симпатіи и дѣлало это тайно. Много приносилось разных приношеній для августѣйшей семьи, преимущественно из съѣстного-сладкаго». Жильяр утверждает, что при проходѣ в церковь, куда доступ публикѣ был запрещен, ему «часто случалось видѣть людей, которые крестились или падали на колѣни при проходѣ Их Величеств. Вообще жители Тобольска оставались очень привязаны к царской семьѣ*) и нашим сторожам пришлось много раз не допускать стояніе народа под окнами и не позволять снимать шапки и креститься при проходѣ мимо дома». Татьяна Боткина обобщает эти впечатлѣнія: «громадное большинство населенія относилось... с прежним вѣр-

---

«parfaitement» знал, что А. Ф. никогда не любила Россіи: «Она была неискренна», когда говорила ему при бесѣдах в «позолоченной тюрьмѣ» Царскаго Села о «любви своей к странѣ».

*) Припомним характеристику, данную Макаровым Бьюкенену (в изображеніи, конечно, послѣдняго). А. Ф. в письмѣ к Вырубовой отмѣчала, что во время прохода в церковь «нѣкоторые люди кланяются и нас благословляют, другіе — не смѣют».

ноподданническим чувством». Прибывшій в Тобольск Соловьев сразу наслышался от хозяев постоялаго двора массы «безпристрастных разсказов» о проявленіи преданности царскому дому со стороны мѣстнаго населенія: «обычно массы народа заполняли улицу перед губернаторским домом, и народ привѣтствовал появлявшихся в окнах ея членов. Исключенія были рѣдки. А мѣстные татары, собравшись в один из своих праздничных дней во главѣ с муллой*) перед домом, отслужили под открытым небом молебствіе о здравіи Их Величеств. Был даже случай, когда при прохожденіи Их Величеств в церковь один рабочій крикнул... обидное оскорбленіе, за что его народ чуть не разорвал на части». Эти обывательскіе разсказы, конечно, могут быть умножены. Так «купцы на базарѣ» в один голос подтверждали, что «населеніе в огромном большинствѣ, дѣйствительно, очень сочувственно относится» и что, «если и есть недоброжелатели в средѣ немногочисленных рабочих и прибывающих с фронта солдат, то за их малочисленностью это существеннаго значенія не имѣет». Другой офицер, Раевскій, побывавшій в Тобольскѣ и пріѣхавшій для доклада в московских монархических кругах, тоже увидит в Тобольскѣ «поголовно монархическое настроеніе». Мемуарныя преувеличенія этого «мальчика школьнаго возраста» слишком очевидны. Иное впечатлѣніе вынесет Панкратов: «никакого паломничества со стороны тоболян с колѣнопреклоненіем или без онаго никогда не происходило**). Все, что можно было замѣтить и наблюдать, так это простое любопытство и то в ближайшіе мѣсяцы***) и вздохи сожалѣнія нерѣдко с нелестным упоминаніем «Гришки Распутина». Итог, подведенный правительственным комиссаром, в общем совпадает с оцѣнкой, которую сдѣлал в началѣ января один из пріѣхавших в Тобольск из Москвы в цѣлях организаціи освобожденія царской семьи офицер, уже вышедшій из «школьнаго возраста» — командир 2-го Сумского гусарскаго эскадрона, К. Соколов. Он отмѣтил в воспоминаніях: «настроеніе населенія по отно-

*) О настроеніях «тобольских татар», об их «особенной преданности» А. Ф. имѣла случай говорить еще в 15 г.; она писала 12 іюля мужу, что их надо призвать на военную службу, и что они пойдут с «радостью и гордостью».

**) Панкратов имѣл в виду беззастѣнчиво вздорное сообщеніе, появившееся 8 октября в «Новом Времени» под заголовком «Монархическое движеніе в Тобольскѣ». Газета передавала, что «в Ставкѣ получено сообщеніе, что возлѣ дома Романовых собираются огромныя толпы народа и колѣнопреклоненно служат непрерывные молебны». Отсюда дѣлался вывод о необходимости перевести семью в менѣе населенное мѣсто жительства. Панкратов на это сообщеніе послал 17-го правительству телеграмму: «оградите нас от суворинской провокаціи». «Газетная спекуляція», как выражается Панкратов, усилившаяся в первые дни послѣ октябрьскаго переворота, когда стали писать о «побѣгѣ Царя», отравляла ему существованіе и осложняла положеніе в Тобольскѣ.

***) То, что дѣлается привычным, естественно теряет остроту новизны. Жильяр отмѣчает, что у ранней обѣдни семья бывала «почти одна». В январѣ 18 г. А. Ф. писала Вырубовой: «люди милые здѣсь все больше киргизы. Сижу у окна и киваю им, и они отвѣчают, и другіе тоже, когда солдаты не смотрят».

шенію к Царю скорѣе равнодушное, но во всяком случаѣ не злобное» (отношеніе «восторженное» было у группы «бойскаутов», но их числилось всего навсего 30 человѣк в возрастѣ от 10 до 17 лѣт).

Во всяком случаѣ, не эта обывательская улица, всегда любопытствующая и всегда пассивная, могла, конечно, опредѣлить ход жизни в Тобольскѣ. За нее могло оказывать вліяніе активное меньшинство, группировавшееся около мѣстнаго совѣта. Но в захолустном Тобольскѣ революціонные элементы боевым пылом не обладали — незначительная большевицкая фракція играла вначалѣ совсѣм второстепенную роль, хозяином положенія всецѣло был правительственный комиссар, которому не очень на дѣлѣ приходилось считаться с мнѣніем и попытками вмѣшаться со стороны мѣстнаго исполкома. Характерную сцену воспроизводит Панкратов в воспоминаніях — очевидно, она произошла далеко не в первые дни по прибытіи правительственнаго комиссара, а скорѣе в дни, приближавшіеся к октябрю. «Тобольскій совѣт, под предсѣдательством врача Варнакова — разсказывает Панкратов — попросил меня как-нибудь зайти к нему в совдеп «по очень важному дѣлу». В ближайшій день захожу. — В чем дѣло? — спрашиваю я. Присутствующіе как-то мнутся, точно подыскивают, с чего начать. Послѣ нѣкотораго молчанія первым заговорил Варнаков: «Насколько нам удалось познакомиться с отрядом, он мало сознательный»... «Это значит ненадежный — вмѣшались Писаревская и Киселевич: «из Омска можно выписать надежных людей, рабочих, вполнѣ сознательных». «Омск пришлет настоящих. Ваш отряд...» снова заговорила было Писаревская. Я не дал ей договорить и заявил, что всякая попытка к смѣнѣ отряда кѣм-либо раз навсегда должна быть оставлена. Если же об этом я сообщу отряду, то послѣдствія будут очень непріятны для вас... Я не допущу вмѣшательства, пока я здѣсь. Прошу больше меня не безпокоить подобными разговорами. Я бы желал, чтобы всюду сохранилась такая дисциплина и сознаніе, как в нашем отрядѣ» — закончил я и ушел».

Авторитет правительственнаго комиссара таким образом в значительной степени опирался на организованную силу, которую представлял собой гвардейскій отряд особаго назначенія. «Я должен констатировать — пишет Панкратов — что отряд перваго состава представлял собой воинскую часть, вполнѣ сохранившую дисциплину, и рѣзко выдѣлялся среди солдат мѣстнаго гарнизона своей опрятностью, трезвостью и умѣніем себя держать. В то время, как солдаты мѣстнаго гарнизона частенько встрѣчались пьяненькіе, грязные, невообразимо одѣтые, наши гвардейцы одѣвались чисто, вели себя хорошо и быстро стали покорять сердца мѣстных обывательниц и прислуги. На этой почвѣ возникали ненависть, вражда и ревность солдат мѣстнаго гарнизона к нашим гвардейцам. Если дѣло до столкновеній не доходило, то только потому, что мѣстные солдаты боялись наших гвардейцев». «В первый же день своего пріѣзда» Панкратов обратился к охранѣ с такой рѣчью: «На нас возложено отвѣтственное дѣло перед родиной до созыва Учр. Собранія, которое рѣшит дальнѣйшую судьбу

бывшаго Царя, вести себя с достоинством, не допускать никаких обид и грубостей с бывшей царской семьей. Всякая безтактность с нашей стороны только легла бы позором на нас же. Грубость с безоруженными плѣнниками не достойна нас. Поэтому я призываю всѣх держаться этого правила — сказал я в концѣ своей рѣчи: за всякій свой поступок мы должны будем дать отчет... Нам не дано право быть судьями ввѣреннаго нам бывшаго Царя и его семьи»... «Отряд вполнѣ оцѣнил мое заявленіе — заключает Панкратов — и доказал это тѣм, что за всѣ пять мѣсяцев моего комиссарства ни разу не проявил себя хамом. Поведеніе отряда было почти рыцарским»*).

Перо мемуариста нѣсколько сгущало краски, оттѣняющія однородность настроеній «отряда особаго назначенія» и его «рыцарскаго» поведенія з а в с е в р е м я, пока Панкратов комиссарствовал в Тобольскѣ. Непосредственный начальник отряда Кобылинскій внес существенныя оговорки к этому изложенію в своих показаніях Соколову. «В городѣ Тобольскѣ в то время жил какой-то ссыльный Писаревскій, фанатик, партійный эс-дек, непримиримый врат эс-эрам. Вот этот Писаревскій всѣми правдами и неправдами и повел через солдат борьбу с Панкратовым и Никольским. Писаревскій издавал газету большевицкаго направленія «Рабочую Газету». Видя, что Панкратов пользуется у солдат нѣкоторым вліяніем, он стал приглашать их к себѣ на чашку чая и стал развращать их. В концѣ-концов, очень скоро послѣ прибытія к нам Панкратова с Никольским весь отряд разбился на двѣ партіи: Панкратовская партія и партія Писаревская, или другими словами партія большевиков...**) В нее и пошли солдаты второго полка, наиболѣе бѣдные и наиболѣе развращенные. Лишь небольшую часть составляла третья группа, я бы сказал — нейтральная, состоявшая преимущественно из солдат призыва 1906-7 г. г. Когда солдаты, под вліяніем этой партійной борьбы, стали разлагаться, они начали хулиганничать. Цѣль у них была иногда вовсе не причинить непріятность Августѣйшей семьѣ»***).

---

*) «Большинство солдат отряда произвело на меня отрадное впечатлѣніе своей внутренней дисциплиной — разсказывает комиссар свое первое впечатлѣніе. — За исключеніем немногих наш отряд состоял из настоящих бойцов, пробывших по два года на позиціях под огнем нѣмцев, очень многіе имѣли по два золотых георгіевских креста. Это были настоящіе боевые, а не тыловые гвардейцы».

**) Писаревскій, очевидно, не был большевиком; вѣрнѣе всего, он принадлежал к какому-нибудь оттѣнку меньшевиков-интернаціоналистов, часто занимавших пробольшевицкую позицію. Послѣ октябрьскаго переворота он сдѣлался предсѣдателем совѣта. Между тѣм большевицкіе мемуаристы опредѣленно говорят, что им удалось устроить переворот и свергнуть «меньшевицко-с-р-головку» лишь в мартѣ.

***) Как примѣр, Кобылинскій приводит недовольство на неполученіе «суточных». Чтобы «замазать рты» и предупредить непріятности на этой почвѣ для семьи (стали говорить про Царя: «хоть и арестован, у него мясо в помойку кидают»), Кобылинскому пришлось дѣлать заем у губернскаго комиссара и выплачивать суточныя. Это было уже, как устанавливает царскій дневник, черѣз мѣсяц послѣ переворота, когда солдатскій комитет отправлял в центр делегацію.

Но все это обострилось лишь послѣ переворота, когда предсѣдателем совѣта сдѣлался Писаревскій и когда совѣт начал дѣлать попытки болѣе активно вмѣшаться (иногда еще безуспѣшно) во внутреннюю жизнь губернаторскаго дома. Вот примѣр. «Однажды в праздник вечером является предсѣдатель мѣстнаго совѣта Писаревскій к караульному дежурному офицеру — разсказывает Панкратов — и требует пропустить его к Царю. «По уставу караульной службы я сдѣлать этого не могу» — отвѣчает офицер. — «Я предсѣдатель тобольскаго совѣта. До меня дошел слух, что Николай вчера сбѣжал... Я хочу провѣрить». — «Этот слух ложен. Вы знаете, что сегодня он был в церкви». — «Я должен убѣдиться, вы должны меня пропустить» — настаивал Писаревскій. Офицер отказывается: «Идите к комиссару, а я вас не пущу, кто бы вы ни были». Писаревскій ищет меня и, найдя у полк. Кобылинскаго, повторяет свое заявленіе весьма взволнованно. «Не всякому слуху вѣрьте, говорится в пословицѣ» — отвѣчаю я ему. «Ваша провѣрка излишня. Не могу исполнить вашего любопытства. А вот кстати и солдат здѣсь тот, что был сегодня утром в караулѣ, когда семья и бывшій Царь ходили в церковь». Писаревскій не знал, что отвѣтить». Тѣм дѣло и кончилось. Эта сцена довольно символическая, если сравнить ее с тѣм, что разсказал Панкратов о болѣе ранних попытках совѣта вмѣшаться в вѣдѣніе правительственнаго комиссара.

Октябрьскій переворот положил грань между двумя періодами пребыванія царской семьи в Тобольскѣ. С каждым днем, в силу измѣнившейся политической обстановки, ухудшалось положеніе в Тобольскѣ, хотя прошло еще болѣе трех мѣсяцев прежде, чѣм непосредственно появилась в Тобольскѣ большевицкая власть. Однако, и в это уже смутное время «окружающая обстановка в Тобольскѣ... вполнѣ создавала тихую спокойную жизнь» для заключенных — в представленіи прибывшаго в Тобольск 16 марта, в числѣ других большевиков «уральцев», слесаря Авдѣева, будущаго «коменданта» Ипатьевскаго дома в Екатеринбургѣ. Поскольку опасенія Панкратова относились к этому переходному времени, они, конечно, были болѣе, чѣм основательны. За первый період мемуаристы не зарегистрировали ни одного угрожающаго факта, ни одного эксцесса против «плѣнников» в губернаторском домѣ.

С таким положеніем нельзя не считаться и это наводит на заключеніе, что в тобольской обстановкѣ было возможно и должно (в значительной степени) попытаться осуществить программу, которую излагал Макаров англійскому послу. Если этого не было сдѣлано*), то не служит ли это лишним доказательством того, что перевоз отрекшагося Императора в Тобольск, как и первоначальный его арест, не был вызван только необходимостью оградить его безопасность?

---

*) В дневникѣ Шнейдер под 31 марта сказано, что для тобольских узников введен «царскосельскій режим». То же отмѣчено и в дневникѣ Царя. Это показывает, что первые мѣсяцы пребыванія в Тобольскѣ, несмотря на всѣ ненужныя стѣсненія, царская семья почувствовала облегченіе.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Нужны-ли какіе-либо выводы со стороны обозрѣвателя прошлаго? Их может сдѣлать только сам читатель. Никакая объективная исторія, написанная самым безпристрастным пером лѣтописца, не сможет притти к заключенію, которое всѣх удовлетворило бы и объединило. Я старался лишь по возможности всесторонне очертить обстановку, в которой должно было дѣйствовать Временное Правительство, и устранить тѣ наслоенія, которыя проявились в объясненіях, данных членами былого революціоннаго правительства, естественно, желавшими снять с себя отвѣтственность за екатеринбургское злодѣяніе.

Можно признать ошибочными пути революціи, которые опредѣлялись не только стихійным ходом событій, но и волею людей, — и с этой точки зрѣнія говорить об отвѣтственности тѣх, кому было суждено управлять страной в бурные дни революціонных пертурбацій. Однако, эта моральная отвѣтственность всегда будет ограничена зависимостью дѣйствовавших лиц от общественной психологіи того времени. Когда современники возлагают всю тяжесть отвѣтственности только на Временное Правительство, они искусственно отыскивают для себя оправдывающее их alibi. Каждый по разному виноват в печальных итогах февральской революціи, происходившей под знаменем освобожденія Россіи от политическаго и соціальнаго гнета дореволюціоннаго режима. Свѣточ свободы угас, когда к власти пришли мнившіе себя «послѣдовательными революціонерами». Современники — разных общественных классов, положеній и политических взглядов — виновны в том, что в октябрѣ 17-го года в жизни побѣдило большевицкое насиліе. Октябрьскій переворот с грубым цинизмом разрѣшил всѣ вопросы, стоявшіе перед Временным Правительством.

Бойня, учиненная в Ипатьевском подвалѣ, в культурный XX-ый вѣк, должна остаться навсегда в сознаніи поколѣній, как memento mori человѣческой низости. Никакой логической связи между арестом Царя, высылкой его в Тобольск, как ни относиться отрицательно к этим фактам, и екатеринбургской трагедіей установить нельзя. В Могилевѣ ли 7 марта в дѣйствительности был завязан тот узел, который с такой чудовищной разнузданностью большевики разрубили в Екатеринбургѣ? Исторія, не обладающая предвидѣніем в сферѣ того, чего не было, но что могло быть, не в состояніи доказать, что царской семьѣ удалось бы при складывающихся обстоятельствах благополучно выѣхать заграницу; тѣм болѣе невозможно доказать, что пребываніе отрекшагося Импе-

ратора в Крыму могло гарантировать ему безопасность. Аргумент, который обычно выставляют (прибѣг к нему и слѣдователь Соколов), не представляется убѣдительным; указывают на тот факт, что члены императорской фамиліи, попавшіе в Крым, сохранили жизнь. Но, во-первых, это одна из тѣх непредвидѣнных исторических случайностей, которая нерѣдко опредѣляет собой ход событій; во-вторых, мы не знаем, как могло бы повернуться дѣло, если бы во главѣ укрывшихся в Крыму находился отрекшійся Император. Был момент, когда екатеринбургскія угрозы недвусмысленно нависли в атмосферѣ крымских эксцессов — одно из первых кровавых проявленій на территоріи страны большевицкой демагогіи: «Какіе ужасы в Ялтѣ и Масандрѣ; Боже, куда, куда. Гдѣ спасеніе офицерам и всѣм?» — писала Александра Федоровна Вырубовой 5 февраля...

Узел екатеринбургской трагедіи был завязан в Петербургѣ лишь 25 октября. Временное Правительство ушло в небытіе. Оставались на исторической сценѣ потаенныя монархическія организаціи, озабоченныя спасеніем царской семьи. Наступило время им дѣйствовать и рисковать: над царской семьей нависла уже угроза, не проблематическая, а вполнѣ реальная, в особенности с момента разгона Учредительнаго Собранія, когда изсякла послѣдняя слабая надежда, что Россія выбьется из октябрьской катастрофы и пойдет по какому то иному пути. Здѣсь в сущности изложеніе наше должно быть прервано. Мы вступаем в новую фазу, слишком отличную и по своей идеологіи и по своему внутреннему содержанію от наслѣдія февральско-мартовских дней, являвшихся основным предметом нашего изложенія. Хотя с момента Екатеринбургской драмы прошло уже четверть вѣка, мы не имѣем возможности подвести итоги всѣх сопутствующих обстоятельств за отсутствіем опубликованных исторических данных. Многое еще покрыто пеленой тумана и неясно. Прервать изложеніе — значит лишить книгу естественнаго конца. Я должен дать нѣкоторое послѣсловіе, заранѣе примирившись с неполнотой фактов и с необходимостью, критикуя выводы и заключенія других, высказывать иногда лишь свои предположенія. Они все-же будут осторожны, и центром нашего вниманія будет анализ существующих данных.

ЧАСТЬ II

ТРАГИЧЕСКІЙ КОНЕЦ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«ПОКИНУТАЯ СЕМЬЯ»

1. В первые мѣсяцы большевицкой власти.

«Тріумфальное шествіе революціи» — выраженіе принадлежит Ленину — замедлилось, докатившись до Урала, и как бы потерялось в Сибирской тайгѣ. Совѣтская власть лишь относительно упрочивалась по узенькой цѣпочкѣ городов, расположенных на желѣзнодорожных линіях (тут еще в дни Временнаго Правительства был свой «сибирскій Кронштадт» — Красноярск, Енисейской губ.), но совершенно не проникала в деревню: сибирское крестьянство оказалось еще не затронутым «революціей», как должны были пессимистически признать мѣстные коммунистическіе вожди на своих послѣдующих партійных конференціях. В концѣ-концов, новая власть утвердилась в Сибири лишь к тому моменту, когда одновременно с захватом ею правительственных функцій началось и ея изживаніе.

Таким образом, новый государственный аппарат в Сибири имѣл еще меньше спайки с окраинами, чѣм то было в Европейской Россіи. Естественно, что при таких условіях затерянный в глуши, отстоящій на 260 верст от желѣзнодорожнаго сообщенія, Тобольск продолжал жить все это переходное время, которое затянулось на 4½ мѣсяца, своей обособленной от центра жизнью. Казалось, что в центрѣ забыли о заключенных в б. губернаторском домѣ, в домѣ «свободы». Может быть, и вспоминали, но фактически отдаленный Тобольск находился внѣ досягаемости новаго правительства. В центр приходили измышленныя и провокаціонныя извѣстія о побѣгѣ бывшаго монарха, о начавшемся в Сибири монархическом движеніи и пр. — извѣстія, которыя, как мы знаем, особыми телеграммами опровергал тобольскій правительственный комиссар Панкратов*).

По тогдашним газетным сообщеніям в Смольном пытались реагировать на доходившія свѣдѣнія. Так военно-революціонный комитет снарядил даже особую экспедицію в Тобольск, численностью в «500 матросов», для захвата ядра монархическаго заговора («День», 2 дек.). Вѣроятнѣе всего это просто был «ка-

*) 13 декабря в петербургских газетах можно было прочитать аналогичное заявленіе и от отряда особаго назначенія, подписанное шт.-кап. Аксютой.

рательный» отряд в смѣшанном составѣ матросов и латышей под началом коммиссара нѣкоего Закспуса, направленный на помощь мѣстным сибирским силам. Мы знаем, что указанный отряд наводил порядок на Сѣверном Уралѣ — носился «взад и вперед» по линіям жел. дорог и докатился до Тюмени. (Здѣсь им был, между прочим, арестован оказавшійся в городѣ бывшій премьер перваго революціоннаго правительства кн. Львов). В Тюмени отряд распался и до Тобольска не дошел. Это было уже в концѣ февраля, когда и на Тобольск стали распространяться щупальцы большевицкой власти из Омска и Екатеринбурга.

Еще раньше, 24 января, комиссар Вр. Пр. Панкратов должен был оставить свой пост. С устраненіем стараго правительства он попал в нелѣпое положеніе, что остро ощущалось в Отрядѣ особаго назначенія. Послѣ октябрьскаго переворота значительно большую роль стал играть солдатскій комитет, отражавшій в себѣ настроенія отряда, в котором шла большевицкая агитація... Разложенія в отрядѣ усиливались по мѣрѣ исчезновенія фантома Временнаго Правительства и внѣдренія в жизнь реальной большевицкой власти. Исчез и призрак Учред. Собранія — теоретическаго «хозяина русской земли». Ко дню открытія Учред. Собранія Панкратовым была послана в Петербург делегація, в которую вошли представители от каждой роты. Делегація должна была выяснить положеніе дѣл и связаться со своими батальонами в Царском Селѣ, но, очевидно, эта делегація вовсе не была избрана спеціально для доклада центральной власти и для полученія от нея директив, как изображает совѣтскій изслѣдователь. Соотвѣтствующую инструкцію, по словам Быкова, она все же получила. В дѣйствительности делегація вернулась в Тобольск в полной растерянности. «Говорили — вспоминает Панкратов — что с делегатами Совѣт народных коммиссаров собирался отправить мнѣ замѣстителя, но, не желая вмѣшиваться в дѣла Омскаго совѣта, он предоставил этот вопрос Омскому облкому, приказав перемѣнить весь командный состав и комитет нашего отряда посредством выборов». «Раздор» в отрядѣ, по словам Панкратова, принял «невѣроятный» характер. Этот разнобой и побудил его уйти. 24 января Панкратов подал в комитет отряда слѣдующее заявленія: «В виду того, что за послѣднее время в отрядѣ особаго назначенія наблюдаются между ротами тренія, вызываемое моим присутствіем в отрядѣ, как коммиссара, назначеннаго еще в августѣ 17 т. Врем. Пр., и не желая углублять эти тренія, я, в интересах дѣла общегосударственной важности, слагаю с себя полномочія и прошу выдать мнѣ письменное подтвержденіе основательности моей мотивировки. Хотѣлось бы вѣрить, что с моим уходом дальнѣйшее обостреніе между ротами отряда прекратится и отряд выполнит свой долг перед родиной». «Мотивы» Панкратова комитет признал правильными, и Панкратов ушел.

Власть или вѣрнѣе уже посредничество вновь сосредоточилось в руках Кобылинскаго. Конечно, и этот почувствовал вскорѣ «полное свое безсиліе» (все же относительное) перед «потерявшей всякій стыд ватагой», как он называет в показаніях свой разлага-

ющійся отряд. «Это была не жизнь, а сущій ад» — говорит Кобылинскій: «нервы были натянуты до послѣдней крайности». Кобылинскій пришел к Николаю II и сказал «В. В., власть выскальзывает из моих рук. Я не могу больше быть вам полезным. Если Вы мнѣ разрѣшите, я хочу уйти... Я больше не могу». «Государь обнял меня за спину одной рукой», разсказывал свидѣтель. «На глазах у него набернулись слезы... — «Ев. Серг. от себя, от жены и от дѣтей я Вас очень прошу остаться. Вы видите, что мы всѣ терпим. Надо и Вам потерпѣть». Потом он обнял меня, и мы расцѣловались. Я остался и рѣшил терпѣть».

Дневник и письма заключенных (Царя, Царицы, Жильяра, Шнейдер) отчетливо рисуют в точных хронологических данных (этой точности нѣт ни у Соколова, ни у мемуаристов, ни у послѣдующих свидѣтелей), как постепенно измѣнялась и осложнялась, по выраженію Жильяра, «мирная семейная обстановка», в которой первое время послѣ большевицкаго переворота продолжала жить царская семья, затерянная в «безпредѣльной далекой Сибири», в «таком отрѣзанном уголкѣ», каким был, по отзыву в. кн. Ольги в письмѣ 5 декабря, Тобольск. «Нам здѣсь хорошо — очень тихо» — писал Царь Вырубовой 1 декабря; это спокойствіе отмѣчала и А. Ф., сравнивая с условіями жизни в других мѣстах (напр., в Крыму). О том же писала 5 декабря и дочь Татьяна в Одессу Толстой: «У нас тут все по старому. Пока, слава Богу, все тихо и мирно. Дай Бог, чтобы так и продолжалось. Жалѣю всѣх несчастных жителей Петрограда. Ужасно должно быть там теперь. Надѣюсь, что у вас в городѣ тоже мирно и тихо, — хотя, к сожалѣнію, трудно этого ожидать, в особенности теперь».

Первым серьезным испытаніем был тот церковный эпизод, который был уже разсказан и в котором вліяніе солдатскаго комитета было в значительной степени рѣшающим. Семья была лишена, как было упомянуто, возможности в праздники посѣщать церковь в теченіе двух мѣсяцев. Однако, 7 марта Кобылинскому все-же удалось убѣдить комитет отмѣнить свое рѣшеніе*).

Стѣсненія в отношеніи заключенных стояли в прямой связи с измѣненіем состава солдатскаго комитета, так как «лучшіе» старѣйшіе вслѣдствіе происходившей демобилизаціи стали покидать Тобольск, и вмѣсто них приходили небольшія пополненія из Царскаго, состоявшіе из элементов болѣе распропагандированных. Давая оцѣнку солдатам отряда особаго назначенія, А. Ф. писала (10 дек.) Вырубовой: «нѣкоторые солдаты хороши, другіе ужасны». Число «ужасных» должно было увеличиваться, и стали возможны инциденты, об одном из которых упоминает Кобылинскій, когда во время караула из второго полка солдаты вырѣзали штыками на качелях «совершенно непозволительную похабщину». Хулиганская выходка была сдѣлана, как раз, тѣми элементами, из которых вербовал своих сторонников большевизанствующій пред-

*) Постановлено было, чтобы за домашним богослуженіем присутствовали представители солдат. Таким образом комитет «пробрался в дом», с чѣм Кобылинскій успѣшно ранѣе боролся.

сѣдатель Совѣта Писаревскій, ведущій борьбу с вліяніем Панкратова и Кобылинскаго. Число мелких инцидентов, «придирок», как говорит Кобылинскій, увеличивалось. Еще в послѣдних числах декабря на объединенном собраніи гарнизона было вынесено постановленіе о снятіи офицерских погон. Рѣшеніе в отрядѣ, по словам Жильяра, прошло 100 голосами против 80, а Николай II, со слов солдат, записал в дневник 3 января, что рѣшеніе приняго для того, чтобы «не подвергаться оскорбленію и нападенію в городѣ. Разговоривал со стрѣлками 1 взвода 4 полка о снятіи погон и поведеніи стрѣлков 2-го полка, которое они жестоко осуждают». Царь остался в погонах. «Пришел как-то ко мнѣ солдат четвертаго полка — повѣствует Кобылинскій — и сказал мнѣ, что у них было собраніе отряднаго комитета и рѣшили они в комитетѣ, чтобы и Государь снял погоны; что для этого его и послали, чтобы вмѣстѣ со мной пойти и снять их с Государя. Я стал отговаривать Дорофѣева от этого. Вел он себя в высшей степени вызывающе, по хулигански грубо называл Государя «Николашкой». Я говорил ему, что нехорошо выйдет, если Государь не подчинится их рѣшенію. Солдат отвѣтил мнѣ: «не подчинится, тогда я сам с него сорву их». — «А если он тебѣ по физіономіи за это даст?» — «Тогда и я ему дам». Что было дѣлать? Стал я говорить ему, что все это не так просто, что Государь наш — двоюродный брат англійскому королю, что из-за этого могут выйти большія недоразумѣнія, и я посовѣтовал им, солдатам, запросить по этому поводу Москву. Этим я их кое-как убѣдил, и они от меня ушли. Телеграмму они дали. Я же отправился к Татищеву и через него просил Государя не показываться солдатам в погонах. Тогда Государь стал сверху надѣвать романовскій черный полушубок, на котором у него не было погон». Инцидент послѣдствій не имѣл, так как Николай II продолжал носить погоны, как видно из его дневника. Отвѣт из Москвы пришел не скоро. Лишь 8 апрѣля Царь записал: «Кобылинскій показал мнѣ телеграмму из Москвы, в которой подтверждается постановленіе отряднаго комитета о снятіи мною и Алексѣем погон. Потому рѣшил на прогулку их не надѣвать, а носить только дома». Постановленіе это остро затронуло Николая: «Этого свинства я им не забуду»... Разсказывал Кобылинскій, что однажды, когда Царь надѣл черкесску, на которой у него был кинжал, солдаты подняли цѣлую исторію — у них есть оружіе, и требовали произвести обыск. Кобылинскій, объяснив происшедшее, просил Царя отдать ему кинжал, а равно Долгорукова и Жильяра передать свои шашки, которыя и были повѣшены в канцеляріи на видном мѣстѣ*). Это было 2 апрѣля... «Не знали, к чему придраться» — продолжает Кобылинскій. «Рѣшили запретить свитѣ гулять. Стал я доказывать всю нелѣпость этого. Тогда рѣшили: пусть гуляют, но чтобы провожал солдат»... И тут же свидѣтель добавлял: «надоѣло им это и постановили: каждый может гулять в недѣлю два раза не болѣе двух часов без солдат»... Такое по-

*) Дневник царскій отмѣчает обыск коменданта «с помощью офицера и двух стрѣлков».

становленіе было очень нелѣпо, но надо имѣть в виду, что рѣшеніе о сопровожденіи гуляющих охраной было принято еще задолго до того, как Панкратов покинул свой пост. По крайней мѣрѣ Ал. Фед. в письмѣ Вырубовой 10 дек. упоминает: «свита должна выходить в сопровожденіи солдат и, конечно, не выходит». Рѣшеніе же выходить без караула два раза в недѣлю относится к 3 марта, как вытекает из дневника Шнейдер.

Мы видим, что повѣствованіе историка должно вводить извѣстныя ограниченія в обобщающую характеристику, которая была дана свидѣтелями слѣдователю. «Придирки» шли от меньшинства, солдатская «ватага» не была однородна и в своем большинствѣ легко шла на уступки, не превращая жизнь заключенных в губернаторском домѣ в «сущій ад». Иначе не могла бы А. Ф. 13 марта писать Вырубовой: «ежедневно славлю Творца, что нас оставили здѣсь и не отослали дальше». Со значительной частью стражи у заключенных установились добрыя отношенія, исключавшія хулиганскія выходки и излишнюю придирчвость. В дневникѣ Николая II не раз отмѣчаются бесѣды с караулом, особенно полюбился заключенным первый взвод 4-го полка: «наш взвод» — называет его Царь*). «Утром долго сидѣли в караулѣ и отводили с ними души» — записано в дневникѣ 6 января. 17 января: «Алексѣй зашел к ним вечером поиграть в шашки». В этот день Жильяр со своей стороны добавляет: «Государь и дѣти провели нѣсколько часов с солдатами в караульном помѣщеніи». То же им отмѣчено 2 февраля. Няня дѣтей Теглева показывала, что и княжны ходили с Государем в караульное помѣщеніе, когда дежурили «хорошіе» солдаты: Царь «разговаривал с ними и играл в шашки». «Лучшіе», «знакомые», стрѣлки постепенно, однако, увольнялись из отряда. Дневник 30 января гласит: «во время утренней прогулки прощались с уходящими на родину». По свидѣтельству Кобылинскаго и Жильяра, уходившіе «тихонько» проникали в кабинет Царя для прощанья и «цѣловались» с ним. На почвѣ этих прощаній произошел инцидент. 19 февраля семья поднялась на сооруженную для дѣтей в саду ледяную гору, чтобы присутствовать при отъѣздѣ стрѣлков. «Дурацкій комитет» постановил разрушить гору. Пришли ночью, как «злоумышленники», и кирками разрыли искусственную ледяную гору. «Руководились, конечно, одним чувством злобы», хотя и мотивировали свой поступок опасеніем, что «кто-нибудь из посторонних может подстрѣлить их, а они (солдаты) будут отвѣчать».

Убыль в отрядѣ была столь значительна, что в февралѣ он растаял больше, чѣм на половину — из 350, числившихся в отрядѣ, оставалось всего 150 человѣк. Царь, по словам Жильяра, был сильно озабочен, так как перемѣны, которыя должны были послѣдовать за уходом «старых, самых лучших» стрѣлков, могли имѣть очень непріятныя послѣдствія, и тѣм не менѣе общій дух отряда оставался таким, что наличность его (для Тобольска это была в то время значительная военная сила) служила лучшей ох-

**) В дневникѣ отмѣчаются и стрѣлки 1-го полка.

раной для заключенных от каких-либо эксцессов со стороны большевизанствующаго мѣстнаго Совѣта. Недаром будущій комендант Ипатьевскаго дома Авдѣев, прибывшій в мартѣ в Тобольск, находил, что отряд состоял из «самых черносотенных элементов»...

С уходом Панкратова в центр была послана телеграмма о присылкѣ новаго правительственнаго комиссара. Офиціально центр никак не реагировал на это обращеніе. Только от комиссара над б. министерством Двора л. с. р. Карелина была получена 13 февраля телеграмма о том, что вносится измѣненіе в содержаніе заключенных: совѣтская власть будет давать им «солдатскій паек, квартиру, отопленіе и освѣщеніе», а все остальное должно оплачиваться за счет заключенных, при чем пользованіе собственными капиталами ограничивается полученіем каждым членом семьи 600 рублей в мѣсяц уже совѣтскими деньгами*). «Приходится нам значительно сократить наши расходы на продовольствіе и на прислугу» — откликается дневник 14 февраля. «Комиссія» из Татищева, Долгорукова и Жильяра, обсудив возможный бюджет, уволила 10 служащих и сократила расходы на продовольствіе. Жильяр записывает: «граждане, освѣдомленные о нашем положеніи, доставляют нам различными способами яйца, сласти и печенье». Сам Царь отмѣчает 28 февраля: «в послѣдніе дни мы начали получать масло, кофе, печенье к чаю и варенье от разных добрых людей, узнавших о сокращеніи у нас расходов по продовольствію. Как трогательно!» Фактически семья в Тобольскѣ не испытывала нужды. Жильяр сохранил нам меню «послѣдняго обѣда» в Тобольскѣ 12 апрѣля, т. е. тогда уже, когда в Тобольскѣ установился совѣтскій режим, катастрофически приводившій повсюду к продовольственному кризису: на завтрак были поданы телячьи рубленыя котлеты, на обѣд — «окорочек свиной»...

Послѣдней «придиркой» со стороны солдатскаго комитета было то, что «без всякаго видимаго повода солдаты выселили свиту и прислугу, жившую в отдѣльном домѣ купца Корнилова, и поселили всѣх с царской семьей, стѣснив ея удобства». «Без всякаго видимаго повода» — это заключеніе слѣдователя Соколова. В дѣйствительности уплотненіе губернаторскаго дома произошло лишь 1 апрѣля, когда в Тобольскѣ установилась совѣтская власть, и произведено это было в сущности по прямому распоряженію из центра — считать Татищева, Долгорукова, Гендрикову и Шнейдер также арестованными (Буксгевден не была перечислена, ибо, как пріѣхавшая позже в Тобольск, не была в свое время допущена в число «свиты»). Бумагу об арестѣ привез 29 марта солдат Лупин (его Кобылинскій называет «большевиком»), отправленный в Москву для выясненія вопроса о суточных деньгах — вопроса, как мы знаем, волновавшаго солдат и в дни Врем. Праительства. Лупин привез извѣстіе о пріѣздѣ в скором времени новаго комиссара с чрезвычайными полномочіями — с ним должен был прибыть и отряд новой охраны. Переведены были в губернаторскій дом в

*) В совѣтской исторіографіи это называется свободным распоряженіем в Тобольскѣ тѣми милліонами, которые имѣлись у Романовых (Быков).

качествѣ арестованных всѣ лица свиты, за исключеніем докторов Боткина и Деревенки*). Царь правильно оттѣнил характер принятой мѣры в дневникѣ от 1 апрѣля: «сегодня отрядным комитетом было постановлено во исполненіе той бумаги из Москвы, чтобы люди, живущіе в нашем домѣ, тоже больше не выходили на улицу, т. е. в город... Все это дѣлается так спѣшно в виду скораго прибытія новаго отряда с комиссаром, который везет с собой инструкціи. Поэтому наши стрѣлки, в огражденіе себя от возможных нареканій, желают, чтобы тѣ застали у нас строгій режим!» Должен признать этот мотив основным и Кобылинскій: «в солдатах, как я думаю, говорили тогда чувства страха перед этим будущим новым комиссаром».

2. Большевики в Тобольскѣ.

Комиссар из центра мог появиться лишь тогда, когда власть в Тобольскѣ была фактически захвачена большевиками. Это произошло во вторую половину марта. Из повѣствованій совѣтских историков и мемуаристов того времени видно, с какой опаской новой власти приходилось проникать в глухой угол Сибири, гдѣ была запрятана царская семья. В февралѣ областной съѣзд совѣтов Урала признал Екатеринбург своим центром. Здѣсь и обратили вниманіе на «безпризорность» бывшаго монарха в связи, как утверждают эти мемуаристы, с «вполнѣ достовѣрными» сообщеніями о проектѣ монархистов вырвать Царя из рук большевиков и увезти его заграницу. Екатеринбург претендовал на включеніе Тобольскаго района в зону своего вліянія, как областного центра. Для того, чтобы выяснить положеніе на мѣстѣ и помѣшать возможному побѣгу Николая II, в Тобольск и его окрестности из Екатеринбурга было отправлено нѣсколько «боевых групп», так как предполагали, что монархисты повезут Николая II или водным путем на Обдорск или по тракту через Ишим на Дальній Восток. Одна из посланных групп — из числа «надежных рабочих», проѣхала сѣверным путем в Березов, но там была арестована мѣстной администраціей, все еще считавшей себя представительницей Врем. Правительства. Другая группа екатеринбургских рабочих была послана в качествѣ заставы на дорогу Тобольск-Тюмень. Судьба ея была печальна. Члены этой боевой единицы остановились в с. Голопутовском, гдѣ выдали себя за торговцев. Здѣсь их заподозрѣли и арестовали (боевики не всегда оказывались на высотѣ своей секретной миссіи и подчас похвалялись, что посланы «царя убивать»).

В Голопутовском при обыскѣ заподозрѣнных «торговцев» у них нашли документы, изобличавшіе их настоящія заданія. «По подстрекательству офицеров и кулаков», находившихся в связи с организаціей, которая подготовляла побѣг Романовской

*) Прислугѣ разрѣшено было ходить в город в случаѣ неотложной надобности.

семьи, всѣ арестованные тут же на сходѣ были убиты крестьянами*).

Болѣе успѣшной оказалась экспедиція, направленная непосредственно в Тобольск и обставленная с чрезвычайной конспиративностью. Члены этой «боевой группы», состоявшей из 16 рабочих металлистов с Злоказовскаго завода в Екатеринбургѣ, проникли в Тобольск по одиночкѣ с подложными торговыми паспортами. Группа во главѣ со своим комиссаром Авдѣевым сосредоточилась в городѣ 3 марта. В Тобольскѣ уже находилась на ролях нелегальной организаторши извѣстная партійная работница Наумова, пріѣзд которой не возбуждал подозрѣнія, так как мать ея жила в Ялутворскѣ, и подлинный глава экспедиціи, матрос Хохряков, прибыл в качествѣ жениха Наумовой. Через нѣсколько дней прибыл еще Семен Заславскій с двумя рабочими Надеждинскаго завода. Задача большевицкой подпольной организаціи заключалась в том, чтобы добиться путем агитаціи переизбранія тобольскаго совѣта и послѣ реорганизаціи власти взять на себя руководство наблюденіем за бывшим Царем.

Екатеринбуржцы запоздали, хотя и прибыли первыми в качествѣ подпольной группы. На Тобольск претендовал и Омск, как центр Зап. Сибири. 11 марта в Тобольск прибыл уполномоченный Омскаго совѣта Дуцман, в качествѣ офиціальнаго комиссара совѣтской власти. Его сопровождал под командой Демьянова значительный для Тобольска отряд красногвардейцев — болѣе, чѣм в 100 человѣк, преимущественно из желѣзнодорожных рабочих. Цѣлью омскаго отряда так же было установленіе совѣтской власти в Тобольскѣ. Дуцман поселился в Корниловском домѣ, но, по словам Кобылинскаго, «положительно ничѣм себя не проявил» — и не появлялся даже в губернаторском домѣ. Вся дѣятельность его протекала в Совѣтѣ. Появленіе отряда Демьянова вызвало переполох в губернаторском домѣ. Царь записал 14 марта: «здѣшняя дружина расформировалась. Так как все-таки наряды в караулѣ должны нестись по городу, из Омска прислали команду для этой цѣли. Прибытіе этой «красной гвардіи», как теперь называется всякая вооруженная часть, возбудило тут всякіе толки и страхи. Просто забавно слушать, что говорят об этом в послѣдніе дни. Комендант и наш отряд, видимо, тоже были смущены, так как вот уже двѣ ночи караул усилен и пулемет привозится с вечера». Может быть, в силу своего состава (из желѣзнодорожников) омскіе «красногвардейцы» под началом двух молодых офицеров, мѣстных жителей, хорошо извѣстных в Тобольскѣ, выгодно отличались от других аналогичных частей — принимавших участіе в карательных экспедиціях, и их пребываніе в городѣ не ознаменовалось обычными эксцессами. В Тобольскѣ этот отряд, — пишет Боткин-Мельник — «не произвел ни одного обыска, не сдѣлал ни одного разстрѣла, не замѣшан был ни в одну скандальную исторію». — «Во всяком случаѣ никто не слыхал о таких кротких большевиках, как

*) Впослѣдствіи в Голопутовск была послана карательная экспедиція, которая и воздала «должное защитникам царя» (Быков).

эти». Помощником Демьянова был пор. Дегтерев, по утвержденію Боткиной, извѣстный с гимназической скамьи крайне монархическим направленіем — при поступленіи в Петербургскій университет он был даже членом Союза Михаила Архангела... В интимном кругу, по словам той же момуаристки, он продолжал говорить о своих монархических взглядах и показывал даже «какія-то бумаги от омских монархических организацій». Нѣт ничего невѣроятнаго в том, что монархист Дегтерев оказался во главѣ отряда красногвардейцев — в нѣкоторых кругах служба в красной арміи, как своего рода мимикрія или для противодѣйствія, в то время была довольно популярна. В данном случаѣ на этой почвѣ создалась легенда, непосредственно связавшая омскую экспедицію с тогдашними будто-бы планами нѣмцев в отношеніи царской семьи, разошедшимися с намѣреніями большевицкой Москвы, директивы которой осуществляли уполномоченные уральскаго областного совѣта. Эту легенду нам предстоит еще разобрать в деталях.

Екатеринбургскіе подпольщики, осмотрѣвшись в тобольской обстановкѣ, выписали себѣ помощь, и через нѣсколько дней послѣ прибытія Демьяновскаго отряда из Омска пріѣхал и новый отряд из Екатеринбурга, состоявшій из «надежных красноармейцев», в видѣ сборной распущенной дружины из латышей, плѣнных мадьяр, матросов и рабочих под начальством нѣких Никитина и Кармашева. В отрядѣ было всего полсотни человѣк, но подпольщики под сурдинку распространяли молву, что вокруг Тобольска сосредоточено «около 1000 человѣк». Между омским и екатеринбургским отрядами возник конфликт — и послѣдній, как болѣе слабый, должен был уступить. Царь записал 22-го: «утром слышали со двора, как уѣзжали из Тобольска тюменьскіе разбойники-большевики на 15 тройках с бубенцами, со свистом и с гиканьем. Их отсюда выгнал омскій отряд». От нас, в силу сознательной неясности мемуаристов из среды екатеринбургских подпольщиков, ускользают детали столкновеній. Мы знаем только, что «обостренныя отношенія... закончились в концѣ-концов арестом Хохрякова, заподозрѣннаго в провокаціи» и только переговоры по прямому проводу с Уралсовѣтом, подтвердившим особыя полномочія Хохрякова, спасли послѣдняго от «разстрѣла» (Быков).

Омичи претендовали на «руководство», но так как «уральцы были болѣе сильны политически, то омичи оказались скоро у них в подчиненіи» (Авдѣев)... Так или иначе «купеческія» городскія Думы и «мелко-буржуазныя» земства были распущены, Совѣт переизбран, и предсѣдателем его даже стал чуть не разстрѣленный матрос Хохряков. Совѣтская власть установилась в Тобольскѣ, и «дом заключенія» был взят под наблюденіе Совѣта... «Как-то» — вспоминает Кобылинскій — «совдеп вызвал к себѣ представителей отряда по два от каждой роты. Пошел с ними я сам. Мнѣ было объявлено, что Совѣт рѣшил перевести всю царскую семью «на гору», т. е. в тюрьму... Я заявил этим господам, что охрана царской семьи подчинена не мѣстному Совѣту, а центру. Это не помогло. Пришлось мнѣ встать на другую почву и говорить, что это никак нельзя выполнить, так как придется тогда переводить

в тюрьму и всѣх солдат нашей охраны, чего нельзя сдѣлать; без солдат же нашей охраны никак нельзя обойтись, потому что, если будет какое-либо нападеніе, нас некому будет защищать. Солдаты наши загалдѣли, и Совѣт принужден был отступить, заявив мнѣ, что, собственно говоря, рѣшеніе по этому поводу он еще не вынес, а только принципіально высказывается». (Кобылинскій дѣйствующими лицами изображает Дуцмана и Заславскаго. О Хохряковѣ он не упоминает). Дневник Николая II вновь устанавливает точную дату эпизода с попыткой перевести заключенных в губернаторском домѣ в тюрьму, по-своему объясняя этот эпизод, 28-го он записывает: «Вчера в нашем отрядѣ произошла тревога под вліяніем слухов о прибытіи из Екатеринбурга еще красногвардейцев. К ночи был удвоен караул, усилены патрули и высланы на улицу заставы. Говорили о мнимой опасности для нас в этом домѣ и о необходимости переѣхать в архіерейскій дом на горѣ. Цѣлый день об этом шла рѣчь в комитетѣ и прочее и, наконец, вечером все успокоилось, о чем пришел в 7 час. мнѣ доложить Кобылинскій. Даже просил Алексѣя не сидѣть на балконѣ в теченіе трех дней». На слѣдующій день дневник продолжает: «Во время утренней прогулки видѣл «чрезвычайнаго комиссара» Демьянова, который со своим помощником Дегтеревым в сопровожденіи коменданта и стрѣлков обошел караульное помѣщеніе и сад. Из-за него, т. е. этого Демьянова, и нежеланія стрѣлков пропустить его и загорѣлся сыр-бор третьяго дня». В воспоминаніях Мельник без обозначенія даты также разсказывается о необычайном возбужденіи, царившем в этот день в отрядѣ, который готовился к защитѣ, так как распространилась молва, что красногвардейцы собираются сдѣлать нападеніе на губернаторскій дом и выкрасть царскую семью. Дѣйствительно, через два дня прибыл новый отряд из Екатеринбурга — небольшой по своей численности (60-70 человѣк по записи Шнейдер). Говорили, что слѣдует всего 300 человѣк. Сообщенія эти нервировали не только отряд, но и представителей Омска. Отсюда рост недовѣрія и у тѣх, и у других к Екатеринбургу, которое, по словам Быкова, отмѣчали в своих донесеніях Хохряков и Заславскій.

Тучи сгущались над бывшим губернаторским домом....

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ТЮМЕНЬСКАЯ ЗАСТАВА

I. Освободители царской семьи.

Еще 4 марта Жильяр внес в дневник: «Наглость солдат превосходит все, что можно вообразить: ушедших замѣнили молодыми, у которых самыя гнусныя замашки. Их Величества, несмотря на жгучую тревогу, растущую со дня на день, сохраняют надежду, что среди вѣрных им людей найдется нѣсколько человѣк, которые попытаются их освободить. Никогда еще обстоятельства не были болѣе благопріятны для побѣга, так как в Тобольскѣ еще нѣт представителей правительства большевиков. Было бы легко при соучастіи полк. Кобылинскаго, заранѣе склоненнаго в нашу пользу, обмануть наглый и в то же время небрежный надзор наших стражей*). Было бы достаточно нѣсколькихъ энергичных людей, которые дѣйствовали бы скоро по опредѣленному плану и рѣшительно. Мы неоднократно настаивали перед Государем, чтобы держаться наготовѣ на случай всяких возможностей. Он ставит два условія, которыя сильно осложняют дѣло: он не допускает ни того, чтобы семья была разлучена, ни того, чтобы мы покинули территорію Россійской Имперіи». А Боткина-Мельник утверждает, что «цѣлый взвод стрѣлков... во главѣ со своим командиром пор. Малышевым передавал полк. Кобылинскому, что в их дежурство они дадут Их Величествам безопасно уѣхать» (См. тоже у Дитерихса).

«У нас отпала послѣдняя надежда на побѣг» — записывает Жильяр при вступленіи отряда Демьянова. Сложившейся ранѣе благопріятной коньюнктурой не удалось воспользоваться главным образом в силу провокаторскй дѣятельнсти упоминавшагося зятя Распутина, пор. Соловьева, который, как мы знаем, был связан с о. Алексѣем Васильевым и был одним из посредников между заключенными и внѣшним міром. Соловьев втерся в довѣріе представителей тѣх петербургских и московских монархистических организацій, которыя поставили своей цѣлью освобожденіе царской семьи. К нему и к отцу Алексѣю из центра посылались люди и

*) Интересно, неужели в дѣйствительности наивный швейцарец так все и записывал в свой тогдашній дневник! Думаю, что текст «дневника» составлен заднім числом, т. е. «дневник» является лишь литературной формой воспоминаній.

деньги. О людях Соловьев и его компаньоны сообщали в центр, что надобности в них нѣт, так как на мѣстѣ имѣется мощная организація, готовая дѣйствовать. Нужны лишь деньги. Прибывавшіе из центра с явкой на Соловьева должны были дѣйствовать по его инструкціям и попадали в ловушку. Подобно былинному соловью-разбойнику, зять Распутина поселился на перепутьѣ и перехватывал в Тюмени всѣх, намѣревавшихся проникнуть в Тобольск и завязать непосредственныя связи с заключенными. Тѣх, кто ему не подчинялся, он выдавал большевицкой власти.

Эта версія, опирающаяся на нѣкоторыя вышедшія из окруженія г-жи Мельник свидѣтельскія показанія, цѣликом была усвоена слѣдователем Соколовым и без критики повторена Керенским.

Для Соколова нѣт «никаких сомнѣній», что Соловьев выполнял заданья нѣмцев. В період брест-литовских перговоров о «похабном» мирѣ «русскій царь», олицетворявшій національную идею, был слишком опасен, поэтому нѣмцы «боролись с русскими патріотами, не допуская увоза ими Царя». В Тобольскѣ Николай II был под их нѣмецким «наблюденіем». Было использовано «старое испытанное средство: их шпіон имѣл на себѣ печать Распутина». Принимавшій участіе в слѣдовательских изысканіях Соколова, кап. Булыгин, прибывшій в Сибирь, как участник одной из экспедицій для освобожденія бывшаго монарха, расширяет рамки: «пути нѣмцев так переплетались тогда с путями большевиков, что Соловьев, служа одним, неизбѣжно служил и другим». Керенскій дѣлает удареніе уже на послѣднем — Соловьев держал в курсѣ событій мѣстную (очевидно, тюменьскую) чеку, слѣдовательно, большевики были освѣдомлены о всѣх шагах, которые предпринимались монархистами.

Оставим пока в сторонѣ нѣмецкую концепцію, перерожденную в значительной степени психическими переживаніями слѣдователя, для котораго нѣмецкая рука в происходивших событіях сдѣлалась своего рода навязчивой идеей. На каких конкретных данных слѣдствіе обосновало свои выводы о провокаторской дѣятельности Соловьева? И прежде всего, кто такіе были тѣ «многіе», которых посылали в Сибирь «русскіе патріоты» из центра и которые насильно задерживались на тюменьской заставѣ? Обобщающая характеристика не может нас удовлетворить, хотя бы она и основывалась на скрытом, к сожалѣнію, для нас в значительной части разслѣдованіи слѣдственной власти. Булыгин в своем повѣствованіи смѣло говорит, что все, им разсказываемое, является «точными данными», которыя добыло слѣдственное производство. В дѣйствительности это не так. Соколов в книгѣ пытается сужденія свои обосновать многочисленными свидѣтельскими показаніями. Правда, он не проявляет к ним достаточно критическаго отношенія — как это ни странно для слѣдователя, он субъективное свидѣтельское показаніе почти приравнивает к доказательству вещественному. Соколов оговаривается, что он не претендует на выступленіе в роли историческаго изслѣдователя и выражает надежду, что «тѣ, кто любит истину», сумѣют отличить его, «быть может, ошибочные выводы от строгих фактов слѣдствія». Не всег-

да это возможно сдѣлать. И совершенно уже недоступно в изложеніи Булыгина, гдѣ предположенія и домыслы повѣствователя, навѣянные, быть может, бесѣдами, преподносятся, как данныя слѣдствія. Откуда заимствовал Булыгин свѣдѣнія о разстрѣлѣ трех пріѣхавших офицеров, не поладивших с Соловьевым и преданных им Ч. К.? Вставим возможный, допустим, факт прежде всего в хронологическія рамки. Когда Соловьев мог предавать офицеров тюменьской Ч. К.? Совѣтскій историк говорит, что когда в Тобольскѣ удалось, благодаря энергіи уральцев, создать твердую власть совѣтов, то в окрестностях и даже в самой Тюмени ея фактически не было: «достаточно сказать, что в эти дни в Тюмени на одной и той же улицѣ существовали два штаба и висѣли двѣ вывѣски. На одной была объявлена запись в Красную Армію, на другой красовалось: «Принимается запись добровольцев в Народную Армію». В штабѣ «Народной» арміи вы могли встрѣтить офицеров — и мѣстных и пріѣзжих. Это была уже прочная организація, готовая выступить против совѣтской власти за освобожденіе Романовых из Тобольска». Идиллія, нарисованная пером Быкова, в дѣйствительности, конечно, никогда не существовала. Мы видѣли, что в Тобольскѣ совѣтская власть установилась в 20-х числах марта ст. ст. и в ея установкѣ не малую роль сыграл налет «тюменьских разбойников» — вѣроятно, из остатков карательной экспедиціи.

Отбросим фантастику совѣтскаго историка. Ясно, что соловьевскія связи с мѣстной Ч. К. и пр. могли установиться только в мартѣ. Ограниченіе весьма существенное — вся предшествовавшая провокаціонная дѣятельность нѣмецко-большевицкаго агента Соловьева в Тобольскѣ и Тюмени протекала, таким образом, при наличности сохранившихся административных органов стараго правительства, демократических мѣстных самоуправленій революціоннаго времени и эсеро-меньшевицких в своем большинствѣ совѣтов (В Тобольскѣ до появленія уралских подпольщиков, как они сами признают, не было вообще коммунистической ячейки). Никаких Ч. К. не существовало — слѣдовательно, не могло быть и рѣчи о разстрѣлах. Из данных слѣдствія, приведенных Соколовым, с очевидностью выступает факт, что обвиненіе Соловьева в выдачѣ нежелательных лиц построено на показаніи явившагося в ноябрѣ 18 г. к предшественнику Соколова по слѣдствію Сергѣеву офицера N., заявившаго, что он по соглашенію с нѣкоторыми друзьями офицерами, преданными царской семьѣ, желая оказать заключенному Императору возможную помощь, прожил почти всю минувшую зиму в Тюмени, гдѣ познакомился с Соловьевым, который сообщил ему, что «стоит во главѣ организаціи, поставившей своею цѣлью охраненіе интересов заключенной в Тобольскѣ царской семьи». «По словам Соловьева — показывал N. — всѣ, сочувствующіе задачам и цѣлям указанной организаціи, должны были являться к нему, прежде чѣм приступить к оказанію в той или иной формѣ помощи царской семьѣ; в противном случаѣ, говорил мнѣ Соловьев, я налагаю «вето» на распоряженія и дѣятельность лиц, работающих без моего вѣдома. Налагая «вето», Соловьев в то же

время предавал ослушников совѣтским властям; так им были преданы большевикам два офицера гвардейской кавалеріи и одна дама: имен и фамилій их я не знаю, а сообщаю вам об этом фактѣ со слов Соловьева». Офицер N. еще раньше разсказывал о Соловьевѣ четѣ Мельник, которая в свою очередь со значительными обобщеніями засвидѣтельствовала эти разсказы перед слѣдствіем*).

На показаніи N. и построены выводы слѣдствія. Офицером этим был Сѣдов, входившій в кадры Крымскаго полка, шефом котораго была имп. Ал. Фед., и посланный монархической организаціей Маркова II очень скоро послѣ вывоза царской семьи из Петербурга. С ним нам придется встрѣтиться, так как мы вынуждены будем подробно остановиться на соловьевской эпопеѣ — той «тюменьской заставѣ», которая заняла едва ли не центральное мѣсто в сибирском разслѣдованіи, поскольку в нем рѣчь шла о попытках освобожденія царской семьи из заключенія. Слѣдствіе не обратило вниманіе на несуразицу в показаніях Сѣдова, относившихся к зимним мѣсяцам его пребыванія в Тюмени; равным образом и на то, что в показаніях о выдачѣ двух офицеров и дамы дѣлается ссылка только на слова самого Соловьева. Как можно толковать такія слова, если они были произнесены, мы увидим ниже.

Самое главное заключалось в том, что не было в наличности субъектов, на которых могла распространяться провокація или предательство Соловьева. Многочисленные офицеры, прибывавшіе из центра с порученіем от «русских людей», занятых спасеніем царской семьи, попросту м и ф . . . Мы можем теперь уже с точностью установить, кто, когда, с какой цѣлью и кѣм в дѣйствительности был послан в Тобольск. На появленіе каких-либо особ женскаго пола, помимо фрейлины Хитрово, нельзя найти даже намека. Два гвардейских офицера, арестованных в Тобольскѣ, это реальность, имѣвшая мѣсто в январѣ, т. е. задолго до внѣдренія здѣсь большевиков. То были юные братья Раевскіе, посланные из Петербурга организаціей Пуришкевича еще в сентябрѣ и прожившіе нѣсколько мѣсяцев в Тобольскѣ под вымышленными фамиліями «Кириллов» и «Мефодіев». Их образ жизни и характер дѣятельности разсказан нам с их собственных слов достовѣрным свидѣтелем, командиром 2-го Сумского гусарскаго эскадрона шт. рот. Соколовым, который принимал сам участіе в одной экспедиціи по подготовкѣ освобожденія царской семьи, она была в январѣ отправлена из Москвы. С этой исторіи и начнем — тѣм болѣе, что она посвящена единственной, если не серьезной, то реальной попыткѣ организовать побѣг Николая II и его семьи. Она очень показательна, как для обстановки в Тобольскѣ, так и для обрисовки начинаній монархически настроенных «русских людей».

Соколов разсказывает, как в декабрѣ, покинув фронт, он направился в Москву и там с нѣкоторыми своими однополчанами вступил в одну из многочисленных военных антибольшевицких организацій. В серединѣ мѣсяца Соколов получил приказаніе

*) По этой версіи Соловьев говорил N, что в с ѣ х ѣдущих в Тобольск офицеров без его разрѣшенія он выдает совдепу.

явиться к нѣкоему П. для полученія «важной задачи». П. оказался присяжным повѣренным, близким духовному міру (не Минятов ли?). На квартирѣ П. Соколов нашел камчатскаго еп. Нестора. Ему было заявлено, что «надо спасать Царя, медлить нельзя — он в опасности». Соколов согласился выполнить то, что от него потребуется, ручаясь и за своих офицеров. Начали разрабатывать план в ожиданіи пріѣзда кого-либо из Тобольска*). Наконец, прибыл курьер и 2-го января в одном из лазаретов на Яузском бул. назначено было свиданіе. В пустой палатѣ при П. и еп. Несторѣ находился полковник с Георгіем и орденом поч. легіона — командир пѣхотнаго полка, назначенный начальником сибирской экспедиціи. Курьером оказался поручик («совсѣм мальчик») лейб-гвардіи Московскаго полка Раевскій. «Доклад его сводился к слѣдующему: он и его брат были отправлены в Тобольск Пуришкевичем еще за два-три мѣсяца до большевиков. В настоящее время в Тобольскѣ, за исключеніем охраны Государя, поголовно монархическое настроеніе; есть мѣстныя организаціи, готовыя помочь нам; перевозочныя средства также подготовлены. Наиболѣе удобным временем освобожденія Царя Р. считает воскресенье, когда Царь и семья выходят молиться в городскую церковь в сопровожденіи караула человѣк в двадцать. Освобождающим надо собраться в алтарѣ и уже оттуда броситься на караул. Меня удивил такой план: п а х л о р о м а н а м и Д ю м а ... Я уже хотѣл высказать свои сомнѣнія, как начал говорить полк. Н. В крайне ясных словах он изложил заданіе: заранѣе предрѣшить нельзя, план составится на мѣстѣ. В первую голову в Тобольск должны отправиться шт. рот. Соколов и поручик М. Г. и с ними Р. Общая задача: наблюденіе, вхожденіе в связь с мѣстными монархическими организаціями. Предполагается вывезти семью в Троицк, занятый оренбуржцами Дутова. В окрестности для развѣдки... будут командированы в район Екатеринбург - Тюмень - Троицк - Омск 30 человѣк под командой рот. Л. Для окончательнаго выполненія задачи прибудут 100 гардемарин с полк. Н. Отъѣзд из Москвы первой партіи 6 января».

Присяжнаго повѣреннаго П. Соколов называет «большим фантазером», но фанатиком искренним. Особенно поразило мемуариста то, что он вѣрил в успѣх предпріятія, потому что удачу предсказал «старец Зосима». 6 января в том же лазаретѣ Соколову и двум его товарищам выдали полные комплекты солдатскаго одѣянія и по 2000 руб. на каждаго. В дорогѣ путешественники избѣгали разговоров о цѣли поѣздки. И лишь в Екатеринбургѣ начали раз-

*) Для характеристик заговорщиков Соколов передает, как попутно он исполнял порученіе П. и возил в один из подмосковных монастырей тюк прокламацій для передачи союзу хоругвеносцев — в них призывали организовываться в ячейки для созыва в ближайшем будущем Всероссійскаго Земскаго Собора. Врученіе прокламацій связывалось с порученіем установить связь с командой выздоравливающих в монастырѣ. Предсѣдатель союза хоругвеносцев, услышa имя П. и увидя тюк прокламацій, чуть ли не со слезами начал говорить: «Ах оставил бы ты нас в покоѣ, что я буду дѣлать с этими бумажками...» В монастырѣ вмѣсто 300 офицеров оказалось 100 увѣчных солдат.

спрашивать «курьера» о первых шагах в Тобольскѣ. Брат Р., как оказалось, жил в гостиницѣ под чужим именем. Разспросы явно «удручали» курьера. «С приближеніем Тобольску он стал менѣе самоувѣрен. Обѣщал, что все разскажет брат, а он многаго не знает... и, желая перемѣнить разговор, начал разсказывать, как им весело жилось в Тобольскѣ, о балах, о своих сердечных побѣдах. Встрѣтив наше неодобреніе и отвѣт, что мы не за тѣм ѣдем, он замолк почти до самаго Тобольска, предоставив дальнѣйшую инициативу нам и покорно слушался нас». Вечером 14-го путешественники прибыли через Тюмень в Тобольск. На слѣдующій день произошло знакомство со старшим братом Р. «Его разсказ был совсѣм противоположен разсказам младшаго брата в Москвѣ. Монархически настроенное населеніе — небольшой кружок интеллигентов-знакомых; организація, готовая помочь — бойскауты; готовыя перевозочныя средства — лошадей в городѣ много».

Началось обслѣдованіе условій, при которых заданіе могло быть выполнено. «Сводка за первые три дня: большевицкаго переворота не было, власть принадлежит совѣту Р. и С. Д., состоящему из меньшевиков и настроенному против большевиков. Охрана Государя из 300 человѣк, хорошо одѣтых, выправленных, представляет собой «серьезную силу». «Мѣстная команда, постепенно разбѣгающаяся, грязная и оборванная — человѣк около 50. Милиція — из старых (частью) городовых с комиссаром из бывших околоточных — несущая отлично службу. Это наши враги. В городѣ нарождался «союз фронтовиков», настроенных большевицки и точащих зубы на охрану, милицію, занявшую «теплыя мѣста». «Подлаживаясь под их настроенія, мы скоро стали у них на хорошем счету, чего нельзя сказать про охрану, и приходилось даже избѣгать разговоров с нею... Настроеніе населенія по отношенію к Царю скорѣе равнодушно, но во всяком случаѣ не злобное. Представленный мнѣ Р. глава монархической организаціи, старшій бойскаут, юноша 16-17 лѣт, смотрѣшій на меня с восторгом, познакомил меня со своими силами. Всѣх около 30 человѣк, в возрастѣ от 10 до 17 лѣт»...

Послѣ обсужденія признали, что «исполненіе плана удобнѣе было ночью». «Наш минус — условія жизни маленькаго города: не может пройти незамѣченным появленіе новаго лица; за короткое время мы изучили почти всѣх мѣстных. А так как мы ждали со дня на день прибытія гардемаринов, вопрос об их размѣщеніи становился наиболѣе острым. О Тобольскѣ и думать было нечего, надо было обратиться к окрестностям. Думая, что в этом нам могут помочь братья Р., мы рѣшили обратиться к ним». «Придя на другой день к Р., я застал их сидящими у стола и что-то рисующими. Не открыл я еще рта, как они показали свои рисунки, изображавшіе людей в одеждѣ времен Іоанна Грознаго, и объяснили, что это будущая форма конвоя Государя, спасшаго его, т. е. нас. Тут же добавили, что они рѣшили везти семью не в Троицк, а на сѣвер в Обдорск, лежащій на Обской Губѣ. Я вышел из себя, наговорил им дерзостей... Вѣроятно, чтобы сгладить впечатлѣніе, они сказали, что удалось войти в сношенія с Государем через духовника,

что Государь знает о нашем прибытіи и цѣли и согласен, но при условіи вывоза всѣх, состоящих при нем... Послѣ мальчишеств я бы не повѣрил Р., если бы не... внимательное разсмотрѣніе нас вчера дѣтьми со снѣжной горы*). Я напомнил Р. о цѣли своего прихода — о размѣщеніи гардемаринов. Они сказали, что были сегодня у тобольскаго архіерея Гермогена, и он посовѣтовал обратиться в женскій монастырь в 7 вер. от города. Других подходящих мѣст они не знали. Странным показалось мнѣ это для гардемаринов, и опять я мало повѣрил, что такой совѣт исходил от Гермогена. Но дѣлать было нечего, надо было осмотрѣть монастырь... Монашки встрѣтили нас болѣе, чѣм радушно... Два дня до нас были попытки ограбить монастырь. И в нас, в нашем разболтанном «товарищеском» видѣ, онѣ видѣли... грабителей и своим отношеніем хотѣли задобрить». Никакого помѣщенія для гардемаринов не нашлось.

Вернувшись в Тобольск вечером, Соколов направился к Р. сообщит о неудачѣ. Оказалось, что братья Р. были арестованы милиціей, на другой день была арестована по предписанію Совѣта и группа Соколова, заподозрѣнная в ограбленіи монастыря. На допросѣ арестованные показали, что они «бывшіе» офицеры и прибыли в Тобольск из-за дешевизны. «Отобрав документы и подписку о невыѣздѣ, нас отпустили. На слѣдующій день нас вызвали для допроса в сыскное отдѣленіе — служащіе и начальник все были люди еще дореволюціоннаго времени. В неофиціальной бесѣдѣ начальник сказал, что подозрѣніе в ограбленіи монастыря это лишь ширма, а нас подозрѣвают в сношеніях с Государем и слѣдят за нами почти с самого пріѣзда. Дѣлается это по приказанію Совѣта... Арест Р. был вызван тѣм, что они при перемѣнѣ квартиры прописались в том же участкѣ своей настоящей фамиліей, живя 4 мѣсяца под чужой». Начальник сыскного отдѣленія, пожелав благополучно выбраться из этой исторіи, отпустил арестованных. Днем их вновь допрашивал уже сам предсѣдатель Совѣта. «Ободренные пріемом н-ка сыскного отдѣленія, мы перешли в наступленіе, протестовали против обыска без ордера... Член слѣд. комиссіи даже начал извиняться..., объясняя все особенными условіями жизни в Тобольскѣ из-за пребыванія Государя». Задержанія арестованных не произошло. Вернувшись домой, они застали посланца от той группы, которая во главѣ с ротм. Л. должна была находится в районѣ Екатеринбург - Омск. Намѣченные люди, в числѣ 30-ти, прибыли, но вмѣстѣ с тѣм Москва признала, что «предпріятіе невыполнимо из-за отсутствія денег» — тѣм болѣе, что Троицк был взят большевиками. «Задача была признана невыполнимой так сказать офиціально» — можно было возвращаться.

Мытарства членов конспиративной группы, однако, не кончились — они получили предписаніе покинуть Тобольск в 24 часа. Но неожиданно были вновь арестованы по ордеру Совѣта и уже

*) Соколов говорит, что накануне, проходя мимо губернаторскаго дома, он и его друзья увидѣли в. кн. Татьяну; при их приближеніи она быстро побѣжала вниз и вернулась в сопровожденіи трех сестер и наслѣдника.

солдатами из охраны губернаторскаго дома. Здѣсь слѣдует отмѣтить одну характерную подробность, которая облегчит нам впослѣдствіи пониманіе нѣкоторых сторон сибирскаго разслѣдованія попыток освобожденія царской семьи. Узнав об арестѣ, «друзья» из «союза фронтовиков» стали посѣщать подслѣдственных и обѣщали «в недолгом времени освободить». И вот «фронтовики натолкнули нас на новую мысль для осуществленія нашего плана, т. е. устроить большевицкій переворот в Тобольскѣ и стать во главѣ его... Удастся это, тогда всѣ препятствія будут устранены, из гардемаринов или им подобных можно создат красную гвардію... Лошадей, оружіе, деньги, все можно будет добыть легальным путем». «Шансов на успѣх было много», по мнѣнію мемуариста. «В связи с нашими перспективами мы и начали дѣйствовать. Во время прогулок (сидѣли в участкѣ) свели дружбу с пожарными и все время проводили на каланчѣ в соотвѣтствующих бесѣдах. В такой дѣятельности протекал уже скоро мѣсяц». Разговоры стали извѣстны в Совѣтѣ и там уже не знали «кого видѣть в нас — монархистов или большевиков». Вѣдь это был конец февраля, когда большевицкіе щупальцы из Екатеринбурга стали проникать в Тобольск, и матрос Хохряков работал в подпольѣ, чтобы захватить в свои руки «дом особаго назначенія».

Монархистов-«большевиков» в концѣ-концов выслали из Тобольска, и в Тюмени они попали в лапы группы матросов броненосца «Гангут», входившей в извѣстный нам первый сѣверо-карательный отряд. Спас их комиссар — молодой мичман. Раевскіе были высланы из Тобольска тотчас же послѣ перваго ареста.

Мы остановились с такими подробностями на воспоминаніях Соколова не только потому, что они крайне интересны для характеристики предвесенней обстановки в Тобольскѣ 18 г. и показательны для обрисовки средств достиженія тѣх заданій, которыя поставили себѣ нѣкоторыя монархическія группы*). Эти детали важны и в другом отношеніи. Совершенно очевидно по разсказу Соколова, что в Тобольских инцидентах, связанных с московской эскападой, «тюменьская застава» не играла никакой роли. Посредствующая роль как бы принадлежит Гергомену и царскому духовнику Васильеву. В отрывкѣ воспоминаній Соловьева, полученном «маленьким Марковым» уже в Берлинѣ от жены умершаго его соучастника, братьям Раевским, со слов о. Алексѣя, дается характеристика, совпадающая с портретом, который зарисован шт. кап. Соколовым — «мальчики школьнаго возраста, начитавшіеся Жюль Верна». О Раевских — утверждает Соловьев — он узнал от свящ. Васильева, у котораго тѣ бывали; сам же Соловьев прибыл в Тобольск послѣ высылки

*) О мытарствах шести офицеров из группы упомянутаго ротм. Л., выѣхавших из Москвы 10-11 января и доѣхавших до Тюмени, между прочим, было разсказано в «Часовом» участником поѣздки кн. А. Е. Трубецким. В его воспоминаніях говорится, что прис. пов. П., пытавшійся безуспѣшно привлечь в организацію Сер. Е. Трубецкого и А. И. Кривошеина и достать деньги у французскаго посла Нуланса, предпринял «опасную авантюру» на свой риск.

Раевских — факт очень важный и притом неоспоримый, хотя он идет в полный разрѣз с тѣм, что формально установило слѣдствіе. Активная дѣятельность Гермогена несомнѣнна. В том же отрывкѣ воспоминаній Соловьева, гдѣ он разсказывает о посѣщеніи Гермогена, упоминается союз фронтовиков, который фактически возник по иниціативѣ епископа, пытавшагося привлечь мѣстное купечество к организаціи помощи возвращающимся с войны и тѣм парализовать вліяніе большевиков. Поэтому, вѣроятно, большевицкіе мемуары именуют этот союз «купеческим»; в дѣйствительности общественная помощь оказалась ничтожной, и союз фронтовиков, как мы только что видѣли, перелицевался на большевизанскій лад. Мысль об использованіи сил «союза фронтовиков» для освобожденія царской семьи, по крайней мѣрѣ в Гермогеновских кругах, должна была отпасть.

Совѣтская историографія дѣлает Гермогена центром монархических устремленій в Тобольскѣ. Вѣроятно, это так и было: боевая позиція соотвѣтствовала темпераменту епископа, котораго большевики в концѣ-концов утопили в рѣкѣ Тарѣ. Быков приводит письмо, будто бы отобранное у Гермогена при обыскѣ — письмо вд. имп. Маріи Фед., в котором она убѣждала тобольскаго владыку «взять на себя руководство дѣлом спасенія царской семьи». Это вывод историческаго обозрѣвателя, а не цитата из документа. Приведенная же цитата гласит: «Владыко, ты носишь имя св. Гермогена, который боролся за Русь — это предзнаменованіе... (многоточіе текста). Теперь настало через тебя спасти родину, тебя знает вся Россія — призывай, громи, обличай. Да прославится имя твое в спасеніи многострадальной Россіи». Было ли такое письмо в дѣйствительности, мы не знаем. Нельзя быть увѣренным, что в книгѣ Быкова под документом не скрывается чье-либо воспоминаніе, служащее подчас очень отдаленным откликом на то, что было. Во всяком случаѣ А. Ф. в первом своем письмѣ, отправленном «не как обыкновенно», писала 15 декабря Вырубовой: «Е. Гермоген страшно за «Father» и всѣх». В декабрѣ Гермоген был в Москвѣ на церковном соборѣ, выбиравшем патріарха. Едва ли приходится сомнѣваться, что именно он освѣдомил московских монархистов о положеніи в Тобольскѣ. В результатѣ этого освѣдомленія, очевидно, и налажена была московская экспедиція, связанная с братствами «православных приходов», участіе в которой принял Соколов, а другая группа монархических дѣятелей-политиков во главѣ с Кривошеиным направила в Тобольск своего уполномоченнаго, чтобы на мѣстѣ выяснить обстановку. В дневникѣ Царя имя этого уполномоченнаго названо — б. могилевскій вице-губернатор Штейн*). Не упоминая имени, «по соображеніям весьма уважительным», Булыгин не преминет сказать, что Штейн прибыл в Тобольск, «благополучно миновав рогатки Соловьева». В Тобольскѣ Штейн связался с Долгоруковым и Татищевым. Штейн

*) Удивительно откликается текст Быкова, обнаруживши тѣм самым всю свою элементарность: московскія группы послали уполномоченным «нѣкоего Кривошеина».

выяснил недостаток денежных средств у царской семьи при затрудненіи ликвидаціи драгоцѣнностей. В Москвѣ было собрано 250 т., и Штейн отвез эти деньги в Тобольск, вновь благополучно миновав тюменьскую заставу, и вручил их Татищеву и Долгорукову. Царь записал 12 марта: «Из Москвы вторично пріѣхал Вл. Ник. Штейн, привезшій изрядную сумму от знакомых нам добрых людей, книги и чай. Сейчас видѣл его проходящим по улицѣ*). Штейн не только привез деньги, им было установлено «условное» письменное общеніе с заключенными.

Кто еще посѣтил Тобольск по порученію какой-либо группы «русских патріотов» в промежуток времени, протекшій между прибытіем бр. Раевских и московской январской экспедиціи? Лишь два человѣка. Одним из них был упомянутый Сѣдов, посланный организаціей «Tante Ivette»; другим — нѣкто П., выполнявшій порученіе Вырубовой и ея кружка. Вырубова не называет лиц, при содѣйствіи которых установилась ея связь с Тобольском: «Я не могу назвать имен тѣх храбрых и преданных лиц», которыя перевозили письма в Петербург и обратно». Первым посредником был, очевидно, тот П., о котором упоминает «маленькій» Марков, и который вернулся из Тобольска в декабрѣ. Вторым был Соловьев.

Сѣдов, лично извѣстный А. Ф., был послан организаціей, возглавляемой Марковым 2-м, и был рекомендован Дэн. Ближайшій соратник Маркова 2-го В. П. Соколов (слѣдователь называет его «наиболѣе активным работником» в этой группѣ монархистов) относит отъѣзда Сѣдова к сентябрю. «Кажется» — говорит Соколов и добавляет, что он «извѣстил нас о своем прибытіи в Тюмень». «Дальше мы свѣдѣній о нем никаких не получали и совершенно не знали, гдѣ он и что дѣлает. Это обстоятельство смущало нас, и мы стали обдумывать вопрос о посылкѣ других офицеров в Тобольск».... «Состоялась посылка Маркова (Сергѣя).... Уѣхал Марков приблизительно в январѣ 18 г. В. Соколов путался в хронологических датах и в самых фактах и вмѣстѣ с другими, быть может, невольно только запутывал слѣдствіе. «Маленькій» Марков выѣхал из Петербурга в дѣйствительности в концѣ февраля, а Сѣдов не мог увѣдомить петербургскій центр в осенніе мѣсяцы 17 г. о прибытіи в Тюмень, ибо попал сюда только к концу января. Это свидѣтельствует Марков С., и его свидѣтельство косвенно подтверждается А. Ф. в письмах к Вырубовой. А. Ф. была предувѣдомлена о поѣздкѣ Сѣдова. 23 января она пишет: «от Сѣдова не имѣю извѣстій. Лили писала давно, что он должен был бы быть недалеко отсюда». По словам Маркова Сергѣя, Сѣдов серьезно заболѣл и жил у своей сестры в Сибири, будучи прикован

*) Лишь малая освѣдомленность и привычка разсказывать с чужих слов привели к тому, что дочь Боткина, удивляясь, что никто не пытался провѣрить свѣдѣнія, доставляемыя Соловьевым в центр, пишет, что, «один только гр. Ростовцов, управляющій дѣлами Их Величеств, догадался прислать со своим довѣренным человѣком деньги для И. В. к моему отцу, и эти деньги в количествѣ 80 т. были взяты впослѣдствіи кн. Долгоруковым... в Екатеринбургѣ». Свѣдѣній о пріѣздѣ довѣреннаго лица Ростовцова нѣт. Вѣроятнѣй всего, мемуаристы спутали здѣсь с данными о пріѣздѣ Штейна.

к кровати. О дальнѣйшей судьбѣ Сѣдова, о поѣздкѣ Маркова, который представлен alter ego Соловьева, мы скажем в связи с «тайной» зятя Распутина, которому суждено было сдѣлаться центральной фигурой в соотвѣтствуюей легендѣ. Послѣ «маленькаго» Маркова никто в Сибирь от организаціи Маркова 2-го не пріѣзжал вплоть до вывоза царской семьи в Екатеринбург.

Была еще одна монархическая организація в Петербургѣ, которая, повидимому, пыталась связаться с Тобольском и что-то там дѣлать. Это была организація, возглавляемая сенатором Туган-Барановским и связанная с хорошо извѣстным царской семьѣ генералом гр. Келлером*). Припомним, что его имя получило особую извѣстность в силу демонстративнаго отказа послѣ отреченія Императора от командованіи 3-м Кав. корпусом. В письмѣ к Вырубовой 23 января (ст. ст.) по поводу пріѣзда в Тобольск офицера, ею обозначеннаго Х. (внѣ сомнѣнія это был Соловьев), А. Ф. ставит вопрос: «офицер Х. принадлежит ли он к друзьям Лили или Келлера». О посылкѣ людей Туган-Барановским упоминает «маленькій» Марков со слов «своих знакомых», которые говорили ему об этом перед отъѣздом из Петербурга. Возможно, к этой организаціи принадлежал тот «конспиратор» в Тобольскѣ, над легкомысліем котораго издѣвается в воспоминаніях Боткина-Мельник, и который прожил в Тобольскѣ нѣсколько мѣсяцев, войдя в связь с докторам Боткиным. Мемуаристка встрѣчалась с ним в семьѣ одного тобольскаго купца-мясника, пасынок котораго участвовал в мѣстном конспиративном кружкѣ, состоявшем якобы «из офицеров и членов союза фронтовиков». Этот «конспиратор» был «ярым противником отца Алексѣя». Петербургскій «конспиратор» представлен был Мельник, как лицо, открывающее в Тобольскѣ кинематограф. «Мы не знали, кто он, но сразу я догадалась о его петроградском происхожденіи» — по его великолѣпному англійскому пробору, холеным рукам и т. д. Впрочем, «варшавскій мѣщанин» и не скрывал своего подлиннаго происхожденія в разговорах, ссылаясь на петербургских родственников и друзей (кн. Кочубей, кузина кн. Урусова и т. д.). Все это в присутствіи «насторожившагося» члена совдепа, бывшаго также в гостях, и несмотря на «ужасныя гримасы» пасынка мясника.

Если повѣрить Симановичу (этот изумительный Хлестаков, по его словам, принимал самое непосредственное участіе в попытках освобожденія царской семьи), то представители этой монархической организаціи намѣревались прорыть подземный ход для освобожденія заключенных и с этой цѣлью будто бы наняли булочную около губернаторскаго дома. Ни одному слову Аарона Симановича**) повѣрить нельзя. В третьей книгѣ своих воспоминаній («Еврей у трона Царя»), повидимому, не появившейся в печати и из-

*) В «публицистическом» дневникѣ Пасманика, печатавшемся в «За Свободу», в № от 31 марта 30 г., имѣется такая запись слов Савинкова... «Я был тѣм, кто снабжал Николая II деньгами через преданных офицеров». Что здѣсь от невѣрнаго воспріятія одним собесѣдником и от излишней склонности другого преувеличивать свою инициативу?

**) Б. «секретарь» Распутина.

ложенной по рукописи сотрудником «Сегодня» в 31-м году, он разсказывает, как он создавал еще во время Врем. Правит. фонд для освобожденія и увоза заграницу плѣннаго Императора — и даже не его (Царь рѣшительно отказывался), а «любимца и воспитанника Гр. Распутина, царевича Алексѣя и его сестры Татьяны». Родственники Царя и большинство придворных проявили «возмутительное равнодушіе» к плану Аарона Симановича и только в. кн. Марія Павловна (старшая) «потихоньку от своих дѣтей передала через предсѣдателя Студенческаго Академ. Союза Кушнарева» в фонд Симановича «большую часть своих цѣнностей». Активную роль играла извѣстная дѣятельница Союза Рус. Народа милліонерша Полубояринова и московскій купец Попов. Общими усиліями удалось создать фонд в 5000 каратов брилліантов, ликвидированных Симановичем в Москвѣ на черной биржѣ уже в большевицкія времена. Вырученная сумма достигала 2 мил. руб. Поѣхали в разныя стороны золотыя монеты, посыпались пропуска, разрѣшенія и пр., на «важных, отвѣтственных постах» появились нужные люди — план Симановича «мало по малу» стал превращаться в дѣйствительность... Так дѣйствовали «распутинцы» — Симанович привлек и дѣлу и Вырубову... Эту грубо скомпанованную сказку мы приводим скорѣе в видѣ курьеза, но, кто знает, может быть, Аарон Симанович гдѣ-нибудь и «конспирировал».

2. Зять Распутина

Что представлял собой Соловьев, обрисованный в матеріалах слѣдствія в самых непривлекательных чертах? Основной тон для характеристики Соловьева был дан в показаніях двух офицеров, выступавших в роли не то добровольцев по сыску, не то офиціальных контр-развѣдчиков. Одним из них был Мельник, появившійся в Сибири в маѣ и женившійся на дочери Боткина, другим — поручик Логинов, тѣсно с ним связанный. Оба принадлежали к тому монархическому толку, для котораго вся вообще русская революція было дѣтищем нѣмцев.

Заподозрѣли они Соловьева послѣ трагическаго финала, завершившаго судьбу царской семьи в Сибири и болѣзненно сокрушившаго попытки освобожденія всѣх этих неумѣлых и неудачных организаторов. Толчек для подозрѣній дали разсказы Сѣдова о тюменьской дѣятельности Соловьева, которая как бы парализовала намѣченный план освобожденія. На эту повѣсть Сѣдова и ссылается Мельник в показаніях. Сѣдов попал в кругозор Мельника и Логинова послѣ возвращенія своего из Петербурга, куда он поѣхал в началѣ мая. По словам главных организаторов конспираціи «Tante Ivette» (в показаніях уже позднѣйших, эмигрантских в 21 г.) из доклада Сѣдова выяснилось, что он «ничего абсолютно не выполнил из тѣх порученій, которыя были возложены на него в отношеніи царской семьи». Тогда выяснилось, что во главѣ выру-

бовской организаціи в Сибири стоит Соловьев*), под вліяніе котораго подпал Сѣдов. Послѣдній чувствовал себя сконфуженным. Он вновь поѣхал в Сибирь и в сентябрѣ в Тобольскѣ встрѣтился с семьей Мельник, которая, по выраженію слѣдователя, помогла ему освободиться «от чар Соловьева». С этого момента начинается пристальная слѣжка за Соловьевым. Мельник показывал слѣдователю (уже в августѣ 21 г.): «в послѣдних числях сентября 18 г. N (т. е. Сѣдов) попал ко мнѣ в Тобольск; к этому времени относится и появленіе там Соловьева. Я попросил N узнать, для чего Соловьев здѣсь и почему он не мобилизован. На первый вопрос С. отвѣтил уклончиво, а на второй сказал, что от военной службы он уклоняется, скрывая свое офицерское званіе. Я просил N не терять его из вида. Через два-три дня N разсказал, что он был у Соловьева, у котораго в номерѣ сидѣли три незнакомых человѣка... Соловьев представил им N, как своего друга. Подозрительный вид этих людей и иностранный акцент одного из них заставили N насторожиться. Много пили, но N был осторожен и внимательно слѣдил за ними. Когда уже было много выпито, и N вел бесѣду с Соловьевым, то слышал какіе-то странные разговоры остальных гостей между собой. Говорили о какой-то подготовкѣ и о каких-то поѣздах, но замѣтив, что обратили на себя вниманіе N, замолчали. Перед уходом N Соловьев посовѣтовал ему скорѣе уѣзжать, так как в Тобольскѣ не безопасно. Когда я попросил N выяснит, почему считают пребываніе здѣсь небезопасным, Соловьев представился ничего не помнящим... Дней через 5-6 в тобольской тюрьмѣ, в которой содержалось больше 2000 красноармейцев и до 30 красных офицеров, вспыхнуло возстаніе, чуть ли не окончившееся разгромом города, так как в гарнизонѣ насчитывалось только 120 штыков. Поручик Соловьев исчез с горизонта за день или за два до возстанія. Его пріятели, которые, по собранным свѣдѣніям, имѣли какое-то отношеніе к шведской миссіи, состоявшей из нѣмцев.... тоже исчезли...» Какая знакомая картина! Вѣдь это почти воспроизведеніе наблюдаемой Юсуповым фантастической сцены сборища «шпіонов» на квартирѣ Распутина. (см. его воспоминанія)

Соловьев во Владивостокѣ — февраль 19 г. Здѣсь за ним ведет «наблюденіе» Логинов: «он в этих цѣлях сошелся с Соловьевым и пользовался его довѣріем» — говорит слѣдователь Соколов. В декабрѣ 19 г. Соловьев был арестован военной властью, «возбудив подозрѣніе своим поведеніем и близостью к соціалистическим элементам, готовившим сверженіе власти адм. Колчака». (Помощник Соколова Булыгин уже прямо говорит, что Соловьев был арестован Логиновым и Мельником). «Соловьев подлежал суду, как большевицкій агент» — продолжает Соколов. «Но при разслѣдованіи выяснилась его подозрительная роль в отношеніи царской семьи, когда он был в Тобольскѣ». Поэтому Соловьев был

*) Между показаніями Маркова 2 и его соратника по союзу Соколова противорѣчіе — послѣдній говорит, что «из кружка Вырубовой» они раньше были предупреждены о дѣятельности Соловьева.

отправлен в Читу, гдѣ в это время находился слѣдователь Соколов. Это уже было в февралѣ 20 г.. Не будем проникать к тайну владивостокской фантасмагоріи — это слишком отвлечет в сторону. Отсылаю читателей к соотвѣтствующим страницам моей «Трагедіи адм. Колчака», на которых до нѣкоторой степени выяснено владивостокское сочетаніе соціалистических и большевицких сил при своеобразном вплетеніи в этот симбіоз и антиколчаковской монархической акціи. Судьба же арестованнаго Соловьева, по изображенію ген. Дитерихса, была такова: «в камеру к слѣдователю Соколову с криком ворвалась Марія Михайловна*) и потребовала немедленнаго освобожденія четы Соловьевых, как ея ближайших друзей... Удивленіе Соколова было полное, но выпустить он был принужден... Отобранныя при арестѣ Соловьева бумаги остались при слѣдствіи. Из них выяснились его связи с петроградским центром и с нѣмцами. В чем именно выявлялись связи, мог выяснить только допрос, но Соловьев, освобожденный из тюрьмы, поспѣшил скрыться... Вот почему окончательных выводов о роли и дѣятельности этой петроградско-берлинской организаціи сдѣлать нельзя». В дѣйствительности Соколов многократно допрашивал Соловьева и пользовался даже отобранными у него и его жены дневниками.

Характеристика, данная Соловьеву слѣдствіем, при произвольном толкованіи матеріала была явно тенденціозна. Кто такой Соловьев? Он был сыном казначея Синода, состоявшаго, по его словам, в «большой дружбѣ с Гр. Ефимовичем». Сам Соловьев, проникнутый с дѣтства «религіозными» устремленіями, был близок в предреволюціонные годы к «распутинскому кружку»**). (Стоит подчеркнуть, что при допросах в Сибири Соловьев на слѣдствіи в свѣтлых тонах рисовал личность Распутина). Перед революціей Соловьев оказался в ораніенбаумской школѣ прапорщиков. Состоял потом офицером во втором пулеметном полку и показал, что в дни «смуты» был схвачен, как офицер, на одной из улиц Петербурга и приведен в Гос. Думу. «Так ли это? Гдѣ правда?» — задается вопросом слѣдователь, ссылаясь на показанія извѣстнаго нам пор. Логинова, что Соловьев был «одним из вожаков революціоннаго движенія среди солдат и сам привел их к зданію Гос. Думы». Слѣдователь категорически отвѣчает: «правду говорит Логинов, лжет Соловьев». Если мы припомним условія, в которых находились офицеры второго пулеметнаго полка — это тот полк, который был помѣщен Пѣшехоновым, тогда комиссаром Петербургской стороны, в Народном Домѣ***) — то «правду» надо отнести скорѣе за счет показаній Соловьева. Логинов свидѣтельствовал, что революціонная роль Соловьева не ограничилась приводом мятежнаго полка в Гос. Думу — он тогда же организовал «истребленіе кадров полиціи» в Петроградѣ и был назначен «с перваго же момента» адъютантом предсѣдателя военной комиссіи Времен-

*) Роковая возлюбленная ат. Семенова в Забайкальѣ.

**) Повидимому Соловьев был даже в Индіи в оккультной школѣ іогов, основанной Блаватской в Адьярѣ

***) См. «Возрожденіе» т. 17.

наго Комитета ген. Потапова, т. е. перваго революціоннаго штаба. «Я не пойду так далеко — дѣлает вывод слѣдователь — но нѣт сомнѣнія, такое назначеніе мог получить только офицер-мятежник» (военная комиссія характеризуется с «перваго» же момента, как «большевицкая по духу»). Соловьев не объяснил слѣдователю, как он совмѣщал в себѣ «консерватизм» патріархальной среды и «офицера мятежника» — «отвѣтом мнѣ было молчаніе». Показанія Соловьева мы знаем лишь в довольно случайных отрывках, приведенных в книгѣ Соколова — дѣлать вывод на основаніи их затруднительно. Во всяком случаѣ, в матеріалах, нам доступных и изѣстных о первых днях революціи, нигдѣ не выступает активная роль Соловьева. Может быть, Соловьев уклонялся на слѣдствіи от прямого отвѣта по другой причинѣ: роль его в первые революціонные дни была дѣйстительно активна, но в другом смыслѣ — через него, как устанавливает письмо 2 марта, имп. Ал. Фед. пыталась переправить извѣстіе мужу, застрявшему на пути из Могилева в Царское...*)

Затѣм «офицер-мятежник» женится на дочери Распутина — Марѣ (Матренѣ), по утвержденію помощника Соколова, в том же мартѣ. Странный шаг для человѣка, дѣлавшаго революціонную карьеру. По словам Булыгина, свадьба была даже в церкви Таврическаго дворца. Симанович, который ни в каком слѣдствіи не участвовал, добавляет, что на бракосочетаніи присутствовали даже министры-члены Врем. Правительства. Очевидно, дату свадьбы Булыгин почерпнул у Симановича, приписав ее к данным слѣдствія. Соколов свадьбу относит к концу сентября (по ст ст.), что соотвѣтствует и датам дневника жены Соловьева, цитируемаго слѣдователем. Соколов не дает объясненія факту женитьбы, но дѣлает сопоставленіе: «в августѣ мѣсяцѣ 17 г., когда царская семья была уже в Тобольскѣ, Соловьев ѣздил в Тобольск и пытался проникнуть к еп. Гермогену, установившему добрыя отношенія с семьей. Это ему не удалось. 5 октября (н. ст.) он женился на дочери Распутина и снова ѣдет в Сибирь». Нам неизвѣстно, откуда слѣдствіе заимствовало весьма сомнительное сообщеніе об августовской поѣздкѣ Соловьева в Тобольск и о неудавшейся попыткѣ завязать сношенія с Гермогеном. Он не мог быть тогда представителем Вырубовой, которая сама еще находилась в узилищѣ, не мог отправиться в Тобольск, выполняя какія-то проблематическія заданія нѣмцев, а тѣм болѣе большевиков — даже, если отнести его вторую поѣздку на время послѣ женитьбы, т .е почти за мѣсяц до большевицкаго переворота. Это была эпоха Временнаго Правительства. Логично связать в нѣчто единое возможно только в случаѣ, если присоединиться к фантастической, как всегда, версіи Симановича, по которой Соловьев предложил именно Временному Правительству свои услуги по наблюденію за царской семьей, чтобы помѣшать ей бѣжать из Сибири. Послѣ паденія Временнаго Правительства Соловьев продолжал свою работу при большевиках. Формально эту несуразную версію не поддерживает слѣд-

*) См. «Возрожденіе» т. 10, статья «Творимыя легенды».

ствіе, но только формально. Напр., Соколов, анализируя дневники супругов Соловьевых, приходит к выводу, что женясь Соловьев имѣл цѣлью воспользоваться именем Распутина (зятю старца Григорія вѣрили), установить сношенія и усыпить Императрицу «лживыми надеждами на мнимое спасеніе». Соколов утверждает это внѣ каких-либо дат. Булыгин вводит в рамки болѣе точныя, путая всѣ хронологическія даты. Он пишет: «вскорѣ послѣ увоза царской семьи в Тобольск Соловьев, по порученію Вырубовой и Дэн, снабженный полномочіями повѣривших ему по рекомендаціи Вырубовой монархических организацій, ѣдет в Сибирь. Он недолго пробыл в Тобольскѣ, но успѣл за это время завести прочную связь с настоятелем Благовѣщенской церкви о. Алексѣем Васильевым, а также с Романовой, новой горничной Императрицы. Через нее Соловьев успѣл передать узникам письма и часть денег, порученных ему для передачи, а главное внушить царской семьѣ увѣренность в близком избавленіи, ибо «семья Гр. Ефимовича и его близкіе не дремлют»; затѣм он переѣзжает в Тюмень, гдѣ обосновывается плотно, завязав дружескія отношенія с мѣстными властями. Большевицкій переворот в октябрѣ не отозвался на положеніи Соловьева — с новым начальством его отношенія тоже быстро наладились»... Ограничимся пока отмѣткой, что горничная А. Романова, как устанавливают письма А. Ф., появилась в Тобольскѣ лишь 8 декабря, т. е. через 1 ½ мѣсяца послѣ октябрьскаго переворота!

Слѣдствіе не сумѣло увязать противорѣчія, которыя выпирают в изложеніи участников слѣдствія (у Соколова в меньшей степени, чѣм у других). Соловьев женился на Марѣ Распутиной для того, чтобы войти в довѣріе к А. Ф. Это общее мѣсто разслѣдованія. «Кто он был и откуда появился — неизвѣстно: никто не знал его ни в Тобольскѣ, ни в средѣ царской семьи» — утверждает Дитерихс. Конечно, это не соотвѣтствовало дѣйствительности, ибо «Бориса», как именует его А. Ф. в письмах к Вырубовой, Императрица знала давно. Можно было бы предположить скорѣе, что Соловьев женился на Распутиной в цѣлях мимикріи, ибо появленіе его на родинѣ жены могло представиться естественным. Но из дневника дѣвицы Распутиной, цитируемаго Булыгиным без числа, можно усмотрѣть, что вопрос о выходѣ Мары замуж за Соловьева был поставлен еще до революціи (дневника ея 17 г. Соколов не касается). В этой записи значится: «Была вчера у Ани (Вырубовой)... Говорил опять тятенька»... (спиритическіе сеансы с вызовом духа Григорія). «И что это они всѣ говорят мнѣ: люби Борю, да люби Борю. Он мнѣ вовсе не нравится». Соколов подробно останавливается на дневниках Соловьевых для характеристики моральнаго облика Соловьева и для того, чтобы вскрыть «тайну» брака Мары: «по чужой волѣ, а не любви, вышла дочь Распутина за Соловьева». Выдержками из дневников жены он стремится подтвердить характеристику, сдѣланную в показаніях наблюдавшаго за четой Соловьевых Логинова: она «неразвитая, простая, запуганная и безвольная»; муж дѣлал с ней, что хотѣл — бил ее, гипнотизировал. Дневники рисуют нам семейную драму.

Она возникла, очевидно, потому, что дѣловой брак оказался тягостным для обѣих сторон: жена полюбила мужа, а муж не только остался хладен, но его раздражало повышенное настроеніе жены. 27 января жена записывает: «Вот я не думала, что будет скучно без Бори, но ошиблась... оказывается его люблю», а через мѣсяц, 24 февраля: «Дома был полный скандал, он мнѣ бросил обручальное кольцо и сказал: я ему не жена». Еще через мѣсяц, отмѣчая учащающіяся ссоры («Жизнь стала невыносимой»), в дневникѣ записывается: «нѣсколько мѣсяцев тому назад он был для меня нуль, а теперь я его люблю безумно, страдаю, мучаюсь цѣлыми днями». А со стороны мужа слышатся «каждый день»: «у тебя рожа и фигура никуда не годятся». И жена все терпит. Позже, в іюлѣ, запись гласит: «за десять мѣсяцев вижу только грубость», «одного боюсь — развода». «Боря ненавидит всѣх наших, это видно по всему», «как я вижу, Боря меня стѣсняется, т. е. не меня, а моей фамиліи, боится, а вдруг что-нибудь скажут».

Но оставим в сторонѣ, как личную семейную драму, так и моральную оцѣнку дѣйствующих в ней лиц. Личная драма, быть может, болѣе сложна, чѣм представляет ее слѣдствіе, сводя все к моральному облику Соловьева. Для моральной оцѣнки надлежало бы познакомиться с подлинниками дневников, отобранных слѣдствіем и произвольно им цитируемых. Напр., Соколов в доказательство вліянія Соловьева на жену приводит такую запись: «имѣю силу заставить Мару не дѣлать так, заставить даже без вѣдома ея, но как осмѣлюсь, зная начало всего». Отрывок как будто бы говорит скорѣе в пользу Соловьева. Тот же отрывок Булыгин цитирует с добавленіем, опущенным Соколовым. Он начинается так: «она мнѣ измѣняет».

Одно несомнѣнно ясно — до женитьбы своей Соловьев в Сибири не появляется. В воспоминаніях Маркова со слов Соловьева говорится, что послѣдній впервые был в Тобольскѣ в октябрѣ. Была ли подобная рекогносцировка сдѣлана под видом свадебнаго путешествія мы установить не можем. Но по разсказу Соловьева в отрывкѣ воспоминаній, напечатанному у Маркова, поѣздка должна быть отнесена к январю — у Соловьева нѣт дат, но посѣщеніе Гермогена, упоминаніе об арестѣ Раевских опредѣляют именно эту дату. Также датируется прибытіе Соловьева и полученіе денег от Вырубовой А. Ф. в письмѣ послѣдней. В письмѣ 9 января значится: ... «Мы всѣ видѣли одного, который мог быть брат нашего друга. Папа его издали замѣтил, высокій, без шапки, с красными валенками, как тут носят. Крестился, сдѣлал земной поклон, бросил шапку в воздух и прыгнул от радости». К кому это относится? Но уже нѣт сомнѣнія, что отмѣтка 22 января относится к Соловьеву, хотя А. Ф. еще не знает доподлинно, кто тот офицер, который передал ей письмо от Вырубовой. «Так неожиданно сегодня получила дорогое письмо от 1-го и торопят отвѣтить. Нѣжно благодарю, несказанно тронута, правда, ужасно трогательно и мило, что и теперь не забыла... Надѣемся офицера завтра увидать, хоть издали». И на другой день: «есть еще возможность тебѣ написать, так как уѣдет только 26 обратно. Кто мог подумать, что

он сюда пріѣдет... Так удобно вышло, что Аннушка с нами живет». Упоминаніе Яр(ошинскаго) говорит о деньгах, которыя передал Соловьев. Согласно разсказу Соловьева (в упомянутом отрывкѣ дневника) он прибыл прежде всего в Покровское и оттуда зять его, чтобы не возбуждать подозрѣнія, повез его на собственной лошади в Тобольск под видом торговца «красным товаром». В Тобольскѣ Соловьев прежде всего посѣтил Гермогена, котораго отлично знал еще с дѣтства, и придворную служащую Х, к которой у него было письмо Вырубовой. А. Ф. еще в декабрѣ освѣдомила послѣднюю, что при посредствѣ камердинера Волкова через Аннушку она может сноситься с ней «не как обыкновенно». Через Аннушку Соловьев получил записочку А. Ф. «лично для молодого офицера». «По вашему костюму торговца вижу, что сношеніе с Вами не безопасно» (очевидно, помѣтка 9 января должна относиться к Соловьеву). А. Ф. радовалась женитьбѣ Соловьева на «Матрешѣ» — «исполненіе отцовскаго и моего личнаго желанія»; просила «обязательно» познакомиться с о. Васильевым — «это глубоко преданный нам человѣк»*) и говорила о нуждах семьи: «наше общее желаніе — это достигнуть возможности спокойно жить, как обыкновенная семья, внѣ политики, борьбы и интриг».

Гермоген дал Соловьеву благопріятную характеристику о. Васильева (тоболянина по происхожденію), как человѣка дѣйствительно преданнаго царской семьѣ, но страдавшаго одним недостатком — он был невоздержен в винѣ. Его раньше судили по обвиненію в том, что он в пьяном видѣ утопил в бочкѣ с водой своего псаломщика, приговорили к церковному покаянію и сослали на нѣсколько лѣт в один из сибирских монастырей; вернувшись из ссылки в Тобольск о. Алексѣй вел трезвый образ жизни, но за послѣднее время вновь свихнулся — в состояніи опьяненія и были совершены чреватыя для царской семьи безответственные поступки с величаніем, колокольным звоном и пр. О. Васильев не имѣл уже непосредственных сношеній с царской семьей, но у него квартировал придворный служитель Кирпичников, имѣвшій право свободнаго входа в губернаторскій дом. Кирпичников помогал Государю в его физических работах, и при его посредствѣ о. Алексѣй мог ежедневно и по нѣсколько раз сообщаться с заключенными. Кирпичников находился в хороших отношеніях с охраной, хаживая в отрядный комитет, гдѣ завел себѣ друзей среди писарей. В дневникѣ 19 марта Николай II называет Кирпичникова «нашим всегдашним освѣдомителем»**).

---

*) В письмѣ Вырубовой 23 января о. Алексѣй характеризуется так: «священник этот энергичный, преданный, борется за правду, очень милое лицо, хорошая улыбка, худой, с сѣдой бородой и умными глазами. Исповѣдывалась у него в октябрѣ, но говорили больше об общем положеніи. Он извѣстен среди хороших людей, потому его от нас убрали, но, может быть, и лучше, так как он может больше дѣлать теперь... Епископ за нас и патріарх в Москвѣ тоже, и большая часть духовенства».

**) Боткин изображает этого Кирпичникова в самом неприглядном видѣ, а Дитерихс добавляет, что Кирпичников впослѣдствіи стал большевиком: «К. занимал какое-то очень низкое мѣсто в кухонной іерархіи, но обратил на себя вниманіе Их Вел. своей колоссальной, несмотря на маленькій рост,

С о. Васильевым тогда же Соловьев установил связь, но совершенно очевидно, что хронологически не мог имѣть мѣсто случай, о котором говорит слѣдствіе, когда один из присланных из центра офицеров был «помѣщен Соловьевым и о. Васильевым в Царских Вратах Благовѣщенской церкви и мог сказать оттуда молившемуся на колѣнях Государю: ... «В. В., вѣрьте нам». Этот примѣр Булыгин сопровождает обобщеніем, что так поступал Соловьев в тѣх случаях, когда ему надо было продемонстрировать пріѣхавшим из центра в Тюмень офицерам (мифическим) свои связи с царской семьей: он их переправлял в Тобольск и устраивал через А. Романову возможность обмѣняться записками с узниками или возможность увидать их, когда они в условленное время выходили на балкон дома, когда даже удавалось сказать им нѣсколько слов. Конечно, что-либо подобное эпизду в «Царских Вратах» могло произойти с одним из братьев Рассских — это так соотвѣтствует всей юношеской наивности их поведенія в Тобольскѣ. Из письма А. Ф. вытекает, что 26 января (ст. ст.) Соловьев должен был выѣхать обратно в Петербург. Из дневника жены Соловьева ясно, что поѣхал он вновь в Сибирь 2 или 3 марта (очевидно, новаго стиля). Представлять «организацію» на мѣстѣ мог только о. Алексѣй, а тюменьская застава должна была бездѣйствовать, но к этому времени из числа посланных «центром» в Сибири гдѣ-то находился только Сѣдов. Как произошла встрѣча Соловьева с Сѣдовым разсказывает Марков (маленькій). Его повѣствованіе своей простотой и естественностью само по себѣ вызывает довѣріе, между тѣм, как построеніе слѣдствія искусственно, надумано и противорѣчиво, а возраженія, которыя представлялись уже в эмиграціи Маркову со стороны его родственника и однофамильца, носят не только опредѣленный полемическій характер, но и характер позднѣйшаго мемуарнаго наслоенія, при чем грѣшат большой забывчивостью в отношеніи к современности.

Но раньше скажем, как сам Марков попал в Тобольск и при каких условіях встрѣтился с Соловьевым. Послѣ возвращенія своего из Кіева, гдѣ он видѣлся с гр. Келлером, Марков был послан организацією «Tante Ivette», но деньги на поѣздку достала Выру-

---

физической силой и большой услужливостью. Маленькій, коренастый, вѣчно грязный, он производил впечатлѣніе жулика и развязнаго нахала. Он занимался разведеніем свиней... и безцеремонно пас их на отведенном для прогулки дворикѣ. Нѣсколько раз в недѣлю он принимался за варку обѣда для своих питомцев, при чем отвратительный запах от свиного кушанья распространялся по всему дому, и никогда никто не дѣлал ему замѣчанія. Кирпичников каким-то образом пріобрѣл большое довѣріе солдат охраны и уже при большевиках мы посылали через него сласти Их Высочествам, половину которых он, конечно, съѣдал сам. Впослѣдствіи он хвастался, что Е. В. дала ему нитку жемчуга на храненіе, но вряд ли это была правда. Он был большим другом о. Алексѣя и также беззастѣнчиво врал и сплетничал». Все это неуловимо, а вот свиные окорока кирпичниковскаго производства, которые подавались на царскій стол в голодное большевицкое время — в апрѣлѣ, это уже реальность, как показывает сохраненное Жильяром меню. Кирпичников не был «кухонным служащим», а был «писцом». Вѣроятно, по профессіи ему легко было установить добрыя отношенія с писарской командой «отряднаго комитета».

бова, с которой он, Марков-маленькій, сводил в серединѣ февраля руководителя организаціи Маркова 2: у Вырубовой в это время Марков, посылаемый в Сибирь, и познакомился с Солоьевым. Кромѣ Маркова, в Сибирь должны были направиться в ближайшее время шт. рот. кавалергардскаго полка Грюнвальд и сын члена Гос. Совѣта Андреевскій. Марков 2 утверждает противоположное. Он узнал, что Вырубова посылает корнета Маркова с письмами и подарками в Тобольск и просил его только узнать об участи Сѣдова и информировать о положеніи дѣла в Сибири*). В противорѣчіе с Марковым 2, его правая рука Соколов заявил слѣдователю, что Сѣдов и Марков были рекомендованы Дэн. Вначалѣ был послан Сѣдов, потом Марков, который должен был разыскать перваго и поступить под его начало. Марков (С) увѣряет, что Марков 2 в бесѣдѣ с Вырубовой подчеркивал, что в его распоряженіи находится до ста офицеров, готовых в любую минуту к отъѣзду, и что дѣло только в деньгах. Вспомним о 100 гардемаринах, которые должны были пріѣхать в помощь московской экспедиціи! Сам Марков 2 в статьѣ «Истина спасенія царской семьи» разсказывал, что в Петербургѣ организована была офицерская группа ген. Z, которая должна была явиться на мѣстѣ ядром спасительнаго отряда. В отвѣтѣ «маленькому» Маркову, в іюнѣ 27 г. в «Двуглавом Орлѣ» Марков 2 пошел еще дальше. Он писал: .... «будь у нас в апрѣлѣ 1918 г. хотя бы один милліон руб., думается, мы успѣли бы сосредоточить в Екатеринбургѣ отряд в 300 смѣлых людей и сдѣлать рѣшительную попытку для соединенія царской семьи с чехословаками». С полным правом мы можем разсматривать корнета Маркова, как одного из офицеров, входивших в мощную яко бы организацію Маркова 2.

Корнет Марков выѣхал из Петербурга 2 марта и 10-го был в Тобольскѣ. Вырубова направила его с паролем к свящ. Васильеву. Соловьев, с которым Марков перед отъѣздом познакомился у Вырубовой, выѣхал, вѣроятно, дней на десять раньше Маркова. У о. Васильева Марков узнал, что Соловьев уже был в Тобольскѣ с теплыми вещами для семьи и теперь находится в Покровском; через того же о. Алексѣя Марков передал в губернаторскій дом привезенныя вещи и получил благодарственное письмо от «шефа» полка, т. е. от имп. Ал. Фед. На словах о. Алексѣй ему сообщил, что А. Ф. полагает небезопасным пребываніе в Тобольскѣ и просит его уѣхать в Покровское к Соловьеву и временно оставаться у него. Не забудем, что разыгрывался эпилог дѣла Раевских. Разговор с о. Алексѣем происходил в алтарѣ Благовѣщенской церкви, сюда пришел Кирпичников и провел Маркова к губернаторскому дому, из второго этажа котораго в окно глядѣла семья. А. Ф. писала Вырубовой 13 марта (ст. ст.), подтверждая разсказ Маркова: «Скажи маленкому М., что его шеф был очень рад видѣть». А. Ф.

---

*) «Рекомедованный лицом, близким царской семьѣ, корнет Марков первое время пользовался у нас довѣріем, и я не скрывал от него нашего плана спасти Государя... не скрывал и того, что пока не соберу денег, не смогу этого выполнить».

предполагала, что Марков возвращается в Петербург немедленно*). В Покровском Марков узнал, что Соловьев арестован прiѣзжавшим отрядом красногвардейцев и отвезен в Тюмень**). Мы можем оставить в сторонѣ перепитiи дальнѣйших приключенiй Маркова, объясняющих, как он остался в Тюмени и как по совѣту случайно встрѣченнаго прежняго товарища по корпусу отбросил свой фальшивый паспорт и, пользуясь патрiархальностью нравов еще не обольшевистившагося города, принял свой прежнiй облик — Маркова, бывшаго военнослужащаго из Проскурова. Далѣе Марков разсказывает, как он при содѣйствiи б. «начальника тюменьскаго гарнизона» полк. П. попал на службу к большевикам и сдѣлался старшим инструктором формировавшейся кавалерiйской части и командиром 1-го тюменьскаго уланскаго эскадрона. Ему рисовались перспективы, как он создаст в Тюмени законспирированную ячейку в самой красной арміи, вооруженную и матерiально обезпеченную, куда войдут офицеры, присланные из центра. Пока тѣ не прiѣхали, он саботировал работу.

Служба в красной арміи была поставлена под подозрѣнiе послѣдующими обличителями Маркова, изображавшими его агентом, может быть, безсознательным нѣмецко-большевицкаго провокатора Соловьева. Они были в лагерѣ пуристов в этом отношенiи и раздѣляли предразсудки, укоренившiеся в дни гражданской войны в нѣкоторых добровольческих кругах. Слѣдствiе Соколова шло по их стопам, причем Булыгин, как всегда, вносит свой нюанс: корнет Марков был устроен на офицерскую должность в мѣстную красноармейскую часть поручиком Соловьевым — «корнет Марков был полезен Соловьеву, когда прiѣзжавшiе заговорщики требовали от него доказательства его работы, поручик Соловьев мог им сказать: хорошо! Приходите сегодня на парад гарнизона, вы увидите офицера, ѣдущаго впереди эскадрона; он сдѣлает такой-то знак рукой. Это наши!» Прiем Булыгина, — правда, он только причастен к сибирскому слѣдствiю, — совершенно изумителен. Дав предположительный отвѣт от имени Соловьева мифическим личностям, его запрашивавшим, т. е. отвѣт, измышленный им самим, он добавляет: «когда в 21 г. по порученiю слѣдователя Соколова я допрашивал в Берлинѣ корнета Маркова, он показал, что в его эскадронѣ в Тюмени, который Соловьев называл «своими людьми», были самые обыкновенные красноармейцы, ничего общаго ни с какими заговорщиками не имѣвшiе».

Кому мы должны вѣрить — воспоминанiям корнета Маркова или слѣдовательским изысканiям кап. Булыгина? Соколов не знал воспоминанiй Маркова и судил о нем по характеристикѣ допрошенных свидѣтелей — для него почти всегда «лжет» Марков. Слова Маркова вызывают у меня несравненно больше довѣрiя, ибо

---

*) 8 апрѣля она писала: «Вы видѣли маленькаго Сережу. Он вам разсказал, что видѣлся со всѣми издалека».

**) А. Ф. писала Вырубовой 20 марта: «Борис взят: это бѣда, но не разстрѣлян — он знал, что будет так».

несомнѣнен факт, что он прибыл в Тюмень в серединѣ марта, в момент, когда Соловьев был арестован. Марков разсказывает, что через нѣсколько дней он неожиданно встрѣтил Соловьева в парикмахерской. Со слов Соловьева он узнал, что тому удалось объяснить происхожденіе у него фальшивых документов желаніем бросить фронт еще во времена Керенскаго из-за своих крайних анархических убѣжденій: «Его доводы подѣйствовали на вѣчно полупьянаго предсѣдателя тюменьскаго совдепа Нѣмцева и его помощника, такого же горькаго пьяницу Невѣрова» — Соловьев был выпущен на свободу под расписку о невыѣздѣ из Тюмени с обязательством являться каждый день в совдеп. Отобраннаго у него чека на сумму в 10 тыс. ему не вернули. Дѣло было передано революціонному трибуналу. Само по себѣ подозрительно ли такое освобожденіе? Припомним, как легко члены «московской экспедиціи» освободились из цѣпких рук кронштадтских матросов. С именем Нѣмцева мы встрѣтимся и увидим, что он отнюдь не принадлежал к числу крайних большевиков, и что извѣстная уступчивость его проистекала, очевидно, не только от «пьянства».

Итак, «тюменьская застава» могла начать играть свою предательскую роль т о л ь к о в 20-х ч и с л а х м а р т а, когда в Тюмени поневолѣ осѣл Соловьев, а вмѣстѣ с ним и Марков. Как будто нѣт сомнѣній, что в это время через тюменьскую заставу никто из центра не проѣзжал. По признанію Маркова 2 и его единомышленников послѣ выѣзда корнета Маркова всякая связь с ним прервалась, как это было и с Сѣдовым*).

Соловьев — совершенно ясно — никакого касательства к марковской организаціи не имѣл. Марков 2, по собственным его словам, узнал, о нем позже, когда из Сибири возвратились Сѣдов и Марков Сергѣй. Слѣдователю Соколову в Рейхенгалѣ (21 г.) Марков 2 показывал: «перед посылкой N я пытался ради общей цѣли установить соглашеніе с А. А. Вырубовой, но она дала мнѣ понять, что она желает дѣйствовать самостоятельно и независимо от него». И позже: «пока N еще не вернулся, мнѣ из кружка Вырубовой было дано понять, что мы совершенно напрасно пытаемся установить связи с царской семьей посылкой наших людей, что там на мѣстѣ работают люди Вырубовой, что мы напрасно пута-

*) В статьѣ «Ловцы правды» Марков 2 говорит в полном противорѣчіи со своими показаніями слѣдователю и с поддержкой тезы о тюменьском Соловьѣ-разбойникѣ, что д р у г і я лица, посылавшіяся в то время из Петербурга и Москвы, без особых трудов устраивались и проживали в Тобольскѣ, отнюдь не поступая на службу в отряды красной охраны. В статьѣ он допускает такую инсинуацію в отношеніи корнета Маркова: «Лицо, привозившее Государю деньги из Москвы... встрѣтило со стороны бывшаго в тѣ дни в Тобольскѣ Серг. Маркова в с я к і я придирки и затрудненія в сношеніи с заключенными и вынуждено было снабдить корнета солидной суммой денег, чтобы он скорѣе уѣхал из Тобольска и не мѣшал. Получив деньги, С. Марков тотчас отбыл в Тюмень». С. Марков, естественно, отрицает и встрѣчу, и полученіе денег от московскаго посланнаго. Мы знаем, что этим москвичем был Штейн, привезшій деньги при в т о р и ч н о м своем посѣщеніи Тобольска. Царь отмѣтил точную дату полученія денег от Штейна — 12 марта ст. ст. Дата совпадает. Но как корнет Марков мог помѣшать в Тобольскѣ Штейну, установившему связи в дни перваго своего пріѣзда?

емся в это дѣло и неумѣстным рвеніем только компрометируем благое дѣло». Соратник Маркова 2, Соколов, упоминал в своем показаніи, что «кажется в это же время и было названо имя Соловьева, как организатора на мѣстѣ». Очевидно, дѣло было не совсѣм так, как показывали на слѣдствіи «свидѣтели», ибо второй и послѣдній посланец Марков 2 в тобольскій період был одновременно и посланцем Вырубовой и получил пароль на о. Алексѣя. Но сам Соловьев не был причастен к «центральной» организаціи Маркова 2 и не мог туда посылать сногсшибательных донесеній от имени своей организаціи, именуемой «Братством св. Іосифа Тобольскаго». «Он доносил о том — повѣствует Булыгин — что восемь полков красноармейцев, распропагандированных его агентами, заняли два подступа к Тобольску, вокруг котораго они расположены, что в домѣ заключенія у него есть вѣрные люди, что надо опасаться лишь полк. Кобылинскаго и его адъютанта, что всѣ мосты вокруг города минированы, что город в любую минуту может быть изолирован и т. п. вздор, что присылка офицеров из центра ему в помощь не нужна, а вредна, так как каждое новое лицо может здѣсь вызвать лишь подозрѣнія, что нужно присылать только деньги». Откуда Булыгин заимствовал весь этот дѣйствительный «вздор»? Здѣсь сказалась только разыгравшаяся фантазія мемуариста-слѣдователя...

Вскорѣ к Соловьеву и Маркову присоединился и Сѣдов. И он оказался в Тюмени. Встрѣча произошла совершенно неожиданно в аптекѣ. Вид Сѣдова Марков описывает так: «вмѣсто вылощеннаго шт.-капитана... я увидѣл форменнаго оборванца, в засаленной ватной курткѣ, в сѣро-синих латаных брюках, в смазных сапогах. Дырявый картуз еле прикрывал всклокоченную шевелюру». Сѣдову «много пришлось перестрадать, пока он пріѣхал в Тюмень, гдѣ он находился всего лишь третью недѣлю. Пережитое сказалось огромным нервным потрясеніем... повышенная нервность чувствовалась во всем». Сѣдов явился в Тюмень, чтобы легализировать в проф. союзѣ свое положеніе чернорабочаго и в качествѣ такового получил мѣсто дворника у одного мѣстнаго домовладѣльца.

Сойдясь, всѣ трое рѣшили, что им «ничего другого не остается дѣлать, как ждать пріѣзда офицеров из организаціи». Сѣдов рѣшил остаться на своей должности, гдѣ он был хорошо замаскирован. Марков и Соловьев вращались в совѣтском обществѣ, устраивая свои встрѣчи в театрѣ и знакомясь с вершителями судеб мѣстной жизни.

Подводя итоги, Маркв С. формулирует в таких словах результаты дѣятельности Соловьева: удалось 1) твердо установить связь с заключенными, 2) образовать в Тобольскѣ и в ближайшем к нему районѣ группу вѣрных людей, 3) по всей линіи от Тобольска до Тюмени установить ряд опредѣленных пунктов с надежными людьми, через которых пересылалась вся корреспонденція и мелкія вещи, 4) установить постоянный контроль над почтово-телеграфными сообщеніями, как Отряда, так и Совдепа». Соловьев сразу понял — говорит Марков — что кромѣ частнаго облегченія

участи Их Величеств, в виду недостатка у Вырубовой средств, ему ничего не удастся больше сдѣлать». Но, очевидно, кружок Вырубовой только эти цѣли (присылка вещей и денег и облегченіе сообщенія с внѣшним міром) и преслѣдовал. Посредником в этой работѣ и был Соловьев. Осуществленіе фантастических планов, рождавшихся в головах нѣкоторых членов петербургских и московских монархических организацій, мѣшало такой непосредственной практической работѣ. И можно допустить, что «кружок» Вырубовой дѣйствительно хотѣл работать самостоятельно и считал, что «неумѣстное рвеніе только компрометирует благое дѣло». Нельзя ли объяснить этой осторожностью и тѣ угрозы, которыя якобы раздавались из уст Соловьева и о которых мы знаем со слов сдѣлавшагося неуравновѣшенным шт. кап. Сѣдова. Произнесены ли были в реальности эти угрозы, в каком контекстѣ и в какой обстановкѣ, мы не знаем, но несомнѣнно «неумѣстное рвеніе» могло компрометировать практическое дѣло. Не говоря уже о фантастических разговорах о подкопах, если только они были, дискредитировать работу могла и московская эскапада и младенческія бредни братьев Раевских*).

Марков 2 увѣряет, что его организація «в теченіе зимы подготовляла план освобожденія. Нашелся опытный и вѣрный шкипер дальняго плаванія, который брался войти со своей шхуной в началѣ лѣта в устье Оби и в условленном мѣстѣ ожидать прибытія бѣглецов. Разработан был план прекращенія до времени бѣгства телеграфной связи вдоль Оби и Ширскаго побережья. Постепенно к мѣсту дѣйствія стягивались отдѣльныя группы офицеров из Сибири и с Урала. В Петроградѣ образована была офицерская группа ген. Z, которая должна была явиться на мѣстѣ ядром спасательнаго отряда. Провокаторская дѣятельность Соловьева, неудачи в дѣлѣ налаживанія связи, а главное — недостаточныя необходимыя денежныя средства привели к тому, что нѣсколько мѣсяцев было утрачено безполезно, и к веснѣ 18 г. подготовка операціи была далеко не закончена». Мечты и дѣйствительность расходились еще в большей степени, чѣм на это указывает творец петербургскаго плана. Но в другой статьѣ (отвѣт своему однофамильцу) воображеніе Маркова 2 занесло его еще дальше: «все же большая подготовительная работа была произведена, и спасеніе Царя и его семьи из Тобольска становилось реально исполнимо. Перевод в Екатеринбург нанес страшный удар всѣм нашим планам». Возможно, что всѣ эти «планы» в деталях и разрабатывались в «конспиративных» квартирах петербургских монархистов. Но эта заговорщическая словесность не переходила через грань реальности, ибо кромѣ Сѣдова и Маркова от организаціи «Tante Ivette» никто не появился в Сибири.

Какіе-нибудь намеки о петербургских планах, конечно, могли

*) Упоминаніе о двух гвардейских офицерах и одной «дамѣ» позволяет подставить здѣсь имена фрейлины Хитрово и братьев Раевских, т. е. отнести «угрозы» к до-большевицкому времени, к дням, когда Соловьева не было в Сибири и, слѣдовательно, придать «угрозам» характер разговорно-теоретическій.

проникнуть в мѣстную монархическую среду — недаромъ братья Раевскіе в январѣ неожиданно для группы шт.-кап. Соколова намѣревались измѣнить московскій проект вывоза царской семьи в Троицк на перевозку в Обдорск. Совѣтскій мемуарист Авдѣев говорит, что у екатеринбургских большевиков в мартѣ «имѣлись вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія, что монархисты группируются вокруг Тобольска, чтобы воспользоваться вскрытіем рѣки Иртыша, на котором стоит Тобольск, и Оби, в которую впадает Иртыш, и увезти бывшаго Царя через рѣки в Обскую рубу и за-границу из рук большевиков». Екатеринбургскіе большевики знали, что «особенно активно работает над подготовкой побѣга бывш. Царя зять Распутина Соловьев, бывшій поручик, через котораго дѣйствовала Вырубова, посылая ему средства и инструкціи»*). «Уральскій совѣт и комитет партіи принял мѣры, к тому, чтобы не осуществились монархическіе планы». Покажется дѣйствительно странным, что Соловьев разгуливал в Тюмени, когда тюменьскіе большевики знали о роли его в подготовкѣ побѣга из Тобольска. Это могла быть только провокація. Но об этих «планах» Авдѣев узнал только из опубликованных показаній Маркова 2 и в своих воспоминаніях, напечатанных в 28 г. выдал за свѣдѣнія, имѣвшіяся в 18 г. в партійных кругах.

Скромная по существу дѣятельность Соловьева (итоги, им подводимые, по словам Маркова, носят черты преувеличенія — жена отмѣчает о своем мужѣ, что он «страшный хвастун», «он все врет») со стороны его изобличителей во всѣх своих деталях встрѣчает опороченіе. Прибыв в Тобольск, Соловьев обратился, как мы знаем, к горничной Ал. Фед. — «Аннушкѣ», которая волею судеб оказалась внѣ стѣн губернаторскаго дома, и через которую заключенные могли сноситься с волей. Этот адрес «сомнительной горничной» Соловьев получил от Вырубовой, а о ней она узнала от самой А. Ф. Какая из двух «Аннушек» — горничных А. Ф., прибывших из Петербурга 4 декабря — Романова или Утина была ея довѣренной — мы точно не знаем, ибо слѣдствіе не занималось выясненіем этого вопроса, обобщая: «обѣ онѣ были распутіанки — пишет Соколов, а одна из них впослѣдствіи вышла замуж за большевика. Через них Соловьев имѣл сношенія с Императрицей». (А. Ф. всегда в письмах упоминает одну «Аннушку»). «Характерная деталь. С ними вмѣстѣ жила преданная Государынѣ ея камер-юнгфрау Занотти. Она не знала о отношеніях Императрицы с Соловьевым: от нея это скрывалось». Это доказывает только, что А. Ф. при всей своей неопытности и наивности лучше понимала смысл конспираціи, чѣм слѣдователь, у котораго глаза были завязаны предвзятой точкой зрѣнія**).

---

*) Уральскіе большевицкіе дѣятели даже знали, что монархистами была намѣчена для увоза Николая за-границу шхуна «Марія», стоявшая в Тобольскѣ на зимовкѣ.

**) Как видно из писем к Вырубовой, А. Ф. сознательно пользовалась разными лицами для посылки писем — между прочим и «Мадлэн», т. е. Занотти. 8 апрѣля А. Ф. писала: «Не посылаю через А., так как она обыска ждет». Дѣйствует еще нѣкая Л.

Через Анну Романову (пусть будет так!) передавались А. Ф. деньги, которыя поступали от Соловьева. По утвержденію Дитерихса, часть денег передавалась о. Васильевым через Кирпичникова Царю. Ген. Дитерихс, не ведшій непосредственно слѣдствія, еще болѣе безотвѣтствен в своих сужденіях, чѣм формальные слѣдователи. Так он говорит, что о. Васильев передал б. Государю незначительную сумму денег, которая потом при сличеніи с суммами, присылавшимися Васильеву и Соловьеву, оказалась совершенно ничтожной. Всѣ же остальныя деньги оставались у этих мѣстных исполнителей распоряженій центральнаго органа». Как могло слѣдствіе сличить поступленіе с расходованіем этого Дитерихс предусмотрительно не говорит. Деньги, передаваемыя Соловьеву невѣдомыми офицерами и им присваеваемыя, — только слѣдовательская фантазія, основанная на безпочвенных свидѣтельских показаніях*). Путем этих показаній слѣдствіе установило, что через Соловьева от Вырубовой поступило к А. Ф. 35 т. руб. (Соловьев говорил Маркову, что он передал 50 т.). А. Ф. в своих письмах упоминает о полученіи денег нѣсколько раз, не указывая суммы. В первом письмѣ 23 января по поводу прибытія офицера X говорится: «Страшно тронута, что X деньги привез, но, правда, не надо больше — все пока у нас есть. Бывали минуты, когда не знали, откуда взять, так как из Петрограда не высылали, теперь опять пока есть». На слѣдующій день А. Ф. возвращается к той же темѣ: «Говорят, что поганцы в Смольном запаслись многим, так что не будут голодать, и им все равно, что в Петроградѣ умирают с голода. Зачѣм X деньги дал, лучше было бы их бѣдным раздать. Буду их прятать на «черный день». Были минуты... люди ждали уплаты в магазинах, и наши люди 4 мѣсяца не получали жалованія, потом прислали. Но и солдаты не получали то, что полагается; тогда пришлось из наших денег взять, чтобы их успокоить. Это все мелочь... Нам здѣсь хорошо, и все есть, что нужно». 6 апрѣля А. Ф. вновь писала: «Ужасно досадно, что ты мнѣ денег послала. Мнѣ онѣ пока не нужны, а тебѣ нужнѣе. Посовѣтуй, как мнѣ их вернуть, чтобы тебя не обидѣть. Я была бы гораздо спокойнѣе, если бы ты их имѣла».

В письмѣ 23 января вскрывался источник, откуда были присланы деньги — она благодарит «Яр» за трогательное вниманіе. Это был банкир Ярошинскій, о котором наряду с женой ген. Сухомлинова упоминает в своем отрывкѣ воспоминаній Соловьев, как о лицах, откликнувшихся на хлопоты Вырубовой по изысканію денег. Ярошинскій был допрошен Соколовым в Берлинѣ (в 20-м году) и подтвердил, что передал Вырубовой для организаціи помощи царской семьѣ 175 тыс. Слѣдствію и эти деньги показались сомнительнаго происхожденія, ибо пор. Логинов заявил, что «Ярошинскій был агентом нѣмцев, что во время войны он имѣл от них громадныя денежныя суммы и на них вел по директивѣ врага

*) Напримѣр, брата Боткина. В воспоминаніях сама Мельник точно знает, что доходила до семьи только ¼ часть тѣх «больших денег», которыя получали Соловьев и Васильев.

борьбу в Россіи». Эти свѣдѣнія были лишь откликом пресловутой легенды о сепаратном мирѣ. Соколов ограничился указаніем, что он. «как судья», «по совѣсти» должен сказать, что роль Ярошинскаго остается для него «темной». «Мой долг указать строгіе факты» — заключал слѣдователь: «Ярошинскій был извѣстен Императрицѣ. Он финансировал лазарет имени в. кн. Маріи Н. и Ан. Н. и в то же время был пом. коменданта личнаго санитарнаго поѣзда Императрицы. Нѣт сомнѣнія, что он имѣл связь с кружком Распутина и был близок и с Манасевич-Мануиловым и с Вырубовой». В концѣ-концов эти «строгіе факты» (близость с Ман.-Мануиловым) оказались городской сплетней — так говорили в Петербургѣ и считали Ярошинскаго германской оріентаціи (Булыгин). Из других источников (воспоминанія Палѣй) мы узнаем, что германофильствующій Ярошинскій (поляк) одолжил значительную сумму денег антантофильствующему в. кн. Павлу Ал., когда тот попал при большевиках в матеріально затруднительное положеніе...*) Соколову представляется загадочным, что Ярошинскій при допросѣ отверг всякую связь, даже простое знакомство с Соловьевым. Соловьев же показал, что он состоял на службѣ у Ярошинскаго, был его личным секретарем за опредѣленное жалованье**). Подлинных показаній ни Ярошинскаго, ни Соловьева мы не имѣем, но весьма возможно, что Ярошинскій, член одного из видных клубов в Лондонѣ, уклонялся в эмиграціи от установленія связи с лицом, которое слѣдствіе представляло не только нѣмецким, но и большевицким агентом.

Булыгин прямо ставит вопрос, куда дѣлись 140 тыс. из денег, полученных Соловьевым (вѣрнѣе Вырубовой) от Ярошинскаго? Нам нѣт надобности итти по стопам слѣдствія, тѣм болѣе, что мы лишены возможности еще в большей степени, чѣм слѣдствіе, имѣвшее перед собой все-таки живых лиц, которых допрашивало, выяснить организаціонные расходы по установленію нелегальных сношеній между Петербургом и Тобольском по пересылкѣ вещей и продуктов плѣнным в губернаторском домѣ. Этими вопросами слѣдствіе, проявляя излишнюю наивность, даже не задавалось. 140 тыс. в совѣтское время не такая уже большая сумма в масштабѣ той работы, которую надлежало выполнить, если предположить и возможность одновременной подготовки бѣгства в случаѣ необходимости***). Слѣдствіе и его главные свидѣтели, искусственно

---

*) Одновременно передал Палѣй 20 т. руб. гр. Сэнт-Совер, имѣвшій отношеніе к французской миссіи. Значительную сумму то же лицо передало и Бенкендорфу для переправки царской семьѣ в Тобольск.

**) Соколов приводит цитату из дневника жены Соловьева 2 марта: «Только что Боря ушел к Ярошинскому. Я знаю, сколько дал Борѣ денег Ярошинскій, но он не хочет дать денег мнѣ... Он разсуждает так: его деньги есть его, а мои тоже его».

***) Марков 2 упрекал в корыстолюбіи и корнета Маркова, который не стѣснялся-де широко расходовать полученныя на поѣздку в Тобольск деньги. Это были «большія», по утвержденію Маркова 2, деньги в началѣ 18 г. — цѣлых 830 р. (240 руб. переданы были Марковым 2, 240 руб. даны были Васильевым и 350 руб. взяты были у семьи Распутиных. По какому-то

цѣпляясь за мелочи, искали тут главным образом изобличительность матеріала, который дискредитировал бы дѣятельность Соловьева и о. Васильева. Может быть, и был нѣсколько корыстолюбив о. Алексѣй*), может быть, не забывал подчас своих имущественных интересов и «зять Распутина» (он вел какія-то коммерческія дѣла в Сибири; были ли то личныя дѣла Соловьева, мы в точности не знаем — он мог представлять интересы и своего финансоваго патрона), но едва ли это само по себѣ может служить уликой для обвиненія Соловьева в том, что он был не только нѣмецким агентом и большевицким провокатором, но и похитителем общественных денег и даже личнаго царскаго имущества, переданных ему или скрытых в извѣстном ему мѣстѣ фамильных брилліантов: Соловьев продал содержанкѣ ат. Семенова брилліантовый кулон за 50 тыс. руб. — говорит Соколов; в данном случаѣ Булыгин осторожнѣе своего шефа и прибавляет: «ходили слухи». «Когда военныя власти обыскивали его во Владивостокѣ — продолжает Соколов — у него нашли два кредитных письма на англійском языкѣ. Неизвѣстное лицо предлагало в них Рус. Аз. Банку уплатить «в наилучшем размѣнѣ» самому Соловьеву 15 тыс., а его женѣ 5 тыс. руб.»... «Я спрашивал Соловьева, кто и за что дал ему это письмо. Он показал, что ему дал его незнакомец, с которым он только в первый раз встрѣтился в поѣздѣ, по имени Ван дер Дауер». Трудно повѣрить такому несуразному объясненію, не прочитав непосредственно показаній допрашиваемаго. В самом фактѣ наличія чек в 20 т. у зятя Распутина, собиравшагося в то время уѣхать за-границу (и, очевидно, надолго), нѣт ничего необычайнаго.

Нужно было бы посвятить много страниц для того, чтобы раскрыть гору мелких сплетен, которую накрутили свидѣтели, а за ними сами слѣдователи. Но — это не важно. Слишком очевидно, что для основного утвержденія слѣдствія не было никакого конкретнаго матеріала. Можно было бы обвинять тобольских «организаторов» в том, что они внушали царской семьѣ «лживыя надежды на мнимое спасеніе», о котором в дѣйствительности мало кто думал и реально для котораго ничего не было сдѣлано. Соколов был совершенно прав в своем заключеніи о тобольском періодѣ: «слѣдствіе абсолютно доказало, что не было ни в Тюмени, ни в другом мѣстѣ Тобольской губ. никакой офицерской группы, готовой освободить семью». Между тѣм Жильяр в «дневник» записал 13 марта по поводу прибытія в Тобольск омскаго отряда: ...«Ея Вел. сказала мнѣ, что она имѣет основаніе думать, что среди этих людей много офицеров, поступивших в красную армію в качествѣ солдат. Она утверждала также, не поясняя, откуда это она знает, что в Тюмени собрано 300 офицеров». Нѣт основанія при-

---

фантастическому разсчету автор приравнивает 830 р. совѣтскаго времени 8.000 франков 29 г. Сложный дальній путь, помимо путевых расходов, требовал экипировки, а вѣдь в это время цѣна старых ботинок и подержанный костюм уже исчислялись сотнями совѣтских рублей.

*) Корнет Марков говорит, с какой неохотой дал ему о. Алексѣй 240 руб., как бы из своих денег для отъѣзда из Тобольска.

писывать легенду о «300» офицерах исключительно творчеству о. Алексѣя или Соловьева, таким путем сознательно обманывавших заключенных. Легенда эта, конечно, того же происхожденія, что и миф о 100 гардемаринах, долженствовавших прибыть для осуществленія плана побѣга, предвѣстниками котораго были братья Раевскіе, или миф о тѣх офицерских кадрах петербургской организаціи, представителем которой являлся шт. кап. Сѣдов и прибытіе котораго в Тобольскѣ ожидалось со слов письма, полученнаго А. Ф. от Дэн. Любил ли говорить о. Алексѣй о «300 человѣк», как увѣряет Мельник, мы не знаем, но что «постоянным освѣдомителем» царской семьи о том, что дѣлалось на волѣ, был писец Кирпичников, мы это знаем точно. Как через него доходила информація хотя бы об ожидаемых гардемаринах? — Через третьи руки даже осторожная информація превращалась в гиперболу. В истерическом воспріятіи Императрицы ожидаемое всегда могло превратиться в реальность.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ТАИНСТВЕННАЯ МИССІЯ

1. Увоз Царя.

В началѣ апрѣля в Тобольскѣ в б. губернаторском домѣ было напряженное настроеніе. Царица писала Вырубовой 8 апрѣля: «Ждем сегодня обыска. Пріятно! Не знаю, как с перепиской дальше будет. Атмосфера электрическая кругом, чувствуется гроза...» Извѣстный уже нам Авдѣев, по его словам, выѣхал из Тобольска в Екатеринбург для «доклада» в областном уральском комитетѣ в цѣлях «добиться там директив по вопросу об увозѣ бывшаго царя в такое мѣсто, гдѣ побѣг ему был бы невозможен». Пріѣхав в Тюмень, Авдѣев на вокзалѣ увидал выгружавшуюся кавалерійскую часть и узнал, что это отряд уполномоченнаго ВЦИК-а Яковлева. Послѣдній предъявил Авдѣеву на ряду с полномочіями от центра мандат областного комитета, в котором говорилось, что вся «группа уральцев» в Тобольскѣ поступала в «полное распоряженіе» Яковлева. «Я ввел его в курс обстановки Тобольска — разсказывает Авдѣев,— и познакомил с тѣм, куда и зачѣм ѣду, послѣ чего Яковлев предложил мнѣ вернуться обратно с ним в Тобольск, обѣщав, что бывшій Царь будет вывезен из Тобольска немедленно, а куда — добавил он— на то я получу директивы из Москвы в Тобольскѣ». Сообщив в Екатеринбург о встрѣчѣ с Яковлевым, Авдѣев поѣхал с ним (верхом на лошади) в Тобольск — их сопровождал кавалерійскій отряд под командой Зенцова, прибывшій с Яковлевым и состоявшій из рабочих Симскаго округа Южнаго Урала. По дорогѣ они нагнали роту пѣхоты под командой Бусыцкаго, которая двигалась из Екатеринбурга в Тобольск в распоряженіе «уральской группы». 9-го вечером прибыли в Тобольск. По словам Авдѣева, по пріѣздѣ Яковлев немедленно созвал совѣщаніе из уральцев и своих помощников, на котором Хохряков дал информацію о положеніи дѣл в Тобольскѣ, а Яковлев изложил план выполненія возложенной на него задачи: «он должен увезти бывшаго Царя из Тобольска, в чем должны ему всѣ помогать, а куда он с ним поѣдет — об этом разсуждать не слѣует». «Несмотря на то, что на этом совѣщаніи было принято наше предложеніе о вывозѣ бывшаго Царя, все же мы, уральцы, рѣшили в ту же ночь собраться отдѣльно, так как поведеніе Яковлева показалось нам подозрительным». Но это совѣщаніе явно было не в первую ночь по прибытіи чрезвычайнаго комиссара ВЦИК-а...

На слѣдующій день (т. е. 10 апрѣля) — продолжает Авдѣев — «мы с ним направились в дом заключенія. Чрезвычайный комиссар, прибывшій для выполненія порученія «особой важности» по утвержденію свидѣтелей, прошедших перед слѣдствіем, никому не открыл цѣли своей миссіи, обошел дом заключенія, познакомился с Царем и посѣтил наслѣдника, который был болен. «Ни Государыни, ни княжен Яковлев не видѣл в этот день. Он совсѣм не спрашивал о них, не интересовался ими: как будто их не существовало». Это заключеніе опровергается, как дневником Николая II, так и письмом его жены А. Ф. Вырубовой, помѣченным 10 апрѣля. А. Ф. писала «сестрѣ Серафимѣ»: «Новый комиссар из Москвы пріѣхал, какой-то Яковлев. Ваши друзья сейчас с ним познакомятся... Вашим все говорят, что придется путешествовать или вдаль, или в центр. Но это грустно и нежелательно и болѣе, чѣм непріятно, в такое время»... Письмо заканчивается указаніем: «видѣли новаго комиссара — не плохое лицо». Может быть, смутно рисовались какія-то надежды — в письмѣ А. Ф. замѣчала: «Вот 11 человѣк верхом прошли, хорошія лица, мальчики еще, улыбаются. Это уже давно невиданное зрѣлище. У охраны комиссара не бывают такія лица». Царь занес в дневник: «в 10 ½ час. утра Кобылинскій явился с Яковлевым и его свитою*). Принял его в залѣ с дочерьми. Мы ожидали его к 11 час, поэтому Алекс не была еще готова. Он вошел, бритое лицо, улыбаясь и смущаясь, спросил, довольны ли охраной и помѣщеніем**). Затѣм почти бѣгом зашел к Алексѣю, не останавливаясь осмотрѣл остальныя комнаты и, извиняясь за безпокойство, ушел вниз... Через полчаса он снова явился, чтобы представиться Алекс, опять поспѣшил к Алексѣю и ушел вниз***). Этим пока ограничился осмотр дома».

Авдѣев говорит, что послѣ осмотра помѣщенія «сейчас же была снята постоянная охрана и замѣнена нашими красногвардейцами». Кобылинскій изображает по другому: Авдѣев хотѣл остаться в дежурной, но прап. Семенов запротестовал.

Надо думать, что никто в губернаторском домѣ дѣйствительно не сомнѣвался в том, что готовится вывоз семьи. Это подтверждает телеграмма, полученная в тѣ дни монархическими кругами в Москвѣ из Тобольска. Кривошеин содержаніе телеграммы передал Соколову в таких выраженіях: «Врачи потребовали безотлагательнаго отъѣзда на юг на курорт. Такое требованіе нас чрезвычайно тревожит. Считаем поѣздку нежелательной. Просим дать совѣт. Положеніе крайне трудное». Возможно ли допустить, что подобная телеграмма была отправлена за нѣсколько часов до отъѣзда? Тѣм болѣе, что, по словам Кривошеина, «спустя короткое время» была

---

*) Наканунѣ в дневникѣ был отмѣчен пріѣзд «чрезвычайнаго комиссара»: «Дѣти вообразили, что он сегодня придет дѣлать обыск и сожгли всѣ письма, а Марія и Анастасія даже свои дневники».

**) «Николай подошел к Яковлеву и протянул ему руку», — пишет Авдѣев: «и к нашему удивленію, тот подал ему в свою очередь руку, и они обмѣнялись привѣтствіями».

***) То же записано у Жильяра, с записью котораго было знакомо слѣдствіе.

получена вторая телеграмма из Тобольска: «необходимо подчиниться врачам». Вторая телеграмма служила, как бы откликом на отвѣт, посланный из Москвы. «Смысл полученной из Тобольска первой телеграммы тогда для нас был совершенно неясен, но несомнѣнно тревожен» добавлял Кривошеин: «наш отвѣт был примѣрно такого содержанія: «Никаких данных, которыя могли бы уяснить причины подобнаго требованія, к сожалѣнію, не имѣем. Не зная положенія больного и обстоятельств, высказаться опредѣленно крайне трудно, но совѣтуем поѣздку по возможности отдалить и уступить лишь в крайнем случаѣ только категорическому предписанію врачей»*).

Со своей стороны Жильяр записал 10 апрѣля: «всѣ обезпокоены и ужасно встревожены. В пріѣздѣ комиссара чувствуется неопредѣленная, но очень дѣйствительная угроза», и на слѣдующій день послѣ пріѣзда Яковлева: «выходя, он спросил у коменданта — много ли у нас багажа? Не идет ли дѣло о каком-нибудь отъѣздѣ». Наконец, 12-го: «Мы всѣ ужасно встревожены. У нас чувство, что мы всѣми забыты, предоставлены самим себѣ, во власти этого человѣка. Неужели возможно, чтобы никто не сдѣлал ни малѣйшей попытки спасти царскую семью? Гдѣ же, наконец, тѣ, которые остались вѣрными Государю? Зачѣм они медлят?»

Первые два дня в Тобольскѣ центром вниманія московскаго комиссара был отряд особаго назначенія. 10-го Яковлев выступил перед отрядом. «Совершенно ясно было — показывал офицер Мундель — что Яковлев поддѣлывается к нашим стрѣлкам... чтобы достичь одного: чтобы они не оказали какого-то противодѣйствія». Яковлев говорил, что привез новыя суточныя деньги, восхвалял совѣтскую власть, порицал Временное Правительство и намекал, что скоро всѣ солдаты будут распущены по домам, но не открывал, в чем заключалось возложенное на него порученіе особой важности». Солдаты отнеслись с нѣкоторым подозрѣніем к прибывшему комиссару, их делегаты пошли в совдеп, гдѣ предсѣдатель Хохряков, по словам присутствовавшаго Мунделя, разъяснил им, что он хорошо знает Яковлева, как виднаго дѣятеля революціи на Уралѣ.

Болѣзнь «маленькаго» вызвала колебанія у московскаго комиссара, и он, по словам Авдѣева, склонен был поѣздку отложить. Но на партійном совѣщаніи, созванном по этому поводу, Хохряков, поддержанный «уральцами», высказался за немедленную эвакуацію в надежное мѣсто в виду того, что трудно предусмотрѣть послѣдствія отсрочки, если вскроются рѣки, когда монархисты «безусловно попытаются освободить бывшаго Царя». Яковлев переговорил по прямому проводу с Москвой и получил предписаніе, в виду болѣзни Алексѣя, оставить семью в Тобольскѣ и выѣхать с одним Царем. По утвержденію Авдѣева, Яковлев тогда сказал. что повезет Царя в Екатеринбург. Вечером в 11 часов Яковлев собрал отрядный комитет. Ему он «секретно» открыл цѣль своего пріѣзда.

На другой день комиссар раскрыл карты и коменданту, ска-

*) Чтобы выяснить дѣло, в Тобольск из Москвы было отправлено два лица, но царь был перевезен уже в Екатеринбург.

зав, что за семьей он вернется через нѣкоторое время. По намекам Яковлева, что он вернется через 1 ½ 2 недѣли («дня в 4-5 доѣдем, ну там нѣсколько дней и назад»), Кобылинскій рѣшил, что Царь будет отвезен в Москву. Затѣм у Яковлева было свиданіе с самим Николаем Александровичем. Царь кратко заносил в дневник: «Послѣ завтрака Яковлев пришел с Кобылинским и объявил, что получил приказаніе увезти меня, не говоря куда. Алекс рѣшила ѣхать со мной и взять Марію. Протестовать не стоило»... По словам Кобылинскаго Царь первоначально заявил: «Я никуда не поѣду», на что Яковлев отвѣтил: «Прошу этого не дѣлать. Я должен исполнить приказаніе. Если вы отказываетесь ѣхать, я должен или воспользоваться силой, или отказаться от возложеннаго на меня порученія. Тогда могут прислать вмѣсто меня другого, менѣе гуманнаго человѣка. Вы можете быть спокойны. За вашу жизнь я отвѣчаю своей головой. Будьте готовы. Завтра в 4 часа мы выѣзжаем».

Послѣ ухода Яковлева Кобылинскій подѣлился с семьей своим впечатлѣніем, что Царя хотят увезти в Москву. «Тогда Государь сказал: «Ну это они хотят, чтобы я подписался под Брестским договором. Но я лучше дам отсѣчь себѣ руку, чѣм сдѣлаю это». Сильно волнуясь, Государыня сказала: «Я также ѣду. Без меня опять его заставят что-нибудь сдѣлать, как раз уже заставили». Безусловно Государыня намекала на отреченіе Государя от престола». Всѣ свидѣтели-очевидцы, прошедшіе перед слѣдствіем, разсказывали о мучительном волненіи, охватившем А. Ф., которая боялась оставить больного сына и отпустить Царя одного. Ей приходилось выбрать между сыном и мужем: «Его увозят одного потому, что они хотят его отдѣлить от семьи, чтобы попробовать заставить его подписать гадкую вещь под страхом опасности для жизни всѣх своих, которых он оставит в Тобольскѣ, как это было во время отреченія в Псковѣ»... «Я чувствую, повторяла А. Ф. Жильяру, что они хотят заставить подписать мир в Москвѣ. Нѣмцы требуют этого, зная, что только мир, подписанный Царем, может имѣть силу и цѣнность в Россіи. Мой долг не допустить этого и не покинуть его ѣ такую минуту». Когда через час Кобылинскій снова пошел в «дом», чтобы освѣдомиться, кто именно поѣдет (Яковлев сказал, что ему «все равно, лишь бы немного брали вещей»), он узнал, что помимо А. Ф. с Царем ѣдут Марія Ник., Боткин, Долгоруков, камердинер Чемодуров, лакей Сѣднев и дѣвушка Демидова. Кобылинскій подчеркивает, что в этот день он больше не был в «домѣ»*).

Поздно вечером Яковлев собрал отряд и объявил солдатам,

*) Авдѣев, свидѣтель далеко не всегда достовѣрный, говорит, что именно тогда состоялось упомянутое партійное совѣщаніе, на котором выяснились колебанія Яковлева, и что по настоянію этого совѣщанія Яковлев вновь пошел к Царю и объявил ему, что его увезут силой, если он будет сопротивляться. По словам Авдѣева, он дал согласіе на 12 человѣк «слуг». Партійцы протестовали, и Авдѣев, уже в качествѣ коменданта «дома заключенія», на котораго возложена была организаціонная часть поѣздки, пошел в «дом» и лично передал Царю рѣшеніе совѣщанія.

что он увозит Царя, прося это держать «в секретѣ». Заявленіе Яковлева смутило солдат. «Замѣтно было, что они потрухивали за себя: как бы потом чего не было», — показывал Кобылинскій; «Они стали говорить Яковлеву, что необходимо, чтобы и они сопровождали Государя». Яковлев отклонил это, ссылаясь на то, что его отряд надежный, но пошел на компромисс. Был выбран маленькій отряд из нашей охраны в 6 человѣк, который должен был сопровождать Царя до мѣста назначенія.

Нѣсколько иной оттѣнок собранію дает Авдѣев: «Солдаты старой охраны выступили на собраніи с демагогіей против большевиков, с заявленіем, что они имѣют свѣдѣнія, что уральцы собираются сдѣлать нападеніе на бывшаго Царя, и что всѣм этим руководит Заславскій, и требовали, чтобы Заславскій явился на собраніе. Яковлев же увѣрял, что уральцы работают теперь под его подчиненіем, и что никакіх сепаратных выступленій он не допустит. Заславскій все-же был приглашен на собраніе и заявил, что если монархисты попытаются освободить б. Царя, то они встрѣтят в уральцах такое сопротивленіе, которое отобьет им всякую охоту». Это заявленіе не понравилось Яковлеву, да и из солдат б. охраны кое кто начал дебоширить». Кобылинскій также упоминает об инцидентѣ, относя его к 11 апрѣля, и называет это засѣданіе «судбищем» над Заславским. С рѣчью против Заславскаго выступил представитель Омска Дегтерев, обвиняя его в том, что он искусственно нервирует отряд, создавая ложные слухи, что царской семьѣ угрожает опасность, что под губернаторскій дом ведутся подкопы и пр... Заславскаго ошикали, и он удалился.

Вѣроятно, тогда произошло и ночное совѣщаніе «уральцев», о котором разсказывает Авдѣев. «На этом совѣщаніи Заславскій предложил организовать по дорогѣ в Тюмень близ Ивелова засаду вооруженной группы, которая на всякій случай могла бы служить подкрѣпленіем. Нѣкоторые предлагали еще, чтобы вблизи Яковлева и бывшаго Царя всегда были уральцы, чтобы во-время принять рѣшительныя мѣры. Также рѣшено было при увозѣ из Тобольска бывшаго Царя вмѣстѣ с Яковлевым направить Заславскаго, Авдѣева и отряд Бусыцкаго, а Хохрякова оставить в Тобольскѣ до вывоза остальной части семьи. До сих пор Яковлев дѣйствовал как бы в полной солидарности с уральцами, но на другой день (12-го) поздно вечером вызвал к себѣ в гостиницу Авдѣева и попросил его разсказать, что за совѣщаніе было у «уральцев», и какія вынесены рѣшенія. Авдѣев отвѣтил, что «никакого совѣщанія не было, была частная бесѣда, и рѣшеній быть не могло». «Тогда Яковлев сообщил мнѣ, что уже отдал приказ об арестѣ Заславскаго и его друзей. Я сказал, что он напрасно это дѣлает, так как его информировали неправильно... Отпуская меня, Яковлев заявил, что он мнѣ вполнѣ довѣряет и прочее... Обо всем я постарался скорѣе разсказать Хохрякову». «Почему не был арестован Заславскій этой ночью — не знаю, но на утро, в 4 часа, когда уже подавались подводы для снаряжавшагося поѣзда, Яковлев дал мнѣ распоряженіе, как только я встрѣчу Заславскаго, немедленно его арестовать и препроводить к нему, также должен этот приказ пе-

редать поставленным отрядам по дорогѣ и на станціях». «Этого распоряженія — добавляет Авдѣев — я не передал никому и, кромѣ того, предупредил через Хохрякова Заславскаго».

Рано утром к подъѣзду губернаторскаго дома были поданы сибирскія «кошевы» — плетенныя телѣжки на длинных дрожках*), на которых и размѣстились отъѣзжающіе и их сопровождавшіе. Нѣсколько подвод были с вещами. Полное разнорѣчіе получается при опредѣленіи количественнаго состава отряда, который сопровождал комиссара на обратном пути. Слѣдствіе глухо говорит, что Яковлев оставил большую часть своего отряда в Тобольскѣ. «Впереди и сзади было нѣсколько подвод с солатами нашими и пѣхотой из яковлевскаго отряда, причем на этих подводах было два пулемета, и конская охрана из отряда Яковлева (Кобылинскій). Помимо красногвардейской пѣхоты, размѣстившейся с тремя пулеметами на экипажах, впереди и сзади ѣхала кавалерія под командой тов. Зенцова. Кромѣ того, впереди шла развѣдка из 6 человѣк красногвардейцев» (Авдѣев). Сам Авдѣев ѣхал верхом возлѣ Яковлева «на случай передачи распоряженій по цѣпи» — по отмѣткѣ Николая II. Завѣдывал всей охраной до Тюмени прибывшій вмѣстѣ с Яковлеым Гузанов. Значительно скромнѣе всю эту охрану опредѣляет царскій дневник: 8 стрѣлков и конный конвой в 10 человѣк.

Трудно отдѣлаться от опредѣленнаго впечатлѣнія, что главной опасностью в глазах комиссара являлся Тобольск — и на первом мѣстѣ стояли не козни уральцев, *а безпокойство, что отряд особаго назначенія может не выпустить Царя.*

2. Рожденіе легенды.

Предположенія Кобылинскаго об увозѣ Николая II в Москву и всеобщее убѣжденіе, что вопрос идет о ратификаціи брестскаго мира, послужили основой для легенды, которую слѣдствіе пыталось обосновать и послѣдующими фактами. Комиссар Яковлев — нѣмецкій агент (нѣмецкій шпіон, по выраженію Боткиной-Мельник). Он был послан центральной властью по настоянію нѣмецкаго представительства, и миссія его реализовала план, намѣченный новыми властелинами в Россіи в отношеніи Царя. Этого нельзя не видѣть, если «вдумчиво» отнестись к тому, что дѣлал Яковлев в Тобольскѣ. Нѣмецкій план в корнѣ расходился с предположеніями «уральцев», желавших захватить Николая II в свои руки. Поэтому еще задолго до прибытія чрезвычайнаго комиссара из центра та же нѣмецкая рука предварительно направила из Омска силы, которыя могли бы противодѣйствовать начинаніям екатеринбуржцев. Для слѣдствія было очевидно, что «дѣйствія Дуцмана, Демидова, Дегтерева, Хохрякова и Яковлева связаны одной и той же цѣпью». Соколов называет перваго большевицкаго представителя Тобольскаго совѣта, ставленника екатерибуржцев, матроса Хохрякова со-

*) 11 троек и 5 парных, по воспоминаніям Авдѣева.

подвижником Яковлева. «Нѣт сомнѣній» для него, что и Соловьев «одним общим дѣйствіем... был связан с Демьяновым». Тюмень и Омск — два звена одной и той же цѣпочки; нѣмецкая агентура препятствовала «русским людям» освободить Царя в період брестских переговоров: освобожденный Царь, как символ народной воли и единства, мог помѣшать «похабному» миру. В Тобольскѣ Николай II был как бы под наблюденіем нѣмцев. Послѣ Бреста Царь стал уже опасен нѣмцам именно своим пребываніем в Сибири. И «они сами увезли его, когда опасность их интересам стала реальной. Если Государь и послѣ отреченія от престола призывал к борьбѣ с врагом, мог ли враг оставить его и его сына там, гдѣ для него снова возникали угрозы возстановленія фронта, возникновенія былой русской мощи в лицѣ русской арміи, на знамени которой всегда были начертаны слова «Великая Россія», пока она была императорской! Цѣль увоза несомнѣнно носила политическій характер, но она была не положительной, а отрицательной: не допустить, чтобы Государь остался в обстановкѣ, опасной для нѣмцев. Нѣмцы увозили его ближе к расположенію своих вооруженных сил на территоріи Россіи, в Екатеринбург.

В подтвержденіе Соколов ссылается на слова кн. Долгорукова, разставшагося с Царем только в Екатеринбургѣ у дверей Ипатьевскаго дома — Долгоруков в тюрьмѣ говорил, что Яковлев вез Царя в Ригу.

По мнѣнію слѣдователя, «сам Государь думал иначе» — «он полагал, что им и его сыном хотят воспользоваться в положительных цѣлях». В «данных слѣдствія» Соколов не нашел подтвержденія для такого взгляда, и он вынужден интерпретировать интимныя мысли Николая II. В каких же «положительных цѣлях» хотѣли им воспользоваться? «Дѣло было, конечно, не в Брестском договорѣ, который стал уже фактом... Царь думал, что нѣмцы, желая создать нужный им порядок в Россіи, чтобы, пользуясь ея рессурсами, продолжать борьбу с союзниками, хотят через него дать возможность его сыну воспріять власть и путем измѣны перед союзниками заключить с ними соглашеніе».

Соколовская интерпретація может найти себѣ подтвержденіе в разсказах доктора Деревенко, который передавал королевѣ сербской Ел. Пет., попавшей волею судеб со своим мужем Іоанном Конст. в Екатеринбург, что Николай II думал, что его увозят в Москву, чтобы провозгласить императором, и что Царь рѣшительно отказывался принять корону из нѣмецких рук*).

Интерпретація мыслей Николая II у помощника Соколова Булыгина становится уже интерпретаціей как бы данных, добытых слѣдствіем: нѣмцы перевозили Николая II в Ригу, чтобы возстановить монархію, т. к. к апрѣлю мѣсяцу событія внѣшней и внутренней жизни Германіи измѣнили прежнюю тактику». Что может

*) Разсказ Деревенко, со слов Ел. Петр., зафиксирован ея управдѣлом Смирновым, пріѣхавшим при содѣйствіи сербскаго посланника также в Екатеринбург.

быть принято из этой внѣшне логической концепціи, мы увидим из дальнѣйшаго разсмотрѣнія фактов.

3. «Чрезвычайный комиссар».

Кто такой «Василій Васильевич Яковлев» — тот «таинственный» посланец из центра, который, «скрываясь под маской большевика», дѣйствовал по директивам иной, не большевицкой силы»? Для слѣдствія фигура эта осталась не разгаданной. Как не разгадана она была и всей послѣдующей исторической литературой. На свидѣтелей Яковлев, ходившій в матросской блузѣ, тулупѣ и папахѣ, производил впечатлѣніе человѣка интеллигентнаго. Ссылаясь на показаніе Кобылинскаго, которому Яковлев говорил о своем прошлом, Соколов сообщает, что «нѣкогда, будучи в составѣ нашего флота», Яковлев был присужден к смертной казни, но помилован Царем и бѣжал сначала в Америку, а затѣм жил в Швейцаріи и в Германіи. Послѣ переворота 17 г. он вернулся в Россію. Итак, в представленіи тогда дѣйствовавших лиц Яковлев — бывшій русскій офицер. Слѣдствіе, плохо разбиравшееся в партійных большевицких дѣлах и, быть может, не имѣвшее для этого в то время достаточных данных, в своих заключеніях непонятным образом игнорировало показанія Мунделя о том, что Хохряков называл Яковлева видным революціонным дѣятелем на Уралѣ. Еще болѣе непростительно игнорированіе Керенским, поддерживавшим версію, что Яковлев — бывшій морской офицер, разсказа Авдѣева (он был перепечатан в свое время в органѣ Керенскаго). Встрѣтив уполномоченнаго центра и не зная, кто он, Авдѣев спросил сопровождавшаго Яковлева начальника вооруженнаго отряда Зенцова и через него был освѣдомлен, что Яковлев происходит из Симскаго округа (Южный Урал), из рабочих, но долго жил в эмиграціи. Так и было в дѣйствительности. «Яковлев» — один из псевдонимов извѣстнаго уральскаго большевика Константина Матвѣевича Мячина, тѣсно связаннаго с мѣстными боевыми партійными группами — он был как бы посредником между боевыми группами и центром. В годы между первой и второй революціей ѣздил заграницу и имѣл близкія отношенія с большевицкими «школами» на о. Капри и под Парижем, гдѣ отчасти подготовлялись «офицеры» командная состава будущаго вооруженнаго возстанія.

Большевицкій историк отмѣчает специфичность этих революціонно-боевых дружин, развернувшихся еще в 1906-7 г. г. в районѣ Златоуст-Уфа в Симском горном округѣ. То были своего рода военно-партійныя братства, рѣзко отличавшіяся в 18 г. по своему облику от красногвардейских отрядов или ленинских преторіанцев. В дни, слѣдовавшіе за октябрьским переворотом, партійная база военно-революціонных уральских дружин значительно расширилась и оказалось даже, что на 3-м съѣздѣ боевых организацій, происходившем в Уфѣ в серединѣ февраля, едва ли не половина представителей принадлежала к теченіям лѣво-эсеровскаго направ-

ленія. Было до нѣкоторой степени естественно, что центр при разрѣшеніи Тобольскаго вопроса воспользовался наличностью имѣвшейся в Уфѣ группировки и направил с особой миссіей Мячина, который мог опереться на вооруженную силу, болѣе или менѣе организованную и болѣе или менѣе идейную. Яковлева сопровождал не отряд из 150 «красноармейцев», как утверждало слѣдствіе, а «отряд по охранѣ народнаго достоянія», как именовалась вооруженная часть под начальством Зенцова, состоявшая преимущественно из уфимских «боевиков». Но естественное становится несуразным, если допустить, что уполномоченный центра должен был дѣйствовать по директивам нѣмцев. На упомянутом съѣздѣ «боевиков» Брестскій мир вызвал рѣзко-отрицательное отношеніе, которое соотвѣтствовало позиціи попутчиков большевиков — партіи лѣвых соц.-революціонеров. Большевицкіе историки того времени свидѣтельствуют, что на рабочих собраніях Урала идея повстанческой революціонной борьбы против Германіи имѣла значительный успѣх (настроеніе такое было не только на Уралѣ, но и вообще в Сибири — так второй всесибирскій съѣзд совѣтов, состоявшійся в Иркутскѣ 10 февраля, заявил, что «Сибирь войны с Германіей не прекращала»). Очевидно, для осуществленія нѣмецких планов можно было найти выполнителей, болѣе подходящих.

Если историческій хроникер оставит в сторонѣ теоретически возможныя толкованія представших перед ним фактов, то он не пойдет по стопам слѣдствія, ибо не найдет данных, которыя подтверждали бы сугубую секретность тобольской миссіи, возложенной на Яковлева. Во всяком случаѣ этой таинственности не было в отношеніи партійных кругов и в частности уральскаго областного комитета в Екатеринбургѣ. Мѣстный партійный историограф, составившій свой разсказ о «послѣдних днях послѣдняго императора» главным образом на основаніи товарищеских разсказов, в двух изданіях своего очерка дал противорѣчивыя концепціи. В первом изданіи работы Быков утверждал, что в отвѣт на многократныя предложенія Екатеринбурга о вывозѣ Романовых из Тобольска, центр наконец сообщил, что Царь с семьей будет перевезен на У р а л, для чего В. Ц.И. К. командирует своего уполномоченнаго Яковлева. Но «несмотря на явную необходимость согласовать дѣйствія с уралсовѣтом, Яковлев в Екатеринбург не заѣхал, а через Челябинск и Омск проѣхал в Тобольск. Такое игнорированіе Екатеринбурга могло быть объяснено партійными раздорами, так как «Уфимская республика» со своим собственным совѣтом народных комиссаров, неохотно подчинявшаяся центральным директивам, сама склоннѣе была занять положеніе центра и пыталась конкурировать в этом отношеніи с Екатеринбургом. Во втором изданіи книги Быкова дается нѣсколько иная версія. Предложеніе «уральцев» о необходимости принять срочныя мѣры в отношеніи тобольских заключенных было поддержано спеціальной командировкой военнаго комиссара Голощекина — это было еще в мартѣ. Президіум В. Ц. И. К-а согласился на перевод в Екатеринбург при условіи личной отвѣтственности Голощекина, давнишняго партійнаго

дѣятеля*). Для организаціи перевозки царской семьи рѣшено было назначить особаго комиссара, о чем через Голощекина было сообщено Уралсовѣту. Голощекин и Яковлев дѣйствовали совмѣстно. Голощекин встрѣчается с Яковлевым в Уфѣ и договаривается подчинить ему всѣ уральскіе отряды. Яковлев послѣ этого ѣдет со своим отрядом через Челябинск в Екатеринбург и объявляет по дорогѣ руководителям отряда и нѣкоторым партійным работникам о задачах экспедиціи (воспоминанія Зенцова). Ознакомившись по пріѣздѣ в Екатеринбург с положеніем дѣла, Яковлев выѣзжает через Тюмень в Тобольск, гдѣ дѣйствует до времени в полном контактѣ с «Уральцами».

Куда формально Яковлев должен был отвезти царскую семью — на Урал вообще или спеціально в Екатеринбург — опредѣленно отвѣтить пока затруднительно. Нѣт невѣроятнаго в том, что Яковлев дѣйствительно вез семью непосредственно в Екатеринбург. Протиорѣчит этому лишь тот факт, что в Екатеринбургѣ в момент перевода Царя ничего не было подготовлено — дом Ипатьева, которому суждено было сдѣлаться Голгофой царской семьи, был освобожден владѣльцами лишь наканунѣ пріѣзда. Отсюда скорѣе можно заключить, что формально Яковлев должен был перевезти царскую семью вообще на Урал, куда совѣтская политика подготовляла в то время эвакуацію центральной власти — конкретно мѣсто переселенія надлежало выяснить в процессѣ выполненія основного заданія, причем, вѣроятно, на первом мѣстѣ ставился Екатеринбург, как областной центр: Авдѣев говорит, что из разговора по прямому проводу с Екатеринбургом в Тобольскѣ стало извѣстно, что Яковлев доставит царскую семью в Екатеринбург, что и подтвердил ему сам Яковлев.

---

*) Свѣдѣнія об этом мартовском или, по другим данным, апрѣльском совѣщаніи в Москвѣ идут из разных источников, правда, весьма неавторитетных. Так Гутман (Ган) в своей книгѣ «Россія и большивизм» из № 72 нелегальной газеты «Клич борьбы» (гдѣ издавалась эта газета, кѣм и когда, не говорится; никаких других данных о существованіи такого подпольнаго органа мы не имѣем; если бы гдѣ-либо он издавался, то во всяком случаѣ не ранней весной 18 г., когда еще существовала открытая антисовѣтская печать). Итак, «Клич Борьбы» передавал о совѣщаніи с делегатами екатеринбургскаго совѣта, на котором обсуждался доклад Дзержинскаго, о водвореніи царской семьи в одной из центральных губерній, «вблизи столицы», для того, чтобы ВЧК имѣла возможность слѣдить за всѣми нитями, которыя плетутся вокруг царской семьи. Пребываніе в Сибири, в мѣстѣ, удобном для организаціи контр-революціонных сил, облегчает бѣгство. Екатеринбургскіе делегаты доказывали, что «красный» Урал является надежным мѣстом для заключенія. Уральскіе рабочіе сумѣют беречь, как зѣницу ока, бывшую царскую семью и сумѣют ликвидировать всякіе заговоры. Когда придет час — представят царя суду народа. Указывалось на совѣщаніи на опасность сохраненія в живых претендентов на царскую корону и поднимался вопрос о ликвидаціи Царя, наслѣдника и вел. кн. Михаила. Убійство всей семьи признавалось нецѣлесообразным. Побѣдила точка зрѣнія «уральцев». Все это, может быть, лишь позднѣйшіе отголоски того времени, когда в областной газетѣ «Уральскій Рабочій» в связи со средоточіем «Романовых» в Екатеринбургѣ стали появляться статьи на тему о том, что «Романов и его родственники не избѣгнут суда народа, когда пробьет час».

4. Яковлев и Соловьев.

Припомним, что в ночном засѣданіи «уральцев» наканунѣ отъѣзда Яковлева из Тобольска обсуждалось предложеніе Заславскаго об организаціи «на всякій случай» по дорогѣ в Тюмень близ села Ивелово вооруженной «засады». В изложеніи Авдѣева никаких осложненій на пути в Тюмень не произошло. Быков, может быть, не точно освѣдомленный, разсказывает об инцидентѣ при первой же ночевкѣ в с. Бочалани близ Ивелова. Сюда прибыли довольно поздно. В Ивеловѣ нѣсколько раньше появился уже Заславскій с небольшим отрядом и пулеметом. За отрядом Яковлева слѣдовали «уральцы» под командой Бусяцкаго. Они тоже остановились в Бочалани (как мог пѣшій отряд догнать Яковлевскій поѣзд, покрывшій дистанцію 130 верст до ночевки с рекордной скоростью!). У «уральцев» окончательно установилось мнѣніе о ненадежности Яковлева. «В первый момент даже мелькала мысль о необходимости отбить у него царскую семью. Подозрѣвая об этом, Яковлев не дожидаясь нападенія со стороны «уральцев», вызвал к себѣ помощника Бусяцкаго и арестовал его. Однако, столкновенія не произошло, так как Яковлев освобдил арестованнаго, Заславскій же отказался от нападенія».

Можно установить лишь то, что московскій комиссар вторую половину пути был насторожѣ. Царь записал: «послѣдній перегон сдѣлали медленно и со всѣми мѣрами военных предосторожностей. Прибыли в Тюмень в 9 ½ при красивой лунѣ с цѣлым эскадроном, окружавшим наши повозки при въѣздѣ в город». Могли бояться эксцессов со стороны отряда Заславскаго, но могли бояться и попыток освобжденія со стороны мифических заговорщиков, сконцентрировавшихся, по слухам, в Тюмени. «Эскадрон», сопровождавшій кортеж, принадлежал к той именно красноармейской части, которую организовал корнет Марков. «Эскадрон» состоял из 15 «уланов» под командой одного из помощников Маркова, Симоненко, и фактически сопровождал представителя тюменскаго совѣта Нѣмцова и военнаго комиссара Пермякова, которые прибыли для встрѣчи «путешественников» на послѣдней перепряжкѣ лошадей перед Тюменью. Соколов говорит, что марковскій эскадрон сопровождал Царя «по выбору Яковлева» — так устанавливается яко бы связь Яковлева с Соловьевым. «По выбору Яковлева» — это лишь догадка слѣдователя, совершенно неправдоподобная. Связь между Яковлевым и Соловьевым, т. е. связь двух нѣмецких эмиссаров для слѣдствія устанавливается просмотром дневника Соловьева. Под датой 12 апрѣля (новаго стиля — говорит Соколов) Соловьев отмѣчает предстоящій увоз царской семьи из Тобольска: «никто не знал об этом в Тобольскѣ. Но Соловьев знал об этом заранѣе, ровно за двѣ недѣли». Слѣдователь не почел своим долгом привести эту выдержку из дневника, на которую он ссылается. Не произошла ли здѣсь простая путаница двух стилей — путаница, с которой мы встрѣчаемся в современных эпохѣ документах очень часто, и которая чрезвычайно подчас затрудняет хронологизацію фактов? — прав был Николай II, занесшій по

поводу перемѣны стиля в дневник 1 февраля: «недоразумѣній и путаницы не будет конца». Не имѣя подлинника дневника, нѣт возможности сдѣлать провѣрку. Надо думать, что Соловьев вел дневник скорѣе по старому стилю — это соотвѣтствовало не только его «патріархальному» міросозерцанію, но и сибирскому обиходу — здѣсь новый стиль вообще стал входить в обычай только во вторую половину 18 года*). 12 апрѣля ст. ст. Соловьев мог бы знать о намѣреніи Яковлева вывезти семью из Тобольска, но 12 апрѣля по н. ст., т. е. в концѣ марта, Соловьев мог легко высказывать предположенія о вывозѣ, не связывая этот вывоз с пріѣздом комиссара из центра, а лишь с намѣреніями «уральцев». Странен был бы вмѣстѣ с тѣм тот тайный агент, который при постоянном рискѣ быть арестованным, стал бы разсказывать на страницах интимнаго дневника о предположеніях своих патронов. Все дѣло таким образом в контекстѣ дневника, провѣрить который мы не можем.

Слѣдствіе в лицѣ Булыгина пошло, конечно, еще дальше в установленіи совмѣстной дѣятельности Яковлева и Соловьева. В дни пріѣзда Яковлева Соловьев был вновь арестован, а за ним послѣдовал арест Маркова. Соловьев устроил себѣ и Маркову фиктивный арест — не останавливается Булыгин перед слишком уже категорическим и смѣлым заключеніем. Это «alibi» нужно было для того, чтобы не потерять впослѣдствіи довѣрія в монархических кругах. Корнет Марков в своих воспоминаніях безыскусственно и просто, а поэтому правдоподобно, разсказывает, как произошел в первых числях апрѣля арест Соловьева (по доносу, имѣвшему отношеніе к коммерческим дѣлам зятя Распутина), рикошетом затронувшій и его, и как они были освобождены наканунѣ Пасхи. При свиданіи с женой (по Булыгину фиктивный арест распространился и на жену), в тюремной конторѣ 12 апрѣля Соловьев узнал о тобольских извѣстіях и вмѣстѣ с тѣм получил записку от Сѣдова, в которой тот сообщал, что он ѣдет в Тобольск. Каких толкованій не держаться, одно несомнѣнно, что Соловьев был арестован, и что Сѣдов 13 поѣхал в Тобольск. По дорогѣ он встрѣтил кортеж; желаніе узнать о других членах семьи заставило его проѣхать в Тобольск. И приходится по другому комментировать эту поѣздку, нежели это дѣлали «свидѣтели», на показанія которых опиралось слѣдствіе. Соколов пишет: «он (Соловьев) выпустил офицера № (Сѣдова) в Тобольск только на о д и н д е н ь. Знаменательно: это был день, когда Яковлев увозил Государя». У Дитерихса цитируется показаніе самого Сѣдова, в котором он говорит, что пробыл в Тобольскѣ три дня и вернулся в Тюмень**).

---

*) Дневник жены Соловьева, жившей в Петербургѣ в момент введенія реформы, велся по новому стилю.

**) Для характеристики литературнаго произведенія капитана гвардіи Булыгина, принимавшаго участіе в разслѣдованіи слѣдователя Соколова и не отдававшаго себѣ, очевидно, отчета в том, что беллетристическіе пріемы творчества несовмѣстимы с историко-юридическим разслѣдованіем, чрезвычайно показательны заключительныя строки в эпопеѣ об арестѣ Соловьева. Булыгин пишет: «просидѣв послѣ провоза узников через Тюмень для при-

5. По дорогѣ в Екатеринбург.

В Тюмени Тобольскіе узники были доставлены прямо на вокзал и размѣщены в стоявшем наготовѣ поѣздѣ. И здѣсь, как и по дорогѣ, внутреннюю охрану несли тобольскіе стрѣлки, а внѣшнюю — люди из яковлевскаго отряда. Когда была закончена операція размѣщенія, Яковлев отправился на телеграф и снова гозорил по прямому проводу с Москвой. Говорил он в присутствіи представителя тюменскаго совѣта Нѣмцова, т. е. это дѣйствіе комиссара центра не носило секретнаго характера. Авдѣеву, помѣстившемуся в купэ вмѣстѣ с Яковлевым, переговоры эти показались подозрительными. Он пытался выйти из вагона на вокзал, но часовые его не пустили. «Нѣсколько минут — пишет Авдѣев — я просидѣл в вагонѣ, обдумывая, что предпринять, и услышал шум на площадкѣ — часовые с кѣм-то перебранивались. Я поспѣшил выйти на площадку вагона и увидал нашего рабочаго с Злоказовскаго завода, красногвардейца Ивана Логинова. Он пробивался ко мнѣ в вагон, а часовые не пускали... Подошел начальник караула. Воспользовавшись моментом, Логинов подошел к площадкѣ вагона, и я ему сообщил, чтобы он послѣ отхода поѣзда сообщил в Уральскій совѣт о времени отхода и направленіи нашего поѣзда. Услыхав мое сообщеніе Логинову, начальник караула начал требовать, чтобы я вошел в вагон, а Логинова просил удалиться от вагона. Через нѣсколько минут вошел Яковлев, и поѣзд тронулся, только не по направленію к Екатеринбургу, а, как я и предполагал, к Омску. Я спрашиваю Яковлева: «почему поѣзд пошел не на Екатеирбург, или ВЦИК дал новую директиву?» Мой вопрос остался без отвѣта. Но вслѣд за этим Яковлев пригласил меня в купэ, гдѣ помѣщался начальник караула и, закрыв дверь, заявил, примѣрно, слѣдующее: «Достовѣрно извѣстно, что уральцы готовили взрыв поѣзда, поэтому я вынужден ѣхать в другую сторону. Вы же должны разсказать мнѣ все, что знаете о подготовкѣ этого взрыва, так как причастность ваша к этому дѣлу несомнѣнна». Я стал доказывать ему, что это ложь, никого смысла взрывать поѣзд нѣт, раз Царь будет привезен в Екатеринбург, столицу Урала. Тогда Яковлев дает мнѣ полчаса на размышленіе и заявляет: если я не сознаюсь во всем, то ему придется прибѣгнуть к крайней мѣрѣ, использовав данныя ему полномочія

личія еще нѣсколько дней в тюрьмѣ, Соловьев с женой и корнетом Марковым вышли на свободу и отправились домой... Дома на досугѣ супруги Соловьевы и Марков занялись устройством сеанса ясновидѣнія, и М. Гр., впав в транс, отвѣчала на вопросы мужа, куда увезли тобольских узников, разсказала о домѣ, вокруг котораго строится высокій забор... Трудно вѣрить в способность ясновидѣнія М. Гр., но есть много основаній предполагать освѣдовленность Соловьева о планах екатеринбургских палачей». Откуда Булыгин заимствовал свои свѣдѣнія о сеансѣ ясновидѣнія в домашней интимной обстановкѣ? Очевидно, не из неопубликованных отрывков дневника супружеской четы Соловьевых. Вѣроятно, все из того же смутнаго источника, каким являются показанія пор. Логинова, наблюдавшаго подчас за Соловьевыми, большевицкими агентами, и выспрашивавшаго у них во Владивостокѣ.

от ВЦИК-а по отношенію к людям, которые препятствуют выполненію возложенных на него задач».

По изложенію Авдѣева Яковлев рѣшил направить поѣзд в Омск непосредственно послѣ переговоров с Кремлем. О чем шли переговоры скажет позднѣе сам Яковлев в засѣданіи Екатеринбургскаго совѣта. Быков в первом варіантѣ своих очерков писал, что центр согласился на перевоз в Омск, во втором — расширенном, Быков утверждает, что этот маршрут был выбран «вопреки указаніям Москвы». Столь же большое разнорѣчіе у Быкова в опредѣленіи реальнаго пути, по которому двинулся яковлевскій поѣзд — здѣсь противорѣчіе не только между двумя изданіями, отдѣленными пятью годами, но и в самом текстѣ изданія. В очеркѣ, напечатанном в сборникѣ «Рабочая революція на Уралѣ», яковлевскій поѣзд, несмотря на соглашеніе с центром относительно Омска, первоначально двигается по линіи Тюмень Екатеринбург, о чем уралсовѣт получил соотвѣтствующую телеграмму; затѣм поворачивает назад и, не останавливаясь на ст. Тюмень, полным ходом проходит по направленію в Омск. Эту версію подтверждает в воспоминаніях корнет Марков. Он разсказывает, что в своем тюменском штабѣ узнал, что получены свѣдѣнія о готовящемся нападеніи на ст. Поклевской, между Тюменью и Екатеринбургом, на поѣзд, который увозит Царя — вооруженные рабочіе намѣрены силою захватить его. Эти свѣдѣнія передавались по линіи Яковлеву, который уже в 10 час. выѣхал из Тюмени по направленію Екатеринбурга. По второй версіи Быкова, поѣзд из Тюмени ожидался в Екатеринбургѣ рано утром 15-го (ст. ст.) — спеціальный комиссар должен был регулярно сообщать президіуму «о движеніи Романовых от Тобольска до Тюмени и своевременно увѣдомить об отходѣ поѣзда в Екатеринбург». Но «условленной на 6 час. утра телеграммы об отправкѣ поѣзда не было получено. На запрос президіума обл. совѣта также никакого отвѣта не поступило, и лишь в 10 час. утра пришло сообщеніе, что поѣзд рано утром ушел из Тюмени, при потушенных огнях на всѣх стрѣлках, по направленію на Омск. Телеграмму об этом дал Бусыцкій, пріѣхавшій со своим отрядом в Тюмень уже послѣ отъѣзда оттуда Яковлева».

Мы лишены возможности конкретно выяснить, насколько реальной была угроза, нависшая над увозимым из Тобольска бывшим Императором со стороны крайних элементов Екатеринбургскаго совѣта. Но, что такая угроза существовала, представляется несомнѣнным. Быков утверждает, что на происходившей в это время в Екатеринбургѣ 4-ой большевицкой партійной уральской областной конференціи, которая обсуждала вопрос о перевозѣ царской семьи, в частном совѣщаніи большинство делегатов с мѣст высказывались за необходимость «скорѣйшаго разстрѣла Романовых, чтобы в будущем предупредить всѣ попытки к освобожденію бывшаго Царя и возстановленія в Россіи монархіи». Екатерибургскій комиссар здравоохраненія д-р Сакович, примыкавшій к лѣвым с. р., предшественнику Соколова, слѣдователю Сергѣеву, со своей стороны разсказывал о секретном совѣщаніи президіума совѣта,

гдѣ обсуждался вопрос об устройствѣ крушенія поѣзда, в котором Яковлев вез Царя (это показаніе воспроизводит Дитерихс).

Люди Екатеринбурга, узнав, что поѣзд Яковлева двинулся в направленіи на Омск, забили тревогу. «Было созвано экстренное собраніе президіума совѣта с участіем представителей областных комитетов коммунистов и лѣвых эсэров» — пишет Быков: «Совѣщаніе рѣшило объявить Яковлева измѣнником революціи и дать о случившемся телеграмму «всѣм, всѣм»*). «Одновременно областной совѣт снесся по прямому проводу с Омском, гдѣ предсѣдателем совѣта был в то время старый коммунист Косарев, и потребовал от него немедленных и рѣшительных мѣр для противодѣйствія проходу поѣзда в Сибирь или на Челябинск». В первом изданіи своего очерка Быков говорит, что в результатѣ переговоров с «надежными партійными товарищами в Омскѣ» рѣшено было «в случаѣ надобности» даже взорвать поѣзд. То же говорит и Авдѣев.

По словам Авдѣева, он протестовал против дѣйствій Яковлева. «На одной из остановок Яковлеву сообщили циркулярную телеграмму екатеринбургскаго совѣта и вмѣстѣ с тѣм извѣстіе, что на ст. Куломзино, гдѣ поѣзд должен был повернуть на Челябинск, выслан вооруженный отряд для задержанія поѣзда». «С этой телеграммой Яковлев, в сильно возбужденном состояніи, вбѣжал ко мнѣ — разсказывает Авдѣев — и стал кричать, что всѣ там с ума сошли». «Не доѣзжая до Куломзина, на ст. Люблинской. Яковлев остановился и оттуда на паровозѣ с одним вагоном в сопровожденіи нѣсколькіх человѣк из своего отряда выѣхал в ночь на 16 апрѣля в Омск... Здѣсь он в присутствіи представителя Запсибсовѣта вызвал по прямому проводу Свердлова и изложил причины, побудившія его измѣнить маршрут». Из Москвы было приказано «везти Романовых в Екатеринбург, гдѣ и сдать их областному совѣту Урала». Когда Яковлев выѣхал в Омск, «было только два часа утра и еще темно, но всѣ арестованные не спали. Николай нѣсколько раз пытался со мной заговорить, но я всячески уклонялся от разговора с ним». Дневник «Николая» по другому изображает обстановку. 16-го он записал: «Утром замѣтили, что ѣдем обратно. Оказалось, что Омск не захотѣл пропустить**). Зато нам было свободно, даже гуляли два раза: в первый раз вдоль поѣзда, а второй — довольно далеко в полѣ, вмѣстѣ с самим Яковлевым. Всѣ находились в бодром настроеніи». Запись Николая II противорѣчит и впечатлѣніям большевизанствующаго «стрѣлка» Матвѣева, находившагося среди сопроводительной команды. По впе-

*) Может быть, к этому засѣданію и должна быть отнесена информація, сообщенная Саковичем.

**) Дѣйствительная причина измѣненія маршрута, по словам Быкова, скрывалась, и возвращеніе было объяснено порчей ж. д. моста. Но по «отрывочным разговорам и недомолвкам Романовы, видимо, поняли, что их везут уже не в Москву». Сам Царь наканунѣ писал: «По названію станцій догадались, что ѣдем по направленію на Омск. Начали догадываться: куда нас повезут послѣ Омска? На Москву или на Владивосток? (Очевидно, увѣренность, что везут для подписанія «мира» была не так велика). Комиссар, конечно, ничего не говорил. Марія часто заходила к стрѣлкам; их отдѣленіе было в концѣ вагона».

чатлѣніям Матвѣева, арестованные пребывали в крайне тревожном настроеніи (неопубликованными воспоминаніями Матвѣева, между прочим, пользовался Быков).

Обратно Тюмень проѣхали ночью. «Здѣсь поѣзд поджидал Бусыцкій» — сообщает Быков: «Как только выяснилось, что поѣзд прошел, не останавливаясь, Бусыцкій заказал новый состав и двинулся ьслѣд за Яковлевым. В Камышловѣ утром Бусыцкій встрѣтил командира своего полка Брайницкаго, который с батальоном был послан навстрѣчу Яковлеву, но поѣзда не видал. Вновь возникли сомнѣнія, не свернул ли Яковлев со своим поѣздом на вѣтку из Богдановичей на Шадринск. Из разговоров по проводу выяснилось, что поѣзд идет в Екатеринбург и Богдановичи уже прошел».

17-го в 8 ч. 40 м., как отмѣчает дневник Царя, невольные путешественники прибыли в Екатеринбург. Быков пишет: «Когда поѣзд остановился на ст. Екатеринбург, выяснилось, что к его приходу собралась громадная толпа, требовавшая показать ей Романовых. По соглашенію с представителями областного совѣта было рѣшено поѣзд отвезти обратно на ст. Екатеринбург II, лежащую с другой стороны города». Что в дѣйствительности происходило в Екатеринбургѣ, мы точно не знаем. Дневник Царя отмѣчает: «часа три стояли у одной станціи. Происходило сильное броженіе между здѣшними и нашими комиссарами. В концѣ-концов, одолѣли первые, и поѣзд перешел к другой — тов. станціи... Послѣ полуторачасовой стоянки вышли из поѣзда. Яковлев передал нас здѣшнему областному комиссару, с которым мы втроем сѣли в мотор и поѣхали пустынными улицами в приготовленный для нас дом — Ипатьева»... На ст. Екатеринбург Товарная, оцѣпленной кордоном красногвардейцев, Яковлева встрѣтили руководители уральскаго совѣта Гнилорыбов, Голощекин и Дидиковскій. Повидимому, всѣм распоряжался Голощекин, так по крайней мѣрѣ слѣдователю показал шоффер Самохвалов, стоявшій во главѣ желѣзнодорожнаго отряда красногвардейцев: «Когда мы подъѣхали к дому, Голощекин сказал Государю: «Гражданин Романов, вы можете войти». Государь прошел в дом». За ним прошла семья и прислуга. Голощекин задержал только кн. Долгорукова, заявив ему, что он будет отправлен в тюрьму. «Около дома стал собираться народ» — разсказывал Самохвалов. «Я помню, Голощекин кричал тогда: Чрезвычайка, чего вы смотрите», народ был разогнан». Вечером того же дня происходило засѣданіе областного Совѣта, на которое явился Яковлев «с нѣкоторыми из своих товарищей и гвардейцами тобольской охраны». В изложеніи Авдѣева был заслушан доклад Яковлева и его (Авдѣева) содоклад — по словам Быкова, был заслушан доклад Заславскаго. В своем докладѣ Яковлев старался «всю вину свалить на партизанскія дѣйствія уральцев, ссылаясь, что он был информирован Бусыцким о якобы подготовлявшемся покушеніи со стороны уральцев. Говоря, что у него не было другого намѣренія, кромѣ как сохранить б. Царя по директивам ВЦИК». По словам Быкова, Яковлев в отвѣт на предъявленныя ему обвиненія указал, что он «получил в Москвѣ распоряженіе доставить Романовых в Екатеринбург, од-

нако, имѣя словесное указаніе Я. М. Свердлова — охранять Романовых всѣми средствами — и учитывая настроеніе в Тобольскѣ Заславскаго и Авдѣева, подготовлявших, по его убѣжденію, покушеніе на Романовых, он рѣшил донести ВЦИК о своих опасеніях, связанных с перевозом Романовых на Урал. Разговоры с ВЦИК велись по прямому проводу, и Яковлев представил Уралсовѣту ленты аппарата. Из этих записей видно было, что Яковлев, не довѣряя Уралсовѣту и стремясь сохранить особу Николая Романова, просил у ВЦИК разрѣшеніе увезти бывшаго Царя к себѣ на родину, в Уфимскую губернію, и до поры до времени скрыть в извѣстное ему мѣстѣ — «в горах». ВЦИК это предложеніе, конечно, отверг. Тогда Яковлев, по его словам, не рѣшаясь ѣхать в Екатеринбург прямо из Тюмени, так как боялся нападенія на поѣзд со стороны Заславскаго, повез Романовых окружным путем».

«Я в своем докладѣ — поясняет Авдѣев — разсказал все, что Яковлев хотѣл затуманить», а именно — отрицательное и недовѣрчивое отношеніе Яковлева за все время к Хохрякову и уральским рабочим и почти полное довѣріе к полк. Кобылинскому и к старой охранѣ бывшаго Царя, о попыткѣ Яковлева заставить его, Авдѣева, дать «письменное подтвержденіе о якобы готовящемся нападеніи со стороны уральцев на поѣзд». По словам Быкова, Заславскій и Авдѣев требовали немедленно произвести обыск в поѣздѣ, обезоружить гвардейцев и арестовать Яковлева. Совѣт не пошел по пути таких радикальных мѣр. «Послѣ коротких преній, в которых единодушно указывалось на недопустимость поведенія Яковлева, была принята резолюція, которая гласила, что миссія Яковлева считается оконченной; о всѣх же его дѣйствіях, как представителя правительства, сообщить в президіум ВЦИК. Яковлев со своими людьми был отпущен в Москву, причем за подписью Бѣлобородова и его замѣстителя Дидковскаго ему была выдана офиціальная расписка в том, «что Уралсовѣт получил доставленных из Тобольска, Царя, Царицу и вел. кн. Марію для содержанія их под стражей в гор. Екатеринбургѣ». Восемь гвардейцев во главѣ с прап. Матвѣевым были разоружены (может быть, арестованы) и потом отправлены обратно в Тобольск.

6. Судьба Яковлева.

Из Москвы, по свидѣтельству по крайней мѣрѣ Кобылинскаго, Яковлев прислал своему телеграфисту в Тобольск извѣщеніе «приблизительно слѣдующаго содержанія» (у Соколова передается уже, как точный текст телеграммы): «Собирайте отряд. Уѣзжайте. Полномочія я сдал. За послѣдствія не отвѣчаю». Конец телеграммы болѣе, чѣм сомнителен, ибо мы знаем, что Яковлев-Мячин остался в Москвѣ довѣренным лицом совѣтской власти и вскорѣ в маѣ был назначен командующим 2-ой арміи, дѣйствовавшей на фронтѣ против чехо-словаков и русских добровольцев в районѣ Волги и Урала (он был назначен командующим арміей, а не политическим комиссаром, как сказано в текстѣ слѣдствія). Его шта-

бом была Самара. Вторая армія состояла как раз из тѣх революціонно-боевых дружин, с которыми в недавнем прошлом был так тѣсно связан бывшій «чрезвычайный комиссар» Яковлев. Эта армія была пропитана «анархическими» настроеніями, так как вольныя дружины противоставляли себя зарождавшейся «красной арміи» с принудительным набором и формальной дисциплиной. На такой почвѣ разыгрывался внутренній конфликт, который привел к устраненію Яковлева от командованія. Его дальнѣйшая личная судьба с этого момента становится неясной. В книгѣ Соколова сказано: «осенью-зимой 1918 г. он (Яковлев) обратился к чешскому генералу Шенику и просил принять его в ряды бѣлых войск... Ему отвѣтили согласіем, и он перешел к ним. В дальнѣйшем с ним поступили неразумно и неосторожно. Он тут же был арестован и отправлен в Омск в распоряженіе военных властей. Не дали надежнаго караула, и он вмѣсто ген. квартирмейстера штаба верховнаго главнокомандующаго по ошибкѣ, якобы конвоира, попал к нѣкоему полковнику Зайчеку. Здѣсь он и пропал. У Зайчека не оказалось абсолютно никаких документов на Яковлева»*). Соколов сдѣлал дополнительное объясненіе с нѣсколько расплывчатыми намеками: «Зайчек возглавлял в Омскѣ контр-развѣдку в Ген. Штабѣ; он — офицер австрійской арміи, плохо говорившій по русски — пришел в Сибирь в рядах чешских войск. Всѣ ли освободители Сибири шли сюда с жертвенной любовью к Россіи и с ненавистью к Германіи и большевикам?...»

Оставим намеки Соколова в сторонѣ, дабы избѣгнуть уклоненія в область необоснованных фактами предположеній. Самый факт перехода Яковлева в антибольшевицкій лагерь нельзя считать твердо установленным. В совѣтской военно-исторической литературѣ пераго десятилѣтія об измѣнѣ командующаго 2-ой арміей ничего не говорится — только у Подшивалова вскользь можно найти об этом упоминаніе. Гусев заявляет, что ему неизвѣстно ни одного случая измѣны и перехода на сторону «бѣлогвардейцев» со стороны старых большевиков. Перешедшіе на волжско-уральском фронтѣ на сторону «бѣлых» полк. Махин и Харченко вышли из другой среды. Весьма характерно, что в первом изданіи Быков ничего не говорит о переходѣ Яковлева, но говорит об этом в позднѣйшем втором изданіи, как гворит и Авдѣев в напечатанных воспоминаніях — и совершенно очевидно под вліяніем литературы противоположнаго политическаго лагеря. Послѣднее подтверждает ссылка на книгу англійскаго журналиста Вилтона, косвенно причастнаго к слѣдствію Соколова, вѣрнѣе, вращавшагося в кругах, которые занимались разслѣдованіем убійства Николая II и его семьи, и, быть может, оказавшаго даже вліяніе на общественно-политическую сторону сибирскаго разслѣдованія. По утвержденію Вилтона, Яковлев получил назначеніе в одну из армій на южном фронтѣ. Если бы это было так, то не могли быть тщетными всѣ попытки Соколова отыскать Яковлева в Сибири через военнаго

*) Свѣдѣнія о переходѣ Яковлева были получены слѣдствіем от ген. Дитерихса.

министра Степанова*). Также неопредѣленна оказалась и ссылка на уфимскія газеты, гдѣ, будто бы, появилось покаянное письмо Яковлева. Были еще свѣдѣнія, что Яковлев остался в Совѣтской Россіи, ушел в частную жизнь и занимался огородничеством на Уралѣ.

Не нѣмецкій агент во всяком случаѣ переходил в войска, боровшіяся в Сибири с большевиками. Этот своеобразный агент возглавлял на волжско-уральском фронтѣ большевицкія части, склонныя продолжать революціонную борьбу с нѣмцами послѣ «похабнаго мира», и недаром пресловутый полк. Муравьев, предпринявшій в лѣво-эсеровской тогѣ авантюрную попытку на Волгѣ повернуть совѣтскій фронт от чехов против Германіи, назначил у себя одним из политических комиссаров ближайшаго помощника Яковлева по тобольской экспедиціи Гузакова. Если Яковлев, дѣйствительно, перешел на сторону антибольшевицкую, то психологическая сторона этого поступка лежит в иной плоскости — той самой, которую отмѣтил еще Дитерихс: «совѣсть его, как стараго честнаго соціалиста, не могла примириться с ложью — вѣроятно, кровавая расправа с царской семьей должна была произвести на него сильное и отвратное впечатлѣніе».

Подождем дѣлать окончательные выводы, пока не разсмотрим вопроса во всей его совокупности. Мы видим, с какой осторожностью и с какими оговорками приходится подходить к категорическому утвержденію, что Яковлев поѣхал в Тобольск с инструкціей, которой люди Екатеринбурга не должны были знать, что его миссія заключалась в вывозѣ царской семьи далеко от Урала, не останавливаясь в Екатеринбургѣ. Так приблизительно Керенскій подводит итоги сибирскаго слѣдствія. Трудно свести концы с концами в той мѣшаниннѣ, которая получается, если принять во вниманіе, что Тобольск, гдѣ попрежнему пребывала интересовавшая нѣмцев царская семья и в частности Наслѣдник, оставался в руках «сподвижника Яковлева» и в то же время ставленника уральцев, матроса Хохрякова. Этот «нѣмецкій агент» послѣ отъѣзда Яковлева и задержки Царя в Екатеринбургѣ получил спеціальныя полномочія из ЦИК и Уралсовѣта и имѣл в своем распоряженіи особый отряд латышей-красногвардейцев, замѣнившій отряд Кобылинскаго и подчиненный уральскому областному военному комиссару Голощекину. Его конкурентом по власти в Тобольскѣ был комиссар Родіонов. Выяснить роль этого, неизвѣстно откуда появившагося, «комиссара» слѣдствіе оказалось безсильным. Впрочем, ген. Дите-

*) Англійскій журналист в Сибири примкнул полностью к плеядѣ тѣх, кто цѣликом находился во власти концепціи о нѣмецко-еврейской интригѣ. Примѣнительно к этой почти навязчивой идеѣ и устанавливается факт, при чем с легкостью, свойственной плохой газетной публицистикѣ. Так для Вилтона будет «установлено», что Соловьев в Тюмени работал с другими нѣмецкими агентами, которых объединял нѣкій фон-Фишер, распоряжавшійся среди тюменских большевиков, «как хотѣл».

рихс точно знал, что Родіонов бывшій жандармскій офицер, находившійся еще до войны на службѣ у германскаго ген. штаба, был одним из руководителей (вмѣстѣ с переодѣтым нѣмецким офицером) убійства ген. Духонина в Ставкѣ. Подобный метод разслѣдованія может завести лишь в непролазныя дебри ничѣм необоснованных догадок. Вѣрнѣе всего, этот «таинственный незнакомец» представлял еще какую-то неопредѣленную комиссію по эвакуаціи «Романовых». Очевидно, это был тот слѣдователь Рев. Трибунала в Петербургѣ, который вел дѣло Пуришкевича и о котором разсказывал Винберг в своих воспоминаніях «В плѣну у обезьян». Свидѣтели, прошедшіе перед слѣдствіем, показали, что «нѣмецкіе агенты» — и Хохряков, и Тарасов (Родіонов) — отнюдь не проявили в отношеніи членов семьи джентельменства Яковлева. Нѣкоторую ясность в путаницу слѣдствія может ввести судьба «матроса Хохрякова». Соколов о нем говорит так: выполнив свою «миссію» по увозу Наслѣдника из Тобольска (все еще в интересах нѣмцев!), Хохряков не вернулся. На дѣлѣ Хохряков в борьбѣ с наступавшими из Омска чехословаками погиб на подступах Тобольска, будучи начальником тюменьской флотиліи.

«Маленькій» Марков в воспоминаніях упоминает, что по сводкѣ Екатерибургскаго военнаго комиссаріата, пересланной в тюменскій штаб, Царь был задержан по постановленію екатеринбургскаго совѣта. Слѣдствіе на это как бы отвѣчает: без разрѣшенія Москвы Екатеринбург не посмѣл бы задержать Царя. Аргумент сам по себѣ не очень убѣдительный, ибо в этот первоначальный період совѣтской власти, как не раз уже приходилось указывать, областныя власти держали себя независимо по отношенію к центру («каждая провинція превратилась в государство» — опредѣлял административное положеніе на мѣстах весной 18 г. в своем донесеніи англійскій консул в Петербургѣ («Бѣлая Книга»); своевольничал не только совѣт народных комиссаров петроградской «трудовой коммуны», но и совѣт народных комиссаров уральской «республики».

Сибирское слѣдствіе дѣлало опредѣленный вывод — «Кремль» вел двойную игру: посылая по требованію нѣмцев Яковлева с миссіей «особой важности», имѣвшей задачей вывезти Царя из Тобольска и перемѣстить его в сферу непосредственнаго вліянія нѣмцев, руководители ВЦИК одновременно готовили екатеринбургскій совѣт к задержкѣ поѣзда, в котором перевозили Царя. Будущіе убійцы царской семьи исполняли лишь приказанія предсѣдателя ВЦИК Свердлова — Царь был опасен для большевиков и в нѣмецких руках. Тут каждый из принимавших то или иное участіе в слѣдствіи вводит свой нюанс. Для Дитерихса это было вообще дѣлом «изувѣров-евреев совѣтской власти» — послѣдователей «религіи зла», «религіи дьявола по духу». Генерал-мистик настолько загипнотизирован своей idée fixe, что идейным главой большевиков и организатором системы совѣтской власти дѣлает не «дегенерата» Ленина, а Бронштейна-Троцкаго. Но истинные вдохновители всѣх преступленій находятся в другом мѣстѣ «міра» — там, очевидно, гдѣ засѣдают «сіонскіе мудрецы». План этого таин-

ственнаго ц̑ентра с точностью исполняется послушными агентами главарей... Фантастическая конц̑епц̑ія ген. Дитерихса не так уже чужда самому слѣдователю Соколову — только он не одержим в такой степени навязчивой идеей о роли «революц̑іоннаго Израиля». Для Соколова ц̑ентром всей интриги разслѣдуемой им трагедіи ц̑арской семьи все-же являются нѣмц̑ы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЗАКУЛИСНЫЕ ДИРИЖЕРЫ

В то время рождалось большое количество легенд. Расцвѣченныя молвой, эти легенды попали в историческія повѣствованія. Безспорно в основѣ многих из них была фактическая база. Но подчас мы и нынѣ еще далеко не всегда можем отличить вымысел от дѣйствительности, поэтому приходится с сугубой осторожностью относиться к тѣм слухам, которые ходили и которые с легкостью воспринимались современниками, так как они соотвѣтствовали их настроеніям.

1. В преддверіи германской оріентаціи.

Одним из наиболѣе распространенных представленій послѣ октябрьскаго переворота являлось убѣжденіе, что грядущій мир будет уплатой по вексельному обязательству, выданному новой властью Германіи (См. мою книгу «Золотой нѣмецкій ключ к большевицкой революціи»). С другой стороны дальнѣйшая противоестественная поддержка большевиков германскими шовинистами казалась абсурдной. Поэтому довольно логично на пріемѣ у германских посланцев гр. Кайзерлинга и гр. Мирбаха, прибывших в декабрѣ в Петербург с особыми миссіями, которыя были связаны с начавшимися мирными переговорами, появились представители русских правых общественных группировок*). Кѣм была представлена эта делегація, и какія конкретныя цѣли она ставила себѣ, мы до сих пор не знаем. Но косвенно имѣем указаніе на то, как делегація была встрѣчена представителями нѣмецкаго командованія и нѣмецкой дипломатіи.

К мирбаховской миссіи принадлежал нѣкій Ланцгоф, бывшій прежде представителем Deutsche Bank в Петербургѣ и имѣвшій в столичном обществѣ значительныя связи. Он встрѣтился на частной квартирѣ с группой общественных дѣятелей, среди которых был Макаров, сопровождавшій царскую семью в Тобольск. Ланцгоф пытался объяснить собравшимся неизбѣжность контакта германскаго правительства с совѣтской властью: только она имѣет силу в данный отрѣзок времени; правые, обратившіеся к Мирбаху,

*) В воспоминаніях ген. Симанскаго, напечатанных в варшавской «За свободу», есть указаніе на совѣщаніе в это время у московскаго Самарина по вопросу о возстановленіи монархіи при содѣйствіи нѣмцев.

совершенно безсильны — вести с ними отвѣтственные переговоры безцѣльно *). Смысл бесѣды был тот, что нѣмцы пока будут поддерживать большевиков, через которых они только и могут добиться мира на восточном фронтѣ. Французскій журналист Домерг, имѣвшій широкія связи в петербургском обществѣ, в книгѣ, названной La Russie Rouge, упоминает, что гр. Мирбах в разговорѣ с народным комиссаром Троцким (у него было особое свиданіе с ним) высказывал опасеніе, что Учр. Соб. не ратифицирует будущаго мира, и что в отвѣт ему было заявлено, что Уч. Соб. не выражает теперь воли народа и в силу этого не будет созвано. Сообщеніе Домерга отчасти подтверждает и сам Троцкій, который отмѣчает в книгѣ, посвященной біографіи Ленина, что нѣмцы опасались, что большевики сговорятся с Учр. Соб., и что это может повлечь за собой попытку продолжить войну. Другими словами, со стороны нѣмцев в это время была безоговорочная ставка на большевиков. И естественно, что Кайзерлинг в своем нашумѣвшем декабрьском интервью в газетѣ «День» с большой откровенностью сказал о возможности оккупаціи Петербурга, если в столицѣ возникнут безпорядки — и не было сомнѣнія, что здѣсь подразумѣвалось движеніе, направленное против совѣтскаго правительства (См. «Золотой Ключ»). При таких условіях, как ни двойственна и ни противорѣчива была на практикѣ нѣмецкая политика в Россіи, она не оставляла мѣста для каких-нибудь реальных разговоров о монархической реставраціи.

Между тѣм слухи о подготовляющейся реставраціи были распространены в самых разнообразных кругах, проникали в антисовѣтскую демократическую печать и здѣсь сознательно усиленно муссировались, ибо это было методом пропаганды и воздѣйствія на общественное мнѣніе — надо было доказать, что большевизм ведет страну на путь неизбѣжной контр-революціи, и что реакція идет вслѣд за нѣмцами. Любопытно, что даже в большевицких концепціях монархическая реставрація становилась выходом из того критическаго положенія, в которое попала новая власть. Ей самой казалось, что она находится почти в тупикѣ, и подчас вожди в интимных бесѣдах не скрывали своего разочарованія и своего пессимизма на будущее. Соціальная революція в Россіи в их глазах превращалась в утопію. И мой современник, подневными запися-

*) Свѣдѣнія об этой бесѣдѣ дошли к нам из вторых рук: Демьянов воспроизвел в «Рулѣ» записанные им ранѣе разсказы Макарова. Насколько точна эта запись? Самый фактъ бесѣды подтвержден французским журналистом Анэ, который также воспроизвел на страницах своих воспоминаній содержаніе положеній, которыя развивал Ланцгоф. И здѣсь получилось существенное разногласіе. Макаров передавал, что он подѣлился с Анэ своими впечатлѣніями (отрицательными) о бесѣдѣ с Ланцгофом. На другой день Анэ, переговорив со своим посланником Нулансом, передал Макарову предложеніе информироваться у Ланцгофа о настроеніях в Берлинѣ, о возможности мира между Антантой и Германіей и т. д. при условіи сохраненія за Францією Эльзас-Лотарингіи. Для Макарова была составлена особая записка, в которой излагался план международной интервенціи и раздѣла Россіи на сферы вліянія. В этом планѣ Германія участвовала наравнѣ с другими державами. У Анэ план будущей международной интервенціи приписывается инициативѣ Ланцгофа.

ми котораго я пользуюсь постоянно для характеристики настроеній эпохи революціи, занес в свою лѣтопись не сплетни, не стоустую молву, а подлинные разговоры близких Ленину людей о цѣлесообразности, в случаѣ необходимости со стороны большевиков сдачи власти, возстановленія в Россіи монархіи — «хуже прежней», о необходимости сдѣлать Германію плацдармом міровой соціальной революціи. Такая запись моим современником сдѣлана в Москвѣ 2 декабря, наряду с обывательской молвой о том, как новый командующій войсками Муралов говорил видному генералу: «потерпите, болѣе двух мѣсяцев не продержимся». А за нѣсколько дней перед тѣм в дневник занесены слова знаменитаго теоретика анархизма Крапоткина, что он слышал, что «большевики собираются посадить на престол Алексѣя, а регентом Генриха Прусскаго».

Насколько распространена была подобная концепція среди большевиков, показывает тот факт, что она встрѣчается в изложеніи многих мемуаристов. Напр., французскій посол Нуланс, имѣвшій сношенія с Троцким в момент брестских переговоров, свидѣтельствует, что Троцкій не скрывал, что он предпочитает монархическую реставрацію республиканскому правительству, буржуазному или соціалистическому. Домерг, с своей стороны, ссылается на разговоры с послѣдователями Ленина о предпочтительности для большевиков, в случаѣ неудачи, монархическаго режима перед демократіей. Эта реакція «вода на мою мельницу», — откровенно говорил Ленин своему старинному пріятелю Соломону. На другом полюсѣ Россіи извѣстный нам корнет Марков значительно позже, при своем отъѣздѣ из Тюмени, встрѣтился в поѣздѣ с «ученым коммунистом» журналистом Тарасовым-Родіоновым, который развивал перед ним теорію о том, что большевики сдадут свои позиціи только монархистам. Для примитивнаго и однобокаго ума Ленина вообще «середины нѣт»: либо диктатура помѣщика и капиталиста, либо диктатура рабочаго класса. О серединѣ мечтают попусту «барчата-интеллигенты», плохо учившіеся по плохим книжкам. Это изумительное открытіе сдѣлано в письмѣ Ленина к крестьянам и рабочим в 19 г. и о нем можно прочитать в XVI т. «геніальных» ленинских произведеній.

Конкретизацію мысли о реставраціи монархіи под протекторатом Германіи современная молва приписывала совмѣстному творчеству двух дам в Смольном — Коллонтай и Вырубовой. Эта комбинація возстановленія монархіи с нѣкоторыми варіантами, — напр., регентство (Леопольда Баварскаго), систематически выплывает в мѣсяцы, предшествовавшіе Брестскому миру*) и в послѣдующіе, весенніе. «Со всѣх сторон запахло претендентами», как однажды выразился «День», передавшій сообщеніе вюртембергских газет, что в нѣкоторых кругах Берлина обсуждается проект замѣщенія новой династіей русскаго престола (Романовы-

*) Петербургскій «День» 3 декабря отмѣчал даже прокламацію, которая появилась на мѣстных заводах по поводу предстоящей оккупаціи столицы и возведенія на престол наслѣдника Алексѣя с регентством одного из германских принцев.

Гольштейн-Готорпскіе и Гессенскіе считаются скомпрометированными). Кандидатом у этих безотвѣтственных политиков, может быть, занявшихся своими полезными изысканіями подъ вліяніем русской информаціи, являлся вел. герцог Мекленбург-Шверинскій, какъ принцъ славянскаго происхожденія (онъ былъ сыномъ вел. кн. Анастасіи Мих.). Можно отмѣтить у нѣкоторыхъ политическихъ прожектеровъ еще кандидатуру Константина Греческаго, какъ православнаго, внука Александра I, и къ тому же мужа сестры германскаго императора. «Нелѣпые» слухи отмѣчаетъ и дневникъ ген. Будберга. Показательно, что во всѣхъ подобныхъ комбинаціяхъ имя Николая II нигдѣ не фигурируетъ; постепенно на задній планъ отходитъ и кандидатура законнаго наслѣдника. Говорятъ даже о новой династіи. Сознаніе это упрочивается настолько въ кругахъ даже конституціонныхъ монархистовъ въ Россіи, что подобную комбинацію готовы принять и легитимисты. Ген. Казановичъ, посланный въ Москву съ Юга командованіемъ Добровольческой Арміи (это было въ концѣ мая), установилъ связь съ «вліятельными общественными кругами», которые образовали къ тому времени такъ называемый «правый центръ», имѣвшій въ виду возстановленіе монархіи. «Правый центръ» дѣлалъ ставку на Германію. Вотъ какъ передаетъ свои впечатлѣнія Казановичъ: о «личности своего кандидата дѣятели праваго центра умалчивали, а по нѣкоторымъ намекамъ можно было предположить, что они не прочь видѣть на русскомъ престолѣ кого-либо изъ германскихъ принцевъ».

Вотъ почва, на которой возникла легенда, докатившаяся и до Тобольска и тамъ получившая свое особое преломленіе. Въ сущности легенда не касалась низложеннаго монарха, а говорила лишь о тайномъ пунктѣ мирнаго договора, по которому въ Россіи возстанавливается автократическій режимъ. Въ такомъ контекстѣ легенда прочно держалась въ военной средѣ, — такъ передаетъ, напр., ее въ воспоминаніяхъ ген. Гоппер, командиръ одной изъ частей латвійскихъ стрѣлковъ, который принималъ близкое и непосредственное участіе въ антибольшевицкихъ военныхъ организаціяхъ Москвы. В дни, предшествовавшіе подписанію мира, когда нѣмцами было нарушено установленное въ предварительныхъ переговорахъ перемиріе, и началось наступленіе, легенда получила нѣкоторое фактическое обоснованіе. Могло казаться, что оккупанты, дѣйствительно, склонны измѣнить свою политическую тактику и отойти отъ большевиковъ. Недаромъ главнокомандующій нѣмецкой арміей на востокѣ, принцъ Леопольдъ Баварскій, началъ свое февральское наступленіе съ заявленія по радіо объ опасности большевицкой заразы и о долгѣ Германіи бороться съ тѣмъ моральнымъ разложеніемъ, которое несутъ съ собой московскіе властители. Упорные слухи носились, что Германія заключитъ миръ лишь съ правительствомъ, признаннымъ всей страной — отсюда «уродливая радость», отмѣчаемая современниками: «то-то зададутъ нѣмцы большевикамъ, нѣмцы принесутъ съ собой порядокъ и съ большевизмомъ будетъ покончено»*).

*) См., напр., запись Бунина 9 февраля въ дневникѣ «Окаянные дни» о настроеніи въ земской средѣ: «нѣмцы, слава Богу, продвигаются».

Передавали свѣдѣнія из Совѣта Нар. Ком. о вѣроятной оккупаціи Москвы и Петербурга. Находились разочарованные русскіе, уставшіе от большевицких экспериментов, которые были готовы примириться с иноземной оккупаціей, но попытки изображать эти чувства всеобщими, хотя бы в «буржуазных» кругах, надо, конечно, отнести к области общественной каррикатуры. Возможно, что эти слухи распространяли сами нѣмцы, с одной стороны, чтобы воздѣйствовать на колебавшихся большевиков, а с другой, чтобы не потерять на всякій случай «контакта» с людьми, склонявшимися к «германской оріентаціи» в международных и внутренних политических отношеніях.

Для того, чтобы конкретизировать психологическую и политическую обстановку тѣх дней, необходимо было бы вступить на скользкую тропу, ведущую в область легенд и фактов, которые исторически изслѣдуемы быть еще не могут за отсутствіем хоть сколько-нибудь провѣреннаго матеріала. Представляется несомнѣнным, что какіе-то закулисные разговоры послѣ отъѣзда офиціальной нѣмецкой дипломатической миссіи (Кайзерлинг и Мирбах) велись в обѣих столицах между двумя возможными в будущем партнерами — разговоры случайные и безответственные о совмѣстном выступленіи против большевиков. Эти разговоры русских «монархистов» и представителей «секретной» нѣмецкой миссіи (быть может, правильнѣе сказать — военной контрразвѣдки) в Москвѣ зарегистрированы в дневникѣ моего современника достаточно отчетливо. Отмѣчен там и слух о поѣздкѣ петербургских «монархистов» в Псков, т. е. в штаб сѣверо-германскаго фронта. Такая иниціатива, дѣйствительно, была проявлена связанной с военными кругами Петербурга антибольшевицкой организаціей, одним из главарей которой был извѣстный нам по исторіи проекта великокняжескаго манифеста 1 марта 17 г. прис. пов. Иванов, человѣк близкій к вел. князю Павлу Ал. О появленіи парламентеров упомянул и сам начальник фронта ген. Гофман, отнесшій, правда, все это к болѣе поздней датѣ. Упоминает о нем и нѣмецкій участник переговоров в Ревелѣ с представителями петербургской монархической группировки, вѣдавшій контр развѣдкой германской главной квартиры — майор Бауэрмейстер. Он говорит, что уполномоченный петербургской организаціи, нѣкто полк. ген. штаба Д. (ген. Гофман раскрывает фамилію — Дурново) прибыл с собственноручным письмом в. кн. Павла, который, в случаѣ сверженія большевицкой власти при помощи Германіи, должен был сдѣлаться «блюстителем престола».

Каков был план, разсказывает со слов непосредственнаго участника этого начинанія ротмистра фон Розенберга небезызвѣстный своей печальной дѣятельностью в годы гражданской войны в Прибалтикѣ Бермондт (кн. Авалов). Мысль о переговорах с нѣмцами возникла в организаціи, объединявшей офицеров бывших гвардейских частей под руководством генералов Гельгоера и Арсеньева. В дни брестских переговоров организація эта получила согласіе со стороны большевицкой власти на формированіе

своднаго корпуса, который должен был получить наименованіе «Народной арміи». Тогда возникла мысль вступить в тайные переговоры с нѣмцами о совмѣстном дѣйствіи для занятія Петербурга и возстановленія монархической власти, опорой которой являлся бы «русскій корпус». Русскіе заключили бы сепаратный мир с Германіей на условіи status quo ante bellum и установили бы с ней «дружественный нейтралитет» до окончанія міровой войны. Рѣшено было «испросить разрѣшеніе» и «получить благословеніе» на осуществленіе намѣченнаго плана от в. кн. Павла Ал., — к нему была отправлена «депутація». Вел. Князь будто бы, дѣйствительно, дал не только свое «благословеніе», но и «согласіе» стать при первой возможности и необходимсти во главѣ корпуса и временнаго правленія*). Пріѣзд большевиков в Псков с рѣшеніем заключить мир разстроил гвардейскій «заговор».

Есть еще страничка воспоминаній с русской стороны, которая касается этих первоначальных переговоров представителей нѣкоторых русских общественных групп с нѣмцами до подписанія брест-литовскаго мира. Страничку эту мы приведем, потому что она единственная. Но написана она в сущности не политиком, человѣком, принявшим очень отдаленное, косвенное участіе в русско-нѣмецкой эпопеѣ и едва ли разбиравшимся в информаціи, которую ему приходилось выслушивать на «конспиративных» засѣданіях в февралѣ и мартѣ. Отклики, о которых мы говорим, принадлежат члену Совѣта Московских Общественных Дѣятелей, юристу и видному члену Церковнаго Собора С. П. Рудневу. Он пишет: «Из памятных мнѣ засѣданій того времени я припоминаю одно, когда ставили вопрос, с кѣм нам быть... Гдѣ-то около Пскова шли переговоры с представителями Вильгельма, предлагавшими (такова, если мнѣ не измѣняет память, была информація) ввод... двухсот-тысячнаго корпуса, совершенно, по мнѣнію германскаго командованія, достаточнаго для водворенія и подержанія порядка. От нас нѣмцами требовалось, чтобы власть была взята общественностью в лицѣ выдвинутых ею популярных, обладавших твердой волею, лиц и чтобы немедленно был заключен мир. Послѣ долгих и жарких споров только 6 или 8 человѣк из нас подали голос за принятіе предложенія — всѣ же остальные, а было человѣк тридцать, если не больше, — голосовали против. Через нѣсколько засѣданій, послѣ кулуарных разговоров, сторонников соглашенія с нѣмцами прибавилось и рѣшили было даже опять зондировать почву за Псковом**), но пріем оказался суровым и будто бы даже сказали, что вот пріѣдет посланник в Москву, с ним и говорите»... Бывшее спутано здѣсь с неосуществившимся проектом, разговорами и мыслями. Суть в том, что «пріем оказался суровым».

Исторія всѣх этих переговоров получила надлежащую отмѣтку в дневникѣ моего современника: «нѣмцы водят за нос». Ини-

*) Роль самого в. кн. Павла Ал. в этих попытках связаться с нѣмцами пока не поддается учету. Эту роль отмѣчает вскользь, между прочим, М. Маргуліес в своем дневникѣ.

**) Нѣмецкій штаб находился в Ковно.

ціатива и предложеніе исходили из русских групп, нѣмцы в отдѣльных случаях безотвѣтственно разговаривали: ждали, в какую сторону повернет политическій фронт*).

Слухи, отмѣчаемые мемуаристами, в той или иной степени проникали в оппозиціонную печать, как ни стѣснена она была под дамокловым мечом новой «соціалистической» власти. Откликом на них являлись сужденія в Тобольскѣ, отмѣченныя Жильяром. В дневникѣ 19 марта (н. ст.) у него записано: «Послѣ завтрака говорили о Брест-литовском договорѣ, который только что подписан. Государь высказался по этому поводу с большой грустью: «Это такой позор для Россіи; это равносильно самоубійству. Я бы никогда не повѣрил, что имп. Вильгельм и германское правительство могут унизиться до того, чтобы пожать руку этих негодяев, которые предали свою страну»... Когда кн. Долгорукій нѣсколько времени спустя сказал, что часто говорят об одном из условій, согласно которому нѣмцы требуют, чтобы царская семья была передана им цѣлой и невредимой, Государь воскликнул: «Если это не предпринято для того, чтобы меня дискредитировать, то это оскорбленіе для меня», Государыня добавила вполголоса: «Послѣ того, что они сдѣлали с Государем, я предпочитаю умереть в Россіи, нежели быть спасенными нѣмцами». В своем письмѣ Вырубовой 2 марта А. Ф. высказалась болѣе ярко и опредѣленно, чѣм в воспріятіи мемуариста: «Боже, как родина страдает... Бѣдная родина, измучили снутри, а нѣмцы искалѣчили снаружи... Если они будут дѣлать порядок в нашей странѣ, что может быть обиднѣе и унизительнѣе, чѣм быть обязанными врагу. Боже спаси, только не смѣли бы разговаривать с Папой и Мамой»**). В каждом из послѣдующих писем А. Ф. возвращается к волновавшему ее вопросу и сравнивает нѣмцев с «ползущим, все съѣдающим раком». «Но что рѣшается в Москвѣ»? — мучительно спрашивает она.

2. Похабный мир».

Современники не имѣли отчетливаго представленія о том, как рѣзко вопрос о мирѣ стоял в Москвѣ. Внѣшняя фразеологія затемняла переживаемый большевицкой партіей кризис, грозившій ей расколом. Настроенія не только в низах, но и в верхах

*) Едва ли надо прибавлять, что досужей фантазіей является утвержденіе англійскаго журналиста Вильтона, что в Москвѣ собрался съѣзд представителей всѣх партій, гдѣ офиціальный делегат Германіи сдѣлал предложеніе о возстановленіи монархіи.

**) На другой день в конспиративном письмѣ, написанном по-русски «сестрѣ Серафимѣ»: «...Такой кошмар, что нѣмцы должны спасти всѣх и порядок наводить. Что может быть хуже и болѣе унизительно, чѣм это? Принимаем подарок из одной руки, когда другой они все отнимают. Боже, спаси и помоги Россіи! Один позор и ужас. Богу угодно это оскорбленіе Россіи перенести: но вот это меня убивает, что именно нѣмцы — не в боях (что понятно), а во время революціи, спокойно продвинулись вперед и взяли Батум и т. д. Совершенно нашу горячо любимую родину общипали... Не могу мириться, т. е. не могу без страшной боли в сердцѣ это вспоминать... Только бы не больше униженія от них, только бы они скорѣе ушли»...

были далеки от того веселья, которым отмѣтил подписаніе договора о перемиріи в декабрѣ Каменев, пройдясь залихватски трепаком в присядку в одном из ночных варшавских кабарэ (воспоминанія Фокке). Опубликованныя отрывочныя карандашныя записи на блокнотах засѣданій Ц. К. партіи в «період Бреста» дают возможность заглянуть в то, что дѣлалось у большевиков за кулисами и что в то время хранилось в «строжайшей тайнѣ*).

Мы можем начать с признанія Бухарина, что большевицкая партія в дни Бреста не имѣла «руководящей линіи» и не занимала опредѣленной позиціи. Произошло это потому, что мираж, который создал себѣ воинствующій большевизм, быстро исчез — «русскій опыт» не завлек зап-европейскій пролетаріат на стезю немедленнаго осуществленія соціальной революціи в міровом масштабѣ. Разсѣялись, таким образом, мечты не только заставить «германскаго кайзера» говорить, «как равный с равными», с русскими революціонерами, но и посадить весь германскій имперіализм на скамью подсудимых. Эти гордыя заявленія были сдѣланы Каменевым и Троцким на ноябрьских столбцах «Правды». В дѣйствительности во время перваго же брестскаго словоговоренія «прокурор в лицѣ русской революціонной демократіи» оказался в тупикѣ, так как «мир народов», о котором объявляла совѣтская радіотелеграмма 28 ноября, оказался даже не «миром правительств», а просто миром н ѣ м е ц к и м. И приходилось рѣшать вопрос: подписывать ли «аннексіонистскій» мир или вести войну уже «революціонную». Брестская «трагикомедія» была прервана. Этот третій уже перерыв совпал с разгоном Учр. Собр. и созывом Ш съѣзда совѣтов. 8 января состоялось совѣщаніе вождей коммунистической партіи с партійными делегатами, прибывшими на съѣзд, — здѣсь должно было намѣтить путь выхода из тупика. Протоколов секретнаго совѣщанія не сохранилось. Только из вступительнаго слова Ленина в засѣданіи Ц. К. 11 января выясняются намѣтившіяся точки зрѣнія: при помощи Троцкаго была найдена еще третья формулировка дилеммы — объявить войну прекращенной, демобилизовать армію, но мира не подписывать. Эта своеобразная позиція дѣлала ставку на затяжку переговоров и на ожидаемое пробужденіе самодѣятельности германскаго пролетаріата — она собрала на совѣщаніи 16 голосов: подавляющее большинство (32) голосовало за «революціонную войну» и только 15 голосов высказалось за подписаніе «аннексіонистскаго» мира.

Ленин — оппортунист и реалист, конечно, оказался среди меньшинства, высказавшагося за то, чтобы разрубить Гордіев узел посредством заключенія «похабнаго мира». «Несомнѣнно, — говорил он, — мир, который мы вынуждены заключить сейчас, мир похабный, но, если начнется война, то наше правительство будет сметено, и мир будет заключен другим правительством». Стоящіе на позиціи войны думают пробудить в Германіи рево-

*) Володарскій в засѣданіи петроградскаго комитета открыто заявил, что «на верхах что-то творится, о чем партіи не говорят».

люцію, «но вѣдь Германія только еще беременна революціей*), а у нас уже родился вполнѣ здоровый ребенок — соціалистическая республика, котораго мы можем убить, начиная войну»... «Нам необходимо упрочиться, а для этого нужно время. Нам необходимо додушить буржуазію, а для этого необходимо, чтобы у нас были свободны обѣ руки. Сдѣлав это (т. е. подписав похабный мир), мы освободим себѣ обѣ руки и тогда мы сможем вести революціонную войну с международным имперіализмом». По мнѣнію Ленина важно задержаться до появленія общей соціалистической революціи, которая не может быть вызвана «интернаціональной политической демонстраціей», как он квалифицировал предложеніе, формулированное Троцким. «Конечно, мы дѣлаем поворот направо, который ведет через весьма грязный хлѣв, но мы должны это сдѣлать (переползти его хотя бы «на четвереньках», как писал Ленин). Если нѣмцы начнут наступать, то мы будем вынуждены подписать всякій мир, тогда, конечно, он будет худшим. Для спасенія соціалистической республики 3 милліарда контрибуціи не слишком дорогая цѣна. Противники Ленина (во главѣ с Бухариным) считали, что заключеніем мира с имперіалистами не только теряются шансы на международное движеніе, но большевики сами потеряют базу, так как рабочіе не примирятся с подписаніем «буржуазнаго мира». «Мы — партія пролетаріата и должны ясно видѣть, что пролетаріат не пойдет за нами, если мы подпишем мир», — говорил Дзержинскій. И в то же время никто из членов Ц. К. фактически не считал возможным поддержать утопію «революціонной войны», — Ленин предлагал оппозиціонерам съѣздить на фронт и там воочію убѣдиться в невозможности воевать. В результатѣ неожиданно побѣдила несуразная формула Троцкаго (он собрал 9 голосов против 7) — «средняя» линія, по мнѣнію Сталина, давала выход из тяжелаго положенія. Эта средняя линія была принята большинством, и на состоявшемся через нѣсколько дней (13 января) соединенном засѣданіи Ц. К. большевиков и лѣвых соц.-рев., рѣшено было внести на съѣзд совѣтов формулу: «войны не вести, мира не подписывать» — по мнѣнію значительнаго большинства никакой войны, даже «революціонной», Россія вести не могла.

Извѣстно, что на засѣданіи мирной конференціи 28 января (10 февраля), на котором произошел разрыв, Троцким и была внесена с нѣкоторым удовлетвореніем и разсчетом на эффект знаменитая формула, произведшая послѣ всѣх закулисных разговоров впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. «Ungehört» — сказали нѣмцы. На что же реально разсчитывал творец небывалой в лѣтописях дипломатіи формулы? «В ожиданіи того, мы надѣемся, близкаго часа, когда угнетенные трудящіеся классы всѣх стран возьмут в свои руки власть, подобно трудящемуся народу в Россіи, мы выводим нашу армію и народ наш из войны», —

*) Лѣвая соціалистическая печать в Германіи рѣзко нападала на большевиков, заключивших мир не с нѣмецким народом, а с нѣмецкими имперіалистами.

гласила декларація, прочитанная Троцким. «В ожиданіи... близкаго часа». Ленин полагал, что с заключеніем мира можно будет «сразу» обмѣняться военноплѣнными и тѣм самым перебросить в Германію «громадную массу людей, видѣвших нашу революцію на практикѣ; обученные ею, они легко смогут работать над пробужденіем ея в Германіи». Предзнаменованіе того, что так именно и будет, руководители русскаго большевизма видѣли в январьских стачках в Германіи, которыя проходили под лозунгом демократическаго мира», а, главное, они думали, что прусскіе генералы не осмѣлятся повести войну на революціонную Россію (январьская рѣчь Зиновьева в петроградском совѣтѣ). Но если германскіе правящіе круги все же осмѣлятся игнорировать предупрежденіе, данное брестской политической демонстраціей, то у русскаго народа проснется инстинкт самосохраненія, и тогда начнется священная революціонная война (Урицкій).

Но «прусскіе генералы» не испугались картоннаго меча, которым грозили воинствующіе русскіе коммунисты, развалившіе восточный фронт задолго до объявленія главковерхом Крыленко приказа о всеобщей мобилизаціи (послѣ возвращенія Троцкаго из Бреста). 3/16 февраля нѣмецкое командованіе официально заявило о прекращеніи перемирія с 12 часов дня 18 февраля и начало движеніе, не встрѣчая никакого сопротивленія с противной стороны. 4-го сообщеніе из Ставки о началѣ военных дѣйствій подверглось обсужденію в Ц. К. — «ленинцы» потребовали срочно предложить Германіи вступить в новые переговоры для подписанія мира, но остались в меньшинствѣ: за позицію Ленина высказалось 5 против — 6*). На слѣдующій день утром и вечером продолжаются засѣданія Ц. К. Дебатируется все тот же вопрос, — посылать или не посылать телеграмму с предложеніем мира. Троцкій предлагает продлить старую тактику до «логическаго конца» и подождать эффекта, который получится от нея в Германіи. По мнѣнію Троцкаго, не исключена возможность, что наступленіе вызовет серьезный взрыв в нѣмецком народѣ, который встрѣтит с радостью прекращеніе войны. Компромиссное предложеніе возобновить мирные переговоры голосовало 6 против 7. Но тут пришло сообщеніе, что в 2 часа дня взят Двинск. Экстренно созывается в тот же день еще раз Ц. К. «Игра зашла в такой тупик, что крах революціи неизбѣжен», — заявил Ленин. «Ждать» — это значит сдавать «русскую революцію на слом». Пока мы «бумажки пишем», они... «берут склады, вагоны, и мы околѣваем». В Германіи «нѣт и начала революціи» — отвѣчал Ленин тѣм, кто продолжал требовать «тактики развертыванія революціи» — «бить на міровую революцію» (Іоффе). «Если революціонная война, то надо ее объявить, прекратить демобилизацію», а сказать, что «демобилизація прекращена — это значит слетѣть»...

*) Характерно, что реальные политики, в лицѣ Ленина, Сталина, Свердлова, Сокольникова и Смилги «воздержались» при голосованіи пункта об отвѣтѣ главковерху по вопросу об уничтоженіи, в случаѣ отступленія, военнаго матеріала, полезнаго для Германіи.

Ленин не вѣрит в бухаринскую соц. рев. позицію: «мужиков натравить на нѣмцев», — «крестьянин не хочет войны и не пойдет на войну»*). Ленин дѣлал одно исключеніе: «существует сомнѣніе, не хотят ли нѣмцы наступленія для того, чтобы сбросить совѣтское правительство», что нѣмцы заключили в этом отношеніи «сдѣлку» с французами и англичанами. «Если бы нѣмцы сказали, что требуют свержения большевицкой власти, тогда, конечно, надо воевать» против союза имперіалистов». Ему поддакивает Зиновьев: «если они спѣлись и идут священною войною на революцію, мы всѣ идем на революціонную войну»...

На вечернем засѣданіи 18-го точка зрѣнія Ленина собрала большинство 7 против 6**), — так как неожиданно и Троцкій присоединился к формулировкѣ: «немедленно обратиться к нѣмецкому правительству с предложеніем немедленно заключить мир***). Сознавая, что вряд ли старыя условія будут уже подписаны нѣмецкой стороной, III съѣзд совѣтов предоставил неограниченныя полномочія по вопросу о мирѣ Совнаркому, и в засѣданіи Ц. К. 18-го пришли к странному с формальной стороны заключенію: принять рѣшеніе двух Ц. К. за рѣшеніе совѣта народных комиссаров. Ночью произошло совмѣстное засѣданіе, на котором, по сообщенію московскаго «Соц. Демократа» (в архивѣ Ц. К. никаких матеріалов не сохранилось), сторонники сопротивленія нѣмцам «до послѣдней возможности» оказались в большинствѣ. Тѣм не менѣе в Берлин пошла радіотелеграмма о том, что сов.нар.ком. «видит себя вынужденным подписать мир на тѣх условіях, которыя были предложены делегаціей четвертного согласія в Брест-Литовскѣ»...

Нѣмецкій отвѣтный ультиматум с изложеніем условій мира послѣдовал через нѣсколько дней (22 февр.) Что было за эти дни? Нѣмцы не остановили своего наступленія послѣ полученія совѣтскаго радіо. Большевики призывали пролетаріат к оружію, к защитѣ революціи. Наступал момент, когда демагогическое слово должно было превратиться в дѣйствіе — еще в Демократическом Совѣщаніи революціонной (17 г.) эпохи Троцкій с кафедры побѣдоносно заявлял, что «рабочій класс будет бороться с имперіалистами с таким энтузіазмом, какого не знала еще русская исторія». Партійные мемуаристы впослѣдствіи будут говорить о «величайшем энтузіазмѣ», который охватил в февралѣ 18 года пролетарскія массы и который должен был уступить только перед недостатком матеріала и отсутствіем технических возможностей. Этот подъем никто иной, как Ленин, опредѣлил характерным словом «визг», занесенным в черновой протокол засѣданія Ц. К.

---

*) Іоффе считал обязательным подписаніе мира в том случаѣ, «если бы народ требовал от нас мира»... «Пока этого нѣт».

**) Этими шестью были: Урицкій, Іоффе, Ломов (Оппоков), Бухарин, Крестинскій, Дзержинскій; воздержалась Стасова.

***) Сам Троцкій, много раз заявлявшій, что «русская революція не склонит голову перед германским имперіализмом» и пойдет только на «почетный мир», в засѣданіи 18-го предлагал «затребовать формулировку нѣмецких требованій», считая, что «предложить переговоры — значит итти на отказ».

а Зиновьев, согласно тому же протоколу, квалифицировал терминами «усталость, истощеніе и революціонная фразеологія» («сначала фразы, подъем, а рѣшают голосовать за мир»). В такой обстановкѣ сторонники тактики «протянуть время» и, быть может, еще больше косвенно воздѣйствовать на уступчивость нѣмцев, прощупывают почву у представителей Антанты. 21 февраля Троцкій через посредство кап. Садуля запросил ген. Нисселя, возглавлявшаго французскую военную миссію, могут ли оказать союзники техническую помощь в цѣлях затруднить продвиженіе нѣмцев*). Ниссель пишет, что с одобренія посла (Нуланса) он отвѣтил утвердительно, как отвѣчали положительно на этот вопрос военные и раньше**). На другой день через того же Садуля Ниссель передал резюмэ о тѣх первых мѣрах, которыя необходимо принять для того, чтобы выиграть время и избѣжать наступленія нѣмцев на Петербург. Мѣры эти заключались в задержкѣ продвиженія нѣмцев существующими еще на фронтѣ русскими частями (эту сопротивляемость в засѣданіи Ц. К. 18 февраля опредѣляли так: «на пять минут открыть ураганный огонь, и у нас не останется ни одного солдата на фронтѣ»), в уничтоженіи всего имущества, которое может попасть в руки врага (французская миссія для этого предлагала своих спеціалистов), в арестѣ всѣх военноплѣнных, находящихся на свободѣ, в призывѣ к старым офицерам — к их патріотизму, в принятіи помощи японцев и т. д.

В засѣданіи 22-го эту «ноту» Троцкій докладывал Ц. К.***). То, что происходило на засѣданіи, еще болѣе подчеркивает неразбериху в управляющей верхушкѣ коммунистической партіи.

---

*) Посредничество Садуля началось еще наканунѣ открытія переговоров о мирѣ. Садуль имѣл бесѣду с Троцким 8 ноября, и послѣдній развил ему свой план, по которому нѣмцы должны были отклонить предложеніе о перемиріи, основанном на принципах русской революціи», а большевики декретируют «священную» войну, но не на основѣ національной обороны, а во имя интернаціональной защиты соціалистической революціи. В дѣйствительности, как видно из заявленія Троцкаго в Ц. К. 11 января, он всегда считал «революціонную войну» не реальным вопросом. «Докучал» Садуль и Ленину. Этот попросту втирал очки наивному капитану, состоявшему при французской военной миссіи и не облекшемуся еще в коммунистическую тогу, и увѣрял его, что большевики заключат мир только при соблюденіи демократических принципов, и что сторонники мира, во что бы то ни стало, составляют незначительное меньшинство в партіи. Садуль, питавшійся иллюзіями, что большевики станут оборонцами и будут защищать свое отечество, соблазнял Ленина возможностью присылки из Франціи квалифицированных спеціалистов для возстановленія арміи и парализованія саботажа русских спеціалистов...

**) В засѣданіи Ц. К. 11 января Ленин приводил в доказательство того, что затягиваніе войны в интересах французских, англійских и американских имперіалистов, предложеніе, сдѣланное в Ставкѣ Крыленко американцами, уплачивать 100 рублей за каждаго русскаго солдата, но Ленин умолчал, что и его «соблазнял» Садуль, и что он сам вел переговоры с представителем американской миссіи Кр. Креста Робинсом о снабженіи Россіи военным матеріалом (между Лениным и Робинсом был в этом отношеніи заключен, как утверждал Покровскій, соотвѣтствующій «договор»).

***) В архивѣ партіи она не сохранилась, но напечатана, как мы видим, в воспоминаніях Нисселя.

Формально нота «без преній» о т к л о н я е т с я, по предложенію Свердлова, как значится в протоколѣ. Но в дѣйствительности и среди «священников», и среди «похабников», как в партійных кругах довольно цинично называют сторонников подписанія «захватническаго» мира, нашлись сторонники принципа: «если можно взять что-нибудь, то нужно брать» (Смилга). Особенно ярко на своем образном діалектѣ этот принцип выразил реалист Ленин, отсутствовавшій на засѣданіи. Он всегда полагал, что говорить с одним имперіалистом-разбойником против другого не предосудительно и в данном случаѣ в письменной формѣ просил присоединить свой голос «за взятіе картошки и оружія у разбойников англо-французскаго имперіализма». Бухарин обосновывал другую принципіальную позицію для послѣдовательнаго интернаціоналиста — недопустимость пользоваться поддержкой какого бы то ни было имперіализма. Бухарин со стороны союзников видит осуществленіе плана превращенія Россіи в их колонію и предлагает ни в какія соглашенія относительно покупки оружія, использованія услуг офицеров и инженеров с французами, англичанами и американцами не входить. Он собрал 5 голосов, тогда как Троцкій, готовый разсматрвать услуги имперіалистов в каждом отдѣльном случаѣ под углом зрѣнія цѣлесообразности и принимать от капиталистических правительств средства к тому, чтобы наилучшим образом вооружить и снарядить революціонную армію, собрал 6 голосов. На основѣ этого страннаго голосованія, и весьма неопредѣленнаго и противорѣчиваго*), утром 23-го Троцкій телеграфировал Садулю, что принимает предложеніе содѣйствія со стороны военной миссіи Франціи и просит Нисселя прибыть в 4 часа в Смольный**). Ниссель был и бесѣдовал с Троцким. Но тот был сдержан в своей игрѣ на два фронта, так как имѣл отвѣт нѣмцев. В случаѣ войны Троцкій не сомнѣвался в содѣйствіи французов, ну, а в случаѣ заключенія мира — останется ли французская военная миссія для помощи и организаціи новой арміи? Ниссель отвѣтил, что не может дать обѣщанія от имени правительства, но, по его мнѣнію, такое сотрудничество будет в интересах Франціи.

23-го в Ц. К. обсуждались новыя германскія условія. Это был уже ультиматум, срок котораго был ограничен 48 часами, т. е. 7 часов утра 24-го, как разъяснил Троцкій в засѣданіи. Ультиматум требовал немедленнаго прибытія уполномоченных делегатов правительства для того, чтобы подписать мир в теченіе трех дней, причем ратификація условій мира должна послѣдовать в продолженіи двух недѣль. Новыя условія значительно ухудшали то, что предложено было раньше. Россія должна была отказаться от Прибалтики, очистить без всякаго промедленія Украину и Финляндію, полностью демобилизовать всю армію, разоружить флот,

*) Бухарин заявил о своем выходѣ из Ц. К.

**) Французы поспѣшили тотчас же принять всѣ мѣры к сотрудничеству, к подготовкѣ разрушенія желѣзнодорожных путей, считая это полезным, если даже будет рѣшен вопрос о мирѣ.

передать Турціи провинціи восточной Анатоліи (т. е. Карс) и пр. Большевики поистинѣ были приперты к стѣнѣ. Цинично Ленин в тот же день поставил свой ультиматум в засѣданіи Ц. К. В протоколѣ его слова записаны так: «Политика революціонных фраз кончена; если эта политика будет теперь продолжаться, то выходит (выхожу) из правительства и из Ц. К. Для революціонной войны нужна армія, ея нѣт. Значит, надо принимать условія»... «Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор совѣтской власти через 3 недѣли. Эти условія совѣтской власти не трогают. У меня нѣт ни малѣйшей тѣни колебанія». Говорить при таких условіях о международной гражданской войнѣ — это «издевка». Слова Ленина и его единомышленников (Сталин говорил о «пердышкѣ») не поколебали аргументов оппозиціи. «Совѣтская власть не спасется подписаніем этого мира», — утверждал Урицкій. «Если мы мир подпишем, у нас будет Милюков без Чернова при содѣйствіи германскаго имперіализма». «Передышки» не видит и Дзержинскій, — «подписывая этот мир, мы ничего не спасаем». Но вмѣстѣ с тѣм Дзержинскій согласен с Троцким, что вести революціонную войну при таком расхожденіи в партіи невозможно, и потому не берет на себя отвѣтственности за войну: «если бы партія была достаточно сильна, чтобы вынести развал и отставку Ленина, тогда можно было бы принять рѣшеніе, теперь нѣт». Однако, на засѣданіи раздался голос и болѣе рѣшительный со стороны «лѣвых», а именно Ломова (Опокова): «Если Ленин грозит отставкой, то напрасно пугаются. Надо брать власть без В. И.» При голосованіи за немедленное принятіе германскаго ультиматума высказалось 7 человѣк; против 4 и 4 воздержалось. Оставшіеся в меньшинствѣ и воздержавшіеся тут же мотивировали свое поведеніе. Троцкій личное воздержаніе объяснил необходимостью найти выход из создавшагося положенія и полученія большинства для выработки «единой линіи». По мнѣнію Крестинскаго, Іоффе и Дзержинскаго, «если произвести раскол, вслѣдствіе ультимативнаго заявленія Ленина*), и нам придется вести революціонную войну против германскаго имперіализма, русской буржуазіи и части пролетаріата во главѣ с Лениным, то положеніе для всей русской революціи создастся еще болѣе опасное, чѣм при подписаніи мира: «не будучи в состояніи голосовать за мир, мы воздерживаемся от голосованія». Урицкій от имени голосовавших против (Бухарина, Ломова, Бубнова и своего), а также от кандидата в члены Ц. К. Яковлевой, присутствовавших на засѣданіи Пятакова и Смирнова, сдѣлал заявленіе, что оппозиція уходит со всѣх ответственных партійных и совѣтских постов, оставляя за собой полную свободу агитаціи, так как не желает нести ответственность за рѣшенія, гибельныя для русской и международной революціи, тѣм болѣе, что «рѣшеніе это принято меньшинством, так

*) По другому контексту протокола Ленин заявил, что идет на открытый разрыв, идет «в агитацію».

как 4 воздержавшихся, как явствует из их мотивировки, стоят на нашей позиціи»...

Нам неизвѣстны дальнѣйшіе закулисные ходы. Только в воспоминаніях ген. Нисселя разсказывается, что Троцкій через Садуля освѣдомил французскую военную миссію, что, возможно, мир не будет ратифицирован ВЦИК, а если даже на нѣмецкій ультиматум будет дано согласіе, враждебныя дѣйствія начнутся, так как большевицкая Украина откажется снабжать нѣмцев хлѣбом, и Троцкій вновь просил Нисселя о помощи в дѣлѣ національной защиты. Но в ночь с 23 на 24 в засѣданіи ВЦИК большинством 126 против 85 при 26 воздержавшихся было рѣшено ультиматум принять и послать нѣмцам соотвѣтствующую телеграмму. «Лѣвые» большевики (или часть их), повидимому, ушли с засѣданія до голосованія, — впрочем, здѣсь у свидѣтелей разногласія, и иные утверждают, что во имя «пролетарскаго единства» большевицкая фракція голосовала однотонно — и «ленинцы, и «оппозиція». Но «революціонной спайки» не проявила публика, бывшая на хорах. Оттуда кричали: «Измѣнники», «Предали Родину», — «Іуды», — «Шпіоны нѣмецкіе». «Коммунисты огрызаются и показывают кулаки», — вспоминает Ступоченко. «Под шум, гам и озлобленный вой, выходим на улицу»... Нѣмцы не остановили своего продвиженія, и 24-го ничтожной группой был взят «революціонный» Псков. «Желѣзная рука пролетаріата» не защитила города, хотя на помощь мѣстному военному комиссару Позерну из Петербурга прибыл «бѣшеный» Володарскій, предлагавшій для выполненія боевых задач «революціоннаго фронта» «по фонарям развѣшать всѣх буржуев». Результаты боя, — говорит непосредственный очевидец, — были «до курьеза ничтожны» (убитых со стороны большевиков никого).

В ночь на 25-е новая делегація выѣхала в Брест. Нѣмцы продолжали наступать, несмотря на протесты и требованія совѣтской делегаціи. При таких условіях мирный договор был ультиматумом, поддержанным оружіем, — жаловалась радіотелеграмма, отправленная из Бреста в центр. В Смольном был переполох, и считали уже, что переговоры прерваны. Но тщетны были истерическіе призывы к странѣ спасать соціалистическую республику и лихорадочныя мѣры к организаціи красной арміи. Делегаты подписали условія мира 3 марта (по н. ст.), не имѣя возможности даже представить свои возраженія, — большевики вынуждены были безпрекословно и молчаливо подчиниться нѣмецкому ультиматуму. Между тѣм Троцкій продолжал свою игру с военными миссіями союзников: и в день подписанія ультиматума он через Садуля освѣдомлял, что для него и для Ленина непріемлемо продолженіе боенных дѣйствій на Украинѣ, и что они не допустят сверженіе украинскаго большевицкаго правительства. Троцкій опять выражал надежду на поддержку со стороны Франціи в случаѣ возобновленія боенных дѣйствій, намекая на возможность того, что съѣзд совѣтов, созываемый в Москвѣ на 10 марта, не ратифицирует мира. Намекал Троцкій и лондонскому представителю Локарту о возможности объявленія священной

войны Германской Имперіи на съѣздѣ совѣтов, — во всяком случаѣ, там будет сдѣлан такой шаг, который приведет к неизбѣжному объявленію войны со стороны Германіи. Наконец, самому долготерпѣливому Нисселю стало казаться, что Троцкій по-просту ломает комедію, когда говорит о французской помощи, — это было средство для воздѣйствія на нѣмцев, сохранить посольства и миссіи Антанты, что придавало большевицкой власти вид как бы международно признаннаго правительства.

«Комедія» Троцкаго*) обманула не только иностранныя миссіи, но и русскаго историка. Милюков написал в «Россіи на переломѣ»: за свою политику по Бресту Троцкій был удален Лениным с поста комиссара ин. дѣл. Троцкій сам в воспоминаніях о Ленинѣ разсказал о том, как была разыграна комедія его фиктивной отставки в цѣлях подчеркнуть перед нѣмцами радикальный поворот ь коммунистической партіи и искреннюю готовность подписать мир — извѣстно, что Троцкій почти вслѣд за своей отставкой был назначен комиссаром по военным дѣлам. «Комедія» продолжалась и послѣ ратификаціи мира съѣздом совѣтов 15 марта — ратифицирован договор был 784 голосами против 261 при 115 воздержавшихся**).

Прозаическая дѣйствительность была далека от революціоннои фразеологіи. Впослѣдствіи, через много лѣт, совѣтскій историк марксист Покровскій назвал точку зрѣнія Ленина чисто «пролетарской» в противовѣс «мелко-буржуазной» (правой и лѣвой), высказанной его противниками в партіи в февральскіе дни 18 г. Тогда Покровскій раздѣлял взгляды оппозиціи Ленину и думал как раз по другому. Им среди других отвѣтственных дѣятелей партіи было подписано заявленіе, поданное в Ц. К. на засѣданіи 22-го. Они писали тогда: ...Рѣшеніе заключить мир во что бы то ни стало при первом же натискѣ врагов пролетаріата, принятое под давленіем м е л к о - б у р ж у а з н ы х элементов и м е л к о - б у р ж у а з н ы х настроеній, является «капитуляціей передового отряда международнаго пролетаріата перед международной буржуазіей», и «неизбѣжн влечет за собой потерю пролетаріатом руководящей роли и внутри Россіи». Отказ от задач «развитія гражданской войны в международном масштабѣ», по мнѣнію оппозиціи, «равносилен самоубійству». Оппозиція казалась очень грозной для единства большевицкой партіи в критическіе дни февраля — еще в январѣ петербургскій комитет в заявленіи Ц.К. утверждал, что подписаніе «похабнаго мира» явно противорѣчит линіи большинства партіи***). Двѣ «самыя вліятельныя организаціи нашей партіи — петербургская и московская областная — опредѣленно высказываются против аннексіонистскаго мира с Германіей, продолженіе мир-

---

*) Луначарскій впослѣдствіи говорил, что Троцкій в дни Бреста «прокладывал свой путь прямолинейно».

**) Бывшій перед тѣм съѣзд коммунистической партіи 6 марта высказался за «похабный мир» 28 голосами против 12. Оппозиція на нем держалась «озлобленно и мрачно» (воспоминанія Ильина-Женевскаго).

***) Эта партійная большевицкая организація еще в декабрѣ объявила «безпощадную войну с буржуазіей всего міра».

ной политики в том духѣ, как это намѣчается теперь... может грозить расколом нашей партіи». «Петербургская организація — поясняли ея представители в засѣданіи Ц.К. 11 января, — будет протестовать, пока может, против точки зрѣнія Ленина и считает возможной только позицію революціонной войны». В февральскіе дни московское областное бюро 24-го открыто высказало свое недовѣріе Ц.К. в виду его политической линіи и заявляло, что «не считает себя обязанным подчиняться, во что бы то ни стало, тѣм постановленіям Ц.К., которыя будут связаны с проведеніем в жизнь условій мирнаго договора» *). Насколько остро стоял вопрос, показывает факт, сообщенный Бухариным в дни новой позднѣйшей партійной склоки, что в період борьбы за брестскій мир лѣвые с.-р. зондировали почву у «лѣвых» коммунистов об арестѣ Ленина. На политическом процессѣ 38 г. «блока правых и троцкистов» Яковлева показывала еще болѣе опредѣленно: Каменев и Карелин вели бесѣду с Бухариным и Пятаковым о новом правительствѣ. По описанію свидѣтельницы дѣло шло не только о зондированіи лѣвыми с.-р. почвы для созданія новаго правительства: Струков, вдохновляемый Бухариным, открыто предлагал в партійном комитетѣ московскаго района арестовать Ленина, Сталина и Свердлова и в случаѣ сопротивленія убить их. И тѣм не менѣе оппозиція была безплодной смоковницей, поскольку «священная война» ставила вопрос об организаціи дѣйствительнаго отпора наступающим нѣмцам. В своем выше процитированном заявленіи в засѣданіи Ц.К. 22 февраля оппозиція «с презрѣніем» отвергла «нападки на совѣтскую власть со стороны тѣх соглашательских элементов», которые «вмѣсто гражданской войны с международной буржуазіей хотят вести національную войну с Германіей на основѣ единенія классов и союза с англо-французской коалиціей». Не требовалось большого предвидѣнія, чтобы понимать, что в условіях обстановки, при которой был предъявлен февральскій нѣмецкій ультиматум, революціонная фразеологія никакой реальной цѣны не имѣла. Покровскій в своем докладѣ опредѣлил эту обстановку слѣдующими словами: «Теперь задним числом мы знаем, что нѣмцы не хотѣли даже занимать Петербург, а тѣм болѣе Москву. Это не входило в их программу. Так что особенной опасности мы тогда не подвергались. Но это мы знаем теперь, а тогда мы этого не знали. Тогда мы были в положеніи человѣка, который сидит в шестом этажѣ горящаго зданія, и перед которым стоит дилемма: что лучше — сгорѣть или броситься с окна на мостовую» **).

Естественно, Ленин побѣдил. «Похабный мир» закрѣпил до времени совѣтскую власть и освободил «обѣ руки» большевиков для того, чтобы «додушить» буржуазію (Ленин в своих январьских тезисах о мирѣ утверждал, что для торжества соціализма в Россіи нужен промежуток «не менѣе нѣскольких мѣсяцев»), а

*) В засѣданіи комитета Володарскій называл разсужденія в пользу подписанія мира «обывательскими» — разсужденіями людей, не понимающих смысла и значенія «октябрьскаго переворота».

**) Ленин наединѣ говорил Троцкому: «...вчера еще крѣпко сидѣли в сѣдлѣ, а сегодня только лишь держимся за гриву».

потом повести «революціонную войну с международным имперіализмом»*). Коммунистическое панургово стадо пошло за своим вожаком, который открывал перспективы, если «задержимся» до нарожденія общей соціальной революціи. Как разсказывает один из партійных мемуаристов (Ильин-Женевскій), лицо Ленина «буквально сіяло» на VII партійном съѣздѣ, созванном в Петербургѣ 6 марта — «в особенности он был весел, когда выступал какой-нибудь оратор из оппозиціи. Чѣм рѣзче было выступленіе, тѣм веселѣе становился Ленин», который, «разстегнув пиджак и заложивши большіе пальцы за жилетку, прогуливался позади трибуны». «В нѣкоторых мѣстах он не выдерживал и начинал хохотать, держась за бока»...

«Священная война» не в революціонном аспектѣ могла найти широкій отклик в странѣ, но провозглашеніе этого лозунга, конечно, прежде всего означало внутреннюю ликвидацію большевизма. Невѣрно, конечно, что всеобщее настроеніе в Россіи было за мир, хотя бы «похабный», на чем готовы настаивать французскіе мемуаристы, занимавшіе офиціальное положеніе в Россіи — Нуланс и Ниссель. Была весьма односторонняя и информація, которую в эти дни давал для Парижа, прикомандированный к французскому посольству в Петербургѣ и считавшійся знатоком русскаго вопроса — Пети; он писал Ал. Тома, что ужас перед большевицким режимом таков, что населеніе и в особенности буржуазія предпочтут всему нѣмецкую оккупацію с возстановленіем порядка, который ожидается от этой оккупаціи.

Твердо укоренившееся представленіе у значительной части противников большевиков, что Брестскій мир заключен не «Россіей, а нѣмецкими агентами», само собою опровергает ходячую версію. Не показательна ли сцена кратковременнаго пребыванія брест-литовской делегаціи в старом Псковѣ, зарисованная пером непосредственнаго свидѣтель с.-д. Горна. Растерянные и съежившіеся члены революціонной делегаціи проходят из гостиницы сквозь живой корридор нѣмецкаго караула, а напирающая толпа неистствует: «Разбойники! Грабители! Христопродавцы! Ироды! Погубили Россію». Не менѣе яркую иллюстрацію мы находим в маленьком эпизодѣ, разсказанном уже самими большевиками. Большевицкая верхушка рѣшила перенести правительственный центр в Москву ввиду угрожаемаго положенія «красной столицы». Этот проект, по словам Троцкаго, вызвал большія тренія в партійной средѣ: говорили, что это похоже на дезертирство из Петрограда, основоположенника октябрьской революціи, и что рабочіе этого не допустят. Ленин возражал, указывая на то,

*) «Положеніе было бы отчаянным, если бы мы разувѣрились в международной революціи» — заявлял Зиновьев в петроградском совѣтѣ при обсужденіи политики Совѣта нар. кемиссаров в вопросѣ о «принятіи неслыханно тяжелаго мира, навязаннаго нам под угрозой вооруженнаго напора на истерзанную Россію германских имперіалистов».

что перенос столицы в Москву уменьшает для Петербурга и военную опасность: какая «корысть оккупировать голодный революціонный городъ, если эта оккупація не рѣшаетъ судебъ революціи и міра». Символическое значеніе имѣетъ только то, что «мы в Смольном, а будем в Кремлѣ... вся символистика перейдет в Кремль». Вопрос о переносѣ столицы в Москву был разрѣшен на IV съѣздѣ совѣтов. И вот, когда совнарком выѣзжал из Петербурга, поѣзд был окружен в ночь с 10 на 11 марта на ст. Мал. Вишерѣ отрядом матросов в 400 человѣк и 200 солдат, которые намѣревались учинить расправу с «жидовским» правительством, продавшим Россію нѣмцам и вывозящим с собою золото. «Символистика» совершенно неожиданная! Спасла положеніе латышская преторіанская гвардія большевиков. Предусмотрительный Ленин еще в дни разгона Учр. Собанія распорядился вызвать в сѣверную столицу один из наиболѣе надежных латышских полков, который мог бы проявить в нужном случаѣ «пролетарскую рѣшимость».

3. Миссія гр. Мирбаха.

Прозаическая дѣйствительность всегда далека от революціонной фразеологіи. «Передышка» на практикѣ означала подчиненіе велѣніям германской политики, которая отнюдь не склонна была в данный момент низвергать в центрѣ совѣтскую власть, отлично учитывая, что только эта власть по чувству самосохраненія способна реализовать условія «похабнаго» мира. Если в дневникѣ моего современника мы встрѣчаем под датой 8 марта упоминаніе об информаціи, сообщаемой авторитетным общественным дѣятелем Астровым, о том, что нѣмцы «на двѣ недѣли отложили занятіе Москвы», то подобная инфорація являлась ординарным откликом безотвѣтственных разговоров и прогнозов, которыми была в то время полна Первопрестольная.

В описанной обстановкѣ как будто бы ясно, что легенда, связывавшая брестскій мир с Царем, который находился в Тобольскѣ, не имѣет под собой фактическаго обоснованія. Документ из прусскаго архива министерства ин. дѣл, опубликованный нѣмецким историком (Курт Ягов), всецѣло подтверждает такой вывод*). Ягов сообщает, что датскій король Христіан X, получив от своего посла из Петербурга тревожныя извѣстія, касавшіяся царской семьи, и желая использовать факт установленія дипломатических сношеній между Берлином и Москвой, обратился к Вильгельму II с предложеніем вмѣшаться в разрѣшеніе судьбы низложеннаго монарха и его семьи. Вильгельм отклонил предложеніе. Ягов приводит отвѣт германскаго императора, помѣченный датой 17 марта. Вильгельм указывает, что информація Христіана произвела на него сильное впечатлѣніе, и что он, учитывая со-

*) Документ этот был опубликован в полемическом отвѣтѣ на книгу б. французскаго посла Палеолога, который в книгѣ, озаглавленной «Вильгельм II и Николай» дѣлал до извѣстной степени нѣмцев отвѣтственными за гибель царской семьи.

временную обстановку в Россіи, понимает, почему судьба близкой Христіану императорской семьи его безпокоит. Несмотря на всѣ тяжелыя обиды, которыя Вильгельм и его народ испытали со стороны тѣх, кто были прежде его друзьями, он не может отказать в сочувствіи царской семьѣ с точки зрѣнія человѣколюбія и, если бы это было в его власти, он все сдѣлал бы для того, чтобы царская семья находилась в безопасности. Но для него невозможно при современной обстановкѣ оказать непосредственную помощь: всякая попытка в этом отношеніи, исходящая лично от него или его правительства, лишь ухудшит положеніе семьи, так как будет плохо принята русским правительством и будет истолкована, как стремленіе возстановить императорскій трон. «Поэтому, к сожалѣнію, — писал Вильгельм, — я не вижу никакой возможности чѣм-нибудь помочь в этом дѣлѣ. Всѣ дѣйствія, предпринятыя правительствами Антанты, будут приняты также с подозрѣніем. Единственный практическій путь, по моему мнѣнію, будет представительство перед русским правительством сѣверных держав. Так как онѣ нейтральны, легче повѣрят, что онѣ дѣйствуют исключительно по мотивам гуманным, не преслѣдуя никаких политических цѣлей». Результатом этой переписки явилось все же какое-то обращеніе в апрѣлѣ к совѣтскому представителю в Берлинѣ Іоффе, который и завѣрил, что ни против одного из членов императорской семьи ничего не будет предпринято и что семья широко будет снабжена всѣм необходимым (Керенскій, пользовавшійся документами Ягова, этот отвѣт датскому послу относит за счет нѣмецкаго правительства).

До начала мая в документах, опубликованных Яговым, нѣт больше откликов на судьбу царской семьи. За это время в Москвѣ появился полномочный посол Германіи гр. Мирбах, — фактически он прибыл в Москву 4 апрѣля ст. стиля. В своих сношеніях с совѣтской властью он «немедленно» поднял вопрос о царской семьѣ. По Керенскому эта «немедленность» слѣдует почти непосредственно за прибытіем нѣмецкаго посла: 24 апрѣля прибыл Мирбах и уже 27 он доносил в Берлин о своих переговорах с Караханом и Радеком по поводу положенія екатеринбургских узников. У Керенскаго недоразумѣніе в датах, спутанность стараго и новаго стиля — донесеніе Мирбаха относится к 10 мая по нов. ст. Фактически между прибытіем Мирбаха в Москву и его предстательством в пользу царской семьи прошел почти мѣсяц. Нѣмецкій посол мотивировал свое обращеніе к совѣтской власти слухами о предположеніи перевести всѣх членов династіи, находившихся в Великороссіи, в Екатеринбург; он выражал надежду, что по отношенію к «нѣмецким принцессам» не будет допущено никаких насильственных дѣйствій. Совѣтскіе дипломаты формально отнеслись, конечно, с полным вниманіем к предстательству германскаго посла. Обращеніе Мирбаха нашло тогда отклик в существовавшей еще несовѣтской соціалистической печати и представлено было ввидѣ «ультиматума», поставленнаго московской власти германским послом и заключавшаго, между прочим, в себѣ требованіе разоруженія латышских частей

и концентрацію военноплѣнных в Москвѣ. Информація, очевидно, точностью не отличалась, и московскія газеты, напечатавшія ультиматум, были закрыты.

Таким образом, предстательство о «нѣмецких принцессах» было сдѣлано тогда, когда царская семья была уже в Екатеринбургѣ и было вызвано этим именно фактом. Царем нѣмцы интересовались весьма мало, — таково заключеніе ген. Дитерихса, и оно, повидимому, гораздо болѣе соотвѣтствовало дѣйствительности, нежели весьма необоснованная попытка связать миссію Яковлева с нѣмецкой акціей в этом направленіи. Для Керенскаго эта миссія, носившая опредѣленно политическій характер, остается пока полной загадкой: она означала или спѣшное выполненіе до пріѣзда Мирбаха настойчивых требованій нѣмцев, или желаніе поставить нѣмецкаго посла перед совершившимся фактом перемѣны в положеніи бывшаго Царя. Керенскій приходит к заключенію, что переговоры о судьбѣ бывш. Императора велись с нѣмцами тотчас же послѣ заключенія брестскаго мира, что вокруг этих переговоров в Москвѣ шли споры, и что Ленин должен был по тѣм или иным причинам дать, хотя бы внѣшне, согласіе на перевоз Николая II в Москву и, может быть, даже дальше. Булыгин, опирающійся будто бы исключительно на данныя, полученныя судебным слѣдствіем, легко разрѣшает загадку о «двойной игрѣ» Москвы: «Большевики перехитрили нѣмцев, и Свердлов, одной рукой исполняя т р е б о в а н і е гр. Мирбаха о вывозѣ из Тобольска Государя, другой дѣлал свое заранѣе рѣшенное дѣло, — отправляя Войкова и Сафарова для подготовки Екатеринбурга к задержанію вывозимаго нѣмцами Государя». Булыгин даже опредѣленно знает, что Яковлев был указан предсѣдателю ВЦИК Свердлову*) никѣм иным, как самим Мирбахом, котораго в Москвѣ еще не было!

В соотвѣтствіи со своими комментаріями Булыгин излагает и тѣ переговоры с Мирбахом, которые повели правыя группы, связанныя с Тобольском и обезпокоенныя перевозом семьи в Екатеринбург. Это изложеніе в корень расходится с тѣм, что говорили сами представители этих правых группировок, давая показанія слѣдователю Соколову. Булыгин изображает так: «С самаго начала пребыванія гр. Мирбаха в Россіи русскіе консервативные круги вели переговоры с ним о сверженіи власти большевиков и о спасеніи Государя и его семьи. В составѣ одной группы, представившей в с в о е в р е м я (?) графу Мирбаху всю опасность пребыванія Государя в далекой Сибири, был и покойный слѣдователь Н. А. Соколов. Другая группа «національнаго центра», в которую входили, нынѣ тоже покойные, В. І. Гурко и А. В. Кривошеин, указала гр. Мирбаху на то, что, если русским придется начинать борьбу с большевиками своими силами без помощи колеблющейся в этом вопросѣ Германіи, то царской семьѣ грозит безусловная опасность. Граф Мирбах н е и з м ѣ н н о отвѣчал: «Будьте спокойны... Царская семья находится под

*) Для Вильтона и Свердлов только нѣмецкій агент.

наблюденіем и охраной нас — германцев. Мы знаем, что дѣлаем. Когда придет время, германское имперское правительство примет свои мѣры». Приведенный текст (спаянность проблемы антибольшевицкой борьбы со спасеніем Царя) вызывает не мало возраженій, — они сами собой, однако, выступят тогда, когда придется говорить о п о л и т и ч е с к и х переговорах правых общественных организацій с представителем нѣмецкой миссіи в Москвѣ. Вызывает полное недоумѣніе указаніе, дѣлаемое ближайшим помощником слѣдователя Соколова на участіе послѣдняго в какой-то делегаціи к гр. Мирбаху. Казалось бы, он мог слышать об этом непосредственно от самого Соколова, между тѣм возможность такого разговора с Мирбахом совершенно не укладывается в схему, которую дает Соколов в своей книгѣ — столь радикально она расходится со всей политической психологіей слѣдователя, ярко сказавшейся, как на страницах его литературной работы, так раньше и на пріемах разслѣдованія*). Но оставим это в сторонѣ, главное то, что Мирбах отвѣтил посѣтившим его делегатам: «Успокойтесь. Я знаю, что дѣлаю. Обстановка в Тобольскѣ мнѣ извѣстна, и когда придет время, императорское германское правительство примет свои мѣры»...

Наиболѣе полное показаніе дал Соколову «лидер русскаго монархическаго движенія», проживавшій тогда в Петербургѣ А. Ф. Трепов. В концѣ апрѣля в Петербург прибыл уполномоченный московской монархической группы сенатор Нейдгардт с цѣлью обсудить с петербужцами средства помочь царской семьѣ и воздѣйствовать на нѣмецкую власть, которая представляла тогда единственную силу, могущую предотвратить опасность, буде она угрожала бы бывшему Императору. Нейдгардт сообщил, что московская группа уже обратилась в германское посольство, однако, она была далеко не удовлетворена отношеніем, как к ней, так и к возбужденному ею вопросу со стороны германскаго посла. «Граф Мирбах, — по словам Нейдгардта, — сначала вовсе уклонялся от всяких сношеній с группой. В концѣ концов, он согласился принять Нейдгардта, но свиданія были короткія, холодныя, не дали ничего опредѣленнаго и скорѣе, как говорил Нейдгард, свидѣтельствовали об уклончивом отношеніи гр. Мирбаха к указанному вопросу об охраненіи благополучія Государя и царской семьи». В своих личных показаніях Соколову Нейдгардт пояснил, что он был три раза у Мирбаха: «В первый раз я был у него еще тогда, когда мы ничего не знали об отъѣздѣ царской семьи из Тобольска. В общей формѣ я просил Мирбаха сдѣлать все возможное для улучшенія ея положенія. Мирбах обѣщал мнѣ оказать свое содѣйствіе в том направленіи и, если не ошибаюсь, он употребил выраженіе «потребую». Когда мы узнали об увозѣ семьи, я снова был у Мирбаха и говорил с ним об этом. Он успокаивал меня общими фразами. На меня произвело впечатлѣніе,

*) Кромѣ того, автор предисловія к книгѣ Соколова, кн. Орлов, опредѣленно свидѣтельствует, что Соколов, пензенец по рожденію и по мѣсту службы, «послѣ большевицкаго переворота», «переодѣлся крестьянином, ушел из Пензы и слился с мужичьей средой».

что остановка царской семьи в Екатеринбургѣ имѣла мѣсто помимо его воли». В изложеніи Нейдгардта нѣт той опредѣленности, которая проявляется в показаніях Трепова, сдѣланных со слов того же Нейдгардта. Очевидно, смягченность, введшая в заблужденіе Булыгина, вызывалась какими-то особыми соображеніями, о которых говорит странное поясненіе, сдѣланное Соколовым в книгѣ: «по нѣкоторым причинам, о которых я не считаю возможным говорить здѣсь (?), сен. Нейдгардт с г л а ж и в а л г о р е ч ь мирбаховских отвѣтов». Эта «горечь» выступает уже очень опредѣленно из показаній Кривошеина, выдержка из которых приведена Соколовым. Вот она: «Мы не преслѣдовали при том (т. е. при обращеніи к нѣмецкому послу) никаких политических цѣлей и исходили из самых элементарных побужденій гуманности и нашей преданности семьѣ. Гр. Мирбах принимал их (русских монархистов) весьма сухо, и сказанное им... сводилось приблизительно к слѣдующему: «Все происходящее в Россіи есть вполнѣ естественное и неизбѣжное послѣдствіе побѣды Германіи. Повторяется обычная исторія: горе побѣжденным... В частности судьба русскаго царя зависит только от русскаго народа. Если о чем надо думать, это об огражденіи безопасности находящихся в Россіи н ѣ м е ц к и х п р и н ц е с с».

«Раздѣляя в душѣ соображенія московских монархистов, я весьма обезпокоился создавшимся положеніем», — продолжает показанія Трепов: «обсудив его совмѣстно с Нейдгардтом, я остановился на мысли, что он обратится с письмом к об.-гофм. гр. Бенкендорфу и предложит ему написать письмо к гр. Мирбаху*). При этом я категорически высказался, что письмо это, на мой взгляд, во-первых, отнюдь не должно было имѣть просительнаго характера, ибо в противном случаѣ вопрос о жизни Государя Императора... носил бы не абсолютный, а условный характер. Я находил нужным высказать в письмѣ, что по условіям тогдашней русской дѣйствительности одни только нѣмцы могли предпринять реальныя дѣйствія, способныя достигнуть желательной цѣли. Поэтому, раз они могут спасти жизнь Государя и его семьи, то они и должны это сдѣлать по чувству чести. Если они этого не исполнят, то явятся или могут оказаться в роли попустителей величайшаго преступленія, о чем мы в свое время объявим всему міру. Хотя для нас ясно, что они и сами это отлично понимают, дабы впослѣдствіи не было никаких отговорок, и пишется настоящее письмо, дабы впослѣдствіи они не могли сказать, что не были предупреждены нами о грозящей царской семьѣ опасности. Кромѣ того я находил нужным непремѣнно помѣстить в письмѣ, что настаиваем на необходимости, чтобы содержаніе его было доложено имп. Вильгельму, который вслѣдствіе этого и явится главным отвѣтственым лицом в случаѣ несчастія».

Бенкендорф вполнѣ согласился с Треповым и написал в таком смыслѣ Мирбаху с ссылкой на свои личныя к нему отноше-

*) Мирбах до войны долгое время жил в Петербургѣ, состоя в германском посольствѣ.

нія. Нейдгардт на слѣдующій день уѣхал: он «н е у в и д а л» на этот раз Мирбаха и оставил письмо в нѣмецком посольствѣ. Это произошло 7 или 8 іюня.

Помимо как бы офиціальных показаній, данных судебному слѣдователю, со стороны монархическихъ кругов мы имѣем еще свидѣтельство в видѣ воспоминаній Гурко, принадлежавшаго к составу того «праваго центра», из среды котораго вышла иниціатива переговоров с нѣмцами — в частности о судьбѣ царской семьи. Послѣдніе разговоры велись в частном порядѣ отдѣльными представителями крайняго фланга «праваго центра». Гурко сам в них не участвовал и в подробности не был посвящен, по собственному признанію. Однако, он «о т ч е т л и в о помнит», что нѣмцы, хотя и говорили, что их интересует лишь судьба великих княгинь нѣмецкаго происхожденія, но одновременно утверждали, что «Царь находится в безопасности; что они имѣют при нем своих людей, которые его охраняют». «По цѣлому ряду мелких подробностей, которых теперь ни возсоздать, ни припомнить я не в состояніи, — писал Гурко, — у меня тогда создалось опредѣленное убѣжденіе, что нѣмцы были весьма заинтересованы охраненіем жизни тѣх лиц царской семьи, которыя могли занять русскій престол... Для меня с о в е р ш е н н о я с н о, что вывоз царской семьи из Тобольска произошел по германской иниціативѣ и что ѣздившій в Тобольск за Государем Яковлев был связан с германцами. Мнѣ сдается, что дѣло происходило так. Германцы н е о д н о к р а т н о требовали от московской центральной власти доставленія к ним Государя. В послѣдній раз произошло это как раз послѣ убійства их посла Мирбаха, когда они заявили намѣреніе ввести в Москву части своих войск. Большевики этому самым рѣшительным образом воспротивились. Тогда нѣмцы отказались от этого намѣренія под условіем передачи им русскаго императора. Большевики на это с о г л а с и л и с ь, одновременно тогда же рѣшив, что уничтожат всю царскую семью, свалив отвѣтственность на какія-нибудь мѣстныя учрежденія. Так они и сдѣлали, своевременно увѣдомив екатеринбургскій большевицкій комитет о предстоящем отъѣздѣ Царя».

Воспоминанія Гурко во всѣх своих частях, как это неоднократно указывалось в текущей эмигрантской литературѣ, не представляют собой образец точности изложенія и не только потому, что в дѣйствительности тенденціозный мемуарист не всегда отчетливо помнит прошлое, которое описывает, и не всегда внимательно знакомился с литературой, на основаніи которой укрѣпился в своем убѣжденіи. Надо ли говорить, что утвержденіе Гурко, что германцы «неоднократно» требовали от большевиков передачи им Николая II, — лишь домысел мемуариста, пытавшагося увѣрить читателя, что «нѣмцы тогда уже понимали то, что вожди бѣлаго движенія понять не сумѣли, а именно, что всякое антибольшевицкое движеніе, не возглавляемое непререкаемым в представленіи народных масс... авторитетом, не сулит успѣха». Таким же домыслом или отзвуком легенд лѣта 18 г. является утвержденіе, что нѣмцы в видѣ компромисса послѣ убійства Мир-

баха потребовали передачи бывшаго Императора (об этом будет сказано ниже). Не болѣе обосновано и сужденіе о яковлевской миссіи, — Гурко так не отчетливо в воспоминаніях представляет себѣ дѣло, что вывоз Царя из Тобольска отнес на время послѣ убійства германскаго посла, чѣм совершенно дискредитировал возможную объективную цѣнность своих абстрактных предположеній.

Позднѣйшая схема Гурко, навѣянная в значительной степени ознакомленіем мемуариста с имѣвшейся уже литературой по вопросу, им затронутому, не представляется убѣдительной. В той предварительной фазѣ, о которой сейчас идет рѣчь, показанія монархических дѣятелей, данныя слѣдователю, представляют несомнѣнно большую объективную цѣнность. Очерченныя ими условія переговоров их с гр. Мирбахом как бы исключают сказаніе о том, как Мирбах, «возмущенный неисполненіем его требованій», запросил объясненій от Свердлова и получил отвѣт: «когда лошадь горячится и бьет, ее нельзя рвать за узду. Надо ее огладить, и она сама войдет в конюшню. Что дѣлать, — мы еще не организованы и должны считаться с властью на мѣстах. Погодите — пусть Екатеринбург успокоится». Отвѣт этот передается в повѣствованіи Булыгина, — из каких документов слѣдственнаго матеріала, конечно, остается неизвѣстным. Вѣроятно, такую точность надо отнести в область беллетристических прикрас к прозаическому утвержденію Соколова, что Свердлов «обманывал нѣмцев, ссылаясь на мнимый предлог неповиновенія Екатеринбурга». Очевидно, никакого запроса со стороны нѣмцев и не поступало, за исключеніем того разговора, который Мирбах имѣл с Караханом и Радеком и содержаніе котораго было передано в Берлин.

4. Русскіе «германофилы» и их нѣмецкіе партнеры.

Переговоры о судьбѣ царской семьи, которые пытались вести с агентами, фактически оккупировавшей значительную часть европейской Россіи, иноземной власти нѣкоторые представители русской консервативной общественности, естественно, выходили за предѣлы соображеній гуманитарных и расширялись до обсужденія проектов о сверженіи большевицкаго правительства. Эти проекты неизбѣжно должны были, однако, столкнуться с той двойственностью, которую пріобрѣла политика Германіи по отношенію к Россіи, — не только в силу неестественнаго компромисса, каким являлся для императорской Германіи брестскій мир, но и потому что в руководящих кругах самой Германіи не было единства мнѣнія и не было заранѣе разработаннаго плана дѣйствій. Расхожденіе между военным командованіем и дипломатіей очень опредѣленно намѣтилось уже в дни, когда еще в Брест-Литовскѣ разыгрывались трагикомическія сцены между нѣмецкими имперіалистами и интернаціоналистами, выступавшими под знаменем русской власти, когда дипломат фон Кюльман, под дав-

леніем Австріи готовый итти немедленно даже на сепаратный мир с Россіей, вел одну линію, а ген. Гофман вел другую, настаивая на продолженіи перемирія и на заключеніи мира уже в Петроградѣ, если большевики не согласятся на нѣмецкія условія.

В послѣдующее время, когда украинскій «хлѣбный мир» и «дѣловое» использованіе большевицких возможностей в Великороссіи становилось до извѣстной степени иллюзорным и наступило разочарованіе, противорѣчія на мѣстах становились еще ярче, так как из центра (из Берлина), — как засвидѣтельствовал один из наиболѣе вдумчивых нѣмецких дипломатов Гельферих в своих воспоминаніях, — не было опредѣленных руководящих директив. Борьба шла в плоскости политики, строющейся на распадѣ и ослабленіи Россіи и тенденціи поддержать ея единство. Основныя вѣхи нѣмецкой дипломатіи разставлялись, конечно, на первом пути, и поэтому, несмотря на всѣ представлявшіеся варіаціи, политика в отношеніи совѣтской власти на территоріи, гдѣ эта власть существовала, была довольно однотипна. Гельферих имѣл полное право, в концѣ концов, сказать, что совѣтская власть пережила всѣ кризисы и выдержала борьбу только в силу близорукой политики Германіи, пагубной для нея самой. В итогѣ контактная работа нѣмцев и большевиков в Великороссіи сочеталась с напряженной подчас борьбой на Украинѣ, гдѣ мѣстный ЦИК, напр., в апрѣлѣ, открыто приглашал «уничтожать... германских разбойников», которые по особому соглашенію, не включенному в общій договор, гарантировали очищеніе Украины от большевиков, и гдѣ во имя выполненія надежд на «хлѣбный мір»*) призрачная власть Рады была замѣнена с элементарно-грубой простотой другой, послушной вѣмецким велѣніям, властью ген. Скоропадскаго, опиравшагося на «хлѣборобов»; формальный нейтралитет в центрѣ не помѣшал нѣмцам поддерживать антибольшевицкія образованія на окраинах, принять непосредственное участіе в поддержкѣ «мудрой политики» донского атамана Краснова, считать себя союзниками с ним в борьбѣ с большевиками и даже заключить с ним формальный договор о раздѣлѣ «добычи» в случаѣ «совмѣстнаго участія германских и донских войск», и терпимо на первых порах относиться (по выраженію Милюкова даже «ухаживать») к Добровольческой Арміи ген. Алексѣева, поскольку она не выходила из сферы лишь психологическаго отталкиванія по отношенію к партнерам большевиков, позорным миром выведших Россію из международной войны**).

Мы имѣем лишь абрис тѣх переговоров, которые велись в

---

*) Германскій министр ин. д. в инструкціи своему представителю на Украинѣ гр. Мумму с ясностью опредѣлял: «главная цѣль нашей оккупаціи — обезпеченіе хлѣбом экспорта» — это «наше единственное условіе в мирном договорѣ с Украиной».

**) По словам Деникина, категорическая вначалѣ формула Добр. Арміи — «борьба с нѣмецким нашествіем» постепенно была замѣнена боевым лозунгом: «никаких сношеній с нѣмцами».

Москвѣ представителями «праваго центра»*) весной и лѣтом 18 г. с членами мирбаховскаго посольства и нѣмецкаго военнаго командованія. При расплывчатости указаній и спутанности хронологіи трудно их в точности конкретизировать. Кульминаціонным моментом надо считать іюнь, когда на почвѣ своего рода смѣны вѣх (перед тѣм шли переговоры с представителями союзников при участіи того же Гурко, который доказывал французским собесѣдникам, что до сверженія большевицкой власти не может быть никакой надежды на возобновленіе Россіей борьбы с Германіей), «правый центр» раскололся и из него выдѣлилась группа, назвавшая себя «національным центром» и олицетворявшая собой демократическое крыло прежняго объединенія. Раскол опредѣлила позиція, занятая партіей к. д. на ея еще апрѣльской конференціи в Москвѣ и рѣзко разошедшаяся со взглядами, которые в это время пропагандировал неизмѣнный лидер партіи Милюков, находившійся на югѣ в районѣ Добровольческой Арміи — «случилось так (по его собственным словам), что мои взгляды совпали с мнѣніями болѣе правых теченій в Москвѣ и Петербургѣ».

Милюков считал, что роль Россіи «в міровой войнѣ кончена». Союзническая комбинація созданія внутренняго «восточнаго фронта» казалась Милюкову «совершенно нежизненной» — он находил ее даже «опасной для Россіи», так как «расчлененіе Россіи на двѣ половины укрѣпилось бы». «Закон самосохраненія» заставлял итти по пути, общему с нѣмцами, которых Милюков считал побѣдителями в «міровой борьбѣ»**). Эту «общую цѣль» Милюков представлял себѣ так: «возстановленіе государственнаго единства и возвращеніе к конституціонной монархіи». Милюков цѣликом апробировал «политику» донского атамана — он говорит даже, что формула, осуществляемая Красновым, была «продиктована» им, Милюковым, при свиданіи в Ростовѣ. По мнѣнію Милюкова, «освобожденіе отдѣльных частей Россіи» является началом здороваго государственнаго строительства, хотя бы эти части и объявляли себя независимыми до возстановленія единства Россіи***). В силу этого Милюков привѣтствовал вхожденіе членов партіи к. д. в правительство гетмана Скоропадскаго. Он был увѣрен, что Добровольческая Армія не будет в состояніи освободить Россію от большевицкаго ига, и представлял себѣ это освобожденіе возможным только при условіи, если соединятся — и при том немедленно —

*) Тайная организація, возглавлявшая спектр политических теченій, создавших в 17 г. Московскій Совѣт Общественных Дѣятелей с расширеніем в сторону болѣе крайняго консервативнаго сектора.

**) Лукомскій вспоминает, как настойчиво в Кіевѣ ему доказывал этот тезис политик, и как он, генерал, утверждал противоположное.

***) Реально политика вынужденнаго сепаратизма, естественно, могла быть здоровым началом в цѣлях государственнаго единства лишь в том случаѣ, если областныя правительства не превращались в «нѣмецкія куклы», т. е. не слѣдовали на практикѣ за «планом» расчлененія Россіи, который в теоріи преслѣдовала офиціальная германская политика. Характерно, что этот образный термин «нѣмецкія куклы» употребил в официальном донесеніи никто иной, как представитель австрійскаго военнаго командованія на Украинѣ.

всѣ силы, уже участвовавшія в сверженіи большевиков в разных частях Россіи. Конкретный план реальнаго политика заключался в том, чтобы вожди Добровольческой Арміи, пожертвовав на время искусственной цѣлью — «всероссійскими замыслами» и учтя фактически существующую обстановку (Дон и Украйна), отказались бы от положенія «Летучаго Голландца» и объявили бы свою армію частью войска Донской области. Общими силами (Дона и Украйны) надо было освободить Москву раньше, чѣм придут туда нѣмцы, «по возможности собственными силами, без прямой помощи» — в крайнем случаѣ сохранить хотя бы «фикцію» такого русскаго освобожденія.

Такой план мог быть осуществлен лишь по соглашенію с нѣмцами. От своих политических единомышленников в Кіевѣ Милюков получил информацію, что «с оккупаціонными войсками возможно разговаривать на почвѣ возстановленія русскаго единства». 25 мая Милюков из Ростова выѣхал в Кіев для того, чтобы собрать «матеріал» о возможности осуществленія его плана, бывшаго, по его мнѣнію, «в то время единственным, который мог обѣщать скорое освобожденіе Москвы». В Кіевѣ Милюков попал в «водоворот слухов». Одни говорили, что поход на Москву, переворот в Москвѣ, возстановленіе монархіи и созданіе національнаго русскаго правительства представляется нѣмцам «неотложной и ближайшей» задачей; по другим свѣдѣніям этот план был уже отброшен и возобладала снова теорія раздробленія. Милюкову казались, однако, болѣе достовѣрными первые слухи, и поэтому он считал, что для осуществленія его плана «наступил послѣдній момент». Но планы Милюкова не встрѣтили сочувствія со стороны Алексѣева — помѣшало «доктринерство» и «психологія» генерала, в корень расходящіяся с тактической позиціей «реальнаго» политика: Алексѣев считал, что «с нѣмцами, как с врагами Россіи, Добровольческая Армія не имѣет права и возможности вступить в переговоры, а тѣм болѣе заключать какой-либо договор». Выход Добр. Арміи из намѣченнаго плана равносилен был крушенію всего плана — констатирует Милюков. «От него приходилось отказаться уже просто потму, что только при наличности этих сил нѣмцы могли итти на уступки, только при помощи этих сил могло состояться самое движеніе на Москву и только при таких условіях в самой германской средѣ имѣла шансы на побѣду тенденція объединенія Россіи, распространенная среди военных, но встрѣчающая противодѣйствіе в дипломатах и Рейхстагѣ».

Но до полученія отвѣта Алексѣева Милюкову пришлось уже закончить свою кіевскую «развѣдку» у оккупантов. О той «частной бесѣдѣ», которую он имѣл с отвѣтственным лицом и в которой он поставил свои «условія», доведенныя до «высшаго мѣста», Милюков не разсказал в напечатанных воспоминаніях. Мы ничего не знаем, кромѣ заключенія автора, что «на них не согласились», о чем посредник и получил своевременное увѣдомленіе. В болѣе поздней, по отношенію к кіевскому эпизоду, памятной запискѣ, посланной Милюковым в Москву «правому центру» (она напеча-

тана у ген. Деникина — и о ней нам придется еще упомянуть), гдѣ излагается, между прочим, исторія первоначальных кіевских разговоров, Милюков упоминал, что он вел — помимо бесѣды с Oberkommando — «поверхностный» разговор с самим нѣмецким послом на Украинѣ гр. Муммом и что вел он его, будто-бы, по «германской иниціативѣ». Каков тогда по существу был отвѣт, можно судить по заключительному письму, направленному Милюковым Алексѣеву 18 іюня: «На этом теперь надо поставить крест — и не только потому, что перемѣна оріентаціи Добровольческой Арміи оказывается невозможной, но и потому, что, если бы она и совершилась теперь, она бы уже запоздала. Ибо является другой фактор, выбивающій у меня почву из-под ног: усиленіе опасности для германцев на востокѣ, вслѣдствіе движенія чехословаков и предстоящаго японскаго десанта. В такой момент германцам, очевидно, некогда думать об объединеніи Россіи, и то теченіе, которое эту мысль поддерживает, поневолѣ отодвигается теперь на второй план. Германцы, видимо, придут в Москву, но придут не как освободители Москвы от большевицкаго насилія, о чем они п о д у м ы в а л и р а н ь ш е и для чего могли бы им пригодиться Добровольческая Армія. Они придут, как союзники большевиков и их защитники от нападенія союзников».

Соотвѣтствовали ли предвидѣнія Милюкова тѣм мотивам, в силу которых его миссія потерпѣла у нѣмцев неудачу? Возстановленіе «восточнаго фронта» было еще очень далеко от каких-либо реальных очертаній, так как к концу лишь мая надо отнести крах иллюзіи Антанты о возможности противогерманской интервенціи в Россіи при содѣйствіи совѣтской власти — иллюзіи, выросшей на почвѣ разыграннаго большевиками водевиля (см. мою книгу «Трагедія адм. Колчака», т. I). В первоначальной своей стадіи этот вообще фантастическій, по мнѣнію Милюкова, «восточный фронт» не представлял для нѣмцев прямой и непосредственной угрозы*) и, если бы одна из чашек вѣсов нѣмецкой политики, дѣйствительно, склонялась уже в сторону возсозданія в Россіи національнаго правительства, отвѣтственные эмиссары Берлина, вѣроятно, ухватились бы за выгодное для них посредничество лидера партіи, представлявшей широкіе слои либеральной буржуазіи и отчасти несоціалистической демократіи. И все дѣло было в том, что сверженіе большевицкой власти в центрѣ все еще не входило в планы оккупантов Россіи — быть может, здѣсь и лежала истинная причина того, что кіевскій посредник едва не был выслан из Украины по настоянію того самого Мумма, с которым переговаривался. О том, что угроза «восточнаго фронта» не являлась рѣшающим фактором в кіевском іюньском эпизодѣ, видно уже из того, что сам Милюков вопреки тому, что он писал Алексѣеву, отнюдь не счи-

*) Милюков весьма искусственно пытается объяснить продвиженіе нѣмцев вглубь Украины, ея оккупацію страхом перед возрожденіем «восточнаго фронта» — объясненіе это противорѣчит всѣм офиціальным свидѣтельствам самих нѣмцев (см. воспоминанія Людендорфа).

тал проигранной свою шахматную комбинацію в пронѣмецкой политикѣ — он к ней вернулся еще с большей увѣренностью в успѣхѣ. С своей стороны ген. Гофман в воспоминаніях подчеркивает, что угроза со стороны чехо-словацких легіонов закинуть «кольцо вокруг Германіи» заставляла его настойчиво добиваться измѣненія политики на востокѣ — в смыслѣ отказа от брестскаго мира, похода на Москву и заключенія союза с новым русским правительством.

Московская обстановка подтверждает сдѣланную нами оцѣнку. В Москвѣ позиція союза с нѣмцами для борьбы с большевиками наталкивалась в интеллигентской массѣ на ту же доктринерскую «психологію», что и в Добровольческой Арміи. Московская конференція партіи народной свободы, как было указано, рѣзко разошлась со взглядами своего неизмѣннаго политическаго вождя, пользовавшагося прежде непререкаемым авторитетом в средѣ единомышленников. О настроеніях, проявившихся на конференціи, мы можем судить по воспоминаніям Устрялова, напечатанным в харбинском альманахѣ «Русская Жизнь» (23 г.) — в органѣ дальневосточных «смѣновѣховцев». Группа Устрялова, издававшая тогда в Москвѣ журнал «Наканунѣ», в значительной степени примыкала к позиціи Милюкова. Бороться с большевиками, по ея мнѣнію, возможно было лишь, исходя из признанія факта окончанія войны для Россіи; мечты союзников о возстановленіи восточнаго фронта с помощью большевиков представлялись ей нелѣпыми. Союзники здѣсь просто шли на удочку большевиков, стремившихся заручиться лишним козырем в игрѣ с Германіей. Самый факт подобных колебаній союзников заставлял «національное общественное мнѣніе» принять какія-либо контр-мѣры. «И поневолѣ наш взор стал пристальнѣе задерживаться на сѣром особнякѣ Денежнаго пер., гдѣ обитал гр. Мирбах». «В нѣмецкой прессѣ мы находили знаменательные встрѣчные отзвуки наших настроеній и надежд» (статьи «Vos. Zeitung», содержащія в себѣ рѣшительную критику агрессивной нѣмецкой политики на Украинѣ). Группа Устрялова полагала, что можно добиться радикальнаго измѣненія Брестскаго договора. Устремленіе в Денежный пер. опредѣляло собой и пересмотр политической идеологіи: в воздухѣ партіи «народной свободы», по признанію Устрялова, недвусмысленно запахло «диктатурой». В тактическом докладѣ, порученном Ц. К. лидеру «правой» группы Новгородцеву, эта новая орієнтація была выражена в терминах «до послѣдней степени туманных и расплывчатых». Новгородцев рекомендовал «сугубую осторожность в выявленіи партійной орієнтаціи» — открыто не рвать с союзниками, но и не жечь мостов в направленіи Денежнаго пер. Однако, аргументація эта не имѣла успѣха на конференціи, которая послѣдовала за докладом по внѣшней политикѣ Винавера, придавшаго своим антантофильским тезисам нарочито ударный характер. Устрялов признает, что подобная ударность отвѣчала тогдашним настроеніям партійной массы (впослѣдствіи в своих показаніях перед большевицким слѣдователем Котляревскій скажет, что «особенно

непримирима была кадетская масса» — компромисс вызывал «негодующія возраженія»), благо Россіи она видѣла лишь в полном единеніи с союзниками*).

Кадетам пришлось выйти из «праваго центра». «Правый центр» потерял какой бы то ни было кредит в Денежном переулкѣ» — утверждает Устрялов: «Мирбах воочію убѣдился, что единственной опорой Германіи в Россіи является совѣтская власть». Таким образом, «отпали всякія надежды на возможность так или иначе поссорить нѣмцев с большевиками». Такое заключеніе не совсѣм отвѣчает конкретной обстановкѣ историческаго сценарія, ибо нѣмецкая политика оставалась фактически неизмѣнной, противорѣчивой и двойственной в отдѣлных случаях, каковой она была со дня заключенія Брестскаго мира. Дѣятели «праваго центра», быть может, вступившіе в непосредственныя политическія сношенія с особняком в Денежном переулкѣ лишь послѣ того, как произошел официальный раскол в группѣ, фактически вращались в том же самом «водоворотѣ слухов», в какой попал Милюков в Кіевѣ.

Эти «слухи», хотя бы полученные непосредственно от нѣких нѣмецких «лейтенантов» в частных бесѣдах и разговорах нѣмцев с промышленниками (их засвидѣтельствовал Рябушинскій), толковались примѣнительно к собственным надеждам и вожделѣніям. Яркую иллюстрацію дают воспоминанія ген. Казановича, посланнаго Алексѣевым в Москву для установленія связей с московскими общественными кругами. Он присутствовал на засѣданіи еще объединеннаго центра, на котором обсуждалась конкретная возможность восточнаго фронта, и ген. Циховичдоказывал его утопичность (это было в серединѣ іюня по нов. ст. — Казанович прибыл в Москву 28 мая ст. ст.). Казанович, всецѣло раздѣлявшій «психологію» Добр. Арміи, которая, по мнѣнію Гурко, «задрапировалась в тогу скудоумнаго ламанческаго рыцаря Дон-Кихота», выступил с возраженіем Циховичу и говорил о необходимости и цѣлесообразности возобновленія борьбы с нѣмцами. На это он получил реплику Гурко: «Пока Государь Императоз из Москвы не повелѣл бы вам прекратить борьбу». «Какой императоз?» — отвѣтил алексѣевскій посланец: «Если это будет ставленник нѣмцев, то, может быть, мы его и не послушаем». Самогипноз был настолько силен, что Гурко, как мемуарист, утверждает, что с момента гибели Царя отношеніе нѣмцев к их группѣ, ведшей переговоры об оказаніи помощи в дѣлѣ сверженія большевиков, «рѣзко измѣнилось». «До этого момента они говорили о возможности прибытія в Москву... нѣкоторых нѣмецких частей для непосредственнаго участія в переворотѣ; послѣ этого... они лишь усиленно убѣждали... произвести его собственными силами», указывая, что помогут косвенно, заставив примкнуть к переворотчикам «один

*) Отсюда видно, с какой осторожностью надлежит относиться к показаніям современников — с. р. Евгенія Ратнер на московском процессѣ категорически заявляла, что всѣ кадеты с Милюковым во главѣ из антантофилов превратились в германофилов.

из латышских полков». «Коль скоро непререкаемаго представителя царской власти в Россіи не стало... та часть германских правителей, которая дѣлала ставку на возстановленіе легитимнаго монарха в Россіи, отступилась от мысли смѣнить в Россіи большевицкую власть какой-либо иной». На основаніи безотвѣтственных «слухов» и разговоров Гурко говорит уже, что нѣмцы давали «обѣщаніе» пересмотрѣть Брест-литовскій договор и что «германское правительство перешло на точку зрѣнія германских военных кругов о необходимости в германских интересах... покончить с большевиками». Слухи эти, вѣроятно, шли от тѣх военных организацій, которыя по идеологіи примыкали к «правому» сектору русской общественности и питались из нѣмецких источников — по крайней мѣрѣ оттуда постоянно шла информація о тѣх двух недѣлях, в теченіе которых Москва должна быть оккупирована*).

А что говорили отвѣтственные люди из германскаго посольства в Москвѣ в своих частных и полуофиціальных разговорах с представителями русской общественности? Так мы знаем, что от «праваго центра» были командированы спеціальныя лица для переговоров с совѣтником нѣмецкой миссіи бар. Рицлером, котораго считали правой рукой посла. Человѣк, близкій к Совѣту Об. Дѣятелей, Виноградскій, охарактеризовал эти переговоры в показаніях по дѣлу, так называемаго, «Тактическаго Центра»: «нѣмцы водили Пр. Центра за нос» — затягивали переговоры, были уклончивы, «не желая рвать с ним на всякій случай». Виноградскій с чужих слов повторяет разсказанное Гурко (также с чужих слов), прибавляя по отношенію к Рицлеру ограниченіе «будто бы». В показаніях историка С. Котляревскаго (по тому же процессу) позиція Рицлера выступает гораздо болѣе опредѣленно. Котляревскій встрѣтился с Рицлером в частном домѣ (в маѣ) и в этой непринужденной обстановкѣ**) имѣл с ним бесѣду на политическую тему. В «осторожных» выраженіях Рицлер «откровенно» сказал, что «надежды нѣкоторых русских кругов на германское вмѣшательство иллюзорны. Совѣтская власть заключила с Германіей мир. Протестуя против пропаганды большевизма в Германіи, нѣмецкое правительство не может позволить себѣ агитировать в Россіи. Оно будет сохранять полный нейтралитет. К тому же совѣтское правительство не дало никакого повода для вмѣшательства». Далѣе Рицлер полагал, что правые круги в Россіи совершенно безсильны, и к тому же германское правительство вообще не сочувствует им, как не сочувствовало царскому строю, разрушенному революціей. Русская монархія лишь скомпрометировала монархическія начала...

*) Подобная «информація» о монархическом переворотѣ, опиравшемся на нѣмцев, систематически отмѣчается в дневникѣ моего современника; об этом ожидаемом переворотѣ говорил в своих показаніях в Ч. К. арестованный латышскій офицер Пинка, один из активных участников Савинковской организаціи: по данным организаціи ген. Довгерта, с которой был установлен контакт — показывал Пинка — Германія должна была оккупировать Москву к 15 іюня.

**) Рицлер сам был историком; с отцом его Котляревскій был знаком еще в Мюнхенѣ.

Вообще Рицлер думал, что в Россіи возможно правительство лишь довольно лѣвое, но всякое правительство, кромѣ большевицкаго, вѣроятно, возобновило бы войну с Германіей*). По поводу Брестскаго мира мирбаховскій совѣтник высказывал мнѣніе, что при окончательной ликвидаціи войны договор будет «можно пересмотрѣть в духѣ отвѣчающем длительным добрососѣдским отношеніям». Рицлер указывал, что Рейхстаг против вмѣшательства в русскія дѣла — о вмѣшательствѣ могут думать лишь восточные «прусскіе аграріи», но их вліяніе в Германіи сильно уменьшилось.

Так высказывался человѣк, который имѣл большое вліяніе на Мирбаха. Подобныя оцѣнки не могли подавать больших надежд на низверженіе большевицкой власти при содѣйствіи нѣмецких штыков, а еще менѣе на монархическую реставрацію. Позже, через мѣсяц, сам Мирбах имѣл случай высказаться, также в частной бесѣдѣ, но у себя уже на дому. За нѣсколько дней до покушенія в Денежном пер. посла посѣтил один из князей Оболенских — посѣтил по личному дѣлу, желая выбраться за границу и передать московскому «генерал-губернатору» большевицкія прокламаціи, распространявшіяся между военноплѣнными, которые работали в его каменно-угольных шахтах в Тульской губерніи**). Оболенскій, несмотря на свои связи «со многими нѣмецкими семьями», с нѣкоторым все-же трудом проник к послу, так как послѣдній никого не принимал. В случайной слѣдовательно аудіенціи Оболенскій коснулся и своего «несчастнаго отечества и его интересов в отношеніи Германіи». «Вѣдь вы в полном смыслѣ диктатор — сказал Оболенскій — и я, и мои друзья, и тысячи моих единомышленников желали бы знать, что нам от вас, т. е. Германіи, можно ожидать? Ибо сейчас создавшееся положеніе не может же продолжаться?.. От большевиков Германія ничего не может ожидать хорошаго, кромѣ коммунистической пропаганды... Только ультра-монархическая Россія может установить вновь твердыя, честныя, дружескія отношенія с Германіей». Мирбах отвѣтил рѣчью, которую, по словам Оболенскаго, можно было назвать французским выраженіем «une conference» «дипломатическаго» образца, и прежде всего отмѣтил, что «не в правѣ» открывать свои карты: «Но могу вам сказать, не на всегда же мы связаны с большевиками... Но с кѣм же нам было договариваться, кромѣ, как с ними?... Это была единственная организація, которая стояла у руля русской власти. Вы

*) Кадеты всѣ заражены ненавистью к Германіи и находятся под полным вліяніем англичан, и даже, если бы Германія хотѣла низвергнуть совѣтскую власть, работать на передачу власти в их руки, значило бы работать на англичан. Ходячая молва рицлеровским словам дала такую формулировку: «этого спектакля мы русской буржуазіи не дадим».

**) Это был быв. штальмейстер имп. Александра II, тульскій предводитель дворянства, кн. Д. Оболенскій, он не имѣл прямого отношенія к кн. Алексѣю Д. Оболенскому, б. обер-прокурору в кабинетѣ Витте и высказывавшему, по словам Гурко, еще во время войны германофильскія чувства и принимавшему «живое участіе» в московских переговорах: на его квартирѣ происходили частыя собесѣдованія с Рицлером, при участіи пріѣхавшаго спеціально с этой цѣлью бар. Нольде.

говорите, что тысячи монархистов, ваших единомышленников, стоят за вами?... Но у вас нѣт никакой организаціи. Припомню вам старую поговорку: Aidez vous-mêmes et Dieu vous aidera. Я же ее перефразирую так: помогайте себѣ сами, а Германія вам поможет... Но какую вы хотите получить помощь... когда нам от этого нѣт особой пользы? Мнѣ недавно говорили: большевики ваши враги, как наши; дайте нам два армейских корпуса, и мы водворим тотчас порядок. Сейчас мы и не располагаем свободными войсками — их нѣт en disponsabilité. Итак я резюмирую сказанное: дайте нам сильную твердую организацію, и мы тогда с вами столкуемся, а до этого не может быть и рѣчи».

Как все это далеко от утвержденія Гурко, что к моменту процитированнаго разговора с нѣмецким послом в Москвѣ «германское правительство перешло на точку зрѣнія германских военных кругов о необходимости в германских интересах возсоздать порядок в Россіи и покончить с большевиками». Дѣйствительность еще дальше отстояла от категорических выводов сибирскаго слѣдствія (в лицѣ Булыгина и его безапелляціонных сужденій они принимали особую прямолинейность) о том, что план ген. Гофмана: «начал исполняться» — «коротким ударом» в двух направленіях, из Украины и Риги, двигаться на Петербург и Москву, забирая по дорогѣ организованных на мѣстах военноплѣнных и русскіе монархическіе отряды германскаго направленія. Булыгин отнесет осуществленіе плана к моменту яковлевской миссіи: нѣмцы «не могли не понять, что начинавшія зарождаться на территоріи Сибири антибольшевицкія начинанія будут стремиться овладѣть Тобольском и освободить Государя, дабы не оставлять его в угрожаемом бѣлыми мѣстѣ, хорошо учитывая все то, что может произойти от соединенія враждебно к Германіи относящихся Государя и Императрицы с антибольшевицкими военными организаціями антантовской оріентаціи. Но «большевики перехитрили графа Мирбаха». Нѣмецкій майор фон Ботман, состоявшій уполномоченным военнаго командованія при московском посольствѣ, не сомнѣвается в своих воспоминаніях, что большевики приняли бы безпрекословно требованія об освобожденіи Царя. Но такого требованія никогда не было сдѣлано. В іюнѣ, когда в Москвѣ распространились слухи, попавшіе и в печать, о гибели бывшаго Императора в связи с столкновеніями, которыя произошли в Екатеринбургѣ между совѣтскими войсками и чехословаками, двигавшимися на восток по сибирской магистрали, как видно из опубликованной Яговым дипломатической переписки, Мирбах обратил вниманіе Чичерина (21 іюня) на необходимость опровергнуть это сообщеніе в интересах самой совѣтской власти, если свѣдѣнія, вызывающія большое негодованіе в широких кругах, невѣрны*). Вслѣдствіе телеграммы Мирбаха и министр

*) В своей телеграммѣ в Берлин посол не говорил прямо о гибели Царя, а лишь о том, что по слухам семья пострадала при захватѣ Екатеринбурга. По сообщенію Мирбаха, Чичерин «вяло» отвѣтил, что нѣт никакого смысла опровергать в каждом отдѣльном случаѣ циркулирующіе слухи — так их много ходит в данный момент.

ин. д. Кюльман счел нужным тотчас же запросить совѣтскаго представителя в Берлинѣ Іоффе. В личном рапортѣ Императору, сдѣланном на другой день по полученіи телеграммы Мирбаха, Кюльман докладывал Вильгельму, что совѣтскій представитель в Берлинѣ не имѣет никаких извѣстій по этому поводу, но что он предполагает возможность катастрофы, особенно в случаѣ побѣды чехов, так как послѣдніе широко объявляют, что ведут борьбу во имя Царя, и это вызывает сильное возбужденіе в низших слоях населенія. На указаніе Кюльмана, что такой исход вызовет во всем цивилизованном мірѣ негодованіе, Іоффе отвѣтил, что в этом он отдает себѣ полный отчет и много раз телеграфировал в Москву о необходимости обезпечить безопасность царской семьи. В принципѣ, по словам Іоффе, было уже рѣшено перевести семью в Москву, но перерыв желѣзнодорожнаго сообщенія и чехи мѣшают осуществленію этого проекта — в настоящій момент совѣтское правительство безсильно что-нибудь предпринять в этом отношеніи... Через нѣсколько дней Чичерин сказал Мирбаху, что по свѣдѣніям правительства попытки контр-революціонеров в Екатеринбургѣ ликвидированы, и что Царь невредим — деталей он не знает, так как телеграф работает плохо; по свѣдѣніям, проникшим в буржуазные круги, царская семья находится в поѣздѣ близ Перми...

**
*

Комментаторы приведенной дипломатической переписки, как и сам публикующій, не сомнѣваются в том, что іюньскій эпизод был лишь «пробным шаром» со стороны совѣтской власти — психологической подготовкой убійства, совершеннаго через какія-нибудь 2-3 недѣли. Прежде чѣм дѣлать заключеніе, разсмотрим, однако, всю фактическую канву событій, предшествовавших екатеринбургской драмѣ. И прежде всего постараемся отвѣтить на вопрос, откуда могла возникнуть легенда, как мы знаем, поддержанная Гурко и мало отвѣчающая тенденціям тогдашней германской политики, о том, что послѣ убійства гр. Мирбаха (6 іюля) нѣмцы вдруг оказались столь заинтересованными в личной судьбѣ Николая II, что готовы были даже отказаться от своего требованія ввода батальона войск в Москву под условіем передачи им бывшаго русскаго Императора. Напомним, что по концепціи Гурко большевики на это требованіе согласились. Еще бы! По словам полубольшевика-полуспеца на службѣ совѣтской власти, Соломона, вожди были так в этот момент растерены, что считали, что им «грозит висѣлица»... Согласились... и одновременно рѣшили уничтожить царскую семью!

Заглянем немного вперед, и происхожденіе легенды станет ясно. Она скорѣе всего возникла на почвѣ не совсѣм точнаго толкованія в изысканіи слѣдователя Соколова одного из дипломатических документов, опубликованнаго Ягобым и раньше в Берлинѣ переданнаго бар. Рицлером Соколову. Прочитав офиціальное совѣтское сообщеніе по поводу убійства Николая II и о переводѣ Алек. Фед. с сыном в «безопасное мѣсто», Рицлер 19 іюля запросил

свое министерство ин. д. «должно ли быть повторено рѣшительное представленіе относительно бережнаго отношенія к Императрицѣ, как германской принцессѣ», причем сам Рицлер считал опасным говорить о маленьком Алексѣѣ, так как «большевикам, вѣроятно, извѣстно, что монархисты склонны выставлять на первый план Цесаревича». Этот документ, один из четырех комментируемых Соколовым, не дает никакой почвы для легенды и служит прямым ея опроверженіем. На другой день Рицлер передал в министерство свою бесѣду, которая происходила наканунѣ, но, очевидно, послѣ посылки телеграммы-запроса в Берлин, с совѣтскими дипломатами Радеком и Воровским... «Я вчера сказал Радеку и Воровскому, что весь мір самым строгим образом осудит разстрѣл Царя и что императорскій посланник должен рѣшительно предостеречь их от дальнѣйшаго слѣдованія по этому пути. Воровскій отвѣтил, что Царь разстрѣлен лишь потому, что в противном случаѣ им овладѣли бы чехословаки, и в таком случаѣ государства Антанты имѣли бы его в качествѣ заложника. Радек высказывал личное мнѣніе, что, если мы проявим особый интерес к дамам царской семьи германской крови, то, может быть, удалось бы освободить Царицу и наслѣдника (послѣдняго, как неотдѣлимаго от матери), как компенсацію в вопросѣ, с гуманитарным обоснованіем». Цитирую так, как документ приведен у Соколова, по комментаріям котораго выходило, что нѣмцы готовы были к о м п е н с и р о в а т ь свое требованіе (ввода батальона) согласіем большевиков оградить жизнь «нѣмецких принцесс» и наслѣдника, как неотдѣлимаго от матери. Соколов напечатал (или получил) депешу Ритцлера 20 іюля с сокращеніем. Пропущены строки, содержащія в себѣ как бы личныя соображенія бар. Ритцлера и придающія иной оттѣнок документу. «Если во время переговоров по поводу батальона — телеграфирует Ритцлер — Іоффе дѣйствительно предложит и державам Антанты имѣть в Москвѣ военную силу для защиты против каких-нибудь неожиданностей с нашей стороны*), может быть, удастся добиться и освобожденія Царицы с наслѣдником (под предлогом невозможности их раздѣла), выставляя мотив человѣколюбія. Для послѣдующаго развитія контр-революціи чрезвычайно важно вырвать царевича из рук большевиков и тѣм самым помѣшать антантовским державам воспользоваться им и в случаѣ необходимости противопоставить его Михаилу Александровичу».

Впервые среди нѣмецких дипломатических документов, дошедших до нас, был открыто поставлен политическій вопрос, но он был лишь косвенно связан с эпизодом убійства гр. Мирбаха и даже гибелью Николая II. Соображенія бар. Ритцлера о будущем в гораздо большей степени являлись откликом настроеній, кото-

*) Совѣтская власть подняла вопрос о возвращеніи дипломатических миссій Антанты в Москву. 14 іюля Чичерин формально отправил соотвѣтствующую ноту дипломатическому корпусу, который пребывал в Вологдѣ, и вмѣстѣ с тѣм еще и своего представителя, Радека, для личных переговоров. Союзныя миссіи отказались, сославшись, между прочим, на то, что онѣ не освѣдомлены о мѣрах, принятых Германіей для охраны своего посольства.

рыя можно было отмѣтить в это время в Зап. Европѣ в средѣ англійских и французских дипломатов, немѣревавшихся опереться на монархическія тенденціи в Россіи, под вліяніем информаціи, в связи с выступленіями Милюкова, о переходѣ будто бы либеральных групп на сторону Германіи — явилось стремленіе перехватить на свою сторону ускользающую силу. Керенскій в расширенном толкованіи ритцлеровскаго текста идет так далеко, что готов заподозрить нѣмецкаго дипломата даже в одобреніи расправы со старым Императором — сын будет претендентом «нѣмецкой оріентаціи», если будет поставлен вопрос о реставраціи и выдвинута кандидатура Мих. Ал.. Но в данном случаѣ нас интересует не эта сторона вопроса, а упомянутая легенда в болѣе узком смыслѣ слова. Здѣсь двусмыслицы в толкованіи нѣт, ибо Ритцлер в документѣ, отправленном через нѣсколько дней (24-го), подчеркнул, что добиться освобожденія нѣмецких принцесс (о наслѣдникѣ он уже не упоминает) возможно будет лишь в совокупности соглашенія по другим вопросам. Для самих принцесс будет рискованно — подчеркивает Ритцлер — проявить слишком большую заинтересованность в этом вопросѣ, так как московское правительство проявляет большее недовѣріе в отношеніи ходатайствующих, чѣм то было раньше. Этот вывод явился в результатѣ представленія о Царицѣ и принцессах нѣмецкой крови, который сдѣлал представитель Германіи Чичерину согласно инструкціи, полученной из Берлина в отвѣт на свой запрос, — представленія, которое Чичерин принял «молча». В телеграммѣ 24-го Ритцлер сообщал, что Чичерин заявил ему, что Царица переведена, по его свѣдѣніям, в Пермь (сообщеніе нѣмецкому дипломату показалось весьма сомнительным), что он никаких гарантій дать не может, но думает, что с ними ничего не случится, если онѣ в чем-либо не окажутся «виновными».

Эти безплодные и фальшивые переговоры продолжались и в послѣдующіе мѣсяцы — мы к ним вернемся. А теперь обратимся к прерванному разсказу, хотя добавить остается лишь нѣсколько штрихов. Вѣдь совершенно очевидно, что ничего похожаго на подобіе договоренности между представителями праваго центра и нѣмецким посольством не было; никакого плана в духѣ пожеланій праваго центра не осуществлялось. Нѣмцы в дни убійства Мирбаха больше интересовались хлѣбом и сахаром на Украинѣ и нефтью на Кавказѣ, нежели монархом, который должен был возглавить національное движеніе и находился в заключеніи в Екатеринбургѣ. Как показательна в этом отношеніи телеграмма Ленина Сталину 7 іюля (опубликована была в «Правдѣ» 21 января 36 г., по поводу двѣнадцатой годовщины со дня смерти Ленина). Она сообщала об убійствѣ Мирбаха, совершенном в «интересах монархистов и англо-французских капиталистов», так как совѣтская власть стоит «на волосок от войны», и информирует Сталина о предложеніи, которое сдѣлали нѣмцы Іоффе: они «согласились бы пріостановить наступленіе турок на Батум, если бы мы гарантировали нѣмцам часть нефти». «Конечно, мы согласимся» — добавлял Ленин. Вот реаль-

ная политика, которая исключала возможность какого-либо ультиматума, связаннаго с именем Царя и компенсирующаго им отказ ввести нѣмецкія войска в Москву.

Во взаимоотношеніях двух политическихъ контр-агентов никакого измѣненія не произошло. Если нужна еще иллюстрація, ее можно найти в воспоминаніях ген. Мосолова, находившагося в Кіевѣ и со своим сослуживцем герцогом Лейхтенбергским и кн. Кочубеем обдумывавшаго план спасенія царской семьи при косвенном содѣйствіи нѣмецких военных властей. В силу своих родственных связей с баварским кронпринцем, Лейхтенбергскій имѣл свободный доступ к начальнику нѣмецких оккупаціонных войск на Украинѣ ген. Эйхгорну и к нач. его штаба ген. Гренеру — Лейхтенбергскій и был посредником у монархистов в сношеніях с германскими властями. «Нѣмцы оказались очень предупредительны — разсказывает Мосолов: открыли нам кредиты и обѣщали предоставить в наше распоряженіе пулеметы, ружья и автомобили. Наш план заключался в том, чтобы зафрахтовать два парохода и послать их с довѣренными офицерами вверх по Волгѣ и по Камѣ. Предполагалось образовать базу верстах в 60 от Екатеринбурга и затѣм дѣйствовать, смотря по обстоятельствам. Мы послали в Екатеринбург развѣдчиков... Они должны были войти в сношенія с нѣмецкими эмиссарами, тайно пребывавшими в городѣ*), содѣйствіем которых необходимо было заручиться, ибо иначе нельзя было разсчитывать на успѣх дѣла. Я знал, что Государь не согласится промѣнять заточеніе у большевиков на плѣн в Германіи. Чтобы уточнить создавшееся положеніе, я написал Вильгельму II письмо, которое передал гр. Альвенслебену, причисленному к особѣ Гетмана. Граф должен был в тот же день выѣхать в германскую главную квартиру. В этом письмѣ я просил германскаго Императора завѣрить Государя, что ему и его семьѣ будет дан свободный пропуск до Крыма, гдѣ он будет считаться военноплѣнным Германіи»... «Пріѣхав обратно в Кіев», Альвенслебен «не подал мнѣ признаков жизни. Тогда я сам пошел к нему. Граф А. сконфуженно объяснил мнѣ, что кайзер не мог дать никакого отвѣта, не посовѣтовавшись со своими министрами. Альвенслебен рекомендовал мнѣ повидаться с гр. Муммом, дипломатическим представителем Германіи при Гетманѣ. Гр. Мумм категорически отказался помогать нам. По его словам он был поражен, узнав, что военныя власти нам обѣщали свою помощь. Впредь мы не должны разсчитывать на помощь Германіи. В теченіе двух часов я дѣлал всяческія усилія переубѣдить его». Но старанія Мосолова не увѣнчались

*) Очевидно, по организаціи военноплѣнных (см. соотвѣтствующую главу в 1 т. «Трагедія адм. Колчака»). По свѣдѣніям Нуланса в Екатеринбургѣ было 22.000 плѣнных, из них 4.000 было зачислено в «красную армію». Большевицкіе историки свои иностранныя части во время боев под Екатеринбургом исчисляют в минимальных цифрах: отряд «мадьяр» 150 чел.; китайцев 100. Если одна цафра была значительно преувеличена, то другія преуменьшены.

успѣхом. Мумм «не согласился с тѣм, что для Германіи важен вопрос о спасеніи Царя». «Через нѣсколько дней послѣ этого — заключает Мосолов свою повѣсть об одной еще неудачной попыткѣ заняться спасеніем царской семьи — мы узнали о екатеринбургской трагедіи».

5. Нѣмцы на распутьѣ.

В повѣствованіи Мосолова отчетливо выступили отличныя позиціи военнаго командованія и дипломатіи, и, таким образом, мы снова имѣем яркій примѣр той двойственности, которой отмѣчена вся нѣмецкая политика в Россіи 18 года. Наиболѣе важным для нас будет, однако, свидѣтельство умнаго нѣмецкаго дипломата Гельфериха, попавшаго на очень короткій срок в концѣ іюля в Москву в качествѣ офиціальнаго замѣстителя погибшаго Мирбаха. Прибытіе Гельфериха могло означать перемѣну в пробольшевицкой позиціи Берлина.

Гельферих говорит, что Мирбах неоднократно дѣлал представленія в центр о необходимости опредѣленной политики в отношеніи совѣтской власти, но министерство ин. д. всегда уклонялось от точных директив, отнюдь не поощряя, однако, развитіе тѣх связей с враждебными большевикам общественными кругами, которыя намѣчались в частных московских бесѣдах. Может быть, в нѣдрах нѣмецкой дипломатіи уже намѣчалась тенденція, склонявшая вѣсы в сторону большевиков, но выбор не был еще сдѣлан, и назначеніе Гельфериха отнюдь не могло означать конца компромиссной политики и разрыва с антибольшевицкими элементами, как то склонны изобразить нѣкоторые из современных тому времени свидѣтелей с русской стороны. «Гельферих не изъявил ни малѣйшаго желанія видѣться с политическими дѣятелями стараго порядка и уклонялся от свиданія с ними» — заявлял, напримѣр, в своих показаніях Виноградскій. Вѣроятно, так и было по отношенію к представителям «праваго центра», которые вели переговоры все же под ограниченным углом зрѣнія реставраціи старой монархіи. Из воспоминаній самого Гельфериха приходится заключить, что в дни своего короткаго пребыванія в Москвѣ он встрѣчался с какими-то представителями той антибольшевицкой общественности, которую он именует «демократической»: он непосредственно ссылается на отзывы этих своих собесѣдников о пагубности для самой Германіи просовѣтской позиціи берлинской дипломатіи, которая отождествляет Россію с большевизмом. С русской стороны мы не имѣем никаких указаній на эти разговоры. Логически можно было бы предположить, что одним из собесѣдников Гельфериха должен был бы сдѣлаться бар. Нольде, пріѣзжавшій из Петербурга в Москву для ранних разговоров с бар. Ритцлером и лично хорошо знавшій Гелфериха. Деникин, ссылаясь на «офиціальный обзор» сношеній «праваго центра» с нѣмецкими дипломатами, говорит, что для болѣе отвѣтственных шагов центром были спеціально уполномочены бар. Нольде и кн. Гр. Трубецкой —

послѣдній (очевидно, в іюнѣ) выѣхал на юг для установленія связей с Добровольческой Арміей, с Дономъ и Кіевом, гдѣ, как предполагалось, «достаточно подготовлена почва для соглашенія с нѣмцами». Но Нольде в личной весѣдѣ со мной рѣшительно отрицал такія полномочія и говорил, что его участіе вообще ограничилось информаціонной бесѣдой с Ритцлером на квартирѣ кн. Оболенскаго. От Трубецкого Милюков узнал о московских настроеніях, звучащих в унисон с его новой оріентаціей, и настолько в ней закрѣпился, несмотря на кіевскій афронт, что в «запискѣ» для московскаго «праваго центра», помѣченной 29 іюля (11 августа), он уже опредѣленно говорит, что «офиціальная» точка зрѣнія нѣмецкаго правительства, представленная до сих пор дипломатіей и Рейхстагом, а также самим Императором*), с оставленіем поста министра ин. д. Д. Кюльманом перестает быть офиціальной, и что «серьезные шансы сдѣлаться офиціальным» имѣет другое теченіе, число адептов котораго возростает среди вліятельных военных кругов и на лѣвом флангѣ либералов и соціалистов. Это теченіе склоняется к пересмотру Брестскаго догоовра. И Милюков спѣшит в запискѣ 29 іюля - 11 августа набросать «программу» дѣйствія будущаго «національнаго» правительства, составленнаго по коаліціонному принципу, но «с устраненіем сторонников самодержавія» и «сторонников оріентаціи лѣваго центра» — правительства «по необходимости благожелательнаго относительно германцев». Милюков пришел к такому заключенію в противоположность выводам московскаго посланца, который, напитавшись южной информаціей, в докладѣ пославшим его от того же 29 іюля писал, что «упорствовать дальше на комбинаціи неосуществимой невозможно». Но раньше, когда Трубецкой еще считал, что возможность соглашенія с Германіей является самым безболѣзненным рѣшеніем проклятых вопросов современности, им была составлена анонимая записка, куда вошли «общія положенія» Милюкова, которая была, как утверждает Деникин, отправлена нѣмцам «с одобренія Милюкова и Кривошеина». Не была ли эта «записка» доведена до свѣдѣнія Гельфериха? — он в доказательство измѣненія позиціи русских либеральных кругов ссылается как раз на Милюкова**).

Гельферих был извѣстен, как противник принципов, положенных в основу Брест-литовскаго мира. Цѣлью его московской миссіи в значительной степени являлось выясненіе запутаннаго положенія; он говорит, что в личных бесѣдах новый министр иностранных дѣл ф. Гинце старался убѣдить его, что доклады членов москов-

*) Наиболѣе прямолинейно эта точка зрѣнія была высказана извѣстным публицистом Рорбахом. Нѣмецкая политика, поддерживая большевиков в Великороссіи, по его мнѣнію, должна была парализовать возможную русскую опасность в будущем.

**) Насколько даже нѣмецкіе военные круги были освѣдомлены о точкѣ зрѣнія лидера партіи к. д., показывают бесѣды, которыя вел в Баку член к. д. партіи прис. пов. Байков, во время которых германскіе офицеры убѣждали своего собесѣдника в неправильности политики Ц. К. его партіи.

ского посольства не достаточно объективно освѣщают положеніе в силу своей излишней нервозности. Какія же впечатлѣнія вынес Гельферих и какіе выводы он сдѣлал? Основное его заключеніе сводилось к тому, что совѣтская власть стоит и политически и экномически на краю гибели, и что вся происходившая до сйх пор послѣ заключенія мира работа германских экономических экспертов совершенно безплодна, в силу чего отношенія с Россіей нельзя строить на сотрудничествѣ с большевиками. В подробных донесеніях министру Гельферих настаивал на разрывѣ дипломатическсих сношеній с совѣтской властью и просил уполномочить его войти в связь с антибольшевицкими группами для выработки совмѣстнаго плана дѣйствія (Гельферих подчеркивал объединеніе с Сибирью). По его мнѣнію со стороны нѣмцев потребуется лишь военная демонстрація в направленіи Петербурга, чтобы вызвать паденіе коммунистическаго правительства... созданіе новаго національнаго русскаго правительства (явно, что Гельферих отнюдь не имѣл в виду возстановленіе старой монархіи) привело бы к возрожденію страны и дало бы, по мнѣнію Гельфериха, возможность Германіи использовать русскія матеріальныя средства для продолженія войны и освободило бы значительную часть находившихся в Россіи дивизій для западнаго фронта. Гельферих указывал Берлину, что это возможно только при пересмотрѣ Брест-литовскаго мира и отклоненіи тѣх дополнительных соглашеній, которыя разрабатывались в Берлинѣ и которыя санкціонировали территоріальные захваты и расчлененіе.

5 августа новый московскій посол телеграммой был вызван в Берлин. В виду смутнаго положенія в Москвѣ (убійство Мирбаха, выступленіе лѣв. с. р., ярославское Савинковское возстаніе) и попыток новых покушеній на германское посольство, Гельферих не успѣл даже передать кремлевскому правительству своих вѣрительных грамот. Перед отъѣздом, согласно полученным ранѣе инструкціям, он заявил Чичерину, что нѣмецкая миссія переводится в Петербург, как в болѣе безопасное мѣсто, чѣм московская «мышеловка», в которой многочисленный посольскій персонал мог оказаться в качествѣ заложников в случаѣ разрыва дипломатических отношеній — Петербург был ближе к нѣмецкой военной зонѣ.

Но... Гельферих со своими мыслями опоздал. Уже в момент его отъѣзда из Берлина по иниціативѣ московскаго народнаго комиссаріата по внѣшнм дѣлам выробатывались «дополнительныя соглашенія» для проведенія в жизнь вопросов, связанных с «похабным миром» — москоское посольство в свое время даже не было ознакомлено с содержаніем проекта соглашенія: единственный экземпляр его привез с собой только Гельферих. Когда Гельферих вернулся в Берлин, проект дополнительнаго соглашенія к Бресту — проект, который опредѣлял дальнѣйшій путь германской политики в Россіи и тѣм самым дѣлал всю антибольшевицкую Россію непримиримым врагом Германіи, получил уже оформленіе. Возраженія Гельфериха перед министром ин. д. не имѣли успѣха — по мнѣнію Гинце, при создавшихся обстоятельствах ставка должна быть сдѣлана на

большевиков, ибо разрыв с ними обозначал возсозданіе «восточнаго фронта». В этом отношеніи Гинце, быть может, был реалистичнѣе своего соперника*). Для того, чтобы измѣнить психологію русской общественности (во всяком случаѣ в значительном ея большинствѣ), новая политика Гельфериха также опоздала — слишком глубоко проникла в сознаніе большевицко-нѣмецкая проблема в ея специфической облицовкѣ, не говоря уже о національно-обостренном самолюбіи от незаконченной войны, грубо оборванной Брест-литовским предательством — особенно рѣзко, естественно, это сказывалось в центрѣ, гдѣ непосредственно приходилось быть свидѣтелем проявленія нѣмецко-большевицкаго альянса. Недаром монархист Гурко основную причину, положившую конец переговорам с нѣмцами, охарактеризовывает в таких словах: «когда Германія убѣдилась, что она может имѣть дѣло только с правыми русскими общественными кругами, что вся так называемая передовая общественность не желает имѣть с ней дѣла, то естественно отказалась от мысли строить свои планы на возстановленіи порядка в Россіи».

Через нѣсколько лѣт историк как бы присоединится к выводам мемуариста. Милюков в «Россіи на переломѣ» писал: «Потеряв надежду на единеніе (?) русских партій, германцы затѣм *круто* (курсив мой) перемѣнили фронт, выдали большевикам военныя дружины праваго центра и настояли на арестѣ центральнаго комитета партіи к. д., как военной организаціи, субсидируемой французами для созданія авангарда союзнаго дессанта: дѣйствія, противорѣчащія союзному договору». О «крутом» поворотѣ можно было бы говорить в том случаѣ, если дѣйствительно признать, как то утверждал Милюков со слов каких-то членов праваго центра, участников переговоров, имена которых он, однако, не называет, что в іюнѣ «германцы п р е д л а г а л и членам праваго центра устроить в Москвѣ переворот при содѣйствіи русских офицерских организацій»**). Милюков знал даже даты — 18 іюня, когда рѣшеніе это «внезапно» было отмѣнено вслѣдствіе новаго распоряженія из Берлина. «Не совсѣм ясно» почему? «Потому ли, что германцы получили и без того возможность сосредоточить своих военноплѣнных в Москвѣ, потому ли, что они поняли к этому времени, что «восточный фронт» не стал уже страшен, потому ли,

*) Гельферих разсказывает, что министр обвинял его в изображеніи московских дѣл в ложном свѣтѣ и вмѣстѣ с тѣм накладывал цензуру на сообщенія, компрометировавшія совѣтскую власть. Гельферих, не вѣрившій в лояльность большевиков, тщетно предупреждал, — по его словам, — о революціонной опасности со стороны большевизма для самой Германіи, что неизбѣжно приведет к катастрофѣ. Напомним, что основным тезисом Ленина всегда являлось убѣжденіе, что главным звеном на пути революціи является революція германская.

**) Милюков даже входил в такія подробности: «предполагалось одѣть германских военноплѣнных в русскія шинели, занять под руководством русских офицеров всѣ командные пункты Москвы и продержаться там сутки, пока не придут на подмогу германскія войска из Орши. В деньгах на подкуп латышских стрѣлков, по пріобрѣтенію оружія предлагалось не стѣснятся»...

наконец, что со стороны русских политических дѣятелей в рѣшающій момент не было проявлено достаточной рѣшимости пойти на условія, на которыя пошел ген. Краснов. Приходилось дать обязательство противодѣйствовать русским же силам, которыя объявили себя на стражѣ «союзнической оріентаціи» и «восточнаго фронта»*). Мы видѣли, что никогда такого реальнаго предложенія никому нѣмцы не дѣлали, и что неофиціальные разговоры дѣятелей праваго центра с членами нѣмецкаго посольства и военными агентами не выходили за предѣлы взаимно не обязывающих частных бесѣд — новый германскій военный агент в Москвѣ майор Шуберт, по словам ген. Гофмана, всегда настаивал на рѣшительном выступленіи против большевиков. Шуберт считал, по мнѣнію Гофмана, слишком оптимистично, что для установленія в Москвѣ новаго правительства достаточно двух батальонов**). Если люди праваго центра продолжали питать надежды на германскую помощь***), то это была иллюзія****).

«Крутым» поворотом было бы принятіе плана Гельфериха. Но в сущности всѣ перепитіи, связанныя с этим планом, являлись лишь эпизодом в закулисной борьбѣ разных теченій в самой Германіи. Гельферих должен был подать в отставку. Этой отставкѣ предшествовала конфиденціальная нота ф. Гинце Чичерину, помѣченная 23 августа. Эта нота, содержаніе которой должно было оставаться строго конфиденціальным, раскрывала нѣкоторыя скобки в дипломатическом соглашеніи по Брестскому миру и опредѣляла дальнѣйшую политику Германіи по отношенію к совѣтской власти послѣ колебаній, которыя могли означать признаніе агрессивных планов с одной стороны Гельфериха, с другой ген. Гофмана. Совѣтская власть стабилизировалась, и п. 5 ноты говорил, что «германское правительство ожидает, что Россія примѣнит всѣ силы, которыми она располагает, чтобы немедленно подавить возстаніе ген. Алексѣева и чехословаков. С другой стороны и Германія всѣми имѣющимися в ея распоряженіи силами выступит

*) В письмѣ «главѣ германскаго народа», написанном 28 іюня, послѣ совѣщанія с представителями нѣмецкаго командованія, донской атаман обязывался держать «полный нейтралитет» по отношенію к «восточному фронту».

**) И в представленіи самого Гофмана все же возможно было с тѣми малочисленными дивизіями, которыя были в его распоряженіи, занять Петербург и образовать новое русское правительство, и это правительство должно было бы заявить, что цесаревич Алексѣй жив — в качествѣ «правителя» дѣйствительно намѣчался в. кн. Павел.

***) Гурко говорит, что они принялись за поиски авторитетнаго военнаго, который мог бы возглавить движеніе, и сам Гурко направился в первых числах іюля в Петербург для розыска Рузскаго или Юденича, так как предварительныя сношенія с Лукомским и Драгомировым не увѣнчались успѣхом в силу несочувствія их «германским планам».

****) Милюков со слов того же неизвѣстнаго члена Праваго Центра утверждает, что правые круги продолжали свои разговоры о созданіи монархическаго правительства, опирающагося на нѣмецкую силу; в этих видах продолжались переговоры с Ритцлером в іюлѣ и «даже в сентябрѣ». В сентябрѣ в сущности уже не было и «праваго центра» с отъѣздом на Украину Кривошеина, Гурко др.

противъ ген. Алексѣева». Небезынтересные комментаріи по этому пункту можно почерпнуть изъ воспоминаній Гельфериха. По свѣдѣніямъ Гельфериха вопросъ былъ поднятъ не Германіей, а совѣтскимъ правительствомъ, и здѣсь Гельферихъ видитъ доказательство катастрофическаго положенія большевиковъ. Они для своего спасенія просили о вооруженной интервенціи, при чемъ Чичеринъ формулировалъ такъ: активное выступленіе противъ Алексѣева и никакой поддержки Краснову. «Интервенція» рисовалась въ болѣе широкомъ масштабѣ, о которомъ говорилъ п. 3 ноты Гинце: «присутствіе въ сѣверныхъ русскихъ областяхъ военныхъ силъ державъ Согласія представляетъ настоящую и серьезную угрозу находящимся въ Финляндіи германскимъ военнымъ силамъ. Если поэтому... русскія дѣйствія не достигли бы въ скоромъ времени цѣли, то Германія сочла бы себя вынужденной предпринять съ своей стороны тамъ дѣйствія, въ случаѣ нужды съ привлеченіемъ финскихъ войскъ»... И вновь текстъ Гельферихъ воспоминаній даетъ комментарій съ ударѐніемъ въ сторону совѣтской власти. Гельферихъ разсказываетъ, что Чичеринъ 1 августа неожиданно сообщилъ ему, что совѣтское правительство отказывается отъ своего предложенія нѣмецко-финскаго десанта на Мурманскомъ побережіи, и что явный военный союзъ съ Германіей для большевиковъ невозможенъ, принимая во вниманіе настроенія въ странѣ, но нужно тайное соглашеніе и параллельныя дѣйствія — такимъ параллелизмомъ было бы прикрытіе Петербурга нѣмецкими войсками.

Вооруженная «интервенція», предусматриваемая гинцевской нотой, должна была обострить отношеніе нѣмцевъ къ Добровольческой Арміи и ко всѣмъ тѣмъ великорусскимъ тайнымъ военнымъ организаціямъ, которыя такъ или иначе были связаны съ ней, хотя бы даже лишь общими цѣлями. Но все же и въ этомъ отношеніи не было того «крутого» поворота, о которомъ повѣствуетъ Милюковъ — прежняя территоріальная двойственность, какъ сейчасъ увидимъ, осталась. И въ отношеніи Москвы надо внести существенныя оговорки. В данномъ случаѣ Милюковъ сослался, между прочимъ, и на мое свидѣтельство. Но въ моемъ свидѣтельствѣ не было той категоричности, которую придалъ историкъ моимъ словамъ, подтверждавшимъ заключеніе Деникина. Теперь я охотно ввелъ бы еще большія ограниченія въ свое изложеніе — и во всякомъ случаѣ долженъ рѣшительно откинуть установленіе факта, что нѣмцы выдали большевикамъ всѣ военныя организаціи, о которыхъ они знали черезъ сношенія свои съ монархистами. Дѣло было въ другомъ. Двойственность заданій неизбѣжно на практикѣ приводила с самаго начала къ вопіющимъ противорѣчіямъ: связь между нѣмецкой и большевицкой контр-развѣдками*), временно расширявшаяся въ зависимости отъ событій, была на грани провокаціи по отношенію къ тѣмъ военнымъ организаціямъ, которыя прямо или косвенно (иногда сами того не зная) за кулисами пользовались въ великорусскомъ центрѣ нѣмецкимъ

*) Нѣмецкая контр-развѣдка существовала не только въ Москвѣ, но даже въ Ростовѣ на Дону, какъ свидѣтельствуетъ Деникинъ.

покровительством. В этой двойной политической бухгалтеріи разобраться еще нѣт возможности. Гурко разсказывает, что офицерскія организаціи, примыкавшія к правому центру, до нѣкоторой степени объединялись ген. Дрейером *). Когда начались аресты и разстрѣлы наиболѣе дѣятельных членов офицерских организацій (в момент объявленія «краснаго террора»), циркулировали слухи, что виновником их был Дрейер. Наиболѣе распространенная версія сводилась к тому, что ген. Дрейер сообщил имена главных организаторов нѣмцам, которые с своей стороны сообщили их большевикам. Впослѣдствіи Дрейера судили полевым судом на югѣ и, по словам Деникина, оправдали «за недостатком улик». Вот эта «недостаточность улик» бо всем объемѣ сохраняет силу и понынѣ при попыткѣ разобраться в сложной паутинѣ практики нѣмецко-большевицкаго альянса лѣтом 18 года.

Допустим, что в этой смутной практикѣ имѣли мѣсто случаи выдачи (вольно или невольно) нѣмецкой развѣдкой большевикам офицеров союзнической оріентаціи. Но вмѣстѣ с тѣм несомнѣнным является и тот факт, что в Москвѣ при непосредственном участіи, напр., майора Шуберта, новаго военнаго представителя все той же нѣмецкой миссіи в Денежном пер., происходила вербовка и отправка офицеров-монархистов «нѣмецкой оріентаціи» в организующуюся на Украинѣ, так называемую, Южную Армію, т. е. в армію антибольшевицкую.

Самая наличность Южной Арміи или созданіе позднѣе русско-нѣмецкой арміи фон-дер-Гольца представляет собой такое-же противорѣчіе. Гурко склонен думать, что іюньскій проект (не существовавшій) был ликвидирован потому, что к этому времени произошло у нѣмцев «перемѣщеніе ролей» — тут уже «германское верховное командованіе, наткнувшееся на крайнюю непріязнь Добровольческой Арміи и освѣдомленное об усиленной тягѣ русских офицеров в Сибирь, на Урал для образованія там новаго, враждебнаго им фронта, рѣшительно заявило, что ни о каком возстановленіи Россіи не может быть и рѣчи, что, наоборот, необходимо разваливать Россію и в этих видах поддерживать большевицкую власть». Этой радикальной перемѣны точки зрѣнія нѣмецкаго военнаго командованія в дѣйствительности установить нельзя. Агрессивныя антибольшевицкія тенденціи ген. Гофмана, шедшія до извѣстной степени рука об руку с планом Гельфериха, сохраняли свою силу, как это видно хотя бы из сообщенія Шейдемана 12 сентября в парламентской фракціи с. д. при обсужденіи дополнительных к Брестскому миру соглашеній. Из воспоминаній Гельфериха опредѣленно вытекает, что, хотя автору мемуаров не удалось отстоять в главной квартирѣ своей точки зрѣнія, тѣм не менѣе ген. Людендорф с категоричностью заявил, что высшее ко-

*) По словам Гурко, старались к дѣлу привлечь Брусилова, который до времени не принял прямого участія (он требовал для возстанія сплотить офицерскій контингент в 6.000 человѣк), но рекомендовал Дрейера в качествѣ б у д у щ а г о своего начальника штаба.

мандованіе не заинтересовано в проведеніи дополнительных соглашеній. По старому знакомый нам ротмистр Розенберг от имени гвардейской офицерской организаціи и монархической группы Маркова продолжал вести в іюлѣ-августѣ переговоры с представителями нѣмецкаго командованія в Псковѣ о сближеніи с Германіей, о созданіи добровольческой арміи под начальством Юденича в оккупированных нѣмцами русских губерніях, о созывѣ монархическаго съѣзда для выдѣленія из своего состава временнаго правительства и т. д.*).

Организація Южной Арміи (конец іюля - начало августа) как раз совпадает с тѣм временем, когда, в изображеніи Гурко, нѣмецкія военныя власти из опасенія возстановленія восточнаго фронта якобы пошли по линіи поддержки совѣтской власти. Главный организатор Южной Арміи и посредник с нѣмецким главным командованіем герцог Лейхтенбергскій передал чрезвычайно характерную подробность из своего предварительнаго разговора с главным командованіем в Кіевѣ. Выразив принципіальное сочувствіе созданію армій в зонѣ «нейтральной» (Богучарскій у. Воронежской губ.), которую донской атаман предоставил в видѣ базы для русской монархической арміи, соглашаясь помочь деньгами и оружіем и не мѣшать вербовкѣ на Украинѣ**), оно просило «не говорить об этом нашим дипломатическим представителям и все это дѣло вести только с нами и тайно».

В готовности содѣйствовать организаціи Южной Арміи нельзя видѣть, конечно, только тактическое стремленіе разъединить офицеров***) и противодѣйствовать «восточному фронту». Когда опасность «восточнаго фронта» ослабѣла, германцы охладѣли к Южной Арміи и в августѣ - сентябрѣ — говорит Милюков — перестали давать на нее средства. Здѣсь прежде всего сдѣлана существенная хронологическая ошибка. Затѣм из записок Лейхтенбергскаго явствует, что на охлажденіе повліяло прежде всего то, что Южная Армія оказалась почти пустым мѣстом, и то, что военная нѣмецкая власть должна была при измѣнившихся условіях обращаться с секретными военными докладами «очень осторожно». Симпатіи к Южной Арміи, вѣроятно, надо объяснить отчасти психологіей военных — как бы органическим тяготѣніем их к силам антибольшевицким, сознаніем ненормальности союза императорской Германіи с элементами, представлявшими соціалистическій интернаціонал. Лейхтенбергскій так и объясняет поражавшую его легкость, с которой нѣмцы закрывали глаза на переправу офицеров, явно

*) О переговорах Розенберга с «гауптманом 7» см. повѣствованіе Бермондта Авалова.

**) При обострившихся отношеніях с Добр. Арміей в Кіевѣ было закрыто вербовочное бюро добровольцев, и стала преслѣдоваться соотвѣтствующая пропаганда.

***) Так смотрѣл на дѣло монархист гр. Келлер, не вѣрившій «честным измѣреніям» нѣмцев и убѣждавшій Алексѣева (письмо 20 іюля) «предупредить» эти начинанія принятіем монархических лозунгов (итти за «законнаго Государя, если его уже нѣт на свѣтѣ, то з законнаго же наслѣдника его»).

им враждебных, в Добровольческую Армію — объясняет убѣжденіем военной среды, с которой у него установились «хорошія отношенія», что Добр. Армія монархична по своему существу, что с «монархической Россіей им (нѣмцам) легче сговориться» в будущем, чѣм с большевиками, органически противными им самым существом своим. Эта психологическая черта должна была повседневно сказываться в работѣ мѣстных агентов власти, менѣе освѣдомленных о закулисных ходах политической игры. Как характерен в этом отношеніи эпизод, происшедшій в Ярославлѣ при ликвидаціи возстанія, организованнаго военными силами, выступившими под политическим водительством Савинкова, непосредственно оріентировавшагося на Антанту. На этот эпизод и мнѣ приходилось ссылаться в видѣ иллюстраціи к совмѣстной дѣятельности большевиков и нѣмцев (см. «Красный Террор»). В свѣтѣ того, что выяснило теперь историческое обозрѣніе недавняго прошлаго, думаю, что ярославскій эпизод свидѣтельствует скорѣе противоположное. 21 іюля штаб ярославскаго отряда сѣверной Добр. Арміи, находившейся «с германской имперіей в состояніи войны», — как гласило оповѣщеніе лейт. Балка, предсѣдателя германской комиссіи № 4 о военноплѣнных, существовавшей на основаніи Брестскаго договора и занявшей положеніе «вооруженнаго нейтралитета» в боевые дни возстанія — сдался комиссіи в плѣн; «комиссія — объявляет Балк — передаст штаб в качествѣ военноплѣнных германской имперіи своему непосредственному начальству в Москвѣ, гдѣ дано будет все дальнѣйшее». Конечно, это была попытка спасти жизнь 57 «бѣлых» офицеров. Но лейтенант Балк не мог быть надежным бестом. Балку был предъявлен ультиматум о выдачѣ, и военноплѣнные были разоружены — этим в смутные дни, послѣдовавшіе за убійством Мирбаха, рѣшилась судьба сдавшихся офицеров.

Но, может быть, еще показательнѣе протест, который был заявлен 1 сентября нѣмецким консулом в Петербургѣ, т. е. представителем вѣдомства ф. Гинце, по поводу начавшагося большевицкаго «краснаго террора» послѣ убійства Урицкаго и покушенія на Ленина — ясно, что это было сдѣлано без внушенія со стороны Берлина, за нѣсколько дней перед тѣм отправившаго через Іоффе в Москву свою конфиденціальную ноту 27 августа. Формально нѣмецкій консул присоединился к протесту дипломатов нейтральных стран против ареста иностранцев, послѣдовавшаго в Москвѣ и Петербургѣ послѣ извѣстнаго инцидента в англійском посольствѣ, когда был убит лейтенант Кроми, и ареста англійскаго консула Локарта, обвиненнаго в участіи в заговорѣ против совѣтской власти. Из донесенія голландскаго посланника, переданнаго по телеграфу в Лондон Бальфуру (см. «Бѣлая Книга») вытекает, что именно нѣмецкій консул (это было неожиданно для представителей нейтральных стран) в энергичных выраженіях во имя начал морали и гуманности протестовал против образа дѣйствія большевиков по поводу происшедшей наканунѣ расправы, и в присутствіи Зиновьева напомнил его послѣднюю кровавую рѣчь.

Как и во время Гельфериха, мѣстныя оцѣнки в данном случаѣ разошлись с «информаціей» центра. Деникин приводит телеграмму украинскаго посла в Берлинѣ бар. Штейнгеля (28 сент.), передающую отвѣт ф. Гинце по поводу протеста гетманскаго правительства против большевицкаго террора. Имперскій министр ин. д. полагал, что происходящее в Россіи «не может быть квалифицировано, как террор» — это лишь борьба с «безотвѣтственными элементами», которые «провоцируют безпорядок и анархію». В силу подобных соображеній императорское правительство отказывалось принимать «репрессивныя мѣры» против совѣтской власти...

И еще один заключительный штрих. Политика «соглашенія», проводимая канцлером гр. Гертлингом, не могла быть твердой и долговѣчной. Предупрежденія Гельфериха о сомнительной лояльности совѣтской власти и та опасность, которая реально повисла над Германіей в смыслѣ проникновенія «большевицкаго яда», отнюдь не были иллюзорны и не базировались на «сплетнях». Очень скоро обнаружилось, что экстерриторіальное совѣтское посольство в Берлинѣ сдѣлалось агитаціонным центром и штаб-квартирой спартаковцев. Іоффе был выслан из Берлина, и германское правительство фактически прервало дипломатическія отношенія с совѣтской властью. Состоящій при донском атаманѣ майор Кохенхаузен «весьма секретно» сообщал 24 октября, что «в ближайшіе дни германскія войска, стоящія на Украинѣ, начнут военныя дѣйствія». Но было уже поздно мѣнять политику...

Для полноты и точности нужных справок мы вышли далеко за хронологическіе предѣлы поставленной темы. Однако, такой историческій экскурс, быть может, отчетливѣе обрисует теперь роль, которую играли и могли играть нѣмцы в судьбѣ царской семьи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

КРИЗИС БОЛЬШЕВИЗМА

Для того, чтобы сознательно отнестись к анализу фактическаго матеріала, имѣющагося в нашем распоряженіи, и вставить его в историческія рамки, тѣм самым избѣгая слишком поспѣшных выводов, мы никогда не должны забывать о положеніи большевицкой власти весной и лѣтом 18 года. Судьбы царской семьи, конечно, неразрывно были связаны с тѣм перманентным кризисом, который эта власть изо дня в день переживала. Мы видѣли, что наблюденія и оцѣнка происходившаго в первых числах августа привели Гельфериха к убѣжденію, что совѣтская власть находится как бы в состояніи человѣка, над которым занесли нож. Нѣмецкій дипломат безоговорочно заключает, что только германская политика спасла в это время большевиков — во время самаго тяжелаго кризиса с момента захвата ими власти. И, дѣйствительно, при всей неопредѣленности недальновидной и даже противорѣчивой политики Антанты, при всем разбродѣ русских общественных сил, раздираемых соціальными, политическими и психологическими расхожденіями (именно психологія в значительной степени опредѣляла, с одной стороны, споры об оріентаціи, а с другой порождала какой-то фаталистическій квіетизм и попытки даже отыскать компромисс с большевиками), положеніе большевиков в дни пребыванія Гельфериха казалось безнадежным. Всероссійская власть, заключившая в Брестѣ международный договор, была в сущности съужена почти до предѣлов Великороссіи или старой Московіи и, слѣдовательно, становилась властью областной, окруженной вражебными силами. Вся южная периферія оставалась враждебным станом, несмотря на дипломатическіе переговоры, которые при содѣйствіи нѣмецкаго посредника велись с Доном и Украиной*); в іюлѣ поставившая себѣ всероссійскія заданія Добровольческая Армія, насчитывающая в своих рядах уже 20 тысяч, совершала так называемый второй кубанскій поход, который закончился разгромом совѣтских сил на югѣ и взятіем 3 августа Екатеринодара; в іюлѣ появились уже предвѣстники «восточнаго фронта», который перешагнул через

*) Краснов, впослѣдствіи писавшій, что Англія «запятнала себя союзом с палачами» («Русская Лѣт.» № 1), сам не только ходатайствовал перед Вильгельмом о возстановленіи «нормальных мирных отношеній между Москвой и Великим Дономъ», но слѣдуя своей эластичной политикѣ, отправил даже в Москву с письмами Ленину спеціальнаго посланца.

Урал, приблизился к Волгѣ, и таким образом составлял прямую угрозу центру; интервенція союзников на сѣверѣ, как уже дѣйствіе опредѣленно противобольшевицкое, пріобрѣтала также реалистическія формы. В самом центрѣ «кукушка уже прокуковала» для совѣтской власти, она уже «висит на волоскѣ» — это признает в интимных высказываніях, по свидѣтельству Сталина, никто иной, как шумный создатель совѣтской обороны Троцкій *).

Современники из соціалистическаго лагеря, враждебнаго большевикам, были довольно единодушны в оцѣнкѣ происходившаго. Так издававшійся на Украинѣ орган бундовцев «Фольксцайтунг» писал в іюлѣ: «С каждым днем становится яснѣе, что господство большевиков в Россіи идет к концу. Чехословацкое возстаніе и послѣднія событія в Москвѣ и Петербургѣ заканчивают этот процесс». «Банкротство большевизма» орган бундовцев видѣл в наростающей враждебности крестьян и массовом отходѣ «голодающих» рабочих. В центрѣ группа с. д., порвавшая с традиціонной формулой меньшевизма, по которой борьба с большевиками неизбѣжно должна была привести к реставраціи, и выступившая с призывом к активной борьбѣ за «независимый и демократическій строй Россіи», в прокламаціи говорила: «Эта борьба уже принимает в наших глазах все болѣе массовый и стихійный характер, как в городах, так и в деревнях и захватывает все болѣе широкіе слои народных масс». Что же это было, — очередное самовнушеніе? Во всяком случаѣ, окружавшая кольцом Москву «волна кулацких возстаній» (признаніе Ленина), организованныя и стихійныя рабочія стачки, которыя вынуждена была отмѣчать и совѣтская печать — все это были реальные факты, они не создавали прочной базы для существованія «соціалистической республики» и отнюдь не укрѣпляли увѣренности в том, что в совдепіи «народ с большевиками» **); недаром Кремль, как засвидѣтельствовал Петерс, охранялся исключительно латышскими преторіанцами — русскія красноармейскія части и прежде воинственные кронштадтскіе матросы уже не представляли собой надежной опоры. Но колебались и «латыши», находившіеся в совѣтских рядах, — по словам Гельфериха видные латышскіе военные зондировали почву в нѣмецком посольствѣ и высказывали готовность выступить против совѣтской власти, если им будет дана гарантія на возвращеніе в оккупированную нѣмцами Латвію.

Послѣдовавшее послѣ убійства Мирбаха возстаніе лѣвых с. р. в Москвѣ, с отзвуком его еще менѣе эффективным в Петербургѣ

---

*) Троцкій в разговорѣ с членом мирбаховской миссіи гр. Ботманом, высказывая подобныя же мысли, говорил, что нѣт только могильщиков, которые похоронили бы большевиков («собственно мы уже мертвы»). Столь откровенныя, казалось бы, неумѣстныя сужденія в бесѣдѣ с агентом нѣмецкой власти можно было бы отнести к присущей Троцкому страсти разыгрывать тактическія комедійныя сцены, если бы не было свидѣтельства Сталина.

**) По свидѣтельству Гельфериха уже при первом с ним свиданіи Чичерин заявил, что судьба революціи всецѣло зависит от деревни, которая пока враждебна коммунизму.

и волжской авантюрой главковерха совѣтскими войсками Муравьева, само по себѣ не могло представить опасности для большевицкаго правительства. Это были слишком запоздалые отзвуки на «революціонныя» настроенія в період внутренне-фракціонной борьбы за Брест-литовскій мир, и они неизбѣжно оставались в предѣлах уже скристаллизировавшейся совѣтской общественности. Попытка сорвать Брестскій мир не могла найти себѣ большого отклика в широких массах населенія. Очевидцы свидѣтельствуют, что матросы Поповскаго отряда в Трехсвятительском пер. не проявили большой стойкости, хотя численность возставших значительно превышала цифру бойцов, которых спѣшно могла выставить в Москвѣ власть (1800 против 720 — правда, у этого меньшинства была артиллерія). Знаменательно было то, что сосѣднія с возставшими Покровскія казармы объявили «нейтралитет», и московскіе верховники таким образом неожиданно могли бы оказаться в критическом положеніи, если бы не наличіе в Москвѣ латышскаго полка под командой профессіонала Вацетиса. Страшны были для власти послѣ убійства германскаго посла перспективы возможной ликвидаціи «молчаливой» коаліціи между русскими интернаціоналистами и нѣмецкими имперіалистами. Большевики никогда не могли быть увѣрены в том, что германскіе штыки, находившіеся на подступах Москвы и Петербурга, при постоянно измѣнявшейся коньюнктурѣ, не могут обратиться против них; слухи, проникавшіе в антисовѣтскую печать, часто невѣрные и преувеличенные, муссировали этот страх перед возможным разрывом (они говорили, напр., о проектѣ принца Гессенскаго создать «генерал-губернаторство» из оккупированных земель и т. д.). 6 іюля вопрос был поставлен ребром и, как мы знаем, создал панику среди московских властелинов.

Пути лѣвых с. р. остались изолированными*). Мы не имѣем никаких указаній на то, что антибольшевицкія военныя организаціи полагали возможным воспользоваться междуфракціонной борьбой и явно обнаружившейся слабостью правительственных сил, которых формально числилось около 7 тыс. Как ни распылены были тайныя офицерскія организаціи тѣх дней (в одной Москвѣ их насчитывалось 12), как ни разъединены онѣ были различными политическими водительствами и оріентаціями, все же между ними была нѣкоторая связь, и стало складываться даже нѣчто подобное центральному штабу. Лозунг сверженія большевицкой власти объединял всѣх тѣх, кто вступал в тайныя связи в значительной степени под вліяніем призыва ген. Корнилова (11 января) образовывать мѣстныя ячейки, если обстоятельства препятствуют явкѣ в Новочеркасск. Один из активных участников Савинковской организаціи (наиболѣе сильной и активной) ген. Гоппер, который принадлежал к группѣ латышских стрѣлков, объединившихся еще

*) Несмотря на то, что 4 губ. съѣзд совѣтов Казанской губ. одобрил поведеніе Муравьева, как и убійство Мирбаха, симбирское предпріятіе Муравьева не нашло поддержки и с легкостью было ликвидировано.

ранѣе вокруг идеи защиты Учр. Собранія, говорит, что пассивность в Москвѣ объяснялась убѣжденіем, что при сокрушеніи большевицких сил, с чѣм справиться можно было при наличности 3-4 тыс. человѣк, пришлось бы потом имѣть дѣло с организованными германскими военноплѣнными. Цифра их доводилась до 50 тыс. Чрезвычайную преувеличенность подобных исчисленій показали факты, обнаружившіеся послѣ убійства Мирбаха в связи с вопросом о вводѣ в Москву батальона нѣмецких солдат. Но таково было тогда всеобщее убѣжденіе.

Тайныя военныя организаціи с точки зрѣнія внутренней безопасности должны были безпокоить большевиков в гораздо большей степени, нежели начинанія послѣдовательных революціонеров, недовольных компромиссной политикой совѣтской власти. В этом отношеніи угрожающим признаком должно было явиться неудачное выступленіе Савинковской организаціи в городах верховья Волги, преждевременно спровоцированное безотвѣтственными завѣреніями московской агентуры военных миссій союзников о десантѣ. Дѣло было не в том, что Ярославль продержался 17 дней, а в том, что сепаратное выступленіе Савинковской организаціи нельзя было разсматривать, как изолированное дѣйствіе. Это было одно из звеньев общаго плана, который с натугой медленно складывался в расхлябистой обстановкѣ тогдашней антибольшевицкой общественности. Основной чертой такого плана являлось возсозданіе «восточнаго фронта» уже в согласіи с русскими общественными силами; интервенція (экономическая и военная помощь) в условіях такой договоренности теряла одіозный смысл чужеземнаго вмѣшательства. Первым этапом логически представлялось сверженіе власти, заключившей «похабный мир». Договорныя отношенія с союзниками закрѣпляли и непрочныя всегда договорныя отношенія между общественными группами на почвѣ одной общепризнанной политической платформы, которая была разработана «лѣвым центром» - «Союзом Возрожденія Россіи», к которому присоединился отколовшійся от правых «Національный Центр». Скрѣпляющія узы углублялись — и символом этого углубленія явилось рѣшеніе верховнаго вождя Добровольческой Арміи ген. Алексѣева ѣхать на Волгу, т. е. в тот центр, гдѣ волею судьбы активную роль должна была играть конкурирующая в дни революціи с большевиками во вліяніи на массы партія соц. революціонеров. Теперь мы знаем, что весь план оказался миражем. Но в дни «наибольшаго кризиса», который переживала совѣтская власть, ауспиціи для нея были зловѣщи. Большевики оказывались под двумя смертоносными ударами.

Критическіе іюльскіе дни, когда совѣтской власти для самосохраненія приходилось дѣлать ставку на ту нѣмецкую помощь, которую у Гельфериха просил Чичерин, были дѣйствительно завершеніем процесса внутренняго «банкротства большевизма». В сущности это банкротство началось с 25 октября 17 года. Захватившіе государственную власть переживали перманентный кризис. Временная стабилизація, связанная с офиціальным выходом Рос-

сіи из войны по заключеніи Брестскаго мира, отнюдь не вывела коммунистических вождей из состоянія, подчас близкаго к «панікѣ». Эти переживанія спорадически захватывали — о них свидѣтельствуют сами дѣятели міровой революціи — не только слабых духом, но и сильных волей. В сознаніи дѣлавших міровую исторію далеко не была изжита дилемма о неизбѣжности «сдачи власти», которая ставилась в интимных переживаніях непосредственно послѣ октябрьскаго переворота. У нас лично имѣется авторитетное показаніе (б. комиссара юстиціи Курскаго), что такая мысль не чужда была самому Ленину даже в концѣ апрѣля — так пессимистически при объективном взвѣшиваніи, а не на показ, оцѣнивались тогда ближайшія перспективы. Поистинѣ никто не сомнѣвался, что судьба «рабоче-крестьянскаго» правительства уже взвѣшена исторіей, как писал в свое время офиціальный орган партіи с. р. («Дѣло Народа» 28 января). Поэтому так неожидан был призыв, раздавшійся в Москвѣ со стороны группы демократической интеллигенціи, возглавляемой обычно чутким публицистом Кусковой и ея газетой «Власть Народа». Сотрудники газеты провозгласили лозунг перемѣны фронта в отношеніи большевиков: наступил момент отказа от борьбы — «нельзя же биться все время на кулачках» (Осоргин). Призыв работать вмѣстѣ с большевиками, служившій прелюдіей к послѣдующей кампаніи Горькаго о примиреніи интеллигенціи с большевицкой властью и смѣновѣховства, показателен был для отмѣтки наличности упадочнаго настроенія в нѣкоторых слоях интеллигенціи. Но он был совсѣм не ко-времени, прозвучал одиноко и остался изолированным, найдя лишь одобреніе в офиціозной совѣтской печати. Именно в демократических кругах исчезали признаки внѣшней общественной летаргіи, порождаемые усталостью и разочарованіем, и стала возможной концентрація сил в нарождавшихся объединенных организаціях. Как раз партія, офиціоз которой в январѣ не сомнѣвался, что могильщиками большевиков будет идущая им на смѣну «реакція», сама вступила на активный путь борьбы за возсозданіе «восточнаго фронта». Эта новая позиція партіи с. р. окончательно была зафиксирована в майских резолюціях партіи об интервенціи. Послѣдующее выступленіе чехословаков в Поволжьѣ и в Сибири в связи с мѣстными конспиративными военными организаціями и отклик, полученный в населеніи, воочію обнаружили безпомощность совѣтской власти.

**
*

Событія на востокѣ были неожиданны для московской власти — она теряла Урал, который почитала своим прочным плацдармом. «Сюда отступит совѣтская власть — говорил Троцкій при мартовском свиданіи с ген. Нисселем, но не уступит перед натиском с запада и востока имперіалистов Центральных Держав и Антанты». И это не было только словесной фіоритурой, заимствованной из стараго лексикона «Отечественной войны» 1812 года. Не чувствуя прочности своего положенія в центрѣ, совѣтская власть система-

тически подготовляла свою возможную эвакуацію в «восточном направленіи». С этой цѣлью в первых числах апрѣля была создана «всероссійская эвакуаціонная комиссія» и разработан самый план эвакуаціи, при чем окончательным пунктом, куда должны были направляться грузы, назначен был именно «Урал». Сюда направили не только «золотой запас» (уже вывезенный из Москвы и застрявшій по закулисной интригѣ «бѣлогвардейцев» в Казани), сюда свозились и «заложники» — между прочим, 200 заложников из Эстляндіи, захваченных в дни февральскаго наступленія нѣмцев и привезенных в Екатеринбург*). Эту тенденцію эвакуаціи в «восточном» направленіи надлежит отмѣтить особо — в силу этой тенденціи и члены бывшей императорской фамиліи, быть может, постепенно направлялись в сторону Урала. Высланные в Вологду, Пермь и Екатеринбург ѣхали на мѣсто ссылки не «по этапу», и в первое время жили в общем довольно свободно. Рискованно было бы утверждать, что сосредоточеніе великих князей в уральском направленіи как бы служит доказательством наличности тайнаго рѣшенія совѣтскаго правительства, принятаго послѣ Брестскаго мира, ликвидировать великокняжескую семью**). К этому вопросу в конкретной обстановкѣ того, что произошло, мы еще вернемся.

Уральскій плацдарм, как прочный бест для большевицкой власти, также слѣдует отнести в значительной степени в область сотворенных миражей и не только в силу внѣшне непредвидѣнных событій, разыгравшихся на «восточном фронтѣ» при участіи иноземной военной силы, но и в силу внутренней своей несостоятельности. Несмотря на старыя большевицкія связи с заводским населеніем Урала, единства рабочаго настроенія здѣсь не оказалось — знаменитая впослѣдствіи в лѣтописях гражданской войны эпопея рабочих дружин Воткинскаго и Ежевскаго заводов служит неопровержимым тому доказательством. Немало большевицких «цитаделей» оказалось на Уралѣ во вражеском лагерѣ и, как свидѣтельствуют многіе из современников, подчас «поворотным моментом» в настроеніи рабочих на этих заводах являлось заключеніе Брест-литовскаго мира. Рабочіе Урала волновались и бастовали еще задолго до появленія чехословацких освободителей и открытія фронта «гражданской войны». В повышенном настроеніи мѣстнаго крестьянскаго населенія сомнѣваться уже не приходится. Сами большевицкіе историки Пріуралья говорят нам о «серіи возстаній», пересшедших в концѣ мая во «всеобщій взрыв»; они с большой яркостью описывают, как «деревня за деревней» в «десятках волостей» выходили с вилами и косами и смѣло шли против винтовок и пулеметов. Нѣт, не только недовольство «реквизиціонно-продовольственной политикой» поднимало эту крестьянскую массу про-

*) По Брестскому миру они подлежали возврату в Прибалтійскій край.

**) Любопытно, что современная не большевицкая печать в Петербургѣ объясняла арест и высылку Ел. Фед., послѣдовавшіе 8 мая, тѣм, что обнаружились «тайныя сношенія ея с гр. Мирбахом»; в Москвѣ держались упорные слухи, шедшіе от близкаго Ел. Фед. прис. пов. Дерюжинскаго, что истинной причиной высылки была обида гр. Мирбаха на отказ вел. княгини его принять.

тив большевиков. Власть отвѣчала жестокими репрессіями — и еще задолго до офиціальнаго «краснаго террора» в дни начинавшейся гражданской войны по всему Уралу прокатилась волна массоваго террора. Тѣ же совѣтскіе историки рисуют эпическія сцены отвѣтной «стихійной мести» со стороны крестьян в період вынужденнаго отступленія «красных войск» с Урала перед продвиженіем чехо-словаков. Один из них, рисуя картины «ужаса» расправы «деревенских кулаков» в одной из волостей Красноуфимскаго уѣзда с «большевиками» («так называли всѣх, работавших в совѣтских органах»), добавлял, что эти «звѣрства» творились в «каждом уѣздѣ» и в «каждой волости».

**
*

В кровавом угарѣ гражданской войны в Екатеринбургѣ должна была создаться чрезвычайно напряженная атмосфера, которая ставила под прямой удар находившуюся там царскую семью. Очевидно, было бы ошибкой игнорировать эту обстановку. В сознаніи мѣстных большевицких дѣятелей она ставила гораздо острѣе династическую проблему, чѣм то было в центрѣ. Автор предисловія к изданной Уралкнигой работѣ Быкова, много уже раз нами цитированной, Тыянов пишет: «Разстрѣл Романовых меньше всего был продиктован чувством мести или мифической кровожадностью большевиков. Эта мѣра была глубоко цѣлесообразнаго дѣйствія в условіях ожесточенія гражданской войны, когда возможность монархической реставраціи была вполнѣ реальной опасностью».

Оставим в сторонѣ вопрос о «цѣлесообразности» убійства с точки зрѣнія моральной и согласимся, хотя бы с Керенским, что объективно никакой реальной опасности в то время монархическая реставрація не представляла. Объективная историческая оцѣнка может расходиться с психологіей и субъективным воспріятіем современников. Из сдѣланнаго выше обозрѣнія довольно отчетливо выступает, что психологически современники в разных общественных кругах были подготовлены к мысли о «возможной» монархической реставраціи в том или ином видѣ. Крайности легко сходятся — о неизбѣжности «реакціи» послѣ паденія большевизма говорили не только видные соціалистическіе лидеры меньшевистскаго и народническаго теченія, но и сами «реакціонеры», к которым должна перейти власть, выпадающая из ослабѣвших рук случайных «красных» дирижеров. Эти консерваторы были также фаталистами и готовы были пассивно пережить «невзгоды революціоннаго времени». Деникин приводит образную цитату из резолюціи 7 іюля группы принадлежавших к военной средѣ кіевских монархистов, которые желали «оберечь офицеров... от втягиванія... во всевозможныя авантюры под ложными лозунгами спасенія отечества» в виду «скораго возсозданія недѣлимой Россіи... под скипетром законнаго монарха»... Тот же Деникин разсказывает о сложной внутренней борьбѣ в рядах Добровольческой Арміи, гдѣ «очень многіе считали необходимым немедленно офиціально признать в арміи

монархическіе лозунги». «Всѣ партіи, кромѣ соціалистической, видят единственно пріемлемой формой конституціонную монархію» — убѣждал руководителей Добр. Арміи ген. Лукомскій из Кіева 14 мая*). Позже с таким же увѣщеваніем обращался, как мы видѣли, и гр. Келлер. Сам Алексѣев в одном из своих писем так опредѣлял точку зрѣнія «руководящих дѣятелей арміи»: они «сознают, что нормальным ходом событій Россія должна подойти к возстановленію монархіи, конечно, с тѣми поправками, которыя необходимы для облегченія гигантской работы по управленію для одного лица. Как показал продолжительный опыт прежних событій, никакая другая форма правленія не может обезпечить цѣлость, единство, величіе государства, объединить в одно цѣлое разные народы, населяющіе его территорію». «Пульс біенія жизни», как опредѣлял Лукомскій наростающее настроеніе, мы знаем, воспринят был дѣятелями праваго центра в их переговорах с нѣмцами. «Законнаго государя» с первых же шагов желал бы видѣть и Милюков, формулировавшій свои desiderata в запоздалом сообщеніи правому центру 29 іюля — по соглашенію с нѣмцами он хотѣл бы возвести на престол в. кн. Михаила (он предлагал москвичам «отыскать Вел. Князя, мѣстопребываніе котораго должно быть извѣстно его близким в Москвѣ»). Кіевская легитимистская группа Шульгина, состоявшая в радикальной оппозиціи к прогерманской тактикѣ кадетскаго лидера, собиралась перебросить в іюнѣ свои кадры в Сибирь для борьбы с нѣмцами и большевиками «под открытым монархическим знаменем».

Как же отрицать, что вопрос о реставраціи, так или иначе, стоял в порядкѣ дня, раз на нем базировалась значительная часть так называемых «буржуазных» слоев русскаго общества? Керенскій изображает противобольшевицкое движеніе в Сибири, исключительно как движеніе «народное» — демократическое, которое измѣнило свой характер послѣ переворота, поставившаго во главѣ власти адм. Колчака, и приняло характер реакціонный, вслѣдствіе чего могло бы имѣть цѣлью возстановленіе монарха. Обстановка в Сибири была гораздо сложнѣе — первоначальное движеніе было комбинированным выступленіем противоположных по существу политических сил**). Перед общим врагом о «монархіи», как таковой, может быть, никто и не думал, и Керенскій склонен даже отрицать наличность каких-либо офицерских организацій в Сибири ранней весной — в то именно время, когда исполнительный комитет екатеринбургскаго совѣта поднял вопрос о вывозѣ царской семьи из Тобольска в виду возможности ея побѣга. Опасеніе это автору представляется искусственно измышленным. Между тѣм Керенскій очень ошибался в основных своих сужденіях. Достаточно привести авторитетное свидѣтельство ген. Флуга, послан-

*) Реставрація и реакція, конечно, не синонимы, — но в глазах большинства соціалистов понятія эти были адэкватны.

**) Отсылаю читателя к соотвѣтствующим страницам моей четырехтомной работы «Трагедія адм. Колчака».

наго в Сибирь командованіем Добр. Арміи. Он прибыл в Омск 13 марта (беру Омск, как центр, к которому примыкал Тобольск) и здѣсь нашел уже ряд «болѣе или менѣе прочно организованных отрядов, имѣвших задачей вооруженную борьбу против большевиков» — среди них летучій отряд шт. рот. Аненкова, отряд прославившагося сибирскаго «атамана» — едва ли он носил эс-эровскую окраску. В теченіе своего четырехнедѣльнаго пребыванія в Омскѣ Флугу удалось объединить боевыя дружины (офицерскія и казачьи) всей степной Сибири под главенством никого иного, как казачьяго полковника Иванова-Римина. Фигура Иванова-Римина, занимавшаго до войны полицейскую должность и сохранившаго свои монархическія симпатіи, довольно опредѣленно выявилась на фонѣ послѣдующей сибирской общественности. Ив.-Римин должен был возглавить «военную диктатуру» в первое время послѣ сверженія большевиков. Опасенія большевиков, что начинающееся в Сибири движеніе может привести к освобожденію тобольскаго узника не были так безпочвенны. Недаром генерал бар. Будберг на своем образном языкѣ записал в дневник: «монархическія выкликанія вызвали вывоз Государя из Тобольска». Мог ли послужить такой факт переходным этапом к реставраціи монархіи? Это уже зависѣло от всей совокупности событій при участіи в них двух чужеземных враждующих сил. Довольно наблюдательный француз полк. Пишон итоги своих сибирских встрѣч опредѣлял словами: «главная масса населенія встрѣтит реставрацію равнодушно».

Идея политической «цѣлесообразности» уничтоженія претендентов на россійскій престол могла найти отклик в большевицкой средѣ, но в сложившейся коньюнктурѣ скорѣе приходится предположить, что адепты такого плана должны были вербоваться не в том окруженіи Ленина, которое, восприняв искусство «крутых поворотов» своего вождя, искало тактическій компромисс с нѣмецкой властью. Политическій циник, каким на практикѣ был Ленин, конечно, не остановился бы перед актом, в цѣлесообразность котораго он вѣрил. Но едва ли сознательно он мог подрубать сук, за который зацѣплялся, казалось, погибающій болшевизм — для императорской Германіи, несмотря на всѣ нейтральныя заявленія Вильгельма, кровавая расправа с представителями Царскаго Дома, даже если бы она не вылилась в отвратительныя, кошмарныя формы екатеринбургской бойни, не могла не явиться моральным шоком.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ЕКАТЕРИНБУРГСКІЙ ЭТАП

1. Заговорщики.

В офиціальном сообщеніи центральной совѣтской власти, касавшемся убійства Императора Николая II, был выдвинут мотив обнаруженія заговора, который имѣл цѣлью освободить заключеннаго Императора. Слѣдствіе категорично отрицало наличность подобнаго заговора, и за ним слѣдовали всѣ, писавшіе о трагедіи в Екатеринбургѣ. Была ли какая нибудь реальная база для офиціальнаго сообщенія и для утвержденія тогдашней большевицкой печати, помимо той общей атмосферы, которая была нами очерчена? «Эти заговорщики — спѣшит сказать Дитерихс — были не русскіе офицеры»: «темные политическіе происки нѣмецко-русской организаціи послужили послѣдним толчком к кровавой драмѣ на Уралѣ и дали основаніе Янкелю Свердлову сослаться на существованіе офицерскаго заговора». Предвзятость такого сужденія выступает слишком опредѣленно. Как ни скудны наши фактическія свѣдѣнія о дѣятельности в Екатеринбургѣ в теченіе мая-іюня тайных антибольшевицких группировок «монархическихъ» организацій и отдѣльных лиц, все же можно себѣ представить в общих чертах картину происходившаго — и эта картина не подтверждает негативных результатов сибирскаго слѣдствія.

Начнем с тѣх, которые спасали царскую семью еще в Тобольскѣ. Среди них к моменту отъѣзда из Тобольска дѣйствующей была тюменьская группа, возглавляемая Соловьевым, тріо — в лицѣ Соловьева, Маркова и Сѣдова; послѣдній в литературѣ, как мы знаем, представлен завлеченным в западню первых двух, из которых один был нѣмецким агентом, а другой и нѣмецким и большевицким. Мы должны на них еще раз остановиться ввиду роли, им приписываемой, и для окончательной зарисовки разсмотрѣнной уже по существу легенды о «петербургско-берлинской» организаціи.

Всѣм троим, по словам Маркова, возможность организовать собственными силами освобожденіе царской семьи из Екатеринбурга представлялась «весьма ничтожной». Поэтому рѣшено было, что Сѣдов немедленно ѣдет в Петербург для информированія организаціи Маркова 2, а остальные ждут сообщенія от Сѣдова и

пытаются установить с Екатеринбургом связь. Сѣдов выѣхал из Тюмени 14 мая. Троекратная попытка завязать сношенія с екатеринбургскими узниками не увѣнчалась успѣхом. Время шло, а от Сѣдова не было «ни слуха, ни духа» — разсказывает Марков Сергѣй. Соловьеву, находившемуся в вѣдѣніи революціоннаго трибунала, пришлось под благовидным предлогом скрыться в Покровском, Марков же оставался в своем эскадронѣ, мечтая пополнить его членами тобольскаго союза фронтовиков — «вѣрными людьми», объединенными Гермогеном, и заслужить довѣріе своего начальства*). Вскорѣ, однако, случилась и «бѣда». Около Тюмени появились чехо-словаки. В городѣ взбунтовались красноармейцы, а марковскій эскадрон арестовал полностью весь мѣстный исполком. Марков попал под слѣдствіе, но произошли еще блѣе важныя событія. Казаками и чехами был занят Омск и в Тюмень на пароходах прибыли омскіе комиссары со своими штабами. Тюменьское начальство было оттиснуто на задній план. В городѣ были взяты заложники из «именитых граждан». Старшій инструктор по кавалеріи, бывшій офицер Крымскаго полка, почувствовал себя плохо в новой обстановкѣ. Марков поспѣшил скрыться из Тюмени и 1 іюля оказался в Екатеринбургѣ. Здѣсь он побывал около дома Ипатьева и убѣдился, что спасти царскую семью «вооруженным путем» из этого зданія и думать «нечего». Тогда Марков направил свои стопы в Петербург в твердом убѣжденіи, что спасти царскую семью можно только дипломатическим путем — вмѣшательством Германіи. Он рѣшил обратиться к брату имп. Алекс. Фед. к герцогу Людвигу Гессенскому в Германіи. Дальнѣйшая эпопея «маленькаго Маркова» на путях завязыванія связей с нѣмцами и создала ему особую репутацію. Слѣдствіе в данном случаѣ оказалось совсѣм не на высотѣ, хотя сам Соколов признает, что р е а л ь н ы м и попытки освобожденія царской семьи в это время могли быть только попытки, сдѣланныя по в о л ѣ нѣмцев. Соколов, конечно, знает, что Марков уѣхал из Тюмени и пробрался в Петербург в с л ѣ д за перевозом в Екатеринбург царских дѣтей, тѣм не менѣе он с довѣріем относится к явно несуразным, путанным и противорѣчивым показаніям допрошенных им в Рейхенгаллѣ (21 г.) б. дѣятелей союза русскаго народа Соколова и Маркова 2, и заключает: как Марков (Сергѣй) «лгал здѣсь (т. е. в Петербургѣ), нам разсказали свидѣтели». Марков 2 еще был осторожен — он показывал: « В е с н о й 18 г. в Петроград пріѣхал Марков. Он нам сказал, что во главѣ вырубовской организаціи стоит зять Распутина Соловьев, что дѣло спасенія, если понадобится, царской семьи налажено Соловьевым. Н и к а к и х п о д о з р ѣ н і й в т о в р е м я м н ѣ н е з а п а л о в г о л о в у. Только сам Марков, послѣ возвращенія его из Сибири, представился в

*) Марков повѣствует, как в этих цѣлях он во главѣ карательнаго отряда арестовал в городѣ видных дѣятелей профессіональных союзов, мѣстных меньшевиков, которых он по существу ненавидѣл не меньше большевиков.

ином свѣтѣ: его разсказы внушали мнѣ мало довѣрія». У «наиболѣе активнаго» работника в данной монархической группѣ уже совсѣм все перепуталось: «В концѣ марта или в началѣ апрѣля вернулся из поѣздки Марков. Он начал нам разсказывать что-то несосвѣтимое. Он говорил... про цѣлые кавалерійскіе полки, совершенно готовые для спасенія в любую минуту царской семьи. В то же время выяснилось из разсказов Маркова, что он сам в Тобольскѣ не был и не только не установил связи с N (т. е. Сѣдовым), но, кажется, даже и не видѣл его... Я отнесся с недовѣріем к разсказам Маркова — как то не походило на правду все то, что он нам говорил». Оба свидѣтеля относили возвращеніе в Петербург Сѣдова на время болѣе позднее, чѣм пріѣзд Маркова.

Из этих показаній и выросли сказки о донесеніях, которыя Соловьев слал петербургским организаціям, и которым довѣрилось слѣдствіе. Несуразная хронологія само по себѣ должна была заставить слѣдствіе с осторожностью отнестись к показаніям петербурских «монархистов». Марков (Сергѣй) дал слѣдователю и свои показанія в 21 году, но какое можно имѣть довѣріе к человѣку, заподозрѣнному по своим нѣмецким связям и явно лгущему! Марков разсказывал, что по возвращеніи в Петербург (7 іюля) он видѣл Вырубову, которая потеряла связи с Марковым 2; видѣл Сѣдова, но не мог увидѣть Маркова 2 и Соколова — они скрывались в окрестностях Петербурга, так как на их конспиративной квартирѣ был сдѣлан обыск, причем был арестован Сѣдов, просидѣвшій в Крестах около мѣсяца. О том, что «маленькій» Марков не «лгал», в пылу полемики подтвердил сам Марков 2, забывшій показанія, данныя им слѣдователю, и писавшій в статьѣ, напечатанной в № 124 «Вѣст. Мон. Совѣта», что он скрывался от своего однофамильца, не довѣряя ему, как активному сотруднику провокатора Соловьева.

Дальнѣйшее обслѣдованіе дѣятельности Маркова Сергѣя слѣдствіем велось по тому же сомнительному методу. 14 августа Марков, отправив с одобренія Вырубовой через чиновника германскаго ген. консульства Шиля подробное письмо Великому Герцогу, уѣхал в Кіев, зарегистрировав себя подданным самостоятельнаго Крыма при содѣйстсвіи сенатора Султан Крым Гирея, предсѣдателя Крымскаго Комитета. В Кіевѣ он свидѣлся с лидером «монархическаго блока» Безаком, через посредство членов бюро по организаціи астраханской арміи установил связь с нѣмецким командованіем и послал телеграмму в. герц. Гессенскому с извѣщеніем о своем прибытіи в Кіев и с запросом — желателен ли пріѣзд его в Германію. В ожиданіи отвѣта Марков ѣздил в деревню к Ден и в Одессу, гдѣ жил его отец. В Одессѣ в кругу монархистов (Родзевича — б. предсѣдателя мѣстнаго союза Русскаго Народа, Толстого-Муразли и др.), в присутствіи в. кн. Маріи Павловны (младшей) Марков сдѣлал доклад о своей поѣздкѣ в Тобольск. По возвращеніи в Кіев, он вызван был в нѣмецкое оберкомандо, гдѣ ему передали телеграмму от Великаго Герцога с сообщеніем, что с ним войдет в связь г. Магенер из Москвы. Свиданіе это состоялось

в октябрѣ. Наступили послѣдніе дни гетманскаго правительства. Марков состоял ординарцем главнокомандующаго вооруженными силами на Украинѣ гр. Келлера, 21 января переодѣтый в нѣмецкую военную форму покинул Кіев с эшелоном пѣхотнаго полка. Наконец, Марков дошел до Великаго Герцога, жившаго в Дармштадтѣ, а также посѣтил в Геммельморѣ женатаго на сестрѣ Алекс. Фед. Иринѣ принца Генриха Прусскаго.

Соколов очень категоричен в своих выводах. Роль Маркова в Кіевѣ «все та же. В Петроградѣ он лгал русским монархистам, что все готово для спасенія царской семьи. В Кіевѣ он лгал, что ее спасли». Сам Марков лишь говорит (и в показаніях Соколова и в воспоминаніях), что в Петербургѣ Шиль ему сказал, что Ал. Фед. и дѣти вывезены из Екатеринбурга и находятся в районѣ Пермской губ. — таковы свѣдѣнія, полученныя консульством из Москвы от посольства. В Кіевѣ Марков впервые услышал, что ходят слухи, что погибла вся семья, но что он, Марков, сказал, что слышит это впервые и что по его свѣдѣніям это не так. Нам придется коснуться страницы, которую Керенскій чрезвычайно удачно назвал «Les cadavres ranimés». Многіе, очень многіе в 18 г. были убѣждены, что царская семья, дѣйствительно, избѣгла ужаснаго конца, каким была ночь с 16 на 17 іюля новаго стиля... В доказательство страннаго круга знакомств для русскаго офицера и подозрительнаго поведенія «хорошаго русскаго человѣка, от котораго Императрица ждала себѣ спасенія», Соколов цитирует показаніе нѣкоего генерала Н в Омскѣ в сентябрѣ 19 г.: «Марков увѣрял, что вся царская семья жива и гдѣ-то скрывается. Он говорил, что он знает, гдѣ они всѣ находятся, но не желал указать, гдѣ именно». В Кіевѣ этот самый Марков был на совершенно особом положеніи у нѣмцев. Он сносился с нѣмецким командованіем в Берлинѣ... Он говорил, что «в совѣтской Россіи имѣл доступ повсюду у большевиков через нѣмцев». Очевидно, и это ясно из контекста и дословных совпаденій, этим же показаніем генерала Н. пользуется и Дитерихс, может быть, придавая ему расширенное толкованіе. В его изложеніи получается еще болѣе выпукло. В Кіевѣ Марков разсказывал, что «имп. Вильгельм под вліяніем принца Гессенскаго предлагал Государынѣ Императрицѣ А. Ф. с дочерьми пріѣхать в Германію, но онѣ это предложеніе отклонили. Он показывал письмо Государыни к ея брату принцу Гессенскому, которое он получил от Е. В. для доставки по назначенію в Тобольскѣ; он говорил, что, уѣхав из Тобольска, он уже в Москвѣ узнал, что их перевозят в Екатеринбург и настойчиво отрицал убійство царской семьи. Он увѣрял, что всѣ живы, но скрываются ,и что он знает, гдѣ они всѣ находятся, но не желает указать. В Кіевѣ Марков был на совершенно особом положеніи у нѣмцев: он сносился телеграммами с нѣмецким командованіем в Берлинѣ и т. д. Он говорил, что... в совѣтской Россіи имѣл повсюду доступ у большевиков через нѣмцев». Дитерихс добавлял: «письмо, которое вез Марков, существовало, его видѣли другіе и видѣли такія лица, которыя могли знать почерк Императрицы». Естественно, Марков

отрицал все это хитросплетеніе. Нужны ли доказательства всей его фантастичности?

Надо сказать еще нѣсколько слов и о Соловьевѣ. Если послѣдній был, дѣйствительно, большевицким агентом, то, казалось бы, что именно в Екатеринбургѣ и должна была усиленно развиться его провокаторская дѣятельность. Мы увидим, что вся обстановка там содѣйствовала такой работѣ — по крайней мѣрѣ был реальный, а не мифическій объект для наблюденія. Но екатеринбургскій этап проходит внѣ какого-либо воздѣйствія со стороны Соловьева. По словам Соколова, Соловьев «кинулся» в Тобольск «в тот самый день, когда через Тюмень проѣхали дѣти*). Там он видѣл Анну Романову и узнал от нея, гдѣ находятся в Тобольскѣ царскія драгоцѣнности, часть которых была оставлена там. Позднѣе он продал содержанкѣ ат. Семенова брилліантовый кулон за 50 тыс.». Вѣдь это все сплетни, которыя подбирало слѣдствіе. — Булыгин так и говорит: «в городѣ ходили слухи о найденных ими (Соловьевым, о. Васильевым и горничной Романовой) спрятанных или отданных кому-то на храненіе царских драгоцѣнностях». Слѣдствіе могло бы установить один лишь факт, о котором говорят свидѣтели из числа оставшихся в Тобольскѣ с семьей приближенных. А. Ф. из Екатеринбурга могла иносказательно дать указанія на необходимость привезти с собой «всѣ лѣкарства». Перед отъѣздом дѣтей из Тобольска всѣ драгоцѣнности были зашиты в одежды**). По дневнику жены Соловьева видно, что он «мечтал» уѣхать в это время заграницу. «Заданія Соловьева в Сибири кончены», поэтому он и «стремится выбраться заграницу» — поясняет Булыгин, относя это стремленіе ко времени, когда екатеринбургская драма была уже завершена, между тѣм, как записи дневника жены Соловьева относятся к 8 и 15 мая. Большевицкому или нѣмецкому агенту уѣхать не удалось. Одной из причин стремленія выѣхать за-границу была опасность «быть мобилизованным бѣлы-

*) По утвержденію Маркова, как мы знаем, подслѣдственный Соловьев уѣхал в Покровское.

**) «Демидова мнѣ писала» — показывала няня дѣтей Тяглева: «Уложи, пожалуйста, аптеку и посовѣтуйся об этом с Татищевым и Жильяром... Мы рѣшили, что Императрица дает нам приказаніе позаботиться о драгоцѣнностях». Тяглева подробно описывает процедуру запрятыванія драгоцѣнностей. Приведем ее, так как этот разсказ служит существенным коррективом к показаніям свидѣтелей о том исключительно строгом надзорѣ, которому подверглись оставшіеся в Тобольскѣ члены семьи, когда комиссары на ночь запрещали запирать двери спален великих княжен, производили обыски и пр. Вот как Тяглева описывает сложную операцію с зашиваніем драгоцѣнностей в одежду перед отъѣздом: «...Мы взяли нѣсколько лифчиков, положили вату и эту вату покрыли лифчиками, а затѣм эти лифчики сшили. В двух парах лифчиков были зашиты драгоцѣнности Императрицы. В одном из таких парных лифчиков было вѣсом 4½ фунта драгоцѣнностей. Драгоцѣнности княжен были таким же образом зашиты в двойной лифчик». Их надѣли в. кн. Ольга, Татьяна и Анастасія; «кромѣ того онѣ под блузки на тѣло надѣли на себя много жемчугов. Зашили мы драгоцѣнности еще в шляпы». «Кромѣ того в лѣтних пальтишках, в которых великія княжны поѣхали в путь, и в осенних были отпороты пуговицы и вмѣсто них вшиты драгоцѣнности, окружив сначала ватой, а затѣм шелком»...

ми». Так снова утверждает слѣдствіе, ссылаясь уже на августовскія записи в дневникѣ Марьи Гр., напр., 13 августа: «всѣх офицеров забирают. Боюсь, как бы Борю не забрали, и он тоже боится этого». Соловьев постепенно продвигается на «восток», готовясь к отъѣзду в Шанхай. До 26 ноября Соловьев «упорно» скрывал свое офицерское званіе и открыл его лишь в Харбинѣ «за нѣсколько тысяч верст от фронта». Соколов старался у арестованнаго во Владивостокѣ Соловьева выяснить, почему он не открыл своего офицерскаго званія в Омскѣ. Тот отвѣтил, что служить в Омскѣ ему не позволяли его «монархическія убѣжденія». Это дает повод слѣдователю сдѣлать патетическую реплику: «весь мір свидѣтель того, что происходило в то время в Сибири. Там доблестное русское офицерство доблестно проливало свою кровь за жизнь и за честь родины. А Соловьев...» Патетическія слова не могут воспроизвести дѣйствительность. Сибирская жизнь не являла, конечно, собой картины сплошного героическаго порыва и единства настроеній — бывшій обер-прокурор Синода эпохи революціи Львов с тенденціей противоположной запишет: ...«офицеры в Сибири шли из под палки». То же скажет об «укрывающихся от призыва офицерах» и колчаковскій военный министр бар. Будберг в своем дневникѣ: «в потокѣ шкурников растворились геройскіе остатки истинных борцов за идею и спасеніе родины». (См. соотвѣтствующія страницы в «Трагедіи адм. Колчака»). Для «монархиста» Соловьева то, что было в августѣ и сентябрѣ в Омскѣ (время полусоціалистической Директоріи), вѣроятно, было не по душѣ. Слѣдствіе всемѣрно старалось очернить Соловьева и показать моральное ничтожество личности «зятя Распутина», но при критической оцѣнкѣ тобольской эпопеи, поскольку она связана с дѣятельностью монархической организаціи «Tente Yvette», мы не можем упускать из вида ни пристрастіе сибирскаго слѣдствія, ни тенденціозность показаній Маркова 2, которому раскрыл глаза на Соловьева только в Берлинѣ прибывшій туда помощник Соколова, кап. Булыгин*).

**
*

Итак, ни Соловьев, ни Марков не были уже дѣйствующими лицами в Екатеринбургѣ. Не обнаруживается на мѣстѣ и слѣдов тѣх двух посланцев московских монархистов, которые были отправлены по полученію в Москвѣ иносказательной телеграммы о готовящемся вывозѣ из Тобольска царской семьи**). Большими свѣдѣніями, хотя не очень опредѣленными и подчас даже нѣсколько странными, мы обладаем от лица, посланнаго одесскими монархистами. Соколов только глухо о нем упоминает: «в маѣ мѣсяцѣ

*) Соловьев в это время дѣйствовал совмѣстно с Марковым 2 в зарубежных монархических организаціях.

**) Может быть, одним из них был тот прис. пов., который в январѣ, принимал участіе в снаряженіи экспедиціи Соловьева. Думаю, что это был прибывшій в Сибирь в маѣ Минятов, погибшій в связи с дѣлом еп. Гермогена.

близкіе царской семьи, Толстые, послали в Екатеринбург своего человѣка, Ивана Ивановича Сидорова. Он отыскал доктора Деревенко (имѣвшаго доступ в «дом особаго назначенія»), и тот сказал Сидорову, что царской семьѣ живется худо: строгій режим, суровый надзор, плохое питаніе. Они рѣшили помочь семьѣ и вошли в сношенія — Сидоров с Новотихвинским женским монастырем, а Деревенко с Авдѣевым (комендантом). Было налажено доставленіе семьѣ разных продуктов из монастыря». Болѣе расширенныя данныя о бывшем «флигель-адъютантѣ», который фигурировал в Екатеринбургѣ под именем Сидорова, дает Дитерхис. Сидоров, по словам Дитерихса, пріѣхал в Екатеринбург в серединѣ іюня с «опредѣленной цѣлью» — для переговоров с Царем. «Он говорил, что необходимо спасти царскую семью, что для этого надо сплотить офицерство, что надо все сдѣлать для предотвращенія опасности, которая угрожает семьѣ; Сидоров высказывал, что необходимо, чтобы Государь Ник. Ал. был опять царем, а не в. кн. Мих. Ал.... Сидоров посѣщал в Екатеринбургѣ нѣкоторых лиц не один — с ним появлялся иногда, как он его называл, «адъютант», но с которым он говорил не по русски, а на каком-то иностранном языкѣ». В Екатеринбургѣ Сидоров пробыл три недѣли. Перед отъѣздом он заявил, что «не сошелся во взглядах» с офицерами находившейся в Екатеринбургѣ Академіи Генеральнаго Штаба; привезенных с собой писем для царской семьи — от Толстых, Хитрово и Иванова-Луцевича, — по назначенію он не передал, и они «**попали в слѣдственное производство**». «Была ли связь между миссіей Сидорова и политическими планами, увлекавшими нѣмецкое командованіе, опредѣленно сказать нельзя, но одно можно заключить, что предложеніе, привезенное Сидоровым бывшему Царю, оказалось непріемлемым для послѣдняго». Впослѣдствіи Маркову в Одессѣ указывали, что он был послан лишь с цѣлью собрать «точныя данныя о дѣйствительном положеніи императорской семьи для информаціи южных организацій», поскольку «Лондонская гостиница», гдѣ происходили монархическія засѣданія, считала, что вопрос о возстановленіи монархіи ставить преждевременно, а вопрос о царской семьѣ должен входить в компетенцію петербургских организацій, имѣвших лучшія связи с Сибирью. Здѣсь мы упираемся в тупик. Оказывается, что «Иван Иванов», посланный Толстыми из Одессы, и «флигель адъютант», именовавшій себя в Сибири «Сидоровым», очевидно разныя лица. В № 1 монархической «Русской Лѣтописи» (1921 г.) были напечатаны, как уже отмѣчалось, письма великих княжен, отправленныя Толстой в Одессу. Очевидно, из того же источника помѣщен и краткій разсказ «довѣреннаго человѣка» Толстых, посланнаго в Екатеринбург для выясненія условій жизни там Государя. Человѣка этого звали «Иван Иванов», и был он в дѣйствительности человѣком «простым». Наблюденія его были элементарны и передавал он то, что «говорил весь город» — о том, напр., как царских дѣтей в Тюмени населеніе встрѣчало «с зеленью и цвѣтами» «усыпали ими путь слѣдованія» («когда красноармейцы

хотѣли воспрепятствовать этому, то женщины избили нѣсколько солдат, а одного из них схватили и бросили в грязную лужу») и т. д. Разсказывал Иван Иванов и о том, как плохо питалась царская семья из «общаго котла совѣтской кухни», когда подчас им давали только то, «что оставалось от комиссаров и солдат». Так было естественно, что «Иван Иванов» интересовался болѣе обыденным, жизненным и вошел в сношенія с Тихвинским женским монастырем о доставкѣ продуктов в Ипатьевскій дом, между тѣм, как «бывшій флигель-адъютант» занимался болѣе высокой политикой. Впрочем, я не буду удивлен, если окажется в концѣ концов, что флигель-адъютант — скорѣе всего мифическая личность, созданная обывательским воображеніем, которое слѣдствіе превратило в нѣкую реальность*).

Толкованіе загадок — занятіе довольно безплодное. Очевидно, что слухи, связанные с дипломатическими разговорами о царской семьѣ, которые были в Москвѣ, придали миссіи «Сидорова», реальнаго или фиктивнаго, опредѣленную окраску. Эти «слухи», нѣсколько, быть может, преувеличенно, Дитерихс охарактеризовал так: «с начала іюня 18 г. различные совѣтскіе дѣятели стали усиленно распространять свѣдѣнія, что нѣмецкое командованіе в Москвѣ потребовало от совѣтской власти выдачи бывшаго Государя-Императора и его семьи и перевоза их в Германію. Об этом говорили всюду: и в офиціальных совѣтских органах, и в салонах совѣтских свѣтских дам, и в подпольѣ бѣлогвардейских организацій Москвы, и в широких массах населенія Москвы и Екатеринбурга, и даже за границей. А в рядах охранников... Ипатьевскаго дома говорили опредѣленно, что царская семья будет вывезена в Германію и что имп. Вильгельм пригрозил тов. Ленину, «чтобы ни один волос не упал с головы Царя». Свѣдѣнія эти держались очень упорно и настойчиво». В подтвержденіе этих слухов Дитерихс приводит выписку из попавшаго в слѣдственную комиссію документа — іюньскаго письма, адресованнаго из Москвы находившемуся в Алапаевскѣ молодому кн. Палѣй: «здѣсь всѣ говорят, что по требованію нѣмцев царскую семью перевезут в Германію». Мѣстное творчество расширяло столичную молву и, очевидно, со слухами о «миссіи» Сидорова в воспоминаніях Боткиной-Мельник все это превратилось в совсѣм уже несуразную форму: «член екатеринбургскаго совѣта, шпіон германскаго правительства... был впущен комиссарами к Государю и заявил, что вся царская семья будет освобождена и отправлена заграницу, если Их В. подпишут Брестскій мир. Его Величество отказался»... Перед нами образец творенія легенды**).

*) Иван Иванов, вернувшись в Одессу, привез с собой тот номер «Уральской Жизни», гдѣ был помѣщен разсказ Яковлева, перешедшаго к «бѣлым», о том, как он перевозил Царя из Тобольска в Екатеринбург. Разсказ этот также перепечатан в «Русской Лѣтописи». Безошибочно можно сказать, что никакого «интервью» с мнимым Яковлевым у сотрудника газеты не было — может быть, бесѣдовал он с Кобылинским.

**) Легенда проникла даже на страницы воспоминаній англійскаго посла Бьюкенена: царь погиб, отказавшись подписать Брестскій мир. Может быть,

В повѣствованіи Дитерихса «Сидоров» не сошелся с офицерами Академіи Ген. Штаба, которая в числѣ эвакуированных на Урал столичных учрежденій находилась в то время в Екатеринбургѣ. Об этих офицерах Академіи упоминает еще один из документов слѣдственной комиссіи: показанія подп. П. К. Л. — о них пишет Дитерихс и умалчивает Соколов. «В маѣ 1918 г. — разсказывал П. К. Л. — я был командирован из Петрограда в Екатеринбург от монархической организаціи «Союза тяжелой кавалеріи», имѣвшей цѣлью спасеніе жизни августѣйшей семьи. В Екатеринбургѣ я поступил в слушатели 2-го курса Академіи Ген. Шт. и, имѣя в виду осуществленіе вышеуказанной цѣли, осторожно и постепенно сошелся с нѣкоторыми офицерами-курсантами... (поставлено 5 иниціалов). Однако, сдѣлать что-либо реальное нам не пришлось, так как событія совершились весьма неожиданно и быстро. За нѣсколько дней до занятія Екатеринбурга чехами я ушел к ним в составѣ офицерской роты полк. Румши и участвовал во взятіи Екатеринбурга».

Офицеры Академіи фигурируют в такой же роли и в других свидѣтельствах. Наличность нѣкоторой конспиративной организаціи с большой опредѣленностью выступает в разсказах кн. Елены Пет., переданных ея приближенным Смирновым. Елена Петр., королевна сербская, бывшая замужем за кн. Іоан. Конст., добровольно послѣдовала в ссылку за своим мужем. Три недѣли вся великокняжеская семья, прибывшая в Екатеринбург через 3 дня послѣ перевоза Николая II, внѣшне пользуясь полной свободой, оставалась в Екатеринбургѣ. Затѣм была переведена в Алопаевск*). Отсюда Ел. Пет. пріѣзжала вновь в Екатеринбург хлопотать о своей поѣздкѣ к дѣтям в Петербург. Ел. Пет., пользовавшаяся относительной свободой**), в дни пребыванія в Екатеринбургѣ до-

---

не без старан'я нашего историка революціоннаго движенія в Россіи, Бурцева, оказавшаго вліяніе и на «воспоминанія» Мельник-Боткиной. Бурцев писал в «Общем Дѣлѣ», что ему пришлось познакомиться в Берлинѣ с обширными матеріалами, собранными там, о судьбѣ Царя. Из этих матеріалов опредѣленно вытекает, что нѣмцы дѣлали Николаю II предложеніе содѣйствовать проведенію в жизнь Брест-Литовскаго мира, и с этой цѣлью желали перевоза его в Москву, гдѣ им легче было бы договориться. За мѣсяц до убійства Екатеринбург посѣтил один нѣмецкій генерал, и т. д. Сомнительно, что такіе матеріалы Бурцев, дѣйствительно, мог увидѣть. К сожалѣнію, в послѣдніе годы своей работы Бурцев нерѣдко прибѣгал к подобным пріемам придачи авторитетности своим заключеніям (См. «Золотой нѣмецкій ключ к большевицкой революціи»).

*) Вслѣд за Ел. Петр. в іюнѣ, как бы в помощь ей, в Екатеринбург пріѣхала цѣлая группа, посланная сербским посланником Сполайковичем, в составѣ Смирнова, управляющаго дѣлами кн. І. Кон., сдѣлавшагося «сербским подданным», прикомандированнаго к сербской военной миссіи офицера Мичича и двух солдат Божевича и Абрамовича. Еще раньше, в маѣ, по иниціативѣ Сполайковича, в Екатеринбург пріѣхал офицер сербскаго Ген. Штаба Максимович, который хотѣл добиться свиданія с Николаем II, чтобы передать ему 30 т., привезенных от Сполайковича. Мотив для свиданія был довольно своеобразный — для бесѣды по историческим вопросам (Максимович был историком).

**) В первый день своего пребыванія она, между прочим, посѣтила дом Ипатьева, но, конечно, не была допущена к находящимся там узникам.

вольно широко посѣщала общество и в частности Академію, гдѣ она была знакома с бывшим стрѣлком императорской фамилии. Из своих разговоров с этим офицером Е. П. передавала Смирнову, что в Екатеринбургѣ организован отряд «бѣлой гвардіи» и уже разработан план освобожденія Царя (к этому плану мы еще вернемся). Эта организація и была той самой, которой, очевидно, руководил П. К. Л., так как именно она ушла к чехам, чтобы «ускорить паденіе Екатеринбурга» и тѣм освободить членов царской семьи. По словам жены офицера А. Г. Семчевской (ея воспоминанія были напечатаны в 21 г. в «Двуг. Орлѣ»), удалось создать активную группу в 37 офицеров. На «интимных вечерах» этой группы бывали и великіе князья.

В эту мѣстную заговорщицкую группу не входили офицеры под началом ген. Х., посланные Марковым 2 из Петербурга — эти «марковцы» (среди них был Сѣдов) стали стягиваться к Уралу только в двадцатых числах іюля. Было уже «поздно». Опоздали также и другіе отправленные в Екатеринбург боевые люди, связанные с Москвой. В их состав входил тот самый кап. л. гв. Петроградскаго полка Булыгин, который сдѣлался помощником Соколова. Булыгин сам разсказал о своей поѣздкѣ в Сибирь. Этот офицер, принявшій участіе в добровольческом «ледяном походѣ», направился спасать Царя, — как он говорил Маркову Сергѣю, — по порученію вдовствующей Императрицы. С «паролем», полученным от Шульгина, сязанный с группой офицеров гвардейскаго полка, он явился в центр «національнаго объединенія» в Москву к Кривошеину и Гурко. Перед «центром» Булыгин поставил вопрос: «Я из степей и ничего не знаю. Вы — центр и вам виднѣе обстановка. Я не один... и мы хотим дѣйствовать, а потому, вѣря вашей освѣдомленности, спрашиваем вас: 1. пришло ли время выручать Государя? 2. Когда это сдѣлать? 3. Куда везти? 4. Дайте деньги на это дѣло. Отвѣт был: 1. принимаем предложеніе. 2. Денег дадим. 3. Время пришло. 4. Когда и как везти — покажет развѣдка. Поѣзжайте на развѣдку». Послѣ этого меня задержали еще около двух недѣль. Наконец, когда я однажды шел на свиданіе с В. І. Гурко, меня остановил крик мальчика-газетчика: «Разстрѣл Николая Кроваваго»... Это было первое, как впослѣдствіи выяснилось, ложное извѣстіе, пробный шар большевиков... Русскій народ смолчал... И успокоенные большевики принялись за исполненіе намѣченнаго ими плана... Я пришел с газетой к Гурко «le roi est mort, vive le roi». поѣзжайте, быть может, жив наслѣдник».

«Этой же ночью я выѣхал в Екатеринбург — продолжает Булыгин: еще не доѣзжая Вологды, я прочел в газетах опроверженіе кровавой вѣсти, а, купив газету на ст. Котельнич, я прочел: «наш маленькій город становится историческим мѣстом — мѣстом заключенія бывшаго Императора. Его скоро переведут сюда из Екатеринбурга, которому угрожают чехо-словацкія и бѣлогвардейскія банды». Котельнич лежит недалеко от г. Вятки... Я остановился в Вяткѣ и начал работу. Связавшись с друзьями и распредѣлив роли, мы скоро «освѣтили обстановку». Она благопріятство-

вала — в Вяткѣ числилось всего 117 плохо организованных красноармейцев и при усиливающемся нажимѣ чехов можно было ожидать паники. «Было рѣшено вызвать группу своих офицеров из Москвы, которые готовы были явиться по условной телеграммѣ под видом мѣшечников. По прибытіи группы офицеров в Котельнич, она должна была разселиться вокруг дома заключенія и ждать момента. Через одну женщину, вошедшую в довѣріе к мѣстному совдепу (метод «маленькаго» Маркова!) и долженствовавшую войти в дом заключенія в видѣ поломойки, свитѣ Государя должно было быть передано оружіе (ручныя гранаты и револьверы) для того, чтобы они могли продержаться первые полчаса, пока мы будем брать дом снаружи, ибо было опасеніе, что, вѣроятно, стража имѣет приказаніе покончить с узниками в случаѣ попытки их выручать. Дабы семья довѣрилась нам и не опасалась провокаціи, должно было быть передано письмо от лица, почерк котораго члены царской семьи хорошо знали». Далѣе предполагалось на паровых катерах, стоявших по Вяткѣ, уходить по рѣкѣ вверх к Сѣверной Двинѣ и оттуда пробраться к англичанам в Архангельск (которых, кстати сказать, тогда еще не было в Архангельскѣ)... «План был шальной» — замѣчает капитан гвардіи Булыгин, — «но мог удастся... В случаѣ отказа Государя спасаться мы клялись увезти его силой». «Время шло. Мы тщательно наблюдали желѣзную дорогу и Котельнич, но никаких признаков прослѣдованія поѣзда с узниками или приготовленій в Котельничѣ к их встрѣчѣ не было. Теперь мнѣ понятно, что этот слух о Котельничѣ был только тонко разсчитанной хитростью — сбить с толка возможныя попытки к освобожденію жертв в момент их убійства»... «Наступили первые дни іюля н. ст. Обезпокоенный, я рѣшился, наконец, сам проѣхать в Екатеринбург, дабы узнать на мѣстѣ обстановку». Но... судьба судила по иному. Булыгин на ст. Екатеринбург был узнан солдатом своей роты, который с ним поздоровался, как со старым своим капитаном. Булыгин был арестован присутствовавшим здѣсь же комиссаром, с которым он ѣхал от Перми в одном купэ. Так сорвалась московская иниціатива.

Мы знаем, что аналогичную участь по другим причинам потерпѣла и кіевская запоздалая попытка ген. Мосолова, при содѣйствіи герцога Лейхтенбергскаго, связавшагося с нѣмецким командованіем. О том, что разсказал Мосолов, слѣдователь Соколов не упоминает, но косвенно освѣщает этот эпизод во французском изданіи своей книги, вышедшем раньше русскаго. Он приводит сенсаціонное показаніе, данное ему кн. Долгоруким, одним из лидеров кіевских монархистов, бывшим командующим войсками на Украинѣ во времена ген. Скоропадскаго. Это свидѣтельство касается не планов Мосолова и Лейхтенбергскаго, а роли, сыгранной гр. Альвенслебеном, который являлся передатчиком тайных намѣреній берлинскаго Двора. «5 или 6 іюля — свидѣтельствовал Долгорукій — глава кіевских монархистов Безак увѣдомил его, что Альвенслебен сообщил о своем визитѣ для сообщенія важной новости. Долгорукій отправился к Безаку и здѣсь узнал от Альвенс-

лебена, что имп. Вильгельм желает все сдѣлать, чтобы спасти имп. Николая II, и что он принял соотвѣтствующія мѣры в этом отношеніи». «Он нас освѣдомил, что между 11 и 20 іюля мы узнаем, что Царь казнен... Он нас предупредил, что эти свѣдѣнія, так же, как слухи, распространенные в іюнѣ относительно смерти Царя, будут ложны, но это необходимо в интересах самого Царя, чтобы эта новость распространилась. Он просил нас держать в секретѣ его сообщеніе и, когда придет момент, сдѣлать вид, что мы увѣрены в смерти Императора. 18 или 19 кіевскія газеты сообщили, что Император казнен в Екатеринбургѣ, и что царская семья увезена в вѣрное мѣсто»... «Я был поражен — заканчивает Долгорукій показаніе — той освѣдомленностью, которую заранѣе проявил Альвенслебен»... Во всѣх кіевских церквях служили панихиды по покойному Императору, на них присутствовал гр. Альвенслебен и... плакал. — «Безак и я были поражены искусством, с которым этот человѣк играл роль»...

Трудно дать комментаріи к столь невѣроятному разсказу о том, что Берлин за двѣ недѣли знал почти точную дату убійства Государя — недаром в русском изданіи Соколов умолчал о показаніи кн. Долгорукаго*). Приходится пройти мимо этого страннаго эпизода, повидимому явившагося рефлекторным отраженіем всей совокупности легенд, которыя творила жизнь. Однако, как слѣдует назвать всѣ предшествующія попытки организовать среди офицерских элементов кадры для освобожденія царской семьи?**) Были ли это заговоры или нѣт? Мы охотно дали бы им наименованіе — потуги на заговоры, попытки слабыя, наивныя и неизбѣжно неудачныя. Но формально это были «заговоры», неясные слухи о которых просачивались в болѣе широкіе круги, подхватывались и раздувались совѣтской печатью в связи со случайными арестами реальных или мнимых «монархистов», участников мѣстных «контрреволюціонных» выступленій. Так было в уральской печати, и «Уральскій Край» в Екатеринбургѣ предостерегающе провозглашал: «Романов и его родственники не избѣгнут суда народа, когда пробьет час».

Было ли в этих попытка все-же что-либо реальное в смыслѣ осуществленія плана спасенія царской семьи? Быков, писавшій книгу свою главным образом по разспросу «товарищей», говорит, что заговорщики многократно пытались в теченіе іюня войти с заключенными в связь, передавая записки в приношеніях монашек мѣстнаго монастыря, в хлѣбѣ, в пробках бутылок с молоком и т. д. Автор цитирует двѣ такія довольно общаго содержанія записки.

*) Герцог Лейхтенбергскій в своих воспоминаніях назвал его человѣком неуравновѣшенным и импульсивным.

**) В нью-іоркском «Новом Русском Словѣ» нѣкій персидскій принц Каджор разсказывал, как и он конспирировал в Екатеринбургѣ, сносился с офицерами, занимавшимися освобожденіем Царя (февраль 36 г.).

«Друзья болѣе не спят и надѣются, что час, столь долгожданный, настал» — говорилось в одной из них. В другой вопрос ставился уже болѣе конкретно: «Час освобожденія приближается и дни узурпаторов сочтены. Славянскія арміи все болѣе и болѣе приближаются к Екатеринбургу. Онѣ в нѣсколькихъ верстах от города. Момент становится критическим*). Этот момент наступил, надо дѣйствовать». Затѣм Быков приводит еще два письма, напечатанных у Дитерихса. Сам Дитерихс ссылается в данном случаѣ на какое-то «радіо Москва-Будапешт» 3 апрѣля 19 г., воспроизводившее сообщеніе московских «Вечерних Извѣстій», которыя в неофиціальном порядкѣ опубликовали «документы» по дѣлу «о попытках к побѣгу Николая»**). В первом из этих писем анонимный корреспондент, подписавшійся «офицер», говорил: «С Божьей помощью и с Вашим хладнокровіем надѣемся достичь нашей цѣли, не рискуя ничѣм. Необходимо расклеить одно из Ваших окон, чтобы Вы могли его открыть; я прошу точно указать мнѣ окно. В случаѣ, если маленькій Царевич не может итти, дѣло сильно осложнится, но мы и это уже взвѣсили, и я не считаю это непреодолимым препятствіем. Напишите точно, нужны ли два человѣка, чтобы его нести и не возьмет ли это на себя кто-нибудь из Вас. Нельзя ли было бы на 1 или 2 часа на это время усыпить «маленькаго» каким-нибудь наркотиком. Пусть рѣшит это доктор, только надо Вам точно предвидѣть время. Мы не предпримем ничего, не будучи совершенно увѣрены в удачѣ заранѣе. Даю Вам в этом торжественное обѣщаніе перед лицом Бога, исторіи, перед собственной совѣстью». Далѣе шел отвѣт Николая II: «Второе окно от угла, выходящее на площадь, стоит открыто уже два дня и даже по ночам. Окна 7-ое и 8-ое около главнаго входа, тоже выходящія на площадь, точно также всегда открыты. Комната занята комендантом и его помощниками, которые составляют в данный момент внутреннюю охрану из 13 человѣк, вооруженных ружьями, револьверами и бомбами. Ни в одной двери, за исключеніем нашей, нѣт ключей. Комендант и его помощник входят к нам, когда хотят. Дежурный дѣлает обход дома ночью 2 раза в час, и мы слышим, как он под нашими окнами бряцает оружіем. На балконѣ стоит один пулемет а под балконом другой на случай тревоги. Не забудьте, что с нами будет доктор, горничная и маленькій кухонный мальчик. Было бы низко с нашей стороны (хотя они ни в коем случаѣ нас не затруднят) оставить их тут послѣ того, как они добровольно послѣдовали за нами в изгнаніе. Напротив наших окон по той сторонѣ улицы помѣщается стража в маленьком домикѣ. Она состоит из 50 человѣк. Всѣ ключи и ключ № 9 находятся у коменданта, который с нами обращается хорошо. Во всяком случаѣ извѣстите нас, когда представится возможность, и отвѣтьте, можем

*) В первом изданіи быковскаго очерка слѣдует угроза: «и теперь надо бояться кровопролитія».

**) В послѣдующих работах и в эмигрантской печати матеріал этот заимствуется из публикаціи в петербургской вечерней «Красной Газетѣ», которая просто дѣлает ссылку на Быкова.

ли мы взять с собой наших людей. Перед входом всегда стоит автомобиль. От каждаго сторожевого поста проведен звонок к коменданту и провода в помѣщеніе охраны и другіе пункты. Если наши люди останутся, то можно ли быть увѣренным, что с ними ничего не случится?»

К этому Быков прибавляет, что Царь пытался отправить письмо в конвертѣ с цвѣтной подкладкой — «конверт был заподозрѣн, и когда подкладка была отклеена, под ней нашли план верхняго этажа «дома особаго назначенія», с подробным обозначеніем комнат и указаніем их обитателей». Этого случая с «планом» касается в воспоминаніях и Авдѣев, но по его изложенію ясно, что случай был в первый період заключенія. Он говорит о письмѣ, адресованном «Николаю Николаевичу». Вызванный в комендатуру Николай II вначалѣ отвѣтил полным незнаніем, сказав, что «может быть кто-нибудь из дѣтей это сдѣлал». Когда же ему был показан план, начерченный им собственноручно, то он «замялся, как школьник» и сказал, что «он не знал, что нельзя посылать плана». На запрос, почему же тогда его запрятали под подкладку конверта, он, как ребенок, начал просить, чтобы его извинили на первый раз, и что больше таких вещей он дѣлать не будет. И тут же спрашивал: «а вы всетаки пошлете этот листок с письмом или оставите его?» Дневник самого «наивнаго» Царя устанавливает, что исторія с «планом» не измышлена, но носит совсѣм другой характер. 21 апрѣля, т. е. на пятый день пріѣзда в «великую субботу» Царь записал: «писал по нѣсколько строчек в письмѣ дочерям от Алекс и Маріи и рисовал план этого дома» — другими словами, рисовал план в первых письмах, пошедших в Тобольск. Под 24 апрѣля в дневникѣ отмѣчено: «Авдѣев комендант вынул план дома, сдѣланный мною д л я д ѣ т е й третьяго дня на письмѣ и взял его себѣ, сказав, что этого нельзя посылать!» В данном случаѣ нельзя, конечно, не повѣрить безхитростной записи в дневникѣ. «Поганец Авдѣев», как Царь окрестил послѣ случая с «планом» на первых порах коменданта, явно присочинил для прикрасы в своих воспоминаніях.

К письмам, заимствованным из «Радіо Москва-Будапешт», Дитерихс отнесся с большим скепсисом — всѣ эти документы сочинены позднѣе в Москвѣ. «Отчего от них так отзывается Олендорфом или каким-нибудь другим распространенным пособіем для изученія какого-либо иностраннаго языка? Отчего «офицер», желающій спасти бывшаго Государя-Императора..., значит, оставшійся в душѣ вѣрноподданным, обращаясь к нему, называет его только «Вы», «Вам», а не «Государь», «В. Величество», ему болѣе привычным и допустимым титулованіем? Отчего он же называет Наслѣдника-Цесаревича — Царевичем, что на русском языкѣ не одно и то же, а в другом мѣстѣ он просто называет Наслѣдника Цесаревича — «Маленьким», как будто имѣя возможность, как и совѣтскіе дѣятели, читать дневники Государя Императора и видѣть там интимное ласкательное наименованіе, данное Государем нѣжно любимому сыну». Представляется Дитерихсу документ и с

фактической стороны несуразным, когда говорится о похищеніи через окно. Со своей стороны Царь, за забором ничего не видѣвшій, не мог писать, о сторожевых постах, о сигнализаціи, которой не было и т. д. «А мог ли Государь забыть, что спасенію подлежат не только Боткин, Демидова и Сѣднев, а еще Харитонов и Трупп? Забыли о них — вѣроятно, тѣ, кто в Москвѣ сочинял эти документы». «Фальшивость документов» особенно чувствуется в стилѣ, не соотвѣтствующем ни русскому слогу, ни русском духу. Русскій офицер не мог так писать, не мог писать и Царь, «прекрасно владѣвшій родным языком».

Критика Дитерихса довольно убѣдительна, но все-же мы должны имѣть в виду, что перед нами лишь подозрительный перевод текста какого-то «радіо» (Было ли нѣчто подобное фактически опубликовано в московских «Веч. Извѣстіях», провѣрить мы не можем, и публикація эта представляется сомнительной). Авдѣев, склонный, как могли мы усмотрѣть, к сочинительству в воспоминаніях, утверждает, что на кускѣ пергамента, обнаруженном в пробкѣ с бутылкой сливок, письмо было написано по англійски. Эта бумажка им была доставлена Голощекину, послѣ снятія копіи, «была вложена обратно в пробку и передана по назначенію. Через 2-3 дня таким же порядком послѣдовал отвѣт Николая». «Офицер» в концѣ концов якобы был арестован, и он оказался «офицером австрійской арміи Мачичем» (не спутал ли мемуарист задним числом с сербским офицером Мичичем, прибывшим вмѣстѣ с Смирновым и позже арестованным). Если допустить, что письмо «офицера» было написано иностранцем (мы увидим, что в этом предположеніи имѣется нѣкоторое правдоподобіе), то отпадут многія сомнѣнія Дитерихса, в частности наименованіе «царевич» и «маленькій», обращеніе на «Вы» и т. д., это наименованіе употреблялось не только в интимной обстановкѣ — так телеграмма, посланная в Тобольск при содѣйствіи Яковлева по дорогѣ в Тюмень спрашивала о здоровьѣ «маленькаго». И сомнѣнія относительно письма от имени Николая II не всегда так уже непоколебимы: Царь мог думать не без основанія, что повару Харитонову и лакею Труппу в случаѣ бѣгства семьи ничего не грозит; утвержденія Дитерихса, что между сторожевым постом (их было 11 — из них шесть наружных) и комендатурой не существовало сигнализаціи, как указывает письмо, повидимому невѣрны, ибо обслѣдованіе Соколова установило, что в комендантской имѣлось пять электрических проводов; характерно обычное для Царя употребленіе термина «люди» в отношеніи своих окружающих.

Но главным аргументом в пользу возможной подлинности, если не этих писем, то других, аналогичных им, служит дневник Николая II. 14 іюня (Царь писал всегда по старому стилю) записано: «Провели тревожную ночь и бодрствовали одѣтые... (многоточіе, как отмѣчает редакція «Кр. Архива», в подлинникѣ). Все это произошло от того, что на днях мы получили д в а п и с ь-

м а *) одно за другим, в кот(орых) нам сообщали, чтобы мы приготовились быть похищенными какими-то преданными людьми. Но дни проходили, и ничего не случилось, а ожиданіе и неувѣренность были очень мучительны». Из повѣствованія Смирнова мы знаем, что в эти дни та организованная группа офицерства, о которой Ел. Петр. разсказывала ему, искала путей сообщенія в Ипатьевскій дом о своих планах. Офицеры просили через Деревенко, при его очередном посѣщеніи Наслѣдника, предувѣдомить Боткина, чтобы Царь не был бы испуган, когда произойдет похищеніе. Смирнов с Мичичем, прибывшіе в Екатеринбург 4 іюля, на другой день, т. е. по старому стилю 22 іюня, (это был момент, когда в «домѣ особаго назначенія» происходила «крутая перемѣна») посѣтили одного американца, который передал им, что чехи находятся уже в 80 кил. от Екатеринбурга, и что глава «бѣлой гвардіи» готов дѣйствовать. Американец разсказал им, что из окна мансарды англійскаго консула виден сад дома Ипатьева. Каждое утро консул, наблюдая прогулку Николая II, телефонировал другим консулам, что «товар еще на станціи».

Дневник Царя подтверждает и исторію распечатанія окна. 10/23 іюня в дневникѣ стоит отмѣтка: «у нас утром открыли одно окно». Как видно из предшествующих записей, «разрѣшеніе» этого вопроса длилось «около двух недѣль». «Часто приходили разные субъекты и молча при нас оглядывали окна». И как раз тесовый забор, которым был обнесен дом, как свидѣтельствует Авдѣев, «не полностью закрывал угловое окно, выходящее на Вознесенскій проспект» — это была комната Царя, гдѣ и было раскрыто окно**).

Комментируя сообщеніе «Красной Газеты» (26 г.), гдѣ были перепечатаны приведенныя выше письма «офицера» и Николая II, Керенскій в «Днях» усумнился также в достовѣрности писем — он соглашается с Соколовым, что при существовавшей системѣ караула царская семья была в «западнѣ», в «безвыходном положеніи». Попытка к побѣгу в этих условіях была просто самоубій-

*) Может быть тѣ, которые приведены у Быкова?

**) Авдѣев говорит о форточкѣ, которая открывалась и закрывалась по усмотрѣнію живущих. В іюнѣ в эту форточку по утрам от 7-9 часов стала высовываться голова одной из дочерей, несмотря на запрещеніе и предупрежденіе, что часовой будет стрѣлять; с улицы в то же время стража стала замѣчать прохаживающагося какого-то гимназиста. И вот однажды раздался предупредительный выстрѣл. «Поняв, в чем дѣло, бросаюсь в комнаты» — повѣствует Авдѣев: «Отворив дверь угловой комнаты, застал такую картину: Николай на полу вниз лицом; за кроватью... присѣла его жена, возлѣ окна на полу полулежали Марія и Татьяна»... На окнѣ Авдѣев увидал небольшой лук, принадлежавшій наслѣднику — «стрѣлы к этому луку имѣлись». Случай с выстрѣлом отмѣчен и в дневникѣ Царя — и даже два раза, но без тѣх драматических или комических подробностей, о которых упоминает комендант. 27 мая, т. е. на четвертый день пріѣзда дѣтей, записано: «часовой под нашим окном выстрѣлил в наш дом, потому что ему показалось, будто кто-то шевелится у окна (послѣ 10 час. вечера) — по-моему просто баловался с винтовкой, как всегда часовые дѣлают», и 21 іюня: «Вчера в карауьном помѣщеніи снова был выстрѣл: комендант пришел справиться: не прошла ли пуля через пол».

ствомъ всѣх ея участников. Это чувство безвыходности, по мнѣнію Керенскаго, и царило в Ипатьевском домѣ. Он обращает вниманіе на то, что «Красная Газета» при публикаціи записки, найденной в пробкѣ бутылки с молоком, пропустила фразу «чрезвычайной важности» (очевидно, Керенскій считает эту записку достовѣрной): это тѣ слова, которыя слѣдовали за упоминаніем, что «момент становится критическим» — «теперь надо бояться кровопролитія» *). «Боязнь кровопролитія» — пишет Керенскій — «ясно говорит о другом настроеніи, царившем в Ипатьевском домѣ в тѣ дни, когда в Москвѣ хладнокровно подготовляли звѣрское убійство беззащитных женщин и дѣтей». Царскій дневник опровергает такое толкованіе. Возможно, что объективно попытки освобоженія, дѣйствительно, были равносильны простому «самоубійству», но очевидно, дѣйствующія лица тогда разсуждали по другому**). Послѣдняя запись дневника Николая II 30 іюня, т. е. 13 іюля, оканчивается словами: «вѣстей извнѣ никаких не имѣем». За день перед тѣм в дневникѣ упомянуто «утром около 10 ½ час. к открытому окну подошло трое рабочих, подняли тяжелую рѣшетку и прикрѣпили ее снаружи рамы — без предупрежденія со стороны Ю. (ровскаго). Этот тип нам нравится все менѣе».

У нас нѣт данных, чтобы поставить в прямую связь планы «бѣлой гвардіи», о которых говорил «американец» Смирнову, и укрѣпленіе 11 іюля рѣшеток на «открытом окнѣ в домѣ Ипатьева с попыткой «контр-революціоннаго» выступленія, имѣвшаго мѣсто в Екатеринбургѣ 13 іюля (30 іюня ст. ст.) — так называемаго бунта эвакуированных «инвалидов», закончившагося массовыми арестами и разстрѣлами. Офиціальная версія ставила «возстаніе» в прямую связь с замыслами мѣстных тайных военных организацій. Как раз в это время ушла из Екатеринбурга к чехам та офицерская рота, участники которой подготовляли пути освобожденія царской семьи. В это время (29 іюня) был убит и еп. Гермоген, арестованный на страстной недѣлѣ и привезенный в Екатеринбург. Здѣсь по ходатайству делегаціи тобольскаго епархіальнаго съѣзда во главѣ с прис. пов. Минятовым под залог в 100 т. его согласились выпустить, и Гермоген отправился назад в Тобольск. Однако, дальше Тюмени он не доѣхал. Из Омска через Тобольск уже наступали чехи. На рѣкѣ Турѣ близ с. Покровскаго Гермоген был утоплен конвоирами.

2. В «домѣ особаго назначенія

Записью 30 іюня (слѣдовательно, 13 іюля, т. е. за нѣсколько дней до гибели) закончился дневник Императора Николая II. Послѣдняя ея фраза, как было сказано, гласила: «вѣстей извнѣ

*) «Кр. Газ.» перепечатала из очерка Быкова — в отдѣльном изданіи его эта фраза была уже пропущена.

**) Из бесѣд, которыя Марков С. имѣл в Петербургѣ с Сѣдовым, можно заключить, что выполнимым проектом считалась попытка освобожденія Царя в случаѣ его перевоза из Екатеринбурга.

никаких не имѣем». Мы имѣем право заключить, что именно в эти дни рѣзко оборвались какія-то надежды на спасеніе. Призванный 1 іюля совершить богослуженіе в домѣ Ипатьева священник екатеринбургскаго собора о. Сторожев засвидѣтельствовал в показаніях слѣдствію, что его вниманіе привлек внѣшній утомленный вид заключенных (они были «я не скажу в угнетеніи духа, но все-же производили впечатлѣніе как-бы утомленных»), отличный от того, который он замѣтил при первом своем посѣщеніи царской семьи: тогда царевны имѣли вид «почти веселый», не было «слѣдов душевнаго угнетенія» и на лицѣ бывшаго Императора. Сопровождавшій о. Сторожева дьякон для выполненія очередной церковной требы, в свою очередь увидѣл происшедшую перемѣну и сказал о. протоіерею: «у них там что-то случилось»... — «они всѣ какіе-то другіе, точно даже и не поет никто» (это нарушало установленную традицію).

До этого момента монотонная жизнь в условіях тюремнаго режима, установленнаго в «домѣ особаго назначенія», текла болѣе или менѣе спокойно для заключенных, и они не испытывали какихлибо «изощренных издѣвательств», «униженій» со стороны тюремщиков. Дневник Николая II, которым не могло еще пользоваться слѣдствіе, вносит весьма существенные коррективы в изложенія мемуаристов, говорящих с чужих слов, и в текст свидѣтельских показаній, данных Соколову или его предшественнику по руководству слѣдствіем. Картина тюремнаго режима представится нѣсколько иной, если только отрѣшиться от мысли, болѣзненно и остро затрагивавшей близких Царя и монархическіе круги, что нивелирующій большевицкій режим распространялся на семью бывшаго верховнаго главы госуарства россійскаго. «Сплошным мучительством» его нельзя назвать, особенно по сравненію с режимом в других совѣтских тюрьмах. Еще в меньшей степени сможем мы повторить слова Деникина, что в Екатеринбургѣ царская семья подверглась «невѣроятному гдумленію ч е р н и ».

Непосредственными свидѣтелями жизни царской семьи в домѣ Ипатьева были тѣ члены охраны, которые прошли через слѣдственный допрос, сохранившій жизнь камердинер Николая II «старик Чемодуров», который прибыл в Екатеринбург вмѣстѣ с Царем и был отпущен им для «отдыха» уже 11 мая, т. е. на другой день послѣ пріѣзда оставшихся в Тобольскѣ членов семьи, и привезенные из Тобольска и погибшіе в Екатеринбургѣ «дядька» Цесаревича, матрос Нагорный и лакей Сѣднев — взятые 14 мая на допрос; они уже не вернулись назад, слѣдовательно, они были в домѣ Ипатьева только т р и дня. (Нагорный и Сѣднев оказались затѣм в заключеніи вмѣстѣ с кн. Львовым, их разсказы послѣднему и были зарегистрированы слѣдствіем). Чемодуров показывал слѣдователю, что режим в Ипатьевском домѣ был установлен «крайне тяжкій, и отношеніе охраны было прямо возмутительное». Когда Царь к кому-нибудь из них обращался с вопросом, то или не получал отвѣта, или грубое замѣчаніе. Старому камердинеру казалось, конечно, ужасным, что не было ни столоваго

бѣлья, ни столоваго сервиза, что вся сервировка была «крайне бѣдна», и что обѣдали за столом, не покрытым скатертью. К ужину подавали тѣ же блюда, что к обѣду, а к чаю черный хлѣб. Прогулки разрѣшались один раз в день в теченіе 15-20 минут. Сдержанное, «не вполнѣ откровенное» показаніе Чемодурова слѣдственной власти было провѣрено Соколовым его частными, «болѣе откровенными» разсказами про жизнь в Ипатьевском домѣ отдѣльным лицам*). Здѣсь (в «безсвязных», по выраженію Кобылинскаго, разсказах больного Чемодурова) больше уже выступают черты комиссарской «грубости» — Чемодуров, напр., говорил, что в обѣденных трапезах за царским столом принимали участіе и красноармейцы и комиссары: «придет какой-нибудь и лѣзет в миску: «ну, с вас довольно»**), княжны спали на полу, так как кроватей у них не было; послѣднія не смѣли ходить без стражи в уборную. причем и здѣсь их сопровождали часовые. По словам Львова, Сѣднев и Нагорный утверждали, что этот ужасный режим становился с каждым днем «все хуже и хуже»: двадцатиминутная прогулка свелась до 5 минут; несчастных княжен «заставляли играть на пьянино» и т. д. В изображеніи «правдивых» воспоминаній Мельник***), обобщавших приведенныя свидѣтельства, жизнь в домѣ Ипатьева превратилась в «сплошное издѣвательство»: пищу приносили ту, что оставалась послѣ караула, и «убирали, когда арестованные только что начинали ѣсть» или «плевали» в нее. «Первое время великія княжны готовили для больной матери отдѣльно на спиртовкѣ кашу и макароны, приносимые доктором Деревенко, но вскорѣ Деревенко перестали пускать к ним, и онѣ больше ничего не получали», и т. д.

Вот теперь показанія дневника Николая II — человѣка, повидимому, простого и очень непритязательнаго. В первый же день он отмѣтил неудобство помѣщенія в двух комнатах верхняго этажа около столовой караула: «чтобы итти в ванну и W. C., нужно пройти мимо часового у дверей караульнаго помѣщенія» — неудобство, которое было устранено через нѣсколько дней, когда караульные были переведены в нижній этаж. Обѣд, который приносили со стороны, правда, часто, очень часто запаздывал, но тѣм не менѣе в апрѣлѣ постоянно имѣем отмѣтки: «отлично поужинали» или «ѣда была отличная и обильная», «ѣда была обильная, как все это время и поспѣвала в свое время» (4 мая). «Нам купили самовар (1 мая) — по крайней мѣрѣ не будем зависѣть от караула». 5 іюня, т. е. тогда, когда была организована доставка продуктов из монастыря: «Со вчерашняго дня Харитонов готовит нам

*) По словам Жильяра, Чемодуров сознательно не сказал всей «правды» слѣдователю Сергѣеву. Жильяр добавляет, что Чемодурова трудно было понимать, так как говорил он «без всякой связи».

**) Это попало даже позднѣе в офиціальное сообщеніе англійскаго верховнаго комиссара Эллиота в Лондонѣ.

***) Аттестат такой выдал им совершенно незаконно бывшій правительственный комиссар, перевозившій царскую семью из Петербурга в Тобольск — Макаров.

ѣду, провизію приносят раз в два дня». «Дочери учатся у него готовить и по вечерам мѣсят муку, а по утрам пекут хлѣб. Недурно!» В самый послѣдній період со смѣной комендатуры, как увидим, питаніе заключенных даже значительно улучшилось.

Относительно прогулок дневник вводит аналогичныя поправки. В рѣдкіе дни он отмѣчает, что прогулка не была допущена; таким днем было, напримѣр, 18 апрѣля, т. е. первомайское празднество — это был второй день пребыванія в Екатеринбургѣ. На слѣдующій день гуляли «часок». Потом идут отмѣтки: «полчаса», «гуляли два раза». На 1 мая отмѣчено: «Сегодня нам передали через Боткина, что в день гулять разрѣшается только час; на вопрос почему? — исп. дол. коменданта отвѣтил: «чтобы было похоже на тюремный режим», тѣм не менѣе 7 мая сказано: «утром погуляли полчаса, а днем полтора». В дни, в теченіе которых был в д. Ипатьева Нагорный, дневник, дѣйствительно, упоминает о прогулках в 20 мин. и объясняет это тѣм, что «было холодно и отчаянно грязно», «шел мокрый снѣг». 21 мая: «гуляли два раза», 9 іюня: «по письменной просьбѣ Боткина нам разрѣшили полуторачасовыя прогулки». 10 іюня: «гуляли два часа». Таким образом, не только показанія современников, но и выводы историка Сперанскаго, производившаго личное обслѣдованіе в Екатеринбургѣ о том, что прогулки «рѣдко» разрѣшались, дневник рѣшительно опровергает.

Кстати, еще о принужденіи великих княжен играть на пьянино — дневник от 25 апрѣля, т. е. в момент, когда в Екатеринбургѣ была еще одна Марія, устанавливает факт переноса рояля «на днях» из залы в дежурную комнату, откуда и «раздавались звуки пѣнія и игры на роялѣ» — там инструмент оставался все время. По приведенным выше показаніям свящ. Сторожева можно было бы заключить, что за все время пребыванія царской семьи в домѣ Ипатьева только два раза был допущен к заключенным священник для выполненія церковной требы — 20 мая и 1 іюля*). На дѣлѣ почти каждое воскресеніе, в соотвѣтствіи с показаніями допрошенных членов стражи, в дневникѣ отмѣчаются богослуженія, начиная с 21 апрѣля в «великую субботу», когда по просьбѣ Боткина была заслушана заутреня в присутствіи караула**).

Очень существенныя поправки вносит дневник также и в разсказы об отношеніи стражи к заключенным. Комендантом «дома особаго назначенія» назначен был извѣстный нам Авдѣев, под прямым водительством котораго находилась стража, занимавшая посты внутри дома — это были все рабочіе мѣстной фабрики Злоказова, считавшейся «гнѣздом большевизма»: здѣсь уже раньше

*) Керенскій и толкует разрѣшеніе, данное на богослуженіе 1 іюля, как разрѣшеніе обреченной уже на смерть семьѣ отслужить по себѣ самой заупокойную обѣдню.

**) Служил обычно другой священник Екатеринбургскаго собора. Возможно, что перемѣна была вызвана недовѣріем к предшественнику о. Сторожева, так как в городѣ стали говорить, что в соборѣ провозглашали здравицу «царю Николаю, заключенному».

царил бывшій слесарь или машинист Авдѣев, носившій званіе предсѣдателя «дѣлового совѣта» національзированной фабрики — из состава этого фабрично-заводскаго комитета набрано было и основное ядро внутренней стражи. Внѣшнюю охрану первое время (около трех недѣль) несла особая караульно-конвойная команда г. Екатеринбурга, набранная из резервов 3-ей красной арміи и мѣнявшаяся в своем составѣ. К моменту прибытія оставшихся еще в Тобольскѣ членов царской семьи в Ипатьевском домѣ была создана постоянная стража и для внѣшних постов — она состояла из добровольцев рабочих находившагося в предмѣстьѣ города Сысертскаго завода. В общем «охранный отряд дома особаго назначенія», дважды пополнявшійся, включал 75-80 человѣк...*) «Революціонныя настроенія» охраны, состоявшей на 80 % из партійных коммунистов, «благонадежность» которых была тщательно провѣрена, конечно, не допускала — утверждает комендант — каких-либо сношеній с бывшим Императором, которыя были запрещены. Мы приводили свидѣтельство Чемодурова, что попытки членов семьи заговорить со стражей встрѣчали грубый отпор. Нестойких и невыдержанных, по словам Авдѣева, снимали с охраны и отсылали на завод — и тѣм не менѣе в первую же недѣлю таких «недостаточно надежных», «недостаточно выдержанных», по признанію самого мемуариста, оказалось 30 человѣк. Это было естественно, потому что не столько «революціонный» пыл, сколько льготы привлекали злоказовских рабочих вступать в охрану «дома особаго назначенія» — сохраняя фабричное содержаніе, записавшіеся в «добровольцы» получали дополнительно 400 руб. в мѣсяц и формально зачислялись в ряды красной арміи без необходимости служить на фронтѣ развивающейся гражданской войны. Допрошенные слѣдствіем охранщики утверждали, что стража относилась к семьѣ скорѣе «хорошо» — были и разговоры и смѣх молодежи, как то было в Тобольскѣ. «Ужас и отвращеніе» возбуждали, вѣроятно, немногіе — не то фанатики, не то попросту разнузданные субъекты. Проскуряков, из состава наружной охраны, показывал перед слѣдствіем, что «безобразничали» два-три человѣка: Файка Сафонов, написавшій «совсѣм неподобающія слова» около уборной, и Андрей Стрекотин, рисовавшій в нижних комнатах «безобразныя изображенія», причем третій, Бѣлоконь, «смѣялся и учил, как лучше надо рисовать»...

Показанія, данныя слѣдователю, могут быть заподозрѣны в своей правдивости и в своей искренности. Но вот снова дневник Царя. В первый день он лаконически отмѣтил столкновеніе с тюремным начальством: «долго не могли раскладываться своих вещей, так как комиссар, комендант и караульный офицер все не успѣвали приступить к осмотру сундуков. А осмотр потом был подоб-

*) Легко усмотрѣть большія разнорѣчія в «точно» установленном слѣдствіем составѣ охраны. Всѣ эти разнорѣчія в текстѣ Соколова и Дитерихса, расходящіяся и с замѣчаніями в дневникѣ, в данном случаѣ значенія для нас не имѣют.

ный таможенному, такой строгій, вплоть до послѣдняго пузырка походной аптечки Алекс. Это меня взорвало, и я рѣзко высказал свое мнѣніе комиссару»*). С таким предзнаменованіем новаго тюремнаго режима имп. Николай II с женою и дочерью переступили порог «дома особаго назначенія». Через четыре дня было «Свѣтлое Христово Воскресеніе». В дневникѣ записано: «Вечером долго бесѣдовал с Украинцевым у Боткина» (Украинцев — злоказовскій рабочій, очевидно, в первое время исполнял функціи пом. коменданта, как отмѣчено в дневникѣ — ни у Соколова, ни у Дитерихса с их детальным изложеніем указаній на этот счет не имѣется). 24 апрѣля произошло упомянутое выше столкновеніе с «поганцем Авдѣевым» из-за нарисованнаго плана дома. На другой день Царя поразил караул, оригинальный и по свойству, и по одеждѣ: «в составѣ его было нѣсколько бывших офицеров и большинство солдат были латыши, одѣтые в разныя куртки, со всевозможными головными уборами. Офицеры стояли на часах с шашкой при себѣ и с винтовкой. Когда мы вышли гулять, всѣ свободные солдаты тоже пришли в садик смотрѣть на нас; они разговаривали по своему, ходили и возились между собой. До обѣда я д о л г о говорил с б. офицером, уроженцем Забайкалья; он разсказывал о многом интересном, также и маленькій караульный начальник, стоявшій тут-же: этот был родом из Риги». 25 апрѣля дневник отмѣчает «большое безпокойство» в дежурной комнатѣ. «Но настроеніе караула было веселое и очень предупредительное — вмѣсто Украинцева сидѣл мой враг «лупоглазый», который должен был выйти гулять с нами. Он все время молчал, так как с ним н и к т о н е г о в о р и л С 27-го новый замѣститель коменданта «с добрым лицом, напоминающим художника». Послѣ чая пріѣхал «лупоглазый» и записал точную цифру «сколько у кого денег» и взял «лишнія деньги от людей для храненія у казначея областного совѣта». «Пренепріятная исторія». «За вечерней игрой добрый маленькій караульный начальник сидѣл с нами, слѣдил за игрой и много разговаривал». 30-го — «поганец Авдѣев приходил в сад, но держался вдали». 2 мая — «караульный начальник с нами не заговаривал, так как все время кто-нибудь из комиссаров заходил в сад и слѣдил за нами, за ним и за часовым»...

Новый пом. коменданта, с той же Злоказовской фабрики, Мошкин, жившій в «домѣ особаго назначенія» (Авдѣев в домѣ не жил), — «пьянчуга, воришка», по характеристикѣ нѣкоторых из бывших его подчиненных, может быть, и «шумѣл» по ночам в комендантской, но сам, «как ни бывал пьян», во внутреннія комнаты не ходил и других охранников туда не пускал. Вывод Дитерихса, имѣвшаго в своем распоряженіи большій матеріал, нежели тот, которым мы располагаем в печатном текстѣ, подтверждается уже тѣм,

*) Дидковскому Авдѣев изображает Николая II пассивным, протестующей была Ал. Фед., среди принадлежностей туалета которой была обнаружена будто бы подробная карта Екатеринбурга и фотографическій карманный аппарат.

что имя Мошкина ни разу не названо в дневникѣ Николая II. Сам Авдѣев занимавшій крайнюю революціонную позицію в воспоминаніях, со злобой отзывавшійся о Царѣ перед своими подчиненными и отказывавшій на словах всѣм просьбам заключенных, в дѣйствительности держался тактики компромисса — недаром при смѣнѣ коменданта Царь в концѣ концов записал: «Жаль Авдѣева». Из воспоминаніи самого коменданта слѣдует, что он «неоднократно» бесѣдовал с заключенными на политическія темы (Наслѣднику Авдѣев дал даже сборник революціонных пѣсен). По иниціативѣ коменданта была устроена прачечная для заключенных и приглашен инструктор, обучавшій вел. княжен стирать бѣлье... Мы знаем, что по соглашенію Деревенко с Авдѣевым в серединѣ іюня были разрѣшены приношенія продуктами из Новотихвинскаго монастыря, значительно облегчившія со стороны питанія положеніе заключенных, ибо царскій повар Харитонов мог начать непосредственно в домѣ самостоятельно готовить обѣд. Все это было разрѣшено, по словам Авдѣева, отнюдь не из сантиментальных соображеній человѣколюбія, а с задней цѣлью «прослѣдить за намѣреніями черносотенцев и учинить строгое наблюденіе за доставляемым», так как «было видно, что через монастырь хотят имѣть связь монархическія организаціи». Исключительно хорошее отношеніе коменданта и его помощника к послушницам Антонинѣ и Маріи, которыя по порученію «матушки Августы» приносили из монастыря продукты, объяснялось, очевидно, и экономическими соображеніями — «революціонная» комендатура, как видно из дневника Царя, широко пользовалась для себя лично из этих доброхотных приношеній. Приносили разную провизію — показывали слѣдствію допрошенныя послушницы — молоко, яйца, сливки, масло, мясо, колбасу, редис, огурцы, ботвинью, разныя печенья (пироги, ватрушки, сухари), орѣхи. «Как то сам Авдѣев сказал нам, что Императоръ нуждается в табакѣ. Так он и сказал тогда: «императоръ». Мы и табаку достали и носили. Все это всегда принимал или Авдѣев или его помощник»...

**
*

Так протекала монотонная жизнь в «домѣ особаго назначенія». Отсутствіе внѣшних впечатлѣній, однообразіе в условіях «тюремнаго режима» (для того, чтобы походило больше на тюрьму, всѣ окна замазали известью — «стало похоже на туман, кот(орый) смотрит в окна»), вѣроятно, и были причиной, что автор дневника, вопреки обычаю своему, в іюнѣ уже стал оставлять нѣкоторые дни без записи. По вечерам развлеченіем была игра в «безик» и чтеніе книг из «довольно большой» библіотеки владѣльца дома. В «революціонном» рвеніи комендант не замѣтил, что заключенные проявляют «какой-нибудь признак интереса» к книгам. «Единственную книгу — утверждает Авдѣев, — которую можно было видѣть у Царя, это «Дом Романовых», изданную к 300-лѣтію династіи». Дневник говорит нам, что Николай II с увлеченіем читал в это

время Салтыкова-Щедрина, с произведеніями котораго он раньше не был знаком: «продолжаю читать Салтыкова III том — занимательно и умно» (5 іюня). 23 іюня: «Сегодня начал VII т. Салтыкова. Очень нравятся мнѣ его повѣсти, разсказы и статьи». «И Марія и я зачитываемся «Войной и Миром» (9 мая). «С большим интересом прочитана была исторія «Императора Павла» Шильдера» и т. д.

Из обычной колеи повседневнаго обихода выбивали лишь внѣшнія событія, отзвуки которых от времени до времени проникали внутрь Ипатьевскаго дома. Так 28 мая (10 іюня) отмѣчено в днєвникѣ: «Внѣшнія отношенія... за послѣднія недѣли... измѣнились: тюремщики стараются не говорить с нами, как будто им не по себѣ, и чувствуется как бы тревога и опасеніе чего то у нас! Непонятно». Через два дня, в день празднованія «Вознесенія» эта «тревога» выяснилась: «утром долго, но напрасно ожидали прихода священника для совершенія службы... Днем нас почему-то не выпустили в сад. Пришел Авдѣев и долго разговаривал с Ев. Сер. (Боткиным). По его словам, он и областной совѣт опасаются выступленія анархистов и поэтому, может быть, нам предстоит скорый отъѣзд, вѣроятно, в Москву. Он просил приготовиться к отбытію. Немедленно начали укладываться, но так, чтобы не привлечь вниманія чинов караула, что особо просил Авдѣев. Около 11 час. вечера он вернулся и сказал, что еще останемся нѣсколько дней. Итак и к 1 іюня мы остались по бивачному, ничего не раскладывая». 1 іюня «наконец, послѣ ужина Авдѣев, слегка на веселѣ, объявил Боткину, что анархисты схвачены, и что опасность миновала, и наш отъѣзд отмѣнен! Послѣ всѣх приготовленій даже скучно стало!»

Быков утверждает, что в рядах анархистов и лѣвых с. р., принадлежавших к екатеринбургской организаціи и не увѣренных, что большевики разстрѣляют Царя, дѣйствительно был разработан план нападенія на «дом особаго назначенія» и разстрѣла «Романовых». Пишет об этом и Авдѣев. Быков в своих утвержденіях идет дальше и передает со слов екатеринбургскаго военнаго комиссара, ѣздившаго в Москву для выясненія «судьбы Романовых», что в президіумѣ ВЦИК он встрѣтил представительницу Ц. К. партіи лѣвых с. р. Спиридонову, которая настаивала «на выдачѣ Романовых эсерам для расправы с ними». В этой информаціи нѣт ничего невѣроятнаго, ибо партія лѣвых с. р. желала быть послѣдовательно революціонной и обвиняла большевиков в поссибилизмѣ: «расправа» с бывшим монархом, источником возможной контр-революціи, могла нарушить контакт совѣтской власти с германским правительством и содѣйствовать срыву Брестскаго мира. Поэтому іюньскіе слухи об убійствѣ Николая II, дошедшіе до Москвы и вызвавшіе дипломатическое вмѣшательство Мирбаха, могли возникнуть внѣ каких-либо закулисных тактических задач, которыя были связаны с убійством в. кн. Михаила. Едва ли было инсценировано безпокойство, проявленное центральной властью, по поводу свѣдѣній о гибели Царя «на каком-то разъѣздѣ» близ Ека-

теринбурга. 20 іюня предсѣдатель екатеринбургскаго совѣта получил офиціальный запрос за подписью управляющаго дѣлами Совнаркома Бонч-Бруевича, а кромѣ того, очевидно, по распоряженію центра, командующій сѣверно-уральским сибирским фронтом Берзин самолично произвел провѣрку слухов на мѣстѣ, посѣтив «жильцов в домѣ Ипатьева». 27 іюня он доносил Совнаркому: «Офиціально сообщаю, что 21 іюня мною с участіем членов высшей военной инспекціи и военнаго комиссара уральскаго военнаго округа и члена всероссійской слѣдственной комиссіи был произведен осмотр, как содержится Николай Романов с семьей, провѣрка караула и охраны, всѣ члены семьи и сам Николай жив и всѣ свѣдѣнія об его убійствѣ и т. д. провокація» (донесеніе Берзина приведено у Дитерихса). Отмѣтил посѣщеніе «комиссаров из Петрограда» и царскій дневник, отнеся это посѣщеніе на 22-ое.

Через десять дней — 21 іюня ст. ст. — в «домѣ особаго назначенія» «внезапно» произошла радикальная перемѣна: старая комендатура в лицѣ Авдѣева и Мошкина была отстранена, внутренняя стража замѣнена другой — людьми интернаціональнаго облика из «амерканской гостиницы», т. е. мѣстной Чрез. Комиссіи, которая находилась в вѣдѣніи комиссара юстиціи Юровскаго. Фактически комендантом «дома особаго назначенія» сдѣлался Юровскій, а его помощник Никулин замѣнил арестованнаго Мошкина*). Для слѣдствія не было сомнѣнія в том, что мѣра эта была принята в соотвѣтствіи с осуществленіем заранѣе обдуманнаго плана — 21-го была дата, когда приступили к конкретной подготовкѣ убійства. По вѣхам, установленным сибирским слѣдствіем, пошли и всѣ остальные, писавшіе об екатеринбургской трагедіи. «Жильцы дома Ипатьева», не догадывавшіеся о предуготованной им судьбѣ, по иному объяснили происшедшую перемѣну. Данныя, имѣющіяся в дневникѣ Царя, заставляют с осторожностью подойти к установленной слѣдствіем версіи, которая явно требует нѣкоторых поправок. 21-го в дневникѣ значится: «Сегодня произошла смѣна коменданта — во время обѣда пришли Бѣлобородов и др. и объявили, что вмѣсто Авдѣева назначен тот, котораго мы принимали за доктора, — Юровскій**). Днем до чая он с своим помощником составлял опись золотых вещей — наших и дѣтей; большую часть (кольца, браслеты и пр.) он взял с собой. Объяснял тѣм, что случилась непріятная исторія в нашем домѣ, упомянул о пропажѣ наших предметов. Так что убѣжденіе, о котором я писал 28 мая, подтвердилось. Жаль Авдѣева, но он виноват в том, что не удержал своих людей от воровства из сундуков в сараѣ»***). На другой

---

*) Николай II в дневникѣ людей Юровскаго обобщающе назвал «латышами». Неосновательно Керенскій окрестил их таким же обобщающим термином «les allemands taciturnes».

**) «Черный господин», сопровождавшій Деревенко при осмотрѣ Алексѣя 13 мая.

***) 28 мая Царь записывал: «В сараѣ, гдѣ находятся наши сундуки, постоянно открывают ящики и вынимают разные предметы и провизію из

день Юровскій «принес ящик со всѣми взятыми драгоцѣнностями, просил провѣрить содержимое и при нас запечатал его, оставив у нас на храненіе». «Юровскій и его помощник — гласит запись 23 іюня — начинают понимать, какого рода люди окружали и охраняли нас, обворовывая нас. Не говоря об имуществѣ — они даже удерживали себѣ большую часть из приносимых припасов из женскаго монастыря. Только теперь, послѣ новой перемѣны, мы узнали об этом, потому что **все количество** провіанта стало попадать на кухню»...

«Наша жизнь нисколько не измѣнилась при Юровском» — говорит запись 25 іюня (8 іюля). Всѣ эти записи устанавливают один несомнѣнный факт, что исторія с кражей не была выдумана «совѣтскими главарями» для того, чтобы прикрыть перемѣну, которая должна была произойти в «домѣ особаго назначенія». Конечно, не сама по себѣ кража «какого-то золотого крестика», как выражается Дитерихс*), объясняет перемѣну 4 іюля, а опасность, что разложившаяся стража может оказаться ненадежной и легко подкупной в критическіе дни, которые начинал переживать Екатеринбург.

Тобольска. И при этом без всякаго объясненія причины. Все это наводит на мысль, что понравившіяся вещи очень легко могут увозиться по домам и, стало быть, пропасть для нас! Омерзительно!» Естественно, что Авдѣев умолчал в своих мемуарных экскурсах о воровских подвигах подчиненных ему «революціонеров». Он, напротив, усиленно подчеркивает, что ключи (вѣсом в совокупности около 20 фунтов) от всѣх привезенных из Тобольска чемоданов, сложенных в кладовых дома, находились у членов семьи; по его словам, лишь владѣльцы багажа «копались» в чемоданах, «копались» «под наблюденіем» охраны, на что «требовалось нѣсколько часов».

*) Дитерихс говорит: «Мошкину и рабочим было предъявлено обвиненіе в кражѣ у царской семьи какого-то золотого крестика и об этом их поведеніи было даже сообщено фабричному комитету. Собраніе рабочих Злоказовской фабрики осудило поведеніе рабочих, и они были отправлены на фронт».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

УБІЙЦЫ

1. Ночь ужаса.

Мы не будем воспроизводить подробно, по данным слѣдствія, позорнаго зрѣлища бойни беззащитных людей, которую устроили екатеринбургскіе фанатики в ночь с 16 на 17 іюля в подвалѣ дома Ипатьева. Эту кошмарную потаенную расправу с царской семьей и с близкими ей людьми могли совершить лишь тѣ, кто в момент своего дѣйствія потеряли человѣческій облик. Безобразная обстановка, в которой совершен был «революціонный» акт, не дает возможности даже поставить вопрос: «оправдает ли исторія такое убійство?»... Такой вопрос впослѣдствіи поставил себѣ небезызвѣстный Бесѣдовскій, слушая в Варшавѣ пьяную исповѣдь полпреда Войкова о его участіи в екатеринбургском «историческом актѣ». Уже тогда Бесѣдовскій, состоявшій еще в рядах отвѣтственных большевицких дѣятелей, не мог, по его словам, отрѣшиться от тягостнаго впечатлѣнія подавленности, которую навѣял на него разсказ убійцы, ибо ничего героическаго не было в «работѣ мясников».

Скрупулезная слѣдовательская работа обрисовала в деталях почти исчерпывающе кровавыя сцены в ипатьевском подвалѣ и послѣдующее сожженіе останков разстрѣленных в старых рудниковых шахтах урочища «Четырех братьев». Сенсаціонная тема вызвала за истекшіе годы многочисленные отклики всякаго рода прямых и косвенных свидѣтелей екатеринбургской драмы: то были преимущественно фантастическія измышленія — разбираться в них большого историческаго смысла нѣт. К категоріи таких свѣдѣній надлежит отнести сообщеніе знаменитаго в своем родѣ іеромонаха Илліодора, напечатанное первоначально в одном из американских журналов и обошедшее эмигрантскую печать. Правдоподобія, которое усмотрѣли в нем (в частности «Послѣдн. Новости» Милюкова) там нѣт — начиная от того момента, как Илліодор, случайно оказавшійся в «Святую пятницу» 18 г. проѣздом из Владивостока в Екатеринбургѣ, посѣтил 3 мая по приглашенію «краснаго коменданта» Войкова жильцов дома Ипатьева. «Комендантом» Ипатьевскаго дома Войков никогда не был. Совершенно невѣроятно, чтобы дневник Царя не отмѣтил столь необычайнаго визита со стороны — необычайнаго не только в единообразном обиходѣ екатеринбургскаго «тюремнаго режима», но и единствен-

наго за все время сибирскаго пребыванія; визит Илліодора должен был произвести тѣм большее впечатлѣніе, что бывшій герой царицынской эпопеи будто бы напомнил Ал. Фед. страшное пророчество мѣстной юродивой и ясновидящей Марфы о гибели всей царской семьи*). Войков, не открывая полностью своих карт перед Илліодором и таинственно заявляя, что Романовы, которых хотят похитить, отсюда живыми не выйдут, желал, чтобы Илліодор засвидѣтельствовал, что он видѣл в заключеніи подлиннаго Царя и тѣм пресѣк в будущем возможность самозванства**). Илліодор далѣе разсказывал со слов Гусевой, как Войков осуществил свой план — Гусева всѣ детали знала от своего любовника красноармейца «Анатолія», принимавшаго якобы непосредственное участіе в убійствѣ. Указаніе на роль Войкова могло бы имѣть нѣкоторое значеніе (офиціальное слѣдствіе не выяснило, кто персонально был вторым членом «слѣдственной комиссіи», присутствовавшим в домѣ Ипатьева в ночь на 17 іюля), если бы «воспоминанія» Илліодора не появились через нѣсколько лѣт послѣ того, как Бесѣдовским было опубликовано разсказанное ему самим Войковым ночью, под новый 25-ый год, послѣ танцевальнаго вечера сотрудников совѣтскаго посольства в Варшавѣ.

Как не отнестись к этому разсказу человѣка, сидѣвшаго с «красными воспаленными глазами», с «мутным взглядом» в обстановкѣ быстро опустошаемой «батареи коньяковых, ликерных бутылок», все же это единственный разсказ, который мы имѣем, со стороны непосредственнаго и отвѣтственнаго участника екатеринбургских событій. Разсказывая все «строго конфиденціально» (по постановленію политбюро была взята «формальная подписка», молчать о происшедшем), Войков в руках держал «кольцо с рубином, переливающимся цвѣтом крови» — он его взял в Екатеринбургѣ в Ипатьевском домѣ послѣ разстрѣла царскаго семейства.

Оставим пока в сторонѣ то, что Войков говорил о роли, сыгранной центральной властью в рѣшеніи судьбы царской семьи — может быть, это самое важное, но как раз здѣсь возникают и наибольшія сомнѣнія. Первоначально воспроизведем ту часть повѣствованія, гдѣ изображается отвратительная сцена в ночь на 17 іюля, о которой было «прямо стыдно разсказывать, как все это происходило». При разработкѣ вопроса о «проведеніи разстрѣла» в екатеринбургском комитетѣ партіи Бѣлобородов предложил «слѣдующій план»: «инсценировать похищеніе и увоз семьи, кромѣ царя, и увезенных тайно разстрѣлять в лѣсу, близ Екатеринбурга.

---

*) В 1910 г. А. Ф. спеціально поѣхала в Царицын, чтобы узнать от Марфы свое будущее. Когда юродивая оказалась в присутствіи Царицы, она развернула восемь кукол, завернутых в газетѣ. С силой бросив их на пол, закричала: «Это — вы, это — вы! всѣ вы». Затѣм из чайника облила куклы красной жидкостью... и подожгла их спичкой. Когда всѣ куклы вспыхнули, она воскликнула: «Вот ваше будущее! Всѣ вы сгорите! Я вижу кровь... Много крови!..» Так повѣствует бывшій инок Ил. Труфанов.

**) С Илліодором Войкова свела также знаменитая Хіонія Гусева — та самая, которая, наканунѣ великой войны 14 г. в іюнѣ, «пырнула» ножом «старца» Григорія.

Бывшаго Царя разстрѣлять публично, прочитав приговор с мотивировкой разстрѣла. Однако, Голощеков возражал против этого проекта, считая, что инсценировку будет очень трудно скрыть. Он предложил разстрѣлять всю семью за городом, в лѣсу, побросав трупы в одну из шахт, объявив о разстрѣлѣ Царя и о том, что «семья переведена в другое, болѣе надежное мѣсто». Тут Войков начал мнѣ разсказывать подробно ход преній в областном комитетѣ партіи по этому вопросу. Он лично выступал против обоих проектов, предлагая вывести царское семейство до ближайшей полноводной рѣки и, разстрѣляв, потопить в рѣкѣ, привязав гири к тѣлам. Он считал, что его проект был самым «чистым»: разстѣл на берегу рѣки с прочтеніем приговора и затѣм «погребеніе тѣл с погруженіем в воду». Войков считал, что такой способ «погребенія» явился бы вполнѣ нормальным и не дискредитирующим проведенное в жизнь революціонное мѣропріятіе. В результатѣ преній областной комитет принял постановленіе о разстрѣлѣ царской семьи в домѣ Ипатьева и о послѣдующем уничтоженіи трупов. В этом постановленіи указывалось также, что состоявшіе при царской семьѣ доктор, повар, лакей, горничная и мальчик-поваренок «обрекли себя к смерти и подлежат разстрѣлу вмѣстѣ с семьей».

Выполненіе постановленія поручалось Юровскому, коменданту Ипатьевскаго дома. При выполненіи должен был присутствовать в качествѣ делегата областного комитета Войков. Ему же, как естественнику и химику, поручалось разработать план полнаго уничтоженія трупов. Войкову поручили также прочитать царскому семейству постановленіе о разстрѣлѣ, с мотивировкой, состоящей из нѣсколькихъ строк, и он, дѣйствительно, разучивал это постановленіе наизусть, чтобы прочитать его возможно болѣе торжественно, считая, что тѣм самым он войдет в исторію, как одно из главных дѣйствующих лиц этой трагедіи. Юровскій, однако, желавшій также «войти в исторію», предупредил Войкова и, сказав нѣсколько слов, начал стрѣлять. Из-за этого Войков его смертельно возненавидѣл и отзывался о нем всегда, как о «скотинѣ, мясникѣ, идіотѣ» и т. п. Вопрос о том, каким оружіем дѣйствовать при разстрѣлѣ, также подвергся тщательному обсужденію. Рѣшили разстрѣливать из револьверов, так как ружейные залпы были бы далеко слышны и привлекли бы вниманіе жителей Екатеринбурга. Для разстрѣла Войков приготовил свой маузер, колибра 7.65. Разсказывая об этом, он вынул из кармана и показал мнѣ этот маузер. Такой же маузер был, по его словам, и у Юровскаго. Перейдя к описанію самой обстановки, Войков утверждал, что Юровскій так хотѣл поскорѣе закончить убійство, что очень торопился и из-за этого превратил «торжественный историческій акт» в работу мясников. Тут же Войков добавил, что рѣшеніе пощадить мальчика-поваренка было принято Юровским по иниціативѣ Войкова и с большой неохотой. Юровскому, при его жестокости, было жалко разставаться с одній из жертв.

В ночь под 17-ое іюля Войков явился в дом Ипатьева в 2 часа ночи вмѣстѣ с предсѣдателем Чрезвычайной комиссіи Екатерин-

бурга. Юровскій доложил им, что царская семья и всѣ остальные уже разбужены и приглашены сойти вниз в полуподвальную комнату, откуда должна произойти их дальнѣйшая отправка. Им объявлено, что в Екатеринбургѣ тревожное настроеніе, с часа на час ожидается нападеніе на ипатьевскій дом и что поэтому необходимо для безопасности сойти в полуподвальную комнату. Царское семейство сошло вниз в 2 час. 45 мин. (Войков смотрѣл на свои часы). Юровскій, Войков, предсѣдатель Екатеринбургской чеки и латыши из чеки расположились у дверей... Члены царской семьи имѣли спокойный вид. Они, видимо, уже привыкли к подобнаго рода ночным тревогам и частым перемѣщеніям. Часть из них сидѣла на стульях, подложив под сидѣнія подушки, часть же стояла. Бывшій Царь подошел нѣсколько вперед по направленію к Юровскому, котораго он считал начальником всѣх собравшихся, и, обращаясь к нему, спокойно сказал: «Вот мы и собрались, теперь что же будем дѣлать?» В этот момент Войков сдѣлал шаг вперед и хотѣл прочитать постановленіе Уральскаго областного совѣта, но Юровскій предупредил его. Он подошел совсѣм близко к Царю и сказал: «Николай Александрович, по постановленію Уральскаго областного комитета вы будете разстрѣлены с вашей семьей». Эта фраза явилась настолько неожиданной для Царя, что он совершенно машинально сказалѣ «Что?» и, хлопнув каблуком, повернулся в сторону семьи, протянув к ним руки. В эту минуту Юровскій выстрѣлил в него почти в упор нѣсколько раз, и он сразу же упал. Почти одновременно начали стрѣлять всѣ остальные, и разстрѣливаемые падали один за другим, за исключеніем горничной и дочерей царя. Дочери продолжали стоять, наполняя комнату ужасными воплями предсмертнаго отчаянія, при чем пули отскакивали от них. Юровскій, Войков и часть латышей подбѣжали к ним поближе и стали разстрѣливать в упор, в голову. Как оказалось впослѣдствіи, пули отскакивали от дочерей бывшаго Царя по той причинѣ, что в лифчиках у них были зашиты брильянты, не пропускавшіе пуль. Когда все стихло, Юровскій, Войков и двое латышей осматривали разстрѣленных, выпустив в нѣкоторых из них еще нѣсколько пуль или протыкая штыками двух принесенных из комендантской комнаты винтовок. Войков разсказал мнѣ, что это была ужасная картина. Трупы лежали на полу в кошмарных позах с обезображенными от ужаса и крови лицами. Юровскій этим, однако, не смущался. Может быть, вслѣдствіе своей фельдшерской спеціальности и привычки к крови, он хладнокровно осматривал трупы и снимал с них всѣ драгоцѣнности. Войков также начал снимать кольца с пальцев, но, когда он притронулся к одной из царских дочерей, повернув ее на спину, кров хлынула у нее изо рта и послышался при этом какой то странный звук. На Войкова это произвело такое впечатлѣніе, что он отошел совершенно в сторону.

Через короткое время послѣ убійства трупы убитых стали выносить через двор к грузовому автомобилю, стоявшему у подъѣзда. Сложив трупы в автомобиль, их повезли за город на заранѣе при-

готовленное мѣсто у одной из шахт. Юровскій ѣхал с автомобилем. Войков же остался в городѣ, так как он должен был приготовить все необходимое для уничтоженія трупов. Для этой работы были выдѣлены 15 отвѣтственных работников Екатеринбургской и Верхне-Исетской партійных организацій. Они были снабжены новыми остроконечными топорами, такими, какими пользуются в мясных лавках для разрубанія туш. Помимо того Войков приготовил сѣрную кислоту и бензин. Уничтоженіе трупов началось на слѣдующій же день и велось Юровским под руководством Войкова и наблюденіем Голощекина и Бѣлобородова, нѣсколько раз пріѣзжавших из Екатеринбурга в лѣс. Самая тяжелая работа состояла в разрубаніи трупов. Войков вспомнил эту картину с невольной дрожью. Он говорил, что когда эта работа была закончена, возлѣ шахт лежала громадная кровавая масса человѣческих обрубков, рук, ног, туловищ и голов. Эту кровавую массу поливали бензином и сѣрной кислотой и тут же жгли двое суток подряд. Взятых запасов бензина и сѣрной кислоты не хватило. Пришлось нѣсколько раз подвозить из Екатеринбурга новые запасы и сидѣть все время в атмосферѣ горѣлаго человѣческаго мяса, в дыму, пахнувшем кровью...

Это была ужасная картина, закончил Войков. Мы всѣ, участники сожженія трупов, были прямо-таки подавлены этим кошмаром. Даже Юровскій и тот под конец не вытерпѣл и сказал, что еще таких нѣсколько дней, и он сошел бы с ума*). Под конец мы стали торопиться. Сгребя в кучу все, что осталось от сожженных остатков разстрѣленных, бросили в шахту нѣсколько ручных гранат, чтобы пробить в ней никогда не тающій лед и побросали в образовавшееся отверстіе кучу обожженных костей. Затѣм мы снова бросили с десяток ручных гранат, чтобы разбросать эти кости основательнѣе, а наверху на площадкѣ возлѣ шахты мы перекопали землю и забросали ее листьями и мхом, чтобы скрыть слѣды костра...»

Бесѣдовскій «сидѣл подавленный разсказом Войкова». Таково было его непосредственное впечатлѣніе. Но и теперь через много лѣт с чувством только моральнаго ужаса перелистываешь страницы зафиксированной в воспоминаніях Бесѣдовскаго ночной бесѣды в Варшавском полпредствѣ, которая воспроизведена им, очевидно, не без вліянія уже опубликованнаго текста дознанія слѣдователя Соколова.

Мы повторяем описаніе, как единственный разсказ непосредственнаго убійцы, хотя и дошедшій до нас через вторыя руки**).

*) Повидимому, Юровскій и закончил свои дни в домѣ для сумасшедших.

**) В 50-м году в нью-іоркском «Нов. Рус. Сл.» появились три статьи Л. Юрковскаго под заголовком: «Конец истребителя династіи». В них воспроизводился разсказ самого Бѣлобородова о том, как он «закончил дореволюціонный період русской исторіи». Свою страшную повѣсть Бѣлобородов, находившійся уже в опалѣ, изложил в 27 году в интимной довольно случайной бесѣдѣ у себя на дачѣ в д. Барвиха под Москвой. Его собесѣдни-

Умом понять не всегда возможно дѣйствія екатеринбургскихъ палачей. Почему, обсуждая разные проекты сокрытія слѣдовъ убійствъ, они остановились на сложныхъ манипуляціяхъ въ заброшенныхъ шахтахъ «Ганиной ямы» въ урочищѣ «Четырехъ братьевъ»? Не могли же организаторы убійства въ дѣйствительности думать, что такимъ путемъ они добьются того, что міръ никогда не узнаетъ, что они сдѣлали съ царской семьей? — такъ будто бы болтал еще въ Екатеринбургѣ въ совѣтскомъ дамскомъ обществѣ будущій посолъ въ Варшавѣ. Еще меньше логики въ версіи, что они полагали избѣжать появленія самозванцевъ, ибо таинственная обстановка вокругъ урочища «Четырехъ братьевъ» должна была лишь создать атмосферу легендъ и мифовъ. «Рѣшенія уничтожить трупы были приняты въ связи съ ожидаемой сдачей Екатеринбурга, чтобы не дать въ руки контръ-революціонеровъ возможности съ «мощами» бывшаго Царя играть на темнотѣ и невѣжествѣ народныхъ массъ» — пишетъ совѣтскій историкъ «послѣднихъ дней Романовыхъ». И это натянутое объясненіе «предусмотрительности» екатеринбургскихъ политиковъ явно не придумано. Можетъ быть, главный стимулъ, толкавшій на тѣ или иныя рѣшенія, лежалъ въ плоскости грубаго инстинкта — безотчетнаго страха находившихся въ состояніи психоза людей, въ подсознаніи ощущавшихъ, что творятъ они злое дѣло. Это была обыкновенная и всегда довольно элементарная психологія преступниковъ. «Цареубійство для какой бы то ни было цѣли всегда народу кажется преступленіемъ» — сказалъ декабристъ Рылѣевъ, одинъ изъ тираноборцевъ начала прошлаго столѣтія и основоположникъ вѣковой борьбы за политическую свободу въ Россіи. Если русская дѣйствительность и въ особенности дѣйствительность революціоннаго угара могла, допустимъ, примирить народное сознаніе съ «цареубійствомъ» при соблюденіи «традиціонно-историческаго церемоніала» внѣшней формы судебной Немезиды, то омерзительная сцена, разыгравшаяся въ подвалѣ «дома особаго назначенія», гибель дѣтей и тѣхъ, кто вмѣстѣ съ вѣнценосцемъ сами «обрекли себя на смерть», не могла найти себѣ никакого моральнаго оправданія. Такой «народный судъ» былъ чуждъ подлинной народной психологіи. Это неизбѣжно чувствовали екатеринбургскіе палачи, отсюда ихъ инстинктивныя стремленія безсмысленно «скрыть слѣды». Совершенный ими «народный судъ», ихъ «предусмотрительность» на время достигли своей цѣли; «находились даже фантазеры, которые пытались внушить населенію, что семью Романовыхъ вмѣстѣ съ Николаемъ изъ Екатеринбурга вывезли» (Быковъ). В самой столицѣ Урала трагедія, происшедшая въ особнякѣ на углу Вознесенскаго пр., «почти въ центрѣ города», въ первые острые дни прошла незамѣтно: шумъ автомобиля заглушал

камы были два московскихъ правозаступника — Юрковскій и Успенскій (сынъ писателя). Какъ и Войковъ, Бѣлобородовъ былъ въ состояніи значительнаго «опьяненія». Нѣсколько словъ объ этой бесѣдѣ мы скажемъ ниже. Отмѣтимъ пока только то, что Бѣлобородовъ утверждалъ, что онъ-де не принималъ непосредственнаго участія въ разстрѣлѣ и только «лично провѣрилъ исполненіе» и присутствовалъ «при сжиганіи тѣлъ на шахтѣ»: кровавая расправа была произведена Юровскимъ и пятью «отобранными имъ дружинниками».

стрѣльбу в подвалѣ, а стража «еще два дня спустя аккуратно выходила на смѣну на наружные посты». А потом началось поспѣшное бѣгство из оставляемаго Екатеринбурга: 25-го он был взят чехословаками и русскими «бѣлогвардейцами».

Урал сдѣлался «могилой» не только царской семьи и погибших вмѣстѣ с ней в ночь на 17 іюля «приближенных»: Боткина, Демидовой, Труппа и Харитонова. Погибли, за исключеніем Чемодурова, всѣ тѣ, кто были вывезены Яковлевым из Тобольска (Нагорный, Сѣднев, Долгорукій) и всѣ тѣ, кто при переѣздѣ остальных членов семьи в Екатеринбург были не допущены в «дом особаго назначенія» и попали в тюрьму (Татищев, Гендрикова, Шнейдер) — одному Волкову случайно удалось бѣжать на самом мѣстѣ из под разстрѣла (22 августа в Перми).

За страшной ночью на 17 іюля послѣдовало почти столь же гадкое и безобразное в ночь 18-го в Алапаевскѣ, куда переселены были на жительство в. кн. Елиз. Фед. с двумя сестрами московской Марфо-Маріинской Общины, в. кн. Сергѣй Мих., сыновья в. кн. Кон. Конст. — Игорь, Іоанн и Константин, кн. В. Палѣй и их служители. Они помѣщались на краю города в зданіи «Напольной школы» под охраной караула из 6 красноармейцев и пользовались относительной свободой, работали в огородѣ, могли гулять в прилегающем полѣ и ходить в церковь. 21 іюня жизнь заключенных рѣзко измѣнилась: удалены были всѣ служащіе за исключеніем «сестры» Яковлевой при Елиз. Фед. и слуги Серг. Мих.— Ремезы, конфисковано имущество и установлен «тюремный режим». Впрочем, этот «тюремный режим» под наблюденіем алапаевскаго исполкома не был слишком строг и не помѣшал Серг. Мих. увѣдомить брата Николая в Вологдѣ о своем арестѣ иносказательной телеграммой: «Салуэ м. Копре э ле Пер Лустре», что означало, что всѣ они посажены в тюрьму и что письма подвергаются перлюстраціи... Одновременно Серг. Мих. принес жалобу в областной совѣт, и из Екатеринбурга пришел отвѣт за подписью Бѣлобородова, что «заключеніе является предупредительной мѣрой против побѣга в виду исчезновенія Михаила в Перми».

17 іюля в школу прибыл чекист Старцев с группой «большевиков», смѣнил красноармейсскую стражу и заявил, что всѣ арестованные будут ночью переведены в Верхне-Спилченскій завод. Ночью был инсценирован побѣг заключенных. Около зданія школы послышались взрывы гранат и ружейные выстрѣлы. Были потревогѣ вызваны из казарм красноармейцы, разсыпаны цѣпью около школы, но оказалось, что «бѣлогвардейцы увезли на аэропланѣ» заключенных. Рано утром алапаевскій исполком телеграфировал в Екатеринбург, что «банды неизвѣстных людей напали на школу. Князьям и прислугѣ удалось бѣжать в неизвѣстном направленіи. Когда прибыл отряд красноармейцев, банды бѣжали по направленію к лѣсу. Задержать не удалось. Розыск продол-

жается». Аналогичная телеграмма была послана Бѣлобородовым в Москву и Петербург и напечатана в пермских «Извѣстіях»*).

Свидѣтели впослѣдствіи разсказали, что через нѣсколько дней в городѣ стали говорить, что комиссары обманывают народ, сочинив басни о похищеніи князей, а что на самом дѣлѣ князья ими убиты. Характерно, что в офиціальной телеграммѣ о похищеніи Елиз. Фед. не было сказано. Народная молва цѣликом подтвердилась: тѣла всѣх заключенных в «Напольной школѣ» были обнаружены в глубинѣ одной из старых шахт мѣстнаго рудника. По медицинско-полицейскому осмотру трупов было установлено, что увезенные были «звѣрски» убиты, так как за исключеніем Серг. Михайл., на тѣлѣ котораго были обнаружены огнестрѣльныя пораненія, всѣ остальные были брошены в шахту живыми — затѣм шахта была взорвана гранатами.

Кто совершил это преступленіе? Слѣдствіе отвѣтило: екатеринбургскія и алапаевскія убійства — «продукт одной воли, одних лиц». Соколов цитирует показаніе арестованнаго чекиста Старцева, заявившаго, что алапаевскія убійства произошли «по приказанію Екатеринбурга», и что для руководства ими оттуда пріѣзжал спеціально Сафаров, член Уральскаго областного совѣта и редактор «Уральскаго Рабочаго».

Ген. Дитерихс ссылается лишь на соотвѣтствующую телеграмму (но не приводит ее) из Екатеринбурга за подписью Сафарова, которую получил предсѣдатель алапаевскаго исполкома,— телеграмма эта будто бы гласила: «Ликвидируйте, согласно выработанному плану. Подробности нарочным»**). Возможно, однако, что алапаевская драма не связана непосредственно с драмой екатеринбургской или связана лишь косвенно — территоріей, временем и только отчасти лицами. И у Соколова, и у Дитерихса приведен один важный документ, разобрать который в деталях нам еще предстоит. Он был оставлен среди других бѣжавшими «в паникѣ» из Екатеринбурга большевицкими властями. Это подлинник телеграфной ленты переговоров 20 іюля предсѣдателя ВЦИКА с неуказанным в лентѣ лицом Екатеринбурга. По мнѣнію Соколова это был Голощеков, по мнѣнію Дитерихса — Бѣлобородов. В концѣ концов послѣднее не важно — оба были связаны с центром и занимали отвѣтственные посты. Но Соколов отбросил начало телеграфной ленты, имѣвшее непосредственное отношеніе к событіям в Алпаевскѣ. Бесѣда Москвы и Екатеринбурга начинается с запроса Свердлова: «Прежде всего сообщи, работа Алапаевска дѣло рук «Комисл» или нѣт?» Отвѣт: «Сейчас об этом ничего не извѣстно. Производится разслѣдованіе». Свердлов: «Необходимо

*) Телеграмма отмѣчает жертвы с обѣих сторон. Слѣдствіе установило, что мнимый «бандит», труп котораго был найден у школы послѣ увоза заключенных, оказался мѣстным крестьянином, задержанным за нѣсколько дней перед тѣм алапаевской чекой.

**) В указанной выше бесѣдѣ Бѣлобородова дается опредѣленное, но мало правдоподобное, указаніе: «в ту же ночь в Алапаевск был сейчас послан отряд отборных красноармейцев во главѣ с Войковым» (?).

немедленно запросить Мотовилиху и Пермь. Примите мѣры скорѣйшему оповѣщенію нас». Этот разговор как будто бы не позволяет связать непосредственными узами событія в Екатеринбургѣ с алапаевским происшествіем. Загадка лежит в особой дѣятельности «Комисл» — партійной слѣдственной комиссіи, засѣдавшей в Перми и состоявшей из лѣвых элементов коммунистической партіи. К ней должен был быть близок Сафаров. Участник этой пермской комиссіи за мѣсяц перед тѣм в ночь с 12-го по 13 іюня устроил тайное похищеніе в. кн. Михаила — как прообраз того, что совершилось 18 іюля в Алапаевскѣ. По этому адресу и направляет вниманіе своего собесѣдника Свердлов, знавшій, очевидно, подлинную подоплеку пермскаго «побѣга».

Обратимся и мы к событію, происшедшему в Перми и так тѣсно связанному с екатеринбургской и алапаевской драмами.

2. Пермское злодѣяніе».

Пермскаго дѣла сибирское слѣдствіе коснулось лишь слегка. На основаніи разсказа камердинера Императрицы Волкова, оказавшагося в заключеніи в Перми в одной тюрьмѣ с камердинером в. кн. Михаила Челышевым*), Соколов возстановил болѣе или менѣе картину увоза ночью на 13 іюня из «Королевских Номеров» великаго князя и секретаря его Джонсона и организаціи за ними фиктивной «погони». По данным разслѣдованія Соколова, в. кн. Михаил и Джонсон увезены были «пермскими чекистами» на сосѣдній с Пермью Мотовилихинскій завод, гдѣ и были убиты (тѣла их были «там же, видимо, сожжены»). Послѣ этого был распространен слух, что великій князь увезен «монархистами». В «Пермских Извѣстіях» напечатано было объявленіе: «В ночь на 31 мая организованная банда бѣлогвардейцев с поддѣльными мандатами явилась в гостиницу, гдѣ содержался Михаил Романов и его секретарь Джонсон, и похитила их оттуда, увезя в неизвѣстном направленіи. Посланная в ту же ночь погоня не достигла никаких результатов. Поиски продолжаются».

«Пермское злодѣяніе» подробно разсказано Ганом (Гутманом) на основаніи официальных документов и показаній свидѣтелей-очевидцев, опрошенных в разное время военными властями, прокуратурой и лично автором («Возрожденіе», январь 32 г.). «Всѣ свидѣтельства — говорит автор — мной тщательно провѣрены». К сожалѣнію однако, работа Гана не стоит по своим изслѣдовательским методам на должной высотѣ; весьма не отчетливое использованіе документов, сливающее личное толкованіе с самим текстом документа, совершенно обезцѣнивает анализ, который дѣлает автор, а главное, за документальныя данныя подчас выдаются свидѣтельскія предположенія, распространенные слухи и собственныя догадки.

*) Он был разстрѣлен Ч. К. в сентябрѣ, как и шофер вел. князя — Борзков.

На основаніи свидѣтельских показаній можно, пожалуй, установить с очевидностью, что в. кн. Михаил Александрович и Джонсон были убиты во время обстрѣла со стороны «погони» тѣми людьми, которые их увезли, и что тѣло Джонсона тут же в лѣсу было закопано, а труп Михаила Александровича отвезен на Мотовилихинскій завод и сожжен в плавильной печи. С несомнѣнностью явствует и то, что всѣм предпріятіем руководил предсѣдатель мѣстнаго областного комитета, «лѣвый» коммунист Мясников, будущій возглавитель так называемой «рабочей оппозиціи». Он сам в этом признается в своей оппозиціонной брошюрѣ (21 г.): «если я хожу на волѣ, то потому, что я коммунист пятнадцать лѣт... и ко всему тому меня знает рабочая масса, а если бы этого не было... гдѣ был бы? В Чекѣ или больше того: меня бы «бѣжали», как нѣкогда я «бѣжал» Михаила Романова, как «бѣжали» Розу Люксенбург и Либкнехта».

Ган категорически утверждает, что «с первых чисел мая (ст. ст.) Мясников находился в усиленной перепискѣ с Москвой по поводу судьбы в. кн. Михаила Александровича. Писал Свердлов. На нѣкоторых письмах Свердлова были помѣтки и поправки Ленина. Московскія инструкціи давали Мясникову полную свободу дѣйствія в выборѣ времени и формы уничтоженія великаго князя, но ставили единственное требованіе: убійство должно было быть совершено в полной тайнѣ, а главное — оставить в населеніи впечатлѣніе, что великій князь бѣжал»... Источники, откуда заимствовал автор свои свѣдѣнія (столь точныя, что он знал даже о «помѣтках» и «поправках» Ленина в интимных письмах Свердлова Мясникову) не указаны. Вѣроятно, из допросов мѣстных большевиков, причастных к Ч. К. Так приходится предположить на основаніи указаній, взятых из показаній, неопредѣленных по мѣсту и времени, нѣкоего Сыромятникова: «Нам было извѣстно, что центр стоит за ликвидацію Романова не в офиціальном порядкѣ и за уничтоженіе трупов царских особ». О том, что Мясников «непосредственно сносился с Москвой» — заявляет и другой чекист Бородулин.

Должно отмѣтить, что в изложеніи Гана до чрезвычайности сгущены краски в описаніи той политической обстановки, которая наблюдалась в Перми в маѣ. Иногда здѣсь попадаются ссылки на свидѣтельскія показанія, хронологически явно ошибочныя для того времени: «загородная роща завалена трупами разстрѣленных» — говорил владѣлец магазина на Сибирской улицѣ Назовскій, убѣждавшій вел. кн. Михаила бѣжать из Перми; другой владѣлец ювелирнаго магазина Курумков в показаніях, данных в Перми в 22 году, тоже подтверждал, что «в началѣ мая свирѣпствовала Чека». Хотя пароль — «Да здравствует красный террор» был дан Ц. К. партіи большевиков еще послѣ перваго покушенія на Ленина 10 января, массовых расправ в этом смыслѣ до сентября не было, и никаких «сотен людей» в Перми тогда еще «ежедневно» не гибло в застѣнках Ч. К.. Может быть, фактическій «начальник пермскаго края» Мясников и был неофиціальным гла-

вой мѣстной Ч. К.; может быть, он дѣйствительно по цѣлым ночам просиживал в Ч. К. и сам производил допросы, желая уничтожить «весь буржуазный класс» и показать другим, как дѣлается революція! По утвержденію Бородулина, ни один смертный приговор не был выполнен без санкціи Мясникова, он самолично разстрѣливал людей, за которыми сам же приходил ночью в тюрьму и которых вызывал по списку. Если все это было, то это было уже в дни «краснаго террора», послѣдовавшаго в сентябрѣ послѣ покушенія на Ленина. За Михаилом Александровичем по предписанію Ленина и Свердлова — разсказывает Ган — был установлен бдительный надзор из надежных людей «под личной отвѣтственностью предсѣдателя совдепа». По словам совѣтскаго изслѣдователя Быкова, мѣстный исполком снял с себя перед центром отвѣтственность за «цѣлость Романова», находившагося под гласным надзором милиціи, и по предложенію Петрограда, т. е. Урицкаго, надзор был спеціально поручен Губерн. Чр. Комиссіи, «куда Михаил и ходил для отмѣтки в установленные дни». Мясников мог имѣть «верховный надзор» за выполненіем этой инструкціи. Однако несмотря на постоянное дежурство в домѣ*) и около дома «трех чекистов», великій князь в маѣ свободно гулял по городу, появлялся на сѣнном базарѣ, «обходил лавки и мужицкія подводы», бесѣдовал со встрѣчными. В маѣ пріѣзжала в Пермь жена Михаила Александровича гр. Брасова. Доступ к нему фактически не был затруднен, как засвидѣтельствовал Яблоновскій (Потресов), посѣтившій Пермь за двѣ недѣли до «похищенія». Одним словом, несмотря на самый бдительный надзор, Михаил Александрович почти наканунѣ своей гибели легко мог скрыться из Перми, если бы того пожелал.

Итак Мясникову была предоставлена будто бы «полная свобода дѣйствія». Оставалось найти какой нибудь предлог для выполненія плана. Этот предлог был дан выступленіем в двадцатых числах мая чехословаков на ст. Пенза и одновременно в Челябинскѣ... Хотя до Перми было еще далеко, но Мясникову этого факта было достаточно, чтобы «начать дѣйствовать». «И он очень торопил Москву»... «Между 24 и 27 мая предсѣдатель пермскаго совѣта получил приказ, подписанный Лениным и Свердловым, ликвидировать вел. кн. Михаила Александровича и его секретаря Джонсона». Осуществленіе приказа возлагалось на Мясникова. Столь опредѣленное утвержденіе вызывает большія сомнѣнія. С. начала мая ведется «секретная» переписка с Мясниковым по партійной линіи, и вдруг, офиціальный приказ по совѣтской уже линіи на имя «предсѣдателя совдепа» за столь отвѣтственными подпи-

*) Служащій «Королевских Номеров» Кобелев показывал, что за великим князем предписывалось слѣдить «старым служащим» в номерах, о чем с них взяли подписку за два дня до пріѣзда Михаила Александровича. Кобелев обязан был каждый день записывать на листкѣ бумаги все, что он замѣчал, и передавать коменданту. Вся гостиница была полна сыщиков из Ч. К., ни шагу Михаил Александрович не мог сдѣлать, чтобы его кти-либо издали не сопровождал.

сями, как предсѣдатель Совнаркома и ВЦИК! Напрасно, однако, думать, что Ленин и Свердлов, дѣйствительно, оставили для исторіи столь убійственный для них документ — его, конечно, нѣт в текстѣ Гана. Но зато легко установить, каким путем разслѣдовавшій «пермское злодѣяніе» пришел к такому выводу. В Омскѣ 12 февраля 19 г. был допрошен телеграфный чиновник пермской почтово-телеграфной конторы Бѣлкин, который показал (беру текст, как он воспроизведен у Гана): «Я в этот день (27 мая) дежурил на прямом проводѣ. Часов в шесть пришел в контору Мясников и сказал, что ожидает телеграмму из Москвы. В этот момент началась передача депеши. Подробностей не помню, но рѣчь шла об утвержденіи плана и полномочій Мясникова. Подписали депешу Свердлов и Горбунов. Мясников приказал мнѣ отдать ему телеграфную ленту, что я и исполнил».

По свидѣтельству Бѣлкина, телеграмма была за подписью двух официальных лиц — предсѣдателя ВЦИК и секретаря Совнаркома, т. е. секрет еще больше расширялся и становился официальным правительственным актом. Невольно приходится заподозрить, что «план» не мог касаться убійства вел. кн. Михаила, которое заранѣе намѣревались скрыть. По «плану», разработанному Мясниковым, предполагалось, что «в Пермь будет послана тройка вѣрных людей, которых там никто не знает. Они явятся к вел. князю в качествѣ мнимых посланцев от монархистов-заговорщиков, яко бы для того, чтобы спасти его и вывезти на лошадях через Сибирь в Японію. Как только бѣглецы выѣдут за город, начнется погоня, бѣглецы кинутся в лѣс, и там они будут пристрѣлены». Изслѣдователь должен был обладать матеріалом большой секретности для того, чтобы начертать такія подробности. Он знает даже, что Москва (куда план, очевидно, был предварительно сообщен) долго колебалась: убить ли Джонсона? Ленина пугала перспектива угроз Англіи. Предполагалось первоначально только ранить его при погонѣ и оставить у него впечатлѣніе неудавшагося побѣга, но потом мысль эта была оставлена. Рѣшили прикончить и его. Автор, как всегда, не вскрывает источников, откуда он мог извлечь детали секретных обсужденій. Можно найти намек. неопредѣленный и необъясненный — как будто бы в его распоряженіи был дневник самого Мясникова. Он говорит о какой то «исповѣди», сдѣланной Мясниковым «через нѣсколько дней послѣ убійства». Вот эта «маленькая страничка»: «День выдался удивительно теплый и солнечный, какіе бывают рѣдко на Камѣ в это время. День этот казался мнѣ буквально цѣлой вѣчностью. Ежеминутно я вынимал часы, меня сильно лихорадило, не помогла и водка. Моментами меня брали сомнѣнія: зачѣм нужна была вся эта церемонія с инсценировкой побѣга, почему надо дѣлать исключенія для Романова, затрачивать столько сил и труда, да еще рискуя провалиться, когда можно было провести это дѣло обычным путем через аппарат Чеки, поступить так, как мы поступали со всѣми буржуями. В пермской тюрьмѣ сидят нѣсколько сот офицеров, купцов и священников, которым не трудно пришить дѣло и заодно

и с ними покончить. Я роптал на Москву, все еще продолжающую непонятную мнѣ политику, которую я считал лишним сантиментализмом. Во время революціи надо рубить». Выходит так, что весь «план» разработан был не Мясниковым, а «Москвой». Трудно отрѣшиться от представленія, что все это домысл и что «исповѣдь» обычная фальсификація, порожденная богатым воображеніем изслѣдователя, сумѣвшаго из слухов и туманных намеков арестованных чекистов возсоздать историческій эпизод в формах уже фантастических.

Вернемся, однако, к прерванному изложенію изслѣдователя «пермскаго злодѣянія». На слѣдующій день послѣ полученія телеграммы из Москвы, окончательно санкціонировавшей предстоящую расправу с вел. кн. Михаилом, в Пермь прибыла командированная из Екатеринбурга тройка. Она была снабжена мандатом Бѣлобородова и Войкова. В мандатѣ рекомендовалось оказывать товарищам Корсуновскому, Лушкину и Парфенову содѣйствіе в возложенной на них «чрезвычайной миссіи». Перечисленныя лица были как раз тѣми людьми, которые, по изысканіям Гана, помогали Мясникову произвести «похищеніе» великаго князя Михаила*). Мы совершенно не можем быть увѣрены, что «мандат», подписанный Бѣлобородовым и Войковым, реально существовал, и что во всяком случаѣ его видѣли тѣ, кто производили изысканія. Вѣдь все-таки по меньшей мѣрѣ странно, что лица, которыя должны были из предосторожности скрытно явиться в Пермь и по предписанію из центра совершить потаенное убійство, снабжаются спеціальным «мандатом» почему то из Екатеринбурга, со своеобразным предписаніем или рекомендаціей оказывать «содѣйствіе возложенной на них чрезвычайной миссіи». Если допустить, что

---

*) Прап. Корсуновскій даже имѣл при себѣ «документ», составленный Мясниковым: «Комитет спасенія династіи Романовых и родины уполномачивает Корсуновскаго спасти вел. князя Михаила Александровича, по извѣстному ему плану. Комитет просит его высочество (вѣроятно в подлинном документѣ тѣх дней этот титул писался бы с большой буквы) слѣдовать всѣм указаніям Корсуновскаго». Письмо это было вручено вел. князю Корсуновским 24-го во время обычной прогулки М. Ал. на берегу Камы. Итак М. Ал. был предупрежден. Между тѣм свидѣтели, присутствовавшіе при увозѣ (старый номерной Кобелев и владѣлец магазина уральских камней Куруминов, жившій также в «Королевских номерах»), одинаково показывали, что Мих. Ал. сопротивлялся увозу и пытался говорить по телефону. Куруминов показывал: «31 мая между семью и девятью часами вечера мы играли в карты и вдруг услышали шум в коридорѣ. Мы всѣ выбѣжали и увидали слѣдующую картину: около великаго князя стояло нѣсколько вооруженных револьверами человѣк и шумно с ним объяснялись. Михаил Александрович отказывался за ними слѣдовать, требуя ордера совдепа. Тѣ ему отвѣчали, что никакого ордера не нужно — они сами-де начальство и грозили взять его силой. Один стоял у телефона с револьвером в руках... Вдруг один из пришедших вплотную подошел к великому князю и стал ему что-то шептать на ухо. Вел. князь удивленно на него посмотрѣл, с секунду поколебался, взглянул на Джонсона и пошел к себѣ в номер. Кобелев добавляет, что Михаил Александрович, взяв шляпу, вышел. Джонсон стоял в нерѣшительности. Видно было, что он в чем-то сомнѣвался. Наконец, всѣ тронулись и, усѣвшись в двух экипажах, выѣхали. В это время стало уже темнѣть...»

«мандат» дѣйствительно существовал, то отнюдь еще не будет доказано, что перечисленныя в нем лица и являлись помощниками Мясникова в убійствѣ. Ген. Дитерихс на основаніи слѣдственнаго матеріала, бывшаго в его распоряженіи, убійцами считал совсѣм других лиц, а именно членов «мотовилихинской слѣдственной комиссіи» — Плещева, Берескова и Жужковича. Если признать реальность «мандата», подписаннаго предсѣдателем екатеринбургскаго совѣта и его комиссаром продовольствія и снабженія, то при сопоставленіи с телеграммой из центра за подписью Свердлова и Горбунова об утвержденіи какого-то «плана», о чем говорил пермскій телеграфист, приходится еще в большей мѣрѣ укрѣпиться в представленіи, что в данном случаѣ дѣло шло совершенно об ином «планѣ», который вызвал нѣкоторое смущеніе и в сибирском слѣдствіи, именно у Дитерихса.

Припомним, что 4 іюля (н. ст.) Бѣлобородов увѣдомил через Свердлова Голощекина, находившагося в Москвѣ, о смѣнѣ комендатуры в домѣ Ипатьева. Соколов не привел тѣх слов, какими начиналась телеграмма, сдѣлав в книгѣ, изданной в 21 году, оговорку, что «первая часть текста телеграммы не имѣет значенія для дѣла». Дитерихс в своей работѣ, выпущенной в 22 году, это начало привел: «Сыромолотов как раз поѣхал для организаціи дѣла, согласно указаніям центра». Из этого Дитерихс дѣлал заключеніе, что центральной властью было дано в Екатеринбург «распоряженіе» подготовить все необходимое для вывоза куда-то царской семьи из этого города. Для организаціи дѣла, согласно указаніям центра, и был командирован областной комиссар финансов Сыромолотов; туда же была послана для охранной службы из Екатеринбурга «особо надежная» команда из состава «особаго отряда» Голощекина — в Перми формировался «особый поѣзд». Жильяр спѣшил сдѣлать заключеніе, что «в это время убійство царской семьи уже было рѣшено в Москвѣ». Соколов разобрал смысл обмѣнных телеграмм за это время между Москвой и Екатеринбургом и опредѣленно говорил, что рѣчь шла о «вывозѣ денег из Екатеринбурга в Пермь». Телеграмма из Екатеринбурга за подписью Бѣлобородова и телеграмма Горбунова из Москвы, оказавшіяся в руках слѣдствія, были помѣчены 26 іюня и 8 іюля н. ст., т. е. первая телеграмма, сохранившаяся и опубликованная, была послана через двѣ недѣли послѣ гибели Михаила Александровича. Но эта телеграмма, как видно из ея содержанія не была первой, а завершала собой предварительные переговоры: «Мы уже сообщали, что весь запас золота и платины вывезен отсюда. Два вагона стоят (на) колесах (в) Перми. Просим указать способ храненія на случай пораженія совѣтской власти. Мнѣніе облакома партіи и облсовѣта: (в) случаѣ неудачи весь груз похоронить, дабы не оставлять врагам». Какое распоряженіе было дано из Москвы, мы не знаем, но 7 іюля Бѣлобородов послал Сыромолотову такую телеграмму: «Если поѣзд Матвѣева еще не отправлен, то задержите; если отправлен, примите всѣ мѣры к тому, чтобы он был задержан в пути и ни в коем случаѣ не слѣдовал

(к) мѣсту, указанному нами. (В) случаѣ ненадежности новаго мѣста стоянки, поѣзд вернуть (в) Пермь». Телеграмма эта приведена у Дитерихса (у Соколова ея нѣт). Дитерихс ее толковал, как отмѣну первоначальнаго рѣшенія вывезти царскую семью из Екатеринбурга. Дитерихс приводит еще дополнительную телеграмму того же Сыромолотова 8 іюля: «если можно замѣнить безусловно надежными людьми командную охрану поѣзда, всѣх смѣнить, пошлите обратно Екатеринбург...» «Очевидно — комментирует Дитерихс — для новой идеи и эти особые люди понадобились Ис. Голощекину в Екатеринбургѣ — в період 17-19 іюля они несли охрану района Ганиной Ямы, гдѣ скрывались тѣла убитых членов Царской семьи». Почему, однако, для ненужнаго уже поѣзда «особаго назначенія» надо было екатеринбургскую стражу замѣнить «безусловно надежными людьми»! В телеграммѣ Бѣлобородова 8 іюля на имя Горбунова (она имѣется у Соколова) разъясняется дѣло: «Для немедленнаго отвѣта. Гусев (из) Петербурга сообщил, что (в) Ярославѣ возстаніе бѣлогвардейцев. Поѣзд наш возвращен обратно в Пермь. Как поступить далѣе обсудите (с) Голощекиным». Едва ли подлежит сомнѣнію, что телеграмма Свердлова и Горбунова в Пермь, данная в серединѣ мая (ст. ст.), касается того самаго дѣла, о котором телеграфировал Бѣлобородов, и что екатеринбургскіе люди, явившіеся с мандатом Бѣлобородова и Войкова, имѣли прикосновеніе именно к этому дѣлу: поэтому, вѣроятно, прибывшіе из Екатеринбурга остановились в Перми на поѣздных путях «около вокзала». ***Перипетіи о золотѣ и платинѣ и нашли в изложеніи Гана свой своеобразный отклик и сплелись с тайной убійства вел. князя Михаила.***

По завершеніи кроваваго акта Мясников шифрованной телеграммой увѣдомил Ленина и Свердлова о выполненіи «московской директивы» — сообщил и Бѣлобородову в Екатеринбург. Вновь это лишь догадка того, кто обслѣдовал «пермское злодѣяніе» — догадка, выданная им за факт как бы несомнѣнный. На дѣлѣ всѣ взаимоотношенія организаторов убійства с центром пока еще остаются по меньшей мѣрѣ тайной. Офиціальная совѣтская исторіографія (она представлена книгой Быкова) стоит на том, что разстрѣл «Михаила Романова» учинен тайной группой рабочих Мотовилихи под руководством Мясникова*), не связанной «ни с партійными, ни с совѣтскими организаціями» и дѣйствовавшей на «собственный страх и риск». Эта группа «с подложными документами Губчека» в ночь с 12 на 13 іюня явилась в гостиницу на Сибирской ул. и предъявила М. А. документ о «срочном выѣздѣ из Перми». Так как М. А. отказался слѣдовать за ними, то пришлось объявить, что они увезут его силой. Хотя Джонсон не входил «в планы группы», однако, в виду заявленія его, что он послѣдует за М. А., чтобы «не задерживаться в номерѣ», рѣшено было взять его». Арестованных повезли по тракту к Мотовилихѣ и,

*) Указывается и персональный состав группы: Марков, Иванченко, Жужков и Колпашников.

свернув в 6 верстах от завода, в лѣсу разстрѣляли «Мих. Романова» *). Послѣ этого, чтобы скрыть слѣды, телефонировали в Милицію и Чр. Ком. об «увозѣ неизвѣстными лицами Мих. Романова по направленію Сибирскаго тракта», т. е. в направленіи противоположном, чѣм то было в дѣйствительности.

«Похищеніе это было полной неожиданностью для всѣх организацій Перми» — заключает Быков. Эта официальная версія заключает в себѣ меньше фальсификаціи, чѣм то хитросплетеніе, которое мы разбирали выше. Представляется очень правдоподобным, что группа «лѣвых» коммунистов по собственной инициативѣ предприняла уничтоженіе главнаго кандидата на вакантный престол. Писатели антибольшевицкаго лагеря всегда подчеркивают провокаціонный характер сообщеній тогдашних совѣтских и партійных (большевицких и лѣво-эсеровских) органов печати о готовящейся реставраціи с возведеніем на престол Михаила Александровича. В концѣ мая в связи с началом чехословацкаго выступленія такія статьи не раз появлялись в уральской прессѣ — в частности в пермских «Извѣстіях». Поскольку рѣчь шла о конкретном «манифестѣ», провозглашавшем Михаила «царем», конечно, это была грубая демагогія. Деникин, однако, вспоминает, что тогдашняя молва дѣйствительно настойчиво связывала чехов с именем великаго князя» **); поскольку рѣчь шла о реставраціонных возможностях, поставленных на очередь дня, это, как мы уже видѣли, до извѣстной степени соотвѣтствовало дѣйствительности — Михаил Александрович был главным кандидатом — не для нѣмцев и правых — а для всѣх конституціонных монархистов того времени, т. е. кругов общественно авторитетных. Сам Михаил Александрович был, очевидно, достаточно освѣдомлен об этих тенденціях и настроеніях — по крайней мѣрѣ кор. Сербская Елена Петровна сообщала своему приближенному Смирнову, что М. А., рѣшительно отказываясь от занятія престола, готов быть «диктатором». Кто знает, не могло ли быть что-нибудь сказано неосторожным конспиратором в каких либо перехваченных письмах? На этой почвѣ и могла родиться мысль об убійствѣ того, кто мог явиться реальной опасностью для «революціи». Но очень сомнительно, чтобы «тайная группа», возглавляемая Мясниковым, ограничилась лишь «рабочими с Мотовилихи» и не была ничѣм связана ни с «партійными», ни с «совѣтскими» организаціями особенно при той роли, какую, по всеобщему мнѣнію, играл Мясников в пермской Ч. К.. Чекист Бородулин показывал, что в «тайну великаго князя» не был посвящен даже предсѣдатель Ч. К.***). По неисповѣдимым

---

*) О Джонсонѣ ничего не говорится — может быть потому, что совѣтскіе в спорѣ с Лондоном о вознагражденіи семьи отрицали убійство англійскаго гражданина.

**) Ган, с ссылкой на показанія Малых (?), говорит, что под вліяніем этих сообщеній М. А. посѣтил Совѣт, гдѣ его успокоили, сказав, что знают об его лойяльности.

***) «Мы узнали о сожженіи трупа только тогда, когда к нам доставили двух рабочих, которые в пьяном видѣ разболтали тайну» — их разстрѣляли.

путям чекистское око оказалось в нѣтях, когда ночью, как утверждает официальная версія, или под вечер по версіи свидѣтелей, в «Королевскіе номера» явились «какіе-то неизвѣстные люди и увезли Михаила Романова». Несомнѣнно в послѣдних числах мая в связи с внѣшними событіями наблюденіе над «Королевскими номерами» должно было усилиться. В ночь на 13 іюня внѣшній чекистскій надзор отсутствует — так слѣдует из показаній всѣх рѣшительно свидѣтелей. Одно это уже заставляет думать, что комедія, разыгранная в «Королевских номерах», была предварительно разработана и подготовлена в нѣдрах Ч. К. Произошло все, может быть, не так грубо, как изображает Ган, ибо в его изложеніи исчезают всѣ слѣды какой-либо скрытности — так Мясников с пьяными, воспаленными глазами «метался по городу, как угорѣлый, отдавая распоряженія»; «к 6 часам вечера была снята внѣшняя и внутренняя охрана в гостиницѣ; милиція была предупреждена, чтобы она не реагировала ни на какія заявленія о налетѣ на гостиницу». В довершеніе всего, Мясников заранѣе рѣшил мѣстом трагическаго конца своего кроваваго дѣянія сдѣлать то «обычное мѣсто, гдѣ еженощно Ч. К. разстрѣливает, и гдѣ заранѣе были вырыты ямы, которыми можно было... воспользоваться»... С такими цѣлями будто бы была отсрочена на один день назначенная на эту дату казнь 28 человѣк.

Вѣроятно, все это было не так, но «выкрасть» кандидата на престол, уже бывшаго один день монархом и ввѣрившаго судьбу страны Учредительному Собранію, не помѣшали — это факт.

Шило в мѣшкѣ утаить было невозможно. Уже на другой день — свидѣтельствовал позже на столбцах «Руля» один из пермяков — в городѣ разнеслись слухи, что М. А. обманом увезен с вѣдома Ч. К.. Слухи не могли не дойти до Москвы, если в центрѣ даже и не знали о роли, которую сыграл Мясников (конечно, «под вліяніем требованій рабочих»), и не получить здѣсь соотвѣтствующаго толкованія. Освѣдомленности, впрочем, помогла и болтовня самого пьянствовавшаго Мясникова. Бывшій секретарь большевицкаго пермскаго комитета, Карнаухов, показывал в Екатеринбургѣ слѣдователю Соколову 2 іюля 19 г.: «Пришел как то в наш комитет чекист Мясников, человѣк кровожадный, озлобленный, врядь ли нормальный. Он с кѣм то разговаривал, и до меня донеслась его фраза: «Дали бы мнѣ Николая, я бы с ним сумѣл расправиться, как с Михаилом».

3. Московская директива.

Между убійством вел. кн. Михаила Александровича и гибелью императора Николая II и его семьи прошел мѣсяц. Лица, обслѣдовавшія екатеринбургскую трагедію, не имѣли перед собой послѣдующих объясненій большевицких историков о роли, сыгранной центром в кровавых событіях на Уралѣ; они стояли перед несомнѣнным для них фактом убійства всей царской семьи и офи-

ціальным заявленіем совѣтской власти в видѣ телеграммы «пресс-бюро», напечатаным в московских «Извѣстіях» 19 іюля.

Вот оно: «На состоявшемся 18 іюля первом засѣданіи президіума ВЦИК совѣтов пресѣдатель Свердлов сообщает полученное по прямому проводу сообщеніе от областного Уральскаго совѣта о разстрѣлѣ бывшаго царя Николая Романова. За послѣдніе дни столицѣ Краснаго Урала Екатеринбургу серьезно угрожала опасность приближенія чехословацких банд. В то же время был раскрыт заговор контр-революціонеров, имѣвшій цѣлью вырвать из рук Совѣтов коронованнаго палача. В виду всѣх этих обстоятельств президіум Уральскаго областного Совѣта постановил разстрѣлять Николая Романова, что и было приведено в исполненіе. Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное мѣсто. Документ о раскрытіи заговора послан в Москву со спеціальным курьером. Сдѣлав это сообщеніе, Свердлов напомнил исторію перевода Романова из Тобольска в Екатеринбург, когда была раскрыта такая же организація бѣлогвардейцев в цѣлях устройства побѣга Романова. За послѣднее время предполагалось предать бывшаго Царя суду за всѣ его преступленія против народа. Только разразившіяся сейчас событія помѣшали осуществленію этого суда. Президіум, обсудив всѣ обстоятельства, заставившія областной Уральскій Совѣт принять рѣшеніе о разстрѣлѣ Романова, постановил признать рѣшеніе областного Совѣта о разстрѣлѣ Романова правильным. Затѣм предсѣдатель сообщил, что в распоряженіи ВЦИК находится сейчас важный матеріал: документы Николая Романова, его собственноручные дневники, которые он вел до времени казни, дневники его жены, дѣтей, переписка Романовых. Имѣются, между прочим, письма Григорія Распутина Романову и его семьѣ. Всѣ эти матеріалы будут разработаны и опубликованы в ближайшее время».

«Свердлов лгал, когда так говорил» — заключает Соколов, — ибо уже 17 іюля послѣ 9 час. веч. на имя Горбунова пришла из Екатеринбурга шифрованная телеграмма Бѣлобородова с сообщеніем о том, что произошло в Ипатьевском домѣ. Копія этой телеграммы попала в руки слѣдствія, и надо отдать справедливость Соколову, он проявил большую энергію и искусство для того, чтобы добиться раскрытія смысла телеграммы первостепенной важности для исторіи екатеринбургской трагедіи и обличенія лживости офиціальнаго совѣтскаго сообщенія. В расшифрованном видѣ телеграмма гласила: «Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Офиціально семья погибнет при эвакуаціи». Такой текст опредѣленно указывал, что в Москвѣ или заранѣе уже знали, какая участь должна была постигнуть «главу» или этой телеграммѣ предшествовала другая, не оставившая слѣда в екатеринбургских документах, что маловѣроятно. Телеграмма была послана на имя секретаря Совнаркома Горбунова, слѣдовательно, то, что произошло в «домѣ особаго назначенія», не являлось послѣдствіем каких-то секретных личных сношеній екатеринбургских палачей с предсѣдателем ВЦИК. Эта сторона

не остановила вниманія слѣдователя, его болѣе заинтересовала второстепенная сторона дѣла — опрометчивое хвастовство Свердлова, заявившаго, что в распоряженіи президіума ЦИК находятся «важные матеріалы» в видѣ собственноручных дневников Царя и его семьи. «Свердлов торжествовал кровавую побѣду и в радости сердца опрометчиво похвастал тѣм, чѣм еще не обладал... Этой своей оплошностью он сам опредѣлил свое мѣсто: самаго главнаго среди других соучастников убійства!» 18 іюля Свердлов «не мог имѣть у себя ни дневников, ни писем царской семьи». Эти «цѣнные документы были отправлены Свердлову с особым курьером. Им был Янкель Юровскій, выѣхавшій с ними из Екатеринбурга 19 іюля».

Заключеніе слѣдствія было слишком поспѣшно и не вытекало из текста сообщенія «пресс бюро»: значительная часть дневника Николая II, переписка (в частности письма Распутина) и пр. до тобольскаго періода давно уже находились в распоряженіи власти, унаслѣдовавшей их от Чрез. Слѣд. Комиссіи при Временном Правительствѣ. Слѣдствіе в свое распоряженіе получило и другой документ — тот разговор Свердлова по прямому проводу 20 іюля с неуказанным в лентѣ лицом из Екатеринбурга, который мы уже цитировали*). На вопрос Свердлова: «что у вас слышно», неизвѣстный отвѣчал: «положеніе на фронтѣ нѣсколько лучше, чѣм казалось вчера. Выясняется, что противник оголил весь фронт и бросил всѣ силы на Екатеринбург, удержим ли долго Екатеринбург, трудно сказать. Принимаем всѣ мѣры к удержанію. Все лишнее из Екатеринбурга эвакуировалось. Вчера выѣхал к вам курьер с интересующими вас документами. Сообщите рѣшеніе ЦИК и можем ли оповѣстить населеніе известным вам текстом». Свердлов отвѣчал: «В засѣданіи президіума ЦИК от 18 постановлено признать рѣшеніе Ур. Обл. Совдепа правильным. Можете опубликовать свой текст. У нас вчера во всѣх газетах было помѣщено соотвѣтствующее сообщеніе. Сейчас послал за точным текстом текста и передам его тебѣ». Слова вопрашавшаго: «можем ли оповѣстить населеніе извѣстным вам текстом», и отвѣт Свердлова: «можете опубликовать свой текст» для всѣх участников сибирскаго слѣдствія были рѣшающими — скажем словами Булыгина: Москва заранѣе знала текст Екатеринбурга**). Между тѣм, если оставаться строго в предѣлах

*) С Голощекиным (таково мнѣніе Соколова): разговор шел о положеніи на фронтѣ. Голощекин знал стратегическое положеніе, так как был в областной военной комиссіи, кромѣ того он был на «ты» со Свердловым.

**) У Дитерихса есть сообщеніе, которое могло бы имѣть подтверждающее значеніе, если бы нѣкоторая хаотичность изложенія, присущая автору книги, не заставляла в данном случаѣ относиться вдвойнѣ осторожно к тексту. Дитерихс говорит, что официальное объявленіе екатеринбургскаго Совѣта о разстрѣлѣ, появившееся 21-го, «было составлено с пропуском в черновикѣ его чисел мѣсяца» «еще до убійства царской семьи», что слѣдует из телеграммы, посланной «как проект объявленія» еще утром 16 іюля. У болѣе точнаго Соколова нѣт и намека на существованіе подобнаго «проекта объявленія» в матеріалах слѣдствія.

текста, переданнаго телеграфной лентой, то толкованіе можетъ получиться иное. Когда Голощекинъ или Бѣлобородовъ спрашивали разрѣшеніе на оповѣщеніе населенія «извѣстнымъ вамъ текстомъ», то скорѣе всего здѣсь имѣлась въ виду телеграмма 17-го, гдѣ говорилось, что «официально семья погибнетъ при эвакуаціи». Отвѣтъ Свердлова: «можете опубликовать свой текстъ», допуская спеціальное опубликованіе въ Екатеринбургѣ, отнюдь не санкціонировалъ предложенный проектъ. Вѣдь это такъ ясно при сопоставленіи опубликованнаго въ Москвѣ текста съ тѣмъ, что предполагалъ Екатеринбургъ: онъ увѣдомлялъ о гибели «всей семьи», а не только «главы»; въ московскомъ текстѣ категорически заявлялось, что жена и сынъ Николая отправлены въ надежное мѣсто». О дочеряхъ Москва молчала. Московскій текстъ и былъ воспроизведенъ въ екатеринбургской публикаціи 23-го іюля (21-го онъ былъ объявленъ Голощекинымъ на митингѣ).

Мы еще остановимся на томъ, какъ центральная власть въ теченіе долгаго времени пыталась скрыть фактъ расправы съ семьей Царя, фактъ, столь осложнявшій взаимныя отношенія съ германскимъ правительствомъ въ критическое время, которое переживала совѣтская власть. В сущности впервые пермское, екатеринбургское, алапаевское «злодѣянія» раскрыты были въ статьѣ Быкова, помѣщенной въ 21 году въ сборникѣ «Рабочая революція на Уралѣ» областного управленія государственнаго издательства. Откликъ этой статьи нашелъ свое мѣсто и въ центрѣ, въ «Коммунистическомъ Трудѣ», гдѣ «послѣдніе дни послѣдняго царя» были перепечатаны. Однако, тогда негласно самый сборникъ изъятъ былъ изъ продажи. В статьѣ Быкова признавалось, что сообщенія о похищеніи, бѣгствѣ и увозѣ членовъ императорской фамиліи не соотвѣтствовали дѣйствительности — послѣдніе всѣ были «уничтожены». Замалчиваніе этого факта не было, однако, «результатомъ нерѣшительности мѣстныхъ совѣтовъ». Уральскіе совѣты — и областной, и пермскій, и алапаевскій «дѣйствовали смѣло и опредѣленно, рѣшивъ уничтожить всѣхъ близкихъ къ самодержавному престолу». — Для всѣхъ нихъ «Уралъ сталъ могилой».

Такимъ образомъ роль центральной власти въ этомъ изображеніи сводилась къ замалчиванію того, что произошло: совѣты Урала дѣйствовали «на свой страхъ и рискъ». Такова основная тенденція очерка Быкова. И лишь въ самомъ концѣ 25 г. въ статьѣ Юренева, появившейся въ столичной петроградской «Красной Газетѣ» въ видѣ корреспонденціи изъ Свердловска подъ заглавіемъ «Новые матеріалы о разстрѣлѣ Романовыхъ», установлены были взаимоотношенія того времени между Екатеринбургомъ и Москвой. Одновременно появился отдѣльнымъ изданіемъ пополненный очеркъ Быкова*). Отношенія съ центромъ въ статьѣ Юренева излагались такъ: «В одномъ изъ своихъ

*) Весьма вѣроятно, что статья Юренева и была написана на основаніи новаго текста Быкова — ничего «новаго» въ статьѣ не было. Возможно, что откликъ «Красной Газеты», редактируемой находящимся въ «оппозиціи» Сафаровымъ, объяснялся партійными счетами — желаніемъ подчеркнуть, что въ преступленіи 18 г. участвовалъ и центръ.

засѣданій, по словам Быкова, Совѣт (областной) единодушно высказался за разстрѣл Николая Романова *). Все же большинство Совѣта не хотѣло брать на себя отвѣтственность без предварительнаго переговора по этому вопросу с центром. Рѣшено было вновь командировать в Москву Голощекина для того, чтобы поставить вопрос о судьбѣ Романова в Ц. К. партіи и президіумѣ ВЦИК». «Президіум ВЦИК — продолжает Быков — склонялся к необходимости назначенія над Николаем Романова открытаго суда. В это время созывался 5-ый Всероссійскій Съѣзд Совѣтов. Предполагалось поставить вопрос о судьбѣ Романова на Съѣздѣ — о том, чтобы провести на нем рѣшеніе о назначеніи над Романовым гласнаго суда в Екатеринбургѣ». Как «главный обвинитель» б. Царя должен был выступить Троцкій. Разговоры о судѣ в совѣтской средѣ в это время, дѣйствительно, были, как можно судить, напр., по сообщеніям газеты «Анархія» и др.; о рѣшеніи постановки «царскаго» процесса, между прочим, говорил Урицкій при допросѣ 9 іюля н. с. гр. Коковцева **). Может быть, боевое настроеніе, создавшееся около съѣзда с готовившимся выступленіем лѣвых с. р., сняло этот вопрос. По утвержденію Быкова, вопрос был пересмотрѣн в ВЦИК в связи с докладом Голощекина о военных дѣйствіях на Уралѣ: «Голощекину предложено было ѣхать в Екатеринбург и в концѣ іюля подготовить сесію суда над Романовыми, на которую и должен был пріѣхать Троцкій». «По пріѣздѣ из Москвы Голощекиным, числа 12 іюля, было созвано собраніе Областного Совѣта, на котором был заслушан доклад об отношеніи центральной власти к разстрѣлу Романовых. Областной Совѣт признал, что суда, как это было намѣчено Москвой, организовать уже не удастся — фронт был слишком близок, и задержка с судом над Романовым могла вызвать новое осложненіе. Рѣшено было запросить командующаго фронтом о том, сколько дней продержится Екатеринбург и каково положеніе фронта. Военное командованіе сдѣдало в Областном Совѣтѣ доклад, из котораго было видно, что положеніе чрезвычайно плохое. Чехи уже обошли Екатеринбург с юга и ведут на него наступленіе с двух сторон. Силы красной арміи недостаточны, и паденіе города можно ждать через три дня. В связи с ним Областной Совѣт рѣшил Романова разстрѣлять, не ожидая суда над ним». Под Романовыми, очевидно, надо подразумѣвать не только семью Царя в узком смыслѣ, но и членов императорской фамиліи, находившихся в Алапаевскѣ ***). Отсюда логически слѣдует сдѣлать заключеніе, что екатеринбургское и ала-

*) В первоначальном текстѣ Быков относил обсужденіе вопроса о «разстрѣлѣ Романова» к концу іюля, когда «безконечно лѣвые» с. р. «настаивали на скорѣйшем разстрѣлѣ..., обвиняя большевиков в непослѣдовательности».

**) Урицкій также был в Москвѣ в дни пребыванія там Голощекина.

***) В «Уральском Рабочем» еще до пріѣзда в Екатеринбург будущих алапаевских узников писалось: «В красную уральскую столицу скоро прибудут гости: бывшіе члены Романовскаго отродья... Они скоро предстанут перед народным судом вмѣстѣ с кровавым палачем рабочаго класса Николаем Романовым».

паевское убійство связаны, дѣйствительно, скорѣе всего «единой волей».

В приведенной концепціи рѣшеніе о разстрѣлѣ было принято все-таки самостоятельно. Иную коньюнктуру дает разсказ Войкова, записанный Бесѣдовским и воспроизведенный им в «Путях к Термидору». Вопрос о разстрѣлѣ Романовых — разсказывает Войков — был поставлен по настоятельному требованію Уральскаго Областного Совѣта, в котором я работал в качествѣ областного комиссара по продовольствію. Уральскій Совѣт категорическим образом настаивал перед Москвой на разстрѣлѣ Царя, указывая, что уральскіе рабочіе чрезвычайно недовольны оттяжкой приговора и тѣм обстоятельством, что царская семья живет в Екатеринбургѣ, «как на дачѣ», в отдѣльном домѣ, со всѣми удобствами. Центральная Московская власть не хотѣла сначала разстрѣливать Царя, имѣя в виду использовать его и семью для торга с Германіей. В Москвѣ думали, что, уступив Романовых Германіи, можно будет получить какую-нибудь компенсацію. Особенно надѣялись на возможность выторговать уменьшеніе контрибуціи в 300 мил. рублей золотом, наложенной на Россію по Брестскому договору... Нѣкоторые из членов Центральнаго Комитета, в частности Ленин, возражали также и по принципіальным соображеніям против разстрѣла дѣтей. Ленин указывал, что великая французская революція казнила короля и королеву, но не тронула дѣтей. Высказывались соображенія о том отрицательном впечатлѣніи, которое может призвести за-границей, даже в самых радикальных кругах, разстрѣл царских дѣтей. Но Уральскій Областной Совѣт и Областной Комитет коммунистической партіи продолжали рѣшительно требовать разстрѣла... — я был одним из самых ярых сторонников этой мѣры... Уральскій Областной Комитет коммунистической партіи поставил на обсужденіе вопрос о разстрѣлѣ и рѣшил его окончательно в положительном духѣ еще с іюля (іюня?) 1918 года. При этом ни один из членов областного комитета партіи не голосовал против разстрѣла. Постановленіе было вынесено о разстрѣлѣ всей семьи, и ряду отвѣтственных уральских коммунистов было поручено провести утвержденіе в Москвѣ, в центральном комитетѣ коммунистической партіи. В этом нам больше всего помогли в Москвѣ два уральских товарища — Свердлов и Крестинскій. Они оба сохраняли самыя тѣсныя связи с Уралом, и в них мы нашли горячую поддержку в проведеніи в центральном комитетѣ партіи постановленія уральскаго областного комитета. Провести это постановленіе оказалось дѣлом не легким, так как часть членов центральнаго комитета продолжала держаться той точки зрѣнія, что Романовы представляют черезчур большой козырь в наших руках для игры с Германіей и что поэтому разстаться с этим козырем можно лишь в крайнем случаѣ. Уральцам пришлось прибѣгнуть тогда к сильно дѣйствующему средству. Они заявили, что не ручаются за цѣлость семьи Романовых и за то, что чехи не освободят их в случаѣ дальнѣйшаго своего продвиженія на Урал. Послѣдній аргумент подѣйствовал сильнѣе всего. Всѣ члены цен-

тральнаго комитета боялись, чтобы Романов не попал в руки Антанты. Эта перспектива заставила уступить настояніям уральских товарищей. Судьба Царя была рѣшена, была рѣшена и судьба его семейства... Когда рѣшеніе центральнаго комитета партіи сдѣлалось извѣстным в Екатеринбургѣ (его привез из Москвы Голощекин), Бѣлобородов поставил на обсужденіе вопрос о проведеніи разстрѣла. Дѣло в том, что центральный комитет партіи, вынося постановленіе о разстрѣлѣ, предупредил Екатеринбург о необходимости скрыть факт разстрѣла членов семьи, так как германское правительство настойчиво добивалось освобожденія и вывоза в Германію бывшей Царицы, наслѣдника и великих княжен...»

Разсказ Войкова возбуждает нѣкоторыя сомнѣнія. Прежде всего в интересах варшавскаго полпреда в обстановкѣ того же 25 года было представить екатеринбургскую бойню не самоличным актом уральцев, а актом, совершенным по рѣшенію центра. Если в Москвѣ судьба не только Царя, но и его семьи была рѣшена уже в момент пребыванія там Голощекина, становится, однако, совершенно непонятным текст Бѣлобородовской телеграммы 17 іюля. Очевидно, что то было не так. Не разъясняет ли загадку сообщеніе 14 іюля в «Извѣстіях» Уральскаго Совѣта? Через день послѣ обсужденія в засѣданіи областного Совѣта (вѣроятно, его президіума) директив, привезенных Голощекиным, сообщалось: «вчера предсѣдатель Совдепа имѣл продолжительный разговор по прямому проводу с Москвой с предсѣдателем Совнаркома Лениным. Разговор касался военнаго обзора и охраны б. Царя Николая Романова». Мнѣ думается, что законно будет такое предположеніе. Директивы, привезенные Голощекиным, были обсуждены в областном партійном комитетѣ (у Войкова все дѣло рѣшает партійный комитет и это, конечно, соотвѣтствовало дѣйствительности: совѣт являлся лишь демократической декораціей). Эти директивы не заключали в себѣ еще формулу убійства — не только семьи, но и Царя. Возможно ставился вопрос и об эвакуаціи в болѣе безопасное мѣсто. Партійный комитет, признав положеніе в Екатеринбургѣ угрожающим и весь риск эвакуаціи в момент, когда чехо-словацкіе отряды двигались по соединительной вѣтви на главную желѣзно-дорожную линію Пермь-Екатеринбург и могли отрѣзать послѣдній путь отступленія из Екатеринбурга, принял рѣшеніе о необходимости «уничтожить» Николая II — об этом шла рѣчь в переговорах по прямому проводу 13 іюля. Надо думать, что санкція на это из центра была получена, поэтому так странно на первый взгляд формулирована телеграмма 17 іюля — «семью постигла та же участь, что и главу»*).

*) Согласно екатеринбургской молвѣ, попавшей в англійскую «бѣлую книгу», Ленин ответил: «дѣлайте, что хотите»; по другой версіи он сказал: «дѣйствуйте в соотвѣтствіи с постановленіем Совѣта». Бѣлобородов в указанной бесѣдѣ в д. Баравихѣ утверждал, что екатеринбургскій совдеп на свой запрос центра об инструкціях получил на имя Бѣлобородова-Войкова отвѣт за подписью Якова Свердлова: «поступайте по своему усмотрѣнію». Бѣлобородов показывал даже своим собесѣдникам «розовый телеграфный бланк». Не вяжется такой отвѣт со всей предшествующей конспираціей.

Всѣ другія толкованія пока приходится признать еще мало обоснованными с фактической стороны. Для Соколова Юровскій был не только непосредственным руководителем в Екатеринбургѣ, но он же «разработал в деталях и самый план убійства». Однако, пробудили «преступную дѣятельность Юровскаго» «какіе-то иные люди», в промежуток между 4-14 іюля, «рѣшив судьбу царской семьи». Центральная роль здѣсь принадлежит Свердлову, на квартирѣ котораго жил Шая Голощекин в дни своего пребыванія в Москвѣ. «Только ли вдвоем с Голощекиным Свердлов рѣшил судьбу царской семьи?» — задает вопрос руководитель слѣдствія. Основываясь на разговорѣ по прямому проводу от 20 іюля, гдѣ было упомянуто, что «вчера выѣхал к в а м курьер с интересующимы в а с документами», слѣдователь дѣлал заключеніе, что «вы» имѣет собирательное значеніе и адресовано не одному Свердлову. «Были и другія лица, рѣшавшія вмѣстѣ с Свердловым и Голощекиным в Москвѣ судьбу царской семьи. Я и х н е з н а ю». Осторожный и вмѣстѣ с тѣм крайне искусственный отвѣт слѣдователя не оправдывается даже тѣми документами, которые были в его распоряженіи, ибо по совокупности всѣх этих документов совершенно ясно, что переговоры велись не с отдѣльными лицами персонально, а с представителями правительства, являвшагося синонимом головки партіи. Внѣшная осторожность Соколова объясняется лишь его юридическим навыком, намеки его ясны, их со всей откровенностью и раскрывает ген. Дитерихс, одержимый навязчивой идеей «революціоннаго Израиля». На сцену выплывает пресловутый полумасонскій синедріон. Нашелся «историк», который усмотрѣл здѣсь даже злоумышляющую руку русско-американской «ИМКИ».

Нѣт «сіонских мудрецов» ни в концепціи Гутмана, ни в позднѣйшем построеніи Керенскаго. Для того и другого изувѣры совѣтской власти, засѣдавшіе в Кремлѣ, — т. е. интернаціоналисты всѣх мастей, измыслили избіеніе царскаго рода... План был выработан в центрѣ и систематически осуществлен в теченіе лѣта 18 года*). «Нужно было убить так, чтобы произошло в провинціи и было выполнено мѣстной властью, яко бы без санкціи центральнаго правительства» — так писал Гутман (Ган), посвятившій свой очерк началу осуществленія плана, задуманнаго в центрѣ. Доказательства, приведенныя им в силу неудовлетворительности метода работы, не выдерживают прикосновенія исторической критики. Закулисная сторона убійства вел. кн. Михаила остается невыяс-

*) Нѣкоторая неряшливость в обращеніи с фактами, столь свойственная полумемуарным историческим изысканіям Керенскаго, привела его к утвержденію, что в іюнѣ-іюлѣ были разстрѣлены всѣ члены императорской фамиліи, находившіеся в предѣлах РСФР. Между тѣм арестованные позже в. кн. Пав. Алекс., Ник. и Геор. Мих., Дм. Конст. были разстрѣляны уже в період «краснаго террора» в февралѣ 19 г. в Петропавловской крѣпости — формально, как «заложники» за убійство Розы Люксембург и Либкнехта. Князь Гавр. Конст. был освобожден по предстательству Горькаго, перед которым ходатайствовал член пол. кр. креста доктор Манухин.

ненной, и поэтому весь «московскій план», по которому члены б. императорскаго дома постепенно доставлялись на Урал в ожиданіи «сигнала» из центра о расправѣ с ними, может быть поставлен под сомнѣніе.

То же надо сказать и относительно екатеринбургской трагедіи в освѣщеніи работы Керенскаго — послѣдней по времени написанія. Автор, очевидно, не знаком ни с отдѣльным изданіем очерка Быкова, ни с повѣствованіем Войкова, изложенным на страницах воспоминаній бѣжавшаго из парижскаго полпредства совѣтскаго дипломата. Он опирается, главным образом, на данные Соколова, но в своих выводах идет дальше руководителя сибирскаго слѣдствія. Керенскій пытается доказать, что в рѣшеніи Кремля никакой роли не играли фиктивные заговоры в Екатеринбургѣ, ни тѣм болѣе выступленіе чехо-словаков, так как рѣшеніе Кремля было принято гораздо раньше. Лишь формальная инициатива была предоставлена совѣту «красной крѣпости Урала» — фактически в интимном кругу Ленина была выработана во всѣх деталях процедура убійства. Под предлогом угрозы со стороны «чехо-словацких банд» Кремль (Свердлов с согласія Ленина) в іюнѣ через посредничество Голощекина посылает по прямому проводу свои приказанія в Екатеринбург. Как отвѣт на эти приказанія Керенскій разсматривает сообщеніе Бѣлобородова 4 іюля об измѣненіи в охранѣ, находившейся в «домѣ особаго назначенія». По соглашенію с Москвой или точнѣе по приказу из Москвы — говорит Керенскій — для исполненія функцій внутренней охраны вступили люди комиссара мѣстной Ч. К. Юровскаго. Телеграмма 4-го означала: все готово для убійства и безповоротно доказывала, что организаторами и исполнителями екатеринбургскаго убійства были кремлевскіе палачи. Здѣсь Керенскій буквально повторяет Жильяра. («У Жильяра это логически вытекает из ошибки, допущенной им при воспроизведеніи и толкованіи организаціи «дѣла»). Дальнѣйшее у Керенскаго протекает соотвѣтственно изложенію Соколова — одинаково он толкует и шифрованную телеграмму 17 іюля и разговор по прямому проводу 20-го. Отличіе только в том, что к имени Свердлова присоединяется имя Ленина. Как знает Керенскій, строго конфиденціальное собраніе происходило у Ленина послѣ телеграммы, полученной от Бѣлобородова. Кто на нем, за исключеніем Ленина и Свердлова, присутствовал, неизвѣстно, но было рѣшено скрыть истину не только от страны, но и от самого совѣтскаго правительства. Ленин и Свердлов присутствовали — это точно извѣстно. Откуда? Как всегда бывает в таких случаях, источник остается скрытым. Если всѣ детали убійства заранѣе были обсуждены, то никакого смущенія телеграмма Бѣлобородова не могла вызвать; очевидно, не было надобности и собирать особо секретное совѣщаніе. Вѣроятно, однако, то или иное совѣщаніе должно было неизбѣжно произойти и имѣть секретный характер, так как сообщеніе Бѣлобородова было, очевидно, неожиданным. На нем должен был присутствовать и предсѣдатель совнаркома и предсѣдатель ВЦИК. Свердлов, независимо от своего официальнаго поста,

всегда был вѣрным резонатором мнѣній Ленина, поэтому естественно связать эти два имени, как, напр., они связаны были в період острых партійных споров о «похабном мирѣ». Но при разслѣдованіи екатеринбургской трагедіи, точнѣе кремлевскаго замысла ея подготовки, этой связи придают специфическій характер: «План Свердлова» через убійство сдѣлать невозможным «компромисс» с капиталлистическим міром превращается в «план и самого Ленина». Можно назвать и третьяго, вѣроятнаго участника секретнаго совѣщанія — это Дзержинскій... Сперанскій, производившій свое самостоятельное изысканіе в Екатеринбургѣ, пришел к выводу, что мысль о ликвидаціи вышла из головы шефа Ч. К. и им была осуществлена*). Тріо легко превратить в квартет — припомним, что Войков назвал члена ВЦИК Крестинскаго, до войны бывшаго главарем екатеринбургских большевиков, при желаніи и в квинтет — вѣдь Троцкій был подлинным вдохновителем «Революціоннаго Израиля» (в нѣкоторых повѣствованіях Троцкій и фигурирует, как прямой соучастник кремлевскаго тріо). Можно итти и дальше. Но оставим в сторонѣ подобныя изысканія — безплодныя, поскольку они не опираются на факты, которые можно установить.

Какой же вывод можно сдѣлать? Первый слѣдователь, ведшій сибирское разслѣдованіе, член екатеринбургскаго окружного суда Сергѣев, на мой взгляд, занял правильную позицію: «убійство задумано заранѣе и выполнено по выработанному плану» — главное руководство принадлежало мѣстным большевицким дѣятелям. По словам Дитерихса, Сергѣев склонен был отрицать инициативу центральной власти. Его добросовѣстность и нелицепріятіе судьи были заподозрѣны — как видно из сообщенія мѣстнаго прокурора Іорданскаго. Сергѣев обвинялся в сознательном затягиваніи слѣдствія. Он был замѣнен Соколовым, продѣлавшим огромную работу для выясненія обстановки екатеринбургской трагедіи, но основная политическая линія его разслѣдованія едва ли была правильна. Можно предполагать, что центр ante factum санкціонировал убійство Царя и post factum вынужден был распространить свои санкціи и в отношеніи расправы, постигшей всю семью. Всевластность центра в первые мѣсяцы 18 г. вообще надо признать очень относительной, — лучшей иллюстраціей может служит «Сѣверная коммуна» бывшей столицы, гдѣ своевольным сатрапом был Зиновьев. В дни іюльскаго кризиса, в дни убійства гр. Мирбаха, «авантюры лѣвых с. р.», «бѣлогвардейских» возстаній и зарожденія «восточнаго фронта» засѣдавшіе в Кремлѣ не чувствовали себя прочно, и в такой обстановкѣ не слишком приходилось одергивать «власть на мѣстах» — особенно в таком щекотливом для большевицких демагогов вопросѣ, как судьба царствовавшей династіи. На уральской периферіи, которая в данном случаѣ занимает

*) Бурцев в свое время также доказывал, что Царь убит по рѣшенію Ц. К. большевиков и «по настоянію Ленина». В дѣйствительности позиція Ленина в эти дни была иной: он полагал, что в случаѣ крушенія большевизма тактически выгодно содѣйствовать возстановленію реакціонной монархіи.

паше вниманіе, «лѣвые» коммунисты имѣли значительное вліяніе в партійной средѣ — так, имя предсѣдателя областного комитета Бѣлобородова, наряду с именем членов ЦИК Преображенскаго и Крестинскаго, стоит под оппозиціонным заявленіем группы «уральских работников», требовавшей в февральскіе дни обсужденія вопроса о войнѣ и мирѣ с Германіей и немедленнаго созыва партійной конференціи*). Друг Бѣлобородова и Голощекина Сафаров, вмѣстѣ с Лениным прибывшій в Россію в «запломбированном вагонѣ», ставшій тов. предсѣдателя екатеринбургскаго президіума, а на дѣлѣ считавшійся на Уралѣ как бы негласным «диктатором», был также в рядах «оппозиціи». С этими «уральскими работниками» Свердлов, б. член пермскаго комитета и представитель Урала на рѣшающей апрѣльской конференціи 17 г. в Петербургѣ, гдѣ пріѣхавшій из эмиграціи Ленин выступил со своими сенсаціонными «коммунистическими» тезисами, был связан персональными узами на почвѣ старой совмѣстной партійной работы, а не той тактической позиціей, которую всѣ они занимали в данный момент — малоосвѣдомленное в партійных большевицких дѣлах сибирское слѣдствіе видимость приняло за сущность. За слѣдствіем пошел в своих изысканіях и Коковцев, точка зрѣнія котораго близка к положеніям, выдвинутым Керенским: Москва заранѣе избрала мѣстом расправы Екатеринбург, как центр деморализованных рабочих, и сосредоточіе здѣсь группы вѣрных своих сотрудников.

Тактика центра в отношеніи династіи — колеблющаяся и двурушническая, конечно, не гарантировала жизнь ни Царю, ни вел. кн. Михаилу, ни легитимному наслѣднику. С извѣстными оговорками можно согласиться с заключительными строками изслѣдованія Соколова: «в общем ходѣ міровых событій смерть Царя, как прямое послѣдствіе лишенія его свободы, была неизбѣжна, и в іюлѣ мѣсяцѣ 18 года уже не было силы, которая могла бы предотвратить ее». Если не в іюлѣ, то в послѣдующіе страшные дни кроваваго разгула «краснаго террора» гибель была почти неизбѣжна, поскольку члены династіи оставались во власти разнузданнаго насилія большевиков. Может быть, был бы созван показательный процесс «народнаго суда», послѣ котораго символически скатилась бы голова к о р о н о в а н н а г о т и р а н а»; может быть, ликвидація династіи произошла бы безгласно в тайных нѣдрах Всер. Чр. Комиссіи, но все же, вѣроятно, общественная лѣтопись не зарегистрировала бы омерзительных форм, в которых произошла расправа в подвалѣ «дома особаго назначенія», названная Сафаровым на столбцах «Уральскаго Рабочяго» 23 іюля со смѣлостью, граничащей с наглостью, «крайне демократической».

---

*) Соколов подчеркивает, что Бѣлобородов — «порожденіе уральской глуши». «Если бы не убійство, его никогда не увидѣли бы за предѣлами Урала». Слѣдователь ошибался.

4. Оживленіе мертвецов.

Вѣсть об убійствѣ императора Николая II, конечно, в разных слоях воспринята была не одинаково. И внѣшнее впечатлѣніе от уличной толпы зависѣло от собственнаго настроенія наблюдателя. «Маленькій» Марков в Петербургѣ видѣл повсюду «печать отчаянія». Бывшій царскій министр Коковцев в той же сѣверной столицѣ усмотрѣл «кровожадность» и одобреніе совершенному акту. Садуль, еще не сдѣлавшійся окончательно коммунистом, на московских лицах лишь не увидѣл сожалѣнія. Может быть, толпа, притихшая под Дамокловым мечом «пролетарской диктатуры», отнеслась в общем равнодушно, отчасти подготовленная уже к неизбѣжности такого конца для главы царствовавшей династіи послѣ революціи, может быть, еще не вѣрили, несмотря на официальное сообщеніе, переданное через газеты в видѣ отчета о засѣданіи ВЦИК — не вѣрили, потому что уже раз слышали о разстрѣлѣ. Смерть бывшаго Царя, дѣйствительно, впечатлѣнія большого внѣшне тогда не произвела — тѣм болѣе, что дѣло ограничилось довольно лаконическим сообщеніем 19 іюля. Однако, едва ли так же спокойно было воспринято извѣстіе из Екатеринбурга в Кремлѣ. Мемуаристы пытаются показать, что самочинное дѣяніе уральских коммунистов не вызвало никаких волненій и опасеній. С хладнокровным спокойствіем в обстановкѣ обыденнаго обсужденія текущих дѣл выслушано было членами правительства сообщеніе о разстрѣлѣ в Екатеринбургѣ. Вот как описывает засѣданіе Совнаркома 18 іюля Милютин. В момент доклада комиссара народнаго здравія Семашко вошел Свердлов и сѣл позади Ильича. Семашко закончил доклад, Свердлов подошел к Ленину и сказал ему нѣсколько слов. «Тов. Свердлов просит слова для информаціи» — сказал Ленин, и Свердлов в обычном тонѣ сообщил об извѣстіи, которое пришло с Урала. Чехословаки приближаются к Екатерибургу. Николай II собирался бѣжать. Он казнен. Президіум ВЦИК утвердил эту мѣру. Слова Свердлова сопровождало полное молчаніе. «Перейдем теперь к тексту принятія по пунктам» — предложил Ленин. Засѣданіе, прерванное выступленіем Свердлова, продолжалось в очередном порядкѣ... Очевидно, на основаніи таких мемуарных замѣток Керенскій и пришел к убѣжденію, что от правительства была скрыта истина. Боюсь присоединиться к такому заключенію и в особенности на основаніи документа, сотканнаго из сплошной фальши*). Растерянность была очевидна и, вѣроятно, только этим можно объяснить то, что московская власть не воспрепятствовала открытому служенію панихиды по погибшему Императору: церковь на Спиридоновкѣ была полна народа — присутствовали далеко не только «монархисты».

Все послѣдующее показывает, что и правительство в цѣлом и его агенты в отдѣльности всемѣрно стремились затушевать то, что произошло в Екатеринбургѣ. Кровавая бойня в домѣ Ипатьева

*) «Странички дневника» были напечатаны в Москвѣ еще в 1921 г.

ложилась таким позорным пятном на так называемую «рабоче-крестьянскую» власть, что истину надо было хоть до времени так или иначе скрыть *). Мы видѣли уже, как в теченіе іюля представители совѣтской власти открыто лгали нѣмецким дипломатам. Так же втирали они очки и дипломатам других европейских держав. Лгали в іюлѣ, лгали в августѣ, лгали и в сентябрѣ. Разговоры бар. Ритцлера с руководителем вѣдомства ин. дѣл в Москвѣ закончились сообщеніем, что Ал. Фед. находится «в Перми» и что с «нѣмецкими принцессами» ничего произойти не может. Нѣмецкій дипломат усомнился тогда в том, что Чичерин говорил правду. Документы, опубликованные в 35 г. нѣмецким историком Яговым, показывают, что тѣм не менѣе переговоры об «освобожденіи Царицы и ея дѣтей» продолжались — их вел в началѣ августа с Чичериным германскій генеральный консул в Москвѣ Гаушильд. 29 августа Гаушильд на ту же тему бесѣдовал с Радеком, который заявил, что комиссар ин. д. не видит причин, почему нельзя было бы Ал. Ф. и ея дѣтям выѣхать из Россіи — на условіях, конечно, извѣстных компенсацій. Компенсація могла бы заключаться в том, что царская семья будет обмѣнена, напр., на арестованнаго в Берлинѣ Лео Іодиша. Радек высказывал готовность в тот же день переговорить по этому поводу с самим Лениным и обѣщал нѣмецкому консулу «немедленно принять мѣры» к тому, чтобы Царицѣ и ея дѣтям была гарантирована безопасность от каких-либо эксцессов. Комедія продолжалась и перенесена была в Берлин, гдѣ совѣтскій представитель Іоффе 10 сентября уже офиціально предложил германскому министерству ин. д. обмѣнять Царицу на Либкнехта. По свидѣтельству Ягова это «возмутительное предложеніе» было отвергнуто Германіей. Так обстояло дѣло в момент, когда должны были реализироваться дополнительныя соглашенія по Брестскому миру. Переговоры все еще продолжались — до 14/15 сентября. Тут неожиданно в бесѣдѣ с Чичериным и Радеком выяснилось, что совѣтское правительство в данный момент не знает мѣстопребыванія царской семьи, так как она находится в красноармейской части, отрѣзанной от остальной арміи во время военных дѣйствій под Екатеринбургом. Нѣмецкая дипломатія поняла, что вопрос о выѣздѣ из Россіи Императрицы и ея дѣтей должен был выпасть из переговоров, но она еще вѣрила, что погибшіе в Екатеринбургѣ живы и предлагала перевезти их хотя бы в Крым... Недостойная игра так или иначе шла до перерыва дипломатических сношеній наканунѣ событій, сокрушивших германскую имперію...

Во второй половинѣ іюля по ордеру предсѣдателя петроградской Ч. К. из Вологды были вывезены жившіе там под наблюденіем в условіях относительной свободы вел. кн. Ник. Мих., Георг.

*) Бѣлобородов в своей позднѣйшей подмосковной бесѣдѣ выражал негодованіе на то, что центральное правительство как бы «умыло руки» в екатеринбургском дѣлѣ: «всѣ именитые товарищи избѣгали разговоров со мной на эту тему» и «только Влад. Ил. похвалил меня за это рѣшеніе». А Бухарин дружески совѣтовал убійцѣ: «Вы не очень-то хвастайтесь ликвидаціей царской семьи».

Мих. и Дм. Конст. и заключены в Петербургѣ в тюрьму на Шпалерной. Что послужило прямым поводом к аресту, который был произведен, как утверждал Урицкій посѣтившим его представителям французскаго и датскаго посольств, по предписанію из центра? — Может быть, центр хотѣл избѣжать каких-нибудь мѣстных эксцессов в связи с готовящимся отъѣздом иностранных послов из Вологды? Предположим лучшее. Обезпокоенный участью Ник. Мих., имѣвшаго связи в Парижѣ, французскій посол Нуланс согласно полученной инструкціи, поручил ген. консулу в Москвѣ Гренару посѣтить Чичерина и от имени французскаго правительства ходатайствовать о гарантіи безопасности для вел. князя-историка, — очевидно в связи с событіями, имѣвшими мѣсто в Екатеринбургѣ. То же с своей стороны сдѣлал датскій посол Скавеніус перед Урицким. Нуланс не сообщает отвѣта, который дал Чичерин, но его передает со слов Гренара бывшій фр. посол Палеолог. Коснувшись разстрѣла Николая II, Чичерин высказал сожалѣніе о происшедшем событіи, которое произошло без вѣдома центра по иниціативѣ екатеринбургскаго совѣта и отозвался незнаніем того, что произошло с другими членами семьи. Нѣсколько позже Чичерина посѣтил и голландскій посланник Удендин, чтобы от имени королевы Вильгельмины хлопотать за Царицу и ея дѣтей. Это было в день убійства Урицкаго. Выслушав заявленіе Удендина, Чичерин и присутствовавшій при бесѣдѣ его помощник Карахан «долго сидѣли в молчаніи». «Вы коснулись весьма щекотливаго вопроса» — отвѣтил, наконец, смущенный Чичерин, устремив свой взор на пол: «я не могу вам сразу дать опредѣленный отвѣт... Вопрос несомнѣнно подвергнется всестороннему обсужденію в ЦИК... Вы можете написать вашему правительству, что нѣт рѣшительно никаких основаній безпокоиться за них...» Карахан молчал, курил большую сигару, сосредоточенно пуская большіе клубы синяго дыма в потолок...

Можно ли объяснить ипокритство подобных отвѣтов незнаніем того, что произошло в Перми, Екатеринбургѣ и Алапаевскѣ? Растерянность очевидна, но она отнюдь не свидѣтельствует о незнаніи. Морганатическая супруга вел. кн. Павла Ал. передает по существу изумительный разговор, который она имѣла с Урицким при попыткѣ выяснить причину ареста мужа. Урицкій заявил ей, что великіе князья будут отправлены на Урал, гдѣ они будут пользоваться извѣстной свободой и гдѣ она, Палѣй, может соединиться со своим мужем. При этом Урицкій упомянул, что если с ея сыном в Алопаевскѣ что-нибудь случилось, то это его вина. Тут кн. Палѣй с настойчивостью стала увѣрять петербургскаго палача, что сын ея спасен и находится внѣ достиженія большевицкой власти. Это она хорошо знает. «Он спасся, очевидно, бѣгством, как и вел. кн. Михаил» — с ироніей замѣтил, промолчав момент, Урицкій и сказал, что Михаил был убит в Перми... Никогда в большевицких газетах не было опубликовано о разстрѣлѣ вел. кн. Мих. Ал., как то утверждает Быков: «послѣ провѣрки слухов и опроса предполагаемых участников разстрѣла». Но в февралѣ 19 г. в мень-

шевицком «Всегда вперед» по поводу новых жертв из числа членов великокняжеской семьи, разстрѣленных в Петропавловской крѣпости («позором» назвал этот акт меньшевицкій орган) была подчеркнута гибель всей царской семьи на Уралѣ. Позже гибель Михаила признал, как было уже упомянуто, Мясников в своей брошюрѣ-протестѣ от имени «рабочей оппозиціи». Невѣдующіе главари большевиков могли бы узнать, и тѣм не менѣе в дни конференціи в Генуѣ (22 г.) Чичерин с каким то упорством утверждал корреспонденту «Чикаго Трибун», что по его свѣдѣніям царскія дочери находятся в Америкѣ. Это было болѣе, чѣм цинично.

**
*

Хотѣли того или нѣт большевики, но их лживыя публикаціи об екатеринбургском убійствѣ с перваго же дня положили начало в обывательской средѣ разнообразным и противорѣчивым слухам о судьбѣ Царской семьи. Эти слухи, зарегистрированные екатеринбургским уголовным розыском и подтверждаемые даже сидѣтелями-«очевидцами», представляют собой эмбріон послѣдующих исторических легенд. Царская семья жива: — она вывезена из Екатеринбурга — по версіи уголовнаго розыска в направленіи Перми. Жив и Царь, он увезен в Германію через Ригу, согласно одному из пунктов Брестскаго мира (по простонародной версіи, Вильгельм «строго приказал Ленину»). Насколько послѣдняя версія была распространена, показывает тот факт, что она занесена в офиціальном увѣдомленіи англійскаго верховнаго комиссара в Сибири Бальфуру 5 октября: вопреки большевицким объявленіям, «многіе из русских, хорошо освѣдомленных, вѣрят, что он (Царь) находится под покровительством нѣмцев». К этому варіанту сам Эліот, не отвергая его, относился нѣсколько скептически. Но ему представлялся правдоподобным увоз Царицы и дѣтей — он подчеркивал, что таково всеобщее мнѣніе в Екатеринбургѣ. Гибс полагал, что до сей поры нѣт основанія не вѣрить сообщеніям большевиков о сохранности царской семьи — во всяком случаѣ можно полагать, что в домѣ Ипатьева разстрѣлены не всѣ, там находившіеся, и что дѣтям жизнь сохранена. (Эліот допускал, что слѣды крови явились в результатѣ убійств во время ссоры пьяных людей).

Упроченію легенды, конечно, содѣйствовал «безсвязный разсказ» только что вышедшаго из тюремнаго лазарета и через три мѣсяца скончавшагося «утомленнаго» и разслабленнаго старика Чемодурова. По словам Кобылинскаго, Чемодуров не вѣрил в убійство царской семьи и говорил: «убили Боткина, Харитонова, Демядову и Трупа, а августѣйшую семью вывели, при чем убійством названных лиц симулировали убійство семьи. Для этого... симулировали и разгром дома»... По другой версіи семья была вывезена к шахтѣ в районѣ Ганиной Ямы и там была подстроена новая симуляція в видѣ сожженія тѣл, одежды и вещей, а в дѣйствительности произошло переодѣваніе, послѣ чего «разстрѣленные» благополучно скрылись или были увезены...

Таких версій было безчисленное множество (см. у Дитерихса). Им вѣрило такое же множество людей в Сибири и Европейской Россіи, а также впослѣдствіи в Зап. Европѣ*). Т. Боткина-Мельник, в ближайшем окруженіи которой создались многія легенды и в частности о роли Соловьева в попытках освобожденія Царя, заявляет в своих воспоминаніях: «конечно, никто из нас не вѣрил слуху (об убійствах в Екатеринбургѣ) до тѣх пор, пока по пріѣздѣ во Владивосток я не увидѣла людей, лично читавших все дѣло, веденное ген. Дитерихсом!» Судьба Мих. Ал. возбуждала еще меньшія опасенія. Мы видѣли, как Милюков с Юга рекомендовал москвичам отыскать Великаго Князя, выдвигаемаго лидером конституціоналистов в кандидаты на занятіе престола. Диктатор далекой Даурiи знаменитый бар. Унгерн в одном из своих «приказов» даже в 21-м году объявлял «императора» Михаила «единственным хозяином земли русской». Сибирское слѣдствіе, которому картина происшедшаго скоро стала ясна, впослѣдствіи склонно было заподазривать источник происхожденія этих легенд — их распространяли агенты большевиков. Такое обвиненіе легко предъявляли «зятю Распутина» и иже были с ним из «петроградско-нѣмецких» организацій... При взятіи Екатеринбурга из красной арміи перебѣжало много офицеров. В числѣ их был кап. ген. шт. Симонов, занимавшій пост начальника штаба арміи Берзина и помогавшій офицерам перебѣгать на «бѣлогвардейскую» сторону. В Омскѣ при содѣйствіи нач. Воен. Академіи ген. Андогскаго он занял должность

*) Отмѣтим одну такую фантастическую «быль», которая в основѣ своей создана была разговором мѣстных жителей и которая служит как бы эпилогом к екатеринбургской драмѣ. Упомянуть о ней стоит уже потому, что распространеніе ея связано с именем капитана «Б», помогавшаго веденію слѣдствія Соколова, — по крайней мѣрѣ на него, на его авторитетное свидѣтельство, ссылался в 29 г. автор статьи в парижском «Русском Времени», впервые на столбцах эмигрантской прессы разсказавшій этот апокриф. Дѣло идет не болѣе, не менѣе, как о том, что в Москву среди вещественных доказательств, имѣвших отношеніе к убійству в д. Ипатьева, была доставлена в особой «кожаной сумкѣ» стеклянная колба, наполненная красной жидкостью, в которой находилась голова казненнаго Императора!

В Берлинѣ в 21 г. кап. Б.(улыгин), по словам автора статьи, говорил ему, что такой факт «несомнѣнно имѣл мѣсто». Тогда автор отнесся скептически к разсказанному, но в концѣ 28 г. в газетѣ «Франкф. Кур.» 20 ноября он прочитал статью «Судьба царской головы», принадлежащую перу нѣкоего пастора Курт-Руфенбургера, который разсказывал со слов «очевидца», как большевики сожгли в іюлѣ 18 г. полученный ими из Екатеринбурга «ужасный груз». Были мнѣнія, что заспиртованную голову Николая II надо сохранить в музеѣ для назиданія «грядущему поколѣнію», но по предложенію Петерса в концѣ концов постановили во избѣжаніе превращенія головы бывшаго царя в «Святыню» в глазах «глупых людей» уничтожить. «Очевидец» наблюдал процесс сожженія, происходившій будто бы в присутствіи почти всего большевицкаго синклита. «Голову» Николая II в спирту видѣл, но уже в 19 г., и Илліодор. «Сенсація», за которую о. іеромонах с американской прессы получил 1.000 долл. и которая показалась вѣроятной и «Послѣдним Новостям», вовсе не была тогда нова, ибо о ней было написано за три года перед тѣм в одном из органов той же парижской эмигрантской прессы.

Добавим, что П. А. Берлин подтверждал в печати, что он слышал о соотвѣтствіи будто бы легенды с дѣйствительностью от авторитетных лиц, косвенно связанных с высшими совѣтскими кругами.

нач. контр-развѣдывательнаго отдѣла. Он официально докладывал Верховному Правителю — повѣствует Дитерихс — что «слышал от комиссаров», что наслѣдник и великія княжны живы, но неизвѣстно, гдѣ находятся». Лично Симонов «твердо вѣрил» в это. Симонов был знаком с Соловьевым и встрѣтился с ним во Владивостокѣ. Соловьев сохранял «большое инкогнито», но открылся начальнику паспортнаго пункта полк. Макарову, прося у него четыре незаполненных бланка заграничных паспортов, «для отправленія августѣйших дѣтей за границу». Дитерихс говорит, что фантазіям, «походившим по абсурдности на умышленно-злостное распространеніе свѣдѣній с преднамѣренной цѣлью», больше вѣрили, чѣм обоснованным на фактах докладам слѣдователя Соколова. Помощник Соколова, человѣк скорый на заключенія, уже обвиняет Соловьева в том, что послѣдній подготовлял самозванца, как это ни абсурдно было для «агента большевиков»!*) Самогипноз был так силен, что еще в 21 г. редакція монархической «Русской Лѣтописи» при перечисленіи членов «Россійскаго Императорскаго Дома, убіенных и умученных большевиками», дѣлала оговорку: «вел. кн. Мих. Ал. с половоины 18 г. неизвѣстно, гдѣ находится, и о Е. И. В. распространены весьма тревожныя свѣдѣнія»**). Даже в 24 г. вдовствующая Императрица М. Ф. по поводу манифеста вел. кн. Кирилла, преждевременно объявившаго себя «императором всероссійским», писала вел. кн. Ник. Ник., прося его предать гласности ея письмо: «до сих пор нѣт точных извѣстій о судьбѣ моих возлюбленных сыновей и внука». И болѣе того, в 29 г. Агапѣев, один из докладчиков «Общества памяти Государя Императора Николая II», выступил в «Новом Времени» со статьей под характерным заголовком: «Жива ли царская семья?» с цѣлью опровергнуть «иллюзіи», которыя существуют еще в нѣкоторых кругах эмиграціи, и «апокрифы», которые от времени до времени появляются в монархической печати. Соколов в соотвѣтствіи со своей предвзятой точкой зрѣнія положит на эти «апокрифы» клеймо «made in Germany»; они были нужны нѣмцам, а не большевикам: подобными легендами нѣмцы пытались набросить пелену в глазах русских патріотов на свои истинныя отношенія с большевиками!

Оставим в сторонѣ и эти домыслы — их сам Соколов не счел возможным воспроизвести на страницах р у с с к а г о изданія своей книги. Исторія происхожденія творимых легенд, рождавшихся в атмосферѣ не остывших чаяній прозелитов монархической

---

*) Между прочим тогда еще среди всякой молвы распространился слух о спасеніи по крайней мѣрѣ дочери Анастасіи. В эмиграціи был свидѣтель (сообщеніе в «Рулѣ»), что об этом он слышал, между прочим, в семьѣ, близкой к вел. кн. Мих. Ал.: этому слуху суждено было в эмиграціи превратиться в эпопею похожденій «Лже-Анастасіи».

**) Ровно через 10 лѣт парижское «Возрожденіе» без всякой оговорки перепечатало разсказ польскаго журналиста Мацкевича о своей встрѣчѣ в Россіи с одним из воображаемых участников «цареубійства». Здѣсь имѣлось «первое точное свѣдѣніе» о гибели М. А., убитаго в Перми «во дворѣ духовной семинаріи» через 11 дней послѣ разстрѣла царской семьи.

идеи*), лежит, конечно, в том туманѣ скрытности и фальсификаціи, которым были окутаны пермское, екатеринбургское и алапаевское дѣянія. При своем цинизмѣ, не останавливающемся перед воскуреніем «революціоннаго» фиміама отвратительной «головѣ медузы», как назвал Каутскій «красный террор», даже большевицкая власть не нашла в себѣ смѣлости сказать правду о том, что произошло в подвалѣ дома Ипатьева в ночь на 17 іюля, что предшествовало и что послѣдовало за этой поистинѣ общечеловѣческой трагедіей XX вѣка — она наложила запрет молчанія и на уста непосредственных убійц. Скрыть «правды» в исторіи почти невозможно. Большевицкая власть достигла того только, что содѣянное партійными изувѣрами преступленіе в глазах всего міра превратилось в акт какого-то дьявольскаго замысла, задуманнаго в центрѣ и планомѣрно им осуществленнаго. «Логика и факты» говорят против такого заключенія, но тѣм не менѣе этой легенды историк, безпристрастный по своему методу фактическаго разслѣдованія, до сих пор опровергнуть не может — историку пока доступны преимущественно лишь критическія сужденія.

Моральное безразличіе, с каким был в сущности встрѣчен в демократическом мірѣ «революціонный» акт, имѣвшій мѣсто в Россіи, и скорое забвеніе его облегчили «рабоче-крестьянской» власти переход к нормальным дипломатическим отношеніям, и она уже с нѣкоторой смѣлостью начала у себя инсценировать даже показательные процессы «суда над Романовыми».

*) Сибирская знаменитость, бывшій «генерал» русской службы, Гайда в 29 г. в органѣ чешских «фашистов» компетентно утверждал, что царская семья не погибла.

ЛИТЕРАТУРА*)

Авалов. В борьбѣ с большевиками. Гамбург. 25 г.

Авдѣев. Николай Романов в Тобольскѣ и в Екатеринбургѣ. «Кр. Новь» № 5, 28 г. (Перепечатано в парижских «Днях»).

Алданов. Убійство гр. Мирбаха. «Посл. Нов.». Январь 36 г.

Аель. Быль или легенда. «Русское Время» (Париж). 13 янв. 29 г.

Андрей Вл. (вел. кн.). Из дневника 1916-17 г. «Кр. Арх.» XXVI.

Анишев. Очерки исторіи гражданской войны. М. 23 г.

Анэ. La Révolution Russe. Париж. 19 г.

Баранов. Октябрь и начало гражданской войны на Уралѣ. М. 28 г.

Бауермейстер. Шпіоны прикрывают фронт. «Возрожденіе», 21 окт. 33 г.

Бенкендорф. Last days of Tsarskoe Selo. Лондон. 27 г. (Revue de deux Mondes. Париж. 27-28 г.).

Бесѣдовскій. На путях к Термидору. Париж. 30 г.

Берти. За кулисами Антанты. М. 27 г.

Боткин. Что было сдѣлано для спасенія имп. Николая II. «Рус. Лѣт.» кн. 7.

Ботмер. Mit Graf Mirbach in Moskau. Берлин. 22 г.

Бубликов. Русская революція. Нью-Іорк. 18 г.

Будберг. Дневник. «Ар. Р. Рев.». XIII.

Булыгин. Попытки спасти Николая II и царскую семью. «Сегодня» (Рига), іюль 28 г.

Булыгин. The murder of the Romanovs. Лондон. 33 г.

Бунин. «Окаянные Дни». Соч. т. V. Берлин. 35 г.

Бурцев. «Истинные убійцы Николая II — Ленин и его товарищи». «Общее Дѣло», 21 г.

Бьюкенен. Моя миссія в Россіи, т. II. Берлин. 24 г.

Бьюкенен М. Крушеніе Великой Имперіи. Париж. 33 г.

Быков. Послѣдніе дни Романовых. Свердловск. 26 г.

Быков. Послѣдніе дни послѣдняго царя. В сбор. «Рабочая революція на Уралѣ» (переп. в «Ар. Р. Р.», XVI).

Бѣлая Книга. Le bolchevisme en Russie. Париж. 19 г.

Василевскій (Не Буква). Николай II. Берлин. 23 г.

Вильтон. Послѣдніе дни Романовых. Берлин. 23 г.

Виноградскій. Записка о Совѣтѣ Общ. Дѣятелей. «На чужой сторонѣ», № 9. Берлин-Прага.

Воейков. С Царем и без Царя. Гельсингфорс. 36 г.

Вознесенскій. Москва в 1917 г. М. 28 г.

Волков. Около Царской Семьи. Париж. 22 г.

Волконская. Воспоминанія б. голландскаго посланника в Россіи. «Возр.», 3 мая 40 г.

---

*) В спискѣ приводятся заглавія только тѣх книг и статей, которыя фактически цитируются в книгѣ. Одну оговорку приходится сдѣлать. Внѣшнія условія, при которых писалась работа во время войны, были крайне неблагопріятны. И неизбѣжно приходилось в процессѣ уже окончательной обработки текста иногда для цитат обращаться не к первоисточнику при пополненіи выписок, сдѣланных ранѣе. В библіографіи имѣются нѣкоторые дефекты. Исправить их автор не имѣл возможности за отсутствіем под руками источников, ибо половину своей библіотеки ему пришлось распродать в дни нѣмецкой оккупаціи Парижа и послѣдующаго за ней времени.

Волконскій. Мои воспоминанія. Мюнхен. 23 г.
Владимирова. Годъ службы соціалистовъ капиталистамъ. М. 27 г.
Вырубова. Странички изъ моей жизни. Берлинъ. 23 г.
Г. Б. Объ убійствѣ вел. кн. Мих. Ал. «Руль», 13 января 29 г.
Гельферихъ. Der Weltkrieg. Берлинъ. 19 г.
Гиппіусъ. Синяя книга. Петерб. дневникъ 14-18 г. Бѣлградъ. 29 г.
Гоппер. Четыре катастрофы. Рига.
Гофманъ. Der Krieg der versandten Gelegenheiten. Берлинъ.
Горнъ. Нѣмецкая оккупація въ Псковской губ. «Гол. Мин. на Чужой Сторонѣ», № 1. Парижъ. 26 г.
Государственное Совѣщаніе. (Архивъ Октябр. революціи). М. 27 г.
Гурко. Изъ Петрограда черезъ Москву, Парижъ и Лондонъ въ Одессу. «Арх. Рус. Рев.», XV.
Гурко, ген. Erinnerungen an den Krieg und Revolution. Берлинъ, 29 г.
Гусевъ. Гражданская война и Красная Армія. М. 25 г.
Гутманъ (Ганъ). Россія и большевики. Шанхай. 21 г.
Гутманъ (Ганъ). Пермское злодѣяніе. «Возр.», январь 32 г.
Гутманъ (Ганъ). Екатеринбургская трагедія. «Возр.», 3 ноября 31 г.
Демкинъ. Петерб. городская Дума и первые дни смуты. «Рус. Лѣт.», кн. 6.
Демьяновъ. Моя служба при Врем. Правительствѣ. «Арх. Рус. Рев.», IV
Демьяновъ. Эпизоды русской смуты. «Руль», мартъ 23 г.
Деникинъ. Очерки Русской смуты, тт. II и III. Париж. 22-24 гг.
Деникинъ. Объ исправленіяхъ исторіи (по поводу воспоминаній Гучкова). «Посл. Нов.», № 5712.
Дилль. В Екатеринбургѣ. «Ар. Рус. Рев», XVII.
Діонео. Роль Ллойд-Джорджа. «Посл. Нов.», 12 іюня 32 г.
Дитерихсъ. Убійство Царской Семьи. Владивостокъ, 22 г.
Дневникъ Мин. Ин. Д. за 15-16 гг. «Кр. Арх.», XXXI-XXXII.
Домергъ. La Russie Rouge. Париж. 18 г.
Дорошенко. Гетманство в 1918 г. на Украинѣ. «Голос Мин.» (Н. Ч. Сг.)» № 5.
Жильяръ. Имп. Николай II и его семья. Вѣна. 21 г.
Завадскій. На великомъ изломѣ. «Арх. Рус. Рев.», XI.
Заславскій-Канторовичъ. Хроника февральской революціи. Пет. 24 г.
Зензиновъ. Изъ жизни революціонера. Париж. 19 г.
Зетъ. Новыя данныя объ убійствѣ царской семьи. Статья Илліодора в нью-іоркской «Либерти», № 7. «Посл. Нов», 18 февр. 33 г.
Зиновьевъ. Сочиненія, т. VII.
Изъ писемъ Царской Семьи. «Рус. Лѣт.», т. I, 21 г.
Ильинъ (Женевскій). Большевики у власти. М. 29 г.
Казановичъ. Поѣздка изъ Добр. Арміи в «Красную Москву». «Арх. Р. Р.», VII.
Карабчевскій. Что глаза мои видѣли, т. II. Берлинъ. 21 г.
Кельсонъ. Милиція февральской революціи. «Былое», 29 г.
Керенскій (А. К.). Признанія (по поводу публикаціи «Кр. Арх.»). «Дни», 6 янв. 26 г.
Керенскій (докладъ). Гибель царской семьи. «Посл. Нов.», 10 февр. 36 г.
Керенскій. La Révolution Russe. Париж. 28 г.
Керенскій. La vérité sur le massacre des Romanoff. Париж. 36 г.
Керенскій. L'Experience Kerensky. Париж. 36 г.
Керенскій. Издалека. Сб. статей 1920-21 г. Париж. 22 г.
Керенскій. Отъѣздъ Николая II в Тобольскъ. «Воля Россіи», 28 авг. 21 г.
Керенскій. Еще объ отъѣздѣ Николая II в Тобольскъ. «Воля Россіи», 16 сент. 21 г.
Керенскій. Екатеринбургская трагедія. «Посл. Нов.», 17 іюля 32 г.
Керенскій (интервью). Судьба царской семьи. «П. Нов.», 16 іюля 36 г.
Керенскій. Дѣло Корнилова. Москва. 18 г.
Кобылинскій. Стенограмма допроса. «Ист. и Совр.», кн. 1-5. Рига 24 г.
Коковцевъ. Воспоминанія, т. II. Париж.
Коковцевъ. Было ли возможно спасти Государя и его семью. «Посл. Нов.», май 36 г.
Коковцевъ. La verité sur la tragédie à Ekaterinbourg. «Rev. de deux Mondes».
Кологривовъ. Арестъ Гос. Императрицы А. Ф. «Рус. Лѣт.», № 3.

Константинополь и проливы. Ред. Адамова. М. 26 г.
Коренев. Чрезвычайная Комиссія по дѣлам о б. министрах. «Арх. Р. Р.», VII.
Котляревскій. Записки о Нац. Центрѣ в Москвѣ в 18 г. «На Чужой Сторонѣ», VIII.
Крах германской оккупаціи на Украинѣ. М. 36 г.
Курлов. Гибель Императорской Россіи. Берлин. 23 г.
Лейхтенбергскій герц. Как началась Южная Армія. «Арх. Рус. Рев.», VIII.
Ленин. Сочиненія, т. XVI (первое изданіе).
Ллойд-Джордж. War memoirs. Лондон. 36 г.
Лукомскій. Воспоминанія. Берлин. 22 г.
Лукомскій (худ.). Au palais Alexandre après le départ du tzar. «Revue de deux Mondes». авг. 29 г.
Луначарскій. Революціонные силуэты. М. 24 г.
Маклаков. Préface aux interrogatoires par la Commission Extr. de 1917. Париж. 27 г.
Маклаков. Нѣкоторыя дополненія к воспоминаніям Пуришкевича и кн. Юсупова об убійствѣ Распутина. «Сов. Зап.», кн. 34.
Мартуліес. Год интервенціи. Берлин. 23 г.
Максаков и Турунов. Хроника гражданской войны в Сибири. М. 26 г.
Марков С. Отвѣт Маркову 2. Вѣна. 29 г.
Марков С. Покинутая Царская Семья. Вѣна. 26 г.
Марков Н. «Ловцы правды». «Истина спасенія царской семьи». «Вѣстн. В. Мон. Сов.», 9-22 іюня 24 г.
Мартынов. Царская армія в февральском переворотѣ. Лен. 27 г.
Мартынов. Корнилов. Москва. 27 г.
Мельгунов. Предисловіе к воспоминаніям Илліодора «Святой чорт». «Гол. Мин.», 17 г., № 3.
Мельгунов. Статья о Чрез. Слѣд. Ком. «Власть Народа», авг. 17 г.
Мельгунов. «Золотой ключ» к большевицкой революціи. Париж. 40 г.
Мельгунов. Пріоткрывающаяся завѣса. «Гол. Мин.» (На Ч. Ст.), I. 26 г.
Мельгунов. Чайковскій в годы гражданской войны. Париж. 29 г.
Мельгунов. Трагедія адм. Колчака. Бѣлград. 30 г.
Мельгунов. Красный террор в Россіи. 2-ое изд. Берлин. 24 г.
Мельник-Боткина. Воспоминанія о царской семьѣ. Бѣлград. 21 г.
Милюков. Исторія второй русской революціи, т. I. Софія 21 г.
Милюков. Мои объясненія. «Посл. Нов.», 17 іюня 32 г.
Милюков. Март-апрѣль 17 г. «Посл. Нов.», 12 іюня 32 г.
Милюков. Кто виноват (по поводу доклада гр. Коковцева). «Посл. Нов.», 26 янв. 36 г.
Милюков. Россія на переломѣ, т. I. Париж. 27 г.
Милюков. Мои сношенія с Алексѣевым. «Посл. Нов.», №№ 1211, 1214.
Мордвинов. Отрывки из воспоминаній. «Рус. Лѣт.», кн. 5.
Мосолов. Царь и его семья. «Посл. Нов» 31 г. (отдѣльное изданіе «При дворѣ Императора». Рига).
М. В. Как Арон Симанович хотѣл спасти Николая II. «Сегодня», 24 іюня 31 г.
Мстиславскій. Пять дней февральской революціи. Берлин. 22 г.
Мстиславскій. Гибель царизма. Лен. 27 г.
Мякотин. Великій переворот и задачи момента. М. 17 г.
Мякотин. Из недавняго прошлаго. «На чужой сторонѣ», X. Прага. 23 г.
Набоков В. Временное Правительство. «Арх. Рус. Рев.», кн. I.
Набоков. Испытанія дипломата. Стокгольм. 21 г.
Наживин. Записки о революціи. Вѣна. 21 г.
Нарышкина. Unter drei Zaren. Вѣна. Дополненіе в «Посл. Нов.» (май-іюнь 36 г.) к нѣмецкому изданію Фюллоп-Мюллера.
Неклюдов. Souvenirs diplomatiques. Париж. 40 г.
Никитин. Роковые годы. Париж. 37 г.
Николай Мих. (вел. кн.). Записки 16 г. «Кр. Арх.», 49 г.
Николай II (имп.). Дневник 1917-18 гг. «Кр. Арх.», XX-XXII, XXVII.
Ниссель. Le triomphe des bolchevics et la Paix de Brest-Litovsque., Париж. 40 г.
Нуланс. Mon ambassade en Russie soviétique. Париж. 33 г.

Оболенскій Д. Интервью с гр. Мирбахом в Москвѣ 1918 г. «Нов. Вр.», Бѣлград. 2 февр. 27 г.
Овсянников. ЦК РКП и Брест. «Современник», № 1, 22 г.
Паденіе царскаго режима. Стеногр. отч. допросов в Чр. Сл. Ком. тт. I-VII. М. 26 г.
Палеолог. La Russie des tzars, т. III. Париж. 22 г.
Палеолог. Рѣчь в засѣданіи Франц. Института. «Возр..», 26 окт. 35 г.
Палѣй. Souvenirs de la Russie. Париж. 33 г.
Панкратов. С Царем в Тобольскѣ. Изд. «Былое», 25 г.
Переписка Ник. Ал. и Ал. Фед. С предисловіем Покровскаго, тт. III-V. М. 25 г.
Перетц. В цитадели русской революціи. Пет. 17 г.
Пишон. Союзническая интервенція в Сибири. М. 25 г.
Подшивалов. Гражданская война на Уралѣ 1917-18 гг. М. 25 г.
Покровскій. Октябрьская революція и Антанта. Доклад 7 октября. «Правда» № 235. 27 г.
Половцев. Дни затменія. Париж. 27 г.
Полнер. Жизненный путь кн. Львова. Париж. 32 г.
Пронин. Послѣдніе дни царской Ставки. Бѣлград. 30 г.
Попов (ред.). Иностранные дипломаты о русской революціи 1917 г. «Кр. Арх.», XXIV.
Протоколы Ц. К. РСДРП. М. 29 г.
Протоколы засѣданія Исп. Ком. Петр. Сов. Р. и С. Д. «Прол. Лѣт.», 1925, № 6.
Протоколы комитета больш. партіи. «Кр. Лѣт.», 6.
Протопопов. Из дневника 17 г. «Кр. Арх.», X.
Путятина гр. Воспоминанія о вел. кн. Мих. Алек. «Revue de deux Mondes», 25 г.
Пэрс. Предисловіе к книгѣ Керенскаго «La Vérité».
Рабочее движеніе. Арх. окт. революціи. 26 г.
Разложеніе арміи. 1917 г. в документах. Сост. Какурин. 1925 г.
Рафес. Два года революціи на Украинѣ. М. 21 г.
Рехберг. Письмо в Журналь де Деба. «Посл. Нов.», 1 апр. 29 г.
Родзянко. Крушеніе Имперіи. «Арх. Рус. Рев.», XVII.
Родзянко. Гос. Дума и февральская революція. «Арх. Рус. Рев.». VI.
Романов. Имп. Николай II и его правительство по данным Чр. Сл. Ком. «Рус. Лѣт.», кн. 2.
Романовы и союзники в первые дни революціи. «Кр. Арх.», XVI.
Романовы в первые дни революціи (письма кн. Палѣй вел. кн. Павла и Кирилла). «Кр. Арх.», XXIV.
Рорбах. Die Deutsche Politik. Берлин. 18 г.
Революція 1917 г. Хроника событій тт. I-IV. 23 г.
Руднев. Правда о царской семьѣ. «Рус. Лѣт.», кн. 3.
Руднев. При вечерних огнях. Харбин. 28 г.
Савинков. В военном министерствѣ. «За Свободу». Варшава.
Садуль. La Russie de Brest-Litovsk. «Евр». 10 марта 36 г.
Садуль. Notes sur la révolution bolchevique. Париж.
Сватиков. Доклад Врем. Прав. о борьбѣ с революціей. «Кр. Арх.», XX.
Селивачев. Из дневника 1917 г. «Кр. Арх.», X.
Семенников. Монархія перед крушеніем. М. 26 г.
Семенников. Политика Романовых наканунѣ революціи. М. 26 г.
Семенников. Архив Бадмаева. За кулисами царизма. М. 25 г.
Семеновскій. «Попытки спасти Романовых» (по донесеніям германскаго дипломата). «Возр.», 15 іюля 35 г.
Симанскій. Воспоминанія в варшавской «За Свободу».
Смирнов. Autour de l'assassinat des Grands Ducs. Париж. 28 г.
Совѣщаніе Совѣтов. 1917 г. по документам. М. 28 г.
Соколов. К попыткѣ освобожденія царской семьи. «Арх. Рус. Рев.», XVII.
Соколов Н. Убійство царской семьи. Берлин. 25 г.
Соколов. Enquête judicière sur l'assassinat de la Famille Impériale Russe. Париж. 29 г.
Соломон. Среди красных вождей. Париж. 30 г.

Сперанскій. La maison à destination spéciale. Париж. 29 г. «Сегодня», январь 26 г.
Сталин. Статьи и рѣчи. М. 18 г.
Станкевич. Воспоминанія. Берлин. 22 г.
Степанова. Нѣмцы в Москвѣ. «Гол. Мин.» (На Ч. С.). № 1. Париж. 26 г.
Сторожев. Февральская революція 1917 г. «Науч. Изв.», 21 г.
Сторожев. «Революція и дипломатія». «Дѣла и Дни», 21 г. и «Nachschaublatt über Ostfragen» Nr. 42.
Стремоухов. Имп. Николай II и русское общество в освѣщеніи иностранцев. «Рус. Лѣт.», VII.
Ступченко. В брестскіе дни. М. 26 г.
Суханов. Записки о революціи. Кн. I-III. Берлин-Москва. 22 г.
Сухомлинов. Воспоминанія. Берлин. 24 г.
Терещенко. Екатеринбургская трагедія. «Посл. Нов.», 21 іюня 32 г.
Тихменев. Из воспоминаній о послѣдних днях пребыванія имп. Николая II в Ставкѣ. Ницца. 25 г.
Толстая. Из писем царской семьи. «Рус. Лѣт.», кн. I.
Троцкій. Исторія русской революціи. Берлин. 31 г.
Троцкій. О Ленинѣ. М. 24 г.
Трубецкой А. Исторія одной попытки. «Часовой», №№ 118-120. Брюссель. 34 г.
Тулуюнскій. Убійство еп. Гермогена. «Слово», 23 дек. 26 г.
Н. Устрялов. Воспоминанія. Альманах «Русской Жизни». Харбин. 23 г.
Февральская революція 1917 г. Документы Ставки. «Кр. Арх.», XXI-XXII.
Фокке. На сценѣ и за кулисами Брестской трагедіи. «Арх. Рус. Рев.», XX.
Флуг. Отчет о командировкѣ из Добр. Арміи в Сибирь в 1918 г. «Арх. Рус. Рев.», IX.
Цявловскій. Большевики по данным Охраннаго Отдѣленія. М. 18 г.
Чаадаева. Помѣщики и их организація. М. 28 г.
Чебышев. Близкая Даль. Париж. 38 г.
Чернов. Рожденіе революціонной Россіи. Париж. 34 г.
Шингарев. Как это было. Пет. 18 г.
Шляпников. Семнадцатый год. М. 23 г.
Шнейдер. Тобольскій дневник. «Арх. Рус. Рев.», XVII.
Шульгин. Дни. Бѣлград. 25 г.
Л. Юрковскій. Конец истребителя династіи. «Нов. Рус. Сл.», февр. 50 г.
Яблоновскій. «Встрѣчи с вел. кн. Мих. Алекс.». «Голос Минув.» (На Ч. Ст.), № 1, 26 г.
Ягов. Документы из прусскаго архива Мин. Ин. Д. «Berl. Monatshefte», май 35 г.
Якобій. Le Tzar Nicolas II et la Révolution. Париж. 31 г.
Яковлев (ред.). Обзор положенія Россіи за три мѣсяца революціи. Отдѣл сношеній с провинціей Вр. Ком. Гос. Думы. «Кр. Арх.», XV.
Яковлев. Разсказ комиссара о переѣздѣ Государя в Екатеринбург. «Рус. Лѣт.», кн. 1. Париж. 21 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧАСТЬ I.

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЦАРЬ.

Стр.

От автора 7

Глава первая. — АРЕСТ ЦАРЯ 13

1. Настроенье в столицѣ
2. Николай II в Могилевѣ
3. Постановленіе об арестѣ
4. Арест Императрицы
5. «Секретная миссія» в Ставку

Глава вторая. — «АНГЛІЙСКІЙ МИРАЖ» 41

1. Рейс Мстиславскаго
2. Инициатива Правительства

Глава третья. — «РЕВОЛЮЦІОННОЕ ПРАВОСУДІЕ» ... 59

1. Общество и народ
2. В позолоченной клѣткѣ

Глава четвертая. — МУРАВЬЕВСКАЯ КОМИССІЯ 95

1. Двойственность задач
2. Историческое разслѣдованіе
3. «Криминализація» преступленій
4. Революціонная тюрьма
5. Дѣло об «измѣнѣ».

Глава пятая. — ВМѢСТО АНГЛІИ — ТОБОЛЬСК 162

1. Ставка Ллойд Джорджа
2. Ссылка или убѣжище?
3. Случайность ли?
4. Отъѣзд
5. «Заговор» монархистов

Глава шестая. — В ТОБОЛЬСКѢ 211

Заключеніе 232

ЧАСТЬ II.

ТРАГИЧЕСКІЙ КОНЕЦ

Стр.

Глава первая. — ПОКИНУТАЯ СЕМЬЯ 237

1. В первые мѣсяцы большевицкой власти
2. Большевики в Тобольскѣ

Глава вторая. — ТЮМЕНЬСКАЯ ЗАСТАВА 247

1. Освободители царской семьи
2. Зять Распутина

Глава третья. — ТАИНСТВЕННАЯ МИССІЯ 276

1. Увоз Царя
2. Рожденіе легенды
3. Чрезвычайный комиссар
4. Яковлев и Соловьев
5. По дорогѣ в Екатеринбург
6. Судьба Яковлева

Глава четвертая. — ЗАКУЛИСНЫЕ ДИРИЖЕРЫ 297

1. В преддверіи германской оріентаціи
2. «Пахабный мир»
3. Миссія гр. Мирбаха
4. Русскіе «германофилы» и их нѣмецкіе партнеры
5. Нѣмцы на распутьѣ

Глава пятая. — КРИЗИС БОЛЬШЕВИЗМА 345

Глава шестая. — ЕКАТЕРИНБУРГСКІЙ ЭТАП 354

1. Заговорщики
2. В «Домѣ особаго назначенія»

Глава седьмая. — УБІЙЦЫ 380

1. Ночь ужаса
2. Пермское злодѣяніе
3. Московская директива
4. Оживленіе мертвецов

Литература 415

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА

(изданныя в эмиграціи)

1. **Дѣла и люди александровскаго времени (1923 г.)** *Распр.*
2. **«Красный террор» в Россіи. Изд. 2-ое (1924 г.)** *Распр.*
3. **Гражданская война в освѣщеніи Милюкова (1929 г.)**
4. **В годы гражданской войны (Чайковскій) (1929 г.)**
5. **Трагедія адмирала Колчака (1930-31 г. г.)** *Распр.*
   I. Восточный фронт гражданской войны.
   II. В преддверіи диктатуры.
   III. «Конституціонная диктатура».
   VI. Катастрофа.
6. **На путях к дворцовому перевороту (1931 г.)** *Распр.*
7. **«Россійская контр-революція» (методы и выводы ген. Головина) (1938 г.)** *Распр.*
8. **«Золотой нѣмецкій ключ» к большевицкой революціи (1940 г.)** *Распр.*
9. **Как большевики захватили власть. Октябрьскій переворот 1917г.**
   Часть I. Свержені Временнаго Правительства
   (выходит в изд. «Посѣв»).

Impr. de Navarre. 11. rue des Cordelières Paris